Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1886

5.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1886.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1886.

2.

Въ 1886 году „Русскій Архивъ“ выходитъ 12 разъ въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ отдѣльную книгу, съ особымъ счетомъ страницъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

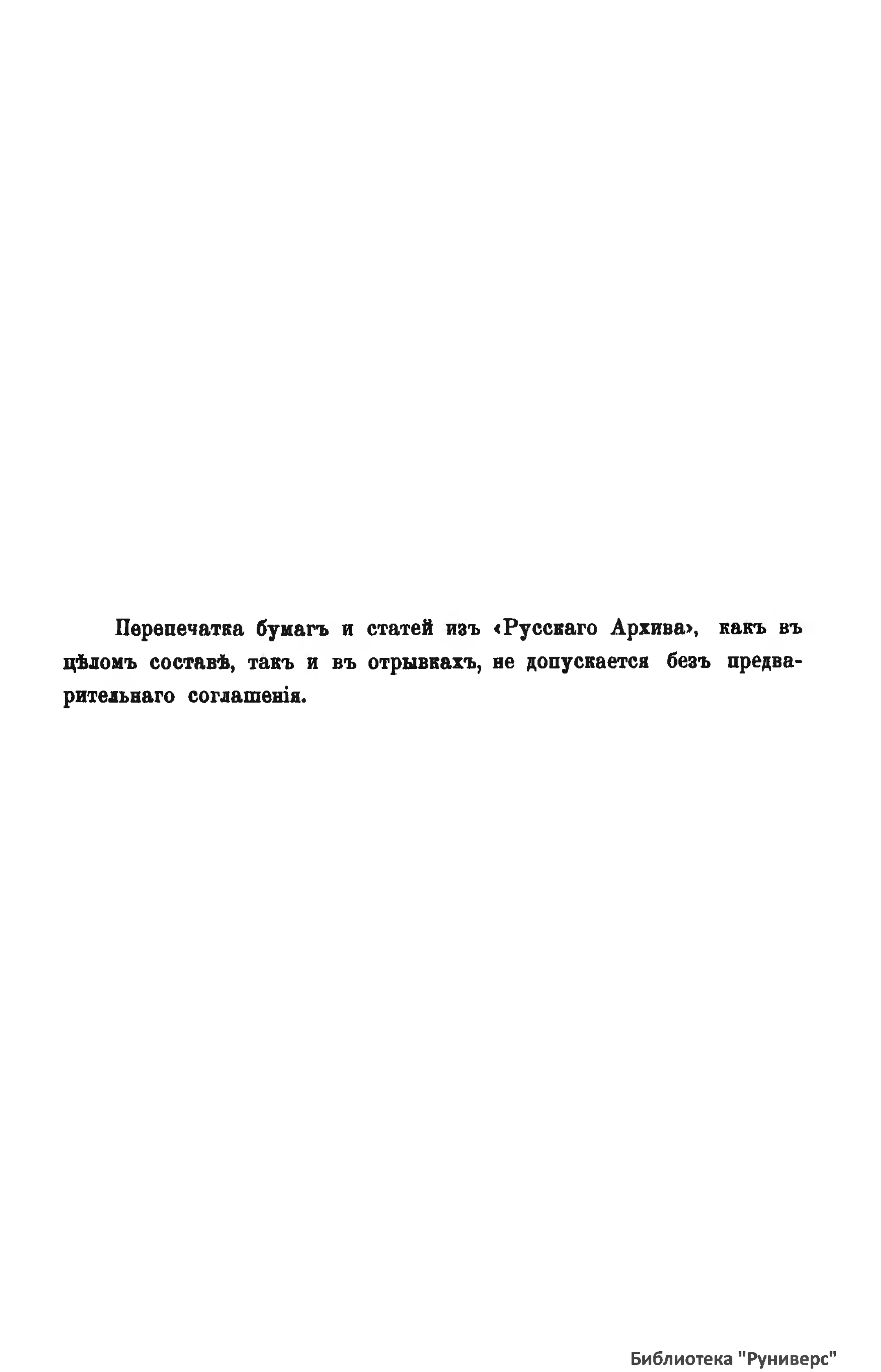
ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

1886.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ).
на Страстномъ бульварѣ.
1886.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА.

1817 годъ *).

Наконецъ, мы тронулись въ обратный путь изъ проклятой Персіи 29-го Августа въ полдень. Мы увезли изъ Султаніи двухъ Русскихъ бѣглыхъ, которые уже лѣтъ десять жили у Персіянъ, одѣли ихъ въ Русскіе мундиры; они пять дней жили у насъ скрытнымъ образомъ въ Султанійскомъ лагерѣ.

9-го Сентября мы прибыли въ Тавризъ. Посолъ былъ встрѣченъ, не доѣзжая 6 верстъ города, Ибрагимъ-ханомъ, начальствующимъ всѣмъ иррегулярнымъ войскомъ въ Тавризѣ, а послѣ Англичанами. Отъ сихъ послѣднихъ я узналъ, что во время нашего пребыванія въ Султаніи пріѣхало много Итальянскихъ и Французскихъ офицеровъ, но что они съ ними никакой связи не имѣютъ, что имъ препоручены особыя войска и что наканунѣ командировано нѣсколько изъ нихъ съ отрядомъ для усмиренія одного взбунтовавшагося Курдскаго племени. Самозванецъ докторъ Лафосъ, котораго мы въ Эривани видѣли, также сюда прибылъ. Англичане взяли подписку съ него, что онъ не будетъ мѣшаться ни въ какія распоряженія по военнымъ дѣламъ, и онъ на сихъ условіяхъ находится лейбъ-докторомъ Абазъ-мирзы. Въ городъ мы въѣхали при пушечной пальбѣ. Лачиновъ, который впередъ ѣздилъ для занятія квартиръ, встрѣтилъ насъ и донесъ объ одномъ весьма непріятномъ приключеніи.

---

*) См. выше, стр. 445.

Уже восемь мѣсяцевъ какъ въ Тавризъ пріѣхалъ Французъ Маршеръ, который выдаетъ себя за полковника и ходитъ въ гусарскомъ мундирѣ; онъ изъ числа бѣжавшихъ послѣ сраженія подъ Ватерлоо. Человѣкъ сей въ короткое время успѣлъ получить довѣренность Абазъ-мирзы и поссориться съ Англичанами; онъ учитъ здѣсь войска, получая хорошее жалованье и имѣетъ хорошую квартиру, дѣвку и переводчика. (Переводчикъ сей, Карабагскій Армянинъ, былъ увезенъ въ молодости и проданъ въ Египтѣ, гдѣ поступилъ въ мамелюки и, уѣхавъ оттуда съ Наполеономъ, вступилъ во Французскую службу и выдаетъ себя за офицера; онъ былъ у князя Мадатова въ Парижѣ и просилъ его, чтобы онъ его взялъ съ собою въ Карабагъ, но тотъ, не знаю по какимъ причинамъ, отказалъ ему). Маршеръ находился въ числѣ командированныхъ наканунѣ съ отрядомъ. Онъ оставлялъ квартиру свою, которую для меня назначили. Тутъ же была еще комната, назначенная для священника и капельмейстера нашего. Маршеръ еще не вынесъ всѣхъ своихъ вещей, а капельмейстеръ Парижскій сталъ вносить свои, за что самозванецъ-полковникъ, выхватя саблю, ударилъ несчастнаго Парижскаго два раза плашмя. Тутъ было много солдатъ нашихъ свидѣтелями, но ни который не тронулся, боясь отвѣтственности. Парижскій тоже сдѣлалъ и отретировался; Французъ же, разругавъ его, ушелъ со двора.

Вскорѣ послѣ сего приключенія и мы прибыли, остановили переводчика-мамелюка и вещи Маршера, у мамелюка взяли насильно саблю и объявили ему, что мы его до тѣхъ поръ кормить не будемъ, пока Маршеръ не придетъ. Видя, что мы не шутимъ, онъ началъ ругать Маршера, называя его трусомъ, подлецомъ и говоря, что ему неизвѣстно, на какихъ онъ правахъ полковникъ и что ему уже давно жалованья не заплочено отъ него. Посолъ, узнавши о семъ, весьма разсердился на Парижскаго за то, что онъ не велѣлъ прибить Француза на мѣстѣ и прислалъ на мою квартиру полицеймейстера съ четырмя гренадерами, дабы связать его и привезти къ нему. Абазъ-мирза, также узнавъ о томъ, прислалъ просить посла, чтобы его не трогали. Онъ самъ хотѣлъ наказать его и уже выслалъ его изъ города. Мы отпустили переводчика и всѣ вещи Маршера.

Генералъ приказалъ мнѣ, въ случаѣ если Маршеръ придетъ ко мнѣ, приказать людямъ своимъ поколотить его и выпроводить на улицу. Я его долго дожидался, наконецъ легъ отдохнуть, какъ вдругъ является онъ въ красномъ гусарскомъ мундирѣ, подошелъ къ моей постелѣ и говоритъ: Bonjour, m-r; je croyais que c'était d'autres officiers qui logeaient chez moi.—*Я*: Est-ce vous, monsieur, qui avez fait du désordre à mon logement?—*Онъ*: Oui, m-r, c'est moi.—*Я*: Vous

vous êtes avisé de taper un de mes gens?—*Онъ*: Oui, je l'ai fait *). Онъ говорилъ очень дерзко и громко. Связаться въ поединокъ съ бѣглой канальей постыдно было для Русскаго офицера; я думалъ, какъ бы исполнить приказаніе посла, такъ чтобы онъ не успѣлъ сабли своей вынуть и, кликнувъ людей, схватилъ его за саблю, которую уже онъ до половины вынулъ. Отнявъ ее, люди держали его, и Парижскій, прибѣжавъ, ударилъ его въ рожу. Маршеръ испугался, ни слова не произнесъ; его растянули и отодрали нагайками; послѣ я велѣлъ его съ крыльца столкнуть. Онъ хотѣлъ еще говорить. Я велѣлъ его вытолкать, и онъ на дворѣ вступилъ въ кулачный бой съ людьми; когда же онъ замѣтилъ, что готовились крутѣйшія средства, то онъ рѣшился удалиться, что̀ онъ сдѣлалъ такъ проворно, что потерялъ туфли, въ которыхъ онъ ко мнѣ пришелъ. Я отнесъ саблю его къ послу, который послалъ меня представить оную къ шахъ-задѣ и объявить ему, что какъ его Абазъ-мирза не наказалъ самъ, то наказали его наши солдаты, отъ которыхъ онъ, будучи въ дракѣ, пострадалъ. Абазъ-мирза былъ тогда въ гаремѣ и приказалъ мнѣ сказать, что какъ Маршеръ его уже два раза ослушался, не выѣзжая изъ города, и обидѣлъ гостей его, то онъ его выключаетъ изъ своей службы и не принимаетъ сабли его, и что онъ изъ города уже высланъ.

Въ вечеру, когда мы лежали въ постелѣ, Бабарыкинъ не оправдывалъ моего поступка. Я думалъ о семъ и нашелъ, что точно можно назвать поступокъ сей нехорошимъ; но сіе не есть угрызеніе совѣсти, а непривычка къ обращенію съ подлыми и дерзкими людьми. Пристало ли бы мнѣ стрѣляться съ бѣглымъ обезчещеннымъ человѣкомъ, продающимъ услуги свои и жизнь за деньги гнусному государю, съ человѣкомъ не имѣющимъ ни отчизны, ни вѣры, ни законовъ? Не осрамился ли бы я тогда? А сожалѣніе? Можное ли оное имѣть къ человѣку, разграбившему наше отечество и, опять, отказавшемуся отъ своего? Генералъ и всѣ товарищи хвалятъ мой поступокъ; но я бы и тѣмъ не былъ доволенъ, еслибъ самъ не хвалилъ его. Не прощу однакоже себѣ, что въ горячности я его самъ ударилъ въ щеку; сего бы дѣлать мнѣ не слѣдовало, а наказать вдвое строже не мѣшало бы.

10-го посолъ былъ на аудіенціи у Абазъ-мирзы. Я съ нимъ ходилъ. Абазъ-Мирза принялъ насъ въ комнатѣ и посадилъ посла; но онъ такъ смѣшался, что долго не могъ ни слова выговорить: онъ ожидалъ, что посолъ грянетъ за прежній пріемъ; но ласковое обхожденіе посла, котораго онъ не ожидалъ, успокоило его. Шахъ-зады сталъ

---

*) Добрый день, милостивый государь; я думалъ, что у меня помѣстились другіе офицеры.—*Я*: Вы ли, м. г., надѣлали безпорядку въ помѣщеніи моемъ?—*Онъ*: Да, это я.—*Я*: Вы вздумали бить одного изъ моихъ людей?—*Онъ*: Да, я это сдѣлалъ.

извиняться; но посолъ сказалъ ему, что шахъ помирилъ его съ мирзой-Бюзюргомъ, почему онъ все забылъ и проситъ Абазъ-Мирзу не упоминать ни слова больше о прошедшемъ. На посольскомъ дворѣ нашемъ, гдѣ играла музыка, поймано шесть скорпіоновъ.

11-го обѣдали у насъ Англичане. Я узналъ отъ нихъ, что Маршеръ, наканунѣ горестнаго своего приключенія, былъ командированъ съ отрядомъ пѣхоты для усмиренія взбунтовавшагося Курдскаго племени (Курды сіи дѣлаютъ набѣги до самаго Тавриза); но онъ, торговавшись о цѣнѣ съ Абазъ-мирзой, запросилъ слишкомъ много, а какъ Англійскій маіоръ Макинтошъ согласился за сходнѣйшую цѣну, то первому отказали. По происшествію, съ нимъ случившемуся, шахъ-зады отказалъ ему отъ своей службы, и сегодня по утру онъ отправляется въ Александретту, въ Египетъ, съ другимъ Французскимъ офицеромъ. Что̀ онъ тамъ дѣлать будетъ? Богъ знаетъ. Полагаютъ, что пустится съ мамелюками въ грабежъ. Онъ точно не полковникъ, а занявъ другое имя, выдавалъ себя за адъютанта Наполеона. Англичане чрезвычайно рады сему приключенію, ибо онъ уже шибко началъ подвигаться въ мнѣніи Абазъ-мирзы.

11-го по утру посолъ подносилъ государевы подарки шахъ-задѣ, который былъ имъ очень радъ. Онъ взялъ ружье и кинжалъ, а про прочее (фарфоръ и стекло) онъ сказалъ, что долженъ будетъ послать все сіе къ своему отцу Фатей-Али-шаху.

12-го посолъ ходилъ къ Абазъ-мирзѣ, дабы кончить дѣла. Между прочимъ онъ требовалъ обратно тѣхъ изъ Русскихъ бѣглыхъ, которые пожелаютъ возвратиться. На это Абазъ согласился и назвалъ одного хана, живущаго въ Кизлярѣ, отъ котораго также по разнымъ письмамъ извѣстно, что хочетъ возвратиться. Посолъ обѣщался отослать его по возвращеніи своемъ. Шахъ-зады продолжалъ, что такъ какъ намъ непріятно видѣть нашихъ солдатъ, служащихъ у нихъ, такъ и имъ непріятно видѣть, что мы владѣемъ областями имъ принадлежащими (онъ подразумѣвалъ Карабагъ и Ширванъ). Посолъ ему отвѣчалъ, что шахъ предпочелъ дружбу нашего Государя симъ владѣніямъ, что̀ онъ знаетъ письменно и изустно отъ его величества; впрочемъ, что области сіи не принадлежатъ Персіи, а что онѣ, равно какъ и Адербайджанъ, были всегда игралищемъ оружія; что онъ не поручится, чтобы когда-нибудь и Адербайджанъ съ Тавризомъ не перешелъ въ другія руки. «Онъ принадлежалъ Туркамъ, и потому ваше высочество не на своей землѣ сидите. Я имѣю извѣстія по письмамъ, что ханы ваши, управляющіе завоеванными областями, желаютъ возвратиться подъ мое управленіе; правленіе ваше чрезвычайно отяготительно».—«Вы продаете людей, разлучая ихъ отъ семействъ».—«Ручаетесь ли ваше

высочество, чтобы между вашими подвластными не были бездѣльники? Они вездѣ есть, а народъ къ намъ привязанъ, права его защищены, имущества и честь каждой особы ограждены законами. Справедливо, что людей прежде такимъ образомъ продавали, но въ царствованіе Александра сего не дѣлаютъ больше, ихъ продаютъ семьями и съ землей; правленіе наше, ваше высочество, если не лучше, ничѣмъ не хуже вашего; у васъ никто собственности не имѣетъ, никто ни въ чемъ не увѣренъ, имущество и честь гражданъ вашихъ не защищены законами. Прошу ваше высочество не гнѣваться на меня. Вы меня вынудили вамъ правду сказать, я же привыкъ съ своимъ Государемъ свободно говорить, тѣмъ болѣе съ вами».

Тутъ Абазъ-мирза сталъ скромнѣе. Могу ли я надѣяться на милости вашего Государя? спросилъ онъ (подразумѣвая помощь противъ брата его Мехмедъ-Али-мирзы послѣ смерти шаха). Посолъ отвѣчалъ ему:—Я не знаю намѣреній вашего высочества и не смѣю проницать оныхъ; но за то могу ручаться вамъ, что если они будутъ въ пользу обѣихъ державъ, то вы получите помощь Государя.

Баталіонъ Русскихъ бѣглыхъ усланъ съ девятью другими подъ командою Англійскаго маіора Макинтоша для усмиренія бунтующихъ Курдовъ. Говорятъ, что мехмендарь нашъ Аскеръ-ханъ будетъ начальствовать всей экспедиціей.

Вчерась (12-го) спрыгнулъ къ нашимъ солдатамъ, живущимъ въ караванъ-сараѣ, одинъ несчастный Русскій, который на штурмѣ Эривани при графѣ Гудовичѣ оставленъ былъ за убитаго; его Персіяне вылѣчили и заставили служить у себя. Его стерегли три сарбаза на террасѣ сего караванъ-сарая; онъ подпоилъ ихъ и, спрыгнувъ на дворъ, бросился къ нашимъ и сказалъ, что посолъ властенъ его убить, но что онъ болѣе не возвратиться къ Персіянамъ. Онъ ушибъ себѣ только нѣсколько руку, при отчаянномъ скачкѣ. Посолъ велѣлъ его принять.

Ввечеру Петръ НиколаевичъЕрмоловъ, Мазаровичъ, Рикардъ, Коцебу и я были у господина Виллока на обѣдѣ. Мы провели время довольно пріятно, разговаривали открыто съ Англичанами, и они признались намъ, что надуваютъ Персіянъ ради денегъ. Пито было славное шампанское и мадера. Англичане здѣсь живутъ очень хорошо и завелись хозяйствомъ; столъ у нихъ Англійскій; вина хорошія и чистота, отличающая всегда ихъ соотечественниковъ. Во время обѣда разговоръ былъ очень любопытный. Англичане не могутъ видѣть хладнокровно, что въ теперешнихъ переговорахъ между Россіею и Персіею они совершенно были отдалены и не призваны въ посредство, такъ какъ сдѣлалъ сіе весьма неловко генералъ Ртищевъ въ 1813 году.

На счетъ Персіи они отзывались не весьма лестно, хотя во время обѣда докторъ Кампбель много увѣрялъ насъ о учености и просвѣщеніи Персіянъ. Кампбель хитрѣе всѣхъ изъ Англичанъ, живущихъ въ Персіи. Прочіе же, кромѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ срока, положеннаго прожить имъ здѣсь, чтобъ возвратиться въ Индію или въ Англію. Они, кажется, не очень довольны Абазъ-мирзой, который не столько ослѣпленъ ихъ достоинствами какъ прежде, и который вопреки ихъ желаніямъ принимаетъ къ себѣ Французскихъ бѣглыхъ офицеровъ, явныхъ непріятелей Англичанъ. Докторъ Кормикъ отзывался о шахѣ какъ о человѣкѣ думающемъ только спокойно кончить свое царствованіе и занимающемся только въ сералѣ. Онъ говорилъ, что сарбазы единственно приготовляются для войны, неминуемой по смерти шаховой между его наслѣдниками. Кормикъ, который, какъ докторъ, имѣетъ входъ въ сераль, говорилъ про оный, что жены всегда во враждѣ между собою. Онѣ всегда имѣютъ предлогъ болѣзни, чтобъ получить позволеніе пить водку и вино; часто въ сералѣ бываютъ ссоры и драки и когда мужъ явится разнимать сражающихся, то всѣ на него нападаютъ, и часто онъ возвращается съ побоями или съ исцарапаннымъ лицомъ. Сіе даже случается въ гаремахъ шахъ-задовъ и самого шаха. Евнухи въ большемъ почтеніи; они имѣютъ право наказывать женщинъ и обходятся съ ними строго; но такъ какъ всякая жена получаетъ деньги, какъ отъ мужа, такъ и отъ родныхъ своихъ, то евнухи почти всегда ими закуплены.

15-го поутру посолъ былъ званъ Абазъ-мирзой въ садъ, я съ нимъ туда ѣздилъ. Шахъ-зады былъ одѣтъ весьма просто и гулялъ по саду; онъ принялъ насъ весьма вѣжливо и разговаривалъ съ посломъ о деревьяхъ своихъ и о занятіяхъ своихъ въ саду, прохаживался по оному съ нами, показалъ намъ новый бассейнъ имъ сдѣланный. Должно признаться, что бассейнъ сей необыкновенной величины и красоты. Сердарь Эриванскій тутъ же былъ. Абазъ-мирза повелъ посла и двухъ совѣтниковъ въ бесѣдку, гдѣ онъ ихъ угощалъ, а насъ препоручилъ сердарю, который угощалъ насъ подъ деревьями. Старикъ, желая показать намъ свое искусство, велѣлъ бросить три яблока въ бассейнъ и выстрѣлилъ три раза изъ ружья по нимъ пулями: всѣ три яблока были разбиты по поламъ.

15-го ввечеру обѣдали у насъ Англичане для дня коронаціи. Весь дворъ нашъ былъ иллюминованъ, и пущены были ракеты и фонтаны, присланные намъ Абазъ-мирзой. Музыка играла весь вечеръ, обѣдъ былъ славный, и Англичане наши были въ восхищеніи. Изъ словъ капитана Гарта я догадываюсь, что батальонъ нашихъ Русскихъ бѣглыхъ не усланъ противъ мятежниковъ, какъ намъ Персіяне ска-

зали, но что его здѣсь скрыли и заперли въ казармы. Англичане сіи получаютъ жалованья отъ шахъ-зады до 15000 рублей ассигнаціями каждый; кромѣ того каждому изъ нихъ подаренъ домъ, дана услуга, дѣвки и проч. Сверхъ сего они получаютъ такое же почти жалованье отъ своего правительства. Они опять сказали мнѣ, что, набравши порядочно денегъ отъ Персіянъ, они воротятся въ Англію. Капитанъ Гартъ получилъ повелѣніе отъ Абазъ-мирзы сдѣлать 16-го числа ученіе одному баталіону для насъ. Саргангъ (полковникъ Персидскій), который къ нему приходилъ съ докладомъ, повинуется ему какъ слуга, и Гартъ мнѣ сказалъ, что онъ можетъ приказать его сейчасъ разложить и 500 палокъ ввалить. Можетъ ли что-нибудь порядочнаго изъ сарбазовъ произойти, когда штабъ-офицеры не имѣютъ понятія о чести?

Генералъ ѣздилъ на прощальную аудіенцію къ Абазъ-мирзѣ. Петръ Николаевичъ не ходилъ къ нему. Шахъ-зады послалъ за нимъ и, поговоривъ съ нимъ весьма ласково, снялъ съ руки бирюзовый перстень и подарилъ ему оный въ знакъ памяти. Мы всѣ получили въ подарокъ по старой дурной шали; послу досталось нѣсколько хорошихъ. Ввечеру Алексѣй Петровичъ объявилъ мнѣ, что я останусь въ Тавризѣ съ полковникомъ Ивановымъ, дабы допросить баталіонъ Русскихъ бѣглыхъ, желаетъ ли кто изъ нихъ воротиться въ Россію: отобравъ охотниковъ, мы должны были везти ихъ черезъ Карабагъ въ Тифлисъ. Для сего написанъ былъ манефестъ посломъ. Ивановъ уже получилъ бумаги и деньги. При насъ остаются два гренадера и два казака.

Послѣдніе три дня пребыванія нашего въ Тавризѣ мучили Алексѣя Петровича, дабы онъ призналъ Абазъ-мирзу наслѣдникомъ престола. Ему показывали одну бумагу Ртищева, въ которой онъ такъ названъ. Послу надлежало найти предлогъ, по которому бы онъ въ правѣ былъ отказать ему сіе имя, и онъ избралъ слѣдующій: шахъ-зады не поступилъ какъ союзникъ съ нами, уславъ баталіонъ къ нашему пріѣзду въ Тавризъ (баталіонъ не былъ усланъ противъ мятежниковъ, а только выведенъ изъ города); шесть человѣкъ бѣглыхъ Русскихъ возвратились къ намъ, а на оставшихся въ городѣ надѣли колодки; мы все время нашего пребыванія въ Тавризѣ содержались подъ сильнымъ карауломъ какъ плѣнные. И такъ посолъ много бранилъ каймакама мирзу-Бюзюрга за то, и показывалъ большое уваженіе къ Абазъ-мирзѣ, не обѣщая однакоже ничего.

20-го числа назначенъ былъ день для выѣзда посольства изъ Тавриза. Всячески старались задержать посла до слѣдующаго дня, но онъ велѣлъ вьюкамъ отправиться, а самъ пошелъ прощаться съ мирзой-Бюзюргомъ. Онъ у него сидѣлъ часа четыре. Видя плутов-

ство его, ложъ и обманъ, онъ прислалъ сказать Иванову, чтобы мы отправлялись съ посольствомъ и утвердительно сказалъ каймакаму, что, видя его подлое поведеніе, онъ ни подъ какимъ видомъ не оставитъ ни одного изъ насъ въ Тавризѣ. Тотъ его всячески упрашивалъ, но добылъ только однихъ руганій. Наконецъ мирза-Бюзюргъ, видя, что дѣлать нечего, послалъ о томъ докладывать шахъ - задѣ. Между тѣмъ Алексѣй Петровичъ сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Каймакамъ возвратясь крайне испугался и удивился случившемуся; онъ призвалъ Иванова, который еще оставался въ городѣ и просилъ его допросить 40 человѣкъ Русскихъ, которые оставались закованными. Ивановъ о плутовствѣ догадался: къ нему бы привели ихъ пьяныхъ, подкупленныхъ, и онъ былъ бы принужденъ подписать имъ бумагу, въ которой означено было бъ, что наши плѣнные не хотятъ возвратиться. Онъ сказалъ каймакаму, что, не получивъ на то повеленія отъ г. посла, онъ не въ правѣ сего сдѣлать. Каймакамъ просилъ его наконецъ повременить только одинъ часъ, но Ивановъ поклонился ему и уѣхалъ.

Такимъ образомъ оставили мы проклятый городъ сей, въ которомъ жили 12 дней. Посолъ, выѣзжая изъ онаго, поклялся раззорить его и не оставить камня на камнѣ.

Хотя и очень грустно было бы мнѣ въ Тавризѣ оставаться, но я радъ былъ сему случаю. Живучи съ Ивановымъ, могъ бы я съ нимъ короче познакомиться и разувѣрить его въ дурномъ мнѣніи обо мнѣ и моихъ расположеніяхъ къ нему, о чемъ гнусный Коцебу весьма старается. Я Иванову сообщилъ мысль свою; онъ всячески старался разувѣрить меня, а послѣ я узналъ, что онъ обо мнѣ дурно говорилъ. Слабости сего человѣка достойны сожалѣнія. Я также съ удовольствіемъ взиралъ на ту минуту, какъ бы мы вступили съ симъ баталіономъ въ Тифлисъ. Какая слава! Опасностей однакоже немало было: Персіяне не постыдились бы и отравить насъ.

Абазъ-мирза чрезвычайно испугался, когда узналъ что̀ произошло. 20 - го же числа въ ночь онъ отправилъ мирзу - Магомедъ-Али, управляющаго доходами въ Адербайджанѣ, нагонять посла, Аскеръ-хана и другихъ чиновниковъ. 21-го числа они застали посла при выѣздѣ его изъ лагеря при Софіянѣ. Засѣданіе происходило въ палаткѣ Соколова. Они привели 40 человѣкъ Русскихъ, которые были закованы въ Тавризѣ и одного Ингушскаго узденя въ подарокъ Мазаровичу. Несчастный сей былъ захваченъ Чеченцами пять лѣтъ тому и проданъ одному Персидскому чиновнику; сей послѣдній подарилъ его визирю, сыну каймакама. Прекрасный юноша сей, найдя нашихъ Черкесъ, просилъ ихъ со слезами, чтобы они доложили объ немъ послу. Когда посолъ объ немъ послалъ освѣдомиться, то сказали, что онъ точно

подаренъ; когда же дѣло пошло къ выкупкѣ, то его показали купленнымъ за ужасную цѣну. Абазъ-мирза, испугавшись послѣднихъ происшествій, прислалъ его въ подарокъ Мазаровичу. Его приняли, и онъ ѣдетъ съ нами; радость изображается на прекрасномъ его лицѣ.

Русскихъ посолъ не принялъ, требуя, чтобы сперва повѣсили унтеръ-офицера, посадившаго ихъ въ кандалы. Мирза-Мехмедъ-Али хотѣлъ было начать говорить о дѣлахъ; но Алексѣй Петровичъ раскричался на него и на ихъ правленіе, поклялся имъ, что больше объ дѣлѣ съ безчестными плутами говорить не будетъ, обѣщался сардарскому брату глаза выколоть и насильно возвратить Русскихъ бѣглыхъ. Не мучьте меня болѣе, отстаньте отъ меня ради Бога, закричалъ онъ имъ и уѣхалъ.

Посла дожидалъ курьеръ, посланный отъ полковника Вельяминова: онъ извѣщалъ посла о смерти намѣстника его въ Грузіи генералъ-маіора Кутузова; письмо отъ покойника было писано наканунѣ его смерти. Онъ умеръ скоропостижно одышкой. Алексѣй Петровичъ взгрустнулъ о потерѣ друга и полезнаго члена отечеству.

24-го. Полковникъ Ивановъ, Коцебу, я, маршалъ Ермоловъ, Бебутовъ и человѣкъ пять еще поѣхали смотрѣть развалины древней Джульфы выше по Араксу, въ 6 верстахъ отъ лагеря. Мы видѣли величественные остатки большаго моста, нѣсколькихъ башенъ и одного большаго дома, все изъ каменныхъ плитъ построенное,—видъ безподобный. Развалины лежатъ при томъ мѣстѣ, гдѣ горы, съ обоихъ береговъ сближаясь, образуютъ высокія скалы и оставляютъ только узкую тропинку на лѣвомъ берегу рѣки. По близости къ ущелью есть Армянское селеніе изъ 30 дворовъ состоящее. Жители насъ приняли ласково, женщины не прятались, и я видѣлъ нѣсколько красавицъ. Они весьма жаловались на притѣсненія, причиняемыя имъ Персіянами и изъявили намъ нетерпѣніе, съ которымъ ожидаютъ приближенія Русскихъ. Потомъ, продолжая углубляться въ ущелье, мы пріѣхали къ большому кладбищу Джульфскому. Я никогда не видалъ такого числа памятниковъ вмѣстѣ собранныхъ, ихъ 30 тысячъ полагать можно; камни очень большіе и съ весьма искусными насѣчками. Барельефы и надписи прекрасно сдѣланы. Секретарь посольства Худобашевъ и князь Бебутовъ разбирали ихъ. Они только упоминали объ имени и лѣтахъ погребеннаго. Гробницы дѣтей изображены агнцами, сдѣланными изъ камня въ большомъ видѣ. Мы также видѣли гробницу Гаджи-Хачика, богатаго жителя Джульфы, который въ одно время угащивалъ Абаза Великаго со всей его свитой. Жители Джульфы были весьма богаты. Абазъ Великій переселилъ ихъ въ Испагань. Предмѣстье сего города, именующееся также Джульфой, имѣло до 30 тысячъ домовъ, но во вре-

мя Афганцевъ Армяне ихъ совершенно разграбили и раззорили, и ихъ теперь остается только 700 домовъ. Скоро мы въѣхали совсѣмъ въ ущелье; каждый шагъ представлялъ намъ новый видъ. Ром°нтическое сіе ущелье имѣетъ въ скалахъ монастырь святаго Стефана, занимательный своей древностью. Выйдя изъ ущелья, мы пріѣхали въ большой монастырь Армянскій, называющійся Краснымъ; жители обступили насъ; женщины плакали и молили Бога, чтобы Онъ ихъ избавилъ отъ ига Персіянъ. Насъ повели въ церковь, гдѣ служили молебенъ, потомъ потчивали.

30-го Сентября мы дневали въ Эриванскомъ лагерѣ. Посолъ, полагая опасность въ проѣздѣ нашемъ до границы, приказалъ было князю Севардзешидзеву выѣхать къ намъ на встрѣчу съ пѣхотой и однимъ орудіемъ; но, боясь показать Персіянамъ дурное расположеніе, онъ отмѣнилъ приказаніе свое и приказалъ мнѣ дать князю знать чрезъ записку, что если онъ желаетъ, то можетъ пріѣхать къ намъ на встрѣчу до Яговерта, только съ надежнымъ конвоемъ.

Бабарыкинъ узналъ, что Эриванскіе жители никакъ не вѣрятъ, что у насъ миръ съ Персіею: они ожидаютъ наши войска и съ нетерпѣніемъ взираютъ на то время, когда мы освободимъ ихъ отъ ига Персіи. Вся Эриванская область намъ предана. Слухи сіи подтвердились съ разныхъ сторонъ. Послу приводили въ подарокъ отъ сердаря прекраснаго жеребца и шаль; но онъ отказалъ все, говоря, что не принимаетъ подарковъ отъ отсутствующаго хозяина.

2-го Октября мы отправились изъ Яговерта. На полдорогѣ встрѣтилъ насъ князь Севардзешидзевъ съ сотнею казаковъ; съ нимъ былъ Донской маіоръ Іелкинъ. Персіяне, увидя наше войско, вздрогнули, собрались въ кучу и схватились за ружья. Радость наша увидѣть своихъ была неограничена. Мы вырвались изъ самой гнусной земли. Скоро встрѣтили насъ одна рота Тифлисскаго полка съ знаменемъ и орудіемъ. Бригадный генералъ-маіоръ Пестель, прибывшій изъ отпуска. встрѣтилъ посла съ пальбой. Персіяне до такой степени испугались. что остались всѣ сзади.

Князь Севардзешидзевъ накрылъ намъ великолѣпный завтракъ; подано было славнѣйшее Кахетинское вино, коего нѣкоторые изъ нашихъ господъ хватили неосторожно.

Мы ночевали въ горахъ, въ Персидскихъ еще палаткахъ; тутъ полагается граница наша.

3-го посолъ отдалъ приказъ, въ которомъ онъ слагаетъ съ себя должность посла и принимаетъ званіе главнокомандующаго. Мнѣ онъ объявилъ, что онъ обо мнѣ переписывался съ княземъ Волконскимъ и что послѣдній согласился оставить меня въ Грузіи.

8-го пріѣхали на встрѣчу къ главнокомандующему военный губернаторъ Сталь и полковникъ Вельяминовъ; также вновь прибывшій въ Тифлисъ, бывшій гвардейской артиллеріи полковникъ князь Горчаковъ и племянникъ Алексѣя Петровича прапорщикъ Каховскій.

9-го прибыли мы въ Саганлугъ, гдѣ были встрѣчены дворянствомъ Тифлисскимъ.

10-го въѣхали мы въ Тифлисъ. Мы удивились, увидя большія перемѣны въ строеніяхъ. Базаръ весь заново съ колонадой. Домъ главнокомандующаго имѣетъ величественный фасадъ, еще не конченъ; названная нами Посольскою площадь обстроивается; много другихъ домовъ передѣланы. Но строителя уже мы не застали — почтеннаго намѣстника нашего уже не было. Сердце его похоронено въ монастырѣ что́ за домомъ главнокомандующаго, а тѣло хранится во Мцхетѣ. При въѣздѣ нашемъ народъ кричалъ «ура» и проводилъ насъ до Сіонскаго собора, гдѣ вновь прибывшій архіерей Ѳеофилактъ служилъ благодарственный молебенъ. Алексѣй Петровичъ остановился въ домѣ военнаго губернатора. Мнѣ досталась квартира Иванова, а ему бывшая моя. Со мной стоятъ Бабарыкинъ и Щербининъ.

11-го я давалъ въ ресторацiи обѣдъ товарищамъ своимъ.

Теперь я засяду дома. Мое намѣреніе есть хорошенько заняться сію зиму, если удастся мнѣ въ Тифлисѣ прожить, и къ лѣту быть съ новыми познаніями. Я началъ между тѣмъ чтеніе Кесаревыхъ Коментаріевъ. Скоро должно мнѣ будетъ приняться за обдѣлыванье набѣло маршрута черезъ Кавказскія горы.

13-го я обѣдалъ у главнокомандующаго. Съ нами обѣдалъ полковникъ Портеръ *), Англійской службы. Пришелецъ сей служилъ при Англійскомъ послѣ Каткартѣ, имѣетъ большое состояніе и къ стыду Русскаго дворянства женатъ на княжнѣ Щербатовой. Онъ пріѣхалъ сюда проѣздомъ въ Персію, гдѣ онъ хочетъ пробыть нѣсколько мѣсяцевъ, выдавая себя за путешественника; но вѣроятно онъ былъ посланъ въ Персію отъ Англинскаго посла, дабы насъ тамъ еще застать и донести ему о происходящемъ. Алексѣй Петровичъ выхвалялъ ему до крайности высокія способности и душевныя качества его соотечественниковъ.

По приказамъ велѣно мнѣ наименоваться Муравьевымъ 4-мъ, отцу же 1-мъ.

16-го былъ у меня Англичанинъ Портеръ. Мы вмѣстѣ отобѣдали у Француза. Изо всѣхъ разговоровъ Портера видно, сколь онъ привязанъ къ деньгамъ. Онъ продалъ коляску свою генералу Сысоеву и въ большихъ хлопотахъ, чтобы узнать, какіе ему червонцы дадутъ, полновѣсные или обрѣзные.

---

*) Это извѣстный путешественникъ Керъ-Портеръ; супруга его, княжна Марья Ѳеоровна Щербатова, единокровная сестра графини Мамоновой. П. Б.

Главнокомандующій давалъ обѣдъ для всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ.

18-го. Въ вечеру былъ у главнокомандующаго балъ; народу было весьма много какъ мущинъ, такъ и женщинъ. Изъ женщинъ лучшая и самая ловкая была генеральша Хотунцова, Полька. Живописецъ Мошковъ ея побочный братъ. Послѣ нея примѣтна была красотой г-жа Эйхфельдъ, жена горнаго чиновника, недавно сюда прибывшаго. Генеральша Мерлина, извѣстная своей нескромностью и обхожденіемъ самымъ мужскимъ, играетъ роль невинности, и ей уже подъ тридцать лѣтъ. Прокурорша Меллина бѣлится и румянется немилостиво, брюхата почти въ 360° и должна скоро родить. Ея возлюбленный графъ Самойловъ отличался съ нашей стороны своей красотой. Было еще нѣсколько порядочныхъ женщинъ, но всѣ такъ неловки... Вообще всѣ почти беременны и къ веснѣ должны разрѣшиться. Я не танцовалъ, а только наблюдалъ. Собранія сіи весьма рѣдки въ Тифлисѣ, и потому многіе, стараясь отличиться, не мало представляютъ удобствъ для смѣха. Было также нѣсколько Грузинскихъ княженъ и княгинь; онѣ всѣ сидѣли и не выговорили ни слова. Старыя занимались вшивой ловлей и добычу жестокимъ образомъ уничтожали съ трескомъ межъ ногтями. Двѣ молоденькія были прекрасныя, но намазаны и уподобились больше кукламъ. Человѣка четыре Грузинскихъ князей плясали по своему и по своей музыкѣ, состоящей изъ бубенъ и маленькихъ литавръ; наши Черкесы также пустились. Князь Джимбулатъ отличался ловкостью своей. Черкеская пляска весьма хороша, довольно мудрена и имѣетъ нѣчто военнаго. Насмотрѣвшись на сію тамашу, я пошелъ внизъ къ полковнику Вельяминову, который сбирался одинъ отужинать и спать лечь; онъ меня пригласилъ вмѣстѣ сѣсть, и я провелъ съ часъ весьма пріятнымъ образомъ.

Я просилъ Вельяминова, по желанію Иванова, чтобы онъ напомнилъ Алексѣю Петровичу объ обществѣ, учрежденномъ нами передъ отъѣздомъ изъ Тифлиса для описанія Персіи. Алексѣй Петровичъ тогда назвался членомъ сего общества и хотѣлъ поддержать оное; но занятія его во время путешествія нашего не позволяли ему исполнить своего намѣренія. Засѣданія наши въ Султаніи продолжались нѣкоторое время; статьи были всѣ прочтены, но какъ мы скоро возвратились, то господа члены по малу стали отставать и наконецъ совершенно забыли предпринятое, сколько я ни кричалъ. Статьи у иныхъ весьма хорошія; жалко было бъ, еслибы онѣ разошлись по разнымъ угламъ Россіи со своими сочинителями; сочинители же обязались прежде представить ихъ главнокомандующему. Вельяминовъ обѣщался мнѣ напомнить о семъ генералу. Общество сіе было одно

изъ главнѣйшихъ причинъ, по которымъ Ивановъ сердился на меня; я его нѣсколько разъ приглашалъ вступить въ оное, и самъ Алексѣй Петровичъ даже, но онъ воображалъ себѣ заговоры, думалъ, что мы составляемъ *масонскую* ложу (а онъ масоновъ боится какъ огня). Отвѣтивъ весьма грубо и глупо на учтивыя приглашенія цѣлаго общества, онъ надулся, разсердился и отстранялъ меня отъ занятій своихъ во все время дороги, говоря, что я свои имѣю. Теперь, увидя, что дѣйствія наши остановились, онъ сталъ смѣяться надъ этимъ и, не боясь больше сихъ масоновъ, просилъ меня, чтобы я напомнилъ Алексѣю Петровичу о семъ, не знаю, съ какимъ намѣреніемъ; но я и самъ тоже сдѣлать хотѣлъ.

19-го вечеръ я провелъ сперва у Рикарда, который занялъ меня своей скрипкой. Потомъ сидѣлъ у Сонина, куда пришелъ полковникъ Берниковъ, Херсонскаго гренадерскаго полка; разговаривали о Персіи и несчастной экспедиціи князя Эристова. До выѣзда еще нашего въ Персію онъ просилъ главнокомандующаго, чтобы ему позволили взять отрядъ Херсонскаго полка и идти чрезъ хребетъ Кавказскихъ горъ: тамъ у него Осетинскіе крестьяне, которые не хотятъ оброка платить; ему было отказано. Во время отсутствія главнокомандующаго, онъ просилъ о томъ же генерала Кутузова подъ предлогомъ привезти оттуда остовъ человѣка ужаснѣйшаго, коего мечъ имѣетъ три аршина въ ширину. Съ симъ человѣкомъ лежитъ несчетный кладъ. Эристовъ говорилъ, что хотѣлъ Государю такую рѣдкость поднести. Предлогъ сей вѣроятно былъ выдуманный, дабы получить 500 человѣкъ пѣхоты на сію экспедицію; но Кутузовъ, желая отказать ему учтивымъ образомъ, позволилъ ему взять только 150 человѣкъ, надѣясь, что тотъ догадается о намѣреніи его. Не тутъ-то было. Кутузовъ скончался 15-го Сентября; генералъ-маіоръ князь Эристовъ приступилъ къ Вельяминову, который ему отвѣчалъ, что, соображаясь съ волею покойнаго генерала, онъ больше полутораста человѣкъ дать не можетъ. Эристовъ прибѣгнулъ къ военному губернатору генералу Сталю, называя его старшимъ по смерти Кутузова. Наконецъ, не знаю уже какими судьбами, полковникъ Берниковъ получаетъ приказаніе отпустить 250 человѣкъ гренадеровъ и одно орудіе къ князю Эристову. Князь Эристовъ вооружаетъ 1000 человѣкъ Грузинъ на свой счетъ, нѣсколько Осетинъ ему вѣрныхъ, присоединяетъ сіе войско къ пѣхотѣ и къ орудію, и отправляется. Они идутъ нѣсколько дней мѣстами, гдѣ еще хлѣбъ не снятъ; начинаютъ подниматься на хребетъ, равняющійся съ широтой Казбека. Пошелъ маленькій дождикъ, далѣе снѣгъ мокрый; они долго подымались, какъ вдругъ подулъ ужасный вѣтеръ, метель сдѣлалась необыкновенная, снѣгъ выпалъ преглубокій, люди едва на ногахъ держались,

но все впередъ шли. Отрядъ растянулся на шесть верстъ, люди не могли болѣе идти какъ по одиночкѣ: первый гренадеръ выкладывалъ дорогу въ снѣгу, а другіе по его стопамъ шли. Наконецъ пришли они на вершину; стѣна скалистая, совершенно отвѣсная стояла передъ ними, перейте ее невозможно. Князь Эристовъ велѣлъ каждому спасаться и кричалъ имъ сіе изо всѣхъ силъ. Которые не дошли и оставались позади въ шести верстахъ, поворотили и возвратились; но храбрѣйшіе солдаты впереди почти всѣ пропали: ихъ занесло снѣгомъ; другіе падали, замерзая на дорогѣ. Въ несчастной сей экспедиціи погибли 42 гренадера, одинъ офицеръ, 125 Грузинъ, 1 орудіе и всѣ вьюки княжескіе съ деньгами и вещами. Изъ возвратившихся назадъ 27 человѣкъ отморозили себѣ руки и ноги и схватили гнилую горячку. Когда погода сдѣлалась тише на горѣ, стали отыскивать орудіе, которое едва нашли въ снѣгу, но безъ передка. Мѣсто сіе между Казбекомъ и Чернымъ моремъ, извѣстное Осетинамъ; но они тамъ ходятъ только въ хорошую погоду лѣтомъ. Иные полагаютъ, что проводники-Осетины, на которыхъ князь полагался, привели его къ сему мѣсту съ намѣреніемъ погубить его. Эристову сія экспедиція стоитъ до 50,000 р. Алексѣй Петровичъ на него крѣпко сердится.

21-го обѣдалъ я у главнокомандующаго, который давалъ столъ для Грузинскаго дворянства. Изъ разговоровъ полковыхъ командировъ видно, что они не любятъ князя Севарзешидзева. Мнѣ кажется, что тому есть много причинъ. Князь имѣетъ полкъ извѣстный своею храбростью, управляетъ пограничною частью и былъ обласканъ Алексѣемъ Петровичемъ: зависть возродилась въ другихъ господахъ. Съ другой стороны, надобно признаться, что князь весьма нескроменъ и возвышаетъ до небесъ свою расторопность, храбрость и храбрость полка. Многіе изъ князей Грузинскихъ собирались у одного родственника молодаго Бебутова и были недовольны тѣмъ, что главнокомандующій хотѣлъ установить плату податей съ доходовъ каждаго, уничтоживъ прежній обычай, гдѣ богатый тоже что бѣдный платилъ. Говорятъ, что князь Василій Бебутовъ съ отцомъ туда же ходилъ. Если онъ туда и ходилъ, то вѣроятно безъ всякаго намѣренія. Полиція доносила главнокомандующему обо всемъ, что тамъ говорилось. Одинъ изъ переводчиковъ донесъ разъ Алексѣю Петровичу, что адъютантъ его князь Василій, выходя изъ того дома, сказалъ что-то похожее на слова мятежника (сіе послѣ оказалось ложнымъ). Главнокомандующій, говоря о семъ дѣлѣ у себя ввечеру, напалъ на невиннаго князя Василія и сказалъ ему множество непріятностей, называя его измѣнникомъ. Бебутовъ былъ сраженъ симъ поступкомъ; наружность его и слова оправдали его. Онъ вспомнилъ Алексѣю Петровичу свое прежнее поведеніе, далъ ему почувствовать, сколь такое

подозрѣніе унизительно для него и, заливаясь слезами отъ отчаянія, поклялся честнымъ офицерскимъ словомъ, что онъ никогда не участвовалъ въ семъ заговорѣ и что доносъ на него былъ ложный. Главномандующій опомнился и, пожавъ ему руку, просилъ его, чтобы онъ забылъ сіе. Съ тѣхъ поръ Алексѣй Петровичъ сталъ оказывать князю Бебутову особое уваженіе. Нельзя и намъ не любить такого почтеннаго товарища.

Ужиналъ у Вельяминова съ нимъ наединѣ. Мы разговаривали о правилахъ, которыя человѣкъ соблюдать долженъ, дабы заслужить доброе имя въ обществѣ и самому довольнымъ быть; о старости, о женитьбѣ. Алексѣй Александровичъ говоритъ какъ мудрецъ. Какъ у него всѣ случаи обдуманы! Видно, что мысли его суть послѣдствія большой опытности.

23-го ввечеру поѣхалъ я къ главнокомандующему, у котораго сидѣлъ вновь прибывшій сюда архіерей Ѳеофилактъ, человѣкъ весьма умный и вольнаго обращенія и разговора. Кончивши чтеніе Кесаревыхъ Коментаріевъ, началъ я читать Les dernières années du règne de Louis XVI.

25-го я перенесъ послѣ обѣда чертежную свою на квартиру къ Лачинову, потому что у меня возможности нѣтъ заниматься: гости наводняютъ насъ и еслибъ я не имѣлъ особенной своей комнаты, то не могъ бы найти двухъ часовъ поутру, дабы журналъ свой написать. Всѣ эти господа привыкли ничего не дѣлать цѣлый день и потому безъ всякаго зазрѣнія совѣсти приходятъ другимъ мѣшать. Бобарыкинъ цѣлый день шатается по городу и волочится, домой же иначе не придетъ какъ съ конвоемъ разнаго рода гостей, которыхъ онъ на улицѣ наберетъ, и какъ онъ встаетъ поздно, а комната его только ввечеру уберется, то всѣ ко мнѣ лѣзутъ. Щербинина никогда дома нѣтъ, а когда дома, то кричитъ безостановочно до такой степени, что когда онъ выдетъ, то въ ушахъ съ часъ послѣ него звенитъ; когда же, возвратясь домой, онъ застаетъ гостей, то радъ случаю поболтать и приходитъ въ мою комнату лясничать съ ними и смѣяться. Всякому изъ гостей разсказывай происхожденіе, цѣну и доброту оружія, висящаго у меня на стѣнѣ; всякій за оное хватаетъ, портитъ замки, обиваетъ кремни, ржавитъ клинки; но я нынче сталъ не такъ снисходителенъ и просто объявляю гостямъ, что глазами любоваться они въ правѣ сколько хотятъ, а руками нѣтъ.

Я собираю у всѣхъ товарищей своихъ статьи и если Алексѣй Петровичъ собранія не сдѣлаетъ, то займусь самъ приведеніемъ всего въ порядокъ и представлю начальству (не Иванову только) книгу подъ заглавіемъ: «Труды общества устроеннаго для описанія

Персіи, собранныя мною». Бороздна мнѣ уже обѣщался свои статьи; у Худобашева Бебутовъ спишетъ. Отобравъ ихъ у отъѣзжающихъ, я легко получу остальныя.

29-го я провелъ вечеръ у главнокомандующаго, игралъ въ шахматы съ княземъ Урусовымъ. Послѣ ужина обступили несчастнаго дурачка Одинцова и заставили его мерзости дѣлать: всѣхъ ругалъ, полицеймейстеру въ лицо плюнулъ и выработалъ такимъ образомъ себѣ 50 рублей отъ генерала князя Мадатова. Глупыя шутки его, сто разъ повторенныя, забавляютъ и о сю пору многихъ.

Фельдъегеръ Матвѣевъ, который съ нами въ посольствѣ былъ, по возвращеніи въ Тифлисъ съ ума сошелъ. Его вылѣчили кровопусканіемъ; но вотъ уже недѣля прошла, какъ онъ пошелъ со двора за дѣломъ и назадъ еще не приходилъ; полагаютъ, что онъ утопился въ Курѣ. Жалко его; онъ былъ честный и трудолюбивый человѣкъ. Гг. посольскіе задержаны здѣсь по причинѣ большаго обвала, завалившаго снѣговою глыбою, въ 50 саженъ вышиной, дорогу между Казбекомъ и Даріаломъ; кажется, что они рѣшатся ѣхать на Кубу и на Кизляръ.

30-го числа, отобѣдавъ у Воейкова, я отправился къ Алексѣю Петровичу. Бековичъ былъ дежурнымъ. Я спрашивалъ у него, не знаетъ ли онъ чего нибудь на счетъ посольства, готовящагося въ Трухменію. Бековичъ мнѣ сказалъ, что онъ какъ-то разъ разговаривалъ на сей счетъ съ Алексѣемъ Петровичемъ и что по словамъ его: *я бы желалъ послать туда человѣкъ двухъ-трехъ отчаянныхъ*, можно было догадаться, что онъ никому не предложитъ сего путешествія, дабы, въ случаѣ несчастія (какъ дѣда Бековича, съ котораго Хивинцы во время Петра Великаго кожу съ живаго сняли) не назвать себя причиною гибели посланнаго; но что онъ очень радъ былъ, чтобы нѣкоторые сами собою предложились. Въ моихъ обстоятельствахъ потеря жизни моей не есть важная. Съ другой стороны, удача сколь лестна будетъ и полезна для отечества! Цѣль сего посольства будетъ состоять въ томъ, чтобы приласкать Узбекскихъ Татаръ, хранящихъ безпримѣрную ненависть къ Персіянамъ, дабы въ случаѣ войны имѣть въ нихъ союзниковъ, могущихъ взбунтовать весь Карасанъ и много вредить Персіянамъ.

Алексѣй Петровичъ мнѣ съ улыбкой нѣсколько разъ напоминалъ о сей командировкѣ, нѣкоторымъ образомъ вызывая меня. Я всегда высказывалъ ему особое желаніе участвовать въ оной; тогда онъ отвѣчалъ мнѣ: *посмотримъ!* Наконецъ, я рѣшился вчерась выждать его при выходѣ изъ кабинета. «Здравствуй, любезный Николай Николаевичъ», сказалъ онъ мнѣ, обнимая меня, «что скажешь?»—«Я просьбу

имѣю до вашего превосходительства».—«Какую, мой другъ, говори».—«Моя просьба нескромная; но вы всегда имѣете право сказать мнѣ *да* или *нѣтъ*, не объясняя мнѣ причинъ, и потому я рѣшился просить васъ, опираясь на надежду, которую вы мнѣ прежде дали, чтобы вы употребили меня въ посольствѣ Трухменскомъ».—«Мой другъ, я еще подарковъ на то не получилъ изъ Петербурга; я ожидаю ихъ».—«Я это знаю, ваше п-во; но обнадежьте меня».—«Почему нѣтъ, мой другъ, если ты охоту имѣешь? Я тебя обнадеживаю, что ты будешь въ этомъ посольствѣ. Вѣдь ты со мною останешься здѣсь?»—«Остаюсь, если вы позволите; я за счастіе почту остаться».—«Почему нѣтъ, если ты желаешь, мой другъ; поѣдешь».

И такъ, кажется, что я навѣрно поѣду; вчерашній день былъ удачный и радостный для меня. Я не полѣнился сегодня описать его.

Передъ ужиномъ я долго разговаривалъ съ молодымъ Каховскимъ и нашелъ въ немъ много ума и познаній, твердыя правила для поведенія. Кажется, что онъ пойдетъ по стопамъ славнаго Ермолова.

2-го Ноября я былъ у Соколова и засталъ у него подполковника Ротьерса. Человѣка сего я еще зналъ въ 1811 году, когда онъ служилъ въ свитѣ; мы вмѣстѣ съ нимъ въ чертежной были. Въ 1811 году Голандецъ сей былъ командированъ въ Грузію, куда онъ ввалился со своимъ семействомъ и жилъ до 1814 года, перенесъ чуму, которая у него въ домѣ была и возвратился въ Петербургъ, гдѣ онъ вышелъ въ отставку и хотѣлъ домой ѣхать. Не имѣя средствъ на то, онъ пошелъ искать ихъ по переднямъ, и ему позволили ѣхать на казенный счетъ на фрегатѣ, отправленномъ въ Голандію съ приданымъ Анны Павловны. Услышавъ, что готовится посольство въ Персію и желая сперва хорошенько нажиться, онъ присталъ въ Петербургѣ къ Алексѣю Петровичу, который ему отказалъ. Не взирая на то, онъ просилъ Нессельроде, выпросилъ себѣ жалованье огромное, около 12,000 р. и пріѣхалъ въ Тифлисъ, опять съ семействомъ, опять явился къ послу до выѣзда посольства. Алексѣй Петровичъ его не горячо принялъ и оставилъ его здѣсь; онъ пустился въ торги, продавалъ за тройную цѣну шоколадъ и разныя галантерейныя вещи и теперь здѣсь живетъ безъ дѣла, беретъ большое жалованье и гандлюетъ.

3-го поутру я продолжалъ записки свои о 1811 годѣ и написалъ рекомендательныя письма господамъ въ посольствѣ состоящимъ, ѣдущимъ въ Москву къ отцу моему. Всѣ подарки, которыя я купилъ въ Персіи для родныхъ своихъ, отъѣзжающіе отобрали у меня для доставленія къ брату Михайлѣ.

Не прощу никакъ себѣ, что вчера я возымѣлъ маленькое желаніе возвратиться домой. Я тотъ же часъ заглушилъ оное.

4-го числа я распорядилъ было утро свое для занятій, но безпрерывные гости мнѣ въ томъ помѣшали.

Былъ у меня Беклемишевъ артилерійскій. Мы съ нимъ долго разговаривали о наукахъ и занятіяхъ; онъ чрезвычайно уменъ, имѣетъ отличныя познанія и пріятный разговоръ. Онъ обучаетъ здѣсь училище артилерійское, устроенное для Грузинъ; дѣти лучшихъ дворянъ вступили въ оное. Беклемишевъ говорилъ мнѣ, что способности ихъ удивительны, и потому ребята успѣваютъ; но какъ скоро подрастутъ, родители внушаютъ имъ мысли несообразныя съ занятіями, и они тогда становятся шелопаями и ослами. Беклемишевъ по просьбѣ моей согласился помочь мнѣ въ занятіяхъ моихъ, когда я начну снова проходить математику.

Еще было много гостей. Наконецъ, не будучи болѣе въ состояніи выдержать своего терпѣнія, я рѣшился охотнѣе на улицѣ провести свое время, чѣмъ съ гостями, имѣя передъ носомъ нужныя занятія, кое-какъ выбрался и бѣжалъ на площадь къ главнокомандующему. Обѣдать было еще рано; я сталъ расхаживать по площади и на солнцѣ грѣться. Толпа праздношатающихся меня снова окружила, я огрызался съ сердцемъ и ушелъ къ Вельяминову, гдѣ нашелъ Каховскаго занемогшаго. И во все утро я ничего не сдѣлалъ!

Грустно мнѣ видѣть, что Бабарыкинъ въ числѣ сихъ кочующихъ народовъ: онъ цѣлый день ничего не дѣлаетъ, встаетъ въ 11-мъ часу, шатается, приводитъ ко мнѣ гостей и какъ у него комната никогда не убрана, то онъ все ко мнѣ лѣзитъ со своимъ конвоемъ курильщиковъ. Мнѣ больше ничего не оставалось дѣлать, какъ запереться на ключъ и велѣть Артемью не сказывать меня дома. Пускай сердятся: они не правы будутъ.

Поутру былъ у меня Мирза-Баба-Джанъ, учитель Турецкаго языка и далъ мнѣ первый урокъ. Удивительно, какъ понятія сихъ Азіатовъ мало развернуты. Онъ мнѣ задалъ пять буквъ выучить къ первому уроку и никакъ не хотѣлъ мнѣ больше задать, не полагая, чтобы можно больше въ одинъ урокъ выучить; но я насильно у него вытребовалъ еще 10 буквъ. Показавъ мнѣ оныя, онъ сталъ мнѣ писать разныя слова, чтобы мнѣ срисовывать; но я его остановилъ и, руководствуясь грамматикой Сильвестръ-де-Саси, сокрушалъ его тѣмъ, что предупреждалъ его. Онъ просилъ меня не слѣдовать симъ книгамъ, обѣщаясь меня скорѣе выучить. Грамотѣ знать есть самая большая мудрость у Азіатовъ и кто писать умѣетъ, называется ученымъ. Они полагаютъ три года, чтобы достичь до сего; но я намѣренъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ совершенно писать по-татарски и доказать имъ невѣжество ихъ.

6-го поутру были у меня нѣкоторые изъ господъ посольскихъ отъѣзжающихъ. Отъѣзжающіе были всѣ званы къ генералу Сысоеву обѣдать, я тутъ же былъ, пришелъ и Алексѣй Петровичъ. Изъ женщинъ обѣдала Сысоева жена и Катерина Акакьевна, старая богатая вдова какого-то маіора изъ лучшихъ Тифлисскихъ дамъ и которая наружностью и обращеніемъ уподобляется самой похабной служанкѣ. Генералъ князь Мадатовъ разсказывалъ съ Алексѣемъ Петровичемъ разныя мерзости и хохотали, а дамы съ ними вмѣстѣ. Читали также описаніе аудіенцій нашихъ у шаха въ «Инвалидѣ».

Соколовъ отправилъ изъ Персіи въ Департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сіи описанія и, можетъ быть, исказилъ ихъ нѣсколько. Ихъ перевели сперва на Французскій языкъ и напечатали въ Conservateur Impartial совершенно въ другомъ видѣ. Пезаровіусъ, издатель «Инвалида», перевелъ ихъ по-русски самымъ гнуснымъ образомъ и напечаталъ. Напр. въ оригиналѣ было сказано: двое ѣздовыхъ верхомъ, во Французскомъ переводѣ deux courriers à cheval, а въ Русскомъ два скорохода верхомъ. Диванъ-хана перевели Divanchana, а послѣ Диванъ-Шана-Хошъ-Ельди (Hoche-Eldi). Le corps de garde, гвардейская палатка; Рыхлевскій—*Рахлевскій*; *посольскіе слуги* вышли придворные лакеи, и множество пресмѣшныхъ выраженій и другихъ небылицъ. Прекраснѣйшее привѣтствіе, сказанное Алексѣемъ Петровичемъ шаху, переведено съ Французскаго словами низкими, поставленными безъ всякой связи и смысла въ родѣ *силлогизма человѣческаго преслѣдованія*. Мы всѣ смѣялись, а Алексѣй Петровичъ сказалъ, что онъ сообщитъ къ Гречу, издателю «Сына Отечества», настоящія свѣдѣнія объ аудіенціяхъ и попроситъ его напечатать въ своемъ журналѣ; что онъ долго молчалъ, видя иностранца, не знающаго Русскаго языка, пишущаго Русскую газету и что теперь г. *Пивоваріусъ* (вмѣсто *Пезаровіусъ*) оклеветалъ его, что онъ больше удержаться не можетъ и проситъ г. Греча его оправдать и объявить публикѣ, что онъ никогда такихъ глупостей шаху Персидскому не говорилъ.

Послѣ обѣда сборное мѣсто назначено было въ домѣ главнокомандующаго; тутъ всѣ собрались верхомъ и отправились провожать отъѣзжающихъ въ Саганлугъ. Алексѣй Петровичъ проводилъ господъ за карантинъ, слѣзъ съ лошади, простился съ ними и благодарилъ ихъ за службу ихъ. Всѣ разстались съ нимъ друзьями, и многіе плакали. Нѣкоторые изъ остающихся, и я въ томъ же числѣ, поѣхали провожать до самаго Саганлуга, куда мы пріѣхали, когда смерклось уже. Палатка и кибитка генеральская были поставлены; тутъ пили пуншъ, ужинали, пѣли; благопристойность была соблюдена. Серъ Робертъ Портеръ тутъ же былъ; онъ отъѣзжаетъ въ Іерусалимъ. Изъ

провожающихъ были: я, Воейковъ, Петръ Николаевичъ, Краузе, баронъ Розенъ, Талызинъ, Бабарыкинъ. Баронъ Розенъ недавно былъ произведенъ въ офицеры въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку; онъ былъ разжалованъ за поединокъ изъ кавалергардскаго полка. Онъ, Воейковъ и Краузе остались тамъ ночевать, а я воротился домой съ прочими. Со мной былъ еще г. Бергъ, братъ капитана, служащаго въ генеральномъ штабѣ; онъ путешествуетъ на свой счетъ по Россіи и залетѣлъ сюда.

7-го числа отправились отсюда генералъ Хотунцовъ съ женой своей, сестрой Мошкова и адъютантъ покойнаго Александра Петровича Кутузова, Грузинскаго полка поручикъ Розенбергъ съ женою. Я давно еще старался достать у нея хорошіе клавикорды, которые она изъ Россіи сюда привезла, предлагалъ ей за оныя 1.200 р., что̀ очень дорого, но она просила съ меня 1.800 р.; я отказался отъ покупки. Вчера поутру является ко мнѣ молодой Талызинъ съ объявленіемъ согласія ея на мою цѣну. Я отказалъ тогда совершенно и велѣлъ ей сказать, что, не полагая, что она будетъ торговаться, я деньги сіи употребилъ на заплату долговъ моихъ. Я бы большую глупость сдѣлалъ, еслибъ купилъ сей инструментъ: проводя большую часть года въ командировкахъ, я бы едва имѣлъ три мѣсяца въ годъ, чтобы пользоваться имъ, а заплатилъ бы деньги, которыя меня бы раззорили.

Послѣ обѣда былъ у меня Турецкій учитель мой. Я старался всячески отказать ему, но онъ прилипъ ко мнѣ, не хочетъ платы и даетъ мнѣ знать, что, вмѣняя ученіе его въ службу, онъ надѣется получить по моему представленію награжденіе. Должно отъ него отдѣлаться.

9-го я получилъ письмо отъ князя Севарзешидзева; онъ мнѣ прислалъ три жасминные чубука, привезенные къ нему изъ Ерзерума. Ввечеру я училъ Мошкова по-англійски; онъ меня о томъ просилъ неотступно, но я полагаю, что онъ не выдержитъ долгихъ и прилежныхъ уроковъ. Пришедши домой, я нашелъ у себя бароновъ Унгернштернберга и Розена. Оба славные ребята: первый съ большими познаніями, служитъ поручикомъ въ инженерахъ путей сообщеній; второй былъ здѣсь разжалованъ въ солдаты въ Нижегородскій драгунскій полкъ изъ кавалергардскаго полка за предложенный поединокъ полковнику Уварову и недавно произведенъ въ офицеры.

11-го было Воскресенье. Я отправился съ визитомъ къ князю Орбеліанову, генералъ-лейтенанту, посидѣлъ у него съ часъ. Разговоръ былъ о Персіи, о Грузіи и вообще объ климатѣ. Дмитрій Захарьевичъ Орбеліановъ одной изъ древнѣйшихъ Армянскихъ фамилій; она считаетъ болѣе тысячи лѣтъ. Онъ самъ старый человѣкъ, жена его старуха, умная и ходитъ по-русски, весь домъ у нихъ на Русской ногѣ. Князь

вѣкъ свой провелъ въ Грузіи, и разговоръ его на счетъ сего края весьма занимателенъ. Говоря о климатахъ, онъ назвалъ мнѣ бывшій загородный домъ царей Грузинскихъ, отстоящій въ 6 верстахъ отъ Тифлиса и лежащій за горой, что̀ подлѣ дома главнокомандующаго. Тамъ едва зерно начинаетъ въ поляхъ наливаться, когда пониже, ближе къ Тифлису, хлѣбъ снимаютъ, а въ самомъ Тифлисѣ молотятъ. Онъ также называлъ мнѣ нѣкоторыя мѣста на Курѣ, въ которыхъ лѣтомъ жить невозможно и привелъ мнѣ въ примѣръ одинъ баталіонъ 9-го егерскаго полка, въ которомъ, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ пребыванія на такомъ мѣстѣ, оставалось только девять человѣкъ подъ ружьемъ; когда же баталіонъ сей оттуда вывели, то оказалось въ одно лѣто мертвыхъ 400 человѣкъ. Сіе происходило во время Ртищева.

Отъ Орбеліанова пошелъ я въ Сіонъ къ обѣднѣ. Архіерейскіе пѣвчіе пѣли любимый мой концертъ: *Суди мя, Боже*!

12-го вечеромъ я пошелъ на званый вечеръ къ переводчику Шамирѣ Беглярову. Грузинъ было множество; шумъ ужаснѣйшій, бубны, крикуны, волынки заглушали насъ четыре часа сряду. П. Н. Ермоловъ, который игралъ въ бостонъ, хотѣлъ отмстить генералу князю Мадатову за то, что тотъ смѣялся надъ нимъ, и за шумъ, который его безпокоилъ: онъ послалъ привести барабанщика и барабанить подъ ушами у князя. Вечеръ провели очень шумно, но тѣмъ бы и кончилось, еслибъ другое обстоятельство не испортило всего. Сѣли ужинать. Грузины большею частью всѣ сидѣли въ шапкахъ, что̀ нашихъ господъ дурно расположило къ нимъ, ибо гг. Сысоевъ и Мадатовъ тутъ же сидѣли безъ шапокъ. Не знаю, какимъ образомъ разговоръ зашелъ о лугахъ, которые отводятъ для конницы. Нѣкоторые изъ Грузинъ жаловались, что за луга имъ не платится, также и за подводы, которыя у нихъ каждый полковой командиръ беретъ сколько ему угодно. Ермоловъ говорилъ, что въ Россіи тоже за сіе не платятъ помѣщикамъ. Я увѣрялъ, что должны платить, но что никогда не платится отъ злоупотребленія. Василій Бебутовъ тоже говорилъ. Тутъ разговоръ пошелъ о сравненіи повинностей, носимыхъ Грузинскою губерніею, съ повинностями прочихъ Россійскихъ губерній. Бебутовъ сталъ горячиться, увѣряя, что Грузія гораздо больше переноситъ. Петръ Николаевичъ противъ него спорилъ, говоря, что здѣсь ни рекрутъ, ни подводъ безденежныхъ не ставятъ, какъ у насъ. Бебутовъ утверждалъ, что Грузинская кровь за насъ проливается. Я Бебутову мигнулъ, чтобы онъ пересталъ горячиться (онъ совершенно неправъ былъ); но онъ удержаться не могъ, и разговоръ обратился скоро къ злоупотребленіямъ, которыя въ Грузіи дѣлались. Бебутовъ сказалъ Сысоеву, подлѣ котораго онъ сидѣлъ, что многіе пріѣзжаютъ въ Грузію

безъ рубашки и возвращаются въ Россію съ капиталами. Сысоевъ отвѣчалъ, что намъ ни въ глаза, ни за глазами никто сказать этого не смѣетъ, и назвалъ одного князя Грузинскаго, который недавно въ поѣздкѣ своей въ Карталинію набралъ себѣ 100 т. р. серебромъ. Я имѣю, говорилъ онъ, полныя доказательства на сіе, и человѣкъ пять присутствующихъ князей присягнутъ мнѣ сейчасъ въ истинѣ сего; но я не доношу о томъ главнокомандующему, потому что не мое дѣло. Бебутовъ горячился и рѣзко говорилъ, но былъ неправъ. Бабарыкинъ утверждалъ, что Грузинскихъ князей надобно, какъ при царяхъ, по пяткамъ сѣчь. Крикъ, шумъ сдѣлался ужасный. Сосѣдъ Бековича, какой-то толстый и старый князь, жаловался ему съ большимъ жаромъ на нынѣшнія злоупотребленія. Бековичъ совѣтовалъ ему жалобы свои принести въ присутственное мѣсто, а не ему; тотъ съ видомъ отчаянія отвѣчалъ ему: «Что присутственныя мѣста! Гдѣ меня разберутъ, кто меня оправдаетъ?» Итакъ Бековичъ объявилъ при всѣхъ, что онъ на другой день доложитъ непремѣнно о семъ генералу. Наконецъ, стали пить за здоровье Алексѣя Петровича; всѣ Грузины испугались, сняли шапки и закричали ура. Изъ сего случая могли мы видѣть, сколь дурно здѣшнее дворянство къ намъ расположено; къ тому еще, сколь оно глупо.

Батюшка извѣщаетъ меня, что экзамены начались и очень удачно, что онъ былъ представленъ Государю и всей царской фамиліи и былъ принятъ очень ласково. Добрый отецъ зоветъ меня въ отпускъ, если возможно сіе сдѣлать, не отставая отъ службы, и уговариваетъ меня черезъ два года къ нему возвратиться; въ противномъ случаѣ онъ хочетъ самъ пріѣхать сюда со мною повидаться.

18-го я обѣдалъ у Алексѣя Петровича; послѣ обѣда зазвалъ онъ Иванова, Коцебу и меня къ себѣ внизъ и показалъ намъ списокъ инструментамъ и книгамъ, оставшимся послѣ смерти графа Мусина-Пушкина. Графъ сей оставилъ въ Тифлисѣ огромную библіотеку и собранія ботаническое и чучелъ звѣриныхъ. Онъ былъ здѣсь начальникомъ по горной части. Тавризскіе Англичане купили лучшую часть изъ его книгъ. Остальныя теперь продаются съ публичнаго торга. Онѣ всѣ почти химическія и гидравлическія. Также показывалъ намъ Алексѣй Петровичъ книги, привезенныя ему изъ Парижа, посланныя графомъ Воронцовымъ, и портретъ его, гравированный въ Парижѣ по рисунку Мошкова; но портретъ непохожъ.

Ввечеру я былъ у Иванова. Онъ мнѣ показывалъ весьма занимательную бумагу, касающуюся посольства Трухменцовъ, отправленнаго въ 1802 году въ Петербургъ, о требованіяхъ онаго посольства и объ отвѣтѣ Государя Кажется, что смерть князя Циціанова

причиною тому, что у насъ нѣтъ крѣпости на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Изъ сей бумаги видно, что Абдальское поколѣніе просило быть принятымъ въ подданство Россіи и войскъ, чтобы защищать ихъ отъ нападенія Хивинцевъ, что̀ Государь исполнить приказалъ. Я просилъ Иванова, чтобы онъ мнѣ позволилъ списать сію бумагу; но онъ, съ обыкновеннымъ сомнительнымъ видомъ своимъ, отвѣчалъ мнѣ улыбаясь: «со временемъ, Николай Николаевичъ».

25-го я былъ у обѣдни въ Сіонѣ. Тѣло покойнаго Кутузова было туда перевезено изъ Мцхета. Архіерей служилъ панихиду, послѣ чего тѣло похоронили въ придѣлѣ, направо у церкви находящемся. Сего почтеннаго человѣка всѣ единогласно оплакиваютъ.

Отъ обѣдни Алексѣй Петровичъ пошелъ къ архіерею и долго разговаривалъ съ нимъ о поведеніи Грузинскаго дворянства. Тутъ было нѣсколько Грузинскихъ князей; онъ истреблялъ жестоко ихъ княжеское званіе. «Дайте мнѣ депутатовъ», говорилъ онъ князьямъ, «чтобы сдѣлать вѣрные списки дворянскимъ фамиліямъ вашимъ, чтобъ отличить князей; ибо у васъ всѣ князья и большая часть самозванцы. Я тогда пошлю списокъ сей къ Государю на утвержденіе. Я знаю, что у васъ нѣтъ грамотъ на владѣнія ваши. Все равно: я вамъ обѣщаюсь, что Государь не измѣнитъ законамъ царя Вахтанга, по которымъ вы управляетесь. 40 лѣтъ давности всякій изъ васъ имѣетъ на владѣніе земель, и вамъ грамоты выдадутся. Я давно уже отъ васъ требую депутатовъ, господинъ маршалъ; теперь говорю вамъ, что если вы сего не сдѣлаете, то я самъ вышщу дѣло. Ваше имѣніе подлѣ казеннаго? Покажите крѣпости ваши. Нѣтъ у васъ ихъ, а крестьяне говорятъ, что они не ваши. Въ казну все имѣніе! Другаго средства съ вами нѣтъ; и потому я вамъ ручаюсь, что сіе сдѣлаю, буде вы депутатовъ мнѣ не представите». Онъ долго говорилъ объ обязанностяхъ здѣшняго дворянства, сравнивая ихъ съ обязанностями нашего Россійскаго; говорилъ о неблагодарности Грузинъ, о бунтахъ. «Главнокомандующихъ», продолжалъ онъ, «всегда стращали бунтами; будьте осторожнѣе, сего не приказывайте, а не то дурно будетъ. Я знаю, что заговоры сіи всѣ на площадяхъ, на бревнахъ сидя дѣлаются; но я честью клянусь, что при мнѣ здѣсь можетъ только послѣдній бунтъ быть, а потомъ на сто лѣтъ тишины. Кахетія забунтовала? 30 000 народу уничтожу, залью ее кровью, и армія сыта будетъ на вашъ счетъ».

Архіерей очень умно говорилъ. Алексѣй Петровичъ находитъ удовольствіе въ его обществѣ. Онъ больше двухъ часовъ у него сидѣлъ.

26-го поутру былъ у меня Беклемишевъ. Какой умъ, какой разсудокъ въ семъ человѣкѣ въ 20 лѣтъ! Я въ его образѣ мыслей на-

хожу большое сходство съ братомъ Михаиломъ. Онъ мнѣ говорилъ объ обществѣ, которое онъ желаетъ учредить въ Тифлисѣ. Предметомъ сего общества должно быть собраніе матеріаловъ для описанія Грузіи, изданіе журнала, преподаваніе военныхъ и математическихъ наукъ и, наконецъ, изысканіе средствъ для просвѣщенія здѣшняго края. Почтенную цѣль сію онъ уже старался привести въ исполненіе, и Вельяминовъ принялъ, въ наше отсутствіе, названіе предсѣдателя сего общества. Нѣтъ сомнѣнія, что Алексѣй Петровичъ съ большимъ удовольствіемъ увидѣлъ бы процвѣтающее сіе общество и вступилъ бы даже въ оное. Съ какимъ удовольствіемъ я бы записался въ члены, но я принужденъ былъ отказаться: неудовольствія, которыя я въ походѣ получилъ отъ глупаго, безтолковаго Иванова за общество, учрежденное для описанія Персіи, меня понуждаетъ къ сему.

Здѣсь есть въ Тифлисѣ одинъ Шотландецъ по имени Максвинъ. Онъ родился въ Америкѣ, и тѣло у него черное, а волосы бѣлые; онъ былъ употребленъ здѣсь по части путей сообщенія. Говорятъ, что онъ имѣетъ хорошую практику по этой части. Онъ человѣкъ бѣдный, и на каждую командировку его нанимаютъ и торгуются съ нимъ. Онъ же пускается на разныя аферы, напр. онъ хочетъ уѣхать отсюда и разыгрываетъ для того лотерею. Онъ ко мнѣ явился въ одно прекрасное утро съ подпиской; я ему отказалъ, говоря, что имѣю особенное несчастіе въ разыгрываніи лотерей и пошелъ вслѣдъ за симъ къ Иванову, гдѣ я Араба нашелъ. Бѣдный Ивановъ его посадилъ и, держа подписку въ рукѣ, не зналъ, какъ бы ему отказать. Я его вывелъ изъ затрудненія, сказавъ ему, какой я отвѣтъ далъ. Онъ воспользовался симъ и такимъ же образомъ ему отказалъ. Дня четыре тому я видѣлъ Араба у главнокомандующаго и пустился съ нимъ по-англійски говорить и потомъ, отведя Энегольма въ сторону, спросилъ у него, какого рода сей человѣкъ? «Вы съ нимъ по-англійски говорили?»— «Да».—«Такъ радуйтесь: онъ къ вамъ завтра явится съ какой нибудь просьбой». Пришедъ домой я сказалъ людямъ, чтобы они ему всегда отказывали.

Вчера послѣ обѣда, когда я отправлялся къ Сонину, сошедъ съ крыльца, я встрѣтилъ человѣка несущагося учетвереннымъ шагомъ со стороны квартиры Иванова; я остановился, чтобы посмотрѣть, кто это такой, но, узнавъ Араба, поворотилъ налѣво и пустился упятереннымъ шагомъ къ базару не оглядываясь, оттуда, поворачивая въ разныя переулки, я пришелъ къ какому-то мѣсту близко моей квартиры, и не узналъ мѣста. Пока я оглядывался, приходитъ туда Энегольмъ съ Воейковымъ. «Что вы такъ запыхались, Николай Николаевичъ?»—«Меня преслѣдуютъ».—«Кто?»—«Арабъ». Посмѣялись и

пошли вмѣстѣ; но, подходя къ магазейну, чернецъ намъ опять на встрѣчу. Не понимаю, какъ онъ успѣлъ такое пространство околесить. Я шагъ задержалъ, а онъ заворотилъ въ аптеку, мимо которой я скорымъ шагомъ промаршировалъ; но едва я вошелъ къ Сонину, какъ и онъ вслѣдъ за мной туда же. Однако онъ дурнаго намѣренія никакого не показалъ и разговаривалъ только о курсѣ серебра, золота и бумажекъ въ Англіи. Петръ Николаевичъ, которому я сіе разсказывалъ вчера ввечеру, увѣрялъ меня, что сіе самое есть *силлогизмъ человѣческаго преслѣдованія*. Здѣсь въ Тифлисѣ такого народа множество.

Удивительно, сколько Вельяминовъ читалъ; нѣтъ той поэмы, изъ которой бы онъ не зналъ даже нѣсколько стиховъ наизусть.

Есть здѣсь одинъ *Леонъ-Маркъ*, котораго я назвалъ *Мунго-Паркъ*. Онъ былъ артилерійскимъ капитаномъ и выключенъ изъ службы за дурное поведеніе. Никакія силы не могутъ его отсюда выпроводить; онъ вѣчно пьянъ, впрочемъ человѣкъ совсѣмъ не глупый, но отчаянный. Вчера онъ, жестоко пьяный, пришелъ къ Алексѣю Петровичу; его подняли господа на смѣхъ, еще крѣпче напоили и заставили плясать, чѣмъ онъ съ часъ занимался съ дѣтьми покойнаго Кутузова, которыя его за полы дергали.

4-е Декабря назначено было для поѣздки въ деревню Бебутова, Цкнетти называемую.

На обратномъ пути пріѣхали мы къ озеру, лежащему на горахъ, верстахъ въ 4 или 5 отъ Тифлиса. Про сіе озеро идетъ слава, что оно на срединѣ безъ дна и что вода онаго весьма горька. Озеро сіе имѣетъ въ длину сажень 60, а въ ширину сажень 40 или 50; оно обросши травой, которая на поверхность не выходитъ и видна сквозь воду. По разсказамъ слышно, что оно содержитъ множество змѣй и гадинъ. Я подъѣхалъ поближе къ озеру и увидѣлъ на срединѣ утку. Зарядивъ ружье, я ударилъ; утка забилась на озерѣ, но опять сѣла и съ мѣста не двигалась: она была подстрѣлена. Я скинулъ кафтанъ и хотѣлъ пуститься за ней вплавь, но меня уговаривали оставить ее, ссылаясь на опасность озера. Я остановился и предложилъ рубль серебра тому изъ слугъ, который достанетъ ее. Изъ Грузинъ ни который не пошевелился; а Буланый, мой человѣкъ, сталъ раздѣваться и сказалъ, что это безъ денегъ, но по приказанію моему онъ долженъ сдѣлать. Еслибъ онъ за деньги взялся, то бы я его пустилъ; но повиновеніе его заставило меня подумать, и я рѣшился самъ пострадать. Я раздѣлся и опять сталъ думать. Если утка сія въ состояніи нырять, она меня измучаетъ, и я не ворочусь на берегъ, и потому для вѣрности я пустилъ въ нее еще два заряда, которые оба попали; она была въ крови, но еще жива. Я стрѣлялъ будучи въ одной рубашкѣ;

солнце садилось, и на горахъ холодно стало. Однакоже я скинулъ рубашку и бросился въ воду. Грязь и тина облѣпили меня; я окунулся и захлебнулся горчайшей мерзкой водой, но поплылъ на середину и схватилъ утку живую; правой рукой я ее держалъ, а лѣвой плылъ. Я запутался въ травѣ, ноги и руки мои были какъ веревками связаны; я всѣми силами выбивался и рвалъ траву. Я выбился изъ силъ; холодъ меня совершенно довершилъ. Я всячески бился и не могъ подвинуться къ берегу, сталъ кричать съ отчаянія: *усталъ!* На берегу всѣ перепугались, а помочь мнѣ только одинъ Буланый сбирался. Наконецъ. не будучи больше въ состояніи двигаться, я сталъ ноги опускать и къ счастью ощупалъ вязкое дно, составленное изъ густой травы. Я обрадовался, нѣсколько оперся, отдохнулъ и пустился опять отъ сего мѣста къ берегу; дна снова не было или, лучше сказать, трава не довольно густа была, чтобы поддерживать меня. Я поплылъ и вышелъ на берегъ съ уткой. Но холодъ меня уничтожилъ; я невольно ревѣлъ, какъ быкъ. Меня укутали шинелями, бурками, сѣли мнѣ на ноги и стали отогрѣвать меня. Князь Арсеній Бебутовъ имѣлъ съ собой бутылку малаги, которую мы не допили за здоровье его дочери Варвары, коей имянины были. Онъ меня отпаивалъ, и я, какъ рыцарь, посвятилъ утку въ подарокъ его дочери. Развели огонь, я обогрѣлся, и поѣхали всѣ въ Тифлисъ чай пить къ Арсенію Бебутову. Собрались Грузины; имъ разсказали происшествіе. *Вай! вай! вай!* вскричали они и удивлялись моей рѣшимости; но между тѣмъ другіе присутствовавшіе на самомъ дѣлѣ сказали мнѣ, что они весьма испугались, какъ я сталъ кричать «*усталъ*» и что еслибъ я утонулъ, то имъ ничего не оставалось бы дѣлать больше, какъ отправляться съ того же мѣста въ Ахалцыхъ, чтобы не замучили ихъ допросами и слѣдствіями. Я весьма счастливо спасся и не предъ кѣмъ больше, какъ только передъ Бурцовымъ, не сдѣлалъ бы такой штуки.

6-го было у меня множество народа поутру съ поздравленіемъ меня съ имянинами. Я былъ званъ на завтракъ къ Каховскому, который тоже имянинникъ былъ. Алексѣй Петровичъ былъ очень ласковъ и велѣлъ мнѣ тоже завтракъ сдѣлать. На вечеръ я былъ званъ къ другому имянининку, графу Самойлову. Ужинъ былъ очень веселый.

8-го всѣ гости были у меня, я счелъ 30 человѣкъ. Обѣдъ названъ былъ завтракомъ, и скажу, что былъ великолѣпный; онъ мнѣ сталъ 33 червонца. Алексѣй Петровичъ посѣтилъ меня, обѣдалъ; послѣ обѣда устроился бостонъ, который мнѣ весьма непріятенъ былъ: его продолжали играть часовъ шесть.

У Сонина дѣлалась репетиція двумъ піесамъ, которыя собираются къ 12 числу сыграть: «*Подложный кладъ*» и «*Часъ ѣзды*». Изъ дѣйствую-

щихъ лицъ Самойловъ, Бабарыкинъ, Сухановъ, Головановъ, Петровскій, Сонинъ и Поповъ.

15-го поутру я пошелъ къ Алексѣю Петровичу и просилъ его посѣтить ввечеру театръ нашъ; потомъ я разнесъ билеты и афиши, и отправился въ театръ для устраиванія порядка. Въ 6 часовъ стали съѣзжаться; было около 170 человѣкъ. Роли хорошо знали и порядочно играли, я былъ суфлеромъ. Алексѣй Петровичъ былъ очень доволенъ театромъ и пригласилъ къ себѣ дамъ на балъ. Сидя въ своей суфлерской дырѣ, я выпилъ два стакана пунша некрѣпкаго, но какъ я цѣлый день ничего не ѣлъ, то и опьянѣлъ. Должность свою я исправно кончилъ; но какъ мы стали выходить, то голова у меня закружилась, я позвалъ къ себѣ Мещерякова, и онъ меня проводилъ. Спустившись въ ровъ, отдѣляющій городъ отъ Гоpатабани, я сѣлъ; всѣ товарищи мимо меня прошли и не видали меня. Поднялся сильный вѣтеръ, я пошелъ по дорогѣ къ карантину, чтобы освѣжиться, пришелъ къ монастырю, который тутъ стоитъ; сидѣлъ я тутъ съ часъ и подремалъ немного; но, видя, что голова у меня лучше не становится, я пошелъ къ Мещерякову и ночевалъ у него.

Въ два часа пополудни пришли ко мнѣ баронъ Унгернъ и Бергъ; они мнѣ служили лексиконами для перевода съ Нѣмецкаго комедіи: *Живой Покойникъ или Несчастные.* Меня просили заняться симъ товарищи мои, которые хотятѣ разыграть комедію сію на праздникахъ. Я собрался и просидѣлъ отъ 3 часовъ до 11, переводя безостановочно; наконецъ, усталъ и задремалъ. На мое мѣсто Бабарыкинъ сѣлъ и занялся часа два. Во второмъ часу пополуночи меня уговорили присѣсть и кончить весь переводъ. Я легъ въ 3-мъ часу.

Когда прошлый разъ былъ театръ, то Грузинъ ни одного не звали, по желанію всѣхъ играющихъ и по приказанію Алексѣя Петровича. Вчера я узналъ отъ Петра Николаевича, что генералъ за то сердился и свалилъ всю вину на меня, тогда какъ я предлагалъ товарищамъ позвать нѣсколько Грузинъ; но всѣхъ болѣе виною сему самъ генералъ, который не велѣлъ ихъ звать. Грузины приходили съ жалобой къ митрополиту, который говорилъ о семъ Алексѣю Петровичу, а тотъ вину на меня свалилъ. Вотъ уже второй поступокъ такого рода отъ него со мной; первый былъ при въѣздѣ нашемъ въ границы. Но я дамъ ему почувствовать, что онъ напрасно меня обвиняетъ, не разсудивъ.

25-го въ девять часовъ утра стояла въ парадѣ за Курой гренадерская бригада подъ командою генералъ-маіора князя Эристова. Бригада сія состоитъ изъ трехъ полковъ: Херсонскаго и Грузинскаго гренадерскихъ и 7-го карабинернаго. Перваго командиръ полковникъ

Берниковъ, втораго - Дьяковъ, а третьяго—Ладинскій. Въ парадѣ были: 1 и 2 баталіоны Херсонскаго полка, всѣ три Грузинскаго и 1 и 3 карабинернаго. Къ карабинерному вмѣсто 7 и 8 взводовъ прикомандирована была рота 17 егерскаго полка подъ командою капитана Суворова, таже самая которая встрѣтила посольство подъ Агзенбеугомъ. Она тогда чрезвычайно понравилась Алексѣю Петровичу, и онъ велѣлъ ей прибыть въ Тифлисъ къ параду. Главнокомандующій объѣхалъ линіи и возвратился въ соборную церковь Сіонъ, гдѣ слушалъ обѣдню, послѣ которой митрополитъ Ѳеофилактъ пошелъ крестнымъ ходомъ къ войскамъ. Погода была дурная, снѣгъ шелъ довольно сильный. Шествіе остановилось противъ середины линій: баталіоны свернулись въ колонны и составили трехстороннее каре. Ѳеофилактъ отслужилъ молебствіе, при которомъ производилась пушечная пальба. Послѣ молебствія митрополитъ окроплялъ знамена и войска святой водой. Кончивши всю церемонію, онъ отправился домой. Полки проходили церемоніальнымъ маршемъ по взводно и въ колоннахъ. Всѣ движенія были очень хорошо сдѣланы, и Алексѣй Петровичъ былъ доволенъ парадомъ. Послѣ парада офицеры собрались у главнокомандующаго, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ на 200 человѣкъ; гостей однакоже было только 148. Я на обѣдѣ не былъ, а остался дома.

Ввечеру я познакомился съ однимъ Армяниномъ, докторомъ медицины, который 17 лѣтъ въ Италіи учился. Онъ слыветъ здѣсь за ученаго и имѣетъ хорошія свѣдѣнія въ языкахъ восточныхъ и медицинѣ. Онъ обѣщался учить меня по-турецки.

Ввечеру я былъ у главнокомандующаго, гдѣ архіерейскіе пѣвчіе пѣли концерты.

30-го я обѣдалъ у Бебутова; послѣ обѣда мы пошли къ Шериманову. Человѣкъ сей занимателенъ. У него порядочная библіотека, состоящая большею частью изъ книгъ химическихъ, ботаническихъ и лѣчебныхъ. Онъ знаетъ по-русски, по-латини, по-итальянски, по-французски, по-арабски, по-армянски, по-грузински, по турецки, по-персидски и по татарски. Онъ цѣлый день занимается, живетъ по-европейски, но чудакомъ—участь всѣхъ ученыхъ людей. Шеримановъ богатъ, но не открыто живетъ; онъ самъ уже немолодъ и содержитъ стараго отца своего. Одѣвается онъ смѣшно: у него старый сюртукъ голубаго цвѣта, подбитый мѣхомъ, а на головѣ у него какая-то чудесная шапка. Онъ будетъ меня по-турецки учить, и я надѣюсь съ нимъ успѣхи сдѣлать.

(*Продолженіе будетъ*).

ПАПСТВО И РИМСКІЙ ВОПРОСЪ

съ Русской точки зрѣнія.

Сочиненіе Ѳ. И. Тютчева.

Во Французскомъ подлинникѣ эта статья Ѳ. И. Тютчева озаглавлена: La papauté et la question romaine au point de vue de Saint-Pétersbourg. Статья писана для иностранцевъ, и намъ кажется, что сочинитель, если бы писалъ порусски, озаглавилъ бы ее такъ, какъ сдѣлано въ Русскомъ нынѣшнемъ переводѣ. И то сказать, что 36 лѣтъ тому назадъ меньше было разницы между выраженіями „Русская" и „Петербургская" точка зрѣнія. „Папство и Римскій вопросъ"—та самая статья, о которой отзывается А. И. Кошелевъ въ письмѣ къ А. Н. Попову (Р. Арх. 1886, I, стр. 353); но въ данномъ случаѣ Кошелевъ не судья. Статьѣ Тютчева придавалъ большое значеніе человѣкъ, вполнѣ способный оцѣнить ее, именно А. С. Хомяковъ. Мало того, она и подала поводъ Хомякову къ сочиненію его Французскихъ богословскихъ статей, составляющихъ цѣлое событіе въ исторіи Русскаго просвѣщенія. Самостоятельное и вѣское слово Тютчева было однимъ изъ достопамятнѣйшихъ проявленій Русской мысли передъ Западной Европою, и вотъ почему Р. Архивъ считаетъ долгомъ своимъ познакомить съ нимъ читателей. Издатель журнала Revue des Deux Mondes (въ первой книжкѣ котораго за 1850 годъ появилась эта статья, безъ имени сочинителя) предпослалъ ей нѣсколько замѣчаній, въ которыхъ ссылается на записку Тютчева о положеніи Западной Европы послѣ Февральской революціи, поданную имъ императору Николаю Павловичу и напечатанную (въ подлинникѣ и переводѣ) въ Русскомъ Архивѣ 1873 года. Нижеслѣдующій Русскій переводъ сдѣланъ очень тщательно В. Н. Лясковскимъ, первыя его страницы были правлены покойнымъ И. С. Аксаковымъ.

Подробный разборъ этого сочиненія съ указаніями на вызванную имъ полемику, читатели найдутъ въ біографіи Ѳ. И. Тютчева, написанной И. С. Аксаковымъ (Русскій Архивъ, 1874 г., книга вторая). Приводимъ изъ этой біографіи нѣсколько выписокъ, необходимыхъ для яснаго пониманія и оцѣнки статьи Тютчева.

„.....Въ 1847 году, съ восшествіемъ на папскій престолъ Пія IX, введены имъ были въ Римѣ разныя либеральныя преобразованія. Вспыхнувшая затѣмъ въ Парижѣ Февральская революція перекинула свое революціонное пламя и въ Римъ; папа бѣжалъ, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ войска Французской республики, по повелѣнію президента Людовика-Наполеона, осадили вѣчный городъ, чуть-чуть не разрушили его бомбами, наконецъ, послѣ долгой осады, овладѣли имъ, раздавили новосозданную Римскую республику и водворили папу снова въ Ватиканѣ....“

„...Часть статьи Тютчева, или вѣрнѣе тема о соотношеніи католицизма или романизма съ протестантизмомъ, послужила поводомъ и темою для извѣстныхъ Французскихъ брошюръ Хомякова. Хомяковъ вообще съ самымъ живымъ сочувствіемъ отнесся къ этой статьѣ. Вотъ что мы читаемъ въ одномъ письмѣ Хомякова къ А. Н. Попову: „Статья Ѳ. И. Тютчева въ Revue des Deux Mondes вещь превосходная, хотя я и не думаю, чтобъ ее поняли у васъ въ Питерѣ и въ чужихъ краяхъ. Она заграничной публикѣ не по плечу... Она есть не только лучшее, но единственно дѣльное, сказанное объ Европейскомъ дѣлѣ, гдѣ бы то ни было. Скажите ему благодарность весьма многихъ....“ Но въ своей первой брошюрѣ, озаглавленной „Нѣсколько словъ православнаго христіанина о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ, по поводу брошюры г. Лоранси“, написанной и напечатанной (въ Парижѣ) въ 1853 г., Хомяковъ дѣлаетъ слѣдующую оговорку; приводимъ ее въ переводѣ: „Въ статьѣ, напечатанной въ Revue des Deux Mondes и писанной, какъ кажется, Русскимъ дипломатомъ г. Тютчевымъ, указано было на главенство Рима и въ особенности на смѣшеніе въ лицѣ епископа-государя интересовъ духовныхъ съ мірскими, какъ на главную причину, затрудняющую разрѣшеніе религіознаго вопроса на Западѣ. Эта статья вызвала въ 1852 г. отвѣтъ со стороны г. Лоранси, и этотъ-то отвѣтъ требуетъ опроверженія. Я оставлю въ сторонѣ вопросъ о томъ, успѣлъ ли г. Тютчевъ въ статьѣ своей (достоинства которой не оспариваетъ даже и критикъ его) выразить мысль свою во всей ея широтѣ и не смѣшалъ ли онъ, до нѣкоторой степени, причины болѣзни съ ея внѣшними признаками. Не стану ни заступаться за моего соотечественника, ни критиковать его. Единственная цѣль моя оправдать Церковь отъ странныхъ обвиненій, взводимыхъ на нее г. Лоранси, и потому я не переступлю предѣловъ вопроса религіознаго““. (Соч. Хомякова, изд. 2-е, томъ II, стр. 33).

И. С. Аксаковъ, въ своей біографіи Тютчева, перевелъ нѣкоторыя мѣста изъ статьи о Римскомъ вопросѣ. Нынѣшній ея переводчикъ воспользовался этими отрывками для сравненія со своимъ собственнымъ переводомъ. Сравненіе это помогло ему достичь наиболѣе вѣрной передачи соотвѣтственныхъ мѣстъ Французскаго подлинника, который вѣроятно будетъ изданъ въ полномъ собраніи сочиненій Тютчева, предпринятомъ въ Петербургѣ его вдовою. П. Б.

Если есть какой изъ вопросовъ дня или вѣрнѣе вѣка, гдѣ словно въ фокусѣ сводятся, сосредоточиваются всѣ аномаліи, всѣ противорѣчія, всѣ непреодолимыя затрудненія, съ которыми бьется Западная Европа, – то это безъ сомнѣнія вопросъ Римскій. Да и не могло быть иначе: таково неизбѣжное слѣдствіе той неумолимой логики, которая, какъ скрытое правосудіе, вложена Богомъ въ событія міра. Глубокій и непримиримый разрывъ, вѣками донимающій Западъ, долженъ былъ, наконецъ, дойти до высшаго своего выраженія, долженъ былъ проникнуть до самаго корня дерева. А почетнаго права на такое значеніе никто, конечно, не станетъ оспаривать у Рима: онъ и теперь, какъ былъ имъ всегда,—корень Западнаго міра. Однакоже, какъ ни сильно озабочены умы этимъ вопросомъ, позволительно усомниться, чтобы вся полнота его содержанія была въ точности и отчетливо раскрыта сознанію.

Что̀ вѣроятно болѣе всего способствуетъ къ нѣкоторому заблужденію мысли относительно свойства и предѣловъ вопроса въ той его постановкѣ, въ какой онъ теперь является предъ нами,—это вопервыхъ, мнимое сходство между тѣмъ, что̀ на нашихъ глазахъ совершилось въ Римѣ, и нѣкоторыми изъ прежнихъ, революціонныхъ эпизодовъ его исторіи; вовторыхъ—весьма дѣйствительная связь, которою современное Римское движеніе примыкаетъ къ общему движенію Европейской революціи. Всѣ эти побочныя обстоятельства, на первый взглядъ повидимому объясняющія Римскій вопросъ, въ сущности только заслоняютъ отъ насъ его глубину. Нѣтъ, не таковъ этотъ вопросъ, какъ другіе: не только ко всему что̀ есть на Западѣ прикасается онъ, но, можно сказать, онъ даже переступаетъ его предѣлы.

Едвали кто рѣшится обозвать клеветою или парадоксомъ такое утвержденіе, что въ настоящее время все, что̀ еще осталось на Западѣ отъ положительнаго христіанства, связано скрытымъ или же болѣе или менѣе признаннымъ сродствомъ съ Римскимъ католицизмомъ, для котораго папство, какъ оно вѣками сложилось, тоже что̀ камень, замыкающій сводъ,—необходимое условіе бытія. Протестантства, съ его многочисленными развѣтвленіями, едва достало на три столѣтія; оно умираетъ отъ истощенія во всѣхъ странахъ, гдѣ оно до сихъ поръ господствовало, за исключеніемъ одной развѣ Англіи; да и тамъ, если оно и проявляетъ еще нѣкоторые задатки жизни, задатки эти стремятся къ возсоединенію съ Римомъ. Что̀ касается разныхъ религіозныхъ доктринъ, возникающихъ внѣ всякаго общенія съ какимъ-либо изъ этихъ двухъ исповѣданій, то онѣ очевидно не болѣе какъ личныя мнѣнія. Однимъ словомъ, папство—вотъ столпъ, который

еще кое-какъ поддерживаетъ на Западѣ весь тотъ край христіанскаго зданія, что̀ уцѣлѣлъ послѣ великаго погрома XVI вѣка и послѣдовательныхъ обваловъ, совершившихся съ той поры.

И вотъ на этотъ-то столпъ и собираются теперь посягнуть, направляя удары въ самую его основу. Намъ очень хорошо извѣстны всѣ тѣ общія мѣста, которыми какъ повседневная печать, такъ и оффиціальныя завѣренія нѣкоторыхъ правительствъ стараются, по обыкновенію, прикрыть правду дѣйствительности: до папства-де, какъ до учрежденія религіознаго, и не думаютъ прикасаться; передъ нимъ преклоняются, благоговѣютъ; его сохранятъ во что̀ бы ни стало; даже свѣтской власти у папства не оспариваютъ, хотятъ только видоизмѣнить ея примѣненіе; отъ него потребуютъ лишь уступокъ, признанныхъ необходимыми; его заставятъ принять преобразованія лишь совершенно законныя. Во всемъ этомъ порядочная доля недобросовѣстности, и въ преизобиліи—самообольщеніе.

Конечно недобросовѣстно, даже со стороны людей самыхъ благодушныхъ, прикидываться вѣрящими, будто серьезныя и честно выполненныя реформы въ настоящемъ образѣ управленія папскою областью могутъ не привести, въ продолженіе извѣстнаго времени, къ полной ея секуляризаціи *). Но вопросъ-то собственно и не въ этомъ: дѣйствительный вопросъ заключается въ томъ, въ чью пользу совершится эта секуляризація, то есть каковы будутъ свойства, духъ и стремленія того новаго правительства, которому вы передадите свѣтскую власть, отнявъ ее у папства, и подъ опекою котораго,—этого скрыть вы отъ себя не можете,—папство осуждено будетъ жить далѣе. Вотъ тутъ-то и преизобилуетъ самообольщеніе.

Намъ извѣстно идолопоклонство людей Запада передъ всѣмъ, что̀ есть форма, формула и политическій механизмъ. Идолопоклонство это сдѣлалось какъ бы послѣднею религіей Запада. Но если только не совсѣмъ сомкнуть глаза предъ всякимъ опытомъ, предъ всякой очевидной истиной, то какимъ же еще образомъ, послѣ всего случившагося, можно еще съумѣть увѣрить себя, будто, при современномъ положеніи Европы, Италіи, Рима, навязанные вами папѣ либеральные или полулиберальные уставы такъ-таки и останутся надолго въ зависимости отъ убѣжденій среднихъ, умѣренныхъ, мягкихъ,—такихъ, какими вамъ пріятно воображать ихъ себѣ, въ

---

*) *Секуляризація*—отнятіе у учрежденія характера церковнаго и присвоеніе ему характера и свойствъ учрежденія только мірскаго, государственнаго; на Русскомъ языкѣ нѣтъ соотвѣтствующаго выраженія. *Примѣч. переводчика.*

интересахъ доказываемаго вами тезиса; будто революція не захватитъ ихъ быстро въ руки свои и не превратитъ ихъ вслѣдъ за тѣмъ въ стѣнобитныя орудія для сокрушенія не только свѣтской власти папы, но и самого церковнаго учрежденія? Ибо, сколько бы вы ни наказывали революціонному принципу, какъ Господь Сатанѣ, мучить одно только тѣло вѣрнаго Іова, не касаясь его души,—будьте увѣрены, что революція, менѣе совѣстливая, чѣмъ духъ тьмы, не обратитъ никакого вниманія на ваши внушенія.

Ни обманываться, ни самообольщаться въ этомъ отношеніи не можетъ уже тотъ, кто вполнѣ уразумѣлъ, что̀ составляетъ основаніе спора на Западѣ, что̀, въ продолженіе вѣковъ, сдѣлалось его жизнью—жизнью ненормальной, конечно, однакожъ дѣйствительной,—болѣзнью, которая зародилась не со вчерашняго дня и все еще развивается. И если такъ мало встрѣчается людей чувствующихъ это положеніе Запада, то этимъ доказывается только, что болѣзнь зашла уже очень далеко.

Не подлежитъ и сомнѣнію,—по отношенію къ вопросу Римскому,—что большинство интересовъ, требующихъ преобразованій и уступокъ со стороны папы, интересы законные, справедливые, чуждые затаенной или такъ-называемой задней мысли; что удовлетворить ихъ слѣдуетъ и что въ удовлетвореніи этомъ даже нельзя имъ отказывать долѣе. Но таковъ, до невѣроятности, роковой удѣлъ настоящаго положенія дѣлъ, что эти интересы, сами по себѣ совершенно мѣстные и сравнительно незначительные, оказываютъ рѣшающее воздѣйствіе на вопросъ исполинской важности. Они подобны тѣмъ скромнымъ жилищамъ частныхъ людей, расположеннымъ на такомъ мѣстѣ, которое господствуетъ надъ крѣпостью, а на бѣду врагъ у воротъ. Ибо повторяемъ: секуляризація—вотъ конечный, неизбѣжный исходъ всякой реформы, серьезно и добросовѣстно проведенной въ Римской области; а секуляризація, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, ничто иное, какъ сложеніе оружія передъ непріятелемъ, капитуляція.

Итакъ, что̀ же изъ этого слѣдуетъ? То ли, что Римскій вопросъ, въ этой его постановкѣ, просто лабиринтъ безъ выхода; что папство, съ постепеннымъ развитіемъ скрытаго въ немъ порока, пришло, послѣ многихъ вѣковъ бытія, къ такому періоду существованія, въ которомъ жизнь, какъ было кѣмъ-то сказано, даетъ себя чувствовать лишь трудностью жить? То ли, что Римъ, создавшій Западъ по образу своему и подобію, столкнулся, какъ и онъ, лицомъ къ лицу съ невозможностью? Мы не беремся отвѣчать отрицательно—и, вотъ здѣсь-то и выступаетъ, словно солнце, та логика Промысла, которая, какъ внутренній законъ, управляетъ событіями міра.

Скоро исполнится восемь вѣковъ съ того дня, какъ Римъ разорвалъ послѣднее звѣно, связывавшее его съ православнымъ преданіемъ Вселенской Церкви. Создавая себѣ въ тотъ день свою отдѣльную судьбу, онъ на многіе вѣка рѣшилъ судьбу Запада.

Догматическія различія, отдѣляющія Римъ отъ Православной Церкви, извѣстны всѣмъ. Съ точки зрѣнія человѣческаго разума различія эти, вполнѣ обусловливая раздѣленіе, не объясняютъ въ достаточной мѣрѣ той пропасти, которая образовалась—не между двумя церквами, ибо Церковь *одна*—а между двумя мірами, такъ сказать, между двумя человѣчествами, которыя послѣдовали за этими двумя разными знаменами. Различія эти не объясняютъ въ достаточной мѣрѣ, почему то, что̀ тогда совратилось съ пути, должно было необходимо дойти до той точки, которой оно достигаетъ на нашихъ глазахъ.

Спаситель сказалъ: „Царство Мое не отъ міра сего". И вотъ нужно понять, какимъ образомъ Римъ, отдѣлившись отъ единства, счелъ, что онъ имѣетъ право въ интересѣ, который онъ отождествилъ съ интересомъ самаго христіанства, устроить это царство Христово какъ царство міра сего. Мы знаемъ, что трудно, въ кругу понятій Запада, придать этому слову его законное значеніе: его всегда будутъ склонны толковать не въ православномъ, а въ протестантскомъ смыслѣ; а между этими двумя смыслами то разстояніе, которое отдѣляетъ божественное отъ человѣческаго. Но надо признать, что, будучи отдѣлено этимъ неизмѣримымъ разстояніемъ отъ протестантства, православное ученіе нисколько не ближе стоитъ и къ ученію Рима, и вотъ почему Римъ, конечно, поступилъ не такъ, какъ протестантство: онъ не упразднилъ христіанскаго средоточія, которое есть Церковь, въ пользу человѣческаго, личнаго *я*; но за то онъ поглотилъ его въ Римскомъ *я*. Онъ не отвергъ преданія, а удовольствовался тѣмъ, что конфисковалъ его въ свою пользу. А развѣ присвоивать себѣ божественное не значитъ тоже что̀ отрицать его? Вотъ чѣмъ устанавливается та страшная, но безспорная связь, благодаря которой, черезъ долгій промежутокъ времени, нача̀ло протестантства примыкаетъ къ захватамъ Рима: ибо захватъ представляетъ ту особенность, что онъ не только родитъ возстаніе, но еще создаетъ въ свою пользу призракъ права.

Новѣйшая революціонная школа въ этомъ не ошиблась. Революція, которая есть не что иное, какъ апоѳеоза того же самаго человѣческаго *я*, достигшаго до своего полнѣйшаго расцвѣта, не замедлила признать своими и привѣтствовать, какъ двухъ своихъ славныхъ предковъ — и Григорія VII-го, и Лютера. Родственная кровь заговорила въ ней, и она приня-

ла одного, не смотря на его христіанскія вѣрованія, и почти обоготворила другаго, хоть онъ и папа *).

Но если очевидное сходство, соединяющее три члена этого ряда, составляетъ основу исторической жизни Запада, то исходною точкою этой связи необходимо признать именно то глубокое искаженіе, которому христіанское начало подверглось отъ навязаннаго ему Римомъ устройства. Въ теченіи вѣковъ Западная церковь, подъ сѣнію Рима, почти совершенно утратила обликъ, указанный ея исходнымъ началомъ. Она перестала быть, среди великаго человѣческаго общества, обществомъ вѣрующихъ, свободно соединенныхъ въ духѣ и истинѣ подъ Христовымъ закономъ: она сдѣлалась политическимъ учрежденіемъ, политическою силою, государствомъ въ государствѣ. По правдѣ сказать, во все продолженіе среднихъ вѣковъ, церковь на Западѣ была ничѣмъ инымъ, какъ Римскою колоніей, водворенной въ завоеванной странѣ.

Это-то устройство, привязавъ церковь къ праху земныхъ интересовъ, и создало ей, такъ сказать, смертную судьбу: воплотивъ божественное начало въ немощномъ и преходящемъ тѣлѣ, оно привило къ нему всѣ немощи и похоти плоти. Изъ этого устройства роковымъ образомъ вытекла для Римской церкви необходимость войны, войны вещественной—необходимость, которая для такаго учрежденія, какъ церковь, равносильна была безусловному осужденію. Изъ этого устройства родилась та борьба притязаній и то соперничество интересовъ, которыя необходимо должны были привести къ ожесточенной схваткѣ между первосвященникомъ и имперіей, къ этому по истинѣ безбожному и святотатственному поединку, который, продолжаясь во всѣ средніе вѣка, нанесъ на Западѣ смертельный ударъ самому началу власти. Отсюда всѣ эти излишества и насилія, нагромождаемыя впродолженіе вѣковъ, чтобы подпереть ту вещественную власть, безъ которой, по мнѣнію Рима, нельзя ему было обойтись для охраненія единства церкви и которая однакоже, въ концѣ концовъ, какъ и слѣдовало ожидать, разбила въ дребезги это воображаемое единство: ибо нельзя отрицать, что взрывъ реформы въ XVI вѣкѣ въ основаніи своемъ былъ лишь реакціей христіанскаго чувства, слишкомъ долго накипавшаго противъ власти церкви, которая уже во многихъ отношеніяхъ была таковою лишь по

*) Любопытно, что еще Екатерина Великая, проникнувшись духомъ нашихъ лѣтописей (которыя изучала она съ необыкновеннымъ прилежаніемъ) указывала, въ письмахъ къ Гримму, что Папа и Лютеръ взаимно восполняютъ другъ друга и одинаково не правы. П. Б.

имени. Но такъ какъ издавна Римъ заботливо заслонялъ собою Вселенскую Церковь отъ Запада, то вожди реформы, вмѣсто того чтобы нести свои обиды предъ судилище высшей и законной власти, предпочли апеллировать къ суду личной совѣсти, то-есть сотворили себя судьями въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Вотъ тотъ камень преткновенія, о который разбилась реформа XVI вѣка. Такова—не въ обиду будь сказано мудрымъ учителямъ Запада—истинная и единственная причина, въ силу которой движеніе реформы, христіанское въ своемъ началѣ, сбилось съ пути и, наконецъ, пришло къ отрицанію авторитета Церкви, а слѣдовательно и самаго начала всякаго авторитета. Черезъ этотъ проломъ, который пробило протестантство, такъ сказать само того не вѣдая, противухристіанское начало ворвалось впослѣдствіи въ западное общество.

Исходъ этотъ былъ неизбѣженъ, ибо человѣческое *я*, предоставленное самому себѣ, противно христіанству по существу. Возмущеніе этого *я* и его захваты возникли конечно не въ три послѣдніе вѣка; но тутъ именно, въ первый разъ въ исторіи человѣчества, это возмущеніе, этотъ захватъ возведены были на степень принципа и стали дѣйствовать подъ видомъ права, присущаго человѣческой личности. Поэтому за три послѣдніе вѣка историческая жизнь Запада необходимо была непрерывною войною, постояннымъ приступомъ, направленнымъ противъ всѣхъ христіанскихъ элементовъ, входившихъ въ составъ стараго западнаго общества. Эта разрушительная работа длилась долго, такъ какъ для того, чтобы имѣть возможность напасть на учрежденія, надо было прежде уничтожить ихъ связующую силу, то-есть вѣрованія.

Первая Французская революція тѣмъ именно и памятна во всемірной исторіи, что ей, такъ сказать, принадлежитъ починъ въ дѣлѣ достиженія противухристіанскою идеею правительственной власти надъ политическимъ обществомъ. Эта идея выражаетъ собою истинную сущность, такъ сказать, душу революціи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно уяснить себѣ, въ чемъ состоитъ ея основное ученіе—то новое ученіе, которое, революція внесла въ міръ. Это, очевидно, ученіе о верховной власти народа. А что̀ такое верховная власть народа, какъ не верховенство человѣческаго *я*, помноженнаго на огромное число, то есть опирающагося на силу? Все, что̀ не есть это нача̀ло, не есть уже революція и можетъ имѣть лишь чисто-относительную и случайную цѣну. Вотъ почему (замѣтимъ мимоходомъ) нѣтъ ничего безсмысленнѣе или коварнѣе какъ придавать иную цѣну созданнымъ революціею политическимъ учрежденіямъ. Это осадныя орудія, превосходно приспособленныя къ тому употребленію, для котораго они

построены; но помимо этого назначенія, они въ правильномъ обществѣ никогда не найдутъ подходящаго приложенія.

Впрочемъ, революція сама позаботилась о томъ, чтобы не оставить въ насъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно ея истинной природы. Отношеніе свое къ христіанству она формулировала такъ: „Государство, какъ таковое, не имѣетъ религіи“; ибо таковъ символъ вѣры новѣйшаго государства. Вотъ, собственно говоря, та великая новость, которую революція внесла въ міръ; вотъ ея неотъемлемое, существенное дѣло—фактъ, не имѣющій себѣ подобнаго въ предшествовавшей исторіи человѣческихъ обществъ. Въ первый разъ политическое общество отдавалось подъ власть государства, совершенно чуждаго всякаго высшаго освященія, государства, объявлявшаго, что у него нѣтъ души; а если и есть, то развѣ душа безвѣрная: ибо кто не знаетъ, что даже въ языческой древности, во всемъ этомъ мірѣ по ту сторону креста, который жилъ подъ сѣнію общаго вселенскаго преданія (искаженнаго, но не прерваннаго язычествомъ) городъ, государство были прежде всего учрежденіемъ религіознымъ? Это былъ какъ бы обломокъ общаго преданія, который, воплощаясь въ отдѣльномъ обществѣ, образовывался какъ независимый центръ; это была, такъ сказать, ограниченная мѣстностью и овеществленная религія.

Нейтралитетъ, котораго революція желаетъ держаться въ вопросахъ вѣры, очевидно не есть съ ея стороны что нибудь серьезное. Ей слишкомъ хорошо вѣдомы свойства ея противника, чтобы не знать, что по отношенію къ нему никакой нейтралитетъ невозможенъ: „Кто не со Мною, тотъ противъ Меня“. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы предложить христіанству нейтралитетъ, нужно напередъ перестать быть христіаниномъ. Софизмъ новаго ученія падаетъ здѣсь передъ всесильною природою вещей. Для того чтобы нейтралитетъ этотъ имѣлъ смыслъ и не былъ ложью и западнею, необходимо, чтобы новѣйшее государство согласилось отказаться отъ всякаго притязанія на нравственный авторитетъ, чтобы оно низвело себя на степень простаго полицейскаго учрежденія, простаго вещественнаго факта, неспособнаго по существу выражать какую бы-то ни было нравственную идею. Неужели можно серьезно утверждать, что революція для созданнаго ею и воплощающаго ее государства приметъ такое не только унизительное, но невозможное условіе? На самомъ дѣлѣ, она и не думаетъ его принимать; напротивъ, какъ извѣстно, некомпетентность современнаго законодательства въ дѣлахъ вѣры для нея вытекаетъ лишь изъ убѣжденія, что такъ называемая религіозная мораль, то-есть мораль, не имѣющая никакого сверхъестественнаго утвержденія, достаточна для чело-

вѣческаго общества. Вѣрно ли это положеніе, или нѣтъ; но оно несомнѣнно представляетъ цѣлое ученіе, которое для всякаго добросовѣстнаго человѣка равносильно безусловному отрицанію христіанской истины.

И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что, не смотря на эту глаголемую некомпетентность и конституціонный нейтралитетъ новѣйшаго государства въ дѣлахъ вѣры,—вездѣ, гдѣ это государство водворилось, оно не замедлило потребовать для себя и проявить на дѣлѣ по отношенію къ церкви туже власть и тѣже права, какія принадлежали прежнимъ правительствамъ. Для примѣра укажемъ на Францію, на эту страну логики по преимуществу. Конечно, законъ заявляетъ тамъ, что государство, какъ таковое, не имѣетъ религіи; однакоже само государство, въ своихъ отношеніяхъ къ католической церкви, настойчиво продолжаетъ считать себя совершенно законнымъ наслѣдникомъ христіаннѣйшаго короля.

Возстановимъ же истину: новѣйшее государство потому лишь изгоняетъ государственныя религіи, что у него есть своя; а эта его религія есть революція.

Возвращаясь теперь къ Римскому вопросу, легко понять невозможность того положенія, въ которое хотятъ поставить папство, заставивъ его принять для своей свѣтской власти условія новѣйшаго государства. Природа начала, лежащаго въ основаніи этого послѣдняго, хорошо извѣстна папству: оно инстинктивно чуетъ ее, и въ случаѣ нужды христіанская совѣсть священника предостережетъ папу. Между папствомъ и этимъ началомъ невозможно соглашеніе; ибо здѣсь соглашеніе было бы не простою уступкою власти, а отступничествомъ.

Но отчего же бы папѣ не принять учрежденій безъ ихъ основнаго начала? скажутъ намъ. Вотъ еще одно изъ пустыхъ мечтаній этого, такъ называемаго, умѣреннаго направленія, которое мнитъ себя необыкновенно разсудительнымъ, а въ сущности лишено здраваго смысла. Да развѣ учрежденія могутъ быть отдѣлены отъ начала, которое ихъ создало и живитъ? Развѣ снарядъ учрежденій, лишенный души, не есть мертвый и безполезный хламъ? Притомъ учрежденія въ дѣйствительности всегда имѣютъ значеніе, приписываемое имъ не тѣми, кто далъ ихъ, а тѣми, кто ихъ получилъ, тѣмъ болѣе когда введеніе учрежденій есть дѣло этихъ послѣднихъ.

Если бы папа былъ только епископомъ, то есть если бы папство осталось вѣрнымъ своему происхожденію, то у революціи не было бы оружія для нападенія на него; ибо гоненіе не есть такое оружіе. Но то чуждое начало, которое папство отождествило съ собою, начало смертное и преходящее,—оно-то и дѣлаетъ его теперь доступнымъ для ударовъ рево-

люціи. Вотъ тотъ задатокъ, который за много вѣковъ впередъ Римское папство дало революціи. Здѣсь, какъ мы уже сказали, ярко проявилась властная логика дѣйствій Промысла. Изъ всѣхъ учрежденій, порожденныхъ папствомъ со времени его отдѣленія отъ Православной Церкви, безъ сомнѣнія ни одно такъ глубоко не отмѣтило этого отдѣленія, ни одно такъ его не усилило и не утвердило, какъ свѣтская власть папы. И вотъ именно на этомъ-то учрежденіи теперь и спотыкается папство.

Давно уже, конечно, міръ не видалъ ничего подобнаго тому зрѣлищу, которое представляла несчастная Италія въ послѣднее время передъ ея новыми бѣдствіями. Давно ни одно положеніе вещей, ни одинъ историческій фактъ не имѣли такого страннаго облика. Случается иногда, что человѣкомъ, наканунѣ какого нибудь большаго несчастія, безъ всякаго видимаго повода овладѣетъ припадокъ безумной радости, неистоваго веселья: здѣсь цѣлый народъ былъ вдругъ охваченъ такого рода припадкомъ. И эта лихорадка, это безуміе поддерживалось и распространялось впродолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ. Была минута, когда оно, подобно электрическому току, пробѣжало по всѣмъ общественнымъ слоямъ,—и лозунгомъ такого всеобщаго и напряженнаго безумія было имя папы!

Сколько разъ вѣроятно бѣдный христіанскій священникъ содрогался въ глубинѣ своего убѣжища при звукахъ этой оргіи, дѣлавшей его своимъ кумиромъ! Сколько разъ эти клики любви, эти судороги восторга должны были возбуждать уныніе и сомнѣніе въ душѣ этого христіанина, преданнаго въ добычу такой ужасающей популярности! Ему, папѣ, становилось особенно жутко потому, что въ основаніи этой великой популярности, за всѣмъ этимъ изступленіемъ массъ, какъ бы неистово оно ни было, онъ не могъ не видѣть разсчета и задней мысли.

Впервыя захотѣли воздавать поклоненіе папѣ, отдѣляя его отъ папства. Мало того: самый человѣкъ потому лишь и былъ предметомъ всего этого поклоненія, всѣхъ этихъ горячихъ изъявленій преданности, что въ немъ надѣялись найти сообщника противъ учрежденія; словомъ, хотѣли задать праздникъ папѣ, сжигая папство въ потѣшномъ огнѣ. Такое положеніе было тѣмъ грознѣе, что тотъ разсчетъ, та задняя мысль, о которой мы упомянули, слышались не только въ намѣреніяхъ партій, а проявлялись и въ безсознательномъ чувствѣ массъ. И ничѣмъ не обличались такъ ярко вся ложь и лицемѣріе такого положенія, какъ совпаденіемъ апоѳеозы, въ которую возводился глава католической церкви, съ началомъ самаго ожесточеннаго гоненія на іезуитовъ.

Орденъ іезуитовъ будетъ всегда загадкою для Запада: это одна изъ тѣхъ загадокъ, ключъ къ которымъ находится за его предѣлами. Можно не безъ основанія сказать, что іезуитскій вопросъ слишкомъ близко затрогиваетъ религіозную совѣсть Запада, чтобы Западъ могъ когда-нибудь разрѣшить его вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ *).

Чтобы говорить о іезуитахъ, чтобы подвергнуть ихъ справедливой оцѣнкѣ, нужно прежде всего устранить всѣхъ тѣхъ людей (а имъ имя легіонъ) для которыхъ слово „іезуитъ“ есть уже только лозунгъ, военный кличъ. Конечно, самое краснорѣчивое, самое убѣдительное изъ всѣхъ оправданій, какія выставлялись въ пользу этого знаменитаго ордена, заключается въ той ожесточенной и непримиримой ненависти, которую питаютъ къ нему всѣ враги христіанской вѣры; но, признавая это, нельзя также скрыть отъ себя, что многіе католики—и притомъ наиболѣе искренніе, наиболѣе преданные своей церкви, отъ Паскаля и до нашихъ дней—не переставали, изъ поколѣнія въ поколѣніе, чувствовать открытое, непреодолимое отвращеніе къ этому учрежденію. Такое расположеніе духа значительной части католическаго міра создаетъ, быть можетъ, одно изъ самыхъ потрясающихъ и трагическихъ положеній, въ какія только можетъ быть поставлена человѣческая душа. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно вообразить себѣ болѣе глубокой трагедіи, чѣмъ та борьба, которая должна происходить въ сердцѣ человѣка, когда, поставленный между чувствомъ религіознаго благоговѣнія (чувствомъ, превосходящимъ сыновнюю любовь) съ одной стороны, и отвратительной очевидностью съ другой, онъ усиливается замять, заглушить свидѣтельство собственной совѣсти, лишь бы не признаться самому себѣ, что между предметомъ его поклоненія и предметомъ отвращенія существуетъ тѣсная и безспорная связь. Между тѣмъ таково именно положеніе всѣхъ тѣхъ вѣрныхъ католиковъ, которые, ослѣпленные своею враждою къ іезуитамъ, стараются скрыть отъ себя то, что̀ ясно до очевидности—именно глубокое, тѣсное сродство, связывающее этотъ орденъ, его стремленія, его ученіе, его судьбы, со стремленіями, ученіемъ и судьбами Римской церкви, отъ которой его невозможно отдѣлить, не причинивъ тѣмъ существеннаго поврежденія и очевиднаго увѣчья. Ибо, если отрѣшиться отъ

---

*) Всестороннее опредѣленіе іезуитства принадлежитъ нашему соотечественнику. Мы разумѣемъ книгу Ю. Ѳ. Самарина „Іезуиты въ Россіи“, въ которой съ необыкновенною ясностью изображено психическое развитіе и всѣ пріемы этихъ людей. Троекратное печатаніе этой книги принадлежитъ къ лучшимъ воспоминаніямъ нашей издательской дѣятельности. Какъ мѣсяцъ прорѣзаетъ облегающія его тучи и освѣщаетъ ихъ, такъ строгая логика сочинителя побѣдоносно обличаетъ и распутываетъ накопленныя вѣками хитросплетенія Іезуитовъ. П. Б.

всякихъ предубѣжденій партіи, вѣроисповѣданія и даже народности; если проникнуться самымъ полнымъ безпристрастіемъ и христіанскимъ милосердіемъ и передъ лицомъ исторіи и дѣйствительности, допросивъ ихъ обѣихъ, задать себѣ по совѣсти вопросъ что̀ такое іезуиты?—то вотъ, думаемъ мы, каковъ будетъ отвѣтъ: Іезуиты—это люди, исполненные пламенной, неутомимой, нерѣдко геройской ревности къ дѣлу христіанства и которые однакоже повинны въ великомъ преступленіи передъ тѣмъ же христіанствомъ. Именно, одержимые человѣческимъ *я*—не какъ отдѣльныя личности, а какъ цѣлый орденъ,—они сочли дѣло христіанства настолько связаннымъ съ ихъ собственнымъ дѣломъ и, въ пылу преслѣдованія, въ разгарѣ битвы, такъ всецѣло забыли слово Учителя: „не якоже Азъ хощу, но якоже Ты", что наконецъ стали добиваться побѣды Божіей цѣною всего, только не цѣною своего личнаго удовлетворенія. Это заблужденіе, котораго корень лежитъ въ первородной испорченности человѣка и котораго послѣдствія для христіанства неисчислимы, не есть однакоже исключительная принадлежность общества Іисуса. Это заблужденіе, это стремленіе настолько обще ему съ самой Римской церковью, что въ немъ-то и должно видѣть ту существенную связь, которая какъ бы кровными узами соединяетъ ихъ другъ съ другомъ. Благодаря именно этой общности, этому тождеству стремленій, іезуитскій орденъ и является сосредоточеннымъ, но буквально вѣрнымъ выраженіемъ Римскаго католичества. Проще сказать, онъ есть само католичество, но только въ состояніи дѣйствія, въ положеніи воинствующемъ. Вотъ почему этотъ орденъ, подвергаясь изъ вѣка въ вѣкъ, такъ сказать, постоянной балотировкѣ, переходя отъ торжества къ гоненіямъ, отъ поношенія къ апоѳеозѣ, никогда не находилъ, да и не можетъ найти на Западѣ ни достаточно безпристрастнаго религіознаго мнѣнія, способнаго его оцѣнить, ни религіознаго авторитета, властнаго произнести надъ нимъ судъ. Одна часть западнаго общества—та, которая рѣшительно оторвалась отъ христіанскаго начала—нападаетъ на іезуитовъ лишь для того, чтобы, прикрываясь ихъ непопулярностью, имѣть возможность вѣрнѣе направлять удары на своего настоящаго врага. Что̀ же касается тѣхъ изъ католиковъ, которые остались вѣрными Риму, но сдѣлались противниками ордена, то хотя сами они лично, какъ христіане, могутъ быть и правы, но какъ Римскіе католики они безсильны противъ него: ибо, нападая на орденъ, они постоянно подвергаются опасности поранить самую Римскую церковь.

Но не только противъ іезуитовъ (этой живой силы католичества) старались воспользоваться тою полупритворною, полуискреннею популярно-

стью, которою облекли папу Пія IX: на него разсчитывала еще другая партія, ему прочили другое призваніе. Сторонники національной независимости надѣялись, что, съ полнымъ упраздненіемъ свѣтской власти папства въ пользу ихъ дѣла, тотъ, кто прежде всего есть епископъ, согласится стать гонфалоньеромъ Итальянской свободы. Такимъ образомъ два наиболѣе живыя и сильныя чувства современной Италіи—отвращеніе отъ свѣтской власти духовенства и завѣщанная преданіемъ ненависть къ иноземцу, къ „варвару", къ Нѣмцу—оба эти чувства требовали содѣйствія папы ихъ дѣлу. Всѣ его прославляли, даже обоготворяли, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ сдѣлался слугою всѣхъ, и слугою никакъ не въ смыслѣ христіанскаго смиренія. Между политическими мнѣніями или вліяніями, которыя, предлагая ему свою помощь, всячески добивались его покровительства, было одно надѣлавшее передъ тѣмъ много шуму, потому что его истолкователями и вѣстниками были люди съ выдающимся литературнымъ талантомъ. Если повѣрить наивно-заносчивому ученію этихъ политическихъ теоретиковъ, то современная Италія, подъ сѣнію Римскаго престола, должна была вернуть себѣ древнее первенство и въ третій разъ захватить въ свои руки скипетръ всемірнаго владычества; иными словами, въ то самое время когда зданіе папства было потрясено до самаго основанія, они серьезно совѣтовали папѣ постараться перещеголять средніе вѣка и предлагали ему нѣчто въ родѣ христіанскаго калифата—конечно подъ тѣмъ условіемъ, чтобы эта новая теократія прежде всего преслѣдовала цѣли Итальянской національности.

Нельзя достаточно надивиться той наклонности ко всему несбыточному и невозможному, которая въ наши дни владѣетъ умами и составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ нашего вѣка. Должно быть есть дѣйствительная связь между утопіей и революціей, потому что всякій разъ какъ революція на мгновеніе измѣняетъ своимъ привычкамъ и вмѣсто того чтобы разрушать, берется создавать—она неизбѣжно впадаетъ въ утопію. Нужно сказать, что та, на которую мы намекнули, еще одна изъ самыхъ безобидныхъ.

Наконецъ, въ этомъ положеніи вещей наступила минута, когда уклончивый образъ дѣйствій сталъ уже невозможенъ, и папству, чтобы вернуть свое право, пришлось стать лицомъ къ лицу противъ мнимыхъ друзей папы. Тогда и революція съ своей стороны сбросила личину и явилась міру въ образѣ Римской республики. Что̀ такое эта партія—теперь достаточно извѣстно: ее всѣ видѣли на дѣлѣ. Это истинная, законная представительница революціи въ Италіи. Партія эта считаетъ папство своимъ личнымъ

врагомъ, такъ какъ находитъ въ немъ присутствіе христіанскаго начала; поэтому она не терпитъ его ни подъ какимъ видомъ—ни даже подъ условіемъ употреблять его для своихъ цѣлей. Ей бы просто хотѣлось упразднить его изъ того же самаго побужденія, изъ котораго она хочетъ упразднить все прошлое Италіи, всѣ историческія условія ея бытія, якобы запятнанныя и зараженныя католицизмомъ, предоставляя себѣ, чистымъ революціоннымъ отвлеченіемъ, привязать замышляемое ею государственное устройство къ республиканскимъ преданіямъ древняго Рима.

Въ этой безсмысленной утопіи любопытно то, что, не смотря на ея совершенно противуисторическій характеръ, у нея также есть свое всѣмъ извѣстное преданіе въ исторіи Итальянской цивилизаціи. Она въ сущности есть ничто иное, какъ классическое воспоминаніе древняго языческаго міра, языческой цивилизаціи—преданіе, которое играло великую роль въ исторіи Италіи на всемъ ея протяженіи, которое имѣло своихъ представителей, героевъ и даже мучениковъ и которое, не довольствуясь почти исключительнымъ господствомъ своимъ въ искусствахъ и литературѣ страны, много разъ пыталось сложиться въ силу политическую, чтобы овладѣть всѣмъ обществомъ въ цѣломъ. И замѣчательно, что всякій разъ какъ это преданіе, это стремленіе хотѣло возродиться, оно являлось, подобно привидѣнію, неизмѣнно привязаннымъ къ одному и тому же мѣсту, именно къ Риму. Когда оно достигло до нашихъ дней, революціонное начало естественно должно было принять его и усвоить себѣ, ради заключавшейся въ немъ противухристіанской мысли. Недавно партія эта была побѣждена, и власть папы повидимому возстановлена; но нужно согласиться, что если что нибудь могло еще усложнить то роковое стеченіе обстоятельствъ, которое заключаетъ въ себѣ Римскій вопросъ, то это именно Французское вмѣшательство, которымъ достигнутъ этотъ двойной результатъ.

Ходячее мнѣніе, ставшее общимъ мѣстомъ, видитъ въ этомъ вмѣшательствѣ либо отчаянную выходку, либо промахъ Французскаго правительства. Дѣйствительно, можно сказать, что если Французское правительство, впутываясь въ этотъ самъ по себѣ неразрѣшимый вопросъ, скрывало отъ себя, что для него онъ еще болѣе неразрѣшимъ, чѣмъ для кого другаго,— то это лишь показываетъ съ его стороны полное непониманіе какъ своего собственнаго положенія, такъ и положенія Франціи...., что впрочемъ, признаемся, очень возможно. Вообще въ Европѣ за послѣднее время слишкомъ привыкли сводить оцѣнку дѣйствій или вѣрнѣе поползновеній Французской политики къ фразѣ, обратившейся въ пословицу: „Франція сама не знаетъ чего хочетъ“. Это можетъ быть и правда; но, чтобы быть со-

вершенно справедливымъ, слѣдовало бы прибавить: „Франція и не можетъ знать, чего она хочетъ". Вѣдь чтобы быть въ состояніи знать это, нужно прежде всего имѣть *единую* волю; а Франція уже шестьдесятъ лѣтъ какъ осуждена имѣть *двѣ* воли. Мы говоримъ не о той разладицѣ, не о томъ раздѣленіи мнѣній, политическихъ или иныхъ, которое присуще всякой странѣ, гдѣ общество силою обстоятельствъ предано владычеству партій: мы говоримъ о фактѣ несравненно большей важности, о той постоянной, существенной и навѣки непримиримой враждѣ, которая впродолженіе шестидесяти лѣтъ составляетъ, такъ сказать, самую суть народной совѣсти во Франціи. Самая душа Франціи раздвоена.

Хотя революція, съ тѣхъ поръ какъ она завладѣла этою страною, и успѣла перевернуть ее вверхъ дномъ, измѣнить, исказить; но ей не удалось и никогда не удастся усвоить ее себѣ вполнѣ. Чтобы она ни дѣлала, въ духовной жизни Франціи есть такіе задатки и начàла, которые всегда будутъ оказывать ей сопротивленіе—по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока будетъ на свѣтѣ Франція: таковы католическая церковь съ ея вѣрованіями и обученіемъ, христіанскій бракъ и семья, и даже собственность. Съ другой стороны, такъ какъ можно предвидѣть, что революція, вошедшая не только въ кровь, но даже въ душу этого общества, никогда не согласится добровольно уступить добычу, и такъ какъ мы не знаемъ въ исторіи міра ни одной формулы заклинанія, приложимой къ цѣлому народу, - то надо думать, что состояніе такой непрерывной внутренней борьбы, постояннаго и, такъ сказать, органическаго раздвоенія стало надолго естественнымъ состояніемъ новаго Французскаго общества. И вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ въ этой странѣ осуществляется такого рода сочетаніе, что государство, революціонное по принципу, тянетъ за собою на буксирѣ общество, которое лишь взбунтовано; между тѣмъ какъ правительство, власть, которая необходимо сродни имъ обоимъ, не будучи въ состояніи ихъ примирить, силою обстоятельствъ осуждено на ложное и жалкое положеніе, окружено опасностями и поражено безсиліемъ. Поэтому всѣ смѣнившіяся съ тѣхъ поръ Французскія правительства, кромѣ одного (правительства конвента во время террора) при всемъ различіи ихъ происхожденія, ихъ ученія и стремленій, сходились въ одномъ: всѣ они (не исключая даже и того, которое явилось вслѣдъ за Февральскимъ переворотомъ) гораздо болѣе подпадали революціи, чѣмъ представляли ее сами. Да оно и понятно: вѣдь они и жить-то могли лишь подъ условіемъ бороться съ нею, въ тоже самое время претерпѣвая ее. Нужно прибавить, что по крайней мѣрѣ до сихъ поръ они всѣ погибли надъ выполненіемъ этой задачи.

Неужели же такая власть — столь неопредѣленная, столь мало увѣренная въ своемъ правѣ могла разсчитывать на успѣхъ, вмѣшиваясь въ такой вопросъ, какъ Римскій? Становясь въ качествѣ посредницы или судьи между революціей и папой, она никакъ не могла надѣяться примирить то, что̀ непримиримо по самой своей природѣ; съ другой стороны, она не могла дать побѣду одной изъ борющихся сторонъ не поранивъ самое себя, не отрекшись, такъ сказать, отъ половины своего существа. Этимъ обоюдуострымъ вмѣшательствомъ—какъ бы ни было притуплено лезвее—она могла лишь болѣе запутать то, что̀ уже и безъ того было неразрѣшимо, и, залѣчивая рану, лишь растравить ее. И въ этомъ она успѣла вполнѣ.

Каково въ дѣйствительности нынѣшнее положеніе папы по отношенію къ его подданнымъ? Какова вѣроятная судьба новыхъ учрежденій, которыя онъ имъ далъ? Тутъ, къ сожалѣнію, возможны лишь самыя печальныя предположенія, а сомнѣніе невозможно.

Каково это положеніе? Да, это старый порядокъ вещей — порядокъ, предшествовавшій нынѣшнему царствованію, падавшій уже тогда подъ бременемъ своей невозможности, но еще чрезмѣрно отягченный всѣмъ, что̀ случилось съ тѣхъ поръ: въ мірѣ нравственномъ—страшными разочарованіями и предательствомъ, въ мірѣ вещественномъ—цѣлымъ рядомъ крушеній.

Таковъ заколдованный кругъ, въ которомъ сорокъ лѣтъ вертелось и билось столько народовъ и правительствъ. Управляемые принимали уступки власти какъ ничтожныя выдачи въ счетъ, дѣлаемыя противъ воли недобросовѣстнымъ должникомъ, а правительства видѣли въ предъявляемыхъ имъ требованіяхъ козни лицемѣрнаго врага. Такое положеніе вещей, такое взаимное недовѣріе, отвратительное и развращающее всегда и вездѣ, здѣсь еще зловреднѣе вслѣдствіе особенно священнаго характера власти и вслѣдствіе совершенно исключительныхъ свойствъ ея отношеній къ подданнымъ: ибо, повторяемъ еще разъ, въ этомъ положеніи, когда не только дѣйствіемъ человѣческихъ страстей, но самою силою обстоятельствъ дѣло, такъ сказать, движется по наклонной плоскости,—всякая уступка, всякое преобразованіе, если оно искренно и серьезно, неизбѣжно толкаетъ Римское государство къ полной секуляризаціи. Никто не сомнѣвается, что секуляризація—послѣднее слово этого положенія дѣлъ. Но папа, который и въ обыкновенное время не въ правѣ допустить ее, потому что свѣтская власть—достояніе не его лично, а Римской церкви,—еще менѣе можетъ согласиться на нее теперь, когда онъ убѣжденъ, что эта секуляризація, если даже она будетъ дарована въ удовлетвореніе дѣйствительныхъ нуждъ, должна рѣшительно обратиться къ выгодѣ заклятыхъ враговъ не только его вла-

сти, но и самой церкви. Согласиться на нее—значило бы сдѣлаться виновнымъ въ отступничествѣ и предательствѣ. Таково положеніе власти. Что̀ касается до подданныхъ, то ясно, что та вкоренившаяся ненависть къ господству духовенства, которая составляетъ основную черту Римскаго населенія, не могла быть ослаблена послѣдними событіями; и если съ одной стороны уже одного подобнаго расположенія народнаго духа достаточно, чтобы самыя человѣколюбивыя и благонамѣренныя преобразованія оказались мертворожденными, то съ другой стороны неудача этихъ преобразованій можетъ лишь страшно усилить общее раздраженіе, утвердить общественное мнѣніе въ его ненависти къ возстановленной власти и—привлечь новыхъ бойцовъ подъ вражеское знамя.

Такое положеніе по истинѣ плачевно, и на немъ видна ясная печать наказанія свыше. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли придумать для служителя Христова болѣе тяжкое несчастіе, какъ быть роковымъ образомъ облеченнымъ властью, которую онъ можетъ употреблять лишь на погибель душъ и на разрушеніе вѣры? Нѣтъ! Это положеніе слишкомъ ужасно, слишкомъ противуестественно, чтобы продолжаться долѣе. Наказаніе ли это, или испытаніе—все равно невозможно, чтобы папство могло еще долго оставаться запертымъ въ этотъ огненный кругъ. Милосердый Богъ придетъ ему на помощь, укажетъ ему путь, откроетъ исходъ чудесный, разительный, неожиданный или, скажемъ лучше, ожидаемый уже въ продолженіи многихъ вѣковъ. Быть можетъ еще много превратностей, много несчастій отдѣляютъ папство и подвластную ему церковь отъ этого исхода; быть можетъ оно стоитъ лишь въ преддверіи этихъ бѣдственныхъ временъ. Ибо не малому пламени, не краткому пожару суждено пожрать и обратить въ пепелъ цѣлые вѣка суетныхъ притязаній и противухристіанской вражды и сокрушить передъ папствомъ ту роковую преграду, которая заслоняетъ отъ него желанный исходъ.

Въ виду совершающихся событій, предъ лицомъ злаго начала въ его новомъ строѣ—самомъ хитроумномъ и грозномъ, какой видали люди—передъ этимъ міромъ зла, стоящимъ на готовѣ и во всеоружіи, съ его церковью безвѣрія, съ его правительствующимъ мятежемъ, ужели христіанамъ нельзя надѣяться, что Богъ благоволитъ соразмѣрить силы Своей Церкви съ тѣмъ новымъ подвигомъ, который Онъ ей назначилъ; что наканунѣ готовящагося боя Онъ благоволитъ возвратить ей полноту ея силъ, и для этого Самъ, въ положенной Имъ часъ, уврачуетъ Своею милосердою рукою язву на ея тѣлѣ, нанесенную рукою людей—ту зіяющую язву, которая уже восемьсотъ лѣтъ не перестаетъ точить кровь?

Православная Церковь никогда не отчаявалась въ этомъ исцѣленіи. Она ждетъ его, разсчитываетъ на него—не съ надеждой только, но съ увѣренностью. Какъ тому, что̀ едино по существу, что̀ едино въ вѣчности, не восторжествовать надъ разъединеніемъ во времени? Не смотря на многовѣковое раздѣленіе и сквозь всѣ человѣческія предубѣжденія, Церковь не переставала признавать, что христіанское начало никогда не изчезало въ Римской церкви, что оно всегда было въ ней сильнѣе, чѣмъ заблужденіе и человѣческая страсть. Поэтому она питаетъ глубокое убѣжденіе, что оно окажется сильнѣе всѣхъ своихъ враговъ. Церковь знаетъ и то, что, какъ было въ продолженіи многихъ вѣковъ, такъ и теперь—судьбы христіанства на Западѣ все еще находятся въ рукахъ Римской церкви; и она твердо надѣется, что въ день великаго возсоединенія эта церковь возвратитъ ей неповрежденнымъ этотъ священный залогъ.

Я позволю себѣ, въ заключеніе, припомнить одну подробность посѣщенія Рима Русскимъ Императоромъ въ 1846 году. Тамъ, вѣроятно, еще памятно всеобщее душевное волненіе, съ какимъ было встрѣчено его появленіе во храмѣ Святаго Петра—появленіе Православнаго Императора, возвратившагося въ Римъ послѣ столькихъ вѣковъ отсутствія; памятенъ электрическій трепетъ, пробѣжавшій по толпѣ, когда онъ подошелъ помолиться у гроба апостоловъ. Это волненіе было законно. Колѣнопреклоненный Царь былъ не одинъ: вся Россія была тамъ, склоняя колѣна съ нимъ вмѣстѣ. Будемъ надѣяться, что не напрасно вознеслась ея молитва передъ святыми останками......

С.-Петербургъ, (1, 13) Октября 1849.

РАЗСКАЗЫ КНЯЗЯ А. Н. ГОЛИЦЫНА.

Изъ Записокъ Ю. Н. Бартенева.

IV [1]).

Князь мой однажды на всегда назначилъ мнѣ Пятницу днемъ нашего общаго занятія; въ этотъ день онъ обыкновенно выслушиваетъ на скоро составленные мною очерки, пополняетъ ихъ своими замѣчаніями, вновь говоритъ и разсказываетъ о томъ, чего передавать при другихъ не считаетъ за совмѣстное. Въ это же время, когда еще свѣтло, я обыкновенно переписываю у него и бумаги, которыя по важности ихъ содержанія или рѣдкости, а можетъ быть и въ слѣдствіе принятаго имъ навыка, князь не рѣшается давать мнѣ на домъ. Не задолго еще предъ симъ, князь вновь повторилъ мнѣ, чтобы я явился къ нему въ назначенное время и что онъ весь этотъ день будетъ до обѣда дома; однакоже, наканунѣ поименованнаго дня, князь присылаетъ мнѣ записочку, въ которой увѣдомляетъ, чтобъ я поранѣе, если можно, пришелъ къ нему, потому что онъ въ 2 часа по полудни намѣревался куда-то ѣхать. Въ этомъ привѣтливомъ лоскуткѣ бумажки князь мнѣ пишетъ, что если я успѣю и поранѣе раздѣлаться съ моимъ *цырульникомъ* [2]), то онъ меня и во всякое время приметъ, какъ бы я

---

[1]) См. первую книгу Р. Архива 1886 года, стр. 369.

[2]) Въ числѣ многочисленныхъ нелѣпостей обыденной моей жизни, значится, между прочимъ, и таковая, что я, живя въ домѣ Петербургскаго Почтамта и имѣя подъ бокомъ цырульню, посылаю однако за своимъ бритоусомъ за Неву, на Васильевскій островъ. Часто Чухонецъ опаздываетъ, иногда за рѣкою, иногда и совсѣмъ не приходитъ, отъ чего борода моя вырастаетъ, а кровь портится отъ нетерпѣнія. Но что и того хуже, я иногда опаздывалъ являться въ назначенное время и къ самому князю. Милостивый князь никогда на меня за то не гнѣвался, хотя всякій другой на его мѣстѣ не допустилъ бы даже я сказать себѣ о подобной причинѣ.

рано къ нему ни пришелъ. Здѣсь меня спросятъ, для чего я записываю такую мелочь. На это отвѣтствую также вопросомъ, для чего князь по этому предмету, отдавши уже однажды на всегда приказаніе, счелъ однако за нужное написать мнѣ записку? Извѣстно, что по Пятницамъ, въ назначенный часъ, я и безъ того обязанъ бы былъ явиться къ князю, что̀ доселѣ вѣрно и исполнялось; кромѣ того, предъ отходомъ моимъ въ послѣдній разъ, князь вновь подтвердилъ мнѣ, что онъ ожидаетъ меня въ Пятницу, прибавя, что еще нарочно сберегъ для меня этотъ день, отказавъ дѣвицѣ Шумлянской [3]), желавшей въ это же время посѣтить его. И такъ опять повторю: для чего писана записка? Для того, почтенный будущій мой читатель, если только таковый найдется, для того, что этотъ лоскутокъ показываетъ отчасти характеръ князя и прелестную черту его сердца, для котораго не чужды всѣ оттѣнки удобствъ его ближняго.

По правилу однажды установленному въ эти дни, т. е. по Пятницамъ, я обыкновенно сиживалъ у князя часовъ до четырехъ съ половиною послѣ полудня, послѣ которыхъ онъ тотъ же часъ уѣзжаетъ къ извѣстнымъ ему людямъ на обѣдъ; но такъ какъ видно встрѣтилось обстоятельство нечаянное, что нужно ему было еще до обѣда куда-то съѣздить (кажется мнѣ, къ графинѣ Віельгорской), то вотъ князь и озаботился своевременно сообщить мнѣ, что двумъ или тремъ часамъ времени, которыми обыкновенно ему жертвую, я могу дать другое употребленіе. Изъ этаго видно, что онъ сберегаетъ и щадитъ своего ближняго, желаетъ ему простора, удобствъ въ самыхъ даже мелочахъ его. Это происходитъ у него отъ любви и есть искра свѣтлаго участія къ своему ближнему. По характеру князя и подобная мелочная вещица высоко должна быть оцѣнена; я говорю по характеру, ибо не знаю человѣка, который былъ бы осторожнѣе его въ проявленіи своему подчиненному нѣкотораго увлеченія, нѣкоторой ласки поощряющей; у князя, какъ-бы кого онъ ни любилъ, нѣтъ этого самозабвенія сердца, нѣтъ этихъ спорадическихъ порывовъ къ ближнему, которые такъ часто обаяніемъ своимъ закруживаютъ послѣднему голову и приводятъ въ радостное трепетаніе сердце.

Позднѣйшая приписка.

Это не совсѣмъ полно; сіи замѣчанія, набросанныя мною 3-го Декабря прошедшаго 1837 года, пересматривая нынѣ, то есть 17-го Ген-

[3]) Дѣвица Шумлянская, родная сестра покойнаго почтъ-директора Булгакова, есть одна изъ тѣхъ немногихъ женщинъ, которыхъ князь навѣщаетъ; при случаѣ скажемъ о ней подробнѣе; она замѣчательна по нѣкоторымъ обстоятельствамъ.

варя 1839 года и приводя ихъ въ нѣкоторый порядокъ, нахожу, что я болѣе успѣлъ въ изученіи моего добраго князя. Я выше сказалъ, что онъ въ нѣкоторомъ смыслѣ не щедръ на проявленіе подчиненному той шумной, безотчетной, торжественной ласки, того опріязненнаго благоволенія, которыми такъ щедро иногда надѣляютъ своихъ присныхъ подчиненныхъ другіе ему подобные вельможи, цвѣтущіе въ силѣ и въ поступательномъ дѣйствіи своего служебнаго періода. Онъ точно не щедръ, но только по наружности; онъ не щедръ и по нѣкоторымъ философскимъ основаніямъ, которыя съ давняго времени себѣ усвоилъ и ввелъ ихъ, такъ сказать, въ практическую жизнь свою. Человѣкъ, которому привелось бы пожить съ нимъ хотя короткое время, придетъ въ нетерпѣніе, можетъ быть даже въ сомнѣніе, видя, какъ строго князь себя сдерживаетъ въ обращеніи съ нимъ, равно какъ и съ другими ему подобными. Мнѣ случалось слышать, что въ заочныхъ сужденіяхъ о князѣ его называютъ l'homme de l'habitude; что будто нѣкоторая теплота его есть просто слѣдствіе однажды взятой имъ привычки; что остуда или равнодушіе ко всему и ко всѣмъ есть какъ бы неизбѣжная уже для него принадлежность, для него—всѣмъ воспользовавшагося, все вкусившаго, все прошедшаго: свойство нѣкоторыхъ лѣтъ и разочарованія бываетъ таково, что смотрятъ уже на ближняго сквозь призму мозга, а не сердца. Все это однакожъ неправда въ приложеніи къ князю, который очень любовенъ, но не любитъ только сіе показывать; не показываетъ же, по моему мнѣнію, вотъ по какимъ причинамъ. (Я начну съ Адама, прошу не смѣяться: это не умничанье, а слѣдствіе добросовѣстнаго труда и наблюденія). Нѣкоторые истинные, но строгіе умозрители, скажу прямѣе, отцы восточной церкви нашей утверждаютъ, между прочимъ, о выгодахъ сдерживать свое сердце, когда оно въ соприкосновеніи съ какимъ-бы то ни было нетерпѣливымъ пожеланіемъ бойко ищетъ обнаруживать свою волю словомъ или движеніемъ. Для философіи по стихіямъ міра таковый подвигъ и незамѣтенъ, и даже празденъ; но для практическаго христіянина, согласующаго умозрѣніе съ дѣятельностію, молитву съ подвижничествомъ, подобное обстоятельство, неуловимое для толпы обыкновенныхъ мыслителей, есть особенной важности.

Князь, слѣдящій бодрственно за своимъ сердцемъ, любитъ, чтобъ оно мирно и плавно, такъ сказать, встрѣчало всѣ возможныя соприкосновенія жизни; увлеченіе темперамента, шумное свидѣтельство чувствъ своихъ, хотя и добрыхъ, хотя и желанныхъ, все сіе мутитъ покой его духа и тотъ вожделѣнный для него внутренній міръ, къ которому онъ такъ понуждается. Случалось, что человѣкъ интересный для князя, но разъединенный и разлученный съ нимъ на долгое время

и на значительное пространство разстоянія, вдругъ, какъ бы падая съ неба, нечаянно къ нему пріѣзжаетъ и нетерпѣливо желаетъ съ нимъ видѣться, и что же? По обыкновенному ходу вещей человѣческихъ, при таковомъ извѣщеніи, князь мой долженъ бы былъ бросить всѣ свои дѣла, обрадоваться нечаянному и желанному свиданію и, забывъ декоръ своего званія, летѣть пріѣзжему на встрѣчу и проч. Но подобнаго у него никогда не случается: часто бываетъ, что онъ даже совсѣмъ уклоняется принять въ этотъ день сего посѣтителя, назначая ему другой ближайшій срокъ. Признаться, что князь, поступая такимъ образомъ со своимъ знакомцемъ, часто приводитъ его въ недоумѣніе; скажу болѣе, его, взволнованнаго отъ нетерпѣнія видѣть князя, онъ даже огорчаетъ; но искренняя ласка перваго свиданія, но созвучіе князева участія съ желаніями и намѣреніями пріѣзжаго совершенно примиряютъ сего послѣдняго съ мнимымъ равнодушіемъ увидѣть его послѣ долгаго отсутствія. Такъ дважды случалось съ однимъ изъ моихъ близкихъ знакомыхъ, и я полагаю, что основаніе такого наружнаго индеферентизма въ князѣ заключается въ изложенномъ мною объясненіи.

Но у князя есть своя, ему свойственная, метода, и тѣмъ пріятнѣе получать отъ него подобный вызовъ, гдѣ заключается и милая шутка, всегда обязательная и лестная для получающаго, когда она проявляется отъ человѣка, который круто и постоянно сдерживаетъ себя во всѣхъ внѣшнихъ, особенно письменныхъ проявленіяхъ. Князь очень остороженъ въ своихъ письмахъ, запискахъ и проч. Не потому ли, что мы нынѣ живемъ въ вѣкѣ письменности, литографіи, автобіографіи, и проч. и проч., а письма и записки служатъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, документальнымъ термометромъ теплоты и сердечнаго холода, съ тою только разницею, что въ этомъ термометрѣ ртуть навсегда приковывается къ одному мѣсту и что онъ можетъ съ постоянною вѣрностію передавать это былевое стояніе сердца и всѣмъ временамъ, и всѣмъ людямъ.

Всю жизнь свою князь провелъ при дворѣ; всю жизнь онъ наглухо застегивалъ полы своего блестящаго кафтана. Смолода онъ можетъ быть это дѣлалъ для того, что находилъ еще себя въ состояніи преходящемъ, транзитуарномъ; но въ зрѣлыхъ лѣтахъ, когда достигнулъ осѣдлости и полнаго развитія въ своемъ званіи, онъ застегивался уже и потому, что въ обширной сферѣ своихъ дѣйствованій онъ видѣлъ только множество людей готовыхъ и досужихъ ежечасно его растегивать подъ разными благовидными предлогами, чтобъ въ послѣдствіи употреблять его въ личную для себя пользу и, воздѣйствіемъ отъ него довѣренности, затаскивать съ собою въ безотвѣтную

стачку воли не всегда чистой, не всегда благонамѣренной. Свободное обращеніе съ царями и великими міра сего пустило глубокіе корни въ сердцѣ князевомъ и, можетъ быть, безъ его даже вѣдома; въ размѣнѣ пріязни по нисходящей линіи онъ очень остороженъ, чтобъ не сказать чего большаго. Христіянство много укротило и упростило это сердце; но далеко еще до того, чтобъ онъ могъ полюбить кого безъ формы. Въ этомъ случаѣ князь похожъ на того импровизатора, который не иначе говорить можетъ, какъ только возвышенными, гомерическими стихами. Буйство любленія, столь сладкое для сердца, столь его чарующее по своей безотчетности, если смѣю выразиться, князю мало извѣстно. Но если онъ въ горнилѣ своемъ и скрываетъ это пламя, то здѣсь должно откровенно сказать, что сіе горнило заложено у него толстыми кирпичами.

Форма и метода суть любимые девизы въ князевыхъ прикосновеніяхъ съ людьми; но въ основаніи всякой добросовѣстной его привязанности къ ближнему глубоко заложены у него два качества: нѣкоторой раціональной недовѣрчивости и темпераментальной робости. Знаю, что на послѣднюю онъ не согласится, ибо трудно вельможѣ соглашаться въ робости, отъ чего бы она у него ни происходила; но она у него есть эта робость и даже съ избыткомъ. Князь есть такой человѣкъ, который охотно разливаетъ миръ между своими ближними, но съ тою же охотою онъ и изолируетъ или разъединяетъ этихъ своихъ ближнихъ. Въ пріемахъ его нѣтъ той общности, того обобщающаго чувства, которое такъ охотно и удобно стягиваетъ всѣхъ и каждаго въ совокупную жизнь; напротивъ того, осмотрительность князева, какъ бы по одиначкѣ, перебираетъ предметы своего влеченія или избранія и тратитъ на нихъ по немногу изъ своей довѣренности и расположенія.

Но я увлекся слишкомъ далеко, а все это произвела князева записка. Пусть слабый сей очеркъ послужитъ доказательствомъ, если не того, какъ я люблю моего князя, по крайней мѣрѣ хотя того, какъ я его изучаю. Немного надобно было времени, чтобъ написать эти бѣглыя строчки; но много положено труда и вниманія, чтобъ разоблачить внутренній и неуловимый миръ, тщательно сокрываемый такимъ человѣкомъ, котораго характеръ, нѣкогда искусственный, въ послѣдствіи сдѣлался вполнѣ самобытнымъ.

*) По приходѣ моемъ къ князю, я принялся читать ему послѣднія

*) Нижеслѣдующее было представлено Ю. Н. Бартеневымъ, въ 1860-хъ годахъ, Государю Императору Александру Николаевичу при письмѣ, въ которомъ сочинитель вспоминаетъ, какъ самъ Государь, въ молодости своей, приходилъ слушать князя А. Н. Голицына и потомъ записывалъ разсказы его. П. Б.

четыре записки. Записками и вмѣстѣ программами я называю наскоро составленные мною черновые сколки князевыхъ импровизацій. По истинѣ всякій разсказъ князевъ можно назвать импровизаціею; полнота, послѣдовательность, одушевленіе, точность въ подробностяхъ, часто доходящая до пуризма, суть непремѣнныя условія всякаго, сколько-нибудь продолжительнаго разсказа князева. Намѣренныхъ обмолвокъ и неясностей князь вовсе не терпитъ. Я не люблю, говаривалъ мнѣ неоднократно князь, тѣхъ анекдотовъ, гдѣ истина перемѣшана съ вымыслами; такіе жалкіе разсказы не имѣютъ въ глазахъ моихъ ни малѣйшаго интереса. И вотъ моя мнительность, и безъ того уже всегда озабоченная, подстрекала меня безпрестанно подставлять предъ глаза князевы написанное мною.

Надобно тебѣ разсказать главное, сказалъ князь, и именно объ обращеніи моемъ и блаженной памяти Государя Александра къ христіанству; но я желалъ бы только, что все, что ты писать будешь о покойномъ Государѣ, дѣлалъ бы съ нѣкоторою скромностію, ибо память его для меня священна.

И вотъ вельможный повѣствователь, на просторѣ и съ нѣкоторымъ увлеченіемъ сердца, началъ мнѣ разсказывать занимательнѣйшія подробности своей и общей государственной жизни. Не имѣю я способностей достойно передать эту сладкую рѣчь князеву, эти перлы, кои Русь святая нѣкогда высоко оцѣнитъ, когда проявятся предъ нею святыя и доблественныя чувствованія благословеннаго Александра, котораго никто въ мірѣ не знавалъ такъ коротко какъ князь нашъ.

Когда изъ Московской ссылки я возвратился въ Петербургъ, началъ князь, то Государь въ скорости призываетъ меня къ себѣ и говоритъ мнѣ съ нѣкоторою серіозностію. «Послушай князь, мнѣ кажется, что тебѣ неловко быть безъ публичной должности. Вся Петербургская публика знаетъ, какъ ты у меня коротокъ, а между тѣмъ ты еще все и до сихъ поръ не служишь». И вотъ тутъ же Государь предлагаетъ мнѣ мѣсто въ Сенатѣ, чтобъ я на первый разъ поступилъ туда за оберъ-прокурорскій столъ въ вѣдѣніи у оберъ-прокурора Рязанова. Предложеніе Александра показалось мнѣ какъ-то непріятно; я былъ разсѣянъ въ обществѣ, былъ лѣнивъ и признаюсь, что неохотно выслушалъ такое назначеніе. Въ это же время и на подобное мѣсто Государь помѣстилъ камергера своего двора графа Павла Александровича Строгонова. Онъ давно былъ камергеромъ, послѣ пошелъ въ военную службу, къ которой имѣлъ всегдашнюю наклонность; въ послѣдствіи былъ генералъ-адъютантомъ, имѣлъ втораго Георгія, Александровскую ленту. Государь его очень жаловалъ. Вскорѣ послѣ сего оберъ-прокуроръ Рязановъ вызванъ былъ для преднамѣреваемаго имъ

путешествія въ Японію, а на его мѣсто сдѣланъ былъ исправляющимъ должность оберъ-прокурора графъ Строгоновъ. Также вскорѣ случилось, что тотъ же графъ Строгоновъ занялъ уже мѣсто товарища министра внутреннихъ дѣлъ, а я поступилъ на мѣсто его и кромѣ перваго, мнѣ порученъ былъ и третій департаментъ Сената. Императоръ Александръ велъ меня такимъ образомъ для того, чтобъ я, по словамъ его, научился и подготовился, въ послѣдствіи къ высшимъ назначеніямъ. Въ это же время Николай Николаевичъ Новосильцовъ, будучи меня моложе чиномъ, поступаетъ по волѣ Государя въ товарищи министра юстиціи. Канцлеръ Воронцовъ, наблюдая служебные порядки, счелъ тогда за нужное внушить Государю о нѣкоторой несовмѣстности стоять мнѣ ниже Новосильцова въ одномъ и томъ же родѣ службы, и вотъ однажды по этому случаю Государь позвалъ меня къ себѣ обѣдать въ Таврическій дворецъ. Мы обѣдали съ нимъ только вдвоемъ.

«Я очень бы желалъ», сказалъ тогда мнѣ императоръ Александръ, «чтобъ ты занялъ мѣсто оберъ-прокурора въ Синодѣ. Яковлевъ, который числится теперь въ семъ званіи, не совсѣмъ хорошъ; далеко, чтобъ онъ могъ удовлетворять моимъ требованіямъ и ожиданіямъ; притомъ и духовенство совершенно имъ недовольно; мнѣ кажется, что онъ неспособенъ быть на этомъ мѣстѣ. Жалобы на него безпрестанныя; мнѣ бы хотѣлось, продолжалъ Государь, чтобы преданный мнѣ и мой, такъ сказать, человѣкъ занималъ эту важную должность. Я никогда къ себѣ не допускалъ Яковлева, никогда съ нимъ вмѣстѣ не работывалъ; а ты будешь непосредственно имѣть со мною дѣло, потому что вмѣстѣ съ симъ я назначаю тебя и моимъ статсъ-секретаремъ».

«Знаю», сказалъ мнѣ Государь улыбнувшись, «что сперва тебѣ покажется дико это новое занятіе; но мнѣ совершенно извѣстны твои честныя правила, отъ которыхъ, равно какъ и отъ твоей добросовѣстности, я всего надѣюсь добраго».

Признаюсь, сказалъ мнѣ князь, я не мало встревожился отъ этого предварительнаго назначенія, хотя и ожидалъ отъ Государя чего-нибудь подобнаго. Разсѣянная жизнь, дворскія привычки, веселый сгибъ моего характера, вовсе неумѣстительный съ тѣми мрачными понятіями, какія я имѣлъ тогда объ этомъ званіи, словомъ, все приводило меня въ смущеніе, которое, можетъ быть, противъ воли выразилось даже и на самомъ лицѣ моемъ. Въ то время казалось мнѣ многое какъ бы несовмѣстнымъ и достойнымъ стыда, что̀ не заключало въ себѣ стыда; напримѣръ, самая ѣзда на Васильевскій островъ, въ это тяжелое, уродливое зданіе двѣнадцати коллегій, мнѣ казалась вмѣстѣ съ модными господами первой Адмиралтейской части какъ-то неловкою, даже смѣшною, чтобъ не сказать чего болѣе: какъ будто служба моя дѣ-

лалась уже внѣ Петербурга. При томъ и совершенное незнаніе дѣла не очень располагало меня принять эту готическую должность Синодальнаго оберъ-прокурора. Какой я оберъ-прокуроръ? думалъ я самъ про себя. Я ничему не вѣрю.

Помилуйте, Ваше Величество, сказалъ я наконецъ Государю, что̀ вы со мною хотите дѣлать? Развѣ вамъ неизвѣстно, что, принявъ назначаемую вами обязанность, я рѣшительно ставлю себя въ ложное отношеніе сперва къ вамъ, потомъ къ службѣ, да и къ самой публикѣ. Вамъ небезъизвѣстенъ, продолжалъ я, образъ моихъ мыслей о религіи, и вотъ, служа здѣсь, я буду прямо уже стоять *на перекоръ* совѣсти и вопреки моихъ умственныхъ понятій! Позвольте мнѣ, Ваше Величество, хорошенько объ этомъ подумать, прибавилъ я съ нѣкоторымъ настояніемъ. Александръ согласился, а я радъ былъ и тому, что на первый разъ хотя выигралъ время и могъ посовѣтываться съ пріятелемъ моимъ Гурьевымъ *).

И вотъ по прошествіи трехъ дней Государь снова зоветъ меня въ Таврическій дворецъ; а мнѣ не удалось еще поговорить о моемъ дѣлѣ съ Гурьевымъ, который какъ будто нарочно тогда уѣхалъ въ Гатчино и не успѣлъ воротиться. Въ томъ же Таврическомъ дворцѣ мы обѣдаемъ опять вдвоемъ съ Государемъ. «Ну, Голицынъ», сказалъ мнѣ Александръ, «какъ же ты думаешъ о своемъ мѣстѣ? Рѣшаешься-ли?» — Ваше Величество, я еще не успѣлъ посовѣтываться съ Гурьевымъ, потому что его нѣтъ въ Петербургѣ. Государь замѣтно огорчился; даже съ нѣкоторымъ упрекомъ сказалъ онъ мнѣ тогда, что, бывши моимъ истиннымъ другомъ, онъ былъ бы въ правѣ ожидать отъ меня большей къ себѣ довѣренности. «Мнѣ», продолжалъ Александръ, «прискорбно видѣть, что ты совѣты Гурьева болѣе предпочитаешь моимъ указаніямъ».

Выслушавши такую рѣчь изъ устъ Государя, я готовъ былъ уже на все согласиться, на что̀ только было ему угодно.

Однако я осмѣлился тутъ же замѣтить Александру, что цари обыкновенно смотрятъ на подобныя избранія, какъ бы съ какой высоты, и обыкновенно взглядъ ихъ не достигаетъ тѣхъ неровностей, той шероховатости, которыя непремѣнно надлежитъ встрѣтить на семъ пути человѣку ими избранному и которыя всегда видитъ лучше тотъ, кто стоитъ ниже.

Наконецъ, я дѣлаюсь оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода.

Скажу тебѣ о первомъ принятіи моей должности, о первыхъ, такъ-сказать, впечатлѣніяхъ, которыя она во мнѣ произвела. Вотъ я от-

*) Онъ былъ тогда начальникомъ Кабинета.

правляюсь на Васильевскій островъ, въ Синодъ; вхожу въ готическую храмину, вижу синодскій декоръ, вижу на другой сторонѣ зерцала служебное Распятіе. Вмѣстѣ съ симъ глазамъ моимъ встрѣчается какой-то Византійскій тронъ изъ позолоченаго дерева. Входя крѣплюсь, стараюсь быть важнымъ, степеннымъ, приступаю къ слушанію дѣлъ. Случилось же, что для перваго моего прихода слушаны были такія дѣла, которыя, во всякомъ случаѣ, могли служить богатою канвою для самой соблазнительной хроники. На тотъ разъ предложены были процессы о прелюбодѣяніяхъ во всѣхъ ихъ подробностяхъ. Мнѣ тогда показалось, что и святые отцы вовсе не были прочь ихъ выслушивать; что̀ же мнѣ, молодому холостяку? И хорошо еще еслибъ все это вводило меня только въ безвкусіе; но можетъ быть, я былъ въ другомъ расположеніи духа, и слѣдовательно мнѣ надлежало притворяться.

Послѣ сего перваго засѣданія въ Синодѣ я отправляюсь обѣдать къ Государю. Мы опять съ нимъ остаемся вдвоемъ. Александръ приказываетъ мнѣ пересказать ему о впечатлѣніи, полученномъ мною при вступленіи въ должность. Этого мнѣ и хотѣлось. Въ то время я имѣлъ еще претензіи на остроту. Расположеніе къ насмѣшкѣ было тогда моимъ обычнымъ расположеніемъ. Меня любили за мою неподдѣльную веселость, и я, бывало, разливался въ саркастическихъ намекахъ и колкихъ замѣчаніяхъ на все, что̀ только ни попадало мнѣ подъ руку. Мои сарказмы конечно выбирали предметомъ смѣшную только сторону людей; но, часто они поражали и то, что̀ долженствовало всегда быть неприкосновеннымъ для всякаго честнаго человѣка. Невѣрственная школа XVIII-го столѣтія пустила глубокіе корни въ моемъ сердцѣ. Деизмъ, который въ то время былъ признакомъ людей высшаго общества и хорошаго тона, былъ, такъ сказать, моя раціональная принадлежность и составлялъ все мое вѣрованіе. Иногда въ злоупотребленіи своего разума я доходилъ до такихъ крайностей, о которыхъ воспоминаніе поражаетъ меня и доселѣ горькою справедливою скорбію.

Мнѣ припоминается теперь одинъ случай, который кстати я разскажу тебѣ для примѣра.

Въ обществѣ нашихъ общихъ знакомыхъ былъ нѣкто князь Тюфякинъ. Этотъ человѣкъ, котораго нравственность вовсе была нелучше моей, позволялъ себѣ дерзкія выраженія на счетъ религіи, какъ и я самъ; это составляло общую забаву и удовольствіе наше. И вотъ однажды у него въ домѣ, бывши уже оберъ-прокуроромъ Синода, я вымолвилъ такое несовмѣстное, такое дерзновенное богохульство, что очень тѣмъ соблазнилъ моего Тюфякина, который даже отъ того и встревожился и просилъ меня его пощадить. Вотъ какого блюстителя имѣлъ во мнѣ Святѣйшій Синодъ!...

Но я уклонился отъ моего разсказа, кажется, на томъ мѣстѣ, что Государь спрашиваетъ меня о впечатлѣніи, какое сдѣлалъ на меня Синодъ.—Не затаю предъ вами, Ваше Величество, отвѣчалъ я ему, что онъ произвелъ на меня впечатлѣніе самое невыгодное, чтобъ не сказать вамъ чего болѣе. Мрачный видъ этой присутственной и закоптѣлой каморы, продолжалъ я, эти чернецы еще въ мрачнѣйшихъ своихъ рясахъ, вмѣсто украшенія стоявшее Распятіе, навѣяли на меня грусть могильную. Мнѣ уже казалось, что причетъ готовъ отпѣвать меня заживо!... Кромѣ того, даже самое свойство дѣлъ тамъ трактуемыхъ было вовсе не по мнѣ; ибо оныя совершенно различествовали отъ тѣхъ, къ которымъ я привыкъ, служа по Сенату.

Мой разсказъ не произвелъ однакожъ ожидаемаго мною дѣйствія на Государя; ибо, по мѣрѣ словъ моихъ, Александръ принималъ на себя видъ болѣе и болѣе серіозный, такъ что я уже нашелся принужденнымъ сей же часъ замолчать, считая уже неприличнымъ и даже не смѣя продолжать разговоръ мой въ такомъ тонѣ.

И вотъ съ тѣхъ поръ, продолжалъ князь, установились мои регулярныя посѣщенія Синода.

Я хотя и ѣздилъ съ Синодъ, но сердце мое не перемѣнялось; страсти крѣпко обуревали мою душу, и я любилъ тогда поддаваться особенно тѣмъ изъ ихъ изысканнныхъ нелѣпостей, гдѣ занимаемое мною званіе, званіе по справедливости столь важное, могло служить наибольшимъ упрекомъ моего тогдашняго поведенія. Иногда, въ чаду молодаго разгулья, въ тѣсномъ кругу тогдашнихъ прелестницъ, я внутренно любилъ смѣяться своей странной случайности; мнѣ очень тогда казалось забавно, что эти продажныя Фрины никакъ не воображали, что у нихъ на этотъ разъ гоститъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода. Милосердный Боже! Прибавилъ со вздохомъ князь, сколько Ты терпѣливъ былъ ко мнѣ, и сколько разъ милость Твоя меня щадила! Ну еслибы тогда пресѣклась жизнь моя? Чтò бы тогда было со мною, слѣпымъ и несчастнымъ грѣшникомъ!

Я снова обращаюсь къ своему разсказу. И такъ я сталъ ѣздить въ Синодъ, началъ отправлять свою должность съ языческою, такъ сказать, добросовѣстностію. Но здѣсь я пока оставлю эту матерію, продолжалъ князь, чтобъ передать тебѣ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, которыя не менѣе любопытны. Помнишь, чтó мы говорили о графѣ Павлѣ Александровичѣ Строгоновѣ, который изъ-за оберъ-прокурорскаго стола такъ скоро сдѣланъ былъ настоящимъ оберъ-прокуроромъ, и потомъ еще скорѣе того товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ.... Ты, я думаю также не забылъ и Николая Николаевича Новосильцова, который, и чиномъ, и службою бывъ меня моложе, также

скоро былъ сдѣланъ и такимъ же товарищемъ министра юстиціи. Эти скорыя возвышенія могутъ тебя удивить, но я раскрою тебѣ настоящую ихъ причину.

Вскорѣ послѣ вступленія своего на престолъ, Александръ поспѣшилъ обставить себя нѣкоторыми изъ людей, отличавшихся тогда свободою мыслей, непризнаніемъ религіи, отраженіемъ того духа либерализма, который взволновалъ умы всей почти Европы. То были графъ П. А. Строгоновъ, графъ Н. Н. Новосильцовъ и князь Адамъ Чарторыжскій.

Этотъ троичный союзъ составлялъ, такъ называемый тайный комитетъ Государевъ, обыкновенно собиравшійся у него въ послѣобѣденное время. Здѣсь Императоръ любилъ на просторѣ бесѣдовать съ этими господами; они звенѣли ему безкорыстіемъ усердія, философскими утопіями народнаго управленія и апоѳегмами пользы и добра отечеству; но все это былъ сущій вздоръ и крушеніе духа. Графъ Строгоновъ былъ человѣкъ не такъ далекій, хотя воспитателемъ его былъ знаменитый по тогдашнему времени демагогъ Ромъ, который вмѣсто обыкновеннаго счисленія времени по недѣлямъ ввелъ во Франціи извѣстную декаду. Князь Адамъ Чарторыжскій, хотя по наружности и считался произведеніемъ князя Адама же, нѣкогда фельдмаршала Австрійскихъ войскъ, но онъ просто былъ прижитъ матерью его съ нашимъ княземъ Репнинымъ, нѣкогда также главноначальствовавшимъ арміею нашею въ Польшѣ *). Доказательствомъ сего могло служить, между прочимъ, и то, что онъ былъ вылитое подобіе князя Репнина; и отецъ и сынъ повидимому это хорошо знали, ибо часто случалось, что, во время болѣзни молодаго Чарторыжскаго, князь Николай Васильевичъ, бывши такимъ знатнымъ бариномъ, не затруднялся однакожъ ходить къ юношѣ на квартиру и по долгу сидѣть у него. Князь Адамъ служилъ тогда въ нашей гвардіи офицеромъ, и за то были возвращены ему тѣ большія помѣстья въ поступившихъ къ намъ отъ Польши губерніяхъ, которыя были отобраны у его отца. Смѣтливый Полякъ затѣмъ и пріѣхалъ въ Петербургъ, затѣмъ и вступилъ на службу, чтобъ прибрать въ руки конфискованное въ казну имѣнье, не смотря, что мать его, политическая интриганка и гулливая Полька, подъ страшною клятвой обязала сына не любить Россіи, постоянно козводѣйствовать, противиться ея пользамъ и величію.

Кстати о матери князя Адама. Вдругъ слышитъ она, что въ Варшавѣ проявился какой-то магъ, который, съ подробностію высказывая всю прошедшую жизнь, будто бы въ тоже время показываетъ

---

*) Сличи письмо князя Репнина къ И. И. Шувалову (Р. Архивъ 1876, I, 416) П. Б.

и желанный гороскопъ будущности. Княгиня Чарторыжская, какъ вѣрная дочь праматери Еввы, допытывается узнать, гдѣ живетъ такой необыкновенный отгадчикъ, который, по отзывамъ знатныхъ придворныхъ госпожъ, передалъ имъ всю ихъ подноготную, все что зазнало ихъ сердце отъ интриги исполненной до интриги предположенной. Княгиня доискалась, наконецъ, до его пребыванія. Въ одномъ отдаленномъ предмѣстіи Варшавы, въ одномъ изъ верхнихъ жильевъ какого-то дома, жилъ этотъ скромный чародѣй дамскій. Вотъ Чарторыжская, лично къ нему является и видитъ человѣка украшеннаго почтенною сѣдиною и котораго живописно-окладистая борода есть достаточное споручительство могучаго таланта. Можетъ быть, еще съ недовѣріемъ приступала къ нему сластолюбивая Полька со своими вопросами; но что же, какъ она была должна удивиться, когда всевѣдущій чародѣй вытянулъ, такъ-сказать, передъ нею, весь длинный свитокъ и политическихъ и любовныхъ интригъ дворской дамы. Откровеніе такъ было полно, съ такими изумительными подробностями, съ такимъ мастерскимъ знаніемъ мѣстности, что моя княгиня пришла, можетъ быть, сперва отъ того въ восторгъ, а потомъ въ ужасъ и замѣшательство. Но скептицизмъ ея этимъ еще не угомонился; опытная и ловкая интриганка вызвала на новый бой разгадавшаго ея волхва. Узнаешь ли, говорила она ему, что я намѣрена сдѣлать въ эту наступающую недѣлю? Посмотримъ, отвѣчалъ таинственный мужъ. И вотъ Чарторыжская, и безъ того уже на это время замышлявшая рядъ новенькихъ интригъ, интересныхъ свиданій и тому подобнаго, имѣла прекрасный случай употребить, такъ-сказать, свои шалости чтобъ повѣрить знанія колдуна; на этотъ разъ однако она думала это сдѣлать при условіяхъ болѣе скромныхъ, что и исполнила на самомъ дѣлѣ съ надлежащею скрытностію и осторожностью, какъ подобаетъ знатной дамѣ и опытной Полькѣ. По прошествіи назначеннаго времени является моя княгиня къ своему уже знакомому чернокнижнику; не безъ робости же она подступаетъ къ нему съ выученными вопросами. Вотъ опять та же повторяется исторія: чернокнижникъ пересказываетъ ей все свершившееся, говоритъ даже ей о неисполненныхъ ожиданіяхъ, объ обманувшихся надеждахъ. Княгиня моя уже не на шутку приходитъ въ ужасъ. какъ магъ вдругъ захохоталъ во все горло и, снимая парикъ свой и накладную бороду, онъ ей показываетъ въ особѣ своей дражайшаго ея супруга и повелителя, такъ удачно подшутившаго и надъ нею, и надъ ея легковѣрными подругами, которыхъ секреты какъ ему было не знать, живя при дворѣ; слѣдовательно изумительная вѣрность подробностей была совершенно разгадана особенно для жены его.

Княгиня Чарторыжская, продолжалъ князь, кромѣ элемента страстности и влюбчивости, была одержима еще духомъ честолюбія. Въ этой Полькѣ и самыя страсти дѣлались проводникомъ для ея политическихъ плановъ; уловлять мущинъ въ силѣ и случаѣ, дабы въ послѣдствіи подчинять ихъ своему вліянію и своекорыстнымъ внушеніямъ, было любимымъ занятіемъ молодыхъ лѣтъ ея. Но честолюбіе не оставляло княгиню и въ преклонныхъ лѣтахъ жизни. Во время пребыванія своего въ Варшавѣ для коронаціи, Государь Императоръ Николай Павловичъ не могъ не замѣтить, что она не явилась на сіе торжественное событіе, не смотря на то, что сынъ ея, о которомъ теперь идетъ рѣчь, проживавшій тогда въ Варшавѣ, Государевою милостію возведенъ былъ въ оберъ-камергерское достоинство. «Вотъ я уже возвращался изъ Варшавы», сказывалъ мнѣ самъ Императоръ, «и подъѣзжая къ мѣстечку Пулавѣ, одному изъ любимыхъ мѣстопребываній князей Чарторыжскихъ, еще сидя въ коляскѣ, вижу, что на паромѣ, имѣющемъ перевозить меня на ту сторону рѣки, пестрѣются дамскіе костюмы; вереница женщинъ готовилась встрѣчать при моемъ выходѣ меня; приближаюсь, и вотъ старуха Чарторыжская, стоя на паромѣ, привѣтствуетъ меня съ глубокими изъявленіями своей преданности. Мнѣ бы весьма пріятно было, продолжала она, еслибъ Ваше Величество удостоили посѣтить домъ мой; теперь время обѣда. Августѣйшій братъ Вашъ всегда мнѣ эту дѣлалъ честь, и проч. Я отвѣтствовалъ княгинѣ, просто и довольно сухо, сказавши ей, что обѣдать у нея теперь не могу, по той причинѣ, что обѣдъ уже назначенъ на одной изъ слѣдующихъ станцій; но еслибъ это было въ Варшавѣ, прибавилъ я, и княгинѣ вздумалось позвать меня тогда, то, можетъ быть, я и нашелъ бы еще время доставить ей это удовольствіе. Я видѣлъ, что отказъ мой для княгини былъ очень непріятенъ, но я не перемѣнилъ своего намѣренія».

Государь очень постигъ, примолвилъ князь, затѣи хитрой старухи: своей Польской публикѣ она показала бы, что не поторопилась ѣхать на коронацію, а посѣти ее Николай, то она той же публикѣ подъ рукою дала бы замѣтить, какъ еще готовы Русскіе монархи показывать вниманіе къ ея высокому аристократическому значенію въ Польшѣ.

У князя Адама Чарторыжскаго эта аристократія была какъ-то непомѣрна и даже нелѣпа; извѣстно, что въ головѣ его всегда роились странные и несбыточные планы; онъ находилъ какую-то возможность сочетавать республику съ королевскимъ званіемъ. Ключъ такого чудовищнаго соединенія демократіи или, лучше сказать, олигархіи съ царскою властію состоялъ у него въ томъ, что ему самому издав-

на хотѣлось власти царской вслѣдствіе бузумно-тщетнаго его надѣянія управлять Поляками.

Но я уклонился отъ моего предмета, и вотъ тороплюсь досказать тебѣ о третьемъ лицѣ тайной думы Государевой. Это былъ, какъ я выше объяснилъ, Новосильцовъ. Онъ, не болѣе какъ маіоръ при Екатеринѣ, удалился въ Англію, будто-бы для того, что не могъ сносить деспотизма Павлова, вдругъ выплылъ при самомъ началѣ царствованія Александра съ запасомъ англоманіи и самыхъ свѣжихъ идей, на хартіи основанныхъ. Мнѣ сдается, продолжалъ князь, что онъ никогда не имѣлъ въ себѣ истинныхъ качествъ высшаго государственнаго сановника и въ послѣдствіи, уже старикъ, но еще волнуемый страстями, волокитствомъ, (можетъ быть, даже и безполезнымъ,) онъ подчасъ упивался на обѣдахъ и невольно долженъ былъ представлять изъ себя гистріона. Даже не задолго до своей смерти, во время одного изъ тѣхъ праздниковъ, которыми обыкновенно Англійскій клубъ тѣшитъ свою публику, старикъ черезчуръ подпилъ и до того развеселился, что пошелъ вмѣстѣ съ другими въ присядку. Такая несовмѣстность поведенія въ предсѣдателѣ Государственнаго совѣта, очень огорчила Государя...

Какъ? сказалъ я, неужели Государь это узналъ?—Да нашъ Государь все знаетъ съ нѣкоторою значительностію отвѣчалъ мнѣ князь [1])...

Теперь ты можешь изъ этой характеристики лицъ заключить, что-то были за люди и могли ли они помѣщаться съ достоинствомъ на первыхъ, такъ сказать, планахъ государственнаго служенія. Но Александръ поддавался тогда не очень религіозному духу. Получивъ образованіе отъ извѣстнаго Швейцарца Лагарпа, Государь долго пребывалъ подъ вліяніемъ сего иноземнаго внушенія; это вліяніе поддерживалось въ немъ и перепискою, которую Лагарпъ продолжалъ регулярно съ Государемъ до самаго 1812 года [2]). Меня, продолжалъ князь,

---

[1]) Тутъ оканчивается тетрадь, представленная Ю. Н. Бартеневымъ покойному Государю Александру Николаевичу и сообщенная графомъ Валуевымъ въ „Русскую Старину“ (1884, кн. 1-я). Напомнимъ читателю, что мы печатаемъ съ подлинной рукописи. П. Б.

[2]) При взятіи Парижа Государь встрѣтился съ своимъ наставникомъ. Лагарпъ былъ только полковникомъ, какъ Государь пожаловалъ ему голубую ленту Святаго Андрея: и слѣдовательно вмѣстѣ съ симъ можно было разумѣть, что Лагарпъ произведенъ былъ и въ генералъ - лейтенанты въ силу однихъ только статутовъ Андреевскаго ордена. Блестящая эта награда была отчасти благодарностію за воспитаніе и какъ бы косвеннымъ выраженіемъ, что и самое взятіе Парижа было плодомъ онаго. Грамата на пожалованный орденъ Лагарпу никогда не была извѣстна; была ли только она когда нибудь писана? Онъ былъ однако внесенъ въ списокъ кавалеровъ Андреевскихъ, хотя по сему случаю и не было указа. Когда князь разбивалъ и приводилъ въ порядокъ кабинетъ Александра, то онъ нашелъ нѣкоторыя письма Лагарповы еще не распечатанными.

они не любили: хотя я и пользовался довѣренностію Александра, но никогда не былъ призыванъ къ послѣ-обѣденнымъ ихъ совѣщаніямъ. Эти господа дали мнѣ произвище *monarchique*, т.-е. *монархическаго*, и если по предмету вѣры я и считалъ себя отъявленнымъ ихъ товарищемъ, то не таковъ я былъ во взглядахъ моихъ на власть монархическую; ибо этого рода заблужденія, къ счастію, никогда не питалъ я, ни въ умѣ моемъ, ни въ сердцѣ.

Вскорѣ послѣ того пріѣзжаетъ изъ чужихъ краевъ Викторъ Павловичъ Кочубей, человѣкъ съ образованнымъ умомъ, съ твердою волею, опытный ученикъ знаменитаго канцлера Безбородки. Онъ не могъ не приникнуть къ совѣщаніямъ и преніямъ комитета и тотъ же разъ усмотрѣлъ, что все это было совершенный вздоръ и одна лишь потеря времени. Кочубей присоединяется къ комитету съ желаніемъ дать ему лучшее направленіе; но уже и самъ Государь сталъ видѣть всю шаткость своихъ совѣтниковъ. Не знаю, какое отношеніе имѣли они къ Кочубею; но меня, какъ сказалъ я, не любили, и вотъ какой смѣшной случай имѣлъ я однажды съ Чарторыжскимъ.

Не помню, кто-то однажды позвалъ меня и Чарторыжскаго вмѣстѣ обѣдать на Каменный островъ. Вотъ, сидя въ каретѣ, князь Адамъ сталъ проповѣдовать мнѣ о полнотѣ и зрѣлости знаній необходимыхъ человѣку поступающему на высшее государственное служеніе; по мнѣнію князя Адама, полнота эта пріобрѣтается лишь тогда только, когда тотъ человѣкъ объѣдетъ Европу и классически, такъ сказать, изучитъ ея различную мѣстность и дѣйствующія лица. Хорошо было бы, продолжалъ князь Адамъ, еслибъ и вы, князь, могли тоже сдѣлать, не говоря уже объ удовольствіяхъ, которыя бы васъ встрѣтили въ этомъ полезномъ путешествіи.—Какъ-же мнѣ можно оставить Россію, сказалъ я князю Адаму, когда я не имѣю для этаго никакихъ средствъ? Помилуйте, князь, Государь васъ такъ любитъ, и повѣрьте, что онъ за удовольствіе поставилъ бы себѣ доставить вамъ всѣ нужные на это способы. Немного надобно догадки, примолвилъ князь, чтобы увидѣть, чего хотѣли отъ меня господа члены тайнаго комитета въ лицѣ столько заботливаго обо мнѣ представителя ихъ, князя Адама!

Я уже однажды сказалъ тебѣ, что даже и самъ Государь началъ разочаровываться отъ ихъ внушеній; они какъ-то стали мелѣть въ его глазахъ, и вотъ какимъ образомъ въ первый разъ я объ этомъ узналъ.

Въ одно время, на Каменномъ острову, сидя за столомъ у Государя, довольно-таки отъ него и далеко, слышу, что вдругъ Его Величество, обратясь ко мнѣ, громко спрашиваетъ меня, почему на мнѣ нѣтъ звѣзды? Я былъ тогда въ сѣромъ фракѣ, котораго исторія тебѣ

уже извѣстна *); на шеѣ у меня висѣлъ, по обыкновенію, третій Владиміръ, а звѣзды я не могъ надѣть, по той невинной причинѣ, что ея у меня совсѣмъ не было. Покуда я собирался съ мыслями, что бы мнѣ сказать Государю, который, казалось, едвали не шутилъ надо мною, Александръ еще разъ повторяетъ мнѣ вопросъ свой. Государь, отвѣчалъ я ему, мы у Вашего Величества теперь не въ городѣ, а внѣ его, въ загородномъ дворцѣ, вотъ почему я и не счелъ за нужное принарядиться во всѣ мои регаліи. Во всякомъ случаѣ, надѣюсь, что Ваше Величество, за это не взыщете съ меня. Другаго тогда мнѣ нечего было и сказать. Государь замолчалъ, а я не зналъ, чему приписать его вопросъ, признаюсь, нѣсколько для меня странный.

Послѣ обѣда графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, бывшій тогда канцлеромъ, подошедши ко мнѣ, съ участіемъ и увѣренностію поздравлялъ меня кавалеромъ первой степени Анны. Богъ-то знаетъ, отвѣтствовалъ я ему.—Вотъ скоро сами увидите, возразилъ мнѣ графъ. И точно, на другій же день я получаю Аннинскую ленту со звѣздою. При свиданіи съ Александромъ, онъ хотя съ шуткою, но съ нѣкоторою значительностію сказалъ мнѣ: «Какъ ты думаешь, Голицынъ! Мнѣ стало извѣстно, что этой ленты, которую ты нынѣ отъ меня получаешь, очень желается имѣть и либераламъ нашимъ». Слово это ясно показало мнѣ, что либерализмъ и усердіе извѣстныхъ господъ не такъ были чисты и безкорыстны, чтобы монаршая награда не имѣла-бы для нихъ своей прелести. Зная характеръ Государя, особенно тѣ его мысли, какія питалъ онъ въ то время о наградахъ и почетныхъ знакахъ отличія за службу, я совершенно удостовѣрился, что комитетъ и лица его составляющія навсегда упали въ его мнѣніи. Послѣдствія болѣе и болѣе въ томъ меня удостовѣрили.

Не правда ли, что я страннымъ образомъ получилъ Аннинскую звѣзду? Эта царская милость подала поводъ, продолжалъ князь, къ весьма забавному происшествію.

Предмѣстникъ мой Яковлевъ ѣздилъ тогда ко мнѣ подъ разными благовидными предлогами, какъ-то разсказывать о начатыхъ имъ и неконченныхъ синодскихъ дѣлахъ, съ совѣтомъ чтобъ я продолжалъ и кончилъ ихъ въ его духѣ; если не это, то преподавать мнѣ, какой нибудь особенный способъ, новую методу, которую по словамъ его онъ съ пользою употреблялъ по Синоду; иногда, чтобъ извѣщать меня, какое обычное давалъ онъ Синоду направленіе и проч. и проч. Мнѣ, правду сказать, наскучили уже эти посѣщенія, равно какъ и

*) Подробности о сѣромъ фракѣ опишутся въ другомъ мѣстѣ.

отеческія его внушенія, и я счелъ за нужное на чисто съ нимъ объясниться, что въ отправленіи моей должности я буду держаться того смысла и разумѣнія, какими наградила меня природа; что благодарю его за совѣты и вмѣстѣ съ тѣмъ прошу впредь отъ нихъ меня уволить. Яковлевъ никакъ не могъ въ себѣ переварить того, что я занимаю его мѣсто. Онъ ѣзжалъ иногда и къ нѣкоторымъ изъ моихъ знакомыхъ и все для того, чтобъ имѣть удовольствіе подъ рукою злословить и странный, по его словамъ, выборъ Государя, и мою особу. Однажды онъ распространялся такимъ образомъ у Марьи Антоновны Нарышкиной, съ которою я былъ хорошо знакомъ; разумѣется, что ей было вовсе непріятно это выслушивать и, не смотря на то, что она давала ему замѣтитъ о томъ всѣми возможными средствами, раздраженное однакожъ самолюбіе Яковлева никакъ не внимало этимъ внушеніямъ, какъ вдругъ пробѣгаетъ между ними мышка. Хозяйка смертельно ея испугалась, или, можетъ быть, даже и притворилась, что испугалась; но сей случай заставилъ прервать разговоръ, къ полному удовольствію хозяйки дома, которая не замедлила тогда же обо всемъ мнѣ разсказать, смѣясь надъ странностію происшествія, а всего болѣе не забывъ о благодѣтельной для меня мышкѣ.

Когда я получилъ ленту, Яковлевъ тотъ же часъ ко мнѣ явился. «Помилуйте, князь, какъ это возможно, кричалъ онъ мнѣ въ попыхахъ, эту ленту по всему слѣдовало бы получить мнѣ, а вмѣсто того получаете ее вы!»—Чѣмъ-же я виноватъ, отвѣчалъ я взволнованному честолюбцу, когда мнѣ ее Государь пожаловалъ, а не вамъ. Мой Яковлевъ однако спохватился, скоро смягчился, выливался въ громкихъ протестаціяхъ усердія, увѣрялъ меня, какъ онъ много меня уважаетъ, какое бралъ всегда участіе въ моихъ успѣхахъ служебныхъ и проч. и проч. Я улыбался молча, ибо, повторяю, зналъ анекдотъ о мышкѣ.... И вотъ, на самомъ патетическомъ мѣстѣ возраставшей часъ отъ часу его пріязни, вдругъ выбѣгаетъ такая-же мышка и также неожиданно. Въ этотъ моментъ я не спускаю глазъ съ моего Яковлева, который круто пресѣкъ разговоръ, сконфузился и даже поблѣднѣлъ отъ страха. Вскорѣ послѣ того, онъ и отретировался. Но странно это повтореніе одного и того же обстоятельства, прибавилъ мнѣ князь; еще страннѣе того смущеніе Яковлева, которому, конечно, я не далъ замѣтить, что мнѣ все было пересказано изъ его заочнаго обо мнѣ разговора.

Теперь снова обратимся мы къ князевой службѣ по Синоду. Князь постоянно началъ посѣщать Синодъ. Языческая, такъ сказать, добросовѣстность его обязывала въ рѣшеніи синодскихъ дѣлъ доискиваться самыхъ источниковъ, а потому часто доводилось ему читать

акты Вселенскихъ Соборовъ, Священное Писаніе и прочіе законы. И вотъ нечувствительно таковое чтеніе дѣлается для него какъ бы и обычнымъ и не кажется болѣе страннымъ.

По прошествіи двухъ лѣтъ означилось одно замѣчательное дѣло по Синоду, въ которомъ даже самъ Государь Императоръ принималъ живое участіе. Одинъ генералъ хотѣлъ развестись съ старою своею женою, ему наскучившею, и жениться на молоденькой. Изъ привязанности къ генералу Государь находилъ это очень естественнымъ по натурѣ вещей, и особенно подкрѣпляемый нѣкоторыми физіологическими доводами. Но Синодъ никакъ не соглашался; органомъ же всего этого несогласія или, лучше сказать, представителемъ его, князю приходилось быть самому лично предъ Государемъ. Вотъ являюсь, говоритъ князь, во дворецъ и показываю дѣло. Государь крѣпко настаиваетъ въ пользу генерала. Тутъ уже я беру смѣлость оспаривать даже мнѣніе Александра, защищая Святѣйшій Синодъ въ его положеніяхъ, которыя я находилъ правильными. Государь спрашивалъ отъ меня доказательствъ и основаній моего заступничества. Я выговариваю ихъ изъ Слова Божія и изъ постановленій Св. Отцовъ и Вселенскихъ Соборовъ. Государь съ удивленіемъ смотритъ на меня и улыбаясь спрашиваетъ, неужели я начинаю уже вѣрить. Тутъ сознаніе моей вѣры въ первый разъ огласилось въ моемъ сердцѣ и на словѣ предъ Государемъ, съ тою живостію убѣжденія, съ тѣмъ проникновеніемъ всего существа моего, что я тутъ же и не обинуясь сказалъ Императору: Вѣрую всему тому чему Православная Церковь вѣритъ и научаетъ.

Государь долго спорилъ со мною о дѣлѣ, долго не соглашался на мои мнѣнія; но прирожденное ему чувство справедливости и правосудія, которое всегда было присуще въ немъ, доброта его души, продолжалъ князь, не могли, наконецъ, выдержать противъ истины: ему жаль стало, что для искусственныхъ и себялюбивыхъ резоновъ, можетъ быть, и по одному инстинкту любострастія, хотятъ отогнать отъ брачнаго ложа жену отъ мужа потому только, что она сдѣлалась стара. «Вижу», сказалъ мнѣ Государь съ улыбкою, «вижу, что попы сдѣлали надъ тобою свое дѣло».

Впослѣдствіи князь продолжалъ свои обычныя занятія по Синоду какъ умѣлъ, безпрестанно болѣе и болѣе поддаваясь спасительнымъ вникновеніемъ благодатной религіи. Вѣра князева была однакожъ застѣнчива и какъ-то робка. Онъ таилъ ее на сердцѣ и боялся обнаруживать свою завѣтную тайну. Онъ предполагалъ, что ему не доставало тѣхъ контроверзическихъ знаній, безъ которыхъ всегда нѣсколько трудновато бываетъ человѣку публичному и особенно на его

мѣстѣ. Иногда бесѣдовалъ онъ и съ Государемъ о христіанской религіи; но философская полемика Александра громила неопытную и безъискусственную вѣру князеву. Государь, говаривалъ ему князь, я не знаю, какъ опровергать васъ словомъ; но все внутреннее существо мое діаметрально, такъ сказать, не согласуется съ вашими мнѣніями; и ваши разсужденія и вся полемика ваша лишь одно во мнѣ производятъ, что я болѣе вѣрю и всему вѣрю охотнѣе, нежели когда-либо. Александръ, говорилъ мнѣ князь, не исключалъ меня за это изъ своей довѣренности: онъ былъ добръ, справедливъ, великодушенъ и охотно оставлялъ людей въ тѣхъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ, которыя не согласовались съ его собственными.

Прошло послѣ того значительное время. Въ законодательной коммиссіи составлялся тогда проектъ гражданскаго кодекса. Проектъ этотъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, сколокъ съ Наполеоновскаго, имѣлъ жаркаго двигателя въ лицѣ Сперанскаго, который грезилъ тогда наукою, естественнымъ правомъ и всякимъ возможнымъ пустоцвѣтомъ подражанія западному, и былъ очень силенъ довѣренностію къ нему Государя. Въ Государственномъ Совѣтѣ онъ не имѣлъ голоса; но отдѣльно взятый, въ мнѣніи царскомъ считался человѣкомъ ему нужнымъ и даже корифеемъ всякаго полезнаго нововведенія въ Россіи; хотя не имѣлъ, говорю, голоса въ Совѣтѣ, но однако могъ, и не имѣя права, оспаривать своего антагониста, подкрѣплять или опровергать его сужденія цитатами изъ законовъ. Въ Совѣтѣ, какъ и теперь, вотъ какое было обыкновеніе. При предложеніи чего-нибудь новаго къ слушанію всякій, имѣющій противъ этого сказать, обыкновенно, вставалъ изъ-за стола и подходилъ каждый разъ противъ президента. Это могъ дѣлать преимущественно тотъ, которому разсматриваемое и трактуемое дѣло было однородно съ департаментомъ его служенія. Оппонентъ, подходя таковымъ образомъ къ президенту, не имѣлъ однако права опровергать лично своего противника, но свое собственное мнѣніе и причины несогласія (буде таковыя имѣлъ) могъ передавать въ своемъ словѣ одному лишь предсѣдателю Совѣта; предсѣдателя уже была обыкновенно обязанность таковыя словесныя и различныя мнѣнія членовъ направлять къ общности совокупнаго воззрѣнія. Блаженной памяти императоръ Александръ, особенно до 1812 года, самъ лично предсѣдательствовалъ въ Совѣтѣ.

Выше сказано, что въ Департаментѣ Законовъ, принадлежащемъ къ Совѣту, составлялся подъ непосредственнымъ указаніемъ и руководствомъ Сперанскаго проектъ гражданскаго кодекса для Россіи; по мѣрѣ изготовленія главъ или статей онаго все это подвергалось предварительному обсуживанію Совѣта Государственнаго. Вотъ какъ-то

одинъ разъ Сперанскій, вмѣстѣ съ предсѣдателемъ Совѣта Завадовскимъ, начинаютъ мнѣ говорить, что они подготовили для Совѣта положительныя правила или, прямѣе сказать, законы для браковъ, совершаемыхъ въ Имперіи. Намъ сдается, продолжали они, что въ нихъ имѣются надлежащая зрѣлость и полнота и что столь важный предметъ осмотрѣнъ ими съ надлежащей точки зрѣнія. Я состоялъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, и этотъ предметъ не могъ быть для меня не занимательнымъ въ высочайшей степени. Съ великимъ любопытствомъ поспѣшилъ я выслушать предварительное ихъ чтеніе въ Департаментѣ Гражданскихъ Дѣлъ.

Боже мой! Какъ я изумился, слушая этотъ прагматическій или по ихъ словамъ просторный взглядъ на предметъ столь священный и важный, особенно въ Россіи. Съ того начать, что Сперанскій глядѣлъ на него съ полуязыческой стороны, словно какъ на произвольную гражданскую стачку, отстраняя внушенія каноническаго права, издревле на Руси чтимаго, и забывая нѣкоторымъ образомъ, что бракъ есть таинство. Артикулы этихъ законовъ въ приспособленіи къ практической гражданской жизни были болѣе нежели нелѣпы; ибо разбирательство дѣлъ до браковъ касающихся, съ обширными вѣтвями всѣхъ подраздѣленій такого рода, по силѣ этого закона, отнимаемо было изъ сферы духовнаго вѣдомства и предназначаемо мѣстнымъ гражданскимъ властямъ. Такимъ образомъ разбирательство прелюбодѣяній со свитою различныхъ ихъ проявленій, вопреки стариннаго чекана Русскихъ привычекъ, вопреки преданій Церкви и родины, къ явному соблазну толпы, перешло бы въ наши непросвѣщенныя гражданскія инстанціи, чтобы служить нескончаемымъ веществомъ для соблазна и ропота народнаго. Въ этомъ новомъ законѣ степени родства опредѣлялись также смутно и безотчетно, и въ нѣкоторомъ смыслѣ даже были и неисполнимы по своей строгости, ибо объемлемость оныхъ простиралась до семи степеней.

Я испугался, когда услышалъ отъ Сперанскаго, что эти пункты новыхъ законовъ, зарѣшенные имъ предварительно, онъ уже намѣренъ былъ, такъ сказать, подставить Государственному Совѣту для окончательнаго утвержденія. Выше замѣтилъ я, что Сперанскій былъ единственный корифей всѣхъ смѣлыхъ нововведеній; вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣхъ періодахъ государственной его жизни онъ никогда не бывалъ такъ силенъ какъ въ разсказываемое время, потому что самъ Государь на дѣло составленія Русскаго кодекса, на дѣло столь ему желанное, смотрѣлъ глазами Сперанскаго. Признаюсь, что по тогдашнему состоянію и самаго духа государева, который мнѣ былъ совершенно извѣстенъ, мнѣ казалось, что надлежало многаго опасаться: ибо самъ

Александръ въ дѣлѣ супружества не болѣе, можетъ быть, тогда видѣлъ какъ одну лишь гражданскую ритуальность совмѣстную по его тогдашнему мнѣнію быть болѣе предметомъ разбирательства гражданскаго трибунала, чѣмъ духовнаго завѣдыванія.

Впрочемъ Завадовскій и Сперанскій дали мнѣ тогда же замѣтить, что новые эти законы о супружествѣ могли и долженствовали быть ведены однимъ лишь высшимъ гражданскимъ ходомъ, т.-е. безъ всякаго участія со стороны Синода, которому должно въ свое время только быть объявлено для окончательнаго постановленія. Эти господа по милости своей оставляли кое-что и Русскому духовенству, предоставляя властямъ церковнымъ право разводить и уничтожать тѣ браки, когда бы гражданскія инстанціи объявляли о томъ свое рѣшеніе, т.-е. по моему мнѣнію предали бы имъ для одного лишь исполненія.

Въ тоже время узналъ я, что этотъ проектъ, эту небывалую и нелѣпую въ Россіи теорію они уже успѣли свозить для показанія и тогдашнему митрополиту Амвросію. Этотъ старецъ, нѣкогда опытный въ своихъ служебныхъ и святительскихъ дѣйствіяхъ, на этотъ разъ какъ-то помалодушествовалъ и еще тѣмъ остался доволенъ, что эпархіальныя консисторіи, по обыкновенію всегда загроможденныя дѣлами, равно какъ и самъ Святѣйшій Синодъ, опростались бы, такъ сказать, отъ излишняго труда и по мнѣнію митрополита вдругъ освободились бы отъ дѣлъ такого рода, которыми доселѣ были обыкновенно завалены.

Повторяю, я очень встревожился, выслушавъ о такихъ грозныхъ и рѣшительныхъ подготовленіяхъ, которыя по справедливости можно было полагать косвенными подкопами порядковъ нашего Православія и освященныхъ временемъ нашихъ древнихъ обычаевъ. Но, призвавъ Господа на помощь и вспомнивъ Евангельское изрѣченіе: быть мудру яко змію и чисту какъ голубю, я тогда же скрылъ свои настоящія чувствованія и, принявъ на себя видъ добросердечной готовности, даже поспѣшилъ заранѣе раздѣлить съ ними это торжество человѣческаго ума и мудрое приспособленіе его въ дѣлѣ закона. Вотъ однако, что̀ я счелъ за нужное тогда сказать имъ съ возможною скромностію. По моему мнѣнію во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ утвердится законъ, не мѣшало бы предварительно спросить о томъ мнѣнія и у Святѣйшаго Синода.—Какая же въ томъ надобность? возразили они мнѣ въ одинъ почти голосъ.—А вотъ какая, отвѣчалъ я имъ съ возрастающимъ равнодушіемъ и простотою: положимъ, что этотъ законъ окончательно разсмотрится и безъ всякой перемѣны, пусть въ этомъ даже видѣ, утвердится Государственнымъ Совѣтомъ; но въ послѣдствіи, дойдя до Святѣйшаго Синода, почему знать, можетъ случиться, что встрѣ-

титъ въ ономъ какое нибудь неожиданное сопротивленіе. Ну еслибы Синодъ вздумалъ, чего впрочемъ я нисколько не полагаю, протестовать противъ составленныхъ вами правилъ, найдя въ утвержденныхъ вами пунктахъ какое нибудь прямое несогласіе съ Церковью; то признайтесь, что во всякомъ случаѣ это будетъ очень непріятное для васъ событіе, и возмете ли вы тогда на себя всю отвѣтственность за могущія произойти отъ того послѣдствія?

Синодъ въ своихъ дѣйствіяхъ могъ понимать современныя требованія; я теперь вижу ясно, что онъ отъ нихъ не отстаетъ. Впрочемъ, это и естественно, продолжалъ князь въ наше просвѣщенное время Синоду нельзя же не сообразоваться съ вѣкомъ?

Святѣйшій Синодъ, возразилъ я, вовсе не думалъ потакать нашей современности, о которой вы теперь говорите; правила его составлены прежде вашихъ, которыя суть гораздо поздняго происхожденія Синодскихъ. Затруднительное ваше распредѣленіе на семь разрядовъ есть, такъ сказать, явленіе новѣйшее; оно имѣло мѣсто вскорѣ послѣ шестаго Вселенскаго Собора, на которомъ разбирались брачныя установленія, и сіи семь степеней вашихъ, ведущія свое начало отъ уставовъ Цареградскаго патріарха Социнія, спустя долгое уже время послѣ собора явились въ Православной Церкви и привели къ оной, можетъ-быть, новыя затрудненія.

Словомъ, продолжалъ князь, мнѣ наконецъ удалось склонить этихъ господъ, чтобы проектъ сего закона до окончательнаго его утвержденія доставленъ былъ на разсмотрѣніе Св. Синоду, который тотъ же часъ увидѣлъ всю несообразность теоріи Сперанскаго и почти весь въ составѣ своемъ изъявилъ совершенное по всѣмъ пунктамъ несогласіе. Я говорю почти весь для того, что нашлось однако одно лице, которое, въ нѣкоторомъ отношеніи, не во всемъ соглашалось съ Синодомъ и приняло отчасти сторону нашихъ законодателей. То былъ старый митрополитъ Амвросій, у котораго эти господа заранѣе выпросили согласіе, чтобы брачныя дѣла предварительно были разсматриваемы и даже обсуживаемы въ палатахъ уголовныхъ. Въ семъ пунктѣ Амвросій былъ непреклоненъ и даже не уступалъ всему большинству Синода. Недальновидному старцу это казалось даже выгоднымъ, и онъ рѣшительно думалъ, что такимъ образомъ онъ облегчитъ духовныя вѣдомства отъ дѣлъ сего рода, постоянно и въ великомъ множествѣ всегда тамъ накоплявшихся.

Когда это синодское сужденіе дошло въ свое время до свѣдѣнія дѣлателей проекта, тогда Завадовскій не упустилъ упрекнуть меня, сказавши: Вотъ вы насъ увѣряли, князь, что Синодъ не будетъ попечитъ предположеніямъ нашимъ, а выходитъ совсѣмъ тому противное.

Сіи несчастные пункты о супружествѣ переходятъ, наконецъ, къ слушанію и въ Государственный Совѣтъ; на это время самъ Александръ тамъ предсѣдательствуетъ. Надобно тебѣ замѣтить, что иногда, при разсматриваніи дѣлъ въ Совѣтѣ, Государь имѣлъ прежде привычку ранѣе всѣхъ прочихъ обнаруживать свое мнѣніе; отъ этого шаткая политика многихъ членовъ Совѣта сильно колебалась, и слѣдовательно все почти стремилось угождать Монарху и согласоваться съ проявленнымъ уже заранѣе его мнѣніемъ. Но въ послѣдствіи Государь измѣнилъ сію методу; замѣтилъ ли онъ эти продѣлки членовъ, или по другому какому-нибудь случаю, но только уже никогда не произносилъ своего мнѣнія, прежде чѣмъ не были выслушаны голоса всѣхъ прочихъ членовъ Совѣта.

Вотъ, наконецъ, артикулы о бракѣ читаются въ моемъ присутствіи. Мнѣ въ то время какъ-то нездоровилось, и я очень кашлялъ. Во время этого чтенія, признаюсь, я не былъ равнодушенъ; душа моя волновалась и возсылала пламенную молитву къ Небу, ибо въ окончательномъ утвержденіи сего проекта я предусматривалъ даже самую ослабу Русской Церкви и позоръ отечественныхъ нравовъ. Когда окончилось чтеніе, тогда я вдругъ какъ-бы подвигнулся какою-то силою и, доселѣ робкій для всякой публичной импровизаціи, я смѣло подошелъ и остановился противъ креселъ Александра. Свободно и торжественно принялся я опровергать суемудрые доводы моего мощнаго въ словѣ и дѣлѣ соперника. Я какъ-то живо ощущалъ, что Самъ Господь подкрѣплялъ меня. Не помню уже теперь содержанія своей рѣчи; но то однако осталось для меня памятно, что всѣ нужные для сего Евангельскіе тексты съ обиліемъ подставлялись тогда моему воспоминанію, и я, проникнутый правостію моего предмета, въ благовѣстіи Распятаго Іисуса находилъ и крѣпость, и подпору моимъ доказательствамъ.

Я тутъ же замѣтилъ, что Сперанскому очень было непріятно выслушивать мои опроверженія, и онъ, какъ я прежде сказалъ тебѣ, не имѣя права на голосъ, не вытерпѣлъ однакожъ, чтобъ тотчасъ мнѣ не замѣтить, какъ будто бы частно, но все однако предъ цѣлымъ собраніемъ, что понятія мои и правила, извлекаемыя изъ Евангелія, въ приложеніи къ трактуемому проекту о бракахъ могли только своевременно быть пригодны для однихъ Жидовъ. Я пресѣкъ тогда рѣчь свою и сказалъ Александру, что для меня очень странно, чтобы въ Русскомъ и Православномъ царствѣ я могъ услышать эту новую и мнимую истину, которая утверждаетъ, что Евангеліе составлено для однихъ только Жидовъ. Доселѣ я полагалъ, сказалъ я, возвыся голосъ, что это святое благовѣстіе передано въ наслѣдіе всему человѣчеству и что оно по справедливости составляетъ священное и полезное до-

стояніе не токмо христіанъ и Евреевъ, но и самихъ язычниковъ. Сказавъ сіе, я замолчалъ и отошелъ прочь, а разсматриваемый проектъ утвердился, имѣя въ пользу свою и большинство голосовъ Совѣта, и окончательное согласіе съ онымъ самого Государя.

Послѣ утвержденія сего закона я не тосковалъ уже болѣе, и какъ ни наружно было тогдашнее мое христіанство, но, передавъ это дѣло въ волю Господа, я оставался въ твердомъ упованіи, что Онъ, благій Довершатель всякаго полезнаго начинанія, не допуститъ святую Русь блазниться закономъ неправымъ, недозрѣлымъ и вовсе противорѣчащимъ нравамъ и обычаямъ нашего отечества.

Послѣ Совѣта я отправился тотъ же часъ обѣдать къ Государю и вотъ что̀ наединѣ онъ говорилъ мнѣ: «Голицынъ, ты, право, удивилъ меня своею полемикою. Повѣрь, мнѣ пріятно даже было слушать тебя, видя, какъ добросовѣстно защищалъ ты и честь ввѣреннаго тебѣ мѣста, и отправляемое тобою званіе. Конечно я могу не всегда соглашаться въ избранныхъ тобою основаніяхъ, могу иногда не раздѣлять твоего воззрѣнія на вещи; но это никогда мнѣ не помѣшаетъ отдавать тебѣ полное и заслуженное уваженіе».

Такъ любвеобильное сердце благословеннаго Александра, бывъ движимо безпристрастіемъ правосудія, рѣшалось ободрять меня въ подвигѣ трудномъ и тогда, когда подвигъ этотъ противорѣчилъ его собственнымъ умозрѣніямъ. Государь, сказалъ я Александру съ нѣкоторымъ скорбнымъ движеніемъ, меня только то поражаетъ, что въ самомъ, такъ сказать, центрѣ Русскаго Православія, передъ твоими царскими очами, могли найтиться такіе люди, которые осмѣливаются громко утверждать, что книга Святаго Евангелія есть какъ бы нѣкоторая частность, однимъ только Евреямъ усвоенная. Я не находилъ уже тогда за совмѣстное распространяться болѣе.

V.

Разсказанная тебѣ апологія моя въ защиту правилъ христіанства доставила мнѣ поводъ сблизиться съ такими людьми, которыхъ я доселѣ зналъ по одной лишь наружности. Нѣкто Родіонъ Александровичъ Кошелевъ (бывшій оберъ-гофмейстеръ двора Его Величества) тогда же подходитъ ко мнѣ и говоритъ: Почтенный князь, вы такъ превосходно защищали въ Совѣтѣ права христіанства, такое раскрыли чистое ревнованіе вашего сердца, что мнѣ было бы очень пріятно покороче съ вами познакомиться; мало этого, мнѣ бы даже хотѣлось заслужить вашу пріязнь и дружбу. Съ тѣхъ поръ Родіонъ Александровичъ началъ часто приглашать меня къ себѣ и самъ ко мнѣ ѣздить.

И вотъ съ этого-то времени образовалась между нами та короткая связь, которая окончилась лишь съ его смертью.

Мало-по-малу Кошелевъ сердечно ко мнѣ прилѣплялся, и наконецъ, онъ такъ полюбилъ меня, что, не смотря на разность лѣтъ нашихъ (онъ старѣе меня былъ 17-ю или 18-ю годами), не смотря на свою какую-то чинность и степенность, довѣрялся мнѣ вполнѣ и совершенно уже разоблачалъ свое сердце.

Между тѣмъ въ моей душѣ, хотя медленно, но явственно для самого меня происходили какія-то странныя движенія. Я добросовѣстно вѣрилъ истинамъ Священнаго Писанія; вѣрилъ охотно и добродушно всему, что̀ религія ни подставляла для наружнаго наблюденія и исполненія, и сердце мое хотя и носило въ себѣ полное ко всему убѣжденіе, но выражать это живое убѣжденіе въ словѣ, но опровергать въ полнотѣ и съ нѣкоторою методою встрѣчавшійся скептицизмъ въ людяхъ я никакъ не могъ и не рѣшался.

Самое даже желаніе, столь естественное и сообразное по роду службы моей, чтобъ понаучиться этимъ контроверзическимъ розысканіямъ, было во мнѣ всегда останавливаемо какою-то неотразимою робостію, коей никакъ я не могъ пренобѣдить въ себѣ. Положеніе мое было тѣмъ страннѣе, что обращаясь ежедневно съ членами Синода, я имѣлъ, такъ сказать, подъ рукою всю возможность пополнить въ этомъ отношеніи свои недостатки; но, не смотря и на сіе, я молчалъ, опасаясь соблазнить тѣмъ своего ближняго. Но если что̀ обратилось для меня настоящимъ уже мученьемъ, то это было видѣть безпрестанно Государя, котораго я болѣе нежели любилъ; видѣть его особенное, неправильное воззрѣніе на предметы столь необходимые для его спокойствія, болѣе того, спасенія; видѣть, какъ мнѣнія Александровы вовсе различествовали съ тѣмъ, что̀ отнынѣ составлять стало сладчайшую потребность моего духа и сердца, по необходимости долженствовавшихъ разъединяться уже съ Александромъ, усматривая въ немъ такое неправильное настроеніе. Все это видѣть, говорю, и молчать, о это былъ для меня крестъ живой, тяжкій, непрерывный!

Но если я вспоминалъ притомъ, какъ нѣкогда и я самъ своими кощунствами, своими дерзновенными остротами, саркастическимъ настроеніемъ духа моего, столь мнѣ обычнымъ, неоднократно, можетъ-быть, способствовалъ къ поддержанію и даже самому развитію въ Государѣ тѣхъ самыхъ заблужденій, нынѣ такъ оплакиваемыхъ мною: тогда я порывался, тогда я спѣшилъ разоблачить сіи превратныя сужденія, сіи предубѣжденія царевы; сердце мое кипѣло въ живомъ чувствѣ самосознательной увѣренности и спасительнаго ревнованія къ истиннымъ его пользамъ, но уста нѣмѣли, и я молчалъ. Затѣйливая и обильная

полемика Александрова, хотя низлагала меня своими софизмами, но не увѣряла. Государь, говаривалъ я ему иногда, всѣ ваши доказательства противнаго нисколько не мѣшаютъ моей вѣрѣ, но наружнымъ образомъ я не въ состояніи васъ оспорить; можетъ быть, не далеко уже это благодатное время, когда вы сами извѣдаете и испытаете на себѣ всю справедливость и утѣшительность моего состоянія.

Между тѣмъ, желая, чтобъ практическая жизнь моя сколько-нибудь согласовалась съ моихъ религіознымъ увлеченіемъ, я, ничего у себя не перемѣняя по видимости, счелъ однако за нужное многое измѣнить въ своей домашней жизни: началъ наружно поститься, а внутренно умерщвлять плоть свою нѣкоторыми лишеніями. Я отбросилъ мягкій пуховикъ и сталъ спать на узкой, деревянной лавкѣ. Это было настоящее Прокрустово ложе для моего тѣла, потому что лавка была узка и коротка, и мнѣ часто доводилось сидя только подремать на ней. Иногда даже я тутъ и засыпалъ отъ изнеможенія; въ спальную же себѣ я выбралъ комнату сырую, и это начинало отчасти разстроивать мое здоровье. Мнѣ казалось тогда, что многія уже страсти улеглись во мнѣ, или уступали противоборствію; ибо я по мѣрѣ возможности неуклонно имъ воспротивлялся. Но одна изъ этихъ страстей моихъ и, можетъ быть, самая лютая, глубоко гнѣздилась еще въ крови моей и сангвиническомъ темпераментѣ; она казалась мнѣ доселѣ неизбѣжною, ибо сроднилась съ душею моею и ея учащенными привычками. Это была любовь къ женщинамъ, любовь инстинктуальная, но по возможности облагороженная степенью моего мірскаго стоянія. Потокъ этой необузданной страсти и навыкъ, въ ней сдѣланный, такъ были велики, что иногда поставляли меня въ совершенное опьяненіе ума и сердца. Въ порывахъ моего безумія я набѣгалъ даже и на такихъ женщинъ, которыя, жалѣя нанести мнѣ вредъ явный, имѣли великодушіе уклоняться и даже предупреждать меня о видимой опасности. Но ничто не помогало: я пренебрегалъ всѣмъ, рисковалъ всѣмъ и часто избѣгалъ бѣды непонятнымъ безуміемъ моего дерзновенія. Иногда находила на меня какая-то странная охота дѣлать философическій анализъ даже самому наслажденію моему; въ обаяніяхъ нѣги, мечтала ли та женщина, которая мнила одарять меня всѣмъ роскошествомъ самонаслажденія, мечтала ли, что, вмѣсто воспроизводимаго сочувствія, я предавался лишь холодному разсматриванію, желая отыскать, гдѣ витало это пресловутое счастіе человѣковъ, гдѣ оно, въ началѣ-ли, въ продолженіи или окончаніи нашихъ паденій. Но кто и что̀ обязывалъ меня дѣлать сіи спасительныя разсмотрѣнія, я не знаю. Не дѣйствовала ли тутъ сокрытая въ человѣкѣ спасительная благость Провидѣнія, которая, какъ неуслышанный голосъ, тщетно только раздавалась по

пустынямъ моего сердца? Доказательствомъ сего можетъ, между прочимъ, послужить и то, что я, говоря однажды съ однимъ изъ друзей моихъ, именно съ Александромъ Алексѣевичемъ Лѣнивцовымъ (послѣ о немъ ты болѣе узнаешь) о необходимости своего исправленія, о нѣкоторыхъ даже успѣхахъ моихъ по этому предмету, съ содроганіемъ однако сердца сознавался ему о неотразимой невозможности, какую для себя предвидѣлъ навсегда оставить женщинъ. Лѣнивцовъ, выслушавъ меня по обыкновенію спокойно, съ важностію однако мнѣ замѣтилъ, что я готовъ Творцу своему закалать лишь худородныя жертвы, но жертву упитанную, взлелѣянную съ такимъ раченіемъ, я не спѣшу еще приносить Ему на алтарь покаянія.—Это, продолжалъ онъ, показываетъ, что вы хотите только заключить удобную, такъ сказать, сдѣлку со своимъ Творцомъ и Господомъ. Дешевое для васъ и нетрудное вы Ему отдаете охотно, а одичалую страсть сердца вашего, страсть, которая у васъ по превосходству, вы оставляете еще для самого себя. Такъ, не служите уже Господу, и тщетно ваше къ Нему обращеніе. Слова эти жгли душу мою; но я все еще колебался, все медлилъ, скажу болѣе, я сердился на Лѣнивцова.

И вотъ, продолжалъ князь, прошло болѣе 35 лѣтъ, какъ я вовсе уже не вспоминаю о женщинахъ. Я становлюсь старъ. Сколько съ того времени я извѣдалъ на себѣ немощей; сколько я перенесъ болѣзней и даже опасныхъ, особенно при самомъ началѣ вступленія на престолъ нынѣшняго Государя. Повидимому, уже не долженствовало бы у меня оставаться на сердцѣ никакой части для женщинъ; но, однако ты ошибешься, если такъ подумаешь. Нѣтъ, я и понынѣ сохраняю еще всю возможность паденія, и понынѣ вѣроломное сердце мое если не готово, то свѣжо для подобной измѣны, и далеко еще до того, чтобъ быть вовсе безопасну отъ искушеній, отъ которыхъ сохраняетъ меня доселѣ одна лишь благость милующаго Провидѣнія, и я по сіе даже время не рѣшусь ѣхать въ одномъ и томъ же экипажѣ или оставаться на единѣ съ какою-бы то ни было молодою женщиною. Никто, конечно, болѣе моего не отдастъ достоинства особамъ прекраснаго пола, и я охотно допускаю даже и всякую съ молодыми женщинами благоразумную короткость, но никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не должно имѣть съ ними фамильярности. Вотъ мои правила, продолжалъ князь, которымъ слѣдуя доселѣ неизмѣнно, я пользовался удовольствіемъ пріятнаго съ этимъ поломъ общенія и вмѣстѣ отрадною увѣренностью, что я тѣмъ не прогнѣвляю моего Создателя и не нарушаю мира своей совѣсти. И такъ, повторилъ князь, запомни же слова мои: можно быть съ женщинами короткимъ, но никогда фамильярнымъ.

Но довольно о семъ, и не время-ли намъ обратиться къ прежнему разсказу? Вотъ я началъ ѣздить часто, какъ сказалъ выше, къ Родіону Александровичу. Его бесѣды и мнѣнія мнѣ постоянно нравились; но если сказать по истинѣ, то я понималъ изъ нихъ только одну половину. Старикъ Кошелевъ не могъ не производить на меня сильнаго впечатлѣніи. Онъ, объѣздившій большую часть Европы, нѣкогда находился въ связи, болѣе или менѣе тѣсной, со всѣми именитыми ея людьми по благочестію и христіанской мудрости. Кошелевъ знавалъ лично замѣчательнаго Эккартсгаузена, теозофа Сенъ-Мартеня, духовидца Сведенбурга, Лафатера, а съ нѣкоторыми изъ нихъ даже велъ и постоянную переписку. Онъ иногда удивлялъ меня и даже поражалъ своими смѣлыми и свѣтлыми взглядами на нѣкоторые важные предметы, но для меня все еще казался во многомъ закрытымъ, и это не потому чтобы не доставало у него ко мнѣ довѣрія, но болѣе, кажется происходило отъ того, что собственный взоръ мой былъ какъ-то слабъ отъ неопытности и потому не досягалъ до тѣхъ предметовъ, кои были доселѣ для него новы, или даже и вовсе чужды его понятіямъ. Что̀ же касается до моихъ отношеній къ старику Кошелеву, то я въ присутствіи его всегда старался быть какъ можно болѣе осторожнымъ и скрытнымъ.

Однажды Родіонъ Александровичъ приглашаетъ меня къ себѣ и вмѣстѣ съ симъ извѣщаетъ, что онъ пригласилъ къ себѣ и того Александра Алексѣевича Лѣнивцова, о которомъ я недавно только говорилъ тебѣ. Этотъ Лѣнивцовъ извѣстенъ былъ въ Петербургѣ за человѣка отличнаго ума и благочестія. Онъ, какъ послѣ я узналъ, принадлежалъ къ высшимъ степенямъ одной (въ Москвѣ) масонской ложи. Лѣнивцовъ имѣлъ рѣдкій даръ говорить сладко и увлекательно, и я навѣрное догадывался, что Кошелевъ пригласилъ его вмѣстѣ со мною для того, чтобы заставить его говорить въ моемъ присутствіи и чрезъ то растопить, такъ сказать, во мнѣ всегдашнюю осторожность и недовѣрчивость. И въ самомъ дѣлѣ, я нашелъ въ Лѣнивцовѣ сильное и убѣждающее краснорѣчіе; оно при томъ соединено у него было съ какою-то необыкновенною мягкостію и ясностію изложенія. Но, не смотря на все это, старикъ Кошелевъ не достигнулъ на тотъ разъ своей цѣли, а напротивъ того они привели меня въ сомнѣніе и даже немало встревожили мой религіозный формализмъ, который только въ наружныхъ бдѣніяхъ, постахъ и устной молитвѣ думалъ доселѣ находить и цѣль и средства для своего любимаго занятія.

При всѣхъ своихъ достоинствахъ старецъ Кошелевъ имѣлъ однако невинную слабость или, лучше сказать, навыкъ къ утѣхамъ гастрономіи, да и ораторъ нашъ Лѣнивцовъ далеко не былъ прочь отъ стола

изысканнаго и лакомаго. И вотъ за этимъ обѣдомъ, гдѣ насъ засѣдало только трое, и въ краткіе промежутки важныхъ и торжественныхъ конференцій нашихъ, хозяинъ то и дѣло, что потчивалъ любезнаго гостя; а тотъ, продолжая риторствовать съ неизмѣнною важностію о серіозныхъ матеріяхъ, находилъ однако всегда удобное словцо, чтобъ отозваться обязательному хозяину о подаваемомъ ему лакомомъ блюдѣ и высказать свое мнѣніе, какъ оно хорошо и вкусно было приготовлено. Хозяинъ и гость не переставали за столомъ разсуждать о поставленныхъ предъ ними яствахъ, смаковали ихъ, какъ подобаетъ истиннымъ застольнымъ амфитріонамъ и дегюстировали вино съ такимъ умѣньемъ, которое можно только отыскать у самыхъ опытныхъ знатоковъ этого дѣла. Покушай, любезнѣйшій, часто говорилъ Кошелевъ Лѣнивцову, обильно подкладывая ему на тарелку какого-нибудь ароматическаго и остраго соуса; а тотъ, принимая, принужденнымъ однако считалъ себя иногда и отказываться, ибо такъ часты были возліянія и приношенія на этой вечери, и эта христіанская наша агапія до того была обильна, что въ глазахъ моихъ болѣе походила на молодую пирушку. Чтожъ это за христіанство? думалъ я про себя. Сладко ѣдятъ, протяженно смакуютъ и говорятъ еще грозныя сентенціи о душѣ и ея безотрадныхъ лишеніяхъ, какъ бы для того единственно, чтобъ Лукулловская ихъ трапеза тѣмъ еще болѣе казалась имъ привлекательнѣе, тѣмъ ярче отдѣлялась т.-е. отъ строгаго христіанскаго самоотверженія. Но я ошибался, довѣряя слишкомъ много первому и наружному моему взгляду.

Если мы начинаемъ кого искренно любить, продолжалъ князь, то весьма естественно, что мы начинаемъ и стараться, чтобъ этотъ предметъ новаго любленія нашего былъ по возможности обставленъ и сближенъ со всѣми прочими любезными для насъ лицами. Жена покойнаго Сергѣя Ивановича Плещеева пользовалась тогда особенною довѣренностью Родіона Александровича, который ей былъ родственникъ; старецъ охотно и часто любилъ у нея бывать, но онъ чаще того и охотнѣе принималъ ее къ себѣ. Онъ въ скорости же предложилъ ей и меня въ число кандидатовъ на близкое знакомство; но Плещеева, всегда робкая по темпераменту и хотя уже зрѣлая лѣтами, но какъ-то все еще не вышедшая изъ привычныхъ пеленокъ Смольнаго своего монастыря, не на шутку встревожилась, когда услышала сіе предложеніе: ибо она почитала меня за насмѣшника и язвительнаго дворскаго острослова. Таковъ-то былъ мой тогда авторитетъ! Но старикъ Кошелевъ взялся ее переувѣрить и совершенно, какъ ты скоро и самъ увидишь, успѣлъ въ своей цѣли. Онъ сказалъ ей, между прочимъ, что я перемѣнился совершенно и давно уже не таковъ; даже передалъ ей мо-

жетъ быть, и ту оппозицію мою противъ Сперанскаго, которая такъ ему понравилась; словомъ, вслѣдствіе сихъ увѣреній, Плещеева приглашаетъ, наконецъ, меня къ себѣ въ домъ. Я поспѣшаю этимъ воспользоваться, и меня принимаютъ тамъ на первый разъ хорошо. Здѣсь опять я встрѣчаю и Лѣнивцова, короткаго знакомца Плещеевой и у ней живущаго. Завязывается разговоръ, который тотъ же часъ взялъ направленіе къ предметамъ возвышеннымъ, духовнымъ, словомъ, обратился въ бесѣду піетическую. Вмѣстѣ съ симъ началось и чтеніе (видно, между ними обычное), котораго выборъ зависѣлъ отъ указаній Родіона Александровича. Книга на тотъ разъ имъ избранная называлась: трактатъ о жертвахъ извѣстной духовидки дѣвицы Бруннъ, которая, нѣкогда бывъ другомъ герцогини Бурбонской, вмѣстѣ считалась и главою малочисленнаго, но весьма таинственнаго во Франціи общества такъ называемыхъ жертвъ или умиротворительницъ правосуднаго гнѣва Божія. Въ этомъ сочиненіи, кромѣ глубинъ самаго сокровеннѣйшаго мистицизма, сочинительница безпрестанно описывала свои видѣнія, кои, бывъ по большой части эмблематическаго свойства и заключая въ себѣ, безъ сомнѣнія, таинственный смыслъ, могли быть только понимаемы или доступны разумѣнію однихъ лишь посвященныхъ. И вотъ какую книгу постарался выбрать для перваго моего слушанья Родіонъ Александровичъ.

По необходимости слѣдя оную своимъ вниманіемъ, я невольно сжимался и горѣлъ, такъ сказать, отъ нетерпѣнія, совершенно не постигая, что̀ хотѣла сочинительница выразить подъ многими терминами своими, вовсе для меня непонятными и которые я въ первый разъ тогда услышалъ. Еще болѣе того не понималъ я и этого состоянія внутренняго развитія въ человѣкѣ, о которомъ также безпрестанно толковала сочинительница. Что̀ бы это было за такое внутреннее и сокрытое въ насъ же состояніе, котораго бы человѣческое самовѣдѣніе не знало? думалъ я про себя. Не есть ли уже это какая-нибудь греза воспаленнаго воображенія и обманъ чувствъ? Но если это не есть обманъ чувствъ, то не обманъ ли ума? Такъ разсуждалъ я тогда, ни мало не предполагая, что мы точно носимъ въ себѣ этотъ вождѣленный міръ, эту необъятную и полную свѣтлой жизни вселенную, вовсе о томъ не подозрѣвая.

Наконецъ, окончилось сіе несчастное для меня чтеніе, послѣ котораго обмысливъ надосугѣ, я остался въ совершенномъ уже и полномъ увѣреніи, что старикъ Кошелевъ непремѣнно желаетъ затащить меня въ какую-то неизвѣстную мнѣ секту и что этотъ вечеръ служитъ образцомъ моего дальнѣйшаго пріуготовленія. Мнѣ даже ясно тогда казалось, что у нихъ былъ и свой условный языкъ и, какъ видно,

непонятный для непосвященнаго, потому что я ничего не разумѣлъ изъ онаго. Вмѣстѣ съ симъ я не могъ на себя взять преподбѣдить и робости своей, скажу болѣе какого-то даже стыда меня охватившаго, чтобъ даже просто спросить у нихъ, чего я не понимаю. Да какъ было и спрашивать, какъ обнаруживать свое незнаніе въ то время, какъ все сіе общество такъ дружно восхищалось, шумно благоговѣло и на перерывъ стремилось другъ передъ другомъ выхвалять и выставлять такъ называемыя божественныя глубины неизвѣстной доселѣ мнѣ писательницы?

Промыслъ Божій, однако, не долго оставилъ меня въ семъ затруднительномъ положеніи. Онъ внушилъ мнѣ единственное средство доискаться, былъ ли какой сокровенный свѣтъ въ этихъ потемкахъ: я прибѣгнулъ къ молитвѣ, къ тому же Раздавателю свѣта, къ молитвѣ, по возможности неотступной, усердной, жаркой; а между тѣмъ всетаки не переставалъ ѣздить къ Плещеевой. Разъ пять или шесть являлся я на эти собранія, но оттуда постоянно вывозилъ къ себѣ домой сердце всегда обезпокоенное, разумъ встревоженный.

Но вотъ, наконецъ, вдругъ и нечаянно, къ величайшему и радостному моему изумленію, прорвалась завѣса моего сомнѣвающагося незнанія. Какъ огрубѣлая кора слѣпца Евангельскаго сошла она, эта несчастная завѣса, съ очей моихъ; сердце мое радостно встрепенулось, согрѣлось, и я сталъ свободно, хотя еще и не вполнѣ, видѣть и понимать, что̀ хотѣла сказать дивная дѣвица Бруннъ о своихъ внутреннихъ испытаніяхъ. Тутъ-то, въ первый еще разъ въ моей жизни, я сталъ постигать, что въ многоразличіи міра наружнаго, феноменальнаго скрывается еще болѣе многоразличный міръ внутренній, міръ неуловимый человѣческими чувствами; и эта жизнь пластическая, эта жизнь наглядныхъ, такъ сказать, ощущеній человѣческихъ есть только скудная покрышка, есть какъ-бы накипь, облекающая по наружности и сокрывающая великія, богатыя и дивныя тайны недовѣдомаго шествія существа внутренняго, міроваго, вѣчнаго. Одно только сознаніе въ себѣ сего шествія, продолжалъ князь, можетъ быть истиннымъ его достояніемъ и вполнѣ долженствуетъ удовлетворять неотразимому исканію великаго, благороднаго и безсмертнаго духа.

Озареніе и раскрытіе сихъ сладостныхъ истинъ такъ было для меня ново, богатство сихъ свѣтлыхъ чаяній такъ было обильно, и вмѣстѣ съ этимъ моя робкая недовѣрчивость къ себѣ такъ смиренна и застѣнчива, что я даже боялся своихъ собственныхъ ощущеній; я медлилъ и робѣлъ сообщать ихъ моимъ собесѣдникамъ. Какъ знать, можетъ быть я это дѣлалъ и потому, что сознавалъ и усматривалъ въ себѣ недостоинство даже говорить о матеріяхъ столь важныхъ и

возвышенныхъ; и могъ ли я по справедливости правильно о нихъ бесѣдовать, бывъ столько въ этомъ новъ и неопытенъ? А потому я молчалъ. Въ послѣдствіи, желая наконецъ и въ себѣ нѣсколько увѣриться и, вымолвя наружно, хотя нѣсколько облегчить себя въ этихъ новыхъ и переполнившихъ меня ощущеніяхъ, я рѣшился нѣчто сказать объ оныхъ. Сперва заговорилъ я робко, но потомъ болѣе и болѣе осмѣливался, когда увидѣлъ возникающее къ себѣ сочувствіе во всѣхъ моихъ собесѣдникахъ, которые тотъ же разъ изъявили мнѣ свою непритворную радость и удивленіе, слыша меня разсуждающимъ правильно о такихъ важныхъ и высокихъ матеріяхъ. И вотъ это было первое мое начало, первый, такъ сказать, приступъ къ изученію внутренняго развитія христіанскаго дѣла въ сердцѣ и о которомъ доселѣ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія.

VI.

Но передавая тебѣ подробности сего чуднаго водительства Божія, сей благодатной Его милости, которая такъ безопасно и даже незамѣтно провела меня отъ невѣрія сперва къ вѣрованію, хотя еще къ слабому и наружному, но въ послѣдствіи къ вѣрѣ внутренней если не живой, то всегда отрадной, успокоительной, необходимой, я принужденнымъ нашелся пріостановить оттого, продолжалъ князь, свое прежнее повѣствованіе о дальнѣйшей или, лучше сказать, окончательной участи, утвержденнаго уже Государемъ, какъ и ты знаешь, проекта закона о супружествахъ въ Россіи.

Эти несчастные артикулы, какъ ты безъ сомнѣнія и помнишь, составлялись и утверждались при условіяхъ весьма странныхъ; но еще страннѣе того окончилось или наконецъ потухло сіе скучное для меня и другихъ дѣло. Перстъ Божій, такъ сказать, очевидно показалъ мнѣ въ его послѣдствіи, что я не даромъ тутъ подвизался и ревновалъ вопреки моего темперамента и характера. Но прежде, чѣмъ я скажу тебѣ о томъ, надобно замѣтить, что сей таковымъ образомъ утвержденный законъ составлялъ, какъ и слѣдуетъ, одно изъ частныхъ звеньевъ всеобщаго кодекса или устава для Россіи, и все чтò доселѣ изъ онаго было разсмотрѣно въ Государственномъ Совѣтѣ и даже утверждено Государемъ заключало въ себѣ положительную силу дѣла рѣшеннаго и уже законченнаго, хотя законъ и не имѣлъ текущаго дѣйствія; потому что всеобщій кодексъ въ полномъ его объемѣ еще не былъ приведенъ къ окончанію или, по крайней мѣрѣ, пересмотрѣнъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

Въ первые годы своего царствованія и съ начала образованія Государственнаго Совѣта, Александръ всемѣрно старался и прилежалъ къ сему важному подвигу; но съ приближеніемъ грозной и испытательной эпохи для Россіи, я говорю здѣсь о 1812 годѣ, онъ какъ-то менѣе уже сталъ заниматься симъ дѣломъ. Но въ первые годы основанія Совѣта Императоръ любилъ всегда лично предсѣдательствовать въ ономъ.

По прошествіи нѣкотораго времени, Сперанскій предложилъ вотъ какую мысль Государю. Мы продолжаемъ составлять кодексъ для цѣлой Имперіи, говорилъ онъ ему; значительная часть труда нашего уже совершилась, она даже утверждена вами, Государь, окончательно. Но, несмотря на это, очень было бы желательно и дѣлу совмѣстно, еслибъ для такого важнаго предпріятія, каково гражданское устроеніе цѣлаго государства, какъ можно поболѣе было собрано разнообразныхъ человѣческихъ воззрѣній. Эти различныя оцѣнки умовъ свѣжихъ и неразвлекаемыхъ постороннимъ вліяніемъ могли бы съ большою пользою для дѣла разсмотрѣть всѣ разнообразныя частности сего совокупнаго и многосложнаго государственнаго учрежденія. Кто намъ поручится, продолжалъ Сперанскій, что въ примѣненіи къ практикѣ, къ безчисленнымъ мѣстностямъ, изъ которыхъ составлено отечество, все это взойдетъ въ надлежащую рамку и ходко пойдетъ на самомъ дѣлѣ? Кромѣ того, нѣтъ-ли еще какого промаха, даже опущенія и въ самыхъ деталяхъ, или подробностяхъ, столь огромнаго начинанія, которыя могутъ легко быть пропущены безъ вниманія и даже вовсе неуловимы на нашемъ мѣстѣ и при нашемъ званіи. Я думалъ бы, говорилъ Сперанскій, предложить Вашему Величеству учредить во всякой губерніи или области государства по одному изъ временныхъ комитетовъ и, посадя въ нихъ людей даровитыхъ и опытныхъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми избранными для сего мѣстными властями, отсылать потомъ въ эти комитеты отдѣльные листы кодекса по мѣрѣ ихъ изготовленія, совершенно при томъ скрывая отъ нихъ то, что листы эти были уже нами разсмотрѣны и даже утверждены. Это бы очень упрочило трудъ нашъ; потому что различіе самобытныхъ мнѣній, которое, безъ сомнѣнія произойдетъ отъ такого почастнаго разсматриванія, будучи приведено въ порядокъ и совокупную стройность и полноту, еще болѣе бы освѣтило и упрочило дѣло наше и создало бы его по возможности совершеннымъ человѣческимъ произведеніемъ.

Государь охотно согласился на сей вызовъ Сперанскаго. И вотъ, продолжалъ съ улыбкою князь, мало того, что эти неугомонные законы о супружествѣ нанесли намъ столько хлопотъ, споровъ и безпокойствъ всякаго рода, но уже неразрывно присоединенные къ общему ко-

дексу и въ семъ видѣ даже утвержденные, нынѣ назначаются разбрестись, такъ сказать, по всѣмъ внутреннимъ губерніямъ, и вѣроятно для того, чтобъ представить изъ себя одинъ лишь соблазнительный предлогъ для преткнанія, но не одного Совѣта токмо, а цѣлой уже Россіи.

При томъ, степень просвѣщенія по предмету современнаго законодательства, въ нашихъ внутреннихъ провинціяхъ, такъ ли у насъ находится высоко, чтобъ можно было уже на нее полагаться? Неоспоримо, что вездѣ сыщутся люди одаренные талантомъ, знаніемъ и добросовѣстнымъ расположеніемъ къ дѣлу; но много ли таковыхъ у насъ найдется дѣйствительно? Мнѣ отчасти извѣстно это провинціяльное просвѣщеніе; да и вся недавняя наша гражданственность, особенно существовавшая въ то время, была, по мнѣнію моему, не болѣе какъ въ переходномъ состояніи. Мелкія губернскія нужды, и самые даже выборы дворянскіе на внутреннихъ губернскихъ совѣщаніяхъ, часто и разсматривались, и трактовались доселѣ довольно неудачно и неполно; кромѣ нескончаемыхъ и запальчивыхъ споровъ, кромѣ личностей и вслѣдствіе оныхъ жалобъ, доселѣ ничего не происходило у насъ добраго въ этомъ родѣ. Самая даже мысль передавать такимъ образомъ проекты законовъ комитетамъ губернскимъ, какъ ни кажется при первомъ на нее взглядѣ основательною и полезною, все-таки однакожъ, по моему мнѣнію, поздненько на тотъ разъ зародилась въ головѣ у г. Сперанскаго: ибо, прилагая ее къ дѣлу постояннаго государственнаго учрежденія, она только бы разродилась отъ того на множество непреоборимыхъ препятствій, изъ коихъ первое, или главное, есть уже та нелѣпость или совершенная несообразность, чтобы законъ, однажды утвержденный самодержавною властію, отсылать снова на ревизію губернскихъ комитетовъ, предположивъ, что это утвержденіе и осталось бы пока для нихъ тайною, какъ полагалъ тогда Сперанскій. Отсылать же, такимъ образомъ отдѣльные листы кодекса и съ тою цѣлію, о которой говорено выше, значило бы подавать поводъ и пищу къ повсемѣстной и безумолчной болтовнѣ толпы и, можетъ быть, дерзновеннымъ и даже опаснымъ воззрѣніямъ недоброжелательства. Положимъ даже и то, что стачка, такъ сказать, цѣлой Россіи была бы въ этомъ дѣлѣ благонамѣренна и сливалась во едино съ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта: тогда, опять повторяю, какъ же можно разбирать то снова что̀ было однажды уже разсмотрѣно и утверждено въ окончательной инстанціи нашего законодательства, не смотря на то, что Сперанскій, безъ сомнѣнія, и самъ ясно то видѣлъ: ибо предложилъ Государю, чтобъ окончательное утвержденіе сего важнаго государственнаго акта содержать въ строгой тайнѣ для сихъ многочисленныхъ комитетовъ.

По моему, даже и это была вещь неудобоисполнимая. Кто же, какъ не перстъ Божій, повторилъ князь, явно тутъ участвовалъ; ибо не есть ли это странность изъ странностей видѣть, какъ рѣшенный уже законъ назначаютъ, такимъ образомъ, развѣять по цѣлой Россіи, ожидая отъ многолюдства еще какого-то ему подкрѣпленія и тѣмъ какъ бы сознавая и показывая всю зыбкость и неувѣренность въ себѣ его собственныхъ дѣлателей?

Но эти несчастные законы о супружествѣ не пустились на такое опасное странствіе, продолжалъ князь, равно какъ и весь машистый и несвоевременный проектъ Сперанскаго, безъ сомнѣнія по волѣ Божіей, совершенно уничтожился при первомъ еще своемъ появленіи; ибо вскорѣ послѣ этаго, вслѣдствіе нѣкоторыхъ политическихъ обстоятельствъ, кредитъ Сперанскаго началъ упадать, потому что Александръ постепенно умалялъ къ нему свою довѣренность, а потомъ Государь счелъ за нужное и совсѣмъ отдалить Сперанскаго отъ себя и отъ дѣла ему препорученнаго. Вскорѣ вышло ему повелѣніе немедленно удалиться въ Нижній-Новгородъ; а законы о супружествѣ, съ прочими его начинаніями, отложены были, такъ сказать, въ долгій ящикъ подъ красное сукно.

Политическій горизонтъ давно уже началъ темнѣть, тучи медленно собирались на Западѣ Европы, все предвѣщало катастрофу, все ожидало какого-то необычайнаго событія, еще небывалаго въ новѣйшей исторіи. Дѣла шли однако своимъ обычнымъ порядкомъ, и я по обыкновенію хотя былъ и близокъ къ Государю, но постоянно уклонялся отъ всякой съ нимъ полемики. Александръ былъ добръ сердцемъ, великодушенъ и добросовѣстенъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ своихъ съ его близкими окружающими. Но, къ несчастію, глубоко вкорененный въ немъ типъ западнаго образованія и, можетъ быть, неизвинительная небрежность, если не злонамѣренность, главныхъ его пѣстуновъ поселили въ сердцѣ Государя странное разнорѣчіе съ его истинными потребностями. Во внѣшнихъ дѣлахъ управленія Александръ никогда не мѣшалъ дѣйствовать другимъ по ихъ христіянскому побужденію и слѣдовательно былъ весьма далекъ, чтобъ преслѣдовать подозрѣніемъ и мою перемѣну въ образѣ мыслей; но я самъ никогда не могъ забыть и простить себѣ сего несчастнаго и горько оплаканнаго мною времени, когда, въ безуміи моего заносчиваго невѣрія, я позволялъ себѣ, часто въ его личномъ присутствіи, и подстреканія, и ядовитыя насмѣшки надъ христіанскимъ вѣрованіемъ.

Но вотъ, въ одно время, бесѣдуя на единѣ съ Государемъ о Евангеліи, я простодушно спросилъ его, читывалъ ли онъ эту книгу? «Нѣтъ, никогда не читывалъ», отвѣчалъ мнѣ, Государь; «а если что̀ изъ нея

знаю, то развѣ слыхивалъ въ церкви. А теперь и этотъ источникъ для меня уже прекратился, продолжалъ Александръ; ибо я, сдѣлавшись глухъ, не пользуюсь нынѣ и малымъ моимъ знаніемъ, да и послѣднее растерялъ, что̀ слыхивалъ». Не угодно ли Вашему Величеству полюбопытствовать, прочитать эту книгу, примолвилъ я ему; мнѣ, право, сдается, что она стоила бы всего Вашего вниманія, и я увѣряю Васъ, Государь, что Вы никакъ не будете въ томъ раскаяваться и еще скажете мнѣ спасибо. Александръ согласился и далъ мнѣ слово прочитать Евангеліе, что̀ меня крайне утѣшило, и я въ тотъ же день поспѣшилъ подарить ему собственную мою Библію и, отдавая ему оную, я принялъ смѣлость тогда же замѣтить, чтобы онъ пока пріостановился еще читать Вѣтхій Завѣтъ, а читалъ бы только одно Евангеліе и Апостольскія Посланія. (Апокалипсиса также покуда не читайте, сказалъ я ему). Тайное мое побужденіе, давая этотъ совѣтъ Государю, состояло въ томъ, чтобы сердце Александрово напиталось и проникнулось сперва мудрою простотою ученія Евангельскаго, а потомъ уже приступило бы это дорогое для меня сердце къ воспринятію въ себя и болѣе крѣпкой пищи вѣтхозавѣтныхъ обѣтованій и символовъ.

Вскорѣ послѣ нашего разговора, Государь отправился въ Новую Финляндію; онъ поѣхалъ осматривать ее, но кажется болѣе для свиданія съ Бернадотомъ, нынѣшнимъ королемъ Шведскимъ.

Гористое мѣстоположеніе Новой Финляндіи заставило Александра ѣздить по ней на обыкновенныхъ городскихъ дрожкахъ, и вотъ ему, совершенно разъединенному на тотъ разъ ото всего, вздумалось о Евангеліи; а можетъ быть вмѣстѣ припомнилъ онъ и данное мнѣ обѣщаніе. Библія, которую я подарилъ ему, была съ нимъ; онъ тотъ-часъ же приказалъ ее вынуть и началъ читать дорогою. Государю стало нравиться это чтеніе, и онъ уже не выпускалъ изъ рукъ Евангелія во все время своего путешествія. По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, Государь счелъ за нужное поблагодарить меня за данный ему совѣтъ. «Я въ восхищеніи отъ этой книги», сказалъ мнѣ Императоръ, «но вмѣстѣ съ тѣмъ признаюсь тебѣ, Голицынъ, меня очень соблазняетъ твой Апокалипсисъ; тамъ, братецъ, только и твердятъ объ однѣхъ ранахъ и зашибеніяхъ (il n'y a que plaie et bosses, точныя слова Александра). Мнѣ кажется, продолжалъ Государь, что будто какой новый міръ открывается для меня; право, я очень тебѣ благодаренъ за твой совѣтъ» *).

Я радовался какъ малый ребенокъ, говорилъ князь, усматривая сей новый и желанный сгибъ ума и воли Государевой. Благословен-

---

*) Князь, выслушавъ это мѣсто Записокъ, изволилъ сказать мнѣ: „Оставьте до времени“.

ное это зерно можетъ породить, мечталъ я, безконечные благіе плоды для земли Русской; можетъ составить даже новую эру для отечества, обильную для всѣхъ сыновъ его полезными и счастливыми послѣдствіями. Какое тогда зрѣлище, когда сердце царево безпрестанно проникается истиннымъ благочестіемъ! Почему знать, можетъ быть на него съ веселіемъ приникаетъ даже и Тотъ, Который по неизмѣннымъ словамъ Писанія держитъ сердце Своего Помазанника въ творческихъ рукахъ Своихъ. Обрадованный до глубины сердца моего, я осмѣлился тогда же попросить Александра. Государь, сказалъ я ему, пожалуйте мнѣ вѣрное царское слово Ваше, что какъ скоро Вы возымѣете рѣшительную и полную вѣру въ Распятаго Іисуса, то увѣдомьте меня о томъ немедленно.

Причина сего желанія очевидна: мнѣ хотѣлось облегчить совѣсть свою и уничтожить то болѣзненное въ ней воспоминаніе, что я самъ нѣкогда развивалъ въ моемъ Государѣ идеи невѣрственныя и ложныя.

Между тѣмъ Государь не оставлялъ и въ Петербургѣ постоянно заниматься чтеніемъ Новаго Завѣта. Обыкновенная доселѣ метода его въ семъ упражненіи состояла въ томъ, что онъ сперва прочитывалъ одно Евангеліе, потомъ главу изъ Апостольскихъ Посланій, вмѣстѣ съ Дѣяніями Апостольскими, а наконецъ приступилъ онъ и къ самому Апокалипсису, который въ послѣдствіи такъ сталъ ему нравиться, что, по собственнымъ словамъ Государя, онъ досыта не могъ имъ начитаться.

Здѣсь я остановлюсь пока продолжать бесѣду мою съ княземъ и попрошу позволенія у моего почтеннаго будущаго читателя на одно лишь маленькое отступленіе отъ продолжаемаго разсказа. Мнѣ какъ-то очень пожелалось вымолвить мое собственное ощущеніе о князѣ и хотя немного облегчить переполненную душу мою, проникнутую признательностію за его истинно - доброе дѣло. Сей благій совѣтъ, сіи князевы внушенія Александру, къ которому, чрезъ особенную благость Провидѣнія, онъ былъ болѣе близокъ въ жизни, нежели къ кому другому, по мнѣнію моему составляютъ подвигъ великій и предъ очами Бога, и предъ очами отечества.

Мы сами были современные очевидцы, какъ отъ сего благословеннаго внушенія, въ наступившую грозную, политическую бурю, христоименитый Александръ нашъ, будучи подкрѣпленъ, упитанъ, проникнутъ чтеніемъ Слова Божія, не робѣетъ мощнаго соперника, бразды управленія и движенія многочисленныхъ народовъ своихъ забираетъ крѣпкою и могучею рукою, не сомнѣвается, не уклоняется отъ врага, казавшагося тогда безчисленнымъ и непреоборимымъ; въ величествен-

номъ и безмятежномъ спокойствіи своего шествія онъ всего сталъ надѣяться отъ Своего Господа. Римляне нѣкогда прославили своего Фабія за то, что онъ умѣлъ благоразумно медлить противъ Аннибала; не слѣдуетъ ли и намъ Русскимъ почтить своего Государя, выключая уже всѣ прочія заслуги его предъ отечествомъ, почтить, говорю, заодно лишь то, что онъ, какъ новый Давидъ, не усумнился въ помощи своего Господа и вмѣстѣ съ тѣмъ въ вѣковой, обычной доблественности оторопѣвшаго тогда народа? Здѣсь опять я обращаюсь къ своему разсказу.

Знаешь ли, продолжалъ князь, какимъ образомъ приступилъ Александръ къ чтенію Ветхаго Завѣта? Причина сего побужденія очень замѣчательна. Однажды Государь въ Новомъ Завѣтѣ вычиталъ сіе знаменитое Посланіе Апостола Павла, гдѣ такъ подробно говорится о плодахъ вѣры, какъ она, эта вѣра, низлагаетъ враговъ внѣшнихъ, какъ побѣждаетъ миромъ силы супротивныя. Въ семъ Посланіи указуется и на Вѣтхій Завѣтъ, гдѣ апостолъ беретъ изъ онаго сильныя и блестящія уподобленія. Александръ вдругъ подвигнулся прочитать весь Вѣтхій Завѣтъ. Онъ предвидѣлъ грозную и нескончаемую брань со врагомъ неуступчивымъ и мощнымъ, и это Посланіе дѣлало намеки на побѣду вѣры, побѣждающую и враговъ внѣшнихъ. Сердце Государево созрѣло уже, чтобъ закрѣпить себя въ сію непреоборимую броню вѣры, и вотъ однажды, находясь въ какомъ-то особенномъ настроеніи духа, Государь вдругъ пожелалъ напитать себя чтеніемъ и Вѣтхаго Завѣта, напитать себя прежде, чемъ разразилось надъ нимъ и государствомъ то страшное испытаніе, которое грозно къ нему приближалось. Александръ однако великодушно спросилъ у меня совѣта, время ли ему приступать къ сему чтенію. Ты можешь себѣ представить, продолжалъ князь, съ какимъ восхищеніемъ я далъ ему свое согласіе.

Между тѣмъ политическая буря приближалась все ближе и ближе; роковая, бѣдственная война засвирѣпствовала въ отечествѣ; важныя ея событія смѣнялись съ неимовѣрною скоростію; древняя столица наша, оставленная врагамъ, взята у нихъ была обратно; послѣдствующія битвы довершили пораженіе наглаго и дерзновеннаго непріятеля; онъ бѣжалъ изъ Россіи, какъ отъ гнѣва Божія, не будучи въ состояніи нигдѣ укрыться.

Не стану пересказывать тебѣ извѣстныхъ подробностей, ты ихъ самъ знаешь; но Императоръ, находясь уже въ Вильнѣ, уже написавшій тѣ достопамятные воззванія и манифесты, въ которыхъ твердость благороднаго и великодушнаго духа невольно обличала въ немъ христіанскій строй сердца, Александръ, говорю, медлилъ еще вымолвить мнѣ, вслѣдствіе даннаго имъ обѣщанія, письменное слово о пол-

ной и крѣпкой вѣрѣ своей въ Распятаго Господа. Это было въ немъ слѣдствіе, примолвилъ князь, можетъ-быть затаившихся остатковъ прежняго еще мышленія, прежнихъ его чувствованій; не смотря, что во всѣхъ новыхъ дѣйствіяхъ проявлялись въ Государѣ жаркая преданность и любовь къ своему Спасителю. И какъ впрочемъ я ни былъ въ этомъ увѣренъ, но сомнѣніе и заботливость христіанской дружбы волновали мнительное мое сердце. Я ожидалъ желаннаго увѣдомленія отъ Александра,—не было увѣдомленія...

Наконецъ, я рѣшаюсь самъ уже писать къ Государю и беру смѣлость напомнить ему о взаимныхъ нашихъ условіяхъ. Оканчивая мое письмо, я такъ говорю ему: Государь! Не нужно даже увѣдомленія Вашего, чтобъ меня утѣшить и успокоить; вселенскія Ваши дѣйствія, Ваши, Государь, торжественные манифесты, исполненные христіанскаго помазанія, достаточно могутъ увѣрить всѣхъ и каждаго, какъ глубоко вкоренено въ Васъ христіанство и какъ свѣтло оно просіяваетъ въ смиренномъ и любящемъ сердцѣ Вашемъ. На сіе письмо я вскорѣ получаю отъ Государя отвѣтъ, въ которомъ, со всѣмъ увлеченіемъ растворенной и проникнутой воли, онъ вполнѣ сознается мнѣ, что давно уже передалъ себя совершенному вожденію Господа.

И такъ сбылся, воскликнулъ съ живостью князь, и на самомъ дѣлѣ совершился на Александрѣ Благословенномъ тотъ утѣшительный и ободряющій для всѣхъ народовъ завѣтъ Самого Господа, въ которомъ изрекается, что сердце царево содержится въ рукѣ Его!

Съ этихъ поръ взаимная наша съ Александромъ переписка приняла уже на себя характеръ прямо-христіанскій; она обратилась въ непритворную бесѣду искреннихъ и простодушныхъ друзей, которые сладко и протяженно бесѣдуютъ о возлюбленномъ ихъ Спасителѣ. Я сохраняю свято всѣ письма Александровы, которыя и понынѣ составляютъ для меня священный залогъ отраднаго воспоминанія, всегда сладостнаго, когда я мысленно переношусь въ прошедшее.

VII.

Да позволено здѣсь мнѣ будетъ, почтенный будущій мой читатель, снова остановиться и на малое лишь время перервать обычную бесѣду мою съ княземъ, остановиться, чтобъ перевести, такъ-сказать переполненный духъ мой и сжатое отъ умиленія сердце. Замѣть же, читатель, эту новую и свѣтлую черту князева побужденія, которое не вытерпѣло, чтобъ не спросить Государя о его вѣрѣ во Іисуса. Это

побужденіе князево и въ такую блестящую эпоху времени, когда всѣ Русскіе вельможи, отъ національнаго самосознанія, отъ гордости народной, столь сладкой, столь позволительной въ то время сердцу, выроставшіе въ исполинскій ростъ величія, когда сіи истинныя подпоры царевы, одинъ передъ другимъ, на перерывъ спѣшили раздѣлить съ ихъ обожаемыхъ Монархомъ чувство священной радости, апоѳеозъ народнаго величія, какъ въ это же самое время смиренная душа князя нашего слѣдила одну лишь трудную побѣду Александрову надъ самимъ собою; слѣдила его существенныя пользы и, въ чаду всеобщаго обаянія восторженной Россіи, посреди неумолкающихъ плесковъ толпы народной, помышляла единственно объ одной лишь душѣ своего царственнаго друга; ибо свойство истинной дружбы между христіанами всегда долженствуетъ стремиться временное и шаткое чувство славы человѣческой прелагать на постоянное и вѣчное благо. И она, эта нѣжная дружба, также придумала, также позаботилась принести царю своему достодолжное поздравленіе; но это князево поздравленіе былъ лишь смиренный откликъ кроткаго сердца, радующагося о душѣ своего вѣнценоснаго любимца, о душѣ спѣшно пошедшей по стезѣ спасенія.

Князь совершенно въ этомъ угадалъ Александра, который во время всеувлекающаго торжества сдерживалъ царское свое величіе и смиренно постилалъ его въ подножіе истинному Царю воинствъ. Еще въ Вильнѣ, когда уже въ досталь изгоняли Французовъ изъ конечныхъ предѣловъ отечества, продолжалъ князь, нѣкоторые изъ Русскихъ генераловъ, находясь тогда въ присутствіи Государя, по примѣру Французскихъ маршаловъ, громко выражались о своихъ подвигахъ и трофеяхъ, приписывая побѣду надъ врагомъ несравненному мужеству славнаго воинства Русскаго и столь же непреклонной волѣ мощнаго ихъ владыки и повелителя. И вотъ лишь только Государь услышалъ ихъ, такъ говорящихъ, то въ тотъ же часъ укротилъ это позволенное, впрочемъ, чувствованіе. «Господа генералы», сказалъ онъ имъ съ торжественностію, «вы теперь сами видите, какъ обмерзлые и окоченѣлые трупы Французовъ валяются здѣсь по улицамъ Вильны; такое ихъ множество зловоніемъ своимъ заражаетъ даже самый воздухъ въ городѣ. И какъ же вы думаете, господа, отъ нашихъ ли ядеръ, нашею ли побѣдоносною рукою сражены сіи несчастные иноземные пришельцы? Конечно, вы этого на себя не возмете. Слѣдовательно, продолжалъ Государь, указывая на Небо, Ему лишь Великому въ браняхъ предлежитъ побѣда. Господь Іисусъ есть только истинный Побѣдитель и Освободитель родины отъ лютаго враговъ нашествія!»

Я не стану уже разсказывать тебѣ, продолжалъ князь, подробности этой Европейской войны, онѣ сохранены въ исторіи; я только то

лишь передамъ, что на этотъ разъ могу припомнить изъ собственныхъ разсказовъ незабвеннаго Александра, лично имъ мнѣ переданныхъ.

Въ одномъ Нѣмецкомъ городкѣ (не помню теперь его названія) вдругъ освѣдомляется Государь, что въ немъ пребываетъ на то время извѣстная баронесса Крюднеръ *). Криднерша не замедлила испросить у Государя особенной аудіенціи. Александръ очень обрадовался, услышавъ, что эта женщина ищетъ съ нимъ свиданія. Многія причины располагали Государя съ нетерпѣливымъ удовольствіемъ встрѣтить Криднершу. Съ одной стороны собственное настроеніе сердца царева къ ощущеніямъ религіознымъ и твердое самопреданіе въ волю Божію; съ другой, увидѣть женщину носившую, такъ-сказать, въ себѣ живое Слово Божіе, проходящую по юнымъ и невѣрственнымъ поколѣніямъ Европы, какъ-бы съ званіемъ какого-то апостола, увидѣть такую женщину, которую и предупреждала, и сопровождала громкая молва народная; наконецъ, знать, что сія женщина есть и Русская подданная: все это, можетъ-быть, заставило Государя нетерпѣливо пожелать свиданія съ Криднершою. Баронесса нѣсколько разъ была у Александра и по обык-

---

*) Я самъ лично и довольно коротко знавалъ эту замѣчательную женщину; объ ней, надѣюсь, будетъ много подробностей, по разсказамъ князя. Крюднеръ - урожденная дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Фитингофа, а мать ея была внучка знаменитаго фельдмаршала Миниха. Мужъ Крюднерши былъ тайнымъ совѣтникомъ и посланникомъ въ Пруссіи, былъ кавалеромъ Александровской ленты. Смолоду эта Крюднерша имѣла необыкновенный успѣхъ въ словесности; даже и понынѣ перепечатываютъ во Франціи ея тогдашнія литературныя произведенія. Издатель Шарпантье въ извѣстной всѣмъ избранной своей библіотекѣ нынѣ напечаталъ, въ прелестномъ изданіи, тотъ славный, но недоконченный романъ баронессы Крюднеръ, который въ свое время всполошилъ всю читающую публику и волновалъ сердца нашихъ матушекъ и тетушекъ. Нѣмецъ, помнится Миллеръ, окончилъ это ея произведеніе. Отъ истиннаго таланта Криднерши многія восхищались тогдашнія знаменитости; она, отчасти, вела и обширную переписку; я имѣю нѣкоторыя письма ея къ Бернарденю-де-Сенъ-Піерръ; во время своего пребыванія въ чужихъ краяхъ, знаменитый публицистъ и раціональный философъ Бенжаменъ Констанъ не могъ досыта съ нею наговориться. Криднерша угождала и нравилась всѣмъ вкусамъ и покроямъ ума многихъ и лучшихъ тогдашняго времени мыслителей. Талантливый и знаменитый Сенъ-Бёвъ недавно еще издалъ во Франціи избранныя ея сочиненія и приложилъ къ нимъ полную характеристику, какъ самой писательницы, такъ и произведеній ей принадлежащихъ. Извѣстно также, что этотъ г. Сенъ-Бёвъ, вмѣстѣ съ Низаромъ и нѣкоторыми другими знаменитостями, составляетъ во Франціи верховную, такъ сказать, власть и далеко обогналъ Лагарпа въ этомъ родѣ по точности и глубинѣ взглядовъ. Когда-нибудь, при случаѣ, я опишу и мою собственную встрѣчу съ этою замѣчательною женщиною.

новенію имѣла съ нимъ долгія конференціи. По моему мнѣнію, продолжалъ князь, эти бесѣды имѣли направленіе духовное, можетъ-быть онѣ касались нѣсколько и современныхъ событій. Безъ сомнѣнія, что живущая вѣрою Криднерша, подкрѣпляла эту развивающуюся вѣру въ Государѣ своими безкорыстными и опытными совѣтами: она рѣшительно направляла волю Александрову еще къ большему самопреданію и молитвѣ; она, можетъ-быть, въ тоже время раскрывала ему и тайну той молитвы духомъ, которая, бывъ отъ Бога назначена достояніемъ всѣхъ земнородныхъ, по несчастію однако есть удѣлъ только весьма немногихъ избранныхъ.

Доказательствомъ тому, что Криднерша имѣла духовныя бесѣды съ Александромъ, служитъ и вотъ какое обстоятельство. Въ это самое время Государь получилъ отъ Р. А. Кошелева извѣстную тогда книжку подъ названіемъ: *Облако надъ святилищемъ или нѣчто такое, о чемъ гордая философія и грезить не смѣетъ,* переводъ съ Нѣмецкаго покойнаго Александра Ѳедоровича Лабзина *), которую Государь хо-

---

*) Этотъ Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и вице-президентъ Академіи Художествъ. О немъ, чтобы сказать что-нибудь на первый разъ, я считаю нужнымъ повторить читателю заглавіе той книжки, о которой выше упоминается, то-есть, что Лабзинъ былъ такой человѣкъ, оцѣнить котораго по достоинству гордая человѣческая философія и грезить не смѣетъ. Если Господь продлитъ жизнь мою, я желалъ-бы (но только въ состояніи ли?) изобразить по достоинству нѣкоторыя черты жизни и ученія сего незабвеннаго мужа. Это былъ благодѣтель души моей, приведшій меня ото тьмы ко свѣту; онъ развилъ во мнѣ тѣ спасительныя вѣдѣнія, для которыхъ человѣкъ и родится въ міръ сей. Не только меня привелъ онъ къ свѣту, но многія тысячи мнѣ подобныхъ питались въ Россіи отъ щедрой трапезы твоей, достойный и доблественный дѣлатель въ вертоградѣ Господнемъ. Кромѣ сей часто упоминаемой книжки онъ много издалъ и другихъ весьма важныхъ, замѣчательныхъ твореній и переводовъ, составлявшихъ въ свое время даже эпоху въ Россіи для истиннаго любомудрія. Одно только изданіе Сіонскаго Вѣстника, не одинъ разъ запрещаемаго правительствомъ и потомъ вновь торжественно позволяемаго, одно, говорю, это изданіе достаточно, чтобы на далекое пространство отдѣлить его отъ толпы обыденныхъ тогдашняго времени писателей. Сердце мое бьется сильнѣе при одномъ лишь воспоминаніи сего незабвеннаго мужа. Любезный читатель, въ отдѣльномъ развитіи жизни каждаго недѣлимаго изъ человѣческаго общества есть такъ называемая, климатерическая година, година по превосходству, гдѣ истинное доброе и изящное для цѣлаго человѣчества въ какомъ-то особомъ обиліи притекаютъ, дабы проникнуть и украсить сію приснопамятную и свѣтлую полосу жизни. Къ этой-то благодатной полосѣ все предшествующее и послѣдующее человѣка изъ остальной эпопеи человѣческаго житья его на земли, по необходимости, долженствуетъ групироваться и въ пріязненномъ воспоминаніи заимствовать оттуда всякое свѣтлое указаніе. Къ этому-то сладкому промежутку времени наша душа невольно обращается своимъ умилѐннымъ вни-

тя и читалъ, но никакъ не понималъ содержанія книги; призванная Криднерша, по точнымъ увѣреніямъ Александра, умѣла растолковать и объяснить ему трудныя и непонятныя доселѣ мѣста этого сочиненія.

Укрѣпленный вѣрою Государь, въ надеждѣ на помощь Божію и въ сознаніи праваго дѣла, смѣло велъ войска на пользу совокупнаго для Европы избавленія. Уже Русскіе полки подступали къ Парижу; уже съ Монмартрской вершины, въ близи самой столицы, христолюбивые легіоны наши, какъ грозные орлы, глядѣли на близкую и вѣрную добычу. Чтò бы сказала Екатерина Вторая, когда-бы могла предусмотрѣть, говорилъ князь, что нѣкогда царственный внукъ ея такъ близко придвинетъ побѣдоносную свою армію къ стѣнамъ великой столицы міра и что, въ этомъ же самомъ времени, столько изумительномъ для мудрой Царицы, благословенный Александръ не просто будетъ предводителемъ одной только своей арміи, но въ тоже время сдѣлается Агамемнономъ между царями и повелителемъ всѣхъ почти Европейскихъ полчищъ; что мощный Русскій владыка будетъ вмѣстѣ и душею своихъ державныхъ и вѣнценосныхъ соратниковъ. Русскіе воины глядѣли на близкую добычу; но можно ли еще было назвать ее вѣрною, когда въ тылу нашей арміи стоялъ самъ Наполеонъ съ довольно многочисленнымъ войскомъ на все готовымъ, и онъ, какъ уязвленный левъ, былъ тогда болѣе опасенъ нежели когда-либо? Противъ Наполеона находился аріергардъ арміи союзниковъ, которую, по видимой къ намъ милости Божіей, онъ въ ослѣпленіи ошибочно

маніемъ. Она просится витать и по возможности блаженствовать въ этой области отраднаго воспоминанія. Прочіе дни остальной жизни въ сравненіи съ сею яркою полосою дѣлаются по необходимости болѣе или менѣе тусклыми. И такъ, любезный читатель, поищи и ты въ своемъ сердцѣ этого благодатнаго времени, и ты его непремѣнно найдешь въ смѣшанной твоей жизни. Найдешь это время устроенное любвеобиліемъ твоего Бога, чтобъ позолотить и растворить сладкимъ воспоминаніемъ прозаическую жизнь твою. Если это такъ, и ты, любезный читатель, со мною согласенъ, то я уже теперь долженъ сказать тебѣ, что эта вождѣленная и благословенная полоса жизни моей составляла то самое время, когда я имѣлъ счастіе пользоваться общеніемъ и пріязнію достопочтеннѣйшаго Александра Ѳедоровича Лабзина, пріязнію, которая облагороживала сердце и просвѣщала умъ мой. Миръ праху твоему, добльственный исповѣдникъ истины, забытый уже міромъ, но любимый Богомъ! Испроси мнѣ у престола Его силу и способность говорить о тебѣ съ подобающимъ достоинствомъ.... Но здѣсь я невольно однако долженъ сдержать себя и закончить эту чрезъ-чуръ уже длинную ноту, ничего еще не сказавши о достойномъ мужѣ, которому-бы я осмѣлился приписать эпитетъ опсихоложеннаго Тертулліяна Русской земли. Александръ Ѳедоровичъ былъ во многихъ и частыхъ сношеніяхъ съ княземъ нашимъ, но объ этомъ будетъ подробно описано въ своемъ мѣстѣ.

принималъ за авангардъ всего войска. На самомъ рубежѣ Парижа и въ столь критическую минуту всей эпохи, мнѣнія союзниковъ не были однако между собою согласными. Самъ Александръ колебался еще въ своихъ намѣреніяхъ, медлилъ, не зная что предпринять, на что рѣшиться? И вотъ собственныя слова Александра, которыя онъ лично передалъ мнѣ о тогдашнемъ состояніи души своей, въ которомъ онъ находился предъ взятіемъ Парижа. «Я предложилъ», говорилъ мнѣ Александръ, «королю Прусскому и фельдмаршалу Австрійскихъ войскъ Шварценбергу созвать немедленно военный совѣтъ, дабы основательно размыслить и сообразить, на что мы долженствовали рѣшиться. Что же касается до самого меня, продолжалъ Государь, то мысли мои колебались, и я право не зналъ что предпринять мнѣ? Совѣтъ собрался; начали излагать въ ономъ мнѣнія и обыкновенно, какъ слѣдуетъ, съ младшаго. Господствующее направленіе умовъ было то, чтобы быстро идти на Наполеона, оставшагося у насъ въ тылу, и предложить ему рѣшительное сраженіе. Мнѣніе это сильно поддерживалъ и фельдмаршалъ Шварценбергъ. Что жъ касается до меня, то, выслушивая сіи совѣщанія, я все еще никакъ не находилъ себя въ состояніи вымолвить мое собственное мнѣніе. Въ глубинѣ сердца моего затаилось какое-то смутное и неясное чувство ожиданія, какое-то непреоборимое желаніе предать это дѣло въ полную волю Божію. Мнѣ сильно захотѣлось молиться и излить предъ Господомъ тяжкія обуреванія и колебанія моего духа. Совѣтъ продолжалъ заниматься, а я на время оставилъ его и поспѣшилъ въ собственную свою комнату; тамъ колѣна мои подогнулись сами собою, и я излилъ предъ Господомъ все свое сердце. Никогда я такъ сильно не маливался, продолжалъ Государь, какъ въ то время; никогда такъ сладко и обильно не обливалъ слезами колѣнъ моихъ предъ распятымъ и познаннымъ мною Господомъ Іисусомъ, какъ въ эту столь критическую для меня минуту. Въ сосредоточенномъ и болѣзненномъ ожиданіи духа моего, я обратился весь въ желаніе; я умолялъ, я просилъ, я требовалъ у Господа слова, слова, въ которомъ-бы Онъ обнаружилъ мнѣ святую и непрерѣкаемую волю Свою. Наконецъ, знай же, Голицынъ, что къ величайшей моей радости и человѣческому изумленію, сіе требуемое и вождѣленное слово тогда же было мнѣ даровано. Сладостный миръ въ мысляхъ, проникновеніе спокойствія, твердая рѣшимость воли и какая-то лучезарная ясность назначенія, все мнѣ тогда было ниспослано въ этомъ отрадномъ и несумнительномъ повелѣніи. Я поспѣшилъ въ совѣтъ и въ туже минуту объявилъ ему непремѣнное мое намѣреніе идти немедленно на Парижъ. Моя Русь и добрые Прусаки этому были очень рады, но фельдмаршалъ Шварценбергъ видимо уклонялся отъ сего намѣренія. Государя моего нѣтъ

теперь со мною, говорилъ мнѣ фельдмаршалъ, и я не смѣю, не могу принять на себя такой важной отвѣтственности; это предпріятіе, по моему мнѣнію, не только смѣло, но если осмѣлюсь выразить, и дерзновенно, особенно когда мы знаемъ, что въ нашемъ тылу находятся значительныя силы Французовъ. Я не ручаюсь, продолжалъ Шварценбергъ, за сохраненіе ввѣренной мнѣ моимъ императоромъ арміи и боюсь своею личностію отвѣтствовать предъ государемъ и отечествомъ въ ея потерѣ.

Эти противорѣчія фельдмаршала Австрійскихъ войскъ нисколько не нарушали сладкаго мира души моей, продолжалъ Государь, и я тутъ же коротко и отрывисто отвѣтствовалъ Шварценбергу, что онъ можетъ поступать и дѣлать, какъ ему угодно, но что вмѣстѣ съ симъ онъ беретъ на себя лично и всю тяжкую отвѣтственность за послѣдствія, могущія произойти отъ такого поступка. Я и одинъ съ королемъ Прусскимъ пойду противъ непріятеля, прибавилъ я. Но оробѣвшій Шварценбергъ одумался и тогдаже согласился. Вотъ какъ взяли мы Парижъ, сказалъ мнѣ Государь, и не явно ли и неощутительно ли тутъ виденъ премудрый и милующій перстъ Божій?»

На этомъ мѣстѣ разсказа князь остановился, немного помолчалъ и присовокупилъ: Модные, или такъ называемые перехваленные разсказы о сихъ важныхъ происшествіяхъ часто весьма далеки бываютъ тамъ отъ истины, гдѣ хотятъ догадываться о намѣреніяхъ и причинахъ. По мнѣнію моему, чтобы вѣрно разгадать и обсудить событіе такой важности, надлежитъ схватить или постичь внутреннее, такъ сказать, основаніе онаго и причину; но для человѣка хотя и умнаго, хотя и талантливаго, но который только скользитъ по внѣшней оболочкѣ излагаемаго предмета, или по одному лишь случайному проявленію его, настоящая причина происшествія часто бываетъ неуловима. Вотъ теперь появилось знаменитое описаніе кампаніи 1812 года, изданное въ свѣтъ сенаторомъ Михайловскимъ-Данилевскимъ; читалъ ли ты его, или нѣтъ? Если не читалъ, то вообрази, что тамъ написано между прочимъ, будтобы рѣшимость Александра брать, или не брать Парижъ, произошла отъ сдѣланнаго ему внушенія княземъ Волконскимъ; между тѣмъ какъ блаженной памяти Государь самъ мнѣ лично передалъ то, что̀ я именно теперь тебѣ пересказываю. Я не вытерплю, продолжалъ князь, чтобы, при удобномъ случаѣ, не передать этого императору Николаю Павловичу, какъ о самой вопіющей, если неумышленной, неправдѣ. Тѣмъ страннѣе, что Волконскій безъ сомнѣнія, прочитавшій книгу, промолчалъ; а это со стороны его можно принять знакомъ согласія. Нѣтъ уже нашего Александра, чтобъ обличить его; но я однакожъ сомнѣваюсь, чтобъ и отъявленное смиреніе христіаннѣй-

шаго Государя потерпѣло усвоить Волконскому то, что внушено ему было самимъ Господомъ и доблъственнымъ его сердцемъ, умѣвшимъ выполнять съ вѣрою и вѣрностію.

Вотъ, любезный читатель, небольшая, но яркая черта, которую я невольно усмотрѣлъ съ живымъ и возрастающимъ чувствомъ умиленія въ моемъ князѣ, черта показавшая, какъ сторожлива и свѣжа еще въ немъ любовь къ истинѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ памяти незабвеннаго для него Александра Перваго.

«Вскорѣ послѣ рѣшенія нашего идти на Парижъ», продолжалъ Государь, «нѣкоторые изъ моихъ генераловъ донесли мнѣ, что, обозрѣвая солдатскіе биваки, они случайно заслушали и вызнали единодушное намѣреніе солдатъ, невольно обнаружившееся въ ихъ простодушныхъ разговорахъ, чтобъ поразорить и пограбить, какъ они тогда называли, богатую Французскую столицу. Но я въ тоже время принялъ противъ этого рѣшительныя мѣры. Пересказывая о сихъ солдатскихъ желаніяхъ королю Прусскому, я весьма удивился, когда отъ него услышалъ, что онъ никакъ не беретъ на себя воспретить такого лакомаго и такъ давно ожидаемаго случая для войскъ Прусскихъ. Возьмите, Государь, Вы сами на себя, сказалъ мнѣ тогда Фридрихъ, удержать мои войска, а я никакъ за это не возьмусь. За моихъ Русскихъ я могу смѣло отвѣтствовать, примолвилъ я; надѣюсь сдержать и вашихъ солдатъ. Въ тоже время я приказалъ призвать къ себѣ маіоровъ полковъ, и все устроилось по моему желанію. И въ самомъ дѣлѣ, при взятіи Парижа все такъ было чинно, такъ спокойно, какъ бы послѣ какого нибудь церемоніяльнаго вступленія. Всѣ войска были мирно и тихо разведены по квартирамъ и назначеннымъ для нихъ казармамъ, а Французы, съ своей стороны, озаботились о своевременномъ приготовленіи для нихъ обѣда. И такъ все это покойно насыщалось и отдыхало послѣ долговременныхъ и тяжкихъ трудовъ бивачной жизни.

«Нашъ генералъ Сакенъ, котораго я назначилъ тогда генералъ-губернаторомъ Парижа, вслѣдствіе данныхъ ему отъ меня подробныхъ инструкцій, принялъ твердыя и надежныя мѣры къ сохраненію повсемѣстнаго порядка и устройства. И Французы тѣмъ болѣе повѣрили порядку этому, что его видѣли на самомъ дѣлѣ, и въ слѣдствіе сего безчисленныя лавки и магазины столицы свободно и безъ всякаго опасенія раскрылись для многочисленныхъ покупателей.

«Наше вхожденіе въ Парижъ, продолжалъ Государь, было великолѣпное. Все спѣшило обнимать мои колѣна, все стремилось прикасаться ко мнѣ; народъ бросался цѣловать мои руки, ноги; хватались даже за стремена лошади, оглашали воздухъ радостными криками, поздравленіями. Но душа моя, продолжалъ Государь, зазнавала тогда въ себѣ

другую радость. Она, такъ-сказать, таяла въ безпредѣльной благодарности къ Господу, сотворившему чудо Своего милосердія; она, эта душа, жаждала уединенія, желала субботствованія; сердце мое порывалось пролить предъ Господомъ всѣ чувствованія мои. Словомъ, мнѣ хотѣлось говѣть и пріобщиться Св. Таинъ; но въ Парижѣ не было Русской церкви. Милующій Промыслъ, когда начнетъ благодѣтельствовать, тогда бываетъ всегда безмѣренъ въ Своей изобрѣтательности; и вотъ, къ крайнему моему изумленію, вдругъ приходятъ ко мнѣ съ донесеніемъ, что столь желанная мною Русская церковь нашлась въ Парижѣ: послѣдній нашъ посолъ, выѣзжая изъ столицы Франціи, передалъ свою посольскую церковь на сохраненіе въ домъ Американскаго посланника. И вотъ, сейчасъ же, насупротивъ меня, Французы наняли чей-то домъ, и церковь Русская въ тоже время была устроена; а отъ дома моего, въ которомъ я жилъ уединенно, въ тотъ же разъ Французы сдѣлали переходъ для удобнаго посѣщенія церкви. Французское правительство, узнавши о моемъ намѣреніи исполнить предвзятую мною религіозную обязанность, приняло мѣры распорядиться, въ самое скорѣйшее время, чтобы по той улицѣ никакіе экипажи не ѣздили. И вотъ ничто уже мнѣ не мѣшало исполнять мою обязанность предъ Господомъ. Бывало, всякій день хожу въ церковь. Но, идучи туда и возвращаясь обратно въ домъ, трудно однакожъ мнѣ было сохранять чувствованіе своего ничтожества, котораго требуетъ святая наша церковь въ подвигѣ покаянія: какъ бывало только покажусь на улицу, такъ густѣйшая толпа, что́ есть только лучшаго въ Парижскомъ обществѣ, толпа, составленная изъ кавалеровъ и дамъ, тѣсно обступятъ и смотрятъ на меня съ тѣмъ одушевленіемъ признательнаго чувства, съ тѣмъ доброжелательствомъ, которыя для лицъ нашего значенія такъ сладко и обаятельно видѣть въ людяхъ. Съ трудомъ каждый разъ пробирался я на уединенную свою квартиру.

«Никогда, продолжалъ Александръ, съ такимъ удобствомъ и спокойствіемъ я не говѣлъ, какъ въ многолюдной столицѣ Франціи. Промыслъ всѣ, такъ-сказать, милости излилъ на меня отъ Своей десницы; Онъ ниспослалъ мнѣ всевозможное спокойствіе къ исполненію этого священнаго долга. Но прежде чѣмъ я къ тому приступалъ, душа моя была однакожъ не безъ смущенія: мнѣ совершенно извѣстно было, что грозныя еще своимъ отчаяніемъ полчища Наполеоновы стягивались въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Фонтенбло; слѣдовательно союзныя арміи, такъ недавно вступившія въ стѣны столицы, должны были вновь готовиться не для одного отдыха и наслажденія; мнѣ скоро надлежало выводить ихъ для новаго боя, можетъ быть отчаяннѣйшаго, чѣмъ всѣ прежніе; мнѣ надлежало также принять всевозможныя мѣры,

чтобъ сдерживать и буйную чернь Парижскую, могущую удобно зажигаться и волноваться, даже и отъ наималѣйшаго успѣха Наполеонова. Какъ же мнѣ, говорю, было спокойно говѣть, когда надлежало, можетъ быть, въ скорѣйшее время выводить войска изъ Парижа? Но я и здѣсь повторю тоже, что если кого милующій Промыслъ начнетъ миловать, тогда бываетъ безмѣренъ въ божественной Своей изобрѣтательности. И вотъ, въ самомъ началѣ моего говѣнія, добровольное отреченіе Наполеона какъ будто нарочно поспѣшило въ радостномъ для меня благовѣстіи, чтобъ совершенно уже успокоить меня и доставить мнѣ всѣ средства начать и продолжать мое хожденіе въ церковь».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжалъ князь, располагаясь въ Парижѣ исполнить долгъ христіанства, Государь Императоръ повелѣлъ всѣмъ офицерамъ своей арміи, равно какъ и всѣмъ солдатамъ, чтобы они пріостановились ходить по театрамъ, посѣщать шумныя народныя сборища, присутствовать при публичныхъ веселостяхъ и пр. Это было сдѣлано Государемъ по троякому побужденію: первое, для удержанія своихъ отъ буйства и безчинствъ; второе, почтить святыню великаго поста, столь значительнаго для Православія Русскаго, и третье, освятить столь славную эпоху времени, дни великихъ событій, время благоволенія Господня къ народу Русскому.

«Еще скажу тебѣ о новой и отрадной для меня минутѣ въ продолженіе всей жизни моей», примолвилъ Государь. «Я живо тогда ощущалъ, такъ сказать, апоѳеозъ Русской славы между иноплеменниками; я даже ихъ самихъ увлекъ и заставилъ раздѣлять съ нами національное торжество наше. Это вотъ какъ случилось. На то мѣсто, гдѣ палъ кроткій и добрый Людовикъ XVI, я привелъ и поставилъ своихъ воиновъ; по моему приказанію сдѣланъ былъ амвонъ; созваны были всѣ Русскіе священники, которыхъ только найти было можно; и вотъ, при безчисленныхъ толпахъ Парижанъ, всѣхъ состояній и возрастовъ, живая гетакомба наша вдругъ огласилась громкимъ и стройнымъ Русскимъ пѣніемъ... Все замолкло, все внимало!....

«Торжественна была эта минута для моего сердца, умилителенъ, но и страшенъ былъ для меня моментъ этотъ. Вотъ думалъ я, по неисповѣдимой волѣ Провидѣнія, изъ холодной отчизны Сѣвера привелъ я православное мое Русское воинство для того, чтобъ въ землѣ иноплеменниковъ, столь недавно еще нагло наступавшихъ на Россію, въ ихъ знаменитой столицѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пала царственная жертва отъ буйства народнаго, принести совокупную, очистительную и вмѣстѣ торжественную молитву Господу. Сыны Сѣвера совершали какъ бы тризну по королѣ Французскомъ. Русскій Царь по ритуалу православному всенародно молился вмѣстѣ со своимъ наро-

домъ, и тѣмъ какъ бы очищалъ окровавленное мѣсто пораженія невинной царственной жертвы. Духовное наше торжество, продолжалъ Царь, въ полнотѣ достигнуло своей цѣли; оно невольно втолкнуло благоговѣніе и въ самыя сердца Французскія. Не могу не сказать тебѣ, Голицынъ, хотя это и несовмѣстно въ теперешнемъ разсказѣ, что мнѣ даже было забавно тогда видѣть, какъ Французскіе маршалы, какъ многочисленная фаланга генераловъ Французскихъ, тѣснилась возлѣ Русскаго креста и другъ друга толкала, чтобы имѣть возможность скорѣе къ нему приложиться. Такъ обаяніе было повсемѣстно: такъ оторопѣли Французы отъ духовнаго торжества Русскихъ!....

«Мнѣ предлежало еще новое наслажденіе. Я назначилъ военный смотръ при Вертю, который былъ устроенъ мною по особенному таинственному внушенію *). Внушеніе это полагало необходимымъ, чтобы войско разбито было на семь квадратовъ. Въ центральномъ квадратѣ, т.-е. въ четвертомъ, отправлено было молебствіе, весь штатъ царей и весь нашъ Русскій генералитетъ; въ срединѣ прочихъ каре происходили также богослуженія. Иноплеменники удивлялись воинственному виду и осанкѣ войскъ моихъ: все это было такъ свѣжо, какъ на родинѣ; все это было такъ многочисленно, не смотря на изнурительные походы нѣсколькихъ лѣтъ и на великую потерю и убыль въ людяхъ».

Наконецъ, продолжалъ князь, Государь возвратился къ намъ въ Петербургъ. Я уже давно летѣлъ въ мысляхъ моихъ къ нему на встрѣчу; я весь былъ нетерпѣніе; чаянія и ожиданія мои были велики. Я не ошибся въ нихъ! Я не могъ довольно насмотрѣться на возлюбленнаго Александра; онъ весь былъ проникнутъ смиреніемъ и самоотверженіемъ; въ пылу неумолкающихъ плесковъ народныхъ, онъ все воздавалъ Господу силъ и Ему только Одному усвоивалъ побѣду. Любовность его, столь ему всегда свойственная, взяла характеръ какого-то типическаго равнодушія, изъ глубины однакожъ котораго высказывалась воля энергическая, воля всепобораюшая. Но, не смотря на все сіе, я не могъ не замѣтить, по короткой связи моей съ Государемъ, что заботила Александра прежняя жизнь его. Доброта его не могла однакожъ рѣшиться принять на себя внезапное расторженіе прежнихъ связей и тѣмъ преогорчить сердце своего ближняго. Государь гнушался уже порокомъ, но щадилъ свое добродушіе. «Не знаю, какъ мнѣ уклониться отъ Марьи Антоновны», говорилъ онъ князю; «какъ мнѣ съ нею свидѣться, чтобъ сказать ей, что я ее оставляю». И вотъ, говоритъ князь, на другой же день по его пріѣздѣ, я отправляюсь къ

---

*) Здѣсь, по личному приказу, было зачеркнуто, чье это внушеніе.

нему на Каменный островъ. Государь встрѣчаетъ меня съ радостнымъ видомъ, съ увлеченіемъ сжимаетъ меня въ своихъ объятіяхъ и сквозь слезы говоритъ мнѣ: «Знаешь ли ты мою радость, Голицынъ? Ты себѣ представить не можешь, какъ легко мнѣ было, противъ всякаго моего чаянія, развязаться съ старинными связями моего порока; мнѣ видимо Господь и въ этомъ помогъ», продолжалъ онъ.

Вотъ каковъ былъ нашъ благословенный Александръ при своемъ появленіи въ столицу, его обожавшую и съ нетерпѣніемъ его ожидавшую....

VIII.

Но, передавая тебѣ столь отрадныя и сладкія воспоминанія, я совсѣмъ забылъ, продолжалъ князь, о моихъ законахъ, касающихся до супружества. Мнѣ нужно же эту исторію довести до конца; а конецъ этого дѣла, признаться, хотя и простъ, но не менѣе того очень чуденъ. Ты, я думаю, помнишь, что я прежде сказалъ тебѣ, что Сперанскій отправленъ былъ въ Нижній-Новгородъ. Опала, лежавшая, можетъ быть по необходимости на Сперанскомъ, мало-по-малу стала ослабѣвать; но шаги къ возвращенію прежняго были для него болѣе послѣдовательны, чѣмъ при сверженіи. Сперва Сперанскій дѣлается гдѣ-то гражданскимъ губернаторомъ, потомъ возводится въ званіе генералъ-губернатора Сибирскаго; наконецъ, призывается въ Петербургъ и поступаетъ въ члены Государственнаго Совѣта. Но никогда уже, продолжалъ князь, не имѣлъ онъ такой силы и вліянія надъ Государемъ, какъ нѣкогда при началѣ своего поприща. Видно, что Сперанскій утилизировалъ свое изгнаніе. Несбыточныя теоріи права, щеголеватый и заносчивый взглядъ на Русскіе законы, все въ немъ тогда измѣнилось; и когда приводилось ему вновь толковать о законахъ касательно до Русскаго супружества, то Сперанскій мой не бредилъ уже германизмами, не уязвлялся болѣе противорѣчіями. Вы на меня вѣроятно болѣе не сердитесь, князь, говорилъ онъ мнѣ, за мои ложныя нѣкогда толкованія о Священномъ Писаніи?....

На этотъ разъ разсматриваніе супружескихъ законовъ опять подало обильный поводъ къ невѣжественнымъ нелѣпостямъ и толкамъ; но теперь они были въ другомъ уже родѣ. Теперь законы эти разсматривались въ какомъ-то протестантскомъ направленіи; члены Совѣта хотѣли усвоивать нашимъ православнымъ мужичкамъ способность или право разводиться со своими хозяйками по Германскому термину: *отъ стола и ложа*. Вообрази же, Бартеневъ, не есть ли это чистая галиматья, особенно въ приращеніи къ крестьянамъ нашимъ?

И если крестьяне могутъ еще спать въ разныхъ мѣстахъ одной и той же избы своей, то неужели имъ имѣть и особый столъ? Пожалуй, что это можно еще приспособить для какого-нибудь феодальнаго барона; но для мужика, но и для всѣхъ насъ, какъ это возможно; да притомъ къ чему и разводы? Слово Божіе намъ это воспрещаетъ. Многіе изъ членовъ на это были вовсе несогласны; посыпались письменные голоса; все это доходило до Государя, который, ставъ истинно вѣрующимъ, совсѣмъ уже другими глазами началъ смотрѣть на этотъ предметъ. Ему крѣпко наскучили эти безконечныя домогательства. И вотъ, однажды, призываетъ онъ меня къ себѣ и говоритъ мнѣ: «Голицынъ, возьми, пожалуйста, къ себѣ извѣстные пункты законовъ о супружествѣ, собери ихъ вмѣстѣ съ поданными голосами pro и contra, запечатай всѣ эти бумаги въ одинъ пакетъ, и пусть онѣ лежатъ у тебя въ домѣ до моего особеннаго востребованія. Ты не можешь себѣ представить, какъ эта дичь мнѣ наскучила, продолжалъ Государь. И потому, сдѣлай милость, избавь меня отъ нея скорѣе».

И вотъ, я беру эти зловѣщіе пункты, надъ которыми нѣкогда такъ надсажжался, аккуратно ихъ запечатываю въ толстый и обширный пакетъ и укладываю на вѣчное успокоеніе въ дальній ящикъ моего письменнаго стола. Государь Александръ никогда не спрашивалъ пакета. И вотъ, долго уже послѣ его кончины, довелось мнѣ однажды случайно вспомнить о немъ, и я его представилъ нынѣшнему уже Государю, который препроводилъ пакетъ къ Сперанскому.

Князь окончилъ свою длинную бесѣду; но прелесть живаго разсказа, но вдохновительное его увлеченіе, никакое перо не въ состояніи перенести на бумагу.

Въ слѣдующій разъ я буду лично читать эту повѣсть его разсказа его же сіятельству, и пусть онъ оцѣнитъ ее съ тѣмъ же добродушіемъ, какъ та добросовѣстность, съ каковою она была составляема.

IX.

Калейдоскопъ разговора обратился на Императрицу-мать и на гастрономическое пристрастіе Ея Величества кушать лягушекъ. Она выбирала зелененькія, отбрасывала передки. Приготовляли для нея одни лишь филейчики. Князь самъ видалъ, какъ въ серебряной кострюлькѣ бѣлое мясо задковъ лягушечьихъ красовалось на столѣ Ея Величества и тѣшило ея обоняніе благовоннымъ испареніемъ острой подливки. Императрица кушивала и черныхъ или сизочерныхъ лягушекъ въ родѣ жабъ. А во время пребыванія въ Москвѣ, нѣкто, же-

лая покуртизировать Лукулловской прихоти Ея Величества, отрылъ гдѣ-то изъ земли жабу черную, холодную, огромную, словомъ, можетъ быть такую, которыя по словамъ натуралистовъ живутъ Маѳусаиловы вѣки внутри гранита. Но Императрица отказалась кушать, а я бы высѣкъ этого негодяя...

Князь отправился; мы остались съ Глинкою одни; заговорили о современныхъ Запискахъ, составляемыхъ Глинкою и которыя хотѣлъ онъ мнѣ презентовать. Я вымолвилъ, что я самъ собираю матеріалы и, смотря на ихъ обиліе, можетъ быть и выйдетъ что-нибудь путное. Глинка поздравилъ меня съ прекраснымъ назначеніемъ и, какъ ветеранъ-камрадъ, пожелалъ мнѣ успѣшнаго исполненія, не безъ литературной однакожъ зависти на жирную мою поживу.

И вотъ чрезъ день присылаетъ онъ ко мнѣ первый томъ своихъ Записокъ вмѣстѣ съ книжечкою сочиненія сына своего и посланіе лестное для авторскаго моего самолюбія. Вотъ оно:

Минувшихъ лѣтъ мои мечтанья
Разгромныхъ, бурныхъ, дивныхъ дней:
Съ пріязнію прими сказанья
Отжившей памяти моей.
Но все еще живу душою
И, познакомяся съ тобою,
Себя въ прошедшемъ отыскалъ.
Не ладило со мной искусство;
Но за пріязнь—живое чувство
Въ отраду жизни Богъ мнѣ далъ.
Въ свой срокъ падутъ и обелиски,
Столѣтья въ прахѣ погребя;
Но ты пиши, пиши Записки:
Вождь благодатный у тебя.

Ура! Закричалъ я при полученіи этихъ стиховъ. Маршъ впередъ! Агамемнонъ современныхъ Записокъ, Несторъ писателей привѣтствуетъ меня на новомъ поприщѣ. И въ самомъ дѣлѣ, перечневыя меморіи моихъ бесѣдъ съ княземъ дѣлаются для меня занятіемъ немаловажнымъ; но физика моя нѣсколько отстаетъ отъ исполненія: я не поспѣваю даже дѣлать и очерковъ нѣсколько поболѣе обрисованныхъ, не только путныхъ описаній. Что̀ касается до добросовѣстности изложенія, то самъ князь ближайшій этому свидѣтель и посредникъ, ибо я еженедѣльно читаю ему черновые мои croquis, и князь слушаетъ мое безъискусственное лепетанье съ младенческимъ добродушіемъ и

снисходительностію, которую въ этомъ видѣ въ немъ только одномъ отыскать можно.

Вотъ образъ моего изложенія. Возвратившись отъ князя послѣ проведенія съ нимъ нѣсколькихъ часовъ въ разговорахъ и занятіяхъ, я спѣшу сейчасъ дома сѣсть за столъ и послѣ обѣда ложусь и крѣпко засыпаю. Во время возвращенія, за обѣдомъ и во всякое другое время когда не пишу, я стараюсь вовсе не думать о томъ, что́ со мною было говорено, что̀ показано, что̀ сказано особеннаго. Напившись чаю и раздѣвшись совсѣмъ, я остаюсь одинъ въ кабинетѣ; тутъ на скромномъ дубовомъ бюро своемъ зажигаю двѣ восковыя свѣчи. Призовя Подателя всякаго разума на свою помощь и уложивши людей моихъ спать, въ одной рубашкѣ я начинаю разгуливать по своему кабинету. Вотъ здѣсь-то начинается работа памяти и, признаюсь, что иногда не успѣваю всего записывать, что́ припоминается. Я стараюсь силу памяти моей пріучать къ нѣкоторому порядку, и вотъ въ примѣръ этого я приведу теперь вотъ что̀. Въ сію минуту, когда я пишу, стрѣлка на часахъ моихъ показываетъ часъ пополуночи 26-го числа Ноября т.-е. Пятницы; вчерашній день, т.-е. Четвертокъ, я былъ у князя и большую часть дня съ нимъ провелъ, много было говорено, читано и проч. и проч.; но память моя не этимъ теперь занимается, и я ни одной іоты не имѣю и не питаю воспоминанія о чемъ мы говорили, или что̀ дѣлали съ княземъ вчера, а пишу теперь только о томъ, что̀ было въ прошедшую Субботу 21-го сего мѣсяца, ровно недѣлю тому назадъ, и благодареніе Господу память мнѣ въ этомъ способствуетъ.—Кромѣ того, вотъ еще какое обстоятельство во мнѣ отличается: воспроизвождая или развивая безпрестанно въ себѣ различные акты воспоминаній, до князя касающихся, иногда даже съ насиліемъ или напряженіемъ воли, я не могу не замѣтить въ себѣ, что таковые акты отражаются иногда и къ сердцу: порою оно очень согрѣвается и незамѣтно втягиваетъ въ себя таковыя разумичныя впечатлѣнія и по свойству своей лабораторіи передѣлываетъ ихъ въ потребность питать себя княземъ, воодушевляться его сферою, жить его жизнію, словомъ часъ отъ часу возлюблять его болѣе и болѣе. Здѣсь истинно не лесть и не комплиментъ изображается, а точное состояніе духа, которое можно доказать и объяснить самымъ строгимъ анализомъ. Мнѣ открывается, что любить значитъ вкушать того человѣка; а это точно происходитъ со мною. И вотъ это какъ дѣлается: сперва является у меня забота припомнить всѣ впечатлѣнія, мною полученныя въ обыкновенной бесѣдѣ моей съ княземъ; это заставляетъ меня часто входить въ сокровищницу моей памяти. Забота эта происходитъ по двоякому побужденію: первое,

чтобъ чего-нибудь не пропустить и отъ того не проявить бы какихъ-нибудь степей въ обыденномъ разсказѣ; второе чего бы нибудь не сказать лишняго, невѣрнаго, небывалаго, усиленнаго, поелику первый слушатель этого разсказа бываетъ самъ князь. Эти два побужденія заставляютъ память мою крѣпко работать и, нечего сказать, эта питательная корова доставляетъ обильную пищу, разнообразіе въ матеріалахъ моему разуму. Разумъ пишетъ безпрестанно не вздоръ, а кружево разныхъ разсужденій, обыкновенно касающихся до сферы князевой. Вотъ отъ этихъ-то разсужденій, которыя я назвалъ актами, попадаетъ много и на сердце, и оно хотя не всегда, но часто согрѣвается. Эти согрѣванія сердца есть прозеленѣніе любви; это конечно листвія, но въ послѣдствіи могутъ выросли въ цвѣтокъ и, наконецъ, обратиться въ плодъ. Чтобъ полюбить кого, надобно тѣмъ человѣкомъ долго заниматься въ мышленіи... Въ одной рубашкѣ, похоже на пиккадили (?) герцога Орлеанскаго, похаживаю я по своему уединенному кабинетцу, котораго единственное окошко на маленькій внутренній дворъ, и пописываю мой журналецъ. Часто бываетъ, что я записываюсь часовъ до трехъ и болѣе. Иногда случается вставать и ночью, словно какъ будто какая потребность явится. Вотъ напримѣръ описаніе князевыхъ чувствъ къ Екатеринѣ, изображенное въ меморіи моей № 21-й, породилось ночью. Я всталъ, написалъ и потомъ опять спокойно легъ досыпать. Не могу не замѣтить, что въ удобномъ продолженіи моего журнала дѣлаются мнѣ какія-то помѣхи; онѣ проявляются весьма искусно, но самовѣдѣніе не можетъ не замѣчать ихъ: у меня начали ломаться очки, чего прежде никогда не бывало; находитъ какая-то усталость, которую если преодолѣешь, то обращается въ теплоту. Впрочемъ увидимъ, что́ будетъ?—Мнѣ приснился сонъ, я видѣлъ мать мою, безъ меня умершую. Вотъ вижу ее заботящеюся дать мнѣ какое-то пособіе; я говорю ей во снѣ: мнѣ ничего не нужно, и вотъ она подходитъ ко мнѣ, цѣлуетъ и благословляетъ меня. Я упадаю предъ нею на колѣни и прошу прощенія, въ чемъ прогнѣвлялъ ее въ жизни. Этотъ сонъ мнѣ былъ сладокъ и пріятенъ.

Я прибылъ къ князю во второмъ часу пополудни. Князь уже отслушалъ обѣдню и панихиду по императорѣ Александрѣ, блаженной памяти. Здѣсь случай замѣтить, какъ князь святитъ день кончины императрицы Екатерины, собирая въ оный къ себѣ всѣ тѣ лица, которыя непосредственно составляли, такъ называемую, комнату представившейся Государыни. Эта дубрава, густая нѣкогда, годъ отъ году рѣдѣла для князя, а въ нынѣшнее время текущаго года при божественной литургіи и службѣ за вѣнценосную усопшую нашелся одинъ только представитель безкорыстнаго любленія мудрой Им-

ператрицы, любленія святаго, которое нѣкогда въ юношескихъ лѣтахъ его составляло возможную полноту свѣтлаго наслажденья, и этотъ отдѣленный, безсмѣнный, безмолвный представитель — есть благородный князь нашъ. Царственная женщина, наполнявшая столицу своимъ величіемъ, проникавшая милостію и чарующимъ благоволеніемъ густыя фаланги потребителей и поклонниковъ двора царскаго, Фея волновавшая сердца сладкою смутою, радостнымъ ожиданіемъ, скрылась на всегда отъ взоровъ своихъ поклонниковъ; съ нею изчезли мало-помалу и стихнувшія страсти человѣческія, страсти, которыя, можетъ быть, нѣкогда подъ именемъ еще добродѣтели красовались и были чествуемы. Но дымъ разсѣялся, прошло сорокалѣтіе, и все это разошлось и улеглось по холоднымъ и безмолвнымъ гробамъ; что́ осталось живо, тѣмъ нѣкогда уже стало заниматься историческими предметами, въ которые естественно входило и воспоминаніе о Екатеринѣ, мудрой впрочемъ и доброй государынѣ, какъ утверждало это старое, но живое преданіе. Память сердца, видно, тверже воспоминаній разума, который такъ охотно разстанавливаетъ себя по полкамъ своей библіотеки, между тѣмъ какъ истинная память въ лицѣ моего князя, по прошествіи сорока лѣтъ времени, свѣжая еще въ ощущеніяхъ, смиренная въ чувствованіяхъ, одна, распростершись въ храмѣ Господнемъ предъ престоломъ всегда живаго Бога, выливаетъ себя въ благоговѣйной молитвѣ, питается сіяніями безсмертія и вызываетъ у Господа помилованіе душѣ, уже давно отшедшей, но присно для него любезной. Въ этотъ день, въ этотъ часъ, кто изъ Петербургскихъ жителей помышлялъ о Екатеринѣ нѣкогда Великой, и при томъ въ той шумной столицѣ, которую распространило и украсило ея мощное правленіе, кто помышлялъ о Екатеринѣ, кромѣ моего князя; кто воспомянулъ о ея забытой кончинѣ, о ея давно охладѣвшемъ прахѣ и кто молился о ней?.. Подобныя черты суть золотыя замѣтки для всякаго дѣеписателя. Не имѣя на это ни призванія, ни таланта, мнѣ сладко, однако, думать, что найдутся, можетъ быть, люди, которые, обладая тѣмъ и другимъ, внесутъ и эту черту по превосходству въ скрижаль достойной біографіи столь вѣрнаго и нѣжнаго почитателя Екатерины, друга Александра Благословеннаго, сотрудника августѣйшей его матери въ подвигахъ ея благотвореній, усерднаго слуги Николая, равно какъ и вѣрнаго пѣстуна дѣтей его. Но еслибъ этотъ безпристрастный листокъ могъ сохраниться спустя долгое время послѣ смерти написавшаго оный, то прошу читателя, буде христіянство еще останется на земли, вспомянуть и обо мнѣ съ тѣмъ же оживленнымъ чувствомъ, съ тою же христіянскою любовію предъ Господомъ, съ ка-

ковою нѣкогда достопочтенный князь нашъ вспоминалъ о своей любимицѣ.

Князь вынулъ небольшую, но весьма толстую книжку, переплетенную на манеръ церковнаго въ пунцовый бархатъ. Книжка эта вся исписана рукою князя; въ ней однако не болѣе были, какъ однѣ отмѣтки главъ Священнаго Писанія. Я спросилъ князя, что̀ бы это была за книжка, а вотъ какія разсказалъ онъ мнѣ любопытныя о ней подробности. Князь условился съ царственнымъ своимъ другомъ, блаженной памяти Александромъ, читать вмѣстѣ Священное Писаніе и, вслѣдствіе этого въ приготовленной для сего тетрадкѣ первый листъ Государь самъ разграфилъ своею рукою, оставя пространство для чиселъ, гдѣ надписалъ даты, потомъ продольную графу, гдѣ написалъ въ заглавіи Ancien Testament, потомъ графу: Évangiles и наконецъ Épîtres. Все это написано было рукою Александра. Время этого условія началось съ 18 (30) Іюля 1821 года; у Государя числа выставлены по обоимъ исчисленіямъ, восточному и западному.

Первое что̀ Государь началъ съ княземъ читать было поименовано рукою Александра, изъ Ветхаго Завѣта 61 псаломъ, изъ Евангелія Матѳ. 12 глава, изъ Апостольскихъ Дѣяній глава 2. И вотъ князь, окончивши свое чтеніе, подошелъ къ моему бюро, взялъ перо и внесъ числа тѣмъ же порядкомъ, который указалъ ему Александръ за 17 тому лѣтъ: сперва написалъ сегодняшнее число также по обоимъ исчисленіямъ т. е. 19 Ноября по старому и первое Декабря по новому. Изъ Ветхаго Завѣта отмѣтилъ главу 20 чиселъ; изъ Евангелія 4 главу отъ Луки; изъ Посланій Апостольскихъ Посланіе къ Римлянамъ глава 15-я. Князь это дѣлаетъ, не упуская ни одного дня со времени 1821 года, и отъ того книжка сдѣлалась толстою. Случалось, что блаженной памяти Государь ѣздилъ по Россіи, странствовалъ и внѣ оной по землямъ чуждымъ; чтеніе отъ того не прерывалось и даже въ случаѣ сомнѣнія, когда глава или раздѣлялась или въ Библіи встрѣчался какой-нибудь вводный отрывокъ, не поименованный въ счисленіи или внѣ его порядка, то Государь бывало, гдѣ бы онъ ни былъ, нарочно посылывалъ къ князю, хотя бы то доводилось изъ чужихъ краевъ, чтобъ князь зналъ, какъ ту или другую главу считать въ порядкѣ счисленія, и какъ вводный отрывокъ за одну ли главу почитать или особенно. Были случаи, что, прочитавъ таковымъ образомъ какую-нибудь главу по порядку, Государь требовалъ мнѣнія князева или сообщалъ ему свое.

Исполняя такимъ образомъ свято приказаніе Александрово и по смерти его, какъ и при жизни, князь чрезъ точное исполненіе воли Государевой наведенъ былъ и на нѣкоторыя чудныя ука-

занія, которыя удостовѣряютъ, что сей новый союзъ вѣры и любви непротивенъ былъ и самому Господу. Государь прекратилъ чтеніе въ Симферополѣ предъ смертною своею болѣзнею. Князь продолжалъ. Наступаетъ 19-е Ноября. Князь, не зная о смерти, читаетъ въ это число главу Бытія 49, Матѳея 25 и Посланіе къ Евреямъ Павла 12. На задней стѣнѣ кабинета висѣли три картины, изображающія исторію Христову, именно рожденіе, распятіе и смерть Спасителя. Картины работы Венеціянова en pastel, не помню въ подражаніе какому мастеру. Привезенъ изъ Швейцаріи образъ Спасителя, картины переносятся на противолежащую стѣну, а тамъ ставятся двѣ картины масляными красками писанныя, копіи, которыя года за два или за три до дня смерти Государевой князь досталъ себѣ. Лѣствица Іакова списана была изъ Эрмитажа. Пять мудрыхъ и пять глупыхъ дѣвъ, подмѣченная княземъ въ коллекціи цесаревича Константина, списана изъ Мраморнаго дворца. Въ 49 главѣ Бытія описаны обѣтованія или благословеніе Іакова сынамъ его; въ 25-ой главѣ Матвѣя притча о юродивыхъ дѣвахъ; въ Посланіи къ Евреямъ о проданномъ старшинствѣ Исава. Это очень поразило князя по соображеніи мѣстныхъ обстоятельствъ.

Прибавленіе дѣла въ Капитулѣ *); солдатскіе Георгіевскіе кресты и Анны 5-й степени зависятъ нынѣ отъ Капитула. Окладъ канцлера 4500; еслибы вышелъ въ отставку, а комендантство Андреевское пропущено, то ничего-бы не получалъ.—Сравненіе съ дачами другихъ министровъ. — Аренда Блудову въ 32 тысячи. — Чудная скромность князя. — «Христосъ въ насъ», рукопись Пордеча, та самая, что̀ давана была Государю; князь читаетъ, потомъ я, но мнѣ не даетъ окончить.—Susceptibitité князя въ отношеніи скуки; этотъ тактъ у него весьма тонокъ.—Мысли Сенъ-Мартена.—Читать полезно, писать полезнѣе, ибо болѣе удерживается. Молиться еще полезнѣе, ибо здѣсь кюлтивируется сердце; творить есть наиполезнѣйшая вещь, ибо здѣсь входитъ Самъ Богъ съ пріятнѣйшимъ для него участіемъ.—Мнѣніе Дашкова и Блудова о «Библіотекѣ» Сенковскаго.

*) Князь А. Н. Голицынъ былъ канцлеромъ Россійскихъ орденовъ. П. Б.

ПИСЬМО ГРАФА ЖОЗЕФА ДЕ-МЕСТРА КЪ МАРКИЗУ ПАУЛУЧЧИ.

Monsieur le marquis.

Je ne saurais trop vous remercier des politesses que vous avez bien voulu faire à m-me de Strassoldo. C'est un impôt inévitable sur l'amitié et dont je vous renouvelle mes excuses. Je voudrais bien que vous puissiez vous venger.

Les deux inscriptions que vous m'avez copiées sont deux platitudes de boutique. *Le Père de la Patrie et le Libérateur de l'Europe.* Quel homme dans le monde, je vous en prie, n'aurait pas su dire cela? Est-ce ainsi qu'on doit louer l'Empereur de Russie? D'ailleurs, ces sortes d'inscriptions ne doivent jamais être écrites en langue vulgaire; ou du moins, elles doivent être doublées. Le bon sens de Catherine II le sentit fort-bien lorsqu'elle fit écrire sous la statue de Pierre: Petro Primo Catarina Secunda. Quel Européen hors de la Russie a connaissance de l'inscription russe? On célèbre des actions ou des événements qui appartiennent à l'univers, dans des langues qui ne sont pas connues hors des frontières. C'est le sacrifice du bon goût fait à un orgueil mal-entendu. Une langue morte a l'avantage d'ailleurs de ne pas choquer cet orgueil, parce qu'elle appartient également à tout le monde. Mais il est difficile de faire entrer ces idées dans les têtes russes. Vous pensez bien, au reste, m. le marquis, que je ne regrette pas une légère peine qui me procurait indépendamment de tout autre plaisir celui de vous obliger; mais il est cependant vrai que jamais je ne fairai rien dans ce genre; on s'expose à l'un de ces deux inconvéniens: ou d'être corrigé par l'ignorance ou de voir le travail rendu inutile par l'esprit de variation qui ne permet jamais de travailler que pour le moment.

Vous me faites trop d'honneur en supposant que j'entends le russe au moins jusqu'à un certain point. Excepté Bog et chialaveck, prava et leva, je n'en sais pas une syllabe.

Bien obligé de tout ce que vous me dites sur l'Italie. Hélas, m-r le marquis, jusqu'à présent, il n'y a pas trop à se réjouir. Nous sommes plus esclaves que j'amais. Quand je songe à des Italiens condamnés à recevoir des bastonades pannoniennes, tout mon sang se trouble et s'aigrit. Je crois voir l'homme monté par le cheval. Au reste, le dernier mot n'est pas dit. Mais qui sait ce que l'Empereur voudra et pourra faire et jusqu'à quel point les circontances l'auront gêné! Il faut attendre avec patience et se consoler en attendant par la sage réflexion qui termine votre lettre: *c'est que tout jusqu'à présent s'étant fait par la force des circonstances, le reste se faira de même.* Je crois bien que l'Autriche, comme vous le soupçonnez, veut couper la bourse au pape; rien de plus convenable de la part de la maison *apostolique*; mais vous verrez que les protestants l'empêcheront. A leur défaut je compte sur le sultan. J'ai l'honneur etc.

J. c. de Maistre.

S-t Pétersbourg, 16 juin 1814.

Переводъ. Господинъ маркизъ. Не съумѣю довольно благодарить васъ за любезности, которыя благоволили вы оказать г-жѣ Страссольдо. Это неизбѣжный налогъ на дружбу, за который я возобновляю мои извиненія. Желательно мнѣ, чтобы вамъ пришлось отмстить за себя.—Двѣ надписи, вами для меня списанныя, суть двѣ лавочныя пошлости. *Отецъ Отечества и Освободитель Европы*! Согласитесь, что нѣтъ такого человѣка, который не съумѣлъ бы сказать это. Развѣ такъ надо хвалить Русскаго Императора? Впрочемъ, подобныя надписи никогда не должны быть писаны на языкѣ простонародномъ, или по крайней мѣрѣ, надо, чтобы онѣ были двойныя *). Екатерина II-я своимъ здравымъ смысломъ отлично это понимала, приказавъ написать подъ статуей Петра: Петру Первому Екатерина Вторая (Petro Primo Catarina Secunda). Кто изъ Европейцевъ за предѣлами Россіи знаетъ про Русскую надпись? Дѣйствія или событія принадлежащія всему міру прославляютъ на языкахъ, которыя неизвѣстны за-границею. Это значитъ жертвовать хорошимъ вкусомъ въ пользу плохо-понимаемой гордости. Вдобавокъ, языкъ мертвый имѣетъ то преимущество, что онъ не затрогиваетъ этой гордости, принадлежа одинаково всему свѣту. Но Русскія головы трудно вразумить этими идеями. Впрочемъ, вы хорошо понимаете, г-нъ маркизъ, что, не говоря уже объ удовольствіи одолжить васъ, я не пожалѣлъ бы тутъ легкаго труда; но я по истинѣ никогда ничего не сочиню въ этомъ родѣ. Подвергаешься какому либо изъ двухъ неудобствъ: или будутъ тебя поправлять по невѣжеству или потру-

*) Т.-е. на двухъ языкахъ, важномъ и простонародномъ. П. Б.

дишься даромъ, по милости неустойчивости, которая никогда не позволяетъ работать иначе какъ только для данной минуты. Вы слишкомъ много дѣлаете мнѣ чести, полагая, что я до нѣкоторой степени знаю по-русски. Я ничего тутъ не смыслю кромѣ словъ: Богъ и чалавѣкъ, права и лѣва.— Очень обязанъ за все, что̀ вы мнѣ говорите про Италію. Увы, г-нъ маркизъ, до сихъ поръ нечего слишкомъ радоваться. Мы болѣе чѣмъ когда либо рабы. Кровь у меня волнуется и портится, при мысли, что Итальянцы осуждены получать Паннонскіе удары *). Мнѣ представляется лошадь верхомъ на человѣкѣ. Впрочемъ, послѣднее слово не сказано. Кто знаетъ, что̀ Императоръ захочетъ и что̀ можетъ сдѣлать и до какой степени будетъ онъ связанъ обстоятельствами. Нужно терпѣливо ждать и покамѣстъ утѣшаться мудрымъ соображеніемъ, которое приводите вы въ концѣ вашего письма: *такъ какъ все до сихъ поръ дѣлалось силою обстоятельствъ, то и остальное сдѣлается также.* Я думаю, Австрія, какъ вы подозрѣваете, хочетъ обездолить папу; оно такъ и слѣдуетъ двору Апостолическому; но увидите, протестанты воспротивятся тому. Если же нѣтъ, я разсчитываю на султана.

Имѣю честь и пр. Спб. 16 Іюня 1814. Графъ Ж. де Местръ.

*

Тогдашній Рижскій генералъ-губернаторъ маркизъ Паулуччи былъ Итальянецъ, слѣдовательно землякъ знаменитому Сардинскому посланнику при нашемъ дворѣ графу Местру. Письмо писано передъ возвращеніемъ Александра Павловича въ Россію изъ побѣдоноснаго Европейскаго похода. Затѣвалась ему торжественная встрѣча, съ вратами, эмблемами и соотвѣтствующими надписями, а въ Ригѣ, передъ за̀мкомъ, воздвигнутъ и памятникъ съ надписью на Латинскомъ языкѣ.—Подробности о графѣ Местрѣ см. въ Русскомъ Архивѣ 1871 года, гдѣ помѣщены обширныя извлеченія изъ его депешъ и писемъ въ Сардинію про Петербургъ, про наше общество и наши дѣла. Эти важныя депеши и письма изданы въ 1858 году. Позднѣе появилась маленькая записная его книжка, про которую очевидно онъ не думалъ, что она появится въ печати: столько въ ней клеветы, жолчи и озлобленія противъ страны, гдѣ онъ и его семейство пользовались такимъ широкимъ гостепріимствомъ, гдѣ братъ и сынъ его состояли на службѣ и гдѣ, живучи болѣе десяти лѣтъ, не потрудился онъ выучиться по-русски. Этотъ представитель страны спасенной и облагодѣтельствованной Россіею относился къ намъ съ постояннымъ презрѣніемъ. Папство, котораго былъ онъ апостоломъ, обличаетъ въ немъ самомъ свою нравственную несостоятельность. Любопытно вспомнить, что въ 1808 г. Александръ Павловичъ совѣтовался съ нимъ относительно проектовъ памятника Минину и Пожарскому въ Москвѣ и утвердилъ тотъ, который былъ выбранъ графомъ Местромъ (Р. Арх. 1871, стр. 117). П. Б.

---

*) Т.-е. состоять подъ охраною Венгерскихъ войскъ. П. Б.

ТРИ ПИСЬМА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА КЪ МАРКИЗУ ПАУЛУЧЧИ.

1.

Секретно.

Господину генералъ-адъютанту маркизу Паулучи.

Отставной полковникъ Тимофей Бокъ прислалъ ко мнѣ бумаги, наполненныя лжи, нелѣпостями, противурѣчіями, особливо же непозволительной дерзости. Изъ чтенія оныхъ нельзя другаго заключенія сдѣлать какъ то, что писавшій оныя находится въ помѣшательствѣ ума. Дабы подобные дерзкіе сумашедшіе не вредили порядку и тишинѣ благоустроеннаго общества, оныхъ запираютъ. Вслѣдствіе чего повелѣваю вамъ помянутаго Бока арестовавъ отправить съ вручителемъ сего, фельдъегерскаго корпуса прапорщикомъ Михайловымъ, который уже имѣетъ приказаніе куда ему слѣдовать съ онымъ.

Александръ *).

Г: Перекопъ, 9 Мая 1818.

2.

Il y a quelques jours que j'ai reçu, général, un paquet à mon adresse du colonel démissionné Bock. Il l'avait envoyé cacheté au général Wiasmitinow pour me le faire parvenir. Je joins ici ces papiers. Leur lecture ferait supposer que m. de Bock a perdu la raison. C'est un tissu de mensonges, d'incohérences, de contradictions et surtout d'in-

*) Это рескриптъ или повелѣніе; ниже слѣдуетъ письмо, служащее разъясненіемъ къ рескрипту. Государь передъ тѣмъ открывалъ Польскій сеймъ въ Варшавѣ, гдѣ произнесъ знаменитую свою роль о конституціи (затѣмъ отправился онъ въ первое свое Крымское путешествіе). Не относятся ли дерзости Бока къ Варшавской рѣчи? П. Б.

solences. Je dois ajouter encore que dans ces deux dernières années, ayant été dans le cas de voir plusieurs fois m. de Bock, il m'avait fait profession d'attachement personnel, sans y avoir été appelé par aucune circonstance particulière, et pendant mon séjour à Moscou j'en ai reçu une lettre de remerciement en termes très-affectueux pour l'avancement par ancienneté de son frère. Je ne cite ces faits que pour constater le contraste frappant de ce qu'il prétend maintenant être son opinion d'avec la conduite qu'il a tenue jusqu'ici. Mais la lettre dont je vous ai parlé une fois l'été dernier, quoique me présageant qu'il s'occupait de quelque travail pour être remis au Landtag, était en termes parfaitement convenables. Toutes ces considérations prouvent que sa raison s'est dérangée. Je crois même que c'est l'explication la plus indulgente qu'on puisse donner à une démarche, qui, sous toute autre règne, aurait été jugée d'après toute la rigueur des loix pour des cas semblables. Cependant des foux de l'espèce de m. de Bock peuvent avoir des résultats fâcheux pour l'ordre qu'il est si indispensable de maintenir dans tout gouvernement bien organisé. D'ailleurs, il n'est par convenable que le premier fonctionnaire d'un état se laisse invectiver avec cette indécence impunément.

Je vous prescris donc, général, de vous rendre en personne sur les lieux où se trouve m. de Bock, de prendre vos mesures de manière à l'arrêter sans qu'il puisse s'échapper ou soustraire ses papiers, sur lesquels vous apposerez vos scellés, et vous expédierez m. de Bock avec le feldjéguer qui vous est envoyé, en lui donnant, s'il le fallait, encore un gensdarme pour l'aider; vous l'expédierez, dis-je, à Schlusselbourg chez le général-major Ploutalow, qui reçoit des ordres en conséquence. En vous acquitant de cette commission, vous déclarerez à m. de Bock que des insolences pareilles ne doivent jamais être tolérées et que le contenu de ses papiers autorise à croire qu'il est aliéné d'esprit; qu'en conséquence des foux de cette espèce doivent être mis dans l'impossibilité de troubler la tranquillité et l'ordre public.—Après cet acte de vigueur, auquel je me décide avec un véritable serrement de coeur, mon devoir est de penser au sort de la femme de m. de Bock et de l'enfant qu'elle doit avoir mis au monde. C'est à vous, général, à votre coeur sensible que je confie le sort de cette famille. C'est une simple paysanne que Bock a épousé, malgré l'avis de ses connaissances, et qui doit déjà avoir été exposée à plusieurs désagrémens dans la société. Soignez sa position, expliquez lui avec intérêt les raisons qui motivent la rigueur exercée contre son mari, consolez-la et veillez à ce qu'il ne lui manque rien et à ce qu'elle ne soit troublée par personne. Si elle se trouve dans le besoin, faites le moi connaître, et j'aurai soin de

venir avec empressement à son secours. Instruisez-moi en détail de toutes ces circonstances.

Après que vous aurez lu tous les papiers que je vous envoye, vous me les renverrez. Vous examinerez aussi avec attention ceux que vous aurez trouvés chez Bock. Il se pourrait très-bien qu'il ne soit qu'un instrument qu'on aura exaspéré et excité. Il cite le comte Pahlen dans ses papiers; tout est possible de cet homme pervers. Je vous autorise de faire veiller sur lui indirectement.

Mettez de même beaucoup de circonspection dans votre conduite et surtout dans vos propositions au Landtag. Rien ne presse pour les résultats que nous voulons atteindre. Mais soyez inexorable pour maintenir l'ordre dans cette assemblée et pour ne pas y permettre aucune lecture ou discussion étrangère à son but ordinaire et habituel.

J'attends de vous un rapport détaillé sur la manière dont vous vous serez acquitté de votre commission, sur les recherches que vous aurez fait dans les papiers de Bock et finalement vos réflexions sur toute cette histoire indécente.

Je joins ici un ordre formel pour l'arrestation de m. de Bock.

Recevez l'assurance de mon estime.

Pérécop, le 9 may 1818.

Alexandre.

Переводъ. Генералъ! Нѣсколько дней какъ я получилъ подписанный на мое имя пакетъ отъ полковника въ отставкѣ Бока. Онъ его послалъ запечатаннымъ генералу Вязмитинову [1]), для доставленія ко мнѣ. Прилагаю при семъ эти бумаги [2]). Это смѣсь лжи, несообразностей, противурѣчій и болѣе всего дерзостей. Я долженъ прибавить, что въ послѣдніе два года мнѣ случалось многократно видать г-на Бока, и онъ выражалъ мнѣ личную приверженность, хотя ничто особливое не подавало къ тому повода, а находясь въ Москвѣ, я получилъ отъ него благодарственное письмо въ очень сердечныхъ выраженіяхъ за то, что братъ его повышенъ чиномъ по старшинству. Упоминаю обо всемъ этомъ лишь для того, чтобы показать рѣзкую противоположность между образомъ мыслей, который онъ теперь заявляетъ и поведеніемъ, котораго онъ держался до сихъ поръ. Прошлымъ лѣтомъ однажды я говорилъ вамъ про письмо его, изъ котораго я

---

[1]) Петербургскому генералъ-губернатору. П. Б.

[2]) Этихъ приложеній мы не имѣемъ, такъ какъ маркизъ Паулуччи, по приказанію Государя, возвратилъ ихъ ему. Повторяемъ нашу догадку, не вызвано ли было дерзкое письмо Бока содержаніемъ конституціонной рѣчи Государя, передъ тѣмъ произнесенной имъ въ Варшавѣ и не въ связи ли оно было съ такъ называемымъ освобожденіемъ Прибалтійскихъ крестьянъ отъ господъ-Нѣмцевъ. П. Б.

могъ угадывать, что онъ занимался какимъ-то трудомъ для предъявленія на Ландтагѣ; но выраженія этого письма были вполнѣ приличны. Всѣ эти соображенія доказываютъ, что голова у него не въ порядкѣ. Я даже почитаю это самымъ снисходительнымъ истолкованіемъ его поступка: во всякое другое царствованіе онъ былъ бы судимъ по всей строгости законовъ, существующихъ на подобные случаи. Между тѣмъ [3]) полоумные въ родѣ Бока могутъ произвести дѣйствія вредныя для порядка, поддерживать который неминуемо надобно во всякомъ благоустроенномъ правленіи. Кромѣ того не пристало первому должностному лицу въ государствѣ допускать, чтобы его безнаказанно и съ такою наглостью оскорбляли. И такъ предписываю вамъ, генералъ, лично отправиться въ мѣстопребываніе г-на Бока и принять мѣры къ задержанію его, такъ чтобы онъ не могъ онаго избѣгнуть или спрятать свои бумаги, на которыя вы наложите ваши печати. Вы отправите г-на Бока съ посылаемымъ къ вамъ фельдъ-егеремъ, придавъ сему послѣднему, если будетъ, нужно еще одного жандарма въ помощь; вы его отправите, повторяю, въ Шлюссельбургъ къ генералъ-маіору Плуталову, которому дано о томъ повелѣніе. Исполняя это порученіе, объявите г-ну Боку, что подобныя дерзости не должны быть никогда терпимы и содержаніе бумагъ его уполномочиваетъ почитать его сумасшедшимъ и что, вслѣдствіе того, люди подобнаго рода должны быть лишены возможности нарушать спокойствіе и общественный порядокъ. Послѣ этого строгаго дѣйствія, на которое я рѣшился по истинѣ съ сердечною болью, долгъ мой подумать объ участи жены г-на Бока и ребенка, котораго она, кажется, произвела на свѣтъ. Участь этого семейства поручаю я вамъ, вашему чувствительному сердцу. Бокъ женился на простой крестьянкѣ, наперекоръ понятіямъ своихъ знакомыхъ, и она вѣроятно уже подвергалась многимъ непріятностямъ въ обществѣ. Позаботьтесь объ ея положеніи, изъясните ей участливо причины крутой мѣры, принятой противъ ея мужа, утѣшьте ее; постарайтесь, чтобы она ни въ чемъ не стѣснялась и чтобъ никто ея не безпокоилъ. Дайте мнѣ знать, коль скоро она въ нуждѣ, и я старательно позабочусь помочь ей. Извѣстите меня съ подробностью обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ. Прочитавъ всѣ бумаги, которыя я вамъ посылаю, вы возвратите мнѣ ихъ. Разсмотрите также прилежно тѣ, какія найдете у Бока. Очень можетъ быть, что изъ-за него дѣйствуютъ другіе, его настроившіе и доведшіе до изступленія. Онъ ссылается на графа Палена въ бумагахъ, ко мнѣ присланныхъ, этотъ испорченный человѣкъ способенъ на все [4]). Уполномочиваю васъ имѣть за нимъ непосредственный

[3]) Точно такое выраженіе нерѣдко употребляла Екатерина въ подобныхъ настоящему случаяхъ. Въ Александрѣ Павловичѣ внѣшнее самоограниченіе достигало размѣровъ удивительныхъ въ особенности потому, что въ сущности онъ отлично умѣлъ пользоваться своею властью и ревниво оберегалъ ее. Это была какая-то игра словеснаго свободолюбія. Какъ улыбнулся Итальянецъ, другъ графа Местра, читая выраженіе: le premier fonctionnaire d'un état! П. Б.

[4]) Замѣчательный отзывъ объ этомъ человѣкѣ, имѣвшемъ въ нашей исторіи чрезвычайное значеніе. П. Б.

надзоръ. Соблюдайте также большую осторожность въ вашихъ дѣйствіяхъ и особливо въ вашихъ предложеніяхъ Ландтагу. Нечего спѣшить въ достиженіи того, чего мы желаемъ; но будьте непреклонны въ охраненіи порядка въ этомъ собраніи, не допуская въ немъ никакого чтенія или разсужденія, которое бы не относилось къ обыкновеннымъ и всегдашнимъ его предметамъ [5]). Ожидаю отъ васъ подробнаго донесенія о томъ, какимъ образомъ вы исполните данное вамъ порученіе, что̀ вы найдете въ бумагахъ Бока и, наконецъ, что̀ вы думаете обо всемъ этомъ негодномъ дѣлѣ. Присоединяю формальное приказаніе о задержаніи г-на Бока. Примите увѣреніе въ моемъ почтеніи. Александръ. Перекопъ, 9-го Мая 1818.

*

Лифляндскій помѣщикъ Тимоѳей Егоровичъ фонъ-Бокъ, стараго дворянскаго рода, служилъ въ гусарахъ и отличился въ войнахъ нашихъ 1805—1815 годовъ. Онъ былъ человѣкъ весьма образованный и въ чужихъ краяхъ находился въ сношеніяхъ съ Нѣмецкими писателями и философами. Очевидно, что Государь придавалъ важность его заявленіямъ. Преданіе увѣряетъ, что, по возвращеніи въ Петербургъ, сталъ онъ ухаживать за дочерью знаменитой М. А. Нарышкиной, Мариной Дмитріевной (впослѣдствіи графиней Гурьевой), въ судьбѣ которой Александръ Павловичъ принималъ теплое участіе. Ему отказали. Онъ началъ чудить и, къ громкому говору тогдашнихъ дворянъ, женился на крѣпостной своей дѣвушкѣ, Латышкѣ или Чухонкѣ. Передъ тѣмъ испрашивалъ онъ позволенія на этотъ бракъ особымъ письмомъ къ Государю, заявляя, что не видитъ въ такомъ неравномъ союзѣ ничего для себя унизительнаго и ссылаясь на примѣръ Петра Великаго, который-де женился на простолюдинкѣ. Эту выходку сочли признакомъ умоповрежденія. Говорятъ, что передъ заточеніемъ въ Шлюссельбургской крѣпости у него уже были сынъ и дочь. Съ этими малютками жена Бока будто явилась въ Петербургъ и добилась представленія Государю. Бокъ успѣлъ образовать ее; она уже получила свѣтскій лоскъ, и Государь, по своему обычаю, встрѣтилъ ее тѣмъ, что поцаловалъ у нея руку и, пригласивъ сѣсть, посадилъ дѣтей къ себѣ на колѣни; но просьба ея повидаться съ мужемъ не была уважена. Бокъ освобожденъ только въ 1827 году и кончилъ вѣкъ у себя въ имѣніи. Онъ былъ ученикомъ славнаго профессора Лерберга; посѣщая Дерптъ, онъ водилъ знакомство съ тамошними профессорами, и въ числѣ ихъ съ Мойеромъ и Воейковымъ. Жуковскій, живучи въ Дерптѣ, былъ съ нимъ пріятелемъ и писалъ къ нему шуточныя посланія (Соч. Жук., изд. Ефремова, 1878, I, 472). Предупреждаемъ читателя, что эти извѣстія о Бокѣ собраны изъ преданій и могутъ быть не совсѣмъ точны. П. Б.

---

[5]) Преданіе разсказываетъ, что однажды маркизъ Паулуччи явился въ засѣданіе Ландтага. Дворяне встали, и председатель объявилъ засѣданіе закрытымъ. Напрасно генералъ-губернаторъ увѣрялъ, что онъ прибылъ въ качествѣ частнаго лица: совѣщанія возобновились лишь по удаленіи его. П. Б.

3.

J'ai reçu de général Wiasmiatinow toute la série de vos rapports, général, au sujet de l'arrivée de madame de Krudner. Je vois avec regret que vous n'êtes pas entré complètement dans le sens de la conversation que nous avons eue sur ce même sujet à Zarscoselo. Pourquoi avoir troublé la tranquillité d'êtres qui ne s'occupent que de prières à l'Éternel et qui ne font de mal à personne? Pourquoi avoir inquiété ceux qui l'ont accompagné? Plus on mettra de recherches, de surveillances, et plus dans des cas semblables on augmente l'importance que des badeaux attachent à des choses pareilles. D'ailleurs, la totalité des êtres qui ont accompagné madame de Krudner l'ont joint ou par misère, ou par suite de malheurs et de chagrins pour chercher quelque soulagement et du repos. Les renvoyant de nos frontières c'est les exposer à toutes les horreurs de la détresse.

Je vous prescris donc, général, d'écrire aux autorités prussiennes, avec lesquelles vous correspondez ordinairement, que vous veniez de recevoir la permission du gouvernement d'admettre dans nos frontières les individus cités; ainsi que, si ces personnes désirent encore rentrer en Russie, vous engagerez les autorités prussiennes à leur faire connaître qu'il n'y aura plus d'obstacles pour leur admission.—Après cela laissez jouir mad. de Krudrer et les autres d'une tranquillité complète; car que c'est ce que cela vous fait de quelle manière on prie Dieu? C'est à la consience d'un chaqu'un à Lui répondre là-dessus. Il vaut mieux qu'on prie d'une manière ou d'une autre que de ne pas prier du tout. Si on le ferait, il y aurait moins d'énergumènes comme Bock et tant d'autres.

Recevez l'assurance de mon estime.

Alexandre.

Pérékop, le may 1818.

Переводъ. Генералъ! Я получилъ отъ генерала Вязмитинова цѣлый рядъ вашихъ донесеній по поводу прибытія г-жи Криднеръ. Съ сожалѣніемъ вижу, что вы не вполнѣ поняли содержаніе разговора, который имѣли мы съ вами объ этомъ предметѣ въ Царскомъ Селѣ. Къ чему нарушать спокойствіе существъ, занимающихся только молитвами къ Предвѣчному и никому не дѣлающихъ зла? Къ чему безпокоить прибывшихъ вслѣдъ за ними? Чѣмъ больше въ такихъ случаяхъ розысковъ и надзору, тѣмъ прибавляется только важности для зѣвакъ. Впрочемъ, всѣ спутники г-жи Криднеръ послѣдовали за нею либо по своей бѣдности, либо вслѣдствіе несчастій и горестей, которыя побудили ихъ искать утѣшенія и спокойствія. Если ихъ выслать за нашу границу, это значитъ подвергнуть ихъ

всѣмъ ужасамъ бѣдствія. И такъ предписываю вамъ, генералъ, дать знать Прусскимъ властямъ, съ которыми вы обыкновенно переписываетесь, что вы получили дозволеніе правительства на въѣздъ означенныхъ лицъ въ наши предѣлы; а если они еще желаютъ возвратиться въ Россію, напишите Прусскимъ властямъ, чтобъ они имъ объявили, что препятствій къ въѣзду больше не будетъ. За симъ оставьте г-жу Криднеръ и другихъ пользоваться совершеннымъ спокойствіемъ; потому что какое вамъ до того дѣло, кто какъ молится Богу? Каждый отвѣчаетъ ему въ томъ по своей совѣсти. Лучше, чтобы молились какимъ бы то ни было образомъ, нежели вовсе не молились. Тогда бы меньше было изступленныхъ въ родѣ Бока и столькихъ другихъ. Примите увѣреніе въ моемъ почтеніи. Александръ. Перекопъ, 9 Мая 1818.

*

Эти три письма императора Александра Павловича, равно какъ и помѣщенное выше письмо графа Жозефа де Местра, напечатаны съ подлинниковъ, съ любезнаго дозволенія ихъ владѣльца, маркиза Александра Филипповича Паулуччи, у котораго бережно хранятся драгоцѣнныя бумаги славнаго отца его, оказавшаго Россіи важныя услуги въ Финляндіи, въ Сербіи, на Кавказѣ, во время войны 1812 года и потомъ въ должности Рижскаго генералъ-губернатора. Эту должность занялъ онъ осенью 1812 года, заступивъ генерала Эссена (тогда говорили: Эссенъ умомъ тѣсенъ; нуженъ тутъ получше, назначенъ Паулуччи). Впослѣдствіи маркизъ чѣмъ-то прогнѣвилъ Николая Павловича и вышелъ не только въ отставку, но и уѣхалъ изъ Россіи на родину. Сардинскій король опредѣлилъ его генералъ-губернаторомъ въ Геную, гдѣ онъ и скончался. Вторымъ бракомъ женатъ онъ былъ на Англичанкѣ Кобле (племянница графини Г. А. Мордвиновой), которой мать была дочерью славнаго Царицинскаго коменданта Цыплетева. Порученіе Прибалтійскихъ губерній [умному и просвѣщенному католику было мѣрою государственнаго благоразумія. При Екатеринѣ эту должность исправлялъ тоже католикъ, Ирландецъ графъ Броунъ. П. Б.

П. К. ЩЕБАЛЬСКІЙ.

Некрологъ.

Кончина (20 Марта 1886) дорогаго намъ П. К. Щебальскаго застигла насъ не неожиданно. Два года назадъ сдѣлалось извѣстнымъ, что здоровье его пошатнулось и грозило близкимъ концомъ. Не смотря на то, онъ не падалъ духомъ и не покидалъ привычныхъ утомительныхъ занятій. Только тогда какъ тѣлесныхъ силъ совсѣмъ не стало, то-есть за пять недѣль до кончины, онъ отказался отъ своихъ обязательныхъ занятій по редакціи *Варшавскаго Дневника*, но и отказавшись не переставалъ жить духомъ въ любимой имъ области историко-литературнаго дѣланія. Еще 27 числа Февраля не писалъ уже, но продиктовалъ онъ послѣднее письмо къ составителю этого некролога. Какъ бы въ объясненіе и извиненіе несвойственной ему пріостановки въ перепискѣ, онъ началъ это письмо двумя ссылками: на то что надъ нимъ «тяготѣетъ бремя лѣтъ, да притомъ въ послѣднее время слишкомъ заработался»... «Какъ только буду въ состояніи, прибавилъ онъ, отправлюсь въ теплыя страны, можетъ-быть въ Ниццу, можетъ-быть въ окрестности Тріеста. Ахъ, какъ бы вы туда пріѣхали! Вотъ отвелъ бы душу!» Такъ, уже совсѣмъ безсильный и на предсмертномъ одрѣ болѣзни, довѣрялся онъ могучему своему организму, и мало того что надѣялся жить, но еще расчитывалъ приняться за какую-то новую работу: въ этомъ же письмѣ онъ поручалъ во что бы ни стало отыскать и поскорѣе прислать ему оттискъ офиціальной записки, составленной имъ въ концѣ 50-хъ годовъ и тогда же напечатанной въ небольшомъ числѣ экземпляровъ. Судьба судила иначе...

Оплакивая въ лицѣ его тяжелую общественную и особенно удручающую близкихъ друзей его утрату, слѣдуетъ прибавить, что переселеніе его на великое кладбище отечественной исторіи совершилось на 72 или 73 году его жизни: свалился, стало-быть, судя по человѣчески, вполнѣ зрѣлый «плодъ духа». Напомнимъ въ утѣшеніе осиротѣвшей его семьѣ и всѣмъ его почитателямъ, что «плодъ духа» по

Апостолу Павлу «состоитъ во всякой благости, праведности и истинѣ»; кто же, другъ и недругъ, откажетъ почившему въ такихъ именно свойствахъ его личнаго духа?...

П. К. Щебальскій по происхожденію своему принадлежалъ къ небогатому потомственному дворянству Псковской губерніи, а по образованію—Артиллерійскому Училищу. 2 Декабря 1829 года вступилъ онъ въ это училище, какъ тогда считалось, «въ службу фейерверкеромъ»; 8 Февраля 1830 года «назначенъ юнкеромъ», а 28 Февраля 1834 года «произведенъ по экзамену прапорщикомъ съ состояніемъ по артиллеріи» и приказомъ генералъ-фельдцейхмейстера оставленъ при Артиллерійскомъ Училищѣ «для окончанія курса наукъ». Только 23 Февраля 1836 года онъ былъ «произведенъ за отличіе подпоручикомъ 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады въ резервную № 3 батарею». Эти подробности изъ послужнаго его списка показываютъ, что Петръ Карловичъ окончилъ курсъ ученія съ отличіемъ. Съ такимъ же отличіемъ началъ онъ и военную службу: на пятомъ году ея, т.-е. 17 Февраля 1841 года, онъ былъ произведенъ въ подпоручика гвардейской артиллеріи, что по тогдашнимъ порядкамъ гвардейской службы было совсѣмъ немало. Но съ небольшимъ черезъ годъ его постигла бѣдственная катастрофа: онъ имѣлъ несчастіе драться на дуэли съ лицомъ выше его чиномъ, съ поручикомъ гвардейской же артиллеріи В. По приговору суда онъ подвергся разжалованію или лишенію чиновъ, но «безъ лишенія дворянскаго достоинства, съ выдержаніемъ одного года въ казематѣ и съ переводомъ въ полевую артиллерію», и только «въ воздаяніе отлично усердной и ревностной службы» Государю Императору, въ 17 день Іюля 1842 года, угодно было приказать разжаловать его въ канониры, не выдерживая въ казематѣ, что «не считать препятствіемъ къ преимуществамъ по службѣ» *).

Боевой Кавказъ служилъ тогда мѣстомъ исправленія и отличія провинившихся офицеровъ. 24 Ноября 1842 года Щебальскій былъ назначенъ въ полевую артиллерію Кавказской гренадерской бригады. Съ небольшимъ шесть лѣтъ пришлось ему прослужить на Кавказѣ, и какъ прослужить? Изъ послужнаго его списка видно, что за эти шесть лѣтъ почти дня не проходило, когда онъ не былъ бы въ походѣ и въ перестрѣлкѣ. За то въ первый же годъ тамошней службы онъ получилъ знакъ отличія военнаго ордена, или, какъ обыкновенно говорится,

---

*) Гораздо позднѣе, въ Москвѣ, П. К. Щебальскому пришлось участвовать, въ качествѣ такъ называемаго секунданта, въ поединкѣ, который кончился съ обѣихъ сторонъ благополучно. Тутъ повиновался онъ голосу дружбы. П. Б.

солдатскаго Георгія. На третьемъ году началась для него, такъ-называемая, выслуга за непрерывавшуюся походную жизнь и всегдашнія боевыя отличія: въ Маѣ 1845 года онъ былъ произведенъ въ юнкера, въ Февралѣ 1846 года—въ прапорщика, въ Мартѣ 1847 года—въ подпоручика, въ Декабрѣ того же года—въ поручика и въ этомъ чинѣ 7 Января 1848 года возвращенъ въ гвардію, а въ Декабрѣ того же года переведенъ въ батарейную батарею Его Высочества Великаго Князя Михаила Павловича и назначенъ завѣдующимъ дивизіонною школой гвардейской артиллеріи и классомъ Донскихъ урядниковъ. Съ 5 Августа 1851 года, то-есть на 36 году жизни, онъ былъ уже произведенъ въ чинъ полковника.

Но, какъ выше замѣчено, Щебальскій происходилъ изъ небогатыхъ дворянъ. При скудныхъ средствахъ и тогда, какъ теперь, нельзя служить въ гвардіи. И то хорошо, что «via crucis» посчастливилось ему прочно установить свое имя на службѣ. Женитьба и сложныя нужды семейной жизни заставили его перемѣнить службу. Изъ-за насущнаго, можно сказать, хлѣба, вмѣсто того чтобы командовать гвардейскою, № 1, батареей (куда онъ назначенъ 1-го Марта 1854 года) онъ перепросился въ полицеймейстеры города Москвы, и былъ перемѣщенъ 17 Августа того же года, съ назначеніемъ «постоянно присутствовать въ Московской Управѣ Благочинія». Съ этимъ временемъ его службы совпадаютъ и начало постоянныхъ усидчивыхъ его занятій Русскою исторіей и литературой, и первые его шаги въ газетной печати *).

Изъ этихъ бѣглыхъ указаній видно, что ученое и литературное сродство Щебальскаго съ Москвой далось ему путемъ необычныхъ усилій: «sic itur per aspera ad astra». Въ половинѣ Августа 1858 года онъ былъ уволенъ отъ военной службы «для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ награжденіемъ за отличіе чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника», а въ концѣ Ноября того же года причислился онъ къ министерству Народнаго Просвѣщенія и прослужилъ въ немъ до 1881 года включительно, то-есть до выхода въ чистую отставку.

Около четырехъ лѣтъ, въ должности чиновника особыхъ порученій V класса при этомъ министерствѣ, онъ занимался составленіемъ обозрѣній Русской журналистики для представленія Государю Императору, и тогда же, по порученію тогдашняго министра народнаго просвѣ-

*) Мы помнимъ, какой испугъ произвело появленіе П. К. Щебальскаго въ одной Московской редакціи. По преданіямъ недавняго прошлаго, посѣщеніе полицмейстера, да еще съ бумагою въ рукахъ, грозило бѣдою неминучею. Оказалось, что бумага эта была талантливая историческая статья, которая вскорѣ и появилась въ печати. П. Б.

щенія, составилъ *Исторію цензуры въ Россіи*. Эта «исторія» и составляла предметъ предсмертныхъ его поисковъ. Зачѣмъ она понадобилась ему предъ смертію? Отвѣтъ на этотъ вопросъ онъ унесъ съ собою въ могилу.

Сейчасъ указанные четыре года службы Щебальскаго показываютъ, какъ усидчивъ и плодовитъ онъ былъ въ учено-литературной работѣ. Не переставая составлять обозрѣнія и писать публицистическія статьи, въ эти же четыре года онъ успѣлъ приготовить къ печати цѣлую серію выпусковъ, напечатанныхъ имъ подъ названіемъ *Чтеній изъ Русской Исторіи съ начала XVII вѣка*. Въ 1863 году появился первый выпускъ, а затѣмъ послѣдовательно еще пять выпусковъ этого изданія. Изъ нихъ первые выпуски при жизни автора успѣли выдержать по четыре и только два послѣдніе выпуска по два изданія. Кромѣ того, въ 1864 г. онъ напечаталъ книжку подъ названіемъ: *Русская политика и Русская партія въ Польшѣ до Екатерины II*, въ 1865 году— *Начало и характеръ Пугачевщины*, въ 1867—*Разсказы о Западной Руси*, въ 1870—*Политическая система Петра III*, поверхъ всего—*Правленіе царевны Софіи*, *Начало Руси* и *Русскую исторію для грамотнаго народа и начальныхъ училищъ*. Тогда же Петръ Карловичъ не переставалъ печатать въ *Русскомъ Вѣстникѣ* такіе критическіе отзывы о разныхъ прошлыхъ періодахъ и выдающихся явленіяхъ текущей литературы, которые составляютъ цѣнный вкладъ въ нашу литературную критику, а потому упрочили за нимъ почетную извѣстность и значеніе въ этой области.

Послѣднія пятнадцать лѣтъ жизни Щебальскій прожилъ въ Привислянскихъ губерніяхъ: съ 27 Ноября 1871 и по 1 Іюня 1875 года онъ былъ начальникомъ Сувалкской, а потомъ Варшавской учебной дирекціи и по оставленіи этой должности вышелъ въ отставку, чтобы посвятить себя *Варшавскому Дневнику*. Эта послѣдняя его дѣятельность у всѣхъ на памяти. Подъ его управленіемъ единственная Русская въ Варшавѣ и притомъ полуофиціальная газета сразу поднялась и стала на высоту значенія подобающаго Русскому печатному органу на тамошней окраинѣ. Еще при его жизни и политическіе, и литературные друзья его и недруги сошлись въ признаніи высокихъ его достоинствъ, какъ такого редактора, который сумѣлъ соединить въ себѣ безпристрастнаго и стойкаго Русскаго публициста съ наилучшими достоинствами образцоваго писателя.

Не даромъ же промѣнялъ онъ мечъ на перо и въ теченіе тридцати лѣтъ непрерывно-добрымъ подвигомъ подвизался на поприщахъ исторіи, публицистики и литературной критики. Пускай другіе со временемъ характеризуютъ его какъ историка, критика и публициста.

Съ этихъ сторонъ для нашей цѣли достаточно отмѣтить однѣ выдающіяся черты его какъ писателя. Все вышедшее изъ-подъ его пера, какъ въ печати, такъ и въ частной перепискѣ, исполнено одинаково глубокой серіозности, сердечной искренности и нравственной чистоты, при полномъ самообладаніи мысли, при строгой сдержанности въ тонѣ, въ силѣ и достоинствахъ литературнаго выраженія. Оттого все когда-либо написанное или напечатанное имъ не можетъ оскорбить самой дѣвственной стыдливости. Какихъ бы ни касался онъ больныхъ мѣстъ въ нашей исторіи, литературѣ, критикѣ и полемикѣ, въ печати или частномъ письмѣ, онъ всегда одинаково умѣлъ обойтись безъ такъ-называемыхъ *хлесткихъ*, а на самомъ дѣлѣ грубыхъ выраженій и, какъ писатель, всегда былъ высокъ и ровенъ самому себѣ. Если правъ былъ Гёте, сказавъ: Wir sind nur insofern zu achten, als wir zu schätzen wissen [1]), то понятно, почему мы горячо оплакиваемъ утрату Щебальскаго, какъ человѣка дорогаго нашей литературѣ. Смѣемъ думать, что утрату его оцѣнитъ и все наше просвѣщенное общество. Духовный питомецъ сороковыхъ годовъ, онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей того глубокаго мощнымъ духовнымъ развитіемъ періода въ исторіи нашего общественнаго развитія, изъ котораго вышли всѣ наши просвѣщенные полигисторы. Типъ этотъ почти весь постепенно вымеръ въ нашемъ обществѣ: не стало Хомякова, Тютчева, князя Одоевскаго, Самарина, Аксаковыхъ и многихъ другихъ, менѣе выдававшихся. Подобно многимъ изъ нихъ, Щебальскій былъ самоучкой, но упорнымъ, неутомимымъ и неистощимымъ самоучкой во всѣхъ областяхъ своей духовной производительности. Подобно имъ, онъ одушевлялся, горѣлъ и, скажемъ больше, даже подъ старость пылалъ стремленіями къ осуществленію высокихъ духовныхъ и нравственныхъ идеаловъ, вынесенныхъ изъ сплошнаго подвига лично-трудовой жизни и всегда неизмѣнно предносившихся его благородной душѣ. Per tot discrimina rerum выбравшись на путь учено-литературнаго служенія этимъ идеаламъ, онъ неизмѣнно-честно остался навсегда вѣренъ имъ. При неодолимомъ упорствѣ въ стремленіи къ нимъ античное sine ira et studio признавалъ онъ непреложнымъ закономъ всякаго объективнаго творчества въ области мысли и повелительной силѣ этого закона заботливо подчинялся во всякое время своей личной литературной производительности. Не смотря на энергію и неутомимость въ работѣ, онъ никогда не владѣлъ широкими средствами къ жизни и, при этомъ

---

[1]) Насъ уважають лишь потому, на сколько умѣемъ мы цѣнить другихъ.

никто никогда не слыхалъ отъ него жалобы и ропота на мертвящее безучастіе общества къ его трудамъ, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнымъ. Чтобы въ одномъ опредѣленіи собрать лучшія черты благородной его души, мы скажемъ, что онъ всегда былъ истый джентльменъ. Ни на іоту не преувеличивая его добродѣтелей, мы знаемъ не мало основаній для того, чтобъ отнести къ нему извѣстный девизъ на гербѣ графа Эгмонта: Quocunque res cadant, semper linea recta [1]).

Мы лично оплакиваемъ въ немъ утрату добраго, милаго, искреннопреданнаго, вѣрнаго друзьямъ своимъ человѣка. Сколько разъ бесѣды съ нимъ съ глазу на глазъ затягивались далеко за полночь! И каждый разъ надолго оставалось отъ этихъ бесѣдъ удовлетворяющее и ублажающее душу впечатлѣніе полноты его души и цѣлостности его духа. Сколько разъ приходилось убѣждаться, что говоритъ съ тобою человѣкъ съумѣвшій почувствовать и навсегда удержать въ себѣ красоту природной простоты и непреложность управляющихъ міромъ высшихъ законовъ Провидѣнія. Иначе нечѣмъ было бы объяснить искренность, правду, честь, честность и несокрушимую увѣренность вашего собесѣдника въ торжествѣ ихъ. Кажется, слѣдуетъ досказать, что онъ былъ идеалистъ въ лучшемъ значеніи этого слова; отъ того и въ себѣ, и въ людяхъ дорожилъ онъ сердцемъ наравнѣ съ умомъ.

Но, важнѣе всего, онъ былъ искреннимъ и глубоко-вѣрующимъ христіаниномъ.

Въ наше время, вписывающее себя въ исторію множествомъ людей съ разбитою душой, безсильныхъ духомъ, слабыхъ характеромъ, почти безхарактерныхъ маловѣровъ и изувѣровъ всякаго направленія, Щебальскій сумѣлъ прожить не короткій вѣкъ свой какъ добрый христіанинъ, вѣрный сынъ Церкви, Царя и Отечества, какъ благородный и просвѣщенный человѣкъ, неизмѣнно стойкій въ усвоенномъ имъ учено-литературномъ духѣ и направленіи. По нашей просьбѣ, намъ сообщены свѣдѣнія о послѣднихъ минутахъ его жизни. Ему на вѣчную память, а образующейся въ наши дни молодежи въ поученіе разскажемъ, какъ онъ умеръ.

За два дня до кончины онъ ясно и безо всякаго малодушія сознавалъ ея близость, призвалъ къ себѣ всѣхъ дорогихъ и близкихъ, поочередно благословилъ ихъ и трогательно простился съ ними, напутствуя ихъ на жизнь истинно-отеческими наставленіями. Не скрылъ онъ своей скорби о томъ, что для него насталъ конецъ дѣятельности, которой была посвящена наибольшая часть жизни. Когда вошедшій къ нему врачъ сказалъ, что свѣтитъ чудное солнце, больной слабымъ го-

---

[1]) Куда бы ни клонились обстоятельства, линія всегда пряма.

лосомъ спокойно сказалъ: «скоро совсѣмъ перестанетъ оно свѣтить для меня». Повидимому не ощущалъ онъ никакихъ страданій, страха смерти ни разу не выразилъ, догорая теплился мирно, тихо, со словами любви и благодарности къ окружавшимъ. Находили подъ часъ минуты бреда; въ эти минуты онъ требовалъ бумаги, рука двигалась, будто что-то писала, иной разъ онъ даже начиналъ диктовать статьи и говорилъ о своемъ *Варшавскомъ Дневникѣ*. Въ день кончины, рано утромъ, онъ попросилъ духовника, исповѣдался, пріобщился Св. Таинъ и просилъ, чтобы вслухъ читали надъ нимъ отходную. Еще разъ онъ благословилъ всѣхъ членовъ своей семьи и сказалъ имъ: «теперь подите, отдохните, успокойтесь: еще не конецъ; такъ можетъ продолжаться еще день или два; оставьте меня одного и навѣщайте поочередно» (что́ конечно не было исполнено). Силы замѣтно слабѣли, совсѣмъ покидали его; наступило состояніе полусна, забытье; каждый разъ однакожъ, когда у него открывались глаза, онъ смотрѣлъ сознательно и говорилъ, хотя и едва внятно, связныя и добрыя слова. Такъ продолжалось до 10 часовъ вечера. Потомъ онъ вдругъ будто захлебнулся, закашлялся и отдалъ Богу душу.

Будемъ утѣшаться всѣ сладостною мыслію въ Шиллеровскомъ поэтическомъ ея выраженіи:

Wer für die Besten seiner Zeit gelebt,
Der hat gelebt für alle Zeiten [3]).

Миръ праху почившаго и вѣчная ему память!

Петербургъ, 23 Марта 1886.

Н. Н.

*

Чтобы показать, какъ смотрѣли на почившаго Щебальскаго безпристрастные Поляки, приводимъ буквально письмо, полученное его вдовою отъ каноника Домагальскаго [4]).

«Madame,

«Tout inopinément j'ai trouvé au № 65 du «Дневникъ» la nouvelle de cette perte qui vous a accablé, madame, et toute votre famille, de la plus profonde douleur. Les larmes amères après la mort de votre

---

[3]) Кто жилъ для лучшихъ людей своего времени, тотъ жилъ для всѣхъ временъ.

[4]) Это тотъ самый достопочтенный отецъ каноникъ Игнатій Домагальскій, замѣчательныя статьи котораго, подъ названіемъ: „Открытое письмо Поляка-ультрамонтана, католика къ редакторамъ Русскихъ и Польскихъ газетъ", печатались въ „Варш. Дневникъ", а потомъ въ видѣ брошюры были перепечатаны П. К. Щебальскимъ.

fille [5]) coulaient encore de vos yeux, lorsque un gémissement de veuvage a déchiré votre coeur. Deux lourdes croix oppriment actuellement vos épaules, madame, et celles de vos enfants, par deux deuils lugubres, énormément douloureux!

«C'est par la voie télégraphique que je vous ai, madame, déclaré ma compassion. Pourtant ce n'est pas assez pour moi. J'exprime de nouveau par cette lettre que je partage votre grande douleur et de vos enfants.

«C'était visible pour moi, quel amour réciproque régnait dans votre maison entre vous, madame, et votre mari décédé,—entre les parents et leurs enfants si bons, si exemplaires. J'admirais cet amour et je m'en disais souvent: quelle bonheur domine dans cette famille! Aujourd'hui pourtant je dévine comment tous les coeurs sont attristés dans votre maison après deux pertes l'une après l'autre,—pertes si funestes et si irréparables! Je prie Dieu qu'Il vous console. madame, qu'Il console vos enfants si amérement illacrymés de ces deuils lugubres,—d'autant plus lugubres que je sais, que vous, madame, avez perdu un mari-ami et que vos enfants ont perdu un père-ami!

«Si j'eusse su, que votre mari, madame. était si dangereusement malade et menacé de la mort, je n'aurais manqué de venir à Varsovie pour serrer pour la dernière fois la main de celui qui au № 69 du «Дневникъ» pour 25 Mars (8 Avril) 1885 a écrit ces paroles:

«Какъ католическая религія, такъ и Польская народность не заключаютъ въ самихъ себѣ каждая началъ ядовитыхъ и несовмѣстныхъ съ культурой и благомъ государствъ и народовъ, и нѣкоторые... изъ числа Поляковъ и католиковъ доказываютъ и словомъ, и дѣломъ, что безвреднымъ можетъ быть истинный Полякъ. который въ тоже время и искренній католикъ».

«Ce sont les paroles de Петръ Карловичъ, et croyez, madame. que le bon Dieu lui en saura gré!

«Aucun et aucun publiciste russe [6]) n'a prononcé de telles paroles que Петръ Карловичъ.

«Madame, après la mort de votre mari vous ne cesserez de me regarder comme un serviteur et un ami sincère de votre famille. N'est

---

[5]) П. К. и М. Л. Щебальскіе имѣли несчастіе потерять старшую дочь Е. П. Черскую, умершую въ нѣсколько дней, въ цвѣтѣ лѣтъ, отъ крупознаго воспаленія легкихъ, 28 Декабря 1885 г.

[6]) Историческая правда обязываетъ насъ привести на память достопочтенному отцу-канонику, что въ 60-хъ годахъ, касаясь вопроса о введеніи Русскаго языка въ дополнительное католическое богослуженіе въ Бѣлорусскихъ и Малорусскихъ губерніяхъ, М. Н. Катковъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ много разъ высказывалъ эту же самую мысль.

ce pas? Vous me receviez tant de fois dans votre maison avec une bienveillance qui me faisait honneur. J'en étais, j'en suis pour vous, madame, très-reconnaissant. Croyez à cette reconnaissance que je garderai dans mon coeur à jamais et que j'en respire pour toute votre famille.

«Encore et encore, en témoignant ma compassion à votre grande double douleur, j'exprime mon profond respect pour vous, madame, et pour toute votre famille.

«Votre très-humble serviteur en notre Seigneur et Dieu Jésus-Christ le chanoine Ignace Domagalski.»

Lodz, 24 Mars (5 Avril) 1886 [1]).

---

[1]) *Переводъ.* Милостивая государыня. Совершенно неожиданно прочелъ я въ 65-мъ номерѣ „Дневника" извѣстіе объ утратѣ, которая удручила васъ, м. г., и все ваше семейство глубочайшею скорбью. Изъ глазъ вашихъ еще лились горькія слезы по кончинѣ вашей дочери, какъ стоны вдовства растерзали вамъ сердце. Теперь два тяжкихъ креста тяготятъ на раменахъ у васъ, м. г., и у вашихъ дѣтяхъ вслѣдствіе двойной смертельной и неизмѣримо-горестной скорби.—Я выразилъ вамъ, м. г., мое сочувствіе посредствомъ телеграфа. Но не могу этимъ удовольствоваться и снова письменно выражаю вамъ мое соучастіе въ великомъ горѣ вашемъ и дѣтей вашихъ.—Для меня явно, какая взаимная любовь господствовала у васъ въ домѣ между вами, м. г., и вашимъ почившимъ супругомъ, между родителями и дѣтьми ихъ, столь добрыми, столь образцовыми. Я восхищался этой любовью и часто говорилъ самому себѣ: какое въ этомъ семействѣ счастіе! Нынѣ я постигаю, какъ двѣ послѣдовательныя утраты, столь печальныя, столь невознаградимыя, должны опечалить всѣ сердца въ домѣ вашемъ. Молю Бога, чтобъ Онъ утѣшилъ васъ, м. г.; чтобъ Онъ утѣшилъ вашихъ дѣтей, проливающихъ слезы вслѣдствіе этихъ горестныхъ утратъ, горестныхъ тѣмъ болѣе, что вы, какъ мнѣ извѣстно, лишились друга-мужа, а дѣти ваши—друга-отца. Если бы я зналъ, м. г., что супругъ вашъ такъ опасно болѣнъ и угрожаемъ смертью, я непремѣнно пріѣхалъ бы въ Варшаву, чтобы въ послѣдній разъ пожать руку тому, кто въ 69 номерѣ „Дневника", отъ 25 Марта (8 Апрѣля) 1885, сказалъ слѣдующія слова: ..... Это слова Петра Карловича, и повѣрьте, м. г., что милосердый Богъ ему зачтетъ ихъ! Никто, никто изъ Русскихъ публицистовъ не произносилъ такихъ словъ, какъ Петръ Карловичъ.—М. г., по кончинѣ вашего супруга вы не перестанете почитать меня вашимъ слугою и искреннимъ другомъ вашего семейства. Не правда ли? Вы столько разъ принимали меня въ вашемъ домѣ съ лестнымъ для меня благоволеніемъ. Я былъ и остаюсь вамъ, м. г., очень за то признателенъ. Вѣрьте этой признательности, которую я навсегда сохраню въ сердцѣ; вѣрьте, что я питаю ее ко всему вашему семейству. Еще и еще свидѣтельствую соучастіе мое въ вашей великой двойной горести и выражаю глубокое мое почтеніе къ вамъ, м. г., и ко всему вашему семейству. Вашъ покорнѣйшій слуга о Господѣ нашемъ и Богѣ Іисусѣ Христѣ каноникъ Игнатій Домагальскій. Лодзь, 24 Марта (5 Апрѣля) 1886.

А вотъ и другое письмо, полученное М. Л. Щебальскою изъ Вѣны отъ г. К., писавшаго въ «Варшавскомъ Дневникѣ» за подписью «постояннаго корреспондента».

«Пораженъ до глубины души прискорбнымъ извѣстіемъ о кончинѣ незабвеннаго супруга вашего, Петра Карловича, шлю вамъ свое искреннѣйшее, полное скорби и горечи соболѣзнованіе. Въ дорогомъ вашемъ супругѣ Св. Русь потеряла одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ, Русскій народъ—одного изъ благороднѣйшихъ своихъ патріотовъ, Славяне—одного изъ ревностнѣйшихъ своихъ защитителей, я же—моего лучшаго покровителя и друга....

«Молю усердно Бога объ упокоеніи души въ Бозѣ почившаго супруга вашего и о ниспосланіи вамъ утѣшенія въ безконечной скорби вашей.

«Глубоко васъ уважающій, искренно преданный, благодарный вамъ слуга К.» [8])

[8]) Пользуемся случаемъ, чтобы печатно засвидѣтельствовать нашу искреннюю признательность глубокоуважаемой М. Л. Щебальской за сообщеніе намъ этихъ двухъ писемъ и за позволеніе напечатать ихъ, какъ два документа, безспорно принадлежащіе исторіи нашей литературы.

ИЗЪ ДАВНИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

1.

Капитанъ Платовъ.

Генералъ-вагенмейстеръ гвардейскаго корпуса Соломка, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, въ Петербургѣ, получилъ отъ княгини Г. письмо въ такомъ родѣ:

«Податель этого письма, Кавказскій герой, капитанъ Апшеронскаго полка Платовъ, прибылъ на дняхъ въ Петербургъ съ рекомендательнымъ ко мнѣ письмомъ отъ княгини Орбельяни, которой впрочемъ я совсѣмъ не знаю; княгиня поручаетъ его моему покровительству. Онъ былъ въ плѣну у Шамиля нѣсколько лѣтъ и, наконецъ, бѣжалъ около полугода назадъ. Теперь онъ желалъ бы вновь поступить на службу, но уже не строевую, а какъ человѣкъ израненный, куда нибудь городничимъ и быть причисленнымъ къ комитету о раненыхъ. Вчера я пригласила капитана Платова на вечеръ; онъ растрогалъ до слезъ меня и всѣхъ моихъ гостей разсказами о страшныхъ бѣдствіяхъ, перенесенныхъ имъ въ плѣну. Не знаю, что̀ я могу для него сдѣлать, а потому поручаю его милостивому вашему вниманію».

Соломка, прочитавъ письмо, велѣлъ позвать въ кабинетъ подателя. Вошелъ довольно представительной наружности офицеръ лѣтъ 40, съ рукою на перевязи, массою орденовъ на груди (въ томъ числѣ и св. Георгія) и въ папахѣ.

— Рекомендуюсь вашему превосходительству—капитанъ Апшеронскаго полка Платовъ.

— Очень радъ познакомиться съ однимъ изъ нашихъ Кавказскихъ богатырей, отвѣчалъ Соломка, протягивая ему руку.

— Прежде всего, ваше превосходительство, позвольте мнѣ присѣсть: тяжело стоять солдату, чуть не всю кровь свою пролившему за Царя и Русь Святую.

Соломка схватилъ его за обѣ руки и усадилъ въ мягкое кресло.

— Очень радъ, что на мою долю выпало быть вамъ полезнымъ, по мѣрѣ моихъ силъ. Но что̀ я могу для васъ сдѣлать? Чего вы хотите?

— Куска хлѣба, ваше превосходительство, куска хлѣба! Какъ попавшій въ плѣнъ, я былъ исключенъ изъ списковъ полка Высочайшимъ приказомъ, но какъ возвратившійся, вновь въ полкъ не зачисленъ. Но я этого и не добиваюсь: я не могу уже служить въ полку; желалъ-бы однако быть зачисленнымъ по арміи, съ назначеніемъ городничимъ въ одинъ изъ подмосковныхъ городовъ и съ отпускомъ мнѣ пенсіи за раны. Я знаю, что̀ значитъ хлопотать въ столицѣ: нашъ чудо-богатырь Николай добрый Царь, но чтобы до его слуха долетѣлъ голосъ истинной нужды, надобна особая протекція; а у меня, боеваго кремня, никакой протекціи нѣтъ, и я скорѣе околѣю съ голода, чѣмъ дождусь къ себѣ милости царской. Такъ вотъ я и рѣшился искать пути, по которому могъ бы попасть къ Наслѣднику, Александру Николаевичу, человѣку съ великою, истинно-русскою душею. Его Высочество принялъ бы къ сердцу мои страданія и великодушно отеръ-бы мои слезы. Не можете ли вы, ваше превосходительство, открыть мнѣ милосердія двери къ сердцу Его Высочества?

— У Его Высочества, какъ у главнокомандующаго гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, я имѣю доклады по Четвергамъ. Завтра, стало-быть, мой докладной день, и я испрошу соизволеніе Государя Наслѣдника на принятіе васъ въ назначенный день. Отвѣтъ Его Высочества я сообщу вамъ завтра же. Вы потрудитесь пожаловать ко мнѣ завтра въ пять часовъ на тарелку супу.

— Покорнѣйше благодарю за честь, ваше превосходительство, постараюсь воспользоваться приглашеніемъ, ежели дозволятъ мои докучливыя раны.

— Есть у васъ, капитанъ, какіе-нибудь документы о вашемъ званіи? спросилъ Соломка.

— Какіе-же могутъ быть документы у человѣка бѣжавшаго изъ плѣна? Есть только краткая выписка о моей службѣ до плѣна, составленная мною изъ памяти, совершенно частнымъ образомъ. Слава Богу, что мои герои-товарищи помогли мнѣ одѣться и дали возможность доѣхать до Петербурга.

Капитанъ Платовъ очень фамильярно раскланялся съ генераломъ и ушелъ.

На другой день Соломка пригласилъ къ обѣду нѣкоторыхъ изъ высокопоставленныхъ лицъ и дамъ, предупредивъ ихъ, что имъ предстоитъ услышать очень занимательный разсказъ одной замѣчательной личности.

На утреннемъ докладѣ Соломка доложилъ Его Высочеству о капитанѣ Платовѣ.

— Мнѣ уже сказывали о немъ, отвѣчалъ Государь Наслѣдникъ. Говорятъ, онъ произвелъ фурoръ у княгини Г. Очень радъ помочь ему, въ чемъ могу. Пусть онъ представится мнѣ въ Воскресенье, послѣ обѣдни.

На обѣдъ къ Соломкѣ съѣхалось гостей человѣкъ двадцать; всѣмъ имъ хозяинъ представилъ Платова, и всѣ обласкали несчастнаго. Къ концу обѣда одна изъ дамъ попросила его разсказать о пребыванiи въ плѣну у Шамиля.

— Ахъ, графиня, началъ Платовъ, при одномъ вспоминанiи объ этомъ ужасномъ времени морозъ подираетъ у меня по кожѣ. Послѣ несчастнаго для насъ дѣла на Алазани, я лежалъ въ кустахъ, прострѣленный въ грудь навылетъ и исходилъ кровью. До слуха моего долетали страшные крики нашихъ раненыхъ, которыхъ добивали мюриды.

— О, Боже, какое варварство! воскликнула одна дама.

— Да, сударыня, продолжалъ Платовъ: нашихъ раненыхъ надобно немедленно убирать съ поля битвы, потому что горцы какъ имъ, такъ и убитымъ, отрѣзаютъ головы и представляютъ Шамилю, за что̀ и получаютъ награды. Такъ вотъ-съ на меня налетѣли три мюрида, но, узнавъ во мнѣ офицера, захотѣли живымъ представить меня Шамилю. Каждый изъ нихъ желалъ завладѣть мною, и потому меня начали тащить въ разныя стороны за руки и за ноги, покуда самый здоровенный изъ нихъ не завладѣлъ мною, оттолкнувъ прочихъ и пригрозивъ имъ кинжаломъ. Осмотрѣвъ мою рану, мой обладатель засунулъ въ нее шомполомъ какую-то траву, не то табакъ, не то полынь, которая начала меня ужасно жечь, потомъ заткнулъ рану пыжомъ отъ заряда, схватилъ меня, перекинулъ поперекъ сѣдла, крѣпко приторочилъ арканомъ и вмѣстѣ съ прочими отправился въ путь. На мои страданiя дикарь не обращалъ ни малѣйшаго вниманiя. Голова моя висѣла какъ гиря, руки и ноги болтались и сводились судорогами. Я просилъ хоть капли воды, но Черкесъ не понималъ меня, и когда я начиналъ очень стонать, онъ крѣпко стегалъ меня нагайкою и заставлялъ молчать. Смерть моя приходила... я чувствовалъ, что умираю и, наконецъ, лишился чувствъ.

Всѣ слушали съ величайшимъ вниманіемъ; казалось, былъ слышанъ полетъ мухи; однѣ дамы нервно дрожали, другія утирали глаза платками.

— О, несчастный мученикъ! замѣтилъ кто-то изъ мущинъ. Пожалуста продолжайте.

— Долго ли длился мой обморокъ, я не знаю, продолжалъ Платовъ; но я очнулся въ холодной водѣ. Мюриды переправлялись вплавь чрезъ какую-то горную рѣчку; я непремѣнно захлебнулся бы, еслибы не былъ въ обморокѣ; но я пришелъ въ себя только тогда, когда лошади выскочили на противоположный берегъ и начали отряхиваться. Горцы остановились на привалъ, стреножили лошадей и пустили ихъ пастись; меня мой варваръ положилъ на траву, сѣлъ подлѣ меня и началъ грабить: сорвалъ мои ордена и медали, золотой крестикъ съ шеи, снялъ съ пальца кольцо покойной матери и забралъ часы и всѣ деньги, какія при мнѣ имѣлись. Потомъ онъ далъ мнѣ сухую лепешку, чурекъ по ихнему, и напоилъ теплою и мутною рѣчною водою. Въ этомъ состоялъ мой завтракъ, обѣдъ и ужинъ въ длинный знойный лѣтній день.

— Бѣдный! бѣдный! послышались голоса за столомъ. Дальше, дальше, капитанъ! Это въ высшей степени интересно!

— Дальше сударыня?... Дальше что разъ, то хуже! Цѣлую ночь и еще цѣлый день везли меня переброшеннаго чрезъ коня и привязаннаго арканомъ. Мюридъ пробовалъ посадить меня за собою верхомъ и приторочить за ноги, но я былъ такъ слабъ, что валился какъ снопъ. Наконецъ, къ вечеру другаго дня мы прибыли въ аулъ Шамиля. Насъ встрѣтило много женщинъ и нашихъ плѣнныхъ Русскихъ солдатъ. Женщины начали бить меня, плевать въ лицо и драть за волосы; никто не мѣшалъ такому ихъ удовольствію; особенно больно доставалось мнѣ отъ тѣхъ женщинъ, которыхъ родные погибли въ битвѣ. Шамиль вышелъ, осмотрѣлъ меня и черезъ переводчика, нашего бѣглаго солдата, началъ меня допрашивать. При всякомъ отвѣтѣ, который Шамиль находилъ почему либо неискреннимъ, я получалъ отъ переводчика ударъ плетью. Убѣдившись, наконецъ, что я ровно ничего въ Россіи не имѣю и что меня выкупать некому, Шамиль приказалъ заковать меня въ кандалы, помѣстить вмѣстѣ съ прочими плѣнными, лѣчить рану, а по излѣченіи употреблять на тяжелыя работы, наравнѣ съ другими.

— Счастіе еще, что хоть велѣлъ лѣчить! замѣтила одна изъ дамъ.

— Охъ, сударыня! Лучше бы меня эти варвары не лѣчили! Ни ... такъ не пользовали, какъ пользовали меня. Въ рану мою

каждый день всаживали какія-то жгучія травы, о которыхъ я уже говорилъ вамъ и шомполомъ впихивали грязную тряпку, которую на другое утро вынимали, покрытую гноемъ и кровью, выполаскивали, и опять, такимъ же способомъ, забивали въ рану.

— Очень примитивный способъ лѣченія! отозвался кто-то.

— И оригинальный! добавилъ другой.

— И что-же? Залѣчили вашу рану? спросилъ хозяинъ.

— Вообразите, ваше превосходительство, чрезъ мѣсяцъ она зажила снаружи; не менѣе того однакоже я до сихъ поръ страдаю отъ нея ужасно: травы ли остались въ ней, или тряпка еще не перегнившая, не могу понять. Но позвольте продолжать. Помѣщалось насъ человѣкъ пятнадцать въ одной темной саклѣ; спали мы, скованные, на голой землѣ; бѣлья разумѣется не мѣняли; насъ поѣдомъ ѣли разныя насѣкомыя; какіе-то жучки и муравьи осыпали все тѣло, пауки и даже жабы прямо вскакивали на лицо; между тѣмъ, кандалы содрали намъ всю кожу съ ногъ и рѣзали голыя кости. Не смотря на то, насъ заставляли работать наравнѣ съ рабочимъ скотомъ, впрягали въ телѣги и сохи человѣкъ по десяти и когда мы изнемогали отъ усталости, то жестоко били и истязали до крови. Мы умирали и отъ голоду. Кормили насъ падалью: кусокъ вонючей, палой лошади или барана кидали намъ разъ въ день, и мы должны были сами варить или жарить эту падаль и ѣсть безъ хлѣба и безъ соли, большею частію въ полусыромъ видѣ, потому что намъ не давали времени сварить ее. Конечно, мы заболѣвали отъ этой пищи, но не смѣли жаловаться на болѣзнь; иначе насъ колотили не на животъ, а на смерть, и многіе умирали подъ нагайками.

— О, Боже! крикнула одна дама, заливаясь слезами.—Ради Создателя не продолжайте, или я упаду въ обморокъ.

Даму дѣйствительно увели изъ-за стола.

— Вы не пытались прежде никогда бѣжать изъ плѣна? спросилъ хозяинъ.

— Охъ! дорого намъ стоила эта попытка.... Стража наша чуть не каждый день повторяла намъ приказаніе Шамиля, что за попытку бѣжать насъ ждетъ самая лютая казнь, именно содраніе кожи. Конечно мы боялись и думать о попыткѣ къ свободѣ. Но всякому терпѣнію есть конецъ, и мы предпочли смерть тяжкому рабству. Шамиль предпринялъ огромный набѣгъ на наши предѣлы и выбрался въ походъ недѣли на двѣ. Между нашими плѣнными нашелся солдатикъ, который началъ насъ подстрекать къ побѣгу, зная, что съ выступленіемъ Шамиля въ походъ, стража наша совсѣмъ за нами смотрѣть не станетъ. Многіе не соглашались; но человѣкъ шесть или семь, въ

числѣ ихъ и я, рѣшились бѣжать, съ тѣмъ, что еслибы, паче чаянія, мы попались въ руки Черкесамъ, то лишимъ себя добровольно жизни, бросившись съ утеса въ пропасть. Стража, по выступленіи Шамиля, дѣйствительно бросила насъ, и даже не давала намъ ничего ѣсть. Намъ удалось разбить наши кандалы, и мы ждали только благопріятнаго случая. Солдатикъ увѣрялъ насъ, что отлично помнитъ дорогу и поведетъ въ сторону противоположную той, въ которую направился Шамиль. Вотъ-съ темною ночью выползли мы изъ сакли, не слушая убѣжденій оставшихся на мѣстѣ болѣе трусливыхъ товарищей; всю ночь пробирались осторожно, держась другъ за друга. Утро застало насъ далеко отъ мѣста нашего плѣна. Мы прилегли отдохнуть въ кустарникѣ, на высокой площадкѣ надъ страшною бездной.

— Страшно становится, чѣмъ это кончится? прервалъ одинъ изъ мущинъ.

— Увы, страшно и кончилось! Стража наша, свѣдавъ чрезъ ренегата о побѣгѣ, начала пытками допрашивать оставшихся товарищей, въ какую сторону мы отправились и исторгла признаніе. Скоро стража насъ достигла. Согласно уговору, мы побѣжали на край утеса и начали соскакивать въ бездну; четыре человѣка успѣли убиться на смерть, а трое, пораженные меткими пулями, упали не достигнувъ утеса. Одинъ былъ убитъ пулею въ голову наповалъ, другому прострѣлена нога, а мнѣ раздроблено плечо. Черкесы какъ молнія налетѣли на насъ и начали жестоко бить нагайками. Пытались было спуститься въ бездну, чтобы достать хотя головы погибшихъ, но это имъ не удалось. Тогда, отрѣзавъ голову убитому и, связавъ насъ двоихъ арканами, буквально поволокли въ аулъ. Не помогли ни мольбы, ни слезы! Насъ тащили какъ кули соломы; объ острые камни мы сорвали себѣ почти всю кожу. Товарищъ мой былъ счастливѣе меня: въ аулъ притащили его уже мертвымъ и потому сбросили со скалы на съѣденіе шакаламъ. Меня же раздѣли и начали жестоко сѣчь по израненному и окровавленному тѣлу, покуда я не лишился чувствъ. Тогда меня опять заковали въ кандалы и оставили до рѣшенія Шамиля.

Еще двѣ-три дамы, залившись слезами съ нервными всхлипываніями, ушли изъ-за стола.

— Помилуйте, ваше превосходительство, сказалъ капитанъ Платовъ:—позвольте мнѣ не продолжать, или я всѣхъ вашихъ гостей разгоню моимъ разсказомъ.

— Сократите вашъ разсказъ, г. капитанъ, возразила на это одна княгиня, но все-таки кончите и выпустите страшныя подробности.

— Мнѣ немного остается досказать, господа. Шамиль приказалъ было, согласно обѣщанію, содрать съ меня живаго кожу; но какая-то женщина—говорятъ мать Шамиля,—на колѣняхъ вымолила мнѣ прощеніе, и онъ приказалъ дать мнѣ пятьсотъ нагаекъ, а потомъ приковать за шею къ столбу... Много лѣтъ провелъ я съ цѣпью на шеѣ, покуда, наконецъ, вторично не рѣшился бѣжать; но еслибы я опять попался, то вотъ этимъ самымъ кинжаломъ, который укралъ я до побѣга, я поразилъ бы себя въ сердце и живой въ руки ни за что бы не дался. Но Богъ спасъ меня. Долго, долго шелъ я, самъ не зная куда, шелъ только ночью и вдругъ очутился на берегу Каспійскаго моря... Добрые люди довезли меня до Ленкорана, и вотъ я на родинѣ! Руку мою залечили; она срослась, но я ею не владѣю.

Все общество было очаровано разсказомъ; мужчины и дамы наперерывъ другъ предъ другомъ предлагали капитану Платову свою протекцію, а нѣкоторые обѣщали сегодня же на вечерѣ передать разсказъ этотъ Ихъ Высочествамъ.

Между тѣмъ капитанъ Платовъ, убѣжденный, что Его Высочество сегодня же объ немъ узнаетъ болѣе подробно, рѣшился, не ожидая Воскресенья, явиться къ нему завтра же, т. е. въ Пятницу. Онъ отправился прямо къ Наслѣднику и велѣлъ о себѣ доложить. Адъютантъ сначала не рѣшался; но, зная изъ вчерашняго разсказа, кто такой Платовъ, доложилъ. Его Высочество приказалъ немедленно принять его и вышелъ къ нему съ супругою и съ сыномъ Николаемъ Александровичемъ, имѣвшимъ тогда семь или восемь лѣтъ.

— Простите, Ваше Императорское Высочество, началъ Платовъ, Русскому человѣку, что онъ прямо обращается къ сердцу Русскаго Царевича и безъ спроса восходитъ на ту широкую лѣстницу, которая открыта для богатаго и бѣднаго, для счастливаго и несчастнаго.

— Здравствуйте, Платовъ! отвѣчалъ съ безграничною добротою своею Александръ Николаевичъ. Я знаю уже вашу исторію; намъ передали почти дословно разсказъ вашъ о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя перенесли вы въ плѣну. Богъ спасъ васъ для того, чтобы наградилъ Царь; и я вашъ ходатай.

— О, благодарю васъ, Ваше Высочество, будущій великій Русскій Царь. Одно ваше слово сдѣлаетъ для меня въ одинъ день то, на что нашей канцелярской рутинѣ нужны мѣсяцы.

— Я сегодня доложу о васъ Государю.

— Да воздастъ вамъ Господь сторицею, Ваше Высочество!

— Вы чего же хотѣли бы на первый разъ?

— Полной пенсіи за раны и мѣста городничаго въ одномъ изъ подмосковныхъ городовъ.

— Есть у васъ какіе нибудь документы о вашемъ званіи?

— Какіе же, Ваше Высочество, могутъ быть у меня документы послѣ моего плѣна? Вотъ краткая записка о моей службѣ, составленная совершенно частнымъ образомъ, на основаніи однихъ моихъ воспоминаній.

Его Высочество взялъ записку, поѣхалъ въ Зимній дворецъ и разсказалъ Государю все, что́ зналъ о Платовѣ. Государь также близко къ сердцу принялъ печальную повѣсть возвратившагося плѣнника, передалъ записку дежурному генералу Главнаго Штаба Его Величества генералъ-адъютанту П. Н. Игнатьеву и повелѣлъ найти Платову просимое мѣсто въ одномъ изъ подмосковныхъ городовъ, о чемъ и составить скорѣе докладъ.

Случилось, что въ тотъ же день, въ числѣ прочихъ, Государь изволилъ принимать и командира Апшеронскаго полка.

— Ты слышалъ, спросилъ его Государь, твой Платовъ вернулся изъ плѣна? Онъ нѣсколько дней уже въ Петербургѣ.

Полковой командиръ пришелъ въ неподдѣльный восторгъ.

— Слава Богу, Ваше Императорское Величество, что онъ живъ! До сихъ поръ всѣ были убѣждены, что онъ убитъ въ плѣну...

— Развѣ онъ къ тебѣ не являлся?

— Никакъ нѣтъ, Ваше Величество; вѣроятно онъ не знаетъ, что я здѣсь.

Это было въ Пятницу, какъ сказано выше.

Въ Субботу Платовъ зашелъ къ генералу Соломкѣ узнать, что̀ слышно по его дѣлу. Соломка сказалъ, что записка его передана лично Государемъ дежурному генералу, съ тѣмъ, чтобъ онъ скорѣе составилъ Высочайшій докладъ.

Въ Воскресенье Платовъ опять затесался къ Наслѣднику и сказалъ:

— Ваше Высочество! Чего я боялся, то и случилось: дѣло мое попало въ Главный Штабъ, и теперь пойдетъ долгая канцелярская процедура; а между тѣмъ я умираю съ голоду, и мнѣ некуда приклонить мою несчастную голову и успокоить мои изувѣченныя и поломанныя кости.

Наслѣдникъ вызвалъ къ себѣ дежурнаго генерала.

— У васъ все справки, да справки, а между тѣмъ изувѣченный воинъ умираетъ съ голоду. Сытый голоднаго не понимаетъ. Чтобы докладъ былъ сдѣланъ Государю не позже завтрашняго числа. Слышите?

Игнатьевъ, возвратясь домой, послалъ за старшимъ адъютантомъ Лубяновскимъ и началъ жестоко разносить его.

— Помилуйте, ваше превосходительство, я не могу сдѣлать на обумъ доклада: записка капитана Платова не согласуется ни съ однимъ Высочайшимъ приказомъ, и я не могу установить его личности.

— А между тѣмъ Наслѣдникъ изволитъ гнѣваться и требуетъ, чтобы докладъ Государю былъ сдѣланъ непремѣнно завтра. Но для установленія личности Платова есть самое простое средство: командиръ Апшеронскаго полка въ Петербургѣ, потребуйте его и Платова завтра ко мнѣ въ 10 часовъ утра; они узнàютъ другъ друга, и личность послѣдняго возстановится, а свѣдѣнія о немъ можно вытребовать изъ полка и послѣ.

Дѣйствительно, ничего не могло быть проще. Лубяновскій обѣщалъ это устроить.

На другой день Игнатьевъ вышелъ въ пріемную, въ сюртукѣ, безъ эполетъ и аксельбанта, и принялъ командира Апшеронскаго полка.

— Такъ вы не видали еще Платова? спросилъ его дежурный генералъ.

— Горю нетерпѣніемъ скорѣе его увидѣть. Слава Богу, что онъ живъ! У насъ существуетъ общее убѣжденіе, что Шамиль велѣлъ содрать съ него кожу за то, что онъ не хотѣлъ принять Исламъ.

— Вотъ вы сейчасъ увидите его; я нарочно послалъ за вами обоими, чтобы вы у меня встрѣтились.

Вдругъ двери отворились, и вошелъ Платовъ.

— Чтò, ваше превосходительство? спросилъ онъ заносчиво. Исполнили вы, наконецъ, Высочайшее повелѣніе и волю Государя Наслѣдника?

Командиръ полка не обратилъ вниманія на вошедшаго; послѣдній съ своей стороны не заинтересовался полковымъ командиромъ. Это поразило Игнатьева.

— Вы не узнаёте этого штабъ-офицера? спросилъ Платова Игнатьевъ, указывая на командира полка.

— Я его совсѣмъ не знаю.

— Какъ, не знаете вашего полковаго командира? Полковникъ, продолжалъ допрашивать Игнатьевъ: развѣ вы не узнаете капитана Платова?

— Это не Платовъ, отвѣчалъ полковникъ. Платова я зналъ отлично.

Капитанъ растерялся и собирался съ отвѣтомъ.

— Кто вы такой? грозно спросилъ Игнатьевъ, подозрѣвая что-то.

— А вы кто такой? въ свою очередь дерзко спросилъ капитанъ.

— Я дежурный генералъ главнаго штаба Его Величества генералъ-адъютантъ Игнатьевъ.

— Я этого не вижу.

— Потому что я безъ эполетъ и аксельбанта? Но я вижу, кто вы такой!... Адъютантъ, войдите сюда.

Платовъ началъ срывать съ себя и бросать на полъ ордена, эполеты, саблю, повязку съ руки и кинжалъ. Попался, нечего дѣлать: я въ вашей власти. Я писарь Харьковскаго гарнизоннаго баталіона, бѣжалъ изъ Кавказскихъ линейныхъ батальоновъ, въ которые былъ сосланъ. Называюсь я Полатовъ.

Вышла поразительная картина.

Полатовъ отправлонъ на гауптвахту, а Игнатьевъ поѣхалъ съ докладомъ къ Наслѣднику и къ Государю.

Происшествіе это крѣпко огорчило Его Высочество и разгнѣвало Государя Императора. Его Величество повелѣлъ судить Полатова военнымъ судомъ при образцовомъ пѣхотномъ полку.

На предварительномъ слѣдствіи выяснилось, что Полатовъ злодѣйствуетъ уже давно, что получаетъ пенсію изъ трехъ казначействъ, подъ разными именами и имѣетъ четырехъ женъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Въ Харьковскомъ гарнизонномъ баталіонѣ онъ былъ судимъ военнымъ судомъ за разные подлоги, за побѣгъ изъ службы и воровство, прогнанъ шпицрутенами сквозь строй чрезъ пятьсотъ человѣкъ одинъ разъ и сосланъ въ Кавказскіе линейные баталіоны, откуда нѣсколько лѣтъ назадъ бѣжалъ.

Судъ при образцовомъ полку приговорилъ Полатова къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, прогнанію шпицрутенами чрезъ пятьсотъ человѣкъ три раза и къ отдачѣ въ Динабургскія арестантскія роты на двѣнадцать лѣтъ.

Лѣтъ черезъ пять онъ бѣжалъ изъ арестантскихъ ротъ, но былъ пойманъ, прогнанъ сквозь строй въ третій разъ, черезъ тысячу человѣкъ двоекратно, и умеръ въ Динабургскомъ военномъ госпиталѣ отъ послѣдствій наказанія.

2.

Сиротинушка-дѣвушка.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, лѣтомъ, жена командира Динабургскаго артиллерійскаго гарнизона Наталья Александровна Ламанская прислала просить меня къ себѣ по очень важному дѣлу.

— Вотъ что̀, сказала она мнѣ: вы знаете нашего поручика Громчевскаго? Онъ сейчасъ былъ у меня и разсказалъ слѣдующее. Къ нему явилась молоденькая дѣвушка, назвалась его родственницею и съ рыданіями, и чуть ли не обмороками, передала ему о своемъ несчастіи, которое состояло въ томъ, что она выѣхала *на долгихъ* изъ Петербурга, съ какимъ-то Русскимъ извощикомъ, взявшимся доставить ее въ Варшаву; но на шоссе, между Островомъ и Динабургомъ, онъ ограбилъ ее, отнявъ всѣ деньги, паспортъ и вещи и хотѣлъ убить; но она вымолила себѣ жизнь; злодѣй обезчестилъ ее и бросилъ на дорогѣ, и вотъ она пѣшкомъ доплелась до Динабурга; зная же отъ сестры, живущей въ Варшавѣ, что родственникъ ихъ служитъ въ Динабургѣ, она рѣшилась отыскать его.

— Что̀ же тутъ я могу подѣлать? спросилъ я.

— Погодите. *Сиротинушка-дѣвушка*, какъ она себя называетъ, проситъ Громчевскаго пріютить ее на нѣсколько дней у его знакомыхъ, покуда сестра вышлетъ ей паспортъ и деньги и чтобы до того времени полиція ея не безпокоила. Такъ вотъ что̀: вы человѣкъ вліятельный и находитесь въ хорошихъ отношеніяхъ съ городничимъ Давыдовымъ. Попросите его, чтобъ онъ оставилъ сиротку нѣсколько дней въ покоѣ, до полученія ею документовъ. Между тѣмъ Громчевскій помѣстилъ ее временно у своихъ знакомыхъ, на новомъ форштадтѣ, у Желязовскихъ: тамъ четыре взрослыя барышни, которыя приняли въ дѣвушкѣ самое живое участіе. Но не скрою отъ васъ, что Громчевскій совсѣмъ не знаетъ своей гостьи и даже не слыхалъ, есть-ли у него родственники въ Варшавѣ? Я посовѣтовала Громчевскому, чтобы онъ завтра привелъ ее къ вамъ, и вотъ предупреждаю васъ объ этомъ.

— Не проходимка-ли какая нибудь?

— Боже сохрани! Громчевскій говоритъ, что она очень несчастна и убита духомъ.

Я обѣщалъ похлопотать о ней у городничаго.

На другой день Громчевскій привелъ ко мнѣ въ канцелярію молодую дѣвушку, красивой наружности, брюнетку, но очень бѣдно одѣ-

тую. Я пригласилъ моихъ гостей садиться, сказавъ дѣвушкѣ, что знаю ея исторію, изготовилъ и далъ ей письмо къ городничему. Тотъ принялъ ее весьма предупредительно и обѣщалъ съ своей стороны всякое содѣйствіе.

Прошло нѣсколько дней. Ванда Громчевская жила у Желязовскихъ, но была постоянно грустна и цѣлыя ночи на пролетъ плакала. Чиновникъ Желязовскій, обезпокоенный этимъ, сказалъ своимъ друзьямъ—именно: доктору Намайловскому, коммиссіонеру Юлегину, стряпчему Шостаку и городничему Давыдову, что онъ не знаетъ, чтó дѣлать съ своею гостьею, тѣмъ болѣе, что поручикъ Громчевскій совсѣмъ отъ нея отказывается; между тѣмъ она что-то скрываетъ и, не смотря на всѣ ласки дочерей его, не хочетъ быть съ ними откровенною и только въ отчаяніи заламываетъ руки.

Названныя лица собрались къ Желязовскому и начали успокоивать Ванду Громчевскую; но она только плакала.

Тогда городничій предложилъ ей свои услуги насчетъ истребованія паспорта и денегъ отъ сестры и попросилъ адресъ сей послѣдней. Ванда начала отнѣкиваться и, наконецъ, созналась, что у нея совсѣмъ нѣтъ сестры и *она круглая сирота.*

— Какъ же вы попали въ Петербургъ?

— Я постоянно живу тамъ!

— Вы живете постоянно... Стало-быть, у васъ тамъ есть родственники или какое нибудь постоянное занятіе?

Ванда опять расплакалась и впала въ истерическое состояніе...

— Я ничего не могу сказать вамъ... скажу только, что я дочь высокопоставленнаго лица въ Петербургѣ.

Посѣтители, видя, что дѣвушка сильно страдаетъ, оставили ее въ покоѣ и рѣшились прійти на другой день.

На утро тѣже рыданія и спазмы. Наконецъ, когда къ ней пристали съ категорическими вопросами, Ванда измѣнила свои показанія и заявила, что она дѣйствительно дочь высокопоставленнаго лица, которое назвать не смѣетъ; но что ее обольстилъ одинъ Англичанинъ, бывшій гувернеромъ при ея младшихъ братьяхъ и сестрахъ, увезъ ее изъ Петербурга и на дорогѣ бросилъ.

Не заслуживало уваженія и это показаніе; а потому городничій и стряпчій пристали къ ней съ непремѣннымъ требованіемъ, чтобы Ванда объявила настоящее свое званіе, и присовокупили, что добиваются этого въ ея же интересахъ, потому что сами опишутъ отцу тѣ бѣдствія, которыя переноситъ дочь его на чужбинѣ, живя у добрыхъ людей изъ милости.

Послѣ многихъ слезъ и изворотовъ, Ванда сказала рѣшительно:

— Если такъ, то я вамъ все открою: я дочь министра двора князя Шаховскаго.

— Позвольте! возразилъ ей городничій. У насъ министрами двора были только князь Волконскій, да графъ Адлербергъ; послѣдній состоитъ въ этомъ званіи и донынѣ; князь же Шаховской никогда министромъ не былъ. Вы не искренни.

Ванда опять разрыдалась, опять упала въ обморокъ; сестры Желязовскія унесли ее въ спальню и не дозволили болѣе мучить распросами бѣдную дѣвушку.

По уходѣ городничаго и стряпчаго, добрая г-жа Желязовская начала ласкать Вандочку и просила открыть ей тайну, какая лежитъ у нея на душѣ, обѣщая помочь несчастной отъ всего сердца.

Ванда бросилась на шею старухѣ и, пряча стыдливо лицо на груди ея, созналась со слезами, что она *беременна*.

— Такъ вотъ что, моя душечка! Вы бы давно это сказали. Всѣ ваши страданія, которыя мы видимъ, не могутъ имѣть другой причины!

Она сообщила объ этомъ мужу; мужъ побѣжалъ къ городничему, городничій послалъ городскую акушерку освидѣтельствовать дѣвушку, съ тѣмъ, чтобы она, если окажется возможнымъ, постаралась вырвать отъ Ванды признаніе о дѣйствительномъ ея званіи.

Чрезъ часъ акушерка прибѣжала къ городничему, взволнованная, взбѣшенная и накинулась на него:

— Какъ вамъ не стыдно! Въ какое положеніе поставили вы меня, скромную дѣвушку? Кого вы заставили меня свидѣтельствовать? Это мущина, настоящій мущина, въ полномъ смыслѣ слова! Я такъ испугалась, что еще опомниться не могу.

— Что вы говорите?

— Ей Богу мущина, переодѣтый мущина!

Городничій и стряпчій бросились къ Желязовскимъ съ полицейскими служителями.

Городничій схватилъ мнимую Вандочку за волосы:

— Ты кого вздумалъ тутъ дурачить, каналья? Говори, кто ты такой, или я убью тебя на мѣстѣ.

Самозванецъ, съ рыданіями, бросился въ ноги городничему.

— Ваше высокоблагородіе, я все скажу, помилуйте меня! Я писарь, бѣжалъ изъ Виленскаго писарскаго класса; называюсь Одаховскій. Я раскаялся въ побѣгѣ, хотѣлъ вернуться въ училище, да не зналъ какъ, и вотъ надѣлалъ столько глупостей!

Городничій арестовалъ Одаховскаго и, осмотрѣвъ его сакъвояжъ, нашелъ въ немъ: парикъ, косу, локоны, шпильки, бусы,

кружевные воротнички, рукавчики, оборки къ юбкамъ, перчатки, башмаки....

На другой день Одаховскаго, въ солдатской шинели, подъ конвоемъ прислали въ ордонансъ-гаузъ, для отсылки по этапу въ Вильну. Писаря, бывшіе товарищи его по писарскому классу, тотчасъ узнали Одаховскаго и заявили мнѣ, что у него всегда была страсть одѣваться по-женски, и на писарскихъ вечеринкахъ онъ производилъ фуроръ, дурача очень солидныхъ писарей и фельдфебелей.

Въ Вильнѣ Одаховскаго не предавали суду за отлучку, не простиравшуюся далѣе Динабурга, но высѣкли какъ мальчишку и потомъ опредѣлили на службу, безъ всякихъ дурныхъ для него послѣдствій.

Изъ него потомъ вышелъ дѣльный чиновникъ.

За то сколько было хохоту въ Динабургѣ, когда разнеслась эта исторія, надъ тѣми, которые ухаживали за Вандочкою Громчевскою, разсчитывая впослѣдствіи на ея благосклонность и благодарность!

Ихъ безъ церемоніи спрашивали: Какова ручка у Вандочки? Сколько разъ вы ее поцѣловали?

Теобальдъ.

М. И. МУРАВЬЕВЪ-АПОСТОЛЪ.

(Род. 25 Апрѣля 1793 † 21 Февраля 1886).

Во второмъ выпускѣ Русскаго Архива нынѣшняго года (стр. 228) напечатана писанная погречески и переложенная въ Русскіе стихи Ѳ. Н. Глинкою элегія сенатора И. М. Муравьева-Апостола на казнь, гибель и ссылку трехъ сыновей его. Глинка къ переложенію своему сдѣлалъ слѣдующее добавленіе, посвященное одному изъ этихъ трехъ сыновей, недавно скончавшемуся въ Москвѣ, Матвѣю Ивановичу Муравьеву-Апостолу. Вотъ эти стихи:

Но дерево, *одно* изъ *трехъ*, спаслось
И изъ страны далекой и холодной
Опять въ свой край перенеслось,
Все съ тою же осанкой благородной.... *)
И вотъ кругомъ его семья цвѣтетъ,
И дружба вѣетъ страннику отрадой.
Страданіе ужè смѣнилъ почетъ,
И уваженіе — ему наградой.

Тверь, 16-го Ноября 1859.

Увлеченія своей молодости Матвѣй Ивановичъ достоинѣйшимъ образомъ искупилъ всею остальною жизнію, исполненною добра и благородства. Одушевленный до послѣдней минуты горячею любовью къ родинѣ, къ законной свободѣ жизни и къ здравому просвѣщенію, будучи неизмѣннымъ другомъ молодаго поколѣнія, которое годилось ему во внуки и въ правнуки, онъ однако не могъ сочувствовать попыткамъ связывать политическое бѣдствіе 14-го Декабря (столь вѣрно охарактеризованное въ извѣстныхъ стихахъ Ѳ. И. Тютчева) съ броженіемъ умовъ недавняго времени. Въ одномъ знакомомъ ему семействѣ благоговѣніе къ возвращеннымъ изъ ссылки декабристамъ доходило до такой степени, что ребенокъ-дочь наивно спрашивала у матери: «Мама! Чтó больше, тайный совѣтникъ или декабристъ?» Однажды Муравьевъ-Апостолъ получилъ поздравленіе со днемъ 14 Декабря; мать семейства ему писала: «Какъ много, какъ особенно думала я о васъ сегодня, какъ долго говорила про васъ съ дѣтьми моими. Они, да и я также, привыкли считать васъ представителемъ, почти олицетвореніемъ этой славной эпохи, какъ доблестнаго мученика за доблестные принципы, приводимые декабристами, въ назиданіе и примѣръ моло-

*) Черта вѣрно подмѣченная. Благородная осанка до глубочайшей старости была отличительнымъ признакомъ этого человѣка. П. Б.

дому поколѣнію». Въ отвѣтъ на это заявленіе Матвѣй Ивановичъ, тогда уже почти слѣпой, попросилъ написать нижеслѣдующее:

«Матвѣй Ивановичъ поручаетъ передать тебѣ, что 14-му Декабрю минула 59-я годовщина; поэтому давно пора смотрѣть на этотъ печальный день безъ увлеченія, т.-е. безпристрастно. Никто изъ глубокихъ умовъ общества не имѣлъ въ проектѣ ничего подобнаго 14-му Декабрю; никто изъ нихъ никогда не считалъ этотъ день ни славнымъ, ни полезнымъ для потомства. Покойный князь Евгеній Петровичъ Оболенскій сердечно скорбѣлъ, когда его поздравляли въ этотъ день, какъ героя. Къ несчастью, толпа ихъ судитъ по 14-му Декабрю. Когда, по возвращеніи въ Россію, Матвѣй Ивановичъ поселился въ Твери, тогда мѣстные либералы также титуловали его мученикомъ и выражали сожалѣніе, что 14-е Декабря не имѣло успѣха. Они очень удивились и даже разочаровались на счетъ его, когда Матвѣй Ивановичъ сказалъ имъ, что они никогда не считали себя мучениками, а покорялись законамъ своей земли; что правительство обязано блюсти государство; что онъ всегда благодарилъ Бога за неудачу 14-го Декабря; что это было не Русское явленіе; что мы жестоко ошибались; что конституція вообще не составляетъ счастія народовъ, а для Россіи въ особенности непригодна».

«Назадъ тому четыре года, одна особа поднесла Матвѣю Ивановичу лавровый вѣнокъ. Матвѣй Ивановичъ чрезвычайно разсердился и возмутился; а покойный Николай Александровичъ Загорѣцкій, человѣкъ здраваго ума и въ высшей степени правдивый, сказалъ этой особѣ: «14-е Декабря нельзя ни чествовать, ни праздновать; въ этотъ день надо плакать и молиться; въ этотъ день было пролито много разной невинной и дорогой крови».

«Матвѣй Ивановичъ очень желалъ бы послужить въ назиданіе и въ примѣръ молодому поколѣнію. Но съ другой точки зрѣнія не слѣдуетъ упрямо стоять на одномъ мѣстѣ, возводя свои ошибки въ какую-то доблесть. Это смѣшно и жалко, такъ какъ исторія все разберетъ, и ошибки останутся ошибками, съ какимъ бы благороднымъ увлеченіемъ онѣ ни совершались».

Да, только истинно-честные, умные люди и горячіе патріоты способны прямо и громко заявлять о своихъ крупныхъ ошибкахъ.

*

ПОПРАВКА. Грузинскій князь, о которомъ часто говоритъ Н. Н. Муравьевъ въ Запискахъ своихъ, назывался не *Севардзешидзевъ*, какъ у насъ напечатано (по связности почерка въ подлинной рукописи), а *Севардземидзевъ*. П. Б.

Полное собраніе „Русскаго Архива“ составляетъ цѣлую историческую библіотеку.

Лица, желающія пополнить свое собраніе „Русскаго Архива“ за всѣ двадцать четыре года, могутъ отчасти знакомиться съ его содержаніемъ по особо изданной **Росписи** за первыя двадцать лѣтъ, которая была разослана подпищикамъ 1883 года и которую можно получать отдѣльно (по одному рублю съ пересылкою). Кромѣ того, на оберткахъ прошлаго года печаталось подробное содержаніе „Русскаго Архива“ за тѣ годы, которые еще имѣются въ продажѣ, а именно: **1874, 1877, 1878, 1879, 1880, 1881** и **1884** гг. Нѣсколько полныхъ экземпляровъ **1885** года также еще есть на лицо. Остальныя годовыя изданія давно вышли изъ обыкновенной продажи, и нѣкоторыя изъ нихъ сдѣлались книжною рѣдкостью, такъ что за нихъ приходится платить двойныя и тройныя цѣны.

Контора „Русскаго Архива“ принимаетъ на себя составленіе полнаго собранія за всѣ двадцать четыре года, по цѣнѣ

двѣсти рублей

съ пересылкою, но не иначе какъ въ полугодовой срокъ по заявленіи и съ полученіемъ впередъ **ста** рублей.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1886 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ).

Русскій Архивъ, историческое изданіе, посвященное преимущественно всестороннему изученію Россіи въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, выходитъ въ 1886 году **двѣнадцать разъ** въ годъ книжками отъ 7 до 10 листовъ каждая.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1886 году съ пересылкою и доставкою на домъ — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ Русскаго Архива, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" 1884 и 1885 получаются въ Москвѣ, въ Главной Конторѣ, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 — 8 рублей. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива" вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.

Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1886

6.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1886.

ПИСЬМА РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ КЪ ВОЛТЕРУ.

Дѣйствіе Волтеровыхъ твореній на внутреннее развитіе нашего отечества въ XVIII-мъ и началѣ XIX-го вѣковъ было такъ велико, что слова „волтеріанецъ", „волтеріанство" сдѣлались именами нарицательными. Переводы Волтера и подражанія ему появлялись безпрестанно, и былъ даже случай, что въ глухой Тамбовской деревнѣ завелась типографія, гдѣ они печатались. Сильные умы, какъ Екатерина, графъ А. Р. Воронцовъ и немногіе другіе, сумѣли, плѣняясь имъ, относиться къ нему самостоятельно; но большинство читающихъ людей оставалось подъ его умственнымъ игомъ почти даже до временъ Николая. Мы еще знали на нашемъ вѣку послѣднихъ волтеріанцевъ. Даже князь Вяземскій и Пушкинъ въ молодыхъ своихъ произведеніяхъ исполнены Волтерова духа. Подъ тѣмъ предлогомъ, что Волтеръ писалъ исторію Петра Великаго (весьма плохую, мимоходомъ будь сказано), проторена была дорога изъ Россіи въ Ферней, и цѣлая вереница Русскихъ людей являлась туда на поклоненіе. Нижеслѣдующія письма (подлинники которыхъ находятся въ богатомъ собраніи рѣдкихъ рукописей Ивана Ираклієвича Куриса) изображаютъ намъ черты непосредственныхъ сношеній, въ которыхъ находились съ Волтеромъ трое Русскихъ людей: старикъ Бецкій, графъ А. П. Шуваловъ (человѣкъ среднихъ лѣтъ) молодой графъ А. Р. Воронцовъ. За примѣчанія къ этимъ письмамъ обязаны мы Дмитрію Ѳомичу Кобекѣ. П. Б.

Письмо И. И. Бецкаго къ Волтеру.

S-t Pétersbourg, ce 29 XI-bre 1765 v. s.

Monsieur.

Vos sentiments de reconnaissance pour les marques d'estime que S. M. I. rend à vos talens, vont se renouveler par la réponse que j'ai l'honneur de vous envoyer de sa part, admirateur comme vous de cette auguste Princesse et des vertus qui l'ont rendue digne du throne. Elle

fera la gloire d'un siècle dont vous avez commencé à faire l'ornement, et si l'histoire nous a transmis ce qu'a fait Octave pour Horace, Virgile etc., la postérité saura de même le cas que Catherine aura fait de Voltaire.

Quant à moi, monsieur, sans vouloir usurper le titre de Mécène de ce nouvel Auguste, je ne néglige rien pour jouir des avantages qu'il pourrait me procurer. Exécuteur soumis de ses volontés, je n'ai d'autre part dans ce qu'elle fait que l'obéissance, trop heureux d'être quelque fois le canal par lequel elle répand ses grâces.

Votre bagatelle, monsieur, m'a mis dans l'admiration; après l'avoir lue, je serais trop flatté d'en avoir de pareilles plus souvent. Il se trouvent ici comme ailleurs des zélés admirateurs de vos productions et qui en savent apprécier le mérite.

La lettre dont vous m'avez chargé pour m. Soltikoff lui a été rendue.

Faites-moi la grâce, monsieur, de me conserver une place dans votre souvenir et d'être persuadé de l'estime sincère avec laquelle j'ai l'honneur d'être, monsieur, votre très-humble et très-obéissant serviteur

I. Betzky.

Переводъ. С.-Петерб. 29-го Ноября 1765 года, ст. стиля. М. г. Ея Императорское Величество изъявляетъ знаки уваженія къ дарованіямъ вашимъ, и ваша признательность за оное возобновится вслѣдствіе отвѣта, который имѣю я честь препроводить къ вамъ отъ нея. Я, также какъ и вы, поклонникъ этой августѣйшей Государыни и доблестей, содѣлавшихъ ее достойною престола. Она прославитъ собою нынѣшній вѣкъ, котораго вы начали быть украшеніемъ, и если исторія передала намъ то, что̀ сдѣлалъ Октавій для Горація, Виргилія и другихъ, то потомство узнаетъ также, какъ Екатерина цѣнила Волтера. Что́ до меня, м. г., то, не присвоивая себѣ титула Мецената при семъ новомъ Августѣ, я не упускаю ничего, чтобы пользоваться выгодами, которыя отъ того могу получить. Покорный исполнитель ея воли, я только моимъ повиновеніемъ принимаю участіе въ ея дѣйствіяхъ, будучи слишкомъ счастливъ, когда мнѣ доведется иной разъ служить каналомъ, черезъ который проливаетъ она свои милости. Ваша бездѣлка, м. г., восхитила меня. По ея прочтеніи, мнѣ было бы очень лестно получать подобныя какъ можно чаще. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, есть горячіе поклонники вашихъ произведеній, умѣющіе цѣнить ихъ достоинство. По вашему порученію доставлено г-ну Салтыкову письмо на его имя. Сдѣлайте милость, м. г., сохраните мнѣ мѣсто въ воспоминаніи вашемъ и будьте увѣрены въ искреннемъ почтеніи, съ коимъ имѣю я честь быть вашимъ, м. г., покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою И. Бецкій.

Примѣчаніе.

Иванъ Ивановичъ Бецкій посылаетъ Волтеру письмо императрицы Екатерины отъ 17 (28) Ноября 1765. Письмо это напечатано въ сочиненіяхъ Волтера (изд. Бёшо, т. 62, № 4.524). Волтеръ находился въ перепискѣ съ Бецкимъ, какъ это онъ самъ говоритъ, между прочимъ, въ письмѣ къ Императрицѣ отъ 11-го Декабря 1772 года (тоже изд., т. 68, № 6.455); но письма его, кажется, не сохранились.

Въ письмѣ Бецкаго упоминается о Борисѣ Михайловичѣ Салтыковѣ. Сынъ сенатора М. М. Салтыкова и его жены, рожденной Шафировой, Салтыковъ воспитывался въ Дворянской Гимназіи въ Москвѣ. Въ 1757 году директоръ гимназіи Мелиссино отправился въ Петербургъ и взялъ съ собою двухъ студентовъ и нѣсколькихъ лучшихъ учениковъ гимназіи, въ томъ числѣ и Салтыкова, для представленія ихъ И. И. Шувалову, который, въ свою очередь, представилъ ихъ императрицѣ Елисаветѣ. Произведенный въ прапорщики, Салтыковъ отправленъ былъ въ Женеву, съ жалованьемъ отъ Университета для продолженія ученія. Съ нимъ же посланы были къ Волтеру подарки И. И. Шувалова, чай и мѣха.

Къ Волтеру Салтыковъ явился въ Маѣ 1759 года и сразу завоевалъ себѣ его расположеніе. Письма Волтера къ И. И. Шувалову заключаютъ въ себѣ рядъ похвалъ Салтыкову. Съ своей стороны, живя въ Женевѣ, Салтыковъ постоянно писалъ И. И. Шувалову. Письма эти настоящія депеши о томъ, что̀ дѣлалось въ тогдашнемъ мѣстопребываніи Волтера. Къ сожалѣнію, только малая часть ихъ напечатана княземъ П. А. Вяземскимъ въ приложеніяхъ къ его труду о Фонъ-Визинѣ.

Вскорѣ, однако, Волтеръ долженъ былъ измѣнить свое мнѣніе о Салтыковѣ. Въ началѣ 1762 года сей послѣдній уѣхалъ изъ Швейцаріи и забылъ о Волтерѣ и объ его гостепріимствѣ. Въ письмахъ своихъ Волтеръ часто жалуется и, какъ кажется, искренно, на это невниманіе.

Когда именно Салтыковъ вернулся въ Россію, я не знаю; но 1-го Марта 1765 года извѣстный воспитатель цесаревича Павла Петровича Порошинъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Сказывалъ Г. Н. Тепловъ о Салтыковѣ, который прежде отъ Шувалова посылаемъ былъ къ Волтеру, а потомъ былъ у Теплова. О Салтыковѣ сказывалъ онъ, что нынѣ отъ себя его отбросилъ, за дурнымъ его поведеніемъ“.

Въ 1768 году Салтыковъ участвовалъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими лицами, во главѣ которыхъ стоялъ графъ А. С. Строгановъ, въ составленіи обширнаго и любопытнаго проекта устройства публичной библіотеки и общества для печатанія книгъ и переводовъ. Онъ именуется „сочинителемъ сего проекта“ и находился въ то время въ Москвѣ „уволенъ отъ дѣлъ“. (Библіогр. Записки, М. 1861, III, 70). Предпріятіе это не осуществилось, и дальнѣйшая затѣмъ судьба Салтыкова не представляетъ интереса.

Письмо графа А. П. Шувалова къ Волтеру.

A Berlin, le 10 septembre 1777.

Monsieur.

Mon cousin, ou mon oncle à la mode de Brétagne, m-r le général Chouwalow, qui retourne dans notre pays au moment que j'en sors, et que j'ai vu un instant ici, m'a dit, monsieur, que vous daignez vous souvenir de moi et me conserver l'honneur de votre amitié. Permettez que je vous en témoigne ma très-vive reconnaissance. Je suis votre admirateur et du moins votre disciple pour les sentimens. C'est à vous que je dois et mon amour pour les lettres, et cette philosophie qui peut seule nous rendre heureux, en purgeant l'âme des préjugés dont on l'entache dès l'enfance. Si j'ai quelque gôut c'est la lecture assidue de vos excellens ouvrages qui me l'a inculqué. Enfin, je n'oublierai jamais les politesses et les bontés que vous m'avez témoignées à Ferney il y a treize ans. Je vous suis attaché par tous les liens. Je vais maintenant à Paris où je compte être dans six semaines au plus tard. Je ne serai pas content que je ne vous aie présenté mes hommages, ce que j'espère exécuter le printemps prochain, si vous voulez bien me le permettre. Mes plus beaux jours, monsieur, ont été ceux que j'ai passés dans votre château.

Depuis près de trois mois que j'ai quitté la Russie, j'ignore absolument ce qui se passe dans l'empire littéraire. Mes correspondances de Paris sont interrompues; je ne vois plus de journaux; en un mot, je ne sais rien. La seule nouvelle qu'on m'a débitée ici à Berlin, et que je crois une calomnie atroce, m'a pénétré de douleur. Elle concerne quelqu'un que vous honorez de votre amitié et avec lequel je suis très-lié: c'est de m-r de la Harpe dont il s'agit. On prétend que m-r Dorat s'est cruellement vengé de lui et que même il lui a fait signer un billet extraordinaire. Vous ne sauriez vous imaginer, monsieur, combien ce bruit est ici général, avec quelle complaisance des littérateurs médiocres (car je n'en connais point d'autres dans ces remparts) le répètent et combien tout cela fait de tort à m-r de la Harpe. J'ai pris son parti hautement; j'ai dit que cette abominable histoire est un réchauffé de ce qu'un grand monarque a, dit-on, fait avec un gazetier qu'il a fait maltraiter et dont il a pris un reçû. Cependant cette calomnie va infecter toute l'Europe. J'en pleure de colère. Voilà, monsieur, les armes lâches avec lesquelles on se venge aujourd'hui du mérite. Ne pouvant lui nuire on sême des bruits affreux; l'envie, désesperée de ne pouvoir rabaisser le talent, cherche à couvrir d'opprobre la personne. Voilà à quoi nous en sommes réduits vers la fin du 18-me

siècle; et l'on tolère ces turpitudes incroyables et qui ne peuvent être imaginées que par la plus vile canaille, à laquelle le dernier de vos paysans ne donnerait pas le couvert. Je tremble, que ces calomnies ne nuissent à m-r de la Harpe dans l'esprit de quelques protecteurs augustes. On n'a pas le temps d'approfondir, et souvent une impression défavorable ne s'efface pas. Je suis loin de croire que m-r Dorat ait fait courir ce bruit infâme; ce sont les derniers des écrivailleurs, c'est la tourbe de la basse littérature qui l'aura imaginé et sêmé.

Vous savez, monsieur, que je ne connais point personnellement m-r de la Harpe. J'ai été frappé de son mérite que vous avez daigné former, et qu'on ne se lasse pas de persécuter. La juste admiration qu'il manifeste à votre égard a porté la rage de ses ennemis jusqu'à la démence. Tant d'oppression d'un côté et tant de talens de l'autre m'ont étonné. J'ai été touché de son sort et indigné de tant d'acharnement; dès ce moment j'ai été au devant de lui; nous nous sommes liés par lettres. Ses ouvrages portent l'empreinte d'une belle âme, je lui ai donné des marques de mon estime. J'ai imprimé ce que je pensais de lui. Il faut avoir le courage de louer ce qui est louable, dût-on se mettre tout le monde à dos. Heureusement, m-r de la Harpe a votre amitié et celle du petit nombre des bons esprits qui sont en France et même ailleurs. Voilà ce qui le soutient sans doute au milieu de ses dégoûts accumulés. Si les Barmécides ou Menzikow réussit, on dira qu'il a assassiné quelqu'un. Je ne désespère de rien.

Faites-moi la grâce, monsieur, de me dire un mot, de m'éclaircir du moins l'altercation que notre ami a pu avoir avec Dorat. Daignez m'écrire à la poste restante à Strasbourg, où je serai dans un mois, et où des affaires particulières me retiendront quinze jours. Permettez même que j'envoie les extraits de votre lettre à Berlin. Votre destin, monsieur, est de nous donner des ouvrages admirables et de punir la calomnie; vous rendrez un service essentiel à m-r de la Harpe. J'ai l'honneur d'être avec un attachement respectueux, monsieur, votre très-humble et très-obéissant serviteur le comte de Chouwalow.

P. S. Je n'écris point sur cet objet à m-r de la Harpe. Je le ferais peut-être mourir de chagrin. Puisse-t-il apprendre l'insulte en apprenant qu'elle est punie par la plume la plus éloquente de son siècle.

P. S. On conte cette abominable histoire avec des détails affreux. C'est ainsi qu'on outrage un académicien, un homme qui a l'honneur d'être votre confrère à la première académie du royaume; des gens du monde

et de marque en parlent déjà, ainsi que les gens en *us* dont la Germanie abonde. Pardonnez mes râtures: la poste part dans un moment: je n'ai pas le temps de récrire.

Переводъ. Берлинъ, 10-го Сентября 1777. М. г. Мой кузенъ или, какъ говорятъ въ Бретани, мой дядя, генералъ Шуваловъ *), который возвращается въ нашу сторону въ то время какъ я ее покидаю, и котораго я на минуту видѣлъ здѣсь, сказывалъ мнѣ, м. г., что вы удостоиваете вспоминать обо мнѣ и сохранять мнѣ честь вашей дружбы. Позвольте засвидѣтельствовать вамъ за то мою живѣйшую признательность. Я вашъ почитатель и, по крайней мѣрѣ въ чувствахъ, вашъ выученикъ. Вамъ обязанъ я любовью моею къ словесности и тою философіею, которая одна содѣлываетъ насъ счастливыми, очищая душу отъ предразсудковъ, омрачающихъ ее съ самаго дѣтства. Если у меня какой вкусъ, то онъ развитъ во мнѣ прилежнымъ чтеніемъ вашихъ превосходныхъ твореній. Наконецъ, я никогда не забуду любезностей и ласокъ, которыя вы мнѣ оказали, тринадцать лѣтъ тому назадъ, въ Фернеѣ, и я всячески привязанъ къ вамъ. Въ настоящее время ѣду въ Парижъ, куда разсчитываю попасть не позже шести недѣль. Я не буду доволенъ, если не выражу вамъ лично моего почтенія, что̀ и сдѣлаю съ вашего позволенія будущею весною. Лучшіе мои дни, м. г., суть тѣ, которые провелъ я въ вашемъ за̀мкѣ. Почти три мѣсяца, съ тѣхъ поръ какъ выѣхалъ я изъ Россіи, рѣшительно ничего не знаю, что̀ происходитъ въ царствѣ словесности. Моя переписка съ Парижемъ прервалась; не вижу журналовъ; словомъ, ничего не вѣдаю. Единственная новость, которую передали мнѣ здѣсь въ Берлинѣ, и которую почитаю я за жестокую клевету, наполнила меня горестью. Она относится до человѣка, котораго вы удостоиваете дружбою и къ которому я очень привязанъ. Это г-нъ Лагарпъ. Говорятъ, будто г-нъ Доратъ жестоко отомстилъ ему и будто даже онъ заставилъ его подписаться подъ необыкновенною запискою. Вы не можете себѣ представить, м. г., какъ много здѣсь объ этомъ толкуютъ, съ какою радостью повторяется этотъ слухъ посредственными литераторами (другихъ въ здѣшней трущобѣ я не знаю) и какъ все это вредитъ г-ну Лагарпу. Я открыто принялъ его сторону; я заявилъ, что эта мерзкая исторія есть повтореніе того, что̀, говорятъ, сдѣлалъ одинъ великій монархъ съ газетчикомъ: онъ опозорилъ его и взялъ отъ него росписку. Между тѣмъ такая клевета будетъ позоромъ для всей Европы. Я пла̀чу съ досады. Вотъ, м. г., какими нынѣ подлыми средствами мстятъ за достоинство. Не имѣя возможности вредить, сѣютъ отвратительные слухи; зависть, отчаявшись въ возможности унизить дарованіе, прибѣгаетъ къ личному оскорбленію. Вотъ до чего мы доведены въ концѣ XVIII-го вѣка, и никто не возстаетъ противъ невѣроятныхъ низостей, выдумать которыя способна лишь самая подлая каналья, какую не допуститъ къ себѣ

---

*) И. И. Шуваловъ былъ двоюродный дядя писавшему. П. Б.

въ домъ послѣдній изъ вашихъ крестьянъ. Я опасаюсь, чтобы эти клеветы не повредили г-ну Лагарпу во мнѣніи нѣкоторыхъ августѣйшихъ покровителей. Разобрать дѣло поглубже бываетъ недосужно, и неблагопріятное впечатлѣніе часто остается неизгладимо. Не полагаю, чтобы проклятый слухъ этотъ былъ пущенъ г-мъ Доратомъ; его выдумали и распространили самые дрянные изъ писакъ, принадлежащіе къ подонкамъ низшей литературы. Вы знаете, м. г., что лично я не знакомъ съ г-омъ Лагарпомъ; но я плѣненъ его достоинствами, которыя образовались благодаря вамъ, и которыя подвергаются неустанному преслѣдованію. Справедливое поклоненіе, которое воздаетъ онъ вамъ, ожесточило враговъ его до бѣшенства. Я не могъ не удивляться такому угнетенію съ одной стороны и такому дарованію съ другой. Я почувствовалъ участіе къ его судьбѣ и негодованіе къ такому озлобленію, и съ той поры я сталъ предупредителенъ къ нему, и занятія словесностью сблизили насъ. Сочиненія его отражаютъ въ себѣ прекрасную душу, и я заявилъ ему знаки моего уваженія. Я напечаталъ, что̀ о немъ думалъ. Нужна отвага для того, чтобы хвалить достойное хвалы, даже еслибы всѣ за то отвернулись отъ тебя. По счастію, г-нъ Лагарпъ пользуется дружбою вашею и немногихъ здравомыслящихъ людей во Франціи и даже въ другихъ странахъ. Безъ сомнѣнія, это и поддерживаетъ его въ накопившихся непріятностяхъ. Если „Бармесиды“ или „Менщиковъ“ будутъ имѣть успѣхъ, про него скажутъ, что онъ убилъ кого-нибудь. Я всего ожидаю. Сдѣлайте милость, м. г., скажите мнѣ словечко и разъясните по крайней мѣрѣ, что̀ такое могло произойти между нашимъ другомъ и Доратомъ. Удостойте написать ко мнѣ до востребованія въ Страсбургъ, гдѣ я буду черезъ мѣсяцъ и гдѣ частныя дѣла задержатъ меня на двѣ недѣли. Позвольте даже мнѣ послать извлеченіе изъ вашего письма въ Берлинъ. Ваше призваніе, м. г., давать намъ удивительныя произведенія и карать клевету; вы окажете г-ну Лагарпу существенную услугу. Имѣю честь быть съ почтительною привязанностью, м. г., вашимъ покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою, графъ Шуваловъ.—P. S. Г-ну Лагарпу я не пишу объ этомъ; а то, пожалуй, онъ умретъ отъ огорченія. Пусть онъ узна̀етъ про оскорбленіе въ одно время съ извѣстіемъ, что оно наказано самымъ краснорѣчивымъ перомъ нашего вѣка.—P. S. Эту мерзкую исторію передаютъ съ отвратительными подробностями. Такъ обижаютъ академика, человѣка, пользующагося честью быть вашимъ собратомъ въ первой академіи королевства. Люди свѣтскіе и значительные уже говорятъ о томъ, равно какъ и люди, имена которыхъ кончаются на *us* и которыми изобилуетъ Германія. Простите мнѣ поправки; почта сію минуту отправляется; не имѣю времени переписывать.

Примѣчаніе.

Свѣдѣнія о сношеніяхъ Волтера съ графомъ Андреемъ Петровичемъ Шуваловымъ собраны въ біографіи послѣдняго, помѣщенной въ „Русскомъ Архивѣ“ (1881 года, кн. III-я, стр. 241, слѣд.). Уволенный въ заграничный отпускъ указомъ 15-го Ноября 1776 года, графъ Шуваловъ

встрѣтился въ Берлинѣ съ своимъ дядею И. И. Шуваловымъ, возвращавшимся въ Петербургъ послѣ 14-тилѣтняго пребыванія въ чужихъ краяхъ (гдѣ, между прочимъ, онъ въ Ноябрѣ 1773 года посѣтилъ Волтера въ его Фернеѣ). Мы не будемъ разсказывать ссору Дора съ Лагарпомъ, кончившуюся, если вѣрить ходившимъ тогда слухамъ (Записки Башомона подъ 24-мъ Апрѣля 1777 г.), дракою, такъ какъ это не представляетъ интереса для Русскихъ читателей. Для біографіи графа Шувалова любопытенъ сообщенный имъ въ этомъ письмѣ фактъ, что, не смотря на двукратное пребываніе его предъ тѣмъ въ Парижѣ въ 1755 и въ 1765 годахъ, онъ не былъ лично знакóмъ съ Лагарпомъ и первый началъ съ нимъ переписку.

Два письма графа А. Р. Воронцова къ Вольтеру.

1.

A Paris, ce 9 juillet 1760.

Si je ne vous ai pas écrit plus tôt, monsieur, pour vous remercier de toutes les honnêtetés que j'ai éprouvées de votre part à Génève; l'espérance de m'aquitter plus tôt de votre commission auprès de m-r de Choiseul me l'a fait retarder, craignant toujours de vous ennuyer, en augmentant ce tas de lettres inutiles dont vous êtes accablé si souvent et qui consument cependant un temps, qui ne peut qu'être précieux au public et à vous-même ayant envie de s'instruire.

L'envie de vous écrire, plus forte que toutes ces considérations, m'y entraîne. Je ne le fais pas dans le dessein de vous engager à faire une pièce contre un parent bizarre, en vous envoyant le plan nécessaire, encore moins des lettres adressées pour m-r Ivanow (qui au fond est un galant homme n'ayant fait d'autre mal connu que celui de prendre un nom supposé et de renvoyer ses créanciers fort mécontens, lesquels viennent lui demander de l'argent). Je ne le ferai donc que pour vous demander la continuation de vos bontés auxquelles je n'aï d'autre droit que cet attachement et admiration que chacun doit avoir pour vous, monsieur, lorsqu'ils ne pensent pas comme les Chaumaix etc.....

J'ai trouvé à mon arrivée à Paris un genre de littérature foudroyante des mauvaises brochures contre les philosophes et gens assez patients pour les lire. On donnera la semaine prochaine aux Italiens «Les Petits Philosophes», suite de celle qui a été donnée au Français et qui aura probablement ainsi que l'autre ses admirateurs. Tout Paris est enchanté du Pauvre Diable. M-r Vadé n'a jamais été aussi plaisant de la vie; on lui saura certainement mauvais gré à l'autre monde

d'avoir pétrifié dans celui-ci, même à sa mort, ce pauvre abbé Trublet qui ne ferme pas les yeux depuis que Catherine Vadé a rendu public l'ouvrage de feu son oncle.

Dès que j'aurai été à Versailles, je ne manquerai pas, monsieur, de m'aquitter de votre commission auprès de m-r Choiseul. J'en suis d'autant plus flatté qu'elle me fournira l'occasion, *sauf à vous ennuyer*, de vous renouveler de nouveau les assurances de l'admiration et du respect avec lequel j'ai l'honneur d'être, monsieur, votre très-humble et très-obéissant serviteur

Comte Alexandre de Woronzow.

Agréez, monsieur, les assurances de mon respect pour madame Dénis. Je viens de recevoir de m-r Alethof, cousin de m-r Kouransky, le discours dont feu m-r Kouransky l'avait fait dépositaire. Je frémis pour tous mes compatriotes, quand je pense que son discours nous attirera la vengeance de tous ceux dont il a eu la témérité de parler. Je n'ai d'autre espérance que celle de trouver dans une étendue comme celle de Riga à la Chine quelques braves Chaumaix et Berthier pour faire face à ceux d'ici.

Переводъ. Парижъ, 9-го Іюля 1760. Я не писалъ къ вамъ раньше, м. г., и не поблагодарилъ за всѣ учтивости, оказанныя мнѣ съ вашей стороны въ Женевѣ, потому что предварительно надѣялся исполнить порученіе вами мнѣ данное къ г-ну Шуазёлю. Я все опасаюсь надоѣсть вамъ, увеличивая кучу безполезныхъ писемъ, которыми такъ часто васъ отягощаютъ и на которыя тратится однако ваше время, драгоцѣнннное для публики и для васъ самихъ, такъ какъ вы желаете поучаться. Увлекаюсь желаніемъ писать къ вамъ, которое превозмогаетъ во мнѣ всѣ эти соображенія. При этомъ у меня нѣтъ въ мысли приглашать васъ къ сочиненію противъ чудака-родственника; я не посылаю вамъ нужнаго для того плана, ниже писемъ, обращенныхъ къ г-ну Иванову (онъ въ сущности порядочный человѣкъ и, сколько извѣстно, виноватъ только въ томъ, что принялъ вымышленное имя и прогналъ своихъ весьма недовольныхъ кредиторовъ, которые являлись къ нему просить денегъ). Итакъ, я стану просить у васъ лишь продолженія вашего благоволенія, на которое единственное право даютъ мнѣ привязанность моя къ вамъ, м. г., и удивленіе, обязательныя для каждаго, коль скоро онъ не держится мыслей г-дъ Шоме и пр.... По пріѣздѣ въ Парижъ нашелъ я особаго рода литературу плохихъ брошюръ, мечущихъ громы на философовъ, и нашелъ людей довольно терпѣливыхъ, чтобы читать эти брошюры. На будущей недѣлѣ у „Итальянцевъ" даютъ „Маленькихъ Философовъ", продолженіе піесы, которая играна у „Французовъ"; она также вѣроятно будетъ имѣть своихъ поклонниковъ. Весь Парижъ въ восхищеніи отъ „Бѣднаго Черта". Г-нъ Ваде никогда въ жизни не былъ

такъ забавенъ; но его вѣроятно не пощадятъ на томъ свѣтѣ за то, что въ здѣшнемъ онъ олицетворилъ бѣднаго аббата Трюбле, который умеръ и который терпитъ тревогу, съ тѣхъ поръ какъ Катерина Ваде обнародовала сочиненіе покойнаго своего дяди. Какъ скоро буду въ Версали, непремѣнно исполню ваше, м. г., порученіе къ г-ну Шоазёлю. Оно мнѣ тѣмъ лестнѣе, что доставитъ случай, лишь бы вамъ не наскучить, къ новому изъявленію удивленія и почтенія, съ коими имѣю честь быть, м. г., вашимъ покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою. Графъ Александръ Воронцовъ. Примите, м. г., увѣреніе въ почтеніи моемъ къ г-жѣ Денисъ. Я получилъ отъ г-на Алетова рѣчь, которую завѣщалъ ему покойный двоюродный братъ его г-нъ Куранскій. Трепещу за всѣхъ моихъ соотечественниковъ при мысли, что рѣчь эта привлечетъ на всѣхъ насъ мщеніе всѣхъ тѣхъ, о комъ онъ имѣлъ дерзость говорить. У меня одна надежда: на пространствѣ отъ Риги до Китая найдутся отважные Шоме и Бертье, способные противостоять здѣшнимъ.

2.

La Haye, ce 11 mai 1767.

Monsieur.

Vous connaissez tout mon respect et mon admiration pour vous; d'après cela vous jugerez aisément de ma sensibilité et combien j'ai été flatté de l'obligeante lettre dont vous m'avez honoré, accompagnée d'un exemplaire des Scithes, que je garderai bien précieusement dans ma bibliothèque. Il serait inutile de dire tout le plaisir que j'ai eu à la lecture de cette tragédie; c'est une sensation que vos ouvrages, monsieur, ont toujours produit, et vous assurer combien elle est vraie, ce serait s'exposer à vous dire une chose que vous êtes accoutumé d'entendre depuis cinquante ans. Je me bornerai donc à vous parler de la belle simplicité avec laquelle tout y est conduit. Je compte avoir la satisfaction de la voir représenter ici bientôt. Nous avons une actrice (m-elle Martin) qui est bien propre à sentir et faire sentir aux autres tout ce qu'*Obéide* a de beau dans son rôle.

Je verrai avec grand plaisir, monsieur, la brochure, dont vous me faites l'honneur de me parler, et où il est question de l'Impératrice. Je voudrais bien vous envoyer de ce pays-ci quelque chose qui en vaille la peine; mais la littérature et la librairie y sont tombées presque tout-à-fait: il n'y a pas trois libraires dans les sept provinces, qu'on puisse opposer à ceux de la rue S-t Jaques; les autres sont des contrefactions des ouvrages qui paraissent ailleurs, le tout rempli de fautes; enfin, tous ces libraires n'ont pas un homme qui sache seulement assez de français et d'orthographe, pour corriger les fautes les plus grossières. Malgré cela les livres se vendent, et beaucoup de bonnes gens, ici et

ailleurs, ont toutes leurs bibliothèques composées de pareilles éditions, sans avoir été à même de se douter seulement qu'elles sont toutes fautives. D'ailleurs, avec cette prétendue liberté de la presse, les ministres, à force de prêcher, sont parvenus à la gêner extraordinairement.

Vous avez appris sûrement les persécutions que le pauvre professeur Gaudio a essuyées à Amsterdam pour avoir écrit quelques balivernes dans le Journal des Savans, lesquelles, par leur absurdité, ne méritaient pas d'être traite si sérieusement.

Je vous renouvelle, monsieur, mes remercîmens pour toutes vos bontés; vous ne devez pas douter de toute ma sensibilité à cet égard, ainsi que du respect avec lequel je suis, monsieur, votre très-humble et très-obéissant serviteur

C. Alexandre de Woronzow.

Переводъ. Гага, 11-го Мая 1767. М. г. Вамъ вполнѣ извѣстно мое уваженіе и удивленіе къ вамъ; поэтому вы легко поймете, какъ тронутъ и польщенъ я обязательнымъ письмомъ, коимъ вы меня почтили, приложивъ къ нему экземпляръ „Скиѳовъ". Бережно сохраню его въ моей библіотекѣ. Безполезно было бы говорить о томъ удовольствіи, которое доставлено мнѣ чтеніемъ этой трагедіи; это ощущеніе всегда производили, м. г., ваши творенія, и увѣрять васъ въ искренности онаго значило бы повторять вамъ, что̀ вы привыкли слышать въ теченіи полувѣка. Скажу вамъ только, что весь ходъ трагедіи отличается прекрасною простотою. Я разсчитываю на удовольствіе скоро увидѣть ее на сценѣ. У насъ есть актриса (мадамъ Мартенъ) способная почувствовать и передать другимъ все что̀ есть прекраснаго въ роли Обеиды. Съ великимъ удовольствіемъ, м. г., прочитаю я брошюру, о которой вы дѣлаете мнѣ честь говорить и въ которой рѣчь идетъ объ Императрицѣ. Мнѣ бы хотѣлось послать вамъ отсюда что-нибудь того стоющее; но здѣшняя литература и книжная торговля почти въ полномъ упадкѣ: въ семи провинціяхъ не насчитаешь трехъ книгопродавцевъ, которые бы можно приравнять къ книгопродавцамъ одной улицы Св. Іакова. Остальные занимаются перепечаткою, и всегда невѣрною, сочиненій появившихся въ другихъ странахъ. Словомъ, всѣ эти торговцы не имѣютъ у себя человѣка знающаго достаточно по-французски и способнаго поправить грубѣйшія орѳографическія ошибки. Не смотря на то, книги продаются, и много добрыхъ людей, здѣсь и въ другихъ мѣстахъ, наполняютъ свои библіотеки подобными изданіями, не подозрѣвая даже, что всѣ эти изданія порченыя. Впрочемъ, при существованіи мнимой свободы печати, министры чрезвычайно стѣсняютъ печать своими предостереженіями. Вы навѣрно знаете о послѣдствіяхъ, которымъ подвергся въ Амстердамѣ бѣдный профессоръ Годіо за пустяки, которые онъ напечаталъ

въ Журналѣ Ученыхъ, и которые по нелѣпости своей не заслуживали, чтобы придавать имъ такую важность. Еще разъ, м. г., благодарю васъ за все ваше благорасположеніе. Вамъ нельзя сомнѣваться въ моей признательности, какъ и въ почтеніи, съ коимъ я остаюсь, м. г., вашъ покорнѣйшій и послушнѣйшій слуга графъ Александръ Воронцовъ.

Примѣчанія.

Первое письмо графа А. Р. Воронцова отъ 9-го Іюля 1760 года писано послѣ посѣщенія имъ Волтера, у котораго онъ былъ въ Іюнѣ того же года. Отвѣтъ Волтера на это письмо отъ 16-го Іюля напечатанъ въ „Архивѣ Князя Воронцова", V, 445. Въ письмахъ этихъ идетъ рѣчь о двухъ произведеніяхъ Волтера: а) Le Pauvre Diable, ouvrage en vers aisés de feu m. G. Vadé, mis en lumière par Catherine Vadé, sa cousine и б) Le Russe à Paris, petit poëme en vers alexandrins, composé à Paris par m. Ivan Alethof, secrétaire de l'ambassade russe.

Второе письмо Воронцова служитъ отвѣтомъ на два письма Волтера отъ 22 и 28 Апрѣля 1767 года, напечатанныя въ „Архивѣ Князя Воронцова", V, 451. Изъ бумагъ Императрицы, помѣщенныхъ въ „Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества" (X, 181), видно, что здѣсь идетъ рѣчь о Волтеровомъ „Lettre sur les panégyriques", за присылку которыхъ она благодаритъ Волтера въ письмѣ своемъ отъ 18 (29) Мая 1767 г. (изд. Бёшо, т. 64, № 5.083).

Годіо (Vincent Gaudio), о которомъ говоритъ Воронцовъ, помѣстилъ въ Амстердамскомъ Journal des Savants (Апрѣль, 1766) статью, направленную противу нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, за что запрещена была продажа этого нумера журнала.

САМОЗВАНЕЦЪ МЕДОКСЪ.

(Для исторіи Русскаго театра).

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ исторія Русскаго театра не выяснила происхожденія нѣкоторыхъ дѣятелей, съ честью послужившихъ для нашего сценическаго искусства. Къ числу таковыхъ лицъ принадлежитъ знаменитый въ свое время Медоксъ, содержатель Московскаго театра съ 1776 по 1805-годъ. Несомнѣнно, что онъ былъ человѣкъ умный и ловкій, но чрезвычайно скрытный и загадочный во всемъ, что̀ касалось его происхожденія. По благодушной Москвѣ ходили слухи, распускаемые, вѣроятно, самимъ же Медоксомъ, что предки его были чистокровнаго, благороднаго происхожденія, переселившіеся изъ Англіи въ Россію давнымъ-давно, еще при Стюартахъ, вслѣдствіе религіозныхъ гоненій. Аристократически-барская Москва въ прошедшемъ столѣтіи способна была возвести генеалогію Медокса даже ко временамъ Ричарда Львиное-Сердце... Но увы! Наши документы вполнѣ разъясняютъ туманную исторію и утверждаютъ, что въ Медоксахъ (потомкахъ упомянутаго Михайла Егоровича Медокса) сохранилось на столько же благородной Англійской крови, на сколько эта кровь текла въ жилахъ благороднаго лорда Дизраэли-Биконсфильда. Это впрочемъ не мѣшаетъ потомкамъ Медокса быть добрыми Русскими людьми, если таковое потомство сохранилось...

Даже наиболѣе правдивый историкъ Русскаго театра П. Н. Араповъ въ своемъ «*Драматическомъ Альбомѣ*» (составляющемъ теперь библіографическую рѣдкость) не могъ съ достаточною ясностью воспроизвести родословное древо Московскаго антрепренёра Медокса. Между прочимъ, онъ упоминаетъ, что въ 1776 году князь Петръ Васильевичъ Урусовъ испросилъ привиллегію (на 10 лѣтъ) содержать въ Москвѣ театръ, съ обязательствомъ непремѣнно построить для него каменное зданіе, причемъ князь Урусовъ взялъ къ себѣ въ товарищи

Англичанина, механика Медокса. Затѣмъ, опредѣливъ національность Медокса, самъ же Араповъ пускается въ догадки относительно происхожденія этого «механика», который старался выдѣлить себя изъ толпы таинственною оригинальностью во всемъ, даже въ костюмѣ: «онъ (т.-е. Медоксъ) обыкновенно носилъ красный плащъ на улицѣ, и поэтому его называли *кардиналомъ;* нѣкоторые полагаютъ, что онъ происходилъ изъ Грековъ (Метакса)» *)...

Почтенный Араповъ жестоко заблуждался, будучи обманутъ Московскими преданіями, которыя, какъ и всѣ преданія, должны входить въ исторію не иначе, какъ послѣ самой строгой повѣрки фактовъ; а таковые утверждаютъ слѣдующее. У механика Медокса были два сына и дочь; послѣдняя вышла замужъ за поручика Степанова, а сыновья, *Павелъ и Романъ Медоксы*, пошли по разнымъ житейскимъ дорогамъ, и Романъ Медоксъ пошелъ очень далеко. Это былъ замѣчательный пройдоха-аферистъ. За какое-то преступленіе, едва ли имѣвшее политическій характеръ, его сослали въ гор. Вятку. Добывъ себѣ фальшивый паспортъ, Романъ Медоксъ убѣжалъ оттуда. Начались розыски. Вотъ при этомъ-то случаѣ, въ 1828 г., шефъ корпуса жандармовъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ (тогда еще не графъ) и оказалъ услугу для Русскаго театра, посадивъ означенное родословное древо на подходящую для него почву; иначе сказать, Бенкендорфъ выяснилъ предъ императоромъ Николаемъ всю шаткость и подложность дворянскаго происхожденія Медоксовъ, по крайней мѣрѣ—изъ древней Англіи...

Такъ какъ Вятская полиція и шефъ жандармовъ имѣли основаніе предполагать, что Романъ Медокъ скрылся изъ города Вятки по направленію къ Ярославлю, то Бенкендорфъ и сообщилъ тамошнему губернатору М. И. Бравину (31 Марта 1828 г., за № 1,344) слѣдующее:

«Милостивый государь Михайло Ивановичъ!

Находившійся въ городѣ Вяткѣ, по Высочайшему повелѣнію, подъ надзоромъ полиціи, *Романъ Медоксъ*, сынъ бывшаго содержателя Московскаго театра, Англинскаго Жида Медокса, въ прошедшемъ Декабрѣ (1827 г.) бѣжалъ, какъ предполагается, съ паспортомъ Вятскаго мѣщанина Александра Мотанцова, выданнымъ 2 Декабря изъ тамошняго Городоваго Магистрата, и подорожною, полученною на сіе имя изъ Уѣзднаго Казначейства.

---

*) „Драм. Альб.", стр. XLIII.

Сей Медоксъ имѣетъ въ Москвѣ сестру въ замужествѣ за отставнымъ поручикомъ Андреемъ Степановымъ, а Тульской губерніи, въ Каширскомъ уѣздѣ, проживаетъ мать его.

Примѣтами Медоксъ: росту 2 арш. до 7 вершковъ; лицомъ бѣлъ и чистъ; волосы на головѣ и бровяхъ свѣтлорусые, рѣдковатые; собою строенъ; когда станетъ говорить, то заикается; отъ роду ему до 35 лѣтъ.

Во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго по всеподданнѣйшему докладу моему, я покорнѣйше васъ, милостивый государь, прошу ускорить со стороны вашей надлежащимъ распоряженіемъ о непремѣнномъ отысканіи и задержаніи помянутаго *Жида Медокса*, буде появится онъ въ ввѣренномъ вамъ управленіи, и о послѣдующемъ не оставить меня въ свое время увѣдомленіемъ. Съ истиннымъ почтеніемъ»... и т. д.

Бенкендорфъ употребилъ именно слово «*Жидъ*», а не болѣе мягкое слово «*Еврей*». На основаніи этого документа, вопросъ о генеалогіи Медоксовъ слѣдуетъ признать рѣшеннымъ окончательно. Осторожный во всемъ, даже въ мелочахъ, Бенкендорфъ не рѣшился бы въ означенной жесткой и, можно сказать, презрительной формѣ выразиться предъ Государемъ о Семитическомъ происхожденіи Медоксовъ, еслибъ у него не имѣлось фактическихъ данныхъ, что Медоксы—Евреи, а отнюдь не «джентльмены», якобы пострадавшіе при Стюартахъ за свои небывалыя «религіозныя убѣжденія». Таковую Еврейскую генеалогію за Медоксомъ признали почти всѣ городскія и земскія полиціи Ярославской губерніи. Отвѣчая на предписанія губернатора (отъ 16 Апрѣля 1828 г., за №№ 2,937—2,956), каждая изъ сихъ полицій донесла, что, «по самымъ тщательнымъ розыскамъ, *Англійскаго Жида* Романа Медокса въ ихъ вѣдомствѣ не оказалось». Но при этомъ розысканіи случился маленькій курьезъ. Мышкинскій городничій Паткуль (подписавшійся такъ: *Падькуль*) призналъ за Медоксами *баронское* достоинство; ибо, не разобравъ хорошенько слово: «Романъ» и принявъ его за слово «баронъ», донесъ губернатору (22 Апрѣля 1828 г. за № 481), что *сколько не* старался въ городѣ Мышкинѣ отыскать и узнать о *мѣстопребываніи барона Медокса, но...*» увы! не отыскалъ. Да и неудивительно, ибо ловкій Еврейчикъ успѣлъ уже пробраться на Кавказъ. Тамъ онъ добылъ себѣ другой поддѣльный документъ, съ которымъ и разыгралъ, какъ самозванецъ, важную роль, чуть ли не флигель-адъютанта, удостоеннаго якобы особымъ довѣріемъ императора Николая I. Однакоже

Государь поступилъ съ самозванцемъ-Евреемъ очень милостиво. Доказательствомъ служитъ циркулярное письмо управлявшаго III Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи, Фонъ-Фока (отъ 27 Апрѣля 1828 г., за № 1,796) на имя того же Ярославскаго губернатора Бравина:

«III Отдѣленіе долгомъ поставляетъ симъ увѣдомить, что послѣ отношенія къ вашему превосходительству г. генералъ-адъютанта Бенкендорфа, отъ 31 прошедшаго Марта, послѣдовавшаго по Высочайшему повелѣнію, объ отысканіи и задержаніи Романа Медокса, получено отъ г. дежурнаго генерала главнаго штаба Е. И. В. извѣщеніе, что сей Медоксъ пойманъ въ Кавказской области съ фальшивымъ видомъ, подъ другимъ именемъ и, по Высочайшему повелѣнію, назначенъ уже солдатомъ въ одинъ изъ батальоновъ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса»... и т. д.

Дальнѣйшая участь Еврея Медокса намъ неизвѣстна. Это очень жаль! Похожденія «Англійскаго Жида, *барона* Медокса», вѣроятно, не уступаютъ «*Приключеніямъ Англійскаго милорда Георга*». По своей генеалогіи, они должны быть въ ближайшемъ родствѣ между собою.

Ярославль.
9 Марта 1886 г.

Ярославскій старожилъ.

ИЗЪ БУМАГЪ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА.

(Выписано въ Государственномъ Архивѣ изъ донесеній князя Потемкина-Таврическаго по управленію ввѣренными ему губерніями).

1.

Финляндскій народъ безполезенъ. Онъ податьми не приноситъ даже на содержаніе правительства. Сія провинція у Шведовъ была бостель [1]) военной милиціи. Для чего бы не обратить сихъ жителей приморскихъ въ матросовъ, коими пятую часть во флотѣ наполнить? Они не имѣютъ достаточной пищи; а тутъ не только сами служащіе будутъ [2]) . . . . хорошо, но и домашнимъ довольно сберегутъ отъ своей порціи.

Многіе собирались на переселеніе. Таковыхъ было уже болѣе пяти тысячъ; полезно бы было хоть пять сотъ человѣкъ позволить мнѣ взять изъ желающихъ осмотрѣть мѣста моихъ губерній, да и во флотѣ хотя сотенъ пять же опредѣлить для знанія службы и выгоднаго содержанія. Я къ сему прибавлю: ежели вамъ бы угодно соединить сіи губерніи къ Петербургской, то бы тогда отъ убавки выиграла казна до ста тысячъ. Подробное учрежденіе службы матросской по апробаціи сдѣлать можно, что̀ и легко.

2.

«Я давно собирался просить о предложеніи прихода въ Россію Славяновъ, какъ-то Черногорцевъ и прочихъ, а теперь увидѣлъ, что они и сами вызывались. Не можно ли сіе произвести въ дѣйство?

3.

Въ новыхъ мѣстахъ монастыри служатъ къ привлеченію народа, то я симъ всеподданнѣйше прошу Вашего Императорскаго Величества повелѣнія быть монастырю на Витовкѣ, что̀ близъ устья Ингула, Спасо-Николаевскому, степенью бывшаго Симонова монастыря; но, состоя подъ архіереемъ Екатеринославскимъ, архимандриту имѣть

---

[1]) Слово намъ неизвѣстное. П. Б.

[2]) Не разобрать.

енголпіонъ и служеніе Печерское. Я тутъ учрежу общество послушническое изъ инвалидовъ, офицеровъ и солдатъ, которому сдѣлать у меня въ губерніи образецъ было уже мнѣ Высочайшее повелѣніе, чему пространный планъ представленъ; въ архимандриты же прошу произвесть находящагося при арміи игумена Моисея, человѣка ученаго и достойнаго.

Князь Потемкинъ-Таврическій.

Іюня 26, 1789. Ольвіополь.

4.

Къ цѣнѣ той, что̀ вы имѣете о построеніи замка въ Осиновой Рощѣ, не изволите ли присовокупить слѣдующее?

Я не вижу ни нужды, ни въ васъ большой охоты воевать противъ зайцевъ и воронъ; да и во всей Европѣ предводить собаками многіе уже отмѣнили. Егерское сонмище стоитъ всегда больше нежели полкъ карабинерный; одна канцелярія съ конторой за десять тысячъ.

Не угодно ли пріятное соединить съ полезнымъ: обратить ихъ въ конный лейбъ-егерскій корпусъ, опредѣля имъ мѣсто въ Осиновой Рощѣ? Они тутъ будутъ содержать гарнизонъ зимній, въ мирное время стрѣлять медвѣдей, тетеревей и зайцевъ, а въ военное бить Шведовъ, умножая число лейбъ-егерей изъ недостаточныхъ дворянъ, коихъ много. Оберъ-егермейстеръ можетъ быть шефъ всѣхъ егерей, и тогда будетъ онъ оберъ-егермейстеръ не по собакамъ. Изъ нихъ-то ему, изъ этихъ егерей, формируются мастера для обученія стрѣльбѣ, и будетъ тутъ школа для всѣхъ въ арміи егерей. Луговъ господскихъ въ Осиновой Рощѣ было довольно: вотъ и сѣно для лошадей. Ежели соизволите апробовать, то здѣсь проектъ штата. Домъ тогда, что̀ строится на Царскосельской дорогѣ, можетъ обращенъ быть на иное употребленіе.

Приложеніе.

На содержаніе оберъ-егермейстерской канцеляріи, оберъ-егермейстера и прочихъ чиновъ.	14.615 р.	4	к.
На егерскую команду....................	9.741 »	46	»
На птичью охоту.......................	7.961 »	28½	»
На псовую охоту.......................	13.505 »	65¼	»
На звѣрей............................	13.851 »	50	»
На музыку............................	5.035 »	—	»
На птицъ и звѣрей при домахъ и садахъ Ея Императорскаго Величества.............	3.703 »	80¾	»
Итого..	68.413 р.	74¼	к.

ПИСЬМО МИНИСТРА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ ГРАФА В. П. КОЧУБЕЯ КЪ ЧЕРНИГОВСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ ФРЕНСДОРФУ.

Получено 9 Марта 1808 года.

Милостивый государь мой Филиппъ Лаврентьевичъ.

На сихъ дняхъ Губернское Правленіе получитъ изъ Правительствующаго Сената указъ, содержащій въ себѣ дозволеніе помѣщикамъ, кто пожелаетъ, дѣлать съ крестьянами ихъ условія, какія найдутъ они лучшими для устроенія сего хозяйства. Сей указъ, изданный по поводу всеподданнѣйшей просьбы дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Сергѣя Петровича Румянцова о подобной сдѣлкѣ съ крестьянами его, Государь Императоръ заблагопризнать изволилъ распространить и на всѣхъ помѣщиковъ.

По непрерывнымъ моимъ съ вашимъ превосходительствомъ сношеніямъ я счелъ нужнымъ предварить васъ, какъ хозяина ввѣренной вамъ губерніи, о содержаніи сего Высочайшаго указа, дабы, зная точную силу его, вы тѣмъ удобнѣе могли опровергнуть неправыя о немъ толкованія, естьлибы, сверхъ чаянія, гдѣ-либо они встрѣтиться могли.

Намѣреніе сего установленія состоитъ въ томъ, чтобы доставить помѣщикамъ способъ отдавать земли свои въ наемъ, или и обращать въ продажу, за выгоднѣйшія цѣны не въ однѣ чужія руки, но и собственнымъ ихъ крестьянамъ, естьли господинъ найдетъ въ томъ свою выгоду и пожелаетъ доставить имъ прочную пользу.

Посему, заключеніе условій съ крестьянами зависитъ отъ расчета и доброй воли ихъ помѣщиковъ, и на право собственно дворянамъ данное оно не можетъ имѣть никакого дѣйствія, естьли сами они не найдутъ въ томъ своей пользы.

Никакъ не предполагается при семъ ослабить порядокъ нынѣ существующій между помѣщиками и крестьянами и ни малѣйшей

перемѣны не вводится въ образѣ укрѣпленія сихъ послѣднихъ. Они должны остаться въ той же точной зависимости и безмолвномъ повиновеніи къ господамъ своимъ, въ каковомъ доселѣ были, и ваше превосходительство не упустите при малѣйшемъ нарушеніи онаго дѣйствовать силою ввѣренной вамъ власти по всей строгости закона, принимая какъ въ семъ случаѣ, такъ и вообще, всѣ мѣры, какія благоразуміе ваше представить можетъ, къ соблюденію тишины и благоустройства, яко главной обязанности мѣстнаго начальства.

Съ истиннымъ почтеніемъ пребываю вашего превосходительства покорный слуга

Графъ Викторъ Кочубей.

№ 918-й С.-Пбургъ, Февраля 27-го 1803 года.

*

У насъ обыкновенно жалуются на то, что благія начинанія и великодушныя мѣры верховной власти бываютъ лишены надлежащей силы и остаются почти безъ примѣненія по милости ближайшихъ исполнителей. Изъ напечатаннаго здѣсь письма (которое получено нами въ современномъ спискѣ) явствуетъ, что зло это вовсе не новое. Знаменитый указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ, въ самое время своего обнародованія, утрачивалъ свое значеніе обязательнымъ для мѣстныхъ властей истолкованіемъ непосредственнаго начальника этихъ властей. Остается вопросъ, не дѣйствовалъ ли въ данномъ случаѣ графъ Кочубей изъ побужденій своекорыстныхъ, будучи самъ Черниговскимъ помѣщикомъ. Читатели „Архива Князя Воронцова“ знаютъ, что этотъ „свободныхъ мыслей коноводъ“ былъ у насъ родоначальникомъ подобнаго рода системы канцелярскихъ обходовъ и толкованій, которой онъ обучился во Франціи, долго живши тамъ во время революціи. Сперанскій былъ только его геніальнымъ ученикомъ. П. Б.

ПИСЬМО СЕНАТОРА ТЕПЛОВА КЪ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ ПОСЛѢ ТИЛЬЗИТСКАГО МИРА 1807 ГОДА *)

При вступленіи вашего императорскаго величества на престолъ, торжественное обѣщаніе, данное вами народу, управлять по духу и сердцу августѣйшей бабки вашей, наполнило сердца вашихъ подданныхъ блистательной надежды и ожиданія и пріобрѣло всеобщую къ вамъ привязанность. Кто могъ безъ восторга взирать на юнаго Монарха, врага роскоши, суетнаго тщеславія, хранящаго святость государственныхъ постановленій, возобновляющаго права сихъ первыхъ подпоръ государства, кои пріобрѣли всеобщее уваженіе? Руководствуясь сими надежными правилами, вы слѣдовали стезею истиннаго величества. Уничтоженіе Тайной Экспедиціи, намѣреніе преобразовать гражданское уложеніе, строгая экономія во всѣхъ излишнихъ издержкахъ, неограниченная щедрость въ награжденіи за все то, что̀ истинно полезно для государства, прибавка жалованья офицерамъ, устроеніе городовъ, портовъ, каналовъ, покровительство и учрежденіе новыхъ человѣколюбивыхъ заведеній, поощреніе наукъ, торговли и промыш-

*) Письмо это найдено въ бумагахъ отставнаго кавалергарда А. Д. Тейльса, умершаго въ городѣ Тулѣ въ 1870 г. Среди бумагъ покойнаго, который повидимому принадлежалъ къ числу масоновъ Александровскаго времени, чаще всего встрѣчаются мистико-масонскіе трактаты, но кромѣ того попадается немало документовъ подобныхъ приводимому здѣсь. Нужно замѣтить, что предки Тейльса играли видную роль въ служебномъ мірѣ, и черезъ ихъ руки проходили иногда весьма интересные документы, съ которыхъ они могли дѣлать копіи. Самъ А. Д. Тейльсъ, имѣвшій большой интересъ къ прошлому, нерѣдко просилъ своихъ знакомыхъ (какъ это обнаруживается изъ его переписки) сообщать ему копіи съ того или другаго документа. Копія съ „письма с. Теплова“ написана стариннымъ почеркомъ, съ ошибками, которыя въ иныхъ мѣстахъ даже препятствуютъ возстановить вполнѣ точныя выраженія документа. С. П.

ленности, милосердіе и справедливость въ управленіи,—вотъ права на всеобщую любовь подданныхъ.

Ваше императорское величество снискали все это въ первыя лѣта вашего царствованія. Въ семъ благополучномъ положеніи учреждены министерства, которыя хотя по существу дѣлъ и были раздѣлены на разные департаменты, но единственный общій комитетъ министровъ, подъ благотворнымъ вліяніемъ Монарха, долженствовалъ быть душою правленія и средоточіемъ всѣхъ властей. Таковое учрежденіе по очевидной пользѣ своей безъ сомнѣнія было пріятно для народа, но послѣдующими постановленіями уничтожено совершенно. Вашему императорскому величеству болѣе всѣхъ извѣстно, сколь много удалилось учрежденіе сіе отъ предмета перваго своего основанія. И сіе дѣло доказываетъ, что при началѣ царствованія вашего вы руководствовались правилами мудрыхъ наставниковъ вашихъ, которые, какъ кажется, къ несчастію, изглажены изъ памяти вашей. Самый опытъ доказываетъ вашему величеству, сколь нужны государю мужество и твердость и сколь опасенъ сей робкій духъ недовѣрчивости и нерѣшимости.

Минута, въ которую осмѣливаюсь призвать ваше величество обратить вниманіе на пользу народа, ввѣреннаго вамъ (представляетъ), можетъ быть, послѣднее средство для предупрежденія ужаснаго бѣдствія любезному отечеству, какъ въ лицѣ перваго повелителя его, равномѣрно и послѣдняго изъ подданныхъ. Уже время, Государь, оставить безпечность. Мудрость не въ томъ состоитъ, чтобы скрывать отъ насъ предстоящія бѣдствія, но въ томъ, чтобы предупредить оныя и, хотя время скрываетъ завѣсою будущее, нельзя быть довольнымъ тѣмъ, что судьба еще не совершилась. Обратите взоры ваши на происходящее во внутренности государства, въ столицахъ вашихъ, даже вокругъ собственной особы вашей; государственными опытами удостовѣрьтесь, что одни низкія души могутъ скрывать бездну, разверстую предъ вами. Соединенныя усилія мудрости, осторожности и любви къ отечеству токмо могутъ исторгнуть Россію изъ бездны, въ которую надменность, невѣжество министровъ и всеобщее развращеніе нравовъ ее ввели. Блистательный вѣкъ славы, когда Россіяне издавали всѣмъ законы, хотя уже и прошелъ, но сыны Россіи скорѣе рѣшились бы пожертвовать послѣднею каплею крови, нежели столь постыднымъ образомъ преклонить выю подъ иго того, который имѣлъ только то преимущество, что воспользовался слабостью, нахальствомъ, невѣжествомъ и измѣною. Никогда бы я не дерзнулъ быть голосомъ, изрекающимъ ужасныя истины, еслибъ не имѣлъ вмѣстѣ съ симъ предложить средство къ облегченію, — всеобщее негодованіе,

столь ясно выражающее духъ народа. Ежели будете шествовать по блистательной дорогѣ, проложенной вашими знаменитыми предками, позвольте, Государь, по усердію моему, напомнить вамъ священную обязанность вашу, позвольте говорить съ тою откровенностью и безпристрастіемъ, которыхъ имѣете ожидать отъ вашего вѣрноподданнаго, позвольте представить въ настоящемъ видѣ государство и напомнить вамъ общія бѣды его. Ежели Ваше Императорское Величество удостоите обратить взоръ вашъ на дѣйствіе сего правленія, то какая ужасная картина всеобщаго разстройства въ государствѣ представится очамъ истиннаго сына отечества!

Моровая язва опустошила Грузію; возмущеніе всѣхъ кочующихъ, всеобщее прекращеніе внутренней и внѣшней торговли, неповиновеніе Уральскихъ казаковъ и работниковъ на Пермскихъ заводахъ; крестьяне въ Нѣмецкихъ провинціяхъ ожидаютъ перваго знака къ бунту; новый союзникъ вашъ не довольствуется тѣмъ, что проникъ въ тайны кабинета вашего и что умѣлъ обольстить изъ приближенныхъ къ вамъ, но и по самымъ отдаленнымъ провинціямъ имѣетъ лазутчиковъ, которые, какъ уже вамъ извѣстно, были открыты и представлены Вашему Величеству, и часто тѣмъ обнаруживаются коварные его замыслы, на пагубу нашего отечества совершаемыя и которыя война въ Испаніи заставила его на нѣкоторое время отложить. Польскіе крестьяне, ободренные примѣромъ своихъ соотечественниковъ, также желаютъ расторгнуть цѣпи, ихъ удручающія; Крымскіе Татары готовы соединиться съ Турками; необыкновенная дороговизна въ столицахъ; голодъ въ пограничныхъ губерніяхъ; недостатокъ людей отъ рекрутскихъ наборовъ и милиціи отъ Сѣвера къ Югу во всѣхъ губерніяхъ; податные отягощены и разорены податями и налогами; дворяне, духовные, купцы, крестьяне—всѣ ропщуть, во всѣхъ одинакое чувство негодованія и отчаянія. Единому терпѣнію должно приписать спокойствіе народа, чѣмъ народъ Россійскій издревле отъ прочихъ отличаемъ. При истощеніи финансовъ, патріотическія пожертвованія, собранныя уже по окончаніи войны, истрачены безъ пользы; чрезвычайное умноженіе ассигнацій; средства къ уменьшенію государственныхъ долговъ всѣ уничтожены; безпрестанныя разоренія крестьянъ; настоящія государственныя потребности ненасытной алчностью грабителей расхищены, которыхъ само правительство ободряетъ.

Армія потеряла прежній духъ и свои чувства, видя, что пролито столь много крови безполезно; она не имѣетъ начальниковъ, къ которымъ могла бы имѣть истинную довѣренность и презираетъ тѣхъ, коихъ личная привязанность и благосклонность Монарха возвели въ

достоинство, а не заслуги, и притомъ видя себя побѣждаемою и принужденною отступать на самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде въ маломъ числѣ, подъ предводительствомъ Румянцова, Репнина и Суворова, поражала тмочисленныя непріятельскія ополченія. Вновь укомплектованная рекрутскими наборами армія — безъ повиновенія, безъ правилъ настоящаго устройства и, наконецъ, терпитъ попеременный недостатокъ то въ оружіи, то въ военныхъ снарядахъ, то въ провіантѣ. Милиція, обманутая въ торжественномъ обѣщаніи, бывъ образована только на время войны, напослѣдокъ употреблена на укомплектованіе арміи, какъ обыкновенные рекруты. Обѣщаніе Монарха, торжественно данное подданнымъ своимъ, должно быть соблюдаемо столь же свято, какъ клятвенное обѣщаніе подданнаго...

Морскія наши силы еще болѣе разстроились, нежели армія. Вмѣсто флота мы имѣемъ одну только эскадру, и морской департаментъ заслуживаетъ сіе имя только потому, что стóитъ государству чрезвычайныхъ и безполезныхъ издержекъ. Сенявинъ, заслужившій своею храбростью и поведеніемъ всеобщее уваженіе народа, притѣсняемъ и нетерпимъ потому только, что онъ воспитанникъ Мордвинова, того Мордвинова, который любитъ говорить правду Монарху. Въ тѣхъ моряхъ, гдѣ властвовалъ Россійскій флотъ, нынѣ Россійскій флотъ не можетъ показаться.

Департаментъ иностранныхъ дѣлъ управлялся при заключеніи мира иностранцемъ же. Оставлено отечеству, по крайней мѣрѣ, то утѣшеніе, что не-русскаго имя покрыто будетъ вѣчнымъ посрамленіемъ. Духовныя правленія навлекли на себя пренебреженіе народа ненавистью и ругательствомъ. *Сколько они требовали отъ него патріотизма противъ врага отечества!*

Ежели внутреннее положеніе Россіи возбуждаетъ справедливое негодованіе, то внѣшнія отношенія ея не представляютъ ничего утѣшительнаго. Уже нѣтъ болѣе у насъ союзниковъ; всѣ они обольщены тщетными обѣщаніями и оставлены безъ всякаго вниманія. Государи и народы Австріи, Швеціи, Пруссіи, короли Неаполитанскій и Сардинскій, фамилія Бурбоновъ, Греки, Черногорцы, Славяне однимъ словомъ всѣ имѣютъ неоспоримое право. . . . . *) намъ сіи укоризны, между тѣмъ какъ война съ Турками производится такъ, какъ будто только теперь началась и съ великою потерею для насъ какъ людей, такъ и денегъ; въ Персіи также продолжается безъ всякаго успѣха. Европейскіе народы угрожаютъ намъ важными безпокойствами; Наполеонъ же, слѣ-

*) Въ копіи пропускъ.

дуя обыкновенной своей методѣ, пронырствами своими старается привесть въ распутство всѣ части въ государствѣ, будучи готовъ напасть съ открытою силою; его силы безпрестанно увеличиваются, наши же силы лишаются способовъ противостоять ему.

И такъ мы отреклись отъ перваго достоинства нашего, отъ прежнихъ нашихъ союзниковъ, отъ надежды кончить войну побѣдою; намъ предстоятъ военныя беспокойства, пожертвованія и опасности.

Вотъ, Государь, ужасное, но вѣрное изображеніе нашего критическаго положенія. Государство достигло почти до верха возможныхъ несчастій; но средство къ поправленію еще въ нашихъ рукахъ. Первѣйшее преимущество есть всегда быть выше обстоятельствъ, посреди самыхъ величайшихъ бѣдствій. Петръ сдѣлалъ сіе признаніе основаніемъ славы своей и благосостоянія народа. Государь, будьте столь же велики, какъ и ваши предмѣстники; кормило правленія должно быть въ рукахъ героя. Въ настоящихъ обстоятельствахъ нужно мужество. Государь, украсьтесь добродѣтелями наслѣдственнымъ вашей фамиліи, послѣдуйте августѣйшей вашей бабкѣ, имѣйте неограниченную довѣренность, совершенную привязанность и предпочитайте всему народъ вашъ; отдалите отъ себя толпу иностранцевъ, которые, подобно вранамъ, питаются ранами отечества нашего. Вы всего можете ожидать отъ истинныхъ Русскихъ; одушевитесь ихъ духомъ и будьте сильны ихъ силою, ихъ мужествомъ. Гордитесь славой ихъ, и признательное потомство можетъ еще причислить васъ къ числу великихъ государей, на пользу отечества царствовавшихъ. Положитесь болѣе всего на дворянство, на сію истинную подпору отечества нашего, на то сословіе, которое всегда поставляетъ преимуществомъ пролить кровь за отечество. Да, мы признаёмъ Государя своимъ покровителемъ и гордимся его довѣренностію; въ сей взаимной довѣренности Государя къ дворянству и дворянства къ Государю найдете надежные способы соединить членовъ правленія. Одушевите ихъ своимъ духомъ и стремленіемъ къ одному предмету, и тогда каждый гражданинъ поставитъ обязанностію и честію всѣми силами содѣйствовать общему благу; тогда прекратятся всѣ ужасныя пронырства, и правительство восприіемлетъ дѣятельность и счастливое согласіе во всѣхъ частяхъ. А безъ того самые величайшіе геніи ничего не могутъ предпринять для благосостоянія государства.

Сообщилъ **С. А. Петровскій.**

ТУРЕЦКІЙ ДОКУМЕНТЪ ИЗЪ ЭПОХИ ГРЕЧЕСКАГО ВОЗСТАНІЯ.

1821-й годъ былъ, какъ извѣстно, роковымъ для Османскаго величія. Звѣзда завоевателей Константинополя и Греціи поблѣднѣла отъ возстанія Грековъ. Самолюбію, самомнѣнію, гордости этихъ дотолѣ счастливыхъ представителей мусульманскаго міра нанесенъ былъ Второю Гетеріей неожиданный и жесточайшій ударъ. Турки, избалованные и убаюканные военными удачами, очнулись подъ этимъ толчкомъ, предвѣстникомъ ихъ постепеннаго упадка, и море народныхъ страстей забушевало. Ревнители древней славы Османскаго племени и ученія Пророка подняли знамя сопротивленія, и до сихъ поръ доказывающаго (что бы ни говорили) всю упругость живучихъ силъ своихъ. Между прочимъ, бывшій въ то время, кажется, великимъ рефендаріемъ (бейликчи) Порты, въ послѣдствіи министръ иностранныхъ дѣлъ, Акифъ-паша составилъ и далъ подписать всѣмъ главнымъ чинамъ Дивана адресъ, въ которомъ онъ, именемъ Бога, Пророка и національной чести, призывалъ, не только однихъ своихъ соплеменниковъ, но и всѣхъ единовѣрцевъ ополчиться противъ невѣрныхъ вообще, а въ особенности противъ *нечестивыхъ* Московъ, прямыхъ, какъ онъ выражается, виновниковъ Греческаго возстанія.

Прославившееся въ Турціи перо автора не можетъ быть оцѣнено по достоинству при чтеніи моего подстрочнаго перевода. Постоянно возвращаясь къ однимъ и тѣмъ же возгласамъ и оговоркамъ, къ однимъ и тѣмъ же проклятіямъ и заклинаніямъ, рѣчь его можетъ показаться Русскому читателю приторною, даже дикою, какъ скандованное напѣваніе уличнаго дервиша-фанатика, обрекающаго гибели, земной и небесной, все немусульманское населеніе земнаго шара и до хрипоты призывающаго на гяуровъ громы небесной кары; а потому напрасно искать въ представляемомъ документѣ красотъ обработаннаго, въ нашемъ смыслѣ, слога. Но рѣчь Акифа несомнѣнно утратила бы въ Европейской переработкѣ всю свою суровую силу, весь мѣстный колоритъ; и потому, чтобы не впасть въ подобную ошибку, я сохранилъ, во всей его цѣльности, тотъ своеобразный наборъ словъ и повтореній, къ которымъ, въ данномъ случаѣ, когда шопотомъ, а когда и громогласно, прибѣгаютъ мусульмане, совершенно одинаково и на площадяхъ, и въ кабинетѣ историка, и въ самыхъ высшихъ правительственныхъ сферахъ, для изліянія своей ненависти и своего презрѣнія къ народамъ, не покорившимся Исламу.

М. Гамазовъ.

10-го Апрѣля 1886.

Произведеніе пера покойнаго Акифа-паши 1238 хиджры=1822.

Переводъ съ Турецкаго.

Всѣмъ и каждому извѣстно, что правовѣрные естественные враги гяуровъ и что если бы только отъ нихъ зависѣло, они посѣкли бы мечами всѣхъ нечестивыхъ, сущихъ на лицѣ земли. Извѣстно также, что и всѣ нечестивые народы, съ своей стороны, сбрасывая съ себя по временамъ личину дружбы, надѣваемую ими по разсчетамъ, обнаруживаютъ всю ненависть и вражду, которыми они преисполнены къ мусульманамъ и употребляютъ всѣ зависящія отъ нихъ, но тщетныя усилія, чтобы (не приведи Богъ) стереть ихъ съ лица земли.

Хотя, съ начала появленія Ислама и до послѣднихъ дней, Господь Богъ не оставляетъ его поклонниковъ своими милостями, даруя имъ торжество надъ врагами; но вслѣдствіе ошибокъ, которымъ, съ нѣкоторыхъ поръ, стало подвергать ихъ роковое стеченіе обстоятельствъ, многія племена, исповѣдующія Исламъ, были завоеваны гяурами и очутились подъ ихъ властью. Претерпѣваемая ими бѣдственная участь была послѣдствіемъ того небреженія, съ которымъ они относились къ долгу своему—забывать о своемъ спокойствіи для торжества вѣры, ими исповѣдуемой, и вести священную войну съ невѣрными, признавать ихъ своими врагами и не давать ихъ проискамъ и кознямъ вводить себя въ обманъ, а тѣмъ самымъ и навлекли на себя Божеское наказаніе. Эти сотни тысячъ мусульманъ, находящіяся подъ владычествомъ Московъвъ въ Казани, Крыму и другихъ краяхъ, это безчисленное мусульманское народонаселеніе Индіи, мало-по-малу подчиняемое Англіею, мусульмане Тлемсена, подпавшіе подъ власть Испаніи *), и другіе, всѣ до послѣдняго, только этой причинѣ обязаны своею бѣдственною судьбою. Гяуры же, съ каждымъ днемъ все болѣе увеличивая мѣры своей надменности и своихъ злыхъ умысловъ, мечтаютъ забрать когда-нибудь въ свои руки (отъ чего упаси Боже) весь мусульманскій міръ! Даже Англичане, которые кажутся болѣе другихъ мягкими по отношенію къ мусульманамъ, присосѣдившись съ нѣкотораго времени, къ богохранимымъ владѣніямъ Османской имперіи, изъ подтишка замышляютъ, по слухамъ, присвоить Еменскій край!

---

*) Тутъ авторъ, вѣроятно, что-нибудь перепуталъ въ пылу своего озлобленія: Тлемсенъ, этотъ нѣкогда цвѣтущій городъ мусульманскаго міра, былъ у Испанцевъ въ вассальномъ подчиненіи до половины XVI столѣтія; но съ 1553 и до 1842 года, когда Французы имъ окончательно завладѣли, Тлемсенъ былъ постоянно въ неоспариваемой никѣмъ власти мусульманъ, сначала Турокъ, а за тѣмъ Марокинцевъ. *Прим. перев.*

Непозволительно, поэтому, предполагать съ ихъ стороны какихъ-либо добрыхъ намѣреній, по отношенію къ странамъ и народамъ мусульманскимъ. Въ особенности же Московы, эти болѣе всѣхъ другихъ заклятые враги и ненавистники вѣры махоммеданской и несокрушимой Османской имперіи, въ высшей степени возгордились тѣмъ позорнымъ положеніемъ, въ которое, неисповѣдимою волею Провидѣнія, мы были поставлены въ прошлыя войны отсутствіемъ стойкости и патріотизма въ войскахъ мусульманскихъ, до того, что возмечтали о завладѣніи нашимъ государствомъ. Задавшись нелѣпою мыслію привести въ исполненіе свое коварное предначертаніе, вотъ уже 45-ть лѣтъ, безъ всякаго уваженія къ трактатамъ и договорамъ, неустанно изобрѣтаютъ они разные предлоги и ухищренія, чтобы ссориться и воевать съ нами. Какъ бы то ни было, по окончаніи послѣдней войны, озабоченные по волѣ Божіей, борьбою съ Бонапартомъ, хотя и заключили они съ высокою Портою миръ, захвативъ при этомъ множество Турецкихъ земель и поставивъ нѣсколько условій, вредныхъ для интересовъ нашего правительства, коварные гяуры эти вовсе не имѣли въ виду настоящаго мира, такъ какъ большая часть статей мирнаго трактата и въ особенности та, которая касается очищенія Анатоліи, ими не была выполнена. Сверхъ того, посланникъ ихъ, по прибытіи своемъ въ Константинополь, не удостоивъ соблюсти обычаевъ представительства, тотчасъ же заявилъ разныя притязанія и трудно выполнимыя требованія, а въ числѣ ихъ одно изъ самыхъ оскорбительныхъ, а именно предложеніе признать Сербію чуть не государствомъ!

Высокая Порта, въ желаніи своемъ выиграть время, необходимое для того, чтобы укрѣпиться, увеличить и дополнить военные запасы и сооруженія въ императорскихъ крѣпостяхъ, устроить, наконецъ, другія нужныя заготовленія, старалась затянуть переговоры, сдѣлавъ, при этомъ, волею или неволею, уступки по нѣкоторымъ менѣе важнымъ пунктамъ. Но все это оказалось безполезнымъ, такъ какъ въ промежуткѣ вдругъ вспыхнуло возстаніе Грековъ, подготовленное Московами для достиженія ихъ злодѣйскихъ цѣлей. Всѣмъ извѣстно какъ то, что этотъ бунтъ былъ возбужденъ сими послѣдними, такъ и то, въ какомъ положеніи находится дѣло это въ настоящее время, и потому нѣтъ надобности входить въ подробности.

Для всѣхъ имѣющихъ глаза очевидно, что Греческій народъ дерзнулъ возстать въ нелѣпыхъ мысляхъ, освободивъ себя отъ положенія райи т.-е. изъ подданства Турецкаго правительства, завладѣть принадлежащею имперіи страною, которую онъ называетъ своимъ древнимъ отечествомъ и сдѣлать изъ нея независимое государство. Московское же правительство, подговоривъ Грековъ къ возстанію и по-

могая имъ, ребячески воображаетъ, съ одной стороны, послужить своей неправой вѣрѣ, съ другой, весьма натурально, заручившись благодаря этой помощи, вліяніемъ на Грековъ, безъ труда захватить въ руки свои Османскую имперію. Дознаніями, въ послѣднее время, выяснено, что для подготовленія этого возстанія уже 30-ть лѣтъ тому назадъ начались тайныя сношенія между Московами и Греками, и только дожидались благопріятнаго случая. Какъ бы то ни было, полагая, что теперь наконецъ онъ представился, что мусульмане, предаваясь удовольствіямъ, забыли всякую осторожность и что, захвативъ ихъ въ расплохъ, легко будетъ выместить на нихъ давнишнюю злобу свою, Греки возстали; но, слава Богу, высокое правительство быстро справилось, сдѣлавъ на скорую руку и въ возможной степени всѣ необходимыя распоряженія, причемъ министры съ единодушіемъ поспѣшили принять зависящія мѣры, и Всевышній, до сихъ поръ, не допустилъ осуществиться предначертаніямъ гяуровъ такъ легко, какъ они воображали. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ до сихъ поръ не удалось еще побороть упорства, обнаруживаемаго бунтовщиками такихъ мѣстъ какъ Морея и Критъ, истребивъ ихъ мечомъ всѣхъ до послѣдняго, возмущеніе съ каждымъ днемъ все усиливается и обостряется. Съ другой стороны, Европейскія державы, какъ послабленіями, такъ и явнымъ содѣйствіемъ, стараются поддерживать притязанія Московъ. Такимъ образомъ, когда въ началѣ возстанія, Московскій посланникъ *), въ намѣреніи усугубить враждебную намъ силу, хотѣлъ выѣхать изъ Константинополя, и Порта готовилась уже, въ случаѣ если Россія объявитъ войну, засадить его въ Семибашенный замокъ, дабы не выпустить его изъ рукъ своихъ, посланники другихъ странъ заступились разными доводами за права его, и Порта вынуждена была уступить.

Когда получено было отъ нея согласіе безмолвно допустить его къ выѣзду, Англійскій и Австрійскій посланники, послѣ переговоровъ, слѣдовавшихъ одни за другими, заявили о своемъ призваніи быть посредниками въ этомъ дѣлѣ и настаивали на принятіи Портой четырехъ требованій Россіи, а именно: свободнаго для Грековъ отправленія попрежнему обрядовъ ихъ неправой религіи, производства слѣдственныхъ дѣлъ надъ подсудимыми, исправленія разрушенныхъ церквей и, вмѣстѣ съ очищеніемъ отъ Османскихъ войскъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, назначенія въ нихъ воеводъ. Порта согласилась, наконецъ, на три первые пункта; что же касается вопроса о княже-

---

*) Баронъ Григорій Александровичъ Строгановъ, за свою твердость въ этомъ случаѣ получившій позднѣе, по воцареніи Николая Павловича, наслѣдственное графское достоинство. П. Б.

ствахъ, она отложила его рѣшеніе, поставивъ оное въ зависимость отъ обстоятельствъ и времени. Сдѣлавъ уступку эту, Порта съ своей стороны потребовала, чтобы Московы, въ исполненіе условій трактата, очистили Анатолію и выдали военноплѣнныхъ. На это посланники заявили, что Порта должна прежде удовлетворить требованіямъ Россіи и что если, наконецъ, будетъ согласно съ ними разрѣшенъ и вопросъ, касающійся княжествъ, то они болѣе не сдѣлаютъ никакихъ возраженій и отвѣчаютъ за то, что, въ этомъ случаѣ, правительства ихъ будутъ ея ходатаями и понудятъ Россію исполнить и ея требованія. Вслѣдствіе этого, единогласно было рѣшено въ государственномъ совѣтѣ исполнить и требованія, касавшіяся княжествъ, согласно надеждамъ тѣхъ членовъ онаго, которые полагали устранить этимъ путемъ всѣ хлопоты съ Московами. Притязаніямъ Европейцевъ однако не былъ этимъ положенъ конецъ. Они старались отыскать почву, которая послужила бы для нихъ предлогомъ къ достиженію ненавистнаго предмета, составлявшаго главную цѣль Московов. Между прочимъ, представитель Англіи требовалъ, чтобы Порта обратилась къ союзнымъ державамъ съ нотами, въ которыхъ излагалось бы содержаніе послѣднихъ переговоровъ, и чтобы въ нихъ было сказано именно то-то и то-то. Но такое требованіе повело бы къ результатамъ вполнѣ соотвѣтствовавшимъ видамъ Россіи, такъ какъ подобныя ноты послужили бы документами, равносильными договору о райяхъ, который несомнѣнно вызвалъ бы всякаго рода замѣшательства и неурядицы. Министры единогласно постановили не принимать этого предложенія Англійскаго посланника и въ послѣдней нотѣ, съ которою они къ нему обратились, заявили, что не дозволятъ никакому правительству вмѣшиваться въ ихъ внутреннія дѣла и что еслибъ Порта и допустила съ своей стороны такое вмѣшательство, то противъ него былъ бы весь народъ мусульманскій. Получивъ этотъ отвѣтъ, Англійскій посланникъ выѣхалъ; Австрійскій, по случаю своего отозванія, также готовъ былъ за нимъ послѣдовать. Московы, ни на одну минуту не упускавшіе изъ виду своихъ злыхъ замысловъ по отношенію къ высокому правительству, пріобрѣли теперь новыя силы для своего высокомѣрія, и Русскій императоръ и его министры, давшіе Греческому народу, десять лѣтъ тому назадъ, слово доставить ему свободу, подали ему знакъ къ возстанію и устроили дѣло такъ, что и другія державы, волею или неволею, стали дѣйствовать съ ними за одно. Даже Англія, на содѣйствіе которой Порта возлагала надежды въ дѣлахъ своихъ, и та, неизвѣстно по какимъ причинамъ, измѣнила свое поведеніе и направила усилія свои на поддержаніе плановъ Россіи. Англійскій посолъ, отправляясь въ Вѣну, гдѣ государи Россіи, Австріи и Пруссіи и пре-

зиденты Англіи и Франціи и др. должны на дняхъ собрать коммиссію, гласно говорилъ, что онъ туда отправляется собственно для переговоровъ по Греческимъ дѣламъ Порты.

Что возмутившіеся подданные до сихъ поръ упорствуютъ въ своемъ возстаніи единственно потому, что опираются на тайную и явную поддержку и силу Московъ и другихъ націй и что высокомѣріе ихъ и отказъ молить о пощадѣ (объ амнистіи) не имѣютъ другаго значенія какъ намѣреніе выждать исполненія тѣхъ обѣщаній, которыя имъ дала Россія добиться ихъ освобожденія,—все это достаточно обнаруживается какъ изъ положенія самаго дѣла, такъ равно и изъ многихъ ходящихъ слуховъ. Можно, поэтому, судить, какую важность представятъ для Порты тѣ притязанія и тѣ предложенія на счетъ Грековъ, которыя будутъ, въ близкомъ будущемъ, предъявлены на упомянутыхъ конференціяхъ союзныхъ державъ. Нельзя и представить себѣ, чтобы гордые своимъ могуществомъ и своими силами, проникнутые враждою къ правовѣрнымъ, гяуры, рѣшаясь войти съ такими предложеніями и объявляя о назначеніи конференціи по этому дѣлу, отнеслись съ уваженіемъ къ отвѣту, который послѣдуетъ отъ высокаго правительства. Развѣ только единый Богъ окажетъ милость свою къ благословенному народу нашему! Но какъ бы далеки ни были мы отъ потери надежды на милосердіе и на покровительство Всевышняго, мы все же обязаны руководствоваться указаніями и разума, и закона, предписывающими мусульманамъ подумать о послѣдствіяхъ нынѣшняго положенія дѣлъ и принять зависящія мѣры къ сопротивленію и отраженію нападенія, а затѣмъ уже возложить свои упованія на неисповѣдимыя силы небесныя.

Въ настоящую минуту Европейцы единогласно объявляютъ намъ, что если мы такъ то и такъ-то устроимъ дѣло Грековъ, то они заставятъ ихъ просить у насъ пощады: если же мы этого не сдѣлаемъ, то Греки не будутъ имѣть возможности довѣряться высокому правительству, а не довѣряясь ему, они не могутъ и просить пощады, что́ конечно поведетъ къ нескончаемой борьбѣ, которая не только нанесетъ разгромъ основамъ общества и торговымъ дѣламъ, но и вынудитъ насъ, говорятъ они, взять въ свои руки судьбу осужденныхъ мечу Греческихъ единовѣрцевъ нашихъ. Однимъ словомъ, если Порта приметъ предложеніе наше, то тѣмъ лучше; въ противномъ же случаѣ мы должны будемъ освободить Грековъ. Такимъ образомъ высокому правительству предстоитъ выбрать одно изъ двухъ: или, сохрани Богъ, согласиться на сдѣланное предложеніе, или, возложивъ надежды на Его святую милость, отвергнуть оное и дать отпоръ. Но дѣло въ томъ, что какъ то́, такъ и другое представляется затруднительнымъ: потому что намѣренія

Европейцевъ и Москововъ заключаются нынѣ въ томъ, чтобы, если Греки, встрѣтивъ въ нынѣшнемъ возстаніи сопротивленіе со стороны высокаго правительства, не достигнутъ своихъ цѣлей, доставить имъ исполненіе ихъ надеждъ, впослѣдствіи, другими путями; въ ожиданіи же случая привести внезапно въ исполненіе свои планы, ограничиться на этотъ разъ требованіемъ, чтобы Грекамъ предоставлены были льготы одинаковыя съ тѣми, которыми пользуются подданные Сербіи, Молдавіи и Валахіи; а между тѣмъ самыми легкими изъ этихъ позорныхъ льготъ являются права: 1 откупиться разомъ отъ всѣхъ народныхъ повинностей, 2 свободно исполнять обряды ихъ неправой религіи, 3 производить судъ и расправу надъ подсудимыми такъ, что впредъ, если бы кто изъ Грековъ заслуживалъ наказанія по мѣсту своего жительства, Русскому посланнику предоставлено было бы разъяснять дѣло, оставляя въ сторонѣ права, которыя мусульмане имѣютъ на Грековъ и т. п. Примемъ мы теперь эти условія, завтра же явится въ Константинополь Русскій посланникъ, а въ провинціи—Русскіе консулы и станутъ требовать, какъ назначенія консуловъ и драгомановъ во всѣ мѣста, даже во всѣ деревни, обитаемыя райями, такъ и присутствія своихъ драгомановъ при разбирательствѣ дѣлъ, которыя никогда не переводятся въ судахъ нашихъ и полицейскихъ участкахъ. Очевидно, что Россія не успокоится, если встрѣтитъ на этомъ пути препятствія и будетъ упорно настаивать на исполненіи упомянутыхъ условій; а быть вынужденными, не приведи Богъ, согласовать свои дѣйствія съ этими послѣдними значитъ, просто-на-просто, обратить Грековъ въ Москововъ и собственными руками отдать этимъ послѣднимъ всю Имперію. Скажутъ, что во избѣжаніе этого, можно склониться на болѣе легкія условія; но такъ какъ и тутъ нельзя было бы избѣгнуть открытаго вмѣшательства Русскихъ, то поставленные нами совершенно на одну ногу съ Сербами, (до сихъ дней дозволяющими себѣ самыя предосудительныя дѣйствія) Греки конечно поведутъ себя точно такимъ же образомъ. Но дѣло въ томъ, что Сербы составляютъ собою сплошную національную массу, обитающую въ странѣ съ опредѣленными границами, тогда какъ Греки разсыпаны по всему пространству императорскихъ владѣній и перемѣшаны съ мусульманами, и потому неудобство и вредъ, которые произойдутъ отъ ихъ освобожденія, будутъ во сто разъ значительнѣе Сербскихъ. Едва пройдетъ нѣсколько лѣтъ такого положенія—и между Греками снова вспыхнетъ возстаніе, съ которымъ мусульмане, не приведи Богъ, не будутъ, пожалуй, какъ теперь, въ состояніи совладать; тогда легко себѣ представить, какой опасности можетъ подвергнуться и государство наше, и вся нація. Позволяетъ ли, поэтому, законъ нашъ принять безъ войны упомяну-

тыя вздорныя предложенія, столь вредныя для насъ по своимъ послѣдствіямъ, столь унизительныя для нашей свѣтозарной вѣры? Было ли бы это согласно съ волей Бога и Его Посланника? Не заслужили ли бы мы тѣмъ отвращеніе и проклятіе, до самаго воскресенія мертвыхъ, отъ тѣхъ народовъ мухаммеданскихъ, которые придутъ послѣ насъ? Да и можемъ ли мы заставить весь мусульманскій міръ подчиниться такому положенію! Тутъ уже нельзя сомнѣваться.

Нѣтъ сомнѣнія также и въ томъ, что отказъ нашъ принять предложеніе Европейцевъ и настойчивость съ ихъ стороны поведутъ къ объявленію намъ войны, и тѣмъ поставятъ насъ въ крайнее затрудненіе. При томъ положеніи, въ которомъ находятся наши внутреннія дѣла, наше войско, наши финансы, военные запасы и продовольственная часть, представляется немыслимымъ и совершенно невозможнымъ, чтобы мы могли оказать сопротивленіе такимъ врагамъ, какъ эти сильныя державы. А потому, и съ этой стороны, грозитъ намъ опасность, отъ которой да сохранитъ насъ Господь Богъ! Единственное наше спасеніе заключается въ томъ, чтобы всѣ мусульмане, отъ мала до велика, пошли противъ непріятеля съ сердечною рѣшимостью вести *священную войну* и чтобы всѣ министры Имперіи, ставъ передъ войсками, какъ это было и въ прежнія войны, и ободрительно крикнувъ: «а ну-ка, посмотримъ!» бросились вмѣстѣ съ ними на врага, такъ чтобы весь міръ Ислама заволновался!

Да! Только такимъ образомъ мы можемъ, съ помощью Бога, восторжествовать надъ гяурами и побѣдить ихъ всѣхъ! Но будутъ ли въ возможности дѣйствовать такъ всѣ исповѣдующіе Исламъ? Ну а если окажется противное? Вотъ вопросъ, отъ котораго приходишь въ страхъ и смятеніе. Такимъ образомъ и оказывается, что какъ то, такъ и другое рѣшеніе, одно затруднительнѣе другаго, и оба угрожаютъ разнородными опасностями и гибельными послѣдствіями, и потому надо, теперь же, здраво обсудить всѣ обстоятельства, для того чтобы знать, на которомъ изъ нихъ намъ выгоднѣе остановиться и чтобы въ данную минуту, когда, предъявивъ свои предложенія, союзныя державы будутъ настойчиво торопить насъ отвѣтомъ, мы не потеряли голову и въ смущеніи нашемъ не надѣлали ошибокъ. Мы должны заблаговременно и сообща рѣшить, какъ распорядиться въ этомъ случаѣ, какія мѣры принять и дѣйствовать согласно съ такимъ рѣшеніемъ, не нуждаясь въ дальнѣйшихъ преніяхъ и переговорахъ.

Вслѣдствіе сего, разобравъ съ особеннымъ вниманіемъ и величайшею тщательностію вопросъ этотъ, во всѣхъ его подробностяхъ, съ самаго его возникновенія и до настоящей минуты, мы, въ качествѣ вѣрныхъ слугъ высокаго и незыблемаго государства нашего, то-

ликими дарами насъ облагодѣтельствовавшаго, въ качествѣ особенно сыновъ Ислама, обдумали, изъ преданности къ государству, къ вѣрѣ нашей и къ нашимъ братьямъ по исповѣданію, которое изъ двухъ рѣшеній всего выгоднѣе, всего легче избрать намъ, и пришли къ слѣдующему заключенію. Вмѣсто того, чтобы, соглашаясь на предложеніе Европейцевъ, своими руками обратить нашихъ Греческихъ подданныхъ въ Московъ и разомъ или постепенно, зря, отдать имъ мусульманскія владѣнія и, тѣмъ прогнѣвивъ Бога и Пророка, навлечь на себя, до дня воскресенія мертвыхъ, отвращеніе и проклятіе послѣдующихъ за нами поколѣній, братьевъ нашихъ по вѣрѣ, и осудить себя на мучительное безсиліе дать отвѣтъ на страшномъ судилищѣ, лучше всего, опираясь на мощную силу пречистаго шаріата, возложивъ надежды свои на Всевышняго Помощника и проникшись духомъ главы посланниковъ Божьихъ, всѣмъ міромъ приготовиться къ войнѣ и, не щадя, для вѣры и отечества, ни жизни своей, ни достоянія, ни женъ и дѣтей, или добиться спасенія, или лечь на этомъ пути до дня воскресенія мертвыхъ. Надѣемся, что всѣ до одного люди совѣта, весь мусульманскій міръ, единодушно согласятся съ такимъ взглядомъ на вопросъ этотъ. Такого мнѣнія мы держимся, потому что, съ самаго начала возстанія этихъ райевъ, гяуры, съ цѣлью посѣять между мусульманами смуту и раздоръ, стали распространять между ними тревожные слухи, уже успѣвшіе возбудить въ народѣ разные толки и волненія, и государственный совѣтъ не задумался объявить цѣховымъ и базарнымъ старшинамъ, а также и имамамъ всѣхъ кварталовъ о настоящемъ положеніи дѣлъ, о значеніи цѣлей, преслѣдуемыхъ Московами и наконецъ о томъ, что, не въ примѣръ прежнимъ войнамъ, въ предстоящей борьбѣ мы должны подняться и дѣйствовать всѣмъ міромъ. Понявъ сущность дѣла, не питая болѣе никакихъ сомнѣній и недовѣрія, всѣ они въ одинъ голосъ отвѣтили: «Мы предпочитаемъ войну и на этомъ пути готовы умереть! Не отступимъ! Тѣла свои и имущества положимъ за вѣру и государство!» И такое обѣщаніе, данное ими единодушно, подтверждается на каждомъ засѣданіи совѣта; а потому мы убѣждены, что весь народъ нашъ, во исполненіе повелѣній Божьихъ и предписаній пречистаго шаріата, будетъ вести, до страшнаго суда, обязательную для каждаго изъ насъ священную войну во славу Божію и на торжество Ислама и съ твердостію, единодушіемъ и полнымъ вниманіемъ къ дѣлу, исполнитъ всѣ возложенныя на него Всевышнимъ священныя обязанности. Остается молить Бога милосерднаго, да ниспошлетъ Онъ намъ покровительство и побѣды. Во всякомъ случаѣ мы должны сосредоточить мысли свои на томъ,

чтобы наилучшимъ образомъ провести великое дѣло это въ интересахъ вѣры, шаріата, государства и націи.

Такъ какъ, согласно вышеизложеннымъ подробностямъ, Греки говорятъ, что вся-де Румелія и Архипелагъ составляютъ собою Греческія владѣнія, что они родина ихъ предковъ, что триста лѣтъ молчали они, но за симъ терпѣть уже не намѣрены, такъ какъ нѣтъ у нихъ силъ долѣе переносить тираніи Османовъ и потому они безповоротно рѣшились или, овладѣвъ этими странами, сбросить съ себѣ Турецкое подданство и сдѣлаться свободными, или въ борьбѣ для достиженія этой цѣли, принести въ жертву жизнь свою, свое достояніе и семейства; такъ-какъ съ своей стороны Московы употребляютъ старанія, чтобы цѣль эта была достигнута, а другія державы въ этомъ имъ содѣйствуютъ; то мусульманамъ не предстоитъ другаго выхода изъ этихъ затрудненій какъ избрать одно изъ трехъ: или, не жалѣя жизни и имущества, биться, какъ повелѣваетъ Богъ и шаріатъ Махоммеда, чтобы не отдать странъ, находящихся въ рукахъ нашихъ, или, отказавшись отъ нихъ, удалиться въ Анатолію, или наконецъ, отъ чего Боже упаси, идти въ неволю подобно народамъ Индіи, Крыма и Казани.

Но, согласно содержанію настоящей записки, мы, по волѣ Всевышняго и по указаніямъ шаріата, положили вести священную войну и не отдавать владѣній нашихъ! Такъ рѣшено съ общаго сердечнаго согласія всѣхъ министровъ имперіи и всего народа Махоммедова, и въ этомъ рѣшеніи намъ слѣдуетъ быть твердыми. Таково, по крайней мѣрѣ, мое нижайшее мнѣніе и искреннѣйшее убѣжденіе. Если же кто-либо, по внушеніямъ разума и священныхъ изрѣченій, нашелъ бы какое-либо другое, кромѣ этого, средство, безвредное для вѣры и могущее заслужить одобреніе народа, пусть, ради Бога и Пророка, объявитъ его намъ прямо, дабы мы, какъ подобаетъ, могли употребить его въ дѣло. Но въ случаѣ, если внѣ предложенной нами не обнаружится никакой другой болѣе здравой и благой мысли, то всѣ должны дѣйствовать единодушно и искренно, согласно вышеизложенному, и подтвердить и скрѣпить предлагаемое. Въ этомъ смыслѣ и начертанъ проектъ сей, на тотъ конецъ, чтобы всѣ разсудительные люди согласились съ изложеннымъ и приняли это рѣшеніе и чтобы государственные мужи и весь народъ мусульманскій единодушно утвердили и скрѣпили нашъ проектъ, хотя Богу извѣстно лучше, чѣмъ кому-либо, дѣйствительное положеніе дѣлъ. Писано въ половинѣ Мухаррема 1238 г. (Начало Октября 1822 г.) Подписи и печати.

1) Хаджи Мухаммедъ Салихъ, великій визирь, 2) Абдулъ Веххабъ, муфтій Константинополя, 3) Абдулла, губернаторъ Кара-Хисара

и комендантъ устьевъ Чернаго моря, со стороны Анатоліи. 4) Ибрахимъ, губернаторъ Худовендигяра и Коджа-Или и комендантъ устьевъ Черная моря, со стороны Румеліи. 5) Мухаммедъ Сейда, интендантъ при великомъ визирѣ. 6) Сейидъ Мухаммедъ, Накибъ-уль-Эшрафъ (представитель шерифовъ Мекки) въ Константинополѣ. 7) Сейидъ Ахмедъ Решидъ, Кази-аскеръ (оберъ-прокуроръ) Анатоліи. 8) Мухаммедъ Арифъ, Казы-аскеръ Румеліи. 9) Юсуфъ, бывшій управляющій монетнымъ дворомъ. 10) Мухаммедъ Семидъ Халетъ Эль-Тевфики. 11) Мухаммедъ Салихъ, начальникъ чаушей (суд. приставовъ) Высокой Порты. 12) Мухаммедъ Садыкъ, директоръ Китабета (оберъ-секретарь). 13) Мустафа Аль-дефтери. 14) Мухаммедъ Садыкъ, директоръ бомбардирскихъ казармъ. 15) Али, оберъ-провіантмейстеръ. 16) Сулейманъ, директоръ арсенала. 17) Сейидъ Ахмедъ, директоръ пушечнаго двора (фельдцейхмейстеръ). 18) Хюсейнъ Хюсни, управляющій монетнымъ дворомъ.

ВОСПОМИНАНІЯ АЛЕКСАНДРА СЕМЕНОВИЧА ГАНГЕБЛОВА.

КАКЪ Я ПОПАЛЪ ВЪ ДЕКАБРИСТЫ И ЧТО ЗА ТѢМЪ ПОСЛѢДОВАЛО.

„.....Нѣтъ предмета болѣе достойнаго вниманія, какъ знакомство съ внутреннимъ бытомъ каждаго мыслящаго человѣка, даже и ничѣмъ не отличившагося на общественномъ поприщѣ“.

Пироговъ.

Недавно мнѣ понадобилось навести справку въ одномъ давнишнемъ тяжебномъ дѣлѣ. Когда я рылся въ старомъ бумажномъ хламѣ, мнѣ попалась небольшая тетрадь, покрытая пожелтѣлыми чернилами и исписанная моей рукою, но рукой еще молодою, твердымъ почеркомъ. Оказалось, что это та тетрадь, въ которую на мѣстѣ моей ссылки, *шестьдесятъ* лѣтъ тому назадъ, я занесъ мои воспоминанія о той тревожной эпохѣ, которая переломила жизнь мою на̀-двое. Воспоминанія эти были тогда у меня совершенно свѣжи, какъ по недавности происшествій, къ которымъ они относились, такъ и потому, что въ продолженіи двухъ-недѣльнаго переѣзда отъ Петербурга до мѣста ссылки, въ моей памяти то и дѣло проносились цѣлыя вереницы недавнихъ еще событій. По выходѣ въ отставку въ 1832 году, я водворился въ деревнѣ, гдѣ я чаялъ свободно вздохнуть и успокоиться. Вмѣсто этого, я встрѣтилъ такую массу хлопотъ и непріятностей, что мнѣ было не до воспоминаній о минувшемъ, и рукопись мою я положилъ подъ спудъ; но куда именно я ее спряталъ, вспомнить не могъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того два раза пытался я тетрадь эту отыскать, но безуспѣшно. Такъ я и остался при томъ, что моя тетрадь совсѣмъ затерялась, и о ней почти забылъ.

Послѣ этого понятно, какъ для меня радостна была эта находка и съ какимъ нетерпѣніемъ я на нее накинулся и ее прочелъ! Къ ея автору я не могъ, конечно, отнестись иначе, какъ совершенно объективно, какъ къ лицу постороннему, котораго когда-то давно, очень давно я зналъ; не менѣе того сердце мое болѣзненно сжалось, когда я перевернулъ послѣдній листокъ рукописи. Такъ-то безплодно протекли мои дни! подумалъ я. Вотъ

я уже переживаю 85-й годъ моей жизни, а никому — ни себѣ, ни обществу людей не принесъ я пользы ни на іоту! И отчего? Отъ одного неосторожнаго слова, отъ одной минуты ложнаго стыда, отъ слѣпой довѣрчивости къ людямъ, отъ вѣтренной надежды, что еще успѣю поправить испорченное дѣло. А жаль, молодой человѣкъ, тогдашній *я*, по своимъ врожденнымъ качествамъ могъ бы претендовать на лучшую участь: въ немъ много было добрыхъ задатковъ. Въ этомъ трудно усомниться, выслушивая его тогдашнюю исповѣдь самому себѣ. Конечно, свои записки онъ велъ собственно для себя, не думая когда-либо предать ихъ гласности: въ то время о декабризмѣ не только говорить, но и подумать было страшно. Да и погибъ-то онъ отчего, какъ не отъ тѣхъ же добрыхъ качествъ! Онъ не выдержалъ, онъ разразился злобой и негодованіемъ, когда ему *сумѣли* воочію доказать вѣроломство противъ него его товарищей. Надо думать, что они, какъ „люди умные“, держались ученія: цѣль оправдываетъ средства. Въ такомъ случаѣ они, конечно, правы.

Впечатлѣніе, произведенное на умы декабрьскими событіями, долго не ослабѣвало въ обществѣ; на декабриста, къ какой бы онъ категоріи ни принадлежалъ, смотрѣли какъ на какого-то полубога. А между тѣмъ, сколько между этими полубогами можно было встрѣтить посредственностей, менѣе чѣмъ посредственностей! Съ инымъ не успѣешь двухъ словъ сказать, чтобы не подивиться: какъ этотъ человѣкъ могъ попасть въ такую среду. О, сколько разочарованій испытало бы Русское общество, еслибъ архивы Слѣдственной Коммиссіи по декабрьскому дѣлу сдѣлались общедоступны! Положимъ, такіе господа приняты были въ тайное общество лишь для увеличенія его грубой физической силы; но сила эта, вербовалась ли она въ услуженіе тѣмъ только изъ фанатиковъ своей идеи, которые безъ задней мысли мечтали быть работниками на благо (какъ они думали) человѣчества, или на нее, на эту силу, иные изъ вожаковъ декабризма разсчитывали какъ на орудіе своихъ личныхъ, корыстныхъ цѣлей? Да, были и такіе. Даже главный изъ понесшихъ высшую кару заговорщиковъ не свободенъ былъ отъ такой слабости: онъ имѣлъ заранѣе въ виду отдать на жертву одного изъ своихъ соумышленниковъ ради своей личной безопасности. Я говорю это не на вѣтеръ; я это слышалъ, какъ далѣе будетъ видно, изъ устъ самой заранѣе намѣченной жертвы.

Взглянувъ на подпись моей статьи, читатель можетъ быть подумаетъ: „И охота этимъ господамъ, нигдѣ и ничѣмъ не заявившимъ о своемъ существованіи, охота имъ навязывать публикѣ свои какія-то воспоминанія! Кому они нужны?“ Это такъ; въ самомъ дѣлѣ я задумалъ напечатать мои записки исключительно въ видахъ моего личнаго интереса, и это вотъ почему: еслибъ исторію, мною разсказанную составить лишь по документамъ Слѣдственной Коммиссіи, т. е. по однимъ голымъ фактамъ, безъ вниманія къ тѣмъ невольнымъ побужденіямъ, кои выдвинули факты эти наружу, то мое поведеніе во время слѣдствія представится всесторонне-предосудительнымъ, не заслуживающимъ никакого снисхожденія: но съ тѣхъ поръ какъ

въ печати стали появляться свѣдѣнія о декабристахъ, я порывался заговорить и о себѣ. У меня не стало на это рѣшимости, такъ какъ я не имѣлъ твердаго руководства для моего разсказа, ибо по прошествіи слишкомъ сорока пяти лѣтъ со времени изчезновенія моей рукописи, многое могло вылетѣть изъ моей памяти. Между тѣмъ мысль, что послѣ моей смерти, вѣроятно уже недалекой, нѣкому будетъ за меня ходатайствовать, меня тяготила. Теперь же, когда тетрадь моя отыскалась, да будетъ она моимъ защитникомъ, моимъ адвокатомъ!

Наибольшій и, смѣю сказать, несомнѣнный интересъ настоящаго разсказа представляетъ вторая его глава. Въ одномъ изъ эпизодовъ этой главы выступаютъ нѣкоторыя черты великаго характера императора Николая, и выступаютъ тѣмъ явственнѣе, что онѣ вызваны были дѣломъ, относительно маловажнымъ, именно, по поводу виновности не болѣе какъ оберъ-офицера. Первая глава служитъ второй главѣ только какъ бы иллюстраціей и знакомитъ читателя съ пишущимъ, чтò далеко не лишнее тамъ, гдѣ этотъ послѣдній вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствующее лицо въ его повѣствованіи. Въ третьей главѣ среди нѣсколькихъ походныхъ замѣтокъ, приводятся случаи моихъ встрѣчъ съ декабристами въ Закавказскомъ краѣ.

Меня будетъ счастливить мысль, что иной отецъ семейства, прослушавъ мою повѣсть, призадумается надъ воспитаніемъ своего сына.

Изъ памяти.

Пажемъ.—Камерпажемъ.—Въ гвардіи.

Въ сраженіи подъ Бауценомъ мой отецъ былъ тяжело раненъ. Государь Александръ Павловичъ тотчасъ послалъ къ нему спросить, чего онъ желаетъ. Раненый пожелалъ, чтобы одинъ изъ его сыновей былъ принятъ въ пажи. Черезъ годъ съ небольшимъ я былъ представленъ къ мѣсту моего назначенія.

Въ то время Пажескій корпусъ былъ не то, чѣмъ онъ сталъ съ воцареніемъ императора Николая, и потому нѣсколько словъ объ этомъ учебномъ заведеніи не будутъ излишни.

Личный составъ корпуса состоялъ изъ четырехъ «*отдѣленій*» пажей отъ 35 до 40 воспитанниковъ въ каждомъ отдѣленіи. Отдѣленіями завѣдывали штабъ-офицеры, которымъ не было присвоено названія, отвѣчающаго ихъ обязанностямъ. Хотя они и носили военный мундиръ, но въ фрунтовомъ обученіи пажей вовсе не участвовали: этимъ дѣломъ завѣдывалъ старшій ихъ нихъ, начальникъ особаго, камерпажескаго отдѣленія. Всѣ эти ближайшіе начальники были люди конечно благонамѣренные, но по степени своего образованія не могли вполнѣ отвѣчать той роли, которую на себя приняли: они слѣдили за внѣшними порядками корпусной жизни и только; они не заводили съ вос-

питанникомъ рѣчи о томъ, что̀ ожидаетъ его за порогомъ школы, не интересовались его наклонностями, не заглядывали въ тѣ книги, которыя видѣли въ его рукахъ, да еслибъ и заглянули въ иную изъ нихъ, то едва ли бы сумѣли опредѣлить, на сколько книга эта полезна или вредна. Отсутствіе такого контроля отозвалось весьма печальнымъ событіемъ, о которомъ будетъ говорено далѣе.

Учебная часть страдала едва ли не бо̀льшими недостатками. Ни одинъ изъ учителей не умѣлъ представить свою науку въ достойномъ ея видѣ и внушить къ ней уваженіе. Методъ изученія заключался въ тупомъ долбленіи наизустъ; о какомъ нибудь приложеніи къ практикѣ и намеку не было. Въ *одинъ* изъ каникулярныхъ дней, весь второй классъ (Пажеской) отправлялся съ учителемъ ситуаціоннаго рисованія и при одномъ изъ «надзирателей», на Гутуевъ островъ, для геодезической практики; да и тутъ, дѣломъ занимались пажи не болѣе часовъ двухъ, остальное время гуляли въ разбродъ по острову и обѣдали въ мѣстномъ трактирѣ. Въ залѣ, гдѣ помѣщался камерпажескій классъ, отгороженъ былъ рѣшеткою большой накрытый клеенкой столъ съ фортификаціонными моделями. Рѣшетка эта была заперта на ключъ; за все то время, что̀ я былъ въ корпусѣ, мы только по слуху знали, что подъ клеенкой хранятся модели. А потому, за весьма и весьма малыми исключеніями, всѣ учились не для того, чтобъ знать что-нибудь, а для того, чтобы выйти въ офицеры. Хуже всѣхъ предметовъ преподавалась Исторія: это было лишь сухое перечисленіе фактовъ, безъ упоминанія о нравахъ, цивилизаціи, торговлѣ и прочихъ проявленіяхъ народной жизни. Къ тому же насъ учили только Русской и Древней Исторіи; объ Исторіи Среднихъ Вѣковъ и Исторіи новѣйшей мы и не слышали. Объяснить это можно развѣ тѣмъ только, что находили достаточнымъ, если мы будемъ настолько свѣдущи въ Исторіи, чтобъ судить о произведеніяхъ искусствъ, такъ какъ сюжеты для нихъ черпались въ то время преимущественно изъ древняго міра.

Эти недостатки въ жизни Пажескаго корпуса какъ бы усиливались излишествами съ другихъ сторонъ; дортуары не отличались тѣмъ приспособленіемъ къ цѣли, какъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ: въ нихъ еще оставались призраки великолѣпія дворца графа Воронцова, превосходно росписанные плафоны съ сюжетами изъ миѳологіи. Съ тѣмъ вмѣстѣ кормили пажей слишкомъ жирно: кто теперь повѣритъ, что къ обѣду и къ ужину подавалось по пяти блюдъ *)?

---

*) Съ воцареніемъ императора Николая вся эта роскошь уничтожена; живописные плафоны сняты, а обѣдъ и ужинъ сведены съ пяти на три блюда.

Вотъ почему оба великіе князя смотрѣли на камерпажей какъ на людей избалованныхъ, и когда наставало время выпуска изъ корпуса, то великіе князья принимали ихъ въ свои полки крайне неохотно. Не смотря на то, что камерпажу предоставлялось право свободнаго выбора мѣста служенія, великіе князья то полу-шутя, то полу-серьезно, грозили камерпажамъ своимъ неблаговоленіемъ и прямо объявляли имъ, чтобъ никто изъ нихъ не смѣлъ выходить въ тѣ полки, которые состояли подъ ихъ начальствомъ *). Въ нашъ выпускъ Николай Павловичъ соизволилъ однакожъ сдѣлать два исключенія. Однажды, при какомъ-то торжественномъ обѣдѣ во дворцѣ, какъ только встали изъ-за стола, великій князь, повернувшись къ намъ, камерпажамъ, началъ было повторять свои угрозы; но, замѣтивъ меня, сказалъ: «Да, вѣдь ты служилъ при женѣ? Въ такомъ случаѣ приглашаю къ себѣ въ Измайловскій»; а за тѣмъ, увидѣвъ стоявшаго рядомъ со мною графа Ламсдорфа (сына бывшаго его воспитателя), прибавилъ «И тебя, Ламсдорфъ, тоже; больше никого, всѣмъ своимъ объявите!»

Дабы очертить настроеніе духа того общества, въ которое предстояло вступить мнѣ и моему товарищу, разскажу обо одномъ происшествіи, которое надѣлало немало шуму въ столицѣ и тревоги въ царскомъ семействѣ.

Императрица Марія Θеодоровна и великая княгиня проводили лѣто въ Павловскѣ, въ этомъ счастливомъ уголкѣ, гдѣ все красовалось изяществомъ и тонкимъ вкусомъ, гдѣ все дышало веселіемъ, довольствомъ и полнѣйшимъ спокойствіемъ подъ обаяніемъ царственной хозяйки. Но предъ концемъ сезона общее счастіе это было неожиданно нарушено вѣстями изъ столицы: пріѣхалъ оттуда великій князь Николай Павловичъ, и все забѣгало, засуетилось. Самъ великій князь, видимо сильно озабоченный, то и дѣло быстрыми шагами переходилъ по верхней галлереѣ, со своей и своей супруги половины, на половину императрицы. Государыня не показывалась изъ своихъ покоевъ, и говорили, что она въ слезахъ. Первое что дошло до насъ о причинѣ этого переполоха былъ слухъ, что Измайловскій полкъ взбунтовался. Новость эта не могла быть поразительной послѣ такъ еще недавняго бунта Семеновскаго полка. Вскорѣ однакожъ узнали, что первый слухъ дошелъ въ преувеличенномъ видѣ: одни лишь офицеры названнаго полка заявили себя недовольными и стали, всѣ поочередно, подавать въ отставку. Впослѣдствіи, когда я былъ уже офицеромъ этого полка,

---

*) Въ бригадѣ Михаила Павловича состояли полки Преображенскій и Семеновскій; а у Николая Павловича Измайловскій (котораго онъ былъ шефомъ) и лейбъ-егерскій.

про эту исторію мнѣ разсказывали такъ. Великій князь Николай Павловичъ производилъ репетицію «развода». Онъ остался очень недоволенъ маршировкой офицеровъ и, садясь въ дрожки по окончаніи ученья, сказалъ полковому командиру ген. Мартынову: «Людей распустите, а у гг. офицеровъ уровняйте шагъ». Мартыновъ такъ и сдѣлалъ: батальонъ отпустилъ въ казармы, а офицеровъ, разставивъ на взводныя дистанціи, сталъ водить взадъ и впередъ. Офицеры обидѣлись. Прямо съ ученья они собрались въ дежурной комнатѣ и, послѣ недолгихъ преній по поводу *кукольной*, какъ они выражались, *комедіи*, мысль о выходѣ всѣмъ изъ службы единодушно была принята, и тутъ же брошенъ жребій, кому начинать и въ какомъ порядкѣ слѣдовать въ осуществленіи этой мысли. Два первыя прошенія объ отставкѣ были поданы въ тотъ же день. Надо замѣтить, что Государь въ это время находился за-границей. Подано уже было три пары такихъ прошеній, а четвертая готова была сдѣлать тоже *), какъ полковой командиръ пригласилъ къ себѣ общество офицеровъ и, сквозь слезы, торжественно предъ ними извинился, сказавъ, что онъ не совсѣмъ понялъ приказаніе великаго князя.

Такъ окончилась эта исторія, а съ тѣмъ вмѣстѣ водворилось и спокойствіе въ Павловскѣ. Вскорѣ дворъ переѣхалъ въ Петербургъ, а затѣмъ у насъ въ корпусѣ начались экзамены.

Когда Ламсдорфъ и я явились къ полковому командиру Измайловскаго полка, то насъ размѣстили по разнымъ ротамъ, причемъ я присоединился къ артели братьевъ Бутовскихъ. Вообще мы не могли нахвалиться любезнымъ пріемомъ со стороны общества офицеровъ. Словомъ сказать, мы вступили на новый путь при самой благопріятной обстановкѣ. Но вскорѣ намъ стало замѣтно, что полкъ далеко неспокоенъ: солдаты, хотя и исполняли требованія дисциплины, но покорялись ей съ нескрываемымъ пренебреженіемъ и на офицеровъ смотрѣли свысока, насмѣшливо. Для насъ, новичковъ, такое положеніе не совсѣмъ было понятно; но нельзя было не замѣтить озабоченности, особливо ротныхъ командировъ: случались такія выходки со стороны подчиненныхъ, которыя ясно указывали на сознаніе этими послѣдними своей силы. Для примѣра разскажу одинъ такой случай. До выступленія въ походъ оставалось лишь нѣсколько дней; ни ученій, ни разводовъ съ церемоніей не дѣлалось; разводы производились по домашнему, т.-е. прямо изъ казармы по карауламъ. Однажды нашъ батальонъ, долженствовавшій въ тотъ день занять караулы, былъ

---

*) По уставу, прошенія объ отставкѣ не должны быть принимаемы иначе какъ только по два въ день, да и то съ промежутками въ 24 часа.

выстроенъ вдоль боковаго фасада Гарновскаго дома *) и стоялъ *вольно* въ ожиданіи своего полковника; а мы, офицеры, сойдясь шагахъ въ двадцати передъ фрунтомъ, весело разговаривали. Показался со стороны казармъ высокаго роста старый гренадеръ перваго батальона, въ шинели и фуражкѣ. Вмѣсто того чтобы обойти стороной, онъ направился на интервалъ между нами и фрунтомъ батальона, и когда съ нами поравнялся, то обратился къ батальону и громко скомандовалъ: *Смирно!* Батальонъ смолкъ и сталъ «смирно», какъ бы по командѣ своего полковника. «Здорово ребята!» крикнулъ гренадеръ. «Здравія желаемъ!» грянулъ батальонъ, и вслѣдъ за тѣмъ по всему строю раздался хохотъ. Гренадеръ повернулся и пошелъ своей дорогой, какъ ни въ чемъ не бывало, и никто изъ офицеровъ, даромъ что всѣ они были сильно поражены такою дерзостью, никто изъ нихъ не тронулся съ мѣста, чтобъ остановить наглеца. Видно, начальство потеряло почву подъ собой.

Изъ чего же возникло и чѣмъ поддерживалось между нижними чинами, такое мятежническое настроеніе? Причинъ тому и другому много: Семеновскій бунтъ, общая подача прошеній объ отставкѣ Измайловскихъ офицеровъ (о чемъ не могъ не проникнуть слухъ въ массу полка), затѣмъ насильственная смерть лейбъ-егерскаго капитана Батурина, незадолго до того зарѣзаннаго въ казармѣ рядовымъ своей роты,—такихъ небывалыхъ дотолѣ фактовъ слишкомъ достаточно, чтобы произвести болѣе или менѣе глубокое впечатлѣніе. Поддерживалось же и развивалось впечатлѣніе это, благодаря изобрѣтенію одного, какъ слышно было, изъ начальниковъ гвардейскихъ дивизій, не знаю только котораго изъ нихъ, барона Розена или Потемкина. Дѣло вотъ въ чемъ. Государь Александръ Павловичъ каждый день дѣлалъ прогулки то пѣшкомъ, то въ дрожкахъ или санкахъ, всегда одинъ одинешинекъ (если не считать его кучера Ильи). На этихъ прогулкахъ Государю случалось встрѣчать солдатъ въ нетрезвомъ видѣ. Такой безпорядокъ не оставался, конечно, безъ замѣчаній начальству. Начальство, изыскивая средства, которыя поставили бы солдатъ въ невозможность шататься по городу пьяными, возъимѣло несчастную мысль завести кабаки по полкамъ, по одному въ каждой ротной артели. На первый взглядъ, ничего придумать лучше было нельзя: солдатъ не пойдетъ пить въ городской кабакъ уже и потому, что въ артели вино продавалось дешевлѣ; да и напиваться ему у себя дома было свободнѣе, а охмѣлѣетъ, изъ казармы его не выпустятъ. Цѣль начальства, стало

*) Офицерскія казармы Измайловскаго и лейбъ-егерскаго полковъ.

быть, достигнута. Но каковы же оказались послѣдствія этой мѣры! Солдаты, ничѣмъ не стѣсняемые, сходились на выпивки цѣлыми сборищами, а гдѣ сборище—тамъ и толки, особливо «подъ чаркой». Понятно, о чемъ охотнѣе всего толковали эти, подогрѣтые винными парами, грубые, недовольные умы, затронутые къ тому же прежними примѣрами открытаго протеста. Вотъ главная причина того, что разшатанная дисциплина дошла до своевольства. Очень можетъ быть, что такому опасному положенію способствовалъ и инспекторскій смотръ барона Розена [1]). На этомъ смотру одна изъ ротъ (капитана Литвинова) жаловалась на своего ротнаго командира, чего въ памяти полка не представлялось примѣра. Заведя «справа и слѣва» роту вокругъ себя, Розенъ выслушалъ людей и говорилъ съ ними очень долго. О чемъ у нихъ шла рѣчь, осталось неизвѣстнымъ. У Литвинова послѣ того рота, однакожъ, отнята не была, а также и со стороны солдатъ никто не былъ отмѣченъ, какъ зачинщикъ жалобы; но затѣмъ возбужденіе въ массѣ полка не только не затихло, но, казалось, еще усилилось [2]).

Не трудно угадать, чѣмъ бы разрѣшилось такое положеніе вещей, еслибъ въ жизни солдата не послѣдовала крутая перемѣна: выступили въ походъ. Усталость послѣ двадцати-верстнаго и болѣе, въ полной аммуниціи, «перехода», закрытіе домашнихъ кабаковъ, а съ ними и сходокъ для праздныхъ пересудовъ; съ другой стороны свойственныя простому человѣку развлеченія (пѣсенники, шуты и неистощимыя росказни «о своей сторонѣ», о сельскихъ на родинѣ угощеніяхъ, росказни, на которыя солдатъ особенно падокъ), все это вмѣстѣ волшебно дѣйствовало на успокоеніе умовъ: не успѣли мы дойти до Бѣжаницъ, гдѣ должны были встрѣтиться съ Государемъ, возвращавшимся изъ-за границы, какъ уже люди стали неузнаваемы.

Въ Бѣжаницахъ дѣло такого успокоенія едва однакожъ не пострадало, благодаря безтактности офицеровъ. Для встрѣчи Государя полкъ рано утромъ выведенъ былъ на площадь и построенъ въ колонны. Стояли *вольно.* Между офицерами рѣчь зашла объ обращеніи съ нижними чинами; одни [3]) держались того мнѣнія, что путемъ внушенія и убѣжденія приличнѣе всего вести солдата къ сознанію его долга, ни сколько не нарушая дисциплины; другіе (въ томъ числѣ и мой соартельщикъ А. Бутовскій), защищали старую рутину: они утверждали,

---

[1]) Командира первой гвардейской дивизіи.

[2]) Около этого времени нѣсколько спустя, Розенъ и Потемкинъ были смѣщены съ командованія гвардейскими дивизіями.

[3]) Миклашевскій, Летюхинъ, Каннистъ, Жуковъ. Всѣ они, вскорѣ послѣ того, мало по малу выбыли изъ полка, кто въ адъютанты, кто въ отставку.

что единственный въ этомъ отношеніи стимулъ, это—*палка* и что безъ палки съ солдатомъ ничего не подѣлаешь. Эти разсужденія не замедлили перейти въ споръ, споръ жаркій и настолько громкій, что близъ стоящій батальонъ могъ его слышать и въ самомъ дѣлѣ слышалъ; разумѣется, люди этого батальона узнали при этомъ много такого, отъ чего дисциплина не могла быть въ выигрышѣ. Къ счастію, въ самый разгаръ спора, дали знать, что Государь уже близко...

Государь, сѣвъ на лошадь, подскакалъ къ колоннамъ и сталъ ихъ объѣзжать кругомъ; съ людьми нѣсколько разъ здоровался, офицерамъ—ни слова! Лицо его было гнѣвно. Во время объѣзда онъ не переставалъ горячо говорить полковому командиру, за нимъ слѣдовавшему; въ его голосѣ слышался выговоръ. Мнѣ удалось, когда онъ проѣзжалъ мимо меня, уловить слѣдующія слова «....передъ взводомъ, а суются дѣлить Европу». Надо думать, что пропущенныя мною слова были..... *Не умѣютъ порядочно пройти*, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Ясно, что Государь говорилъ объ офицерахъ. Пропустивъ мимо себя полкъ церемоніальнымъ маршемъ и поблагодаривъ *людей*, Государь тотчасъ сѣлъ въ коляску и уѣхалъ. Какъ послѣ намъ стало извѣстно, не съ однимъ нашимъ полкомъ обошелся онъ такъ сурово: съ другими полками было тоже, или почти тоже.

Вообще походомъ я скучалъ. Я не находилъ удовлетворенія моимъ наклонностямъ въ нашей артели, гдѣ думали только о томъ, чтобы хорошо поѣсть; время проводили или въ праздности или въ пошлой болтовнѣ. Это все бы еще ничего, такъ какъ я не зналъ о составѣ другихъ офицерскихъ артелей и не могъ дѣлать сравненій; но я не могъ хладнокровно смотрѣть, какъ старшій Бутовскій, Алексѣй, третируетъ своего брата Петра, моего соученика по Ришельевскому институту; а между тѣмъ Петръ былъ человѣкъ смирный, богобоязливый и рабски покорный своему брату. Разъ какъ-то, изъ-за какого-то пустяка, и то совершенно напрасно, онъ набросился на Петра. Я не вытерпѣлъ, за него вступился, наговорилъ Алексѣю такихъ вещей, которыя для его самолюбія не могли быть лестны, и мы съ нимъ разсорились. На другой день я отправился въ Сѣнно *) и перепросился въ другую роту, въ артель двухъ братьевъ Семеновыхъ, Михаила и Николая, а съ тѣмъ вмѣстѣ и Ивана Ивановича Богдановича. Этотъ послѣдній давно уже зазывалъ меня въ свой кружокъ. Прямо изъ Сѣнно я пріѣхалъ къ нимъ.

Самый уже пріемъ со стороны моихъ новыхъ товарищей меня обворожилъ, а за тѣмъ, на первыхъ же порахъ я увидѣлъ себя въ совсѣмъ другой сферѣ: золотая умѣренность, открытость обращенія,

*) Штабъ полка.

прелесть любопытныхъ и живыхъ бесѣдъ, къ тому жъ книги, краски, музыка, конечно на сколько это было возможно въ походѣ; словомъ, въ этомъ пріютѣ я нашелъ все чего алкалъ, на что̀ откликнулись мои инстинкты. Съ тѣмъ вмѣстѣ я видѣлъ, что всѣ трое мои новые товарищи меня полюбили, и я полюбилъ ихъ отъ всей души. Весь остальной походъ до Вильны былъ для меня пріятнѣйшей прогулкой. Михаилъ Николаевичъ, даромъ что нѣсколькими годами моложе своего брата, обладалъ характеромъ вполнѣ установившимся; отъ своихъ правилъ онъ не отступалъ ни на шагъ и не позволялъ себѣ увлекаться въ какія нибудь крайности. Къ самому себѣ онъ былъ особенно строгъ. Нерѣдко онъ, дружески надо мною подшучивая, замѣчалъ мнѣ, что я еще «не выкипятился», что я моложе моихъ лѣтъ. О людяхъ своей роты онъ заботился, какъ о своихъ дѣтяхъ. При тѣхъ же добрыхъ началахъ, братъ его Николай [1]) былъ другой человѣкъ. Смотрѣлъ онъ на вещи поверхностно. Къ тому же весь свой запасъ мышленія онъ ограничилъ съ одной стороны вѣкомъ Людовика XIV, съ другой Волтеромъ и Руссо. Онъ особенно любилъ Буало, зналъ наизустъ его Art Poétique, его Le Lutrin и нѣсколько сатиръ. Въ Петербургѣ у него оставалась библіотека, въ которой первое мѣсто занимали полныя сочиненія названныхъ писателей. Не смотря на такую замкнутость его воззрѣній, я много обязанъ Николаю Николаевичу: до сближенія съ нимъ, произведенія чисто литературныя — романы, poésies и т. п. я считалъ слишкомъ достаточными для моего умственнаго обихода; онъ же открылъ мнѣ новый міръ, міръ дѣятельности мысли.

Третій мой товарищъ И. И. Богдановичъ [2]), при отличныхъ свойствахъ души, отличался болѣзненною, можно сказать, впечатлительностью. Этотъ недостатокъ въ немъ выражался крайнею неровностью въ расположеніи духа: то онъ бывалъ привѣтливъ, уступчивъ, говорливъ и предавался самой задушевной веселости; то, безъ видимой причины, мрачно углублялся въ самого себя, во всѣхъ видѣлъ недоброжелателей, подозрѣвалъ противъ себя какіе-то замыслы. Такое непостоянство характера Богдановича не могло не отразиться и на моихъ съ нимъ отношеніяхъ: то мы были въ дружбѣ, то во «враждѣ» и, бывало, подолгу между собою не говорили. Съ другой стороны, для Богдановича весь міръ заключался въ его служебныхъ обязанностяхъ. Онъ отдавался имъ, не заглядывая по сторонамъ. Это его погубило впослѣдствіи. Четырнадцатаго Декабря, при чтеніи послѣдняго манифеста, когда произнесено было имя Николая, какъ императора, Бог-

[1]) Впослѣдствіи директоръ Рязанской гимназіи, и за тѣмъ Вятскій губернаторъ. П. Б.

[2]) Изъ камерпажей; онъ вышелъ изъ корпуса годами пятью раньше меня.

дановичъ прервалъ чтеца и возгласилъ «Константина». Но Богдановичъ не принадлежалъ къ политическому тайному обществу; онъ не зналъ и знать не хотѣлъ никакихъ незаконныхъ направленій. Онъ никогда ничего не читалъ, хотя и обладалъ умомъ живымъ и логичнымъ; но тѣ клочки образованія, которые онъ вынесъ изъ Пажескаго корпуса, онъ, какъ только надѣлъ эполеты, закинулъ par dessus les moulins [1]). Еслибъ Богдановичъ зналъ, что тѣ, которые подъ предлогомъ законности заручили его на сторону Константина противъ Николая, въ сущности не хотѣли ни того ни другаго, онъ не попалъ бы въ западню. Онъ увидѣлъ, что далъ промахъ, но увидѣлъ только тогда уже, какъ его вспышку назвали измѣной. Не трудно угадать что за тѣмъ послѣдовало: совѣсть подняла бурю въ его сознаніи, а его мнительность довершила остальное. Утромъ 15 Декабря, когда распустили полкъ, простоявшій всю ночь въ ружьѣ, наготовѣ, Богдановичъ пришелъ къ себѣ на квартиру и тотчасъ услалъ куда-то своего Ѳеодора. Когда тотъ вернулся, то нашелъ уже лишь бездыханный трупъ своего господина, на полу, въ лужѣ крови.... Но я забѣжалъ впередъ; возвращаюсь къ моему разсказу.

Стоянка гвардіи въ Бѣлоруссіи завершилась маневрами, которыми Государь остался совершенно доволенъ и принялъ небывалое дотолѣ приглашеніе своей гвардіи: откушать у нея хлѣба-соли. Пиръ былъ задуманъ широко и, должно быть, задуманъ задолго до его исполненія; припасы къ нему выписывались изъ дальнихъ мѣстъ, напр. вина изъ Риги, рыба изъ Астрахани и т. д. Столъ приготовлялся на тысячу особъ, для чего возвели галлерею, съ мѣстами въ ней, устроенными амфитеатромъ, такъ что Государь, занимая центръ онаго, былъ на виду у всѣхъ присутствовавшихъ. Едва успѣли усѣсться по мѣстамъ, раздалось хлопанье пробокъ. Государь, сказавъ: «Ruse contre ruse!» [2]) велѣлъ наполнить свой бокалъ и, вставъ, *первый* провозгласилъ тостъ въ честь гвардіи. Послѣ царскаго бокала, тосты не прерывались во весь обѣдъ. Натянутости не было никакой; всѣ говорили шумно, громко. Внѣ галлереи—другой громъ и шумъ: тамъ пировала вся гвардія, тамъ нѣсколько хоровъ музыки, пѣсенники, все это сливалось въ одинъ нестройный, но торжественный гулъ.

Предупредительности Государя въ произнесеніи тоста приписывали особенное значеніе. У всѣхъ оставалось еще свѣжо въ памяти, съ какимъ нескрываемымъ гнѣвомъ Государь, на своемъ пути изъ-за границы, встрѣчалъ гвардейскіе полки, и вдругъ такой рѣзкій поворотъ, такое неожиданное благоволеніе! Варьяцій на эту тему было

---

[1]) Поверхъ мельницъ.

[2]) Хитрость противъ хитрости.

много; говорили, что Государь смягчился и допустилъ позвать себя на обѣдъ, желая тѣмъ явить готовность свою къ забвенію стараго, къ нѣкотораго рода примиренію со своей гвардіей. Не менѣе толковъ возбуждала и догадка, кому первому вспала оригинальная мысль объ обѣдѣ? Одни приписывали ее Чернышову, другіе Бенкендорфу, а иные — кому и повыше.... Этотъ вопросъ такъ и остался неразгаданнымъ.

Съ мѣста маневровъ гвардія двинулась къ Вильнѣ, гдѣ изъ нашего полка должны были занять квартиры полковой штабъ и первый батальонъ, а прочіе два батальона расположены были по окрестностямъ. Тутъ, къ великому моему сожалѣнію, мнѣ пришлось разстаться съ моими добрыми спутниками, такъ какъ всѣхъ прапорщиковъ прикомандировали къ первому батальону. Вильна, прекрасный городъ, не представлялъ однакожъ пріятной стоянки для Русскаго войска: Поляки смотрѣли на насъ изъ-подлобья и насъ чуждались. Поэтому я и мои новые соквартиранты большею частью не выходили изъ дому, не зная, чѣмъ занять свое время. Простоявъ въ Вильнѣ восемь мѣсяцевъ, гвардія выступила въ обратный путь. Походъ этотъ мы совершали чрезъ Остзейскій край, и ко времени Петергофскихъ празднествъ вся гвардія стянулась къ Петергофу, гдѣ, простоявъ нѣсколько дней, стала расходиться по своимъ квартирамъ, но не въ прежнемъ порядкѣ: *до* похода, полки въ полномъ своемъ составѣ помѣщались каждый въ своихъ Петербургскихъ казармахъ; *по* возвращеніи же изъ похода, въ Петербургъ вступали только по два батальона, а третій расквартировывался по окрестнымъ мѣстамъ; черезъ полгода его смѣнялъ другой батальонъ, а за тѣмъ въ свою очередь и третій. Мѣра эта, какъ говорили, принята была съ гигіеническою цѣлью: солдату такимъ образомъ предоставлялось періодически пользоваться сельскимъ воздухомъ и отдыхомъ отъ трудовъ гарнизонной службы, что при тогдашней двадцатипяти-лѣтней службѣ было большимъ облегченіемъ. Но вотъ, около этого же, помнится, времени, введенъ новый порядокъ и по другой части: капитанъ, при производствѣ въ полковники, не оставался продолжать службу въ томъ же полку, а переводился въ другой гвардейскій полкъ. При этомъ послѣднемъ нововведеніи, заботливость о здоровьѣ и отдыхѣ не могла конечно имѣть мѣсто, и потому въ мѣрѣ этой угадывали другую цѣль, именно ослабить товарищескую связь между офицерами. Нѣтъ сомнѣнія, что таже мысль имѣла свою долю участія и въ первомъ случаѣ, но только относительно нижнихъ чиновъ, при новомъ расквартированіи гвардіи внѣ столицы.

Вслѣдствіе этого новаго порядка нашъ (третій) баталіонъ изъ-подъ Петергофа прямо перешелъ на «загородное расположеніе», при чемъ наша рота (М. Н. Семенова) заняла деревню Витину, а верстахъ

въ пятнадцати оттуда остановился со взводомъ другой роты офицеръ, котораго назову *Зетомъ* *). Съ нимъ я еще мало былъ знакóмъ. Въ Витинѣ Семеновъ перевезъ изъ города свое фортепіано, его братъ Николай прислалъ мнѣ книгъ; и мы зажили не дурно, не смотря на то, что насъ окружала страшная глушь.

Съ этого времени я началъ «читать». Первое чтò мнѣ попалось въ руки была знаменитая рѣчь Руссо о вліяніи наукъ и художествъ на нравы. Книга эта мнѣ открыла необозримый просторъ для мысли; она поразила меня новизной и смѣлостью воззрѣній на ту степень искаженія своей натуры, до какой, какъ вѣщалъ Руссо, дошелъ человѣкъ чрезъ лабиринтъ цивилизаціи. Разумѣется, всѣ положенія, всѣ выводы философа я принималъ на-вѣру и усвоивалъ безпрекословно, и это тѣмъ легче, что среди непрерывнаго для меня уединенія ничто изъ обыденной дѣйствительности не сильно было затмить тѣ идеи, которыя пламенными чертами напечатлѣвались въ моемъ воображеніи. Еслибъ мнѣ тогда понадобилось изобразить состояніе моего духа, я, конечно, выразился бы совсѣмъ иначе или и вовсе не съумѣлъ бы выразиться; но теперь, на разстояніи слишкомъ шестидесяти лѣтъ, оно представляется мнѣ во всей своей наготѣ.

У себя, въ Витинѣ, обмѣниваться мыслями мнѣ было не съ кѣмъ, такъ какъ мой сожитель былъ человѣкъ вполнѣ положительный: онъ далеко не одобрялъ моихъ бредней и, чтò еще хуже, надъ ними подтрунивалъ, повторяя прежнее на мой счетъ замѣчаніе, что я еще *не выкипятился*, что мнѣ нужно еще поприглядѣться къ свѣту. Чѣмъ далѣе, чѣмъ болѣе я встрѣчалъ противорѣчій со стороны Семенова, тѣмъ больше, не смотря на мое глубокое къ нему уваженіе, я находилъ въ немъ неподготовленности и, наконецъ, неспособности къ обсужденію такихъ отвлеченностей.

Зетъ, нерѣдко навѣщавшій насъ, особливо въ началѣ загородной стоянки, оказался болѣе податливымъ на толки о предметѣ меня занимавшемъ; но когда между нами разговоръ начиналъ склоняться въ эту сторону, то оба они, Зетъ и Семеновъ, видимо старались его заминать. Однажды Зетъ мнѣ сказалъ: «И охота вамъ заводить съ Михайломъ Николаевичемъ рѣчь о подобныхъ вещахъ! Развѣ вы не видите, что онъ этого не любитъ?»

Общество Зета я находилъ очень пріятнымъ. Въ этомъ человѣкѣ мнѣ нравились безыскусственность, открытость въ обращеніи и логичность во взглядахъ. Первыя мои къ нему поѣздки развлекались от-

*) Псевдонимъ.

части игрою въ шахматы, а иногда и музыкой: Зетъ довольно виртуозно владѣлъ смычкомъ, безъ одушевленія впрочемъ. Но за тѣмъ мало-по-малу и шахматы, и музыка были забыты: разговоръ всегда находилъ пищу безъ натяжки, мысли какъ бы сами собой наводили на сюжеты, всегда интересные. Мой собесѣдникъ, при возбужденіи какого-либо вопроса, приступалъ къ его толкованію прямо, безъ изворотовъ, не смотря на то, что воспитывался у оо. Іезуитовъ, гдѣ-то въ провинціи; напротивъ, онъ порицалъ порядки заведенные въ ихъ коллегіумахъ. Окончательное образованіе Зетъ получилъ въ одномъ изъ лучшихъ въ то время пансіоновъ Петербурга.

Въ моихъ бесѣдахъ съ Зетомъ я не во всемъ съ нимъ сходился; напримѣръ во взглядѣ его на искусства. Зетъ видѣлъ въ нихъ не болѣе какъ орудіе для празднаго развлеченія, почти какъ дѣтскую игрушку, не имѣющую прямаго вліянія на благосостояніе обществъ. Онъ говорилъ, что въ массѣ человѣчества меньшинство, которому одному доступно эстетическое чувство, совершенно ничтожно по своей численности; что громадное большинство, можно сказать «все человѣчество», въ искусствахъ не можетъ знать толку, стало-быть въ нихъ не нуждается, такъ какъ оно слишкомъ подавлено заботами о своемъ матеріальномъ существованіи; что ежели, для того чтобы облагородить натуру человѣка, расширить его понятія, нужны примѣры или поученія, то не разумнѣе ли ихъ черпать прямо изъ самой природы, чѣмъ изъ произведеній искусствъ—подражаній ей болѣе или менѣе слабыхъ; что точно также было было бы разумнѣе, еслибъ устроенныя уже общества обращали свои силы, трудъ, время и богатства на положительныя пользы большинства людей, на облегченіе его «непрошеннаго» жалкаго существованія, чѣмъ тратить эти драгоцѣнныя силы на поощренія художествъ, въ угоду лишь самому ничтожному меньшинству; что, наконецъ, я, поклонникъ Руссо, впадаю въ противорѣчіе съ самимъ собою, восхваляя то, чтó Женевскій мой оракулъ признаетъ пагубнымъ для истиннаго счастья людей.

Во всемъ этомъ я находилъ много правды. Меня особенно приводила въ смущеніе послѣдняя аргументація моего оппонента, какъ улика въ непослѣдовательности. Я уѣзжалъ отъ него недовольный самимъ собою; но за тѣмъ, впечатлѣнія, оставленныя во мнѣ каждымъ споромъ, ослабѣвали болѣе и болѣе и переходили опять въ убѣжденіе, что лишь одни эстетическія наслажденія способны вознаградить человѣка за то существованіе, которое Зетъ называлъ «непрошеннымъ». Въ томъ же родѣ Зетъ судилъ и о всѣхъ прочихъ предметахъ, напр. о театрѣ, но еще строже. Сценическія представленія, говорилъ онъ, какъ подражаніе природѣ, еще болѣе должны быть отнесены къ

числу праздныхъ и, на этотъ разъ, даже вредныхъ забавъ; въ нихъ встрѣчаются противорѣчія и чудовищныя несообразности, извращающія природу, вмѣсто того чтобъ заимствовать изъ нея красоту и гармонію. На сценѣ мысли и чувства выражаются самымъ неестественнымъ образомъ, стихами или, что̀ еще смѣшнѣе, музыкой, даже при изображеніи предсмертныхъ мученій! Сверхъ того, сцена—школа двуличія. Намъ нужна лишь прямота, лишь правда, какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни; а между тѣмъ артистъ натуживается, чтобъ казаться *инымъ*, чѣмъ онъ есть, значитъ—лжетъ, значитъ надуваетъ публику; это своего рода мошенничество и чѣмъ ловчѣе актеръ смошенничаетъ, тѣмъ и славы ему больше. Оттого-то Зетъ, когда мы перешли въ Петербургъ, въ спектаклѣ не бывалъ; я же хотя опять находилъ много правды въ его сужденіяхъ о театрѣ, не переставалъ увлекаться имъ по прежнему.

Какъ ни кажутся теперь нелѣпыми и праздными подобныя умствованія, они въ то время дѣйствительно осаждали мою голову, какъ это бываетъ въ извѣстный періодъ жизни съ каждымъ изъ тѣхъ, кто сколько-нибудь надѣленъ способностью мыслить и чувствовать.

Среди такихъ-то философствованій незамѣтно наступилъ терминъ загородной стоянки, и мы перешли въ Петербургъ. Въ Петербургѣ я дѣлилъ время между службой и посѣщеніями знакомыхъ семейныхъ домовъ; прочіе мои досуги я отдавалъ беззавѣтно моимъ любимымъ приманкамъ—оперѣ и Эрмитажу. Читалось въ это время конечно очень мало, еще меньше случалось заноситься въ «завиральныя идеи». Это послѣднее упражненіе шло слабѣе и потому еще, что въ глуши Витинскаго уединенія наши философскіе съѣзды были какъ бы случайною новинкою, съ запасомъ мыслей, собранныхъ каждымъ изъ насъ въ промежуткахъ этихъ съѣздовъ; здѣсь же, въ Петербургѣ, я жилъ не на одной квартирѣ съ Зетомъ, и этотъ интересъ расплывался и мельчалъ.

По возвращеніи изъ похода, я прожилъ съ Семеновыми еще годъ, если не больше, въ Петербургѣ. Что̀ было причиною, что я съ ними разлучился, припомнить не могу; знаю только, что съ ними, равно какъ и съ третьимъ ихъ братомъ Василіемъ, тогда съ ними жившимъ, я разстался какъ нельзя больше дружески; доказательствомъ тому служитъ и до сихъ поръ сохранившаяся у меня переписка съ однимъ изъ нихъ, Мих. Николаевичемъ, за то время, когда, послѣ всѣхъ передрягъ, я жилъ уже въ деревнѣ. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что когда я былъ освобожденъ изъ крѣпости, Семеновыхъ я уже въ полку не засталъ, и съ тѣхъ поръ не имѣлъ о нихъ свѣдѣній, за исключе-

ніемъ лишь того, что они жили въ своемъ имѣніи въ Раненбургскомъ уѣздѣ. Отозваться къ нимъ я не рѣшался изъ опасенія потревожить ихъ моимъ письмомъ, такъ какъ въ то время на прикосновенныхъ къ дѣлу Декабристовъ смотрѣли какъ на зачумленныхъ. Но съ 1846 г. между мной и М. Н. переписка началась, и переписка самая задушевная, и дѣятельно продолжалась болѣе десяти лѣтъ; послѣднее его ко мнѣ письмо помѣчено отъ Августа 1856 г. Впослѣдствіи я случайно узналъ, что онъ около этого времени умеръ. А вотъ и еще знакъ пріязни ко мнѣ Семеновыхъ: изъ нихъ В. Н., возвращаясь съ женой въ Петербургъ изъ Грузіи, гдѣ онъ служилъ, сдѣлалъ большой объѣздъ на Верхнеднѣпровскъ, чтобъ со мной видѣться, но не засталъ меня дома: я былъ въ то время на Кавказскихъ водахъ *).

Въ Петербургѣ мое времяпровожденіе разнообразилось и посѣщеніемъ холостыхъ вечеровъ. На такіе вечера сходились у Искрицкаго, пріятеля Зета, чрезъ котораго я съ нимъ и познакомился. Впослѣдствіи, когда мы служили уже за Кавказомъ, Искрицкій мнѣ говорилъ, что, благодаря дядѣ его Ѳ. В. Булгарину, сходки эти у него заподозрѣны были въ связяхъ съ тайнымъ обществомъ. Это совершенная ложь. Искрицкій хотя и оказался прикосновеннымъ къ декабрьскому дѣлу, но на его *Вторникахъ* друзья его сходились не для чего инаго, какъ только чтобъ повидаться между собою на распашку; на этихъ Вторникахъ было много шума отъ болтовни, шутокъ, остротъ и т. п., но ничего въ этихъ сходкахъ не происходило серьезнаго, а тѣмъ болѣе вреднаго для правительства.

Такова-то была моя Петербургская жизнь. Она такъ отвѣчала моимъ наклонностямъ, что я не промѣнялъ бы ея не ни на какую другую, хотя бы мнѣ за то сулили самыя богатыя средства. Разстаться съ Петербургомъ было для меня совершенно немыслимо. Но вышло не то, далеко не то.....

Осенью 1825 года нашъ батальонъ выступилъ на загородную стоянку, на этотъ разъ въ Петергофъ, на смѣну тому батальону, въ которомъ служилъ Богдановичъ. На встрѣчномъ походѣ оба батальона сошлись на привалѣ въ Красномъ-Кабачкѣ. Надо замѣтить, что за полгода передъ тѣмъ, когда Иванъ Ивановичъ отправлялся изъ Петербурга на загородную стоянку, мы были съ нимъ во «враждѣ», и потому цѣлые полгода между собой не только не говорили, но и не видались. Но когда при этой встрѣчѣ онъ меня увидѣлъ, то бросился

*) Этотъ Семеновъ—переводчикъ Раупаховой трагедіи *Земная ночь*.

ко мнѣ на шею. Это радостное свиданіе длилось не болѣе пяти минутъ, такъ какъ ихъ батальонъ уже снимался съ привала и готовъ былъ тронуться въ путь. Только я и видѣлъ моего добраго Ивана Ивановича!

II.

(Первая встрѣча съ Декабристами.—Арестъ.—Допросъ самимъ Государемъ безъ свидѣтелей.—Въ Кронштатѣ.—Въ Петропавловской крѣпости.—Слѣдствіе.—Ссылка).

Изъ записаннаго въ 1826 году.

Въ Апрѣлѣ 1825 года мнѣ случилось стоять во внутреннемъ караулѣ Зимняго дворца. Караулъ этотъ въ то время занималъ корридоръ, ведшій изъ смежной залы кавалергардскаго караула, офицеромъ котораго, на этотъ разъ, былъ Свистуновъ, мой соученикъ по Пажескому корпусу. Такимъ образомъ мы съ нимъ цѣлый день провели вмѣстѣ, у общаго обоимъ карауламъ столика, за большимъ экраномъ камина. Съ Свистуновымъ я не встрѣчался со времени выпуска изъ корпуса. Бесѣда между нами шла оживленно; мы, казалось, сошлись во вкусахъ и наклонностяхъ. Я остался доволенъ проведеннымъ днемъ, Свистуновъ тоже, что̀ видно было уже изъ того, что, при снятіи съ караула, онъ просилъ меня не миновать его двери, ежели мнѣ когда-либо доведется быть въ той сторонѣ, гдѣ онъ квартируетъ.

Въ первый же мой визитъ Свистунову моя будущность была рѣшена. Мы дотолковались до разныхъ откровенностей и, въ концѣ концовъ, собесѣдникъ мой мнѣ сообщилъ, что онъ принадлежитъ къ тайному обществу, и предложилъ мнѣ послѣдовать его примѣру. Не долго думавши, не дождавшись даже дальнѣйшихъ объясненій, я далъ ему «слово». Эти объясненія не замедлили излиться въ восторженной рѣчи, предметъ которой требовалъ выраженій и оборотовъ мнѣ незнакомыхъ, такъ какъ моя тогдашняя мудрость во Французскомъ разговорѣ заключалась лишь въ «здравствуй» да «прощай», съ примѣсью развѣ пустыхъ банальныхъ фразъ; мой же собесѣдникъ владѣлъ этимъ языкомъ какъ своимъ природнымъ.

Вышедъ отъ Свистунова, я шелъ куда глаза глядятъ, безъ плана и безъ цѣли. Въ моей головѣ бродили смутныя, но не тревожныя мысли. Такъ какъ прежде я не слышалъ о существованіи другихъ тайныхъ обществъ кромѣ братства масоновъ, то это послѣднее легко отождествилось у меня съ моимъ новымъ членствомъ: сказано «тайное», значитъ масонство! Чтожъ, масонство, какъ видно, дѣло недурное; на

масоновъ смотрятъ какъ на людей высшей интеллегенціи, какъ на людей передовыхъ; и въ числѣ ближайшихъ нашихъ наставниковъ были масоны: старикъ Оде-де-Сіонъ—масонъ; Триполи—масонъ (этотъ и не скрывалъ, что онъ масонъ); дядя мой, князь Манвеловъ, тоже масонъ; самъ Триполи, когда о дядѣ зашла рѣчь, отозвался о немъ: «Oh, il est des nôtres, il est aussi mystérieux *), а я въ немъ этого и не подозрѣвалъ!» Какъ слышно, между высшими государственными людьми многіе принадлежатъ къ тайному обществу; на это указывалъ и Свистуновъ. Да чего тутъ! Самъ Государь, говорятъ, масонъ, и т. д. и т. д. все въ томъ же родѣ.

Послѣдующіе за тѣмъ два мои визита Свистунову, съ цѣлью добиться отъ него болѣе положительныхъ объясненій, были неудачны: въ первый, я засталъ у него нѣсколько человѣкъ гостей; во второй—одного, сидѣвшаго въ сторонѣ за газетой. Это былъ товарищъ Свистунова по полку, съ которымъ знакóмъ я не былъ, но въ лицо его зналъ. Съ Свистуновымъ мы распрощались надолго: онъ мнѣ сказалъ, что не сегодня, такъ завтра онъ уѣзжаетъ за ремонтомъ. Неудача эта меня однакожъ не очень заботила, такъ какъ я не зналъ, было ли въ положеніяхъ общества заранѣе намѣчено время для какихъ-либо дѣйствій. На поверхности окружающей меня жизни была тишь, а вглубь заглянуть мнѣ и не мыслилось; спѣшить съ объясненіями крайности не представлялось; вернется со своей командировки, тогда и объяснимся. Времени впереди—цѣлое море!

Между тѣмъ прерванныя такимъ образомъ, съ одной стороны, сношенія, стали завязываться съ другой. Мой товарищъ Зетъ заподозрилъ мои, небывалые прежде, визиты Свистунову. Отъ слова къ слову, Зетъ мнѣ открылъ, что онъ состоитъ членомъ тайнаго братства (этого прежде я не зналъ), въ духѣ котораго и желаетъ войти со мною въ общеніе. Я съ радостію далъ согласіе; я не усомнился, что вновь предлагаемое братство—тоже самое, которому я уже не былъ чуждъ; я ухватился за представляющуюся мнѣ возможность удовлетворить мое любопытство. Но тутъ дѣло пошло на чистоту: цѣль общества—истребленіе предержащей власти мнѣ была сообщена; но о срокѣ исполненія этой цѣли не было слова, а довѣдаться о томъ я и не подумалъ. Между тѣмъ эта конечная цѣль, такъ круто мнѣ объявленная, привела меня въ ужасъ. Я рѣшительно отвергъ ее, сказавъ, что для меня немыслимо и подумать лишить жизни и послѣдняго плебея, еслибъ даже онъ и заслуживалъ подобной кары.

*) О, онъ изъ нашихъ, онъ также таинственен.

Послѣ этого разговоръ нашъ былъ недологъ. Мы кончили тѣмъ, что происшедшее между нами въ тѣ минуты должно оставаться втайнѣ и какъ бы забытымъ и что, по крайней мѣрѣ, прежде чѣмъ я на чемъ либо остановлюсь, мнѣ нужно время на размышленіе. Зетъ не настаивалъ; мы остались по прежнему друзьями.

Ежели я, не колеблясь, отдалъ себя въ руки Свистунову, съ которымъ лѣтъ пять не встрѣчался, то какъ было не довѣриться Зету? Съ нимъ мы провели вмѣстѣ болѣе чѣмъ два года и, казалось, хорошо узнали другъ друга; на него я надѣялся, какъ на каменную стѣну. Но, не смотря на это, послѣднее открытіе произвело во мнѣ такое потрясеніе, что я въ тотъ же день свалился—заболѣлъ горячкой. По причинѣ этой-то болѣзни я не могъ слѣдовать съ полкомъ въ лагери и все лагерное время оставался въ Петербургѣ.

Вскорѣ послѣ того какъ полкъ пришелъ изъ лагерей, я выздоровѣлъ и предался моей обычной жизни. Болѣзнь какъ будто вышибла изъ меня недавнюю напасть и меня отрезвила; ежели когда и схватывали ощущенія безпокойства, то не надолго; я всегда утѣшалъ себя тѣмъ, что вотъ Свистуновъ, рано или поздно, да наконецъ пріѣдетъ же, и я, наступя на горло, все у него вывѣдаю. Какъ знать, можетъ быть существуетъ и другое подобное общество, но съ намѣреніями менѣе варварскими; ежели же оба они одной и той же птицы перья, то я просто отъ Свистунова возьму мое слово назадъ, и буду чистъ: вѣдь Зету слова я не далъ! Такъ я и остался въ выжидательномъ положеніи. Зетъ молчалъ и не заводилъ разговора о «дѣлѣ», а я и подавно.

Среди такихъ-то обстоятельствъ мы вновь перебрались съ нашимъ батальономъ на загородное расположеніе въ глухой, относительно, Петергофъ: тишина, бездѣятельность, непроходимая проза жизни. Въ это время мы съ Зетомъ читали Шеллингову біологію, по Велланскому, въ чемъ намъ изрѣдка помогалъ нашъ лѣкарь. Но такая матерія, могла ли она служить развлеченіемъ для моей живой, впечатлительной натуры? Я началъ скучать, а съ тѣмъ вмѣстѣ морально уединяться, сосредоточиваться, и тутъ стали во мнѣ пробуждаться прежнія тревоги. Раздѣлить ихъ было не съ кѣмъ; я жаждалъ излить предъ кѣмъ нибудь всю мою душу. Мнѣ вспала на умъ отрадная мысль: посовѣтываться съ кѣмъ-либо изъ моихъ друзей.

Мой первый выборъ палъ на М. Н. Семенова: онъ одинъ могъ спасти меня отъ этого адскаго затрудненія. Но какимъ образомъ явиться передъ нимъ, какъ преступнику—да, преступнику? Это слово грозно звучало въ моей совѣсти. Мое признаніе было бы слишкомъ внезапно.

слишкомъ дико предъ непреклонностью убѣжденій Семенова. Я не могъ надѣяться съ перваго же раза возбудить въ немъ участіе ко мнѣ, а одна мысль хоть на минуту уронить себя въ его мнѣніи была для меня невыносима. И такъ я оставилъ мысль о Семеновѣ и остановился на другомъ лицѣ, на одномъ изъ моихъ школьныхъ товарищей, съ которымъ, квартируя въ одномъ домѣ (Гарновскомъ) и по выходѣ изъ корпуса, мы очень часто видались, очень часто бесѣдовали и вообще находились въ наилучшихъ отношеніяхъ. Это былъ человѣкъ съ кроткимъ, ровныхъ характеромъ, далеко не эксцентрикъ, но съ либеральнымъ и въ высшей степени гуманнымъ направленіемъ. Этотъ школьный мой другъ былъ Яковъ Ростовцовъ.

Я не зналъ, и до сихъ поръ не знаю, принадлежалъ ли Ростовцовъ къ «обществу»; да я и не ради толковъ объ обществѣ хотѣлъ его видѣть: я только желалъ у него вывѣдать, никого не называя, ниже́ и себя, какъ бы онъ поступилъ, еслибъ очутился въ положеніи подобномъ моему, не открывая, что въ этомъ случаѣ я подразумѣваю себя. Но, видно, судьбѣ не угодно было, чтобъ эта моя попытка имѣла успѣхъ. Я два раза ѣздилъ за этимъ изъ Петергофа въ Петербургъ. Въ первую изъ этихъ поѣздокъ, когда я пришелъ къ Ростовцову, у него сидѣлъ какой-то незнакомый мнѣ господинъ, а во вторую я у него засталъ двухъ общихъ нашихъ пріятелей, В. Семенова и Башуцкаго. «Вотъ кстати», сказали они, какъ бы сговорившись, «а у насъ сегодня маленькое литературное засѣданіе». Читали отрывки изъ «Князя Пожарскаго» трагедіи, которую писалъ тогда Ростовцовъ; читалъ не самъ авторъ (онъ былъ заика), а Семеновъ. Вечеръ прошелъ допоздна очень пріятно, но не для меня собственно: я, съ чѣмъ пріѣхалъ, съ тѣмъ долженъ былъ и уѣхать, такъ какъ, бывъ отпущенъ на срокъ, не хотѣлъ опоздать возвращеніемъ къ своему мѣсту. Я, однакожъ, не унывалъ; меня не покидала все таже мысль: времени впереди нѣтъ конца, еще успѣемъ! Я не подозрѣвалъ, что мы уже наканунѣ смутныхъ дней.

И въ самомъ дѣлѣ, въ Петергофѣ вскорѣ было получено извѣстіе о кончинѣ императора Александра Павловича. Присягнули Константину.

Зетъ впалъ въ безпокойство и отъ времени до времени сталъ сильно задумываться. «Чтò съ тобою?» спросилъ я у него, «ты какъ будто не въ себѣ; ужъ не жалѣешь ли объ Александрѣ Павловичѣ? Сколько знаю, ты не былъ въ числѣ его поклонниковъ».—«А я такъ удивляюсь», возразилъ онъ сухо, «какъ можно не быть поражену при такомъ важномъ событіи: мало ли что можетъ случиться!»

Послѣ первой присяги новому Государю, Зету принесли письмо изъ Петербурга. Прочитавъ это письмо, Зетъ проговорилъ: «Нечего

дѣлать, придется съѣздить въ Петербургъ».—«Зачѣмъ это?»—«Пріѣхала мадамъ Ванвицъ *) и желаетъ со мною повидаться».

На другой день онъ отправился въ Петербургъ. Оттуда онъ вернулся съ важными новостями: Константинъ Павловичъ отказывается отъ престола; къ нему посланъ важный сановникъ, а потомъ и Михаилъ Павловичъ поѣхалъ въ Варшаву; гвардія и народъ въ тревогѣ; всеобщее недоумѣніе.

Дня за два до 14-го Декабря, Зетъ получилъ коротенькую записку, безъ подписи; въ запискѣ этой было лишь сказано: «У насъ все готово, держитесь крѣпко». «Что это значитъ?» спросилъ я. «А значитъ то», отвѣчалъ Зетъ, «что гвардія, разъ присягнувъ Константину, не присягнетъ Николаю».

Послѣ этого, весьма натурально, между Зетомъ и мною другихъ разговоровъ не было какъ на эту тему. Мнѣ только казалось странно, что я, сильнѣе чѣмъ Зетъ былъ убѣжденъ въ томъ, что гвардіи и нельзя было поступить иначе: присяга не шутка; какъ таки, поклявшись въ вѣрности одному, вдругъ, ни съ того ни съ сего, давать такую же клятву другому, не узнавъ заранѣе, почему первая клятва остается недѣйствительною **)! Мы протолковали далеко за полночь и порѣшили тѣмъ, чтобъ Николаю не присягать. Въ заключеніе, я предложилъ слѣдующее: дабы наше сопротивленіе не имѣло, по возможности, вида открытаго непослушанія, прежде чѣмъ обрядъ присяги начнется, вызвать Щербинскаго (нашъ батальонный командиръ) въ другую комнату, тамъ объявить ему нашъ отказъ отъ присяги Николаю и, ежели Щербинскій потребуетъ, отдать ему наши шпаги безпрекословно.

Зетъ согласился, но какъ-то не вдругъ. Вообще онъ сталъ держать себя въ отношеніи ко мнѣ иначе; прежде, въ нашихъ обсужденіяхъ, я почти всегда сознавалъ его превосходство надо мною; теперь же выходило наоборотъ: онъ постоянно оказывалъ уступчивость. Съ тѣмъ вмѣстѣ и выраженіе въ его чертахъ измѣнилось: оно стало безпокойно, не говоря уже, что онъ очень похудалъ за это короткое время; какая-то странная, какъ бы судорожная, улыбка, не сходила съ его лица. Не трудно было догадаться, что, въ послѣднюю свою поѣздку въ Петербургъ, онъ узналъ что либо важное, что можетъ быть онъ видѣлся тамъ со своими друзьями и вошелъ съ ними въ особыя со-

---

*) Помѣщица одной съ Зетомъ губерніи. Зетъ упоминалъ о ней и прежде. Ванвицъ—псевдонимъ.

**) Въ то время мы и не могли подумать о томъ, что еслибъ распоряженіе покойнаго Императора о престолонаслѣдіи было обнародовано заблаговременно, то было бы хуже: заговорщики успѣли бы подвести свои мины не подъ одну только Сенатскую площадь:

глашенія. Но зачѣмъ онъ ихъ отъ меня скрывалъ, онъ, который, при нѣсколькихъ случаяхъ, отдавалъ справедливость моимъ дѣйствіямъ? Я не могъ этого понять, а допытываться находилъ для себя... неудобнымъ.

Въ самый день 14-го Декабря я стоялъ въ караулѣ. День тянулся спокойно; ко мнѣ на гауптвахту никто не заглядывалъ. Было еще засвѣтло, когда я узналъ, что офицеры сходятся на присягу, чего съ гауптвахты не было видно. Я теперь не припомню, у кого происходила эта церемонія: у Щербинскаго ли, батальоннаго нашего командира, или у генерала Чичерина, старшаго воинскаго начальника въ Петергофѣ. Въ это время часовой крикнулъ: «Вонъ!» Подъѣхали сани. Изъ нихъ ловко выпрыгнулъ Чичеринъ и, сбросивъ съ себя шубу, обратился къ караулу, поздоровался съ солдатами отрывисто, но ласково, и продолжалъ тономъ убѣжденія: «Смотри же, ребята, я на васъ надѣюсь; надѣюсь, что у васъ все будетъ тихо и благополучно. Я не сомнѣваюсь, что тихо все обойдется»... и т. д. и т. д. все таже и одна пѣсня. Генералъ сдѣлалъ бы лучше, еслибъ воздержался отъ необычнаго съ солдатомъ краснорѣчія: такая новизна не могла не задѣть вниманіе ихъ. Какъ только вошли опять въ караульню, между ними поднялись толки и догадки о причинѣ такой любезности со стороны чужаго имъ генерала *). Я пріотворилъ къ нимъ дверь и сказалъ, что они будутъ мнѣ мѣшать спать, если не умолкнутъ; тотчасъ водворилась тишина. Уснуть, разумѣется, я не могъ, съ нетерпѣніемъ ожидая, чѣмъ все это кончится.

Когда совсѣмъ стемнѣло, и горѣла свѣча, дверь вдругъ растворилась и вошелъ Зетъ. Это онъ прямо съ присяги, въ мундирѣ. Я рванулся къ нему. «Ну что, какъ?» спрашиваю и съ тѣмъ вмѣстѣ вижу, что онъ на себя не похожъ: блѣденъ какъ смерть.

— «Да что!» съ трудомъ выговорилъ онъ. «Я поспѣшилъ, чтобъ тебѣ сказать»...

— «Что же, присягнулъ?»

— «Никакъ нельзя было иначе».

— «Это отчего?»

— «Да такъ... Когда я вошелъ, гдѣ собрались, всѣ на меня вдругъ взглянули какъ-то странно, подозрительно, какъ будто знали. Да я и нездоровъ; чертъ его знаетъ отчего... все меня... вотъ опять»... и онъ поспѣшилъ къ двери.

---

*) Чичеринъ—командиръ лейбъ-драгунскаго полка.

— «Присягни-жъ и ты», сказалъ онъ уходя, «теперь уже нечего; вѣдь мы условились, чтобъ заодно».

Я его проводилъ до наружной двери караульни. Переступая порогъ, онъ еще разъ сказалъ: «Присягни же, смотри», и скрылся въ темнотѣ ночи.

Все это приводило меня въ смущеніе. Ясно было, что мой бѣдный Зетъ просто струсилъ: никто и никакимъ образомъ не могъ узнать, что между нами было соглашено. Если бы и въ самомъ дѣлѣ что-либо знали, Зету ничто не мѣшало объясниться наединѣ съ Щербинскимъ и дать себя арестовать. Да, наконецъ, лучшимъ ручательствомъ того, что наша тайна осталась тайной служитъ то, что ежели бы Щербинскій о ней провѣдалъ, то, нѣтъ сомнѣнія, арестовалъ бы насъ еще до присяги.

Вслѣдъ за уходомъ Зета, на гауптвахту явился Щербинскій съ священникомъ и привелъ караулъ къ присягѣ.

Поздно уже ночью, когда все стихло, вдругъ послышался топотъ скорыхъ шаговъ по платформѣ, громко стукнула выходная дверь, и ко мнѣ вбѣгаетъ Норовъ *). «Вотъ новость», произнесъ онъ торопливо и подавляя голосъ: «въ Петербургѣ бунтъ, Милорадовичъ убитъ!» Это поразило меня несказанно. Наскоро обмѣнявшись со мною парою словъ, Норовъ выбѣжалъ изъ комнаты.

Когда я снялся съ караула, то засталъ Зета нѣсколько успокоеннымъ, но молчаливымъ. На мои вопросы онъ отвѣчалъ кратко, съ явной неохотой. Мочалъ и я, не желая ему надоѣдать.

Въ туже ночь нашъ батальонъ выступилъ къ Петербургу.

Уже разсвѣло, когда мы пришли на привалъ; тутъ тоже на привалѣ стояли уланы.

Мы, Измайловцы, собрались на завтракъ въ мѣстной гостиницѣ. Разговоръ исключительно вращался на важности тогдашняго положенія дѣлъ. Щербинскій видимо робѣлъ, терялся. Зашелъ вопросъ: такъ какъ сообщеніе съ Петербургомъ прервано, а солдаты, нѣтъ сомнѣнія, ничего вѣрнаго о происшедшемъ не знаютъ, то благоразумно ли оставлять ихъ въ невѣдѣніи и тѣмъ, можетъ быть, дать злоумышленникамъ возможность распускать ложные слухи въ пользу своего предпріятія? Какъ знать, можетъ быть, бунтъ не на столько еще подавленъ, чтобъ не могъ снова вспыхнуть. На это я первый подалъ мнѣніе, что слѣдуетъ не медлить и предъ фрунтомъ батальона громко объявить, что нѣсколько ротъ гвардіи вышли изъ повиновенія, и когда Милорадовичъ подъѣхалъ къ нимъ чтобы ихъ образумить, то выстрѣ-

*) Офицеръ нашего батальона.

ломъ изъ толпы былъ смертельно раненъ. «Этимъ», заключилъ я, «вы, полковникъ, внушите къ себѣ довѣріе солдатъ и вооружите ихъ противъ убійцъ любимаго генерала». Послѣ того не прошло и четверти часа, какъ получено было предписаніе остановить движеніе батальона и возвратиться въ Петергофъ. Такъ мой совѣтъ остался втунѣ: онъ могъ быть полезенъ лишь при дальнѣйшемъ движеніи къ столицѣ.

По пробитіи «подъема» я подходилъ уже къ батальону, выстроившемуся къ выступленію въ обратный путь, какъ увидѣлъ кружокъ офицеровъ, уланскихъ и нашихъ, среди которыхъ одинъ энергически ораторствовалъ, размахивая руками. Я подошелъ. Это былъ уланскій офицеръ Скалонъ. Онъ утверждалъ, что бунтъ въ Петербургѣ не только не унялся, какъ можно было заключить изъ нашего возвращенія, но что, напротивъ, бунтъ растетъ; что послѣ Милорадовича, Михаилъ Павловичъ едва не подвергся той же участи, а равно и митрополитъ, явившійся съ крестомъ увѣщевать непокорныхъ; что они, вырвавъ крестъ изъ его рукъ, били его крестомъ по головѣ и т. п... Зетъ до того воспламенился этимъ разсказомъ, что бросился было къ батальону, дабы его возмутить; но, къ счастью, Норовъ, тутъ же стоявшій, не допустилъ его къ тому. Въ эту минуту батальонъ былъ уже готовъ двинуться, и мы поспѣшили къ своимъ мѣстамъ.

По возвращеніи въ Петергофъ, первые дни мы провели въ совершенной тишинѣ, безъ всякихъ выдающихся случаевъ; на улицахъ было почти пусто. Сообщенія съ Петербургомъ не было замѣтно; но слухи ходили, слухи робкіе, смутные, безсвязные: называли Бестужевыхъ; говорили, что Государь былъ предупрежденъ о возмущеніи какимъ-то лейбъ-егерскимъ офицеромъ. Толки эти не имѣли исхода для разъясненій тѣмъ болѣе, что и внутри города сообщенія не было: каждый сидѣлъ у себя дома; офицеры видѣлись между собою тогда лишь, когда сходились по службѣ. Наконецъ, до насъ дошла вѣсть о самоубійствѣ Богдановича! Это сильно обоихъ насъ поразило: Богдановичъ былъ общимъ нашимъ другомъ. Наши съ Зетомъ бесѣды приняли характеръ печальный, но въ отношеніи собственно насъ самихъ не особенно тревожный: буря насъ миновала—ну, и слава Богу! Себя мы хвалили за сдержанность и осторожность: поступи мы иначе, быть можетъ, мы еще больше испортили бы дѣло. Какъ можно было угадать, чѣмъ именно эта вспышка развяжется въ Петербургѣ? Вѣдь только тамъ и могло разрѣшиться, чья возметъ—Константина или Николая. Тамъ весь фокусъ, вся сила, а мы здѣсь что̀ съ нашею горстью? Еслибъ кинулись, очертя голову, въ такое рискованное предпріятіе, могли бы, ни-за-что, ни-про-что, попасть въ просакъ и погубить батальонъ. Словомъ, мы стали болѣе и болѣе успокоиваться, стали

находить, что бѣда стрясется только на тѣхъ, кто участвовалъ въ бунтѣ, кто захваченъ на площади; тамъ конечно многіе пострадаютъ. Мы просиживали у камина далеко за полночь и отходили ко сну безмятежно.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, именно 23 Декабря, часовъ въ 11 вечера, среди полнѣйшей тишины, прерываемой лишь храпомъ нашихъ слугъ, въ комнатѣ этихъ послѣднихъ вдругъ послышался необычайный шумъ, за тѣмъ лязгъ засова наружной двери. Къ намъ входитъ Щербинскій и смертно блѣдный, подходя ко мнѣ: «Государь Императоръ», началъ онъ (въ эту минуту вошелъ фельдъегерь), «изволилъ приказать арестовать васъ; пожалуйте вашу шпагу и приготовьте ваши бумаги, какія у васъ есть; вотъ имъ (онъ указалъ на фельдъегеря) повелѣно представить васъ прямо къ Его Величеству».

При этомъ словѣ Зетъ бросился съ крикомъ въ уголъ комнаты, схватилъ тамъ свою шпагу и, суя ее въ руки Щербинскаго, продолжалъ кричать: «Тутъ виноватъ я, я одинъ. Гангебловъ не виноватъ ни въ чемъ. Везите и меня къ Государю!»

— «Да мнѣ не приказано васъ арестовывать; я не въ правѣ этого сдѣлать».

— «Говорю вамъ», повторялъ Зетъ, возвышая еще голосъ, «говорю вамъ, полковникъ; я одинъ, понимаете-ли? Я одинъ тутъ виноватъ; я Государю во всемъ признàюсь, всю правду ему выскажу; ежели вы меня не арестуете, вы будете отвѣчать; берите мою шпагу и отправляйте меня вмѣстѣ съ Гангебловымъ».

Зетъ былъ въ полномъ разстройствѣ духа; я же, не находя въ томъ чтó *сдѣлалъ* ничего незаконнаго (въ моей головѣ только вертѣлась присяга), былъ спокойнѣе, приписывая мой арестъ ложному доносу и увѣренный, что, послѣ перваго же допроса, меня отпустятъ съ миромъ. Мои сборы были недолги: бумагъ, которыя могли бы меня компрементировать, у меня не было. Когда все было готово къ выѣзду, мы спустились съ лѣстницы и размѣстились въ саняхъ: фельдъегерь сѣлъ по срединѣ между Зетомъ и мною. Морозъ былъ жестокій, ночь хоть глазъ выколи. Дорогою мы, разумѣется, молчали; узнали только, что везшій насъ фельдъегерь былъ Годефруа. На станціи мы не перемолвились ни однимъ словомъ. Когда сани были поданы, Годефруа намъ сказалъ: «Мм. гг., я долженъ васъ предупредить, что мнѣ приказано васъ обыскать, нѣтъ ли при васъ какого либо оружія; но я этого не сдѣлаю, въ полной увѣренности, что, какъ благородные люди, вы меня не погубите». Мы ему предложили обыскать, но онъ рѣшительно отказался.

Въ Зимнемъ дворцѣ насъ ввели въ небольшую, ярко освѣщенную комнату, гдѣ никого не было. Вскорѣ, изъ противоположной двери, къ намъ вошелъ дежурный генералъ Потаповъ.

— «Кто изъ васъ Гангебловъ?» спросилъ онъ.

— «Я, ваше прев-во», отозвался я.

— «Вы знаете, за что вы арестованы?»

— «Не знаю, ваше прев-во».

Потаповъ съ тѣмъ же вопросомъ перешелъ къ Зету.

— «Знаю», твердо произнесъ Зетъ. «Я арестованъ себя за то, что принадлежу къ тайному политическому обществу», и за тѣмъ полилась непрерывнымъ, восторженнымъ потокомъ, рѣчь, изъ которой, къ величайшему моему удивленію, я узналъ, что онъ, Зетъ, еще въ 1817 году, былъ принятъ въ братство Карбонаровъ Итальянцемъ, профессоромъ Джилли *), вскорѣ послѣ того умершимъ въ домѣ сумасшедшихъ; что въ недавнее время онъ вступилъ и въ Сѣверное политическое общество, и т. д. и т. д.

Но далѣе я уже ничего не слышалъ: при этой фразѣ меня бросило въ жаръ, я едва устоялъ на ногахъ; въ моей памяти быстро промелькнули всѣ, даже мельчайшіе, случаи, начиная отъ Свистунова до послѣдней поѣздки Зета въ Петербургъ и до «привала». Все это ясно проблеснуло въ моей головѣ, все вмѣстилось въ одномъ мгновеніи; очевидно стало, что не споръ за Константина или Николая, а Свистуновское братство подняло бурю. Теперь я уже напередъ зналъ, чѣмъ буду встрѣченъ у Государя. Но, думалось мнѣ: быть не можетъ! Свистуновъ далеко—за ремонтомъ...

Между тѣмъ Зетъ заключилъ свою исповѣдь Потапову такъ: «Вотъ все, что̀ я имѣю сказать».

Потаповъ, слушавшій съ напряженнымъ вниманіемъ и видимо пораженный, молча вышелъ изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ таже дверь снова отворилась, и ген. Мартыновъ (бывшій мой полковой командиръ) велѣлъ мнѣ слѣдовать за собою. Пройдя съ нимъ двѣ или три пустыя залы, я вдругъ очучился лицомъ къ лицу съ Николаемъ Павловичемъ. Онъ былъ одинъ въ комнатѣ; въ сюртукѣ, безъ эполетовъ. Я не видалъ его въ такомъ простомъ нарядѣ съ тѣхъ поръ, какъ въ бытность камеръ-пажемъ бывалъ на воскресныхъ дежурствахъ въ его Аничковомъ дворцѣ. Онъ стоялъ, подбоченясь лѣвой рукой, лицомъ къ двери, какъ бы ожидая моего появленія.

---

*) Объ этомъ Джилли Зетъ раза два или три мнѣ говорилъ, но какъ о простомъ знакомцѣ.

— «Подойдите ближе ко мнѣ», сказалъ Государь. «Еще ближе», и, давъ мнѣ приблизиться менѣе чѣмъ на два шага, произнесъ: «Вотъ такъ».

Николай Павловичъ былъ блѣденъ; въ чертахъ его исхудалаго лица выражалось сдерживаемое волненіе. Вперивъ мнѣ въ глаза свой проницательный взоръ, онъ, почти ласковымъ голосомъ, началъ такъ:

— «Что̀ вы, батюшка, надѣлали?.. Что̀ вы это только надѣлали?.. Вы знаете, за что вы арестованы?..

— «Никакъ нѣтъ, Ваше Величество; не знаю.

— «Вы бы должны были поступить, какъ поступилъ вашъ товарищъ (при этомъ онъ указалъ на двери, чрезъ которыя я вошелъ, какъ бы поясняя, что подразумѣваетъ Зета). Вы могли впасть, какъ онъ, въ заблужденіе, въ ошибку, но имѣли времени опомниться, поправить вашъ проступокъ искреннимъ раскаяніемъ. Были вы знакомы съ Оболенскимъ и Бестужевымъ?»

— «Оболенскаго, Ваше *Высочество,* я зналъ только въ лицо, а съ Бестужевымъ встрѣчался въ обществахъ, но очень рѣдко».

— «Я не о томъ васъ спрашиваю», какъ бы вспыливъ, замѣтилъ Николай Павловичъ; «я хочу знать, были ли вы съ ними въ сношеніяхъ по тайному обществу?»

— «Никакъ нѣтъ, Ваше *Высочество*, не былъ».

— «Не Высочество, а Ве-ли-чество», вдругъ, смягчивъ голосъ, поправилъ Государь. «Были ли вы», продолжалъ онъ, «были ли вы въ спискѣ покойнаго Государя?»

— «Не знаю, Ваше Величество, и не могъ этого знать».

— «Вы мнѣ должны сказать, кому вы дали слово принадлежать къ политическому тайному обществу».

— «Ваше Величество, мнѣ не было даже извѣстно о существованіи общества съ политическою цѣлью; я зналъ, что есть общества религіозныя, но ни въ одно изъ нихъ я не вступалъ». Говоря это, я горѣлъ отъ стыда, такъ какъ ложью я всегда гнушался *).

Тутъ Николай Павловичъ, не сводя съ моихъ глазъ пристальнаго взора, взялъ меня подъ руку и сталъ водить изъ угла въ уголъ залы.

— «Послушайте», началъ онъ, понизивъ голосъ, «послушайте, *вы играете въ крупную и ставите ва-банкъ.* Замѣтьте, что я не напоминаю вамъ о присягѣ, которую вы дали на вѣрность вашему

---

*) Съ тѣхъ поръ прошло около 60 лѣтъ, но разговоръ этотъ изложенъ здѣсь совершенно вѣрно, такъ какъ онъ заимствованъ изъ записокъ, которыя я велъ въ 1826 году (развѣ нарушенъ порядокъ, въ которомъ Государь предлагалъ вопросы, да и то едва ли). Слова Государя часто съ тѣхъ поръ повторялись въ моей памяти.

Государю и вашему отечеству; это дѣло вашей совѣсти предъ Богомъ. Но вы должны были не забывать, что вы дали под-пис-ку, что не вступите ни въ какое тайное общество. Такими вещами шутить нельзя. Вы не могли не замѣтить, что я васъ всегда отличалъ, вы служили при женѣ», и т. д. и т. д. Государь не задавалъ уже мнѣ вопросовъ; а непрерывно говорилъ одинъ, ѳономъ, гдѣ слышались не то упрекъ, не то сожалѣніе. Между прочимъ онъ сказалъ: «Вы помните прошлогодній лагерь; вы помните что разъ было во время развода.... Видите, какъ я съ вами откровененъ. Платите и вы мнѣ тѣмъ же; съ тѣхъ поръ вы у меня были на особомъ отличномъ счету». Эти слова меня озадачили; я никакъ не могъ понять, на какое такое особенное обстоятельство намекаетъ Николай Павловичъ. За тѣмъ онъ еще продолжалъ; но что далѣе говорилъ, того не припомню, какъ потому, что рѣчь эта велась довольно долго, такъ и по той причинѣ, что былъ заинтересованъ загадочнымъ намекомъ на лагерный разводъ. Наконецъ, не слыша никакого съ моей стороны отзыва, Государь видимо терялъ терпѣніе, и когда мы дошли до того мѣста, съ котораго начали ходить и гдѣ Мартыновъ все это время стоялъ на вытяжку, Государь остановился и, повернувъ меня лицомъ къ себѣ, «ну», сказалъ онъ, «теперь вы на меня не пеняйте: я для васъ сдѣлалъ все что могъ сдѣлать.... Такъ вы не хотите признаться? Смотрите мнѣ прямо въ глаза! Такъ вы не хотите признаться? Въ послѣдній разъ васъ спрашиваю: кому вы дали слово?»

— Ваше Величество, я не знаю за собой никакой вины.

«Поймите, *въ послѣдній разъ* васъ спрашиваю: никому слова не давали?»

— Никому, произнесъ я рѣшительно.

«И вы скажете, что вы не дали слова Свистунову?»

— Н-н-ѣ-тъ.

«И вы это говорите, какъ благородный офицеръ?»

Я совершенно растерялся. Я не могъ двинуть языкомъ....

«Видите, Павелъ Петровичъ», гнѣвно сказалъ Государь, указывая на меня Мартынову. «Вы не вѣрили, вы его защищали — вотъ вамъ!!... Посадите его въ отдѣльную комнату».

Мартыновъ и я вышли. Въ той комнатѣ, гдѣ оставался Зетъ, онъ приказалъ мнѣ дожидаться, а Зета повелъ съ собою.

Я остался одинъ среди совершенной тишины. Необычайность и громадность значенія того, что со мною совершилось въ такое короткое время, въ какіе нибудь три-четыре часа; мысль, что я на столько обратилъ на себя вниманіе Государя, что самъ Государь лично меня допрашивалъ, и рядомъ съ этимъ, мое наглое и такъ пошло оборвав-

шееся лганье, все это быстро смѣнялось въ моемъ разстроенномъ сознаніи. Я надѣялся, впрочемъ, что мое моральное паденіе дальше не пойдетъ: съ Зетомъ Государь, вѣрно, заведетъ рѣчь обо мнѣ. Какъ не завести? Вмѣстѣ жили. Но Зетъ меня не выдастъ, не выдастъ и потому уже, что не знаетъ, держусь ли я еще слова, которое далъ Свистунову. Мы такъ давно объ этихъ вещахъ съ нимъ не толковали! Словомъ, я былъ не совсѣмъ еще сбитъ съ позиціи.

Вошелъ Мартыновъ, а за нимъ и Зетъ. Мартыновъ велѣлъ мнѣ тоже слѣдовать за собою. Мы пошли дальше. Въ одной изъ комнатъ писалъ какой-то адъютантъ; тутъ нашъ вожатый, приказавъ намъ дожидаться, пошелъ за слѣдующія двери. Послѣ довольно долгаго ожиданія, во время котораго мы, въ присутствіи адъютанта, не могли перемолвиться ни однимъ словомъ, насъ позвали, ввели въ комнату, полную разнаго чиновнаго народа и суетливаго движенія, и сдали фельдъегерю, но уже не Годерфруа, а другому. Онъ насъ привезъ въ крѣпость. Когда сани остановились у комендантскаго подъѣзда, который мнѣ былъ памятенъ *), я, не стѣсняясь соглядатайствомъ фельдъегеря, сказалъ Зету:

— «Прощай же!»

— «Какъ такъ?»

— «Да такъ: Государь приказалъ посадитъ меня *особо*.

Мы обнялись, горячо обнялись.

Передъ комендантомъ мы предстали не вдругъ, а тогда только, какъ вернулся плацъ-адъютантъ, которому, при входѣ въ канцелярію, нашимъ фельдъегеремъ былъ переданъ конвертъ. Отъ коменданта мы вышли съ плацъ-адъютантомъ, который на пути намъ сказалъ: «Васъ, господа, не знаемъ какъ и разсадить: всѣ помѣщенія заняты». И въ самомъ дѣлѣ, мы вмѣстѣ введены были въ большой, сводчатый казематъ, гдѣ было много солдатъ; казематъ этотъ служилъ караульней. Насъ завели за досчатую перегородку, не выше двухъ съ половиною аршинъ, устроенную у противоположнаго отъ входа угла и, вопреки приказанію Государя, тамъ насъ оставили. Въ отверстіе маленькой двери поставленные у нея два часовые вставили накрестъ свои ружья. Говорить между собою мы могли свободно, но лишь въ полголоса, чему и способствовалъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ затруднялъ, гомонъ караульныхъ.

---

*) Комендантъ Петропавловской крѣпости ген. Сукинъ, въ старые годы, былъ съ моимъ отцомъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. По желанію отца я у Сукина бывалъ изрѣдка.

— «Ну что?» былъ первый мой вопросъ, «какъ Государь съ тобой обошелся?»

— «О! онъ нѣсколько разъ меня обнималъ, сказалъ, что прощаетъ, чтобъ я посидѣлъ только подъ арестомъ, пока кончится слѣдствіе».

— «Что же ты ему говорилъ?»

— «Да тоже, что̀ высказалъ Потапову; къ этому я хорошо приготовился: я всю дорогу обдумывалъ, времени на то было довольно. Государь допытывался о Галяминѣ и Богдановичѣ; онъ зналъ, что они были друзьями. Я ему сказалъ, что они давно разсорились, что Богдановичъ былъ человѣкъ несчастный, такъ какъ онъ былъ преданъ пагубной привычкѣ ранней своей юности. При этомъ Государь спросилъ у Мартынова: «Правда это, Павелъ Петровичъ?» — «Не могу утверждать, Ваше Величество», сказалъ Мартыновъ, «но знаю, что Богдановичъ былъ нрава очень угрюмаго, подозрительнаго, былъ раздражителенъ и щекотливъ».—«Я первый», продолжалъ Зеть, «о тебѣ заговорилъ, что ты ни въ чемъ не виноватъ; но Николай Павловичъ какъ будто не обратилъ на это вниманія, какъ будто и не слышалъ, а послѣ о тебѣ уже не упоминалъ».

Мы пробесѣдовали до утра и на другой день до вечера; говорили и о постороннихъ предметахъ, возвращаясь отъ времени до времени къ настоящему. Тутъ я узналъ много такого, на что̀ прежде не обращалъ вниманія: что̀ казалось мнѣ невѣроятнымъ, баснословнымъ, то теперь представилось положительнымъ фактомъ, напр. казнь Людовика XVI, о которой, хоть мимоходомъ мнѣ и случалось слышать, но я вѣрилъ въ нее не больше какъ вѣрилъ вообще въ историческія басни, какъ-то вскормленіе Ромула волчицей и пр.

Точно также Зеть только теперь мнѣ открылъ, что смерть императора Александра Павловича должна была служить сигналомъ къ открытію дѣйствій Общества. При этомъ я спросилъ у Зета: «Почему же онъ прежде меня объ этомъ не предупредилъ? Почему онъ оставлялъ меня въ невѣдѣніи о срокѣ, въ который Общество должно было привести въ исполненіе свой планъ? Знать это», прибавилъ я, «было для меня чрезвычайно важно, какъ вижу теперь».

— «Не могъ же я», отвѣчалъ Зеть, «не могъ же я *всего* тебѣ открыть послѣ того, какъ ты не захотѣлъ согласиться на главную мѣру, на истребленіе властей, безъ чего цѣль Общества не могла быть достигнута».

— «Положимъ это такъ», возражалъ я; «но *послѣ* бунта отчего ты мнѣ не открылъ, что бунтъ былъ поднятъ для собственныхъ цѣлей Общества, а вовсе не для того, чтобы дать престолъ Константину? Ежели теперь ты самъ рѣшился добровольно явиться съ повинной къ

Царю, то какъ ты не подумалъ, что, при подобныхъ же обстоятельствахъ, такой шагъ былъ бы не безполезенъ и для меня?»

— «Да я никакъ не ожидалъ», оправдывался мой собесѣдникъ, «чтобъ и тебя арестовали; о нашихъ тайныхъ дѣлахъ мы такъ давно не упоминали, что мнѣ и въ голову не приходило, чтобъ тебя хватились».

Я смолчалъ. Малодушіе, охватившее Зета при присягѣ, еще можно было чѣмъ нибудь извинить: внезапный страхъ, чувство невольное, вдругъ подавить такое чувство мы не властны; но этотъ изворотъ Зета, къ тому же проговоренный совершенно беззастѣнчиво, меня глубоко возмутилъ. Ему, работавшему въ Петербургѣ подъ однимъ предлогомъ, а со мною въ Петергофѣ подъ другимъ—ему «не приходило въ голову», что въ послѣднемъ случаѣ онъ работаетъ не на чистоту.

Зетъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе приходилъ въ себя. До того же, съ тѣхъ поръ какъ онъ, вышедъ отъ Государя, присоединился ко мнѣ, онъ оставался чрезвычайно разстроеннымъ; черты его лица какъ-то подергивались; онъ былъ, казалось, въ жару, и нервная улыбка его не покидала. Отъ времени до времени онъ повторялъ:

— «Теперь ужъ нечего!... теперь все кончено, все пропало! Ужъ не стоитъ увертываться, лучше говорить всю правду!»

На другой день послѣ нашего арестованія насъ повезли, вечеромъ, въ Зимній дворецъ.

Меня позвали перваго и ввели въ ту самую залу, гдѣ наканунѣ меня допрашивалъ Государь. Въ лѣвомъ отъ меня углу противоположной стѣны залы, на этотъ разъ, сидѣлъ у столика генералъ-адъютантъ Левашевъ.

— «Подойдите», сказалъ онъ. «Отвѣчайте на вопросы, которые я вамъ буду задавать».

Я сталъ у него за плечомъ, такъ чтобы мнѣ было видно, что̀ онъ будетъ писать. По первымъ же моимъ отвѣтамъ, которые онъ записывалъ, я увидѣлъ, что Русскій генералъ, носящій Русское имя, не твердъ въ Русской орѳографіи. Это меня не столько насмѣшило, сколько испугало: не у мѣста поставленный знакъ препинанія можетъ, чего добраго, измѣнить смыслъ моей рѣчи. Я не утерпѣлъ:

— «Ваше пр—во», сказалъ я, «позвольте мнѣ самому писать».

— «Что-жъ», закричалъ онъ, привскочивъ на стулѣ; «развѣ я не умѣю писать по-русски?»

Въ это самое мгновеніе что-то стукнуло и шорхнуло; взглянувъ влѣво, откуда это послышалось, я увидѣлъ черную вертикальную полосу непритворенной двери, противъ той, въ которую я вошелъ... Это Государь! мелькнуло у меня въ головѣ. И въ самомъ дѣлѣ, кто

другой могъ тамъ быть, кто могъ стоять или сидѣть въ темной комнатѣ, вблизи собственныхъ царскихъ покоевъ? Въ показаніяхъ, данныхъ Левашову, я сознался только въ томъ, что далъ слово Свистунову, который мнѣ передалъ, что цѣль Общества стремиться къ республиканской формѣ правленія и къ соединенію Славянскихъ племенъ въ одно политическое тѣло. Послѣ меня позванъ былъ къ Левашову Зетъ. Когда онъ вернулся отъ него, обоихъ насъ привели въ комендантскую канцелярію: тамъ, накинувъ на насъ огромныя волчьи шубы, насъ сдали двумъ фельдъегерямъ. Передъ тѣмъ, чтобъ сѣсть въ сани, мы опять обнялись и разлучились. Меня привезли въ Кронштадтъ и посадили на гауптвахту, занимаемую карауломъ отъ морской артиллеріи.

Въ Кронштадтѣ меня продержали, помнится, болѣе мѣсяца. Караульные офицеры были простые, но очень добрые ребята; они, равно какъ и заходившіе къ нимъ, нерѣдко по нѣскольку человѣкъ, ихъ сослуживцы, относились ко мнѣ очень любезно. Отъ нихъ я узналъ, что тоже въ Кронштадтѣ на гауптвахтахъ сидятъ, на одной Шереметевъ [1]), а на другой мой пріятель графъ Коновницынъ (Петръ), котораго, какъ говорили, Государь тоже простилъ. Отъ офицеровъ нашей гауптвахты доносились до меня и разные слухи, напримѣръ, что Ермоловъ перешелъ со своимъ корпусомъ Кавказъ и идетъ на присоединеніе къ бунтовщикамъ, что Польша тоже возстала, и т. п. На первыхъ дняхъ моего здѣсь ареста, поздно ночью, меня навѣстилъ братъ моего и Коновницына пріятеля, Лихонинъ, съ которымъ я иногда встрѣчался у Искрицкаго; пробылъ онъ у меня съ полчаса, и среди разговора, ловко всунулъ мнѣ въ руку свертокъ съ серебрянными рублями, сказавъ, что это отъ Коновницына. На другой же день кстати я получилъ деньги черезъ моего полковаго командира; до того же времени, всѣ, содержащіеся на Кронштадтскихъ гауптвахтахъ, столовались караульными офицерами, до полученія пособій изъ дому. Заносились иногда и литературныя новости; одна изъ нихъ пришлась мнѣ по душѣ: это только что вышедшія тогда въ свѣтъ мелкія стихотворенія Пушкина [2]). Они были для меня источникомъ величайшаго наслажденія.

Почти черезъ мѣсяцъ, какъ выше уже упомянуто, меня перевезли въ Петропавловскую крѣпость, и заключили въ той ея части, которая называется «подъ флагомъ», въ комнатѣ довольно просторной, съ окномъ на Неву. Къ этой комнатѣ надо было подняться по узкой лѣстницѣ,

---

[1]) Помнится, л.-гв. Московскаго полка.

[2]) Съ эпиграфомъ: aetas prima canat amores, posterior tumultus. Карамзинъ испугался за Пушкина, увидавъ на его книжкѣ этотъ эпиграфъ. П. Б.

на маленькую площадку, гдѣ стоялъ часовой и гдѣ было только двое дверей, одна близъ другой, подъ прямымъ угломъ. За первой изъ нихъ, съ замкомъ и засовомъ, слышались чьи-то одинокіе шаги (тамъ уже былъ узникъ), въ другую ввели меня. Такимъ образомъ я имѣлъ сосѣда; но кто онъ, отъ меня это, разумѣется, было скрыто. Мы такъ близко находились другъ отъ друга, что легко могли бы переговариваться, но это было строго запрещено.

Первые дни моего здѣсь ареста проходили въ совершенной тишинѣ, такъ какъ эта часть крѣпости отдѣлена отъ прочихъ помѣщеній, и до нея не достигаетъ никакой шумъ. Я имѣлъ кое-какое развлеченіе смотрѣть въ окно на то, что̀ двигалось по скованной льдомъ Невѣ; но мой сосѣдъ и тѣмъ не могъ пользоваться: его окно обращено было во внутрь крѣпости, да и то, быть можетъ, было покрыто слоемъ извести. При обоихъ нашихъ казематахъ прислужникъ былъ одинъ, молчаливый какъ рыба: онъ не отвѣчалъ даже на вопросъ, что̀ сегодня, Понедѣльникъ или Вторникъ? Одно, что̀ сколько нибудь разнообразило монотонное теченіе времени, это были урочные визиты плацъ-адъютантовъ: утромъ и вечеромъ, въ извѣстные часы, они являлись минутъ на пять-на десять.

На первой же недѣлѣ моего водворенія въ этомъ казематѣ, меня водили въ залу засѣданія Слѣдственной Комиссіи. Тамъ я засталъ одного только Бенкендорфа. Его пріемъ подѣйствовалъ на меня успокоительно; въ тихой, кроткой рѣчи онъ меня убѣждалъ покориться необходимости; говорилъ, что, послѣ того какъ Государь лично удостовѣрился въ моемъ, конечно, необдуманномъ проступкѣ, всякая неискренность ни къ чему уже не поведетъ, кромѣ какъ къ затягиванію дѣла, съ которымъ Государь желаетъ покончить до коронаціи; что лишь нѣсколько главныхъ виновниковъ (при этомъ онъ окинулъ глазами залу, какъ бы украдкой) не могутъ, конечно, не подвергнуться должной карѣ, но что прочіе будутъ помилованы. Въ заключеніе онъ сказалъ, что Николай Ивановичъ Депрерадовичъ очень обо мнѣ интересуется *).

На другой день, плацъ-адъютантъ принесъ мнѣ «вопросные пункты» отъ Слѣдственной Комиссіи. Взглянувъ на эту бумагу, я сказалъ: «Да это лишнее; на эти самые пункты я уже отвѣчалъ генер. Левашову».—«Ничего», замѣтилъ онъ, «вы все-таки должны и тутъ написать; такъ приказано».

---

*) Всю эту комедію я принялъ тогда за чистую монету. О Депрерадовичѣ онъ упомянулъ на основаніи развѣ того, что въ одинъ изъ моихъ поздравительныхъ визитовъ Депрерадовичу этотъ послѣдній меня ему представилъ.

Нечего дѣлать, надо было покориться. Въ этихъ отвѣтныхъ пунктахъ я повторилъ письменно почти тоже, что̀ отвѣчалъ изустно Левашову, только прибавилъ, что глубоко сожалѣю, что допустилъ себя до такого преступленія и предаю себя милосердію Государя. Въ черновой этихъ отвѣтовъ, въ заключеніе, я написалъ было: «Осмѣливаюсь просить одной милости у Его Величества—отпустить меня къ больному отъ ранъ старику отцу, 40 лѣтъ прослужившему своимъ государямъ, дабы моею заботливостью я могъ облегчить страданія его послѣднихъ дней; послѣ же его смерти я явлюсь немедля, хотя бы то было на вѣчное заключеніе». Эта просьба была мною вся вычеркнута и пропущена при перепискѣ начисто. Къ моему удивленію, когда я отдавалъ плацъ-адъютанту мою бумагу для представленія въ Комиссію, то онъ потребовалъ, чтобъ я выдалъ и черновую моихъ отвѣтовъ. Я воспротивился, долго спорилъ, но въ концѣ концовъ долженъ былъ уступить.

На той же недѣлѣ ко мнѣ вошелъ бывшій мой полковой командиръ, ген. Мартыновъ, и просидѣлъ у меня довольно долго. «Государь Императоръ», началъ онъ, «самъ изволилъ читать ваши отвѣтные пункты. Его Величество сдѣлалъ изъ нихъ весьма выгодное заключеніе о вашихъ способностяхъ и изволилъ признаться, что съ этой стороны онъ васъ вовсе не зналъ». Мой посѣтитель вообще относился о сдѣланномъ мною «по службѣ» ложномъ шагѣ съ большимъ сожалѣніемъ, чего я вовсе *отъ него* не ожидалъ; разспрашивалъ также о моемъ отцѣ. Изъ этого я заключилъ, что Государь прочелъ и черновую моихъ отвѣтовъ. При этомъ я просилъ, чтобы мнѣ было позволено написать къ отцу; онъ обѣщалъ доложить Государю. Въ минуту ухода отъ меня, Мартыновъ сказалъ: «Я долженъ вамъ замѣтить, что въ отношеніи къ вашимъ старшимъ вы себя держали не всегда скромно; помните, вы отказались пожаловать ко мнѣ обѣдать; съ тѣхъ поръ я уже васъ и не приглашалъ» *).

За посѣщеніемъ меня Мартыновымъ настали снова однообразіе и подавляющая праздность. Разъ, уже очень поздно вечеромъ, чтобъ чѣмъ нибудь себя занять, я безсознательно сталъ разгонять скуку музыкою и «въ полъ-голоса» свистать. Не успѣлъ я кончить одну арію, какъ послышалъ робкій аплодисментъ сосѣда, и за тѣмъ нѣсколько отры-

*) Вотъ на что̀ мѣтилъ этотъ урокъ. Однажды, на ученьи въ экзерциргаузѣ, мнѣ удалось въ дѣйствіи разрѣшить одну изъ труднѣйшихъ задачъ тактики. Мартыновъ пришелъ въ восторгъ, и когда баталіонъ возвращался съ ученья, онъ подослалъ ко мнѣ адъютанта съ приглашеніемъ къ обѣду. Это мнѣ крайне не понравилось: награждать обѣдомъ какъ школьника за выученный урокъ! Я просилъ адъютанта за меня извиниться и не пошелъ.

вочныхъ его свистковъ, какъ бы вызывающихъ повторить мою затѣю. Другая арія, исполненная уже смѣлѣе, вызвала и болѣе смѣлое одобреніе. Часовой не мѣшалъ намъ, молчалъ: ему, вѣроятно, въ его «сдачѣ», приказывалось наблюдать *только*, чтобъ мы между собой не разговаривали. Съ этой стороны, такимъ образомъ, препятствія не было; оставалось ожидать, не скажетъ ли чего на этотъ счетъ плацъ-адъютантъ; но вотъ и онъ, при урочной этого утра визитаціи, обошелся со мною, какъ и всегда, очень любезно и отъ меня ушелъ, не сдѣлавъ никакого замѣчанія. Это мнѣ развязало руки или, буквальнѣе сказать, развязало уста, и съ этихъ поръ я уже не стѣсняясь потѣшалъ моего сосѣда, то аріями изъ Россини, то изъ Фрейшюца и т. п. Не задолго до моего перемѣщенія въ другое мѣсто, общій обоихъ казематовъ прислужникъ заочно познакомилъ насъ, и тутъ мнѣ стало извѣстно, что мой сосѣдъ графъ Чернышовъ, Захаръ Григорьевичъ, кавалергардъ.

Около этого времени, подобно Мартынову, обходилъ казематы ген. Стрекаловъ. Онъ мнѣ сказалъ: «Государь Императоръ приказалъ вамъ объявить, что писать къ вашему отцу онъ вамъ не можетъ позволить, и что это лишеніе будетъ вамъ зачтено въ наказаніе». Такой результатъ моей просьбы удивилъ меня.

Много спустя, меня еще водили въ залу Коммиссіи, гдѣ я засталъ Бенкендорфа, и при немъ только прокурора. Бенкендорфъ привѣтствовалъ меня слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Вопреки вашему отрицанію, Свистуновъ утверждаетъ, что онъ вамъ сообщилъ о цѣли Общества истребить Императорскую Фамилію, что, слѣдовательно, преступная цѣль эта вамъ была извѣстна. Свистуновъ готовъ подтвердить это на очной ставкѣ, для этого вы сюда и призваны». Я отвѣчалъ: «Быть можетъ, Свистуновъ и говорилъ мнѣ объ этомъ, но я его не понялъ; онъ говорилъ тогда по-французски, и въ такихъ выраженіяхъ, которыя для меня были совершенно новы, а я постыдился предъ нимъ сознаться, что его не понимаю. Въ этой неумѣстной моей щекотливости, но только въ ней, я признаю себя виновнымъ».

— А въ самомъ ли дѣлѣ, поспѣшилъ замѣтить прокуроръ, въ самомъ ли дѣлѣ Свистуновъ по-французски съ вами объяснялся?

«Спросите у самого Свистунова», сказалъ я.

Бенкендорфъ при этомъ съ строго-недовольной миной взглянулъ на прокурора, и молча, наклоненіемъ головы меня отпустилъ. Я вышелъ изъ залы чрезвычайно удивленный такимъ снисхожденіемъ.

Незадолго до перемѣщенія моего въ другой казематъ, фельдшеръ, навѣщавшій меня въ тѣ дни, мнѣ сказывалъ, что Свистуновъ пытался лишить себя жизни: онъ разбилъ въ куски стеклянный шкаликъ (лам-

падку) своего каземата, и эти куски проглотилъ. Докторъ Элькань его вылѣчилъ самыми героическими средствами.

Наконецъ, меня перевели въ другую часть крѣпости, называемую «Анненскимъ Кавальеромъ», въ мрачный казематъ въ 24-ре шага длины и 8-мь ширины, съ маленькимъ квадратнымъ окномъ въ стѣнѣ, толщиною въ этомъ мѣстѣ аршина въ три. Шагахъ въ 12—15 отъ окна возвышалась стѣна самого Кавальера и застѣняла свѣтъ: съ трудомъ можно было читать крупный шрифтъ Евангелія, да и то лишь около полуденнаго времени. Низкій сводъ этого каземата былъ обвѣшанъ паутиной и населенъ множествомъ тараканов, стоножекъ, мокрицъ и другихъ, еще невиданныхъ мною, гадовъ, которые только наполовину высовывались изъ-подъ сырыхъ стѣнъ. Преданіе гласитъ, что, вслѣдствіе Семеновскаго бунта, казематъ этотъ былъ биткомъ набитъ арестантами. Кроватью мнѣ служили нары, покрытыя какою-то жирною, лоснящеюся грязью. Среди такой-то обстановки я просидѣлъ что-то долго, едвали не болѣе мѣсяца. Я свыкся съ темнотой и съ совершеннымъ отсутствіемъ всякаго шума. Дни проходили за днями безтревожно. Казалось, что я прошелъ уже всѣ мытарства.... но насталъ роковой для меня часъ!...

Въ одно прекрасное утро, является плацъ-адъютантъ и ведетъ меня, не сказавъ, по обыкновенію, куда ведетъ. Когда мы остановились, и съ моихъ глазъ сняли повязку *), я увидѣлъ длинный столъ, за которымъ сидѣло много генераловъ, въ полной формѣ и облѣпленныхъ звѣздами. Какъ разъ передо мной сидѣлъ Чернышовъ. Поднявшись со стула и полуоборотясь ко мнѣ, онъ сказалъ: «....Зетъ доноситъ, что, въ сношеніяхъ съ вами, онъ вамъ говорилъ, что Общество, для достиженія своихъ цѣлей, имѣетъ въ виду истребленіе Императорской Фамиліи».

— Нѣтъ, вскричалъ я, это неправда!!

Тогда Чернышовъ взялъ со стола бумагу, поднесъ ее къ своимъ глазамъ и повернулся прямо ко мнѣ. На сторонѣ бумаги, обращенной ко мнѣ, я тотчасъ узналъ почеркъ Зета. Я былъ пораженъ какъ громомъ. Чернышовъ началъ читать, но кромѣ двухъ-трехъ фразъ, въ смыслѣ того же обвиненія, я уже ничего не могъ разобрать и потерялъ всякое сознаніе. Помню только, что меня кто-то сильно схватилъ подъ руку...

---

*) Тѣмъ, которыхъ водили въ залу Коммиссіи, за нѣсколько комнатъ до этой залы, завязывали глаза, такъ, для большаго эффекта.

Я очнулся въ казематѣ. Подлѣ меня сидѣлъ фельдшеръ. «Напрасно, ваше благородіе, вы такъ убиваетесь», сказалъ онъ, «не вы первые, не вы послѣдніе». И тутъ онъ мнѣ разсказалъ, что меня привели подъ руки, что допрашиваемыхъ въ Коммиссіи нерѣдко выносили въ безчувствіи; а иногда онъ, фельдшеръ, съ докторомъ просиживаютъ все время засѣданія въ смежной комнатѣ, на случай когда потребуется помощь, и что бывало тамъ же и кровь открывали. Когда фельдшеръ собрался отъ меня уйдти, я просилъ его заявить, что имѣю надобность написать въ Коммиссію и требую бумаги *).

Мнѣ не терпѣлось ждать письменнаго запроса изъ Коммиссіи. Какъ ни сильно пошатнулась моя вѣра въ стойкость Зета со времени присяги въ Петергофѣ, для настоящей его выходки не представлялось никакого оправданія. Не смотря на все это, когда мнѣ принесли бумагу, я все-таки написалъ опровержені «взведенной на меня клеветы»: нѣтъ и нѣтъ, знать ничего подобнаго не знаю, вѣдать не вѣдаю! Но въ душѣ я уже чувствовалъ нелады съ самимъ собою, и что̀ писалъ, то писалъ лишь по прежде налаженной рутинѣ. Это посланіе въ Коммиссію я кончилъ, когда уже стемнѣло, и оно оставалось у меня до утра.

Ночь была для меня адомъ. Подавляющія мысли неотвязно осаждали мою голову. При слабомъ горѣніи ночника было такъ темно, что на столикѣ едва бѣлѣлъ листъ, покрытый моимъ изворотливымъ отвѣтомъ. На этомъ листѣ я глазъ не могъ остановить безъ отвращенія... Снова вспоминалось мнѣ все, что̀ со мною перебывало до послѣдняго роковаго удара, и та беззаботная довѣрчивость, съ которою я такъ легко отдался другимъ, и та жалкая, обидная роль, которую я игралъ въ ихъ рукахъ... Вспомнилось мнѣ еще и прежнее мое ясное былое съ его радостями, съ его душевной чистотой, съ его святою вѣрой, съ его любовью къ ближнему... И послѣ этого, вдругъ очутиться среди омута двуличія, обмана, темныхъ умышленій, такъ низко упасть въ собственномъ своемъ мнѣніи! Я довѣрился только двумъ членамъ общества, и оба они меня выдали. Съ тѣхъ поръ я въ правѣ не считать себя ихъ сообщникомъ, ихъ товарищемъ. Когда я вижу, что меня такъ безцеремонно томятъ въ бездонной глубинѣ, зная, что я не умѣю плавать, то я не на столько еще простодушенъ, чтобъ не ухватиться за моихъ губителей, хотя бы рискуя и ихъ увлечь за собою. Нѣтъ, нѣтъ! пора покончить съ нечистымъ прошлымъ, пора отрѣшиться отъ за-

*) Послѣ каждаго устнаго въ Коммиссіи допроса, отвѣтчику присылаемы были тѣже самые вопросы письменно, на другой день, а иногда и позже, съ требованіемъ повторенія тѣхъ же отвѣтовъ на бумагѣ.

коновъ кастъ и партій и отдать всего себя на благо общее; пора выставить на свѣтъ и самые слѣды подпольной работы, подрывающей Русское общество! Пусть люди думаютъ обо мнѣ, что̀ хотятъ; а играть въ руку враждебной силѣ, служить разомъ двумъ господамъ, вѣчно «бить на двое», стало невыносимымъ! Я не дѣлаю *тайнаго* доноса, я укажу на крамолу открыто верховному судилищу для ея искорененія, не запнусь и впослѣдствіи сказать всю правду, особливо тѣмъ, кому я могъ повредить въ моихъ показаніяхъ Коммиссіи.

Не знаю, долго ли тянулась моя безсонница; но, наконецъ, подавленный тяжелыми размышленіями и усталый отъ безпрерывной ходьбы по комнатѣ, я повалился на постель.

Я проснулся, когда уже развиднѣло на столько, что можно было писать. Сонъ меня не успокоилъ; мнѣ не терпѣлось высказаться, отдать себя беззавѣтно той власти, которая одна могла вывести Русское общество изъ затрудненій и бороться съ его врагами. На той же бумагѣ, на которой отвѣчалъ я наканунѣ, на оборотѣ той же страницы, безъ приготовленія, прямо набѣло, я сознался, что прежнія мои показанія были ложны и что, въ самомъ дѣлѣ, Зетъ мнѣ сообщилъ о намѣреніи Общества достигнуть своей цѣли чрезъ цареубійство; затѣмъ изложилъ, какъ я давно уже тяготился моею двусмысленной ролью, какъ пытался посовѣтываться стороной съ моими друзьями, и прежде всѣхъ съ Як. Ростовцовымъ, и какъ не спѣшилъ съ удовлетвореніемъ этого моего желанія потому только, что впереди у меня было для этого времени вдоволь, такъ какъ я не зналъ, что у Общества былъ уже намѣченъ срокъ для начатія открытыхъ дѣйствій; что мнѣ и въ голову не приходило, чтобъ какъ самый бунтъ, такъ и тревожное до бунта состояніе столицы имѣли какую-либо иную цѣль, кромѣ разрѣшенія вопроса: кому царствовать? Къ этому я присовокупилъ слѣдующее: «Не желать свободы—не въ природѣ человѣка; но стремиться къ этому благу я считалъ возможнымъ не иначе какъ постепенно, безъ крутыхъ, всегда болѣзненныхъ переломовъ, безъ жертвъ неповинныхъ». Указывать на то, что̀ происходило между мною и Зетомъ передъ присягой, не было надобности: тамъ, еслибы (какъ я того хотѣлъ) мы двое и заявили негласно о нашемъ отказѣ присягнуть, вся бѣда обошлась бы только арестованіемъ насъ двухъ, безъ вреда для прочихъ; но попытка къ возмущенію на привалѣ, при движеніи отряда нашего къ столицѣ, могла бы имѣть самыя пагубныя послѣдствія, и я разсказалъ этотъ эпизодъ во всей подробности. Тутъ, назвавъ Зета, нельзя уже было не назвать Скалона.

Нѣсколько дней спустя, подъ напоромъ тѣхъ же побужденій, я вспомнилъ объ одномъ событіи, хотя и давнемъ, но несомнѣнно со-

зрѣвшемъ на той же почвѣ, которая произвела и декабрьскую развязку: это бунтъ въ Пажескомъ Корпусѣ въ 1820 году. Дружба одного изъ главныхъ вожаковъ 14-го Декабря *) съ вольнодумнымъ до цинизма К—мъ, учредителемъ тайнаго кружка въ томъ корпусѣ, повторенiе секретныхъ его засѣданiй, не смотря на насмѣшки товарищей, и, болѣе всего то обстоятельство, что зачинщикомъ безпорядка въ этомъ случаѣ былъ К—въ во главѣ своихъ сторонниковъ, все это ясно указывало, что школьный бунтъ этотъ былъ дѣтищемъ тѣхъ же ученiй, которыя привели къ декабрьской катастрофѣ. Объ этомъ происшествiи я сообщилъ Коммиссiи, такъ какъ сѣмя, брошенное въ школьную почву, могло бы рано или поздно принести вредные плоды.

Затѣмъ я указалъ на одну затѣю, которая, какъ я догадывался, имѣла въ виду прiобрѣтать новыхъ членовъ въ тайное общество. Не задолго *до* послѣдней нашей загородной стоянки, Зетъ предложилъ мнѣ пристать къ небольшому кружку, предположившему заняться обозрѣнiемъ Всемiрной Исторiи, причемъ принять курсъ Сегюра. Кружокъ этотъ состоялъ изъ его, Зета, Назимова и Семенова (однофамильца моихъ Измайловскихъ товарищей). Оба послѣднiе жили въ одномъ съ нами (Гарновскомъ) домѣ. Я охотно согласился и въ тотъ же вечеръ мы собрались у Семенова. Но не прошло и часу, какъ отъ древней исторiи, отъ Тиглатъ-Паласаровъ и Салманасаровъ, мы свернули на Рiэго, недавно повѣшеннаго въ Испанiи, а затѣмъ и на другiя подобныя матерiи, и такъ протолковали дóпоздна. Слѣдующее засѣданiе прошло почти въ такомъ же родѣ. Видя, что здѣсь я не прiобрѣту того чтó мнѣ обѣщано, я пересталъ бывать на этихъ сеансахъ.

Я уже говорилъ объ Анненскомъ-Кавальерѣ, въ высокую стѣну котораго почти упиралось окно моей темницы. Кавальеръ этотъ занимаетъ самый глухой уголъ крѣпости; туда не достигаетъ никакой звукъ, особливо въ ночное время тишина полнѣйшая. Тѣмъ явственнѣе, однажды, еще дó-свѣта, мнѣ послышалось за окномъ какъ бы какое движенiе, какой-то далекiй, невнятный грохотъ: было несомнѣнно, что совершалось нѣчто необычайное. Шутъ этотъ долго не умолкалъ и замеръ тогда только, когда уже разсвѣло. Я ожидалъ Трусова (плацъ-адъютанта) съ нетерпѣнiемъ, въ надеждѣ узнать отъ него что-либо новое; но онъ долго не приходилъ. Наконецъ явился, сильно разстроенный и съ бумагой въ рукѣ. Въ самомъ дѣлѣ, новость онъ мнѣ принесъ, но не ту, которая въ эту минуту меня интересовала. Онъ прочиталъ мнѣ мой приговоръ: трехмѣсячное, съ 13 Iюля, заклю-

*) Бестужева.

ченіе въ казематѣ и переводъ тѣмъ же чиномъ изъ гвардіи въ гарнизонъ. Выполнивъ свое дѣло, Трусовъ поспѣшилъ удалиться, не отвѣтивъ на мои вопросы. Такъ я и остался въ прежнемъ невѣдѣніи о случившемся. Только передъ вечеромъ фельдшеръ, въ тѣ дни меня навѣщавшій, мнѣ объяснилъ, въ чемъ было дѣло: онъ былъ очевидцемъ экзекуціи на гласисѣ крѣпости; разсказывая объ этомъ, онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Тутъ же я узналъ, что день, въ который совершилось это важное событіе, былъ 13 Іюля. До того я потерялъ было счетъ времени.

За тѣмъ, изъ Анненскаго Кавальера меня перевели въ другое мѣсто. Это была просторная комната, въ окнѣ которой два верхнія стекла не были покрыты слоемъ извести. Въ послѣднее время здѣсь сидѣлъ Ѳед. Ник. Глинка. Унтеръ-офицеръ Шеховцовъ [1]) много разсказывалъ про своего недавняго узника. «Приду, бывало, къ Ѳедору Микалаевичу, говорилъ онъ; вижу, они сидятъ нахмурившись, невеселые; я къ нимъ и начну приставать: Ѳедоръ Микалаевичъ! а Ѳедоръ Микалаевичъ! говорю, чтò вы это? Э, нѣтъ, миленькій, этого, говорю, у меня и не смѣйте,—да и давай его зà-руку, да за другую теребить, да тары-бары точить. Анъ смотрю, они и расшевелились, да давай со мною бороться; а не то, меня на четвереньки, да и осѣдлаютъ, а я и ну возить ихъ по горницѣ». Вообще, этотъ человѣкъ былъ находкой для своихъ *паціентовъ:* всегда веселый, всегда говорливый, онъ былъ неистощимъ на забавныя побасёнки и присказки и способенъ былъ всякую грусть, хотя на время, разсѣять.

Наконецъ, меня перевели въ одну изъ брусчатыхъ «клѣтокъ», и это уже окончательно досиживать срокъ моего заключенія. Въ клѣткахъ этого корридора сидѣли: Ентальцевъ, Анненковъ, противъ него Лунинъ; далѣе Бѣляевъ (кажется младшій), Крюковъ, Аврамовъ; еще далѣе—не помню уже кто; а подлѣ Лунина, какъ разъ противъ меня, Фаленбергъ [2]). Моя и его клѣтки были послѣднія въ этомъ концѣ корридора. Отсюда дверь вела на довольно просторную площадку лѣстницы, куда сидѣвшихъ въ этомъ корридорѣ поочередно выводили для *проминки.* Въ это время, сидѣвшіе vis-à-vis или бокъ-о-бокъ могли уже переговариваться между собою [3]). Плацъ-адъютанты показывали видъ, будто на такую вольность они смотрятъ сквозь пальцы, будто допускаютъ ее на свой страхъ; но нѣтъ сомнѣнія, что имъ такъ было приказано. Не менѣе того, при обходѣ клѣтокъ, въ извѣстные часы, крѣ-

[1]) Объ этомъ надсмотрщикѣ немало говорено въ запискахъ декабристовъ.

[2]) См. его Записки въ „Р. Архивѣ“ 1877, III, 92 и 199. П. Б.

[3]) Тутъ только я *въ первый разъ* узналъ, что офицеръ, предупредившій Государя о бунтѣ, былъ Яковъ Ростовцовъ.

постными властями, говоръ умолкалъ. (Курить позволено было съ тѣхъ еще поръ какъ крѣпость начала наполняться арестованными, и каждому изъ нихъ отпускался тотъ сортъ табаку, къ какому кто привыкъ; удовлетвореніе этой необходимой прихоти исходило отъ щедротъ в. к. Михаила Павловича, который самъ былъ большой любитель куренья). Стали развлекать узниковъ и чтеніемъ; кромѣ книгъ Священнаго Писанія, раздавались сочиненія и свѣтскаго содержанія, сбродъ всякой всячины; словомъ, положеніе заключенныхъ значительно облегчилось. Съ другой стороны, для большей ихъ части оно сдѣлалось тягостнѣе: тѣмъ, которые по суду были разжалованы, перестали отпускать чай, что̀, конечно, нельзя не признать большимъ лишеніемъ.

Моими собесѣдниками могли быть только Анненковъ, Лунинъ, Ентальцевъ и мой vis-à-vis Фаленбергъ. Въ разговоры двухъ первыхъ вмѣшиваться я большею частію затруднялся, какъ потому, что обсуждаемые ими предметы были, по своей выспренности, не совсѣмъ для меня доступны, такъ и по той причинѣ, что разговоръ велся всегда по-французски, а по этой части такимъ собесѣдникамъ я оказывался не по-плечу. Ентальцевъ, хотя и былъ отъ меня отдѣленъ лишь брусчатой стѣной, но ни разу не заговаривалъ ни со мной, ни съ кѣмъ другимъ. Кромѣ этихъ постоянныхъ сосѣдей я могъ говорить еще съ тѣми изъ населявшихъ нашъ корридоръ, которые выводились для «проминки» на площадку лѣстницы. Въ числѣ ихъ былъ Бѣляевъ, котораго я и прежде немного зналъ. Этотъ Бѣляевъ, во время наводненія въ Петербургѣ, былъ на рулѣ того катера, на которомъ, по приказанію Государя Александра Павловича, Бенкендорфъ разъѣзжалъ по затопленнымъ частямъ города, причемъ не разъ подвергался большимъ опасностямъ; съ тѣхъ поръ Бенкендорфъ смотрѣлъ на Бѣляева какъ на своего спасителя. «Ты знаешь, сказалъ онъ ему при первомъ глазъ-на̀-глазъ допросѣ, ты знаешь сколько я тебѣ обязанъ: ты для меня какъ сынъ родной, и ужъ, конечно, я тебѣ не посовѣтую ничего такого что̀ могло бы тебѣ повредить или уронить тебя съ какой бы то ни было стороны. Совѣтую тебѣ»..... И далѣе говорилъ точно тоже, что̀ говорилъ и мнѣ и, вѣроятно, что̀ говорилъ и всѣмъ прочимъ, перебывавшимъ у него на первомъ приватномъ допросѣ. Бѣляевъ вышелъ изъ этой аудіенціи ободреннымъ такими à la bon papa совѣтами. «Но, прибавилъ Бѣляевъ, впослѣдствіи, послѣ уже экзекуціи 13 Іюля, Бенкендорфъ на меня глядѣлъ «съ величайшимъ, уничтожающимъ презрѣніемъ»». Благодаря тѣмъ же «проминкамъ» на площадкѣ, я познакомился съ Аврамовымъ, или съ его голосомъ, такъ-какъ его самого видѣть не могъ. Въ старые годы, Аврамовъ служилъ подъ

командою моего отца и состоялъ при немъ при взятіи Анапы; по поводу этого обстоятельства, онъ обошелся со мной какъ съ давнишнимъ знакомцемъ. Аврамовъ негодо́валъ на Пестеля. «Каковъ Пестель! сказалъ онъ, каковъ Пестель! Онъ меня имѣлъ въ виду какъ очистительную жертву для своей безопасности. Ежели бы покушеніе на жизнь «Царской Фамиліи удалось вполнѣ, и ежели бы народъ, какъ слѣдовало ожидать, пришелъ бы отъ того въ крайнее раздраженіе, то господинъ Пестель думалъ *меня* выдать на растерзаніе народу, какъ «главнаго и единственнаго виновника этой мѣры, и тѣмъ разсчитывалъ успокоить народъ и расположить его въ свою пользу. Такъ «вотъ какую со мной хотѣлъ сыграть штуку господинъ Пестель! «Про это я узналъ только изъ слѣдственнаго производства». Болѣе всего меня интересовали бесѣды Анненкова съ Лунинымъ; предметы этихъ бесѣдъ большею частью витали въ области нравственно-религіозной философіи съ соціальнымъ оттѣнкомъ. Анненковъ былъ другъ человѣчества, съ прекрасными качествами сердца, но, увы! онъ былъ матерьялистъ, невѣрующій, не имѣющій твердой почвы подъ собою. Лунинъ, напротивъ, былъ пламенный христіанинъ. Оба они говорили превосходно. Первый выражался съ большею простотой и прямо приступалъ къ своей идеѣ; Лунинъ же впадалъ въ напыщенность, въ широковѣщательность, и нерѣдко позволялъ себѣ тонъ наставника, что̀, впрочемъ, оправдывалось и разностью ихъ возрастовъ. Лунинъ старался обратить своего молодаго друга на путь истинный. Не разъ слышалось: «Mais, mon cher, vous êtes par trop obstiné; croyez-moi, il ne faut qu'un quart d'heure d'une attention un peu soutenue pour vous covaincre pleinement de la vérité de notre foi». Къ несчастію, этотъ quart d'heure тянулся чуть ли не болѣе мѣсяца, и я, получивъ свободу, оставилъ ихъ обоихъ съ прежними убѣжденіями. Однажды Анненковъ, послѣ долгаго, горячаго спора, воскликнулъ: «Oh, il faut avouer que l'humanité ne vaut pas que l'on se sacrifie pour elle!» [1]) Когда разговоръ между двумя собесѣдниками истощался, они коротали время игрою въ шахматы. Для этого тотъ и другой начертили (не знаю уже чѣмъ) каждый на своемъ столикѣ казы, понумеровали ихъ, вылѣпили изъ ржанаго [2]) хлѣба статуэтки фигуръ и, перекликиваясь между собою, сыгрывали по партіи или болѣе въ день; большею частію выигрывалъ Лунинъ.

Мой прислужникъ, Рословъ, прислуживалъ съ тѣмъ вмѣстѣ и Лунину, и Анненкову. Рословъ мнѣ разсказывалъ, что застаетъ Лу-

---

[1]) Но, милый мой, вы слишкомъ упрямы; вѣрьте мнѣ, что вамъ достаточно четверти часа нѣсколько сосредоточеннаго вниманія, чтобы вполнѣ убѣдиться въ истинѣ нашей вѣры.—Надо признаться, что человѣчество не стоитъ того, чтобы для него жертвовать собою.

[2]) Послѣ экзекуціи намъ вмѣсто бѣлаго хлѣба стали отпускать только черный хлѣбъ.

нина молящимся, всегда на колѣнахъ по нѣскольку разъ въ день. Одинъ изъ сосѣдей Лунина, съ другаго конца корридора, не разжалованный по суду, попытался посылать Лунину свою долю чаю. «Когда, разсказывалъ Рословъ, я принесъ къ нимъ первый стаканъ, они спро«сили: что это? а какъ я имъ растолковалъ, то они заплакали, такъ «заплакали, что ажъ жалко стало. Съ той поры, вотъ я, утро и ве«черъ, чай имъ приношу, и всякій разъ сердешный старикъ велитъ «благодарить». Въ Лунинѣ, не смотря на его преклонныя лѣта, на его далеко недюжинное образованіе, было много чего-то ребячески-чваннаго. Онъ часто заводилъ рѣчь о какой-то своей исторіи съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ; объ этой исторіи, какъ можно было понять, онъ разсказывалъ своему vis-à-vis и прежде, чѣмъ я попалъ къ нимъ съ сосѣдство. Еще охотнѣе и еще чаще онъ заговаривалъ объ отношеніяхъ его къ своимъ крестьянамъ, и въ заключеніе не забывалъ прибавить, что его пять тысячъ душъ крестьянъ взбунтовались, когда до нихъ дошла вѣсть о приговорѣ ихъ барина къ ссылкѣ въ Сибирь. Не понимаю, какимъ путемъ слухъ этотъ могъ дойти по адресу кого-либо изъ заключенныхъ, не пройдя прежде чрезъ руки Коммиссіи, а Коммиссія, безъ сомнѣнія, не пропустила бы бумаги съ подобнымъ содержаніемъ. Когда Лунину предложили вопросъ со стороны Коммиссіи, «откуда онъ заимствовалъ свободный образъ мыслей», то онъ будто бы отвѣчалъ: «изъ здраваго разсудка».

Болѣе всѣхъ возбуждалъ во мнѣ сожалѣнія къ себѣ Фаленбергъ; съ нимъ я могъ разговаривать безъ всякаго стѣсненія. Фаленбергъ былъ застигнутъ арестомъ среди самаго счастливаго, самаго интереснаго періода своей жизни: не задолго до того онъ женился. Онъ сдѣлалъ прекрасную, какъ говорится, партію. Его тесть, Василій Андреевичъ Раевскій, богатый помѣщикъ Тамбовской губерніи; братъ его Петръ Андреевичъ въ день свадьбы Фаленберга подарилъ своей племянницѣ 100.000. Въ первые дни по прибытіи въ Петербургъ, Фаленбергъ посаженъ былъ подъ арестъ, не въ крѣпости, а, помнится, въ домѣ Главнаго Штаба, въ одномъ помѣщеніи съ полк. Кончіаловымъ. Генералъ Н. Н. Раевскій, тоже прикосновенный къ декабрьскому дѣлу, какимъ-то образомъ могъ навѣстить прежняго своего сослуживца Кончіалова, и, свѣдавъ, кто его товарищъ по аресту, поспѣшилъ съ нимъ, Фаленбергомъ, познакомиться, какъ съ мужемъ своей родственницы. Между новыми знакомыми, при такой обстановкѣ, разговоръ не замедлилъ принять характеръ искренній и доброжелательный. Раевскій совѣтывалъ ничего не скрывать, увѣряя, что дѣло преслѣдуется съ большимъ умѣніемъ и съ величайшею энергіей, и что даже главные вожатаи заговора потеряли голову. Нельзя было не повѣрить

Раевскому, такъ какъ онъ имѣлъ связи въ высшихъ слояхъ Петербургскаго общества, да и самъ онъ испыталъ дѣйствіе Слѣдственной Коммиссіи. «Настроенный такимъ образомъ, разсказывалъ Фаленбергъ, «я давалъ на предлагаемые мнѣ вопросы отвѣты утвердительные, и «во всемъ сознавался. Не смотря на то, мое положеніе запутывалось «болѣе и болѣе и, наконецъ, сдѣлалось безвыходнымъ. Я былъ въ отча«яніи. Совѣты Раевскаго меня не покидали. Надѣясь убѣдить слѣдова«телей въ полнѣйшей моей искренности, я сталъ признаваться во «многомъ такомъ, въ чемъ вовсе не участвовалъ: теперь не сомнѣ«ваюсь, что такимъ враньемъ я еще больше себѣ повредилъ». Онъ плакалъ неутѣшно. Часто среди ночи, когда все уже утихало вокругъ, слышны были его рыданія, сперва какъ бы подавляемыя, а потомъ разражавшіяся воплемъ. Eudoxie, Eudoxie!!... и возваніями какъ бы о прощеніи.

Дня за два до моего освобожденія, мнѣ, по моей просьбѣ, дали листъ бумаги и карандашъ. При этомъ надо упомянуть, что вскорѣ послѣ экзекуціи заключенныхъ дозволено было выводить на прогулки по крѣпости, въ сопровожденіи плацъ-адъютанта, и допускать свиданія съ родными и знакомыми, но это не иначе какъ въ квартирѣ коменданта и въ присутствіи плацъ-маіора. Такъ Фаленбергъ видѣлся съ братомъ своей жены, молодымъ Преображенскимъ офицеромъ. Отъ этого послѣдняго онъ узналъ, что его жена все еще больна, все еще не знаетъ о его участи *) и очень безпокоится, что долго не получаетъ отъ него писемъ. Поэтому между нимъ и молодымъ Раевскимъ было соглашено: продолжать оставлять ее въ прежнемъ о немъ невѣдѣніи изъ опасенія повредить и безъ того слабому ея здоровью; а относительно того, что онъ къ ней не пишетъ, увѣрить ее, что онъ, Фаленбергъ, будто бы находится на Шведской границѣ для болѣе точнаго ея опредѣленія, и что порученіе это имѣетъ политическій характеръ, вслѣдствіе чего всякая переписка ему строго запрещена. О такомъ соглашеніи молодой Раевскій сообщилъ и своимъ родителямъ.

Около этого времени мы узнали о вторичномъ покушеніи Свистунова на самоубійство: когда плацъ-адъютантъ водилъ его во время прогулки между крѣпостнымъ валомъ и берегомъ Невы, онъ бросился въ воду; его вожатый кинулся за нимъ и успѣлъ его спасти.

Фаленбергъ, узнавъ о скоромъ моемъ выѣздѣ къ мѣсту ссылки, просилъ меня заѣхать къ старикамъ Раевскимъ въ ихъ Тамбовское имѣніе, для чего надо было своротить съ моей дороги. У меня въ это

---

*) Фаленбергъ не открывалъ своей женѣ тайны принадлежности своей къ заговору.

время находилась для чтенія толстая книга Анекдотовъ Петра Великаго, Голикова. Въ эту книгу я вложилъ полъ-листа бумаги и карандашъ, и отправилъ книгу къ Фаленбергу чрезъ прислужника. Къ вечеру книга была мнѣ возвращена отъ него съ письмомъ къ женѣ, письмомъ конечно не запечатаннымъ.

13-го Октября меня освободили. Я распростился съ моимъ собесѣдникомъ, никогда не видавъ его въ лицо и не имѣвъ никакого представленія объ его наружности. Онъ неутѣшно плакалъ при пожеланіи мнѣ счастливаго пути, безпрестанно произнося женино имя. Съ Абрамовымъ тоже я простился какъ съ невидимкой. Анненкова и прежде еще до ареста я видѣлъ не разъ. Лунина случилось мнѣ видѣть одинъ только разъ, и то мимоходомъ, когда меня вели на прогулку по крѣпости: на площадкѣ лѣстницы, на скамьѣ сидѣлъ старикъ очень, должно быть, большаго росту, съ блѣднымъ обрюзглымъ лицомъ, съ усталыми глазами. Что это былъ Лунинъ, я узналъ тогда только, когда мы уже спустились съ лѣстницы.

Въ Петербургѣ мнѣ позволено было пробыть полтора дня. Квартира для меня была заранѣе приготовлена моимъ слугою (крѣпостнымъ), котораго тоже продержали долго подъ арестомъ. Первая моя забота по освобожденіи была видѣться съ тѣми, которые были названы въ моихъ показаніяхъ Коммиссіи, а особливо съ Скалономъ. Я послалъ ему коротенькую записку, въ которой просилъ дать мнѣ случай съ нимъ видѣться. Я хотѣлъ отъ него потребовать, чтобы онъ меня внимательно выслушалъ и, положа руку на сердце, не какъ уланскій офицеръ, а какъ истинный сынъ своего отечества, мнѣ сказалъ: имѣлъ ли бы онъ достаточно силъ, чтобъ поступить иначе чѣмъ поступилъ я, еслибы онъ испытывалъ такую же нравственную пытку? Въ отвѣтъ на мою записку, Скалонъ велѣлъ мнѣ сказать, что будетъ ожидать меня въ восемь часовъ вечера слѣдующаго дня. За тѣмъ мнѣ надо было получить отъ командира Измайловскаго полка мою шпагу и устроить кое-какія дѣла. Я поѣхалъ въ Гарновскій домъ къ нашему полковому казначею Кобякову, у котораго, отправляясь съ батальономъ въ Петергофъ, я оставилъ на храненіе мои книги (книги эти, послѣ моего ареста, подвергнуты были обыску, но между ними я не нашелъ только тетради стиховъ Пушкина, писанныхъ моей рукой). Какъ братьями Кобяковыми, такъ и другими однополчанами моими я былъ встрѣченъ какъ нельзя болѣе радушно: всѣ изъ жившихъ въ казармахъ, кто только былъ дома, сбѣжались, чтобъ со мной повидаться, въ томъ числѣ и Норовъ, котораго въ моихъ показаніяхъ Коммиссіи я назвалъ, впрочемъ, съ выгодной для него стороны. Возвратившись отъ Кобяковыхъ, я поѣхалъ къ А. В. Семенову, уже же-

натому [1]). Тамъ я засталъ Воейкова съ женой, и потому цѣль посѣщенія (объясниться съ Семеновымъ) не была достигнута, о чемъ, впрочемъ, я не очень жалѣлъ, такъ какъ я самъ въ указаніяхъ на него Коммиссіи оговорилъ, что основываюсь лишь на догадкѣ. Былъ я и у Мих. Өедор. Плаутина, жившаго на вольной квартирѣ; съ нимъ мы условились сойтись вечеромъ у Зиновьева [2]). За заботами въ приготовленіяхъ къ выѣзду, къ Зиновьеву я нѣсколько опоздалъ; Плаутинъ, не дождавшись меня въ назначенный часъ, поѣхалъ въ театръ. Зиновьеву я разсказалъ чистую правду, но въ общихъ чертахъ: на подробный разсказъ не хватило бы времени. Разстались мы весьма и весьма дружески. Онъ взялся устроить еще неконченныя мои дѣла, перенесть къ себѣ мои вещи и книги и ихъ продать.

Мнѣ оставалось только покончить со Скалономъ. Онъ жилъ тогда у своего родственника, человѣка семейнаго. Пріѣзжаю, велю о себѣ доложить. Слуга, не вдругъ вернувшійся, сказалъ: «Нездоровы, не могутъ принять». Не ломиться же было въ двери въ семейномъ домѣ! Разумѣется, нездоровы-пустой предлогъ; но зачѣмъ же было приглашать?

Когда я вернулся домой, мнѣ сказали, что ко мнѣ заходилъ Галяминъ [3]) и оставилъ ко мнѣ письмецо: имъ онъ меня увѣдомляетъ, что онъ устроилъ наше съ нимъ свиданіе у Соломирскаго, гдѣ будетъ и братъ Искрицкаго [4]), досиживающаго свой терминъ въ казематѣ, чтобъ затѣмъ отправиться на службу въ одинъ изъ Сибирскихъ гарнизоновъ. У Соломирскаго, я засталъ еще какого-то очень еще молодаго армейскаго офицера [5]), котораго я никогда прежде не видѣлъ. Это мнѣ сковало языкъ: на распросы о томъ чтó было со мною за время моего ареста, я конечно отвѣчалъ неохотно, уклончиво. Такъ мы просидѣли до полуночи и послѣ ужина распрощались навсегда. Въ туже ночь я выѣхалъ изъ Петербурга.

—

Когда оставилъ я Петербургъ за собою, и оставилъ, конечно, навсегда, мною овладѣли горькія, неутѣшныя сожалѣнія. Я покидалъ все чѣмъ можетъ быть красна жизнь человѣка, едва выступающаго изъ юношескаго возраста съ его теплыми, завѣтными вѣрованіями, съ его обаяніемъ самыхъ чистыхъ, самыхъ восторженныхъ привязанностей, которыя въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ доступны однимъ лишь избран-

---

[1]) На Дарьѣ Өедоровнѣ Львовой. См. Записки ея брата А. Ө. Львова въ Рус. Архивѣ 1884, II, 237. П. Б.

[2]) Николай Васильевичъ, впослѣдствіи г.-адъютантъ и одинъ изъ воспитателей Государя.

[3]) Полковникъ генеральнаго штаба Валерьянъ Емельяновичъ.

[4]) Демьяна Александровича Искрицкаго, офицера генеральнаго штаба.

[5]) Послѣ я узналъ, что это былъ князь Урусовъ.

нымъ натурамъ. Теперь эти привязанности были для меня порваны, порваны безвозвратно! Съ другой стороны, мое будущее мнѣ представлялось унылымъ, лишеннымъ самыхъ скромныхъ радостей. Физическія стѣсненія меня не пугали; но я довольно насмотрѣлся на жизнь въ провинціи, когда мы были на походѣ въ Вильну, а также во время моего трехмѣсячнаго отпуска. Развѣ это жизнь? Развѣ такое существованіе можно назвать жизнью? Кромѣ тѣснаго, родственнаго кружка, тамъ ни уму, ни сердцу дѣлать нечего; объ искусствѣ, объ изящномъ и помину нѣтъ! Такая сухость, такая безцвѣтность должна быть невыносимой для человѣка, сколько-нибудь не лишеннаго эстетическаго чувства. Всѣ эти горькіе, тяжелые помыслы, чѣмъ далѣе подвигался я по пути, тѣмъ болѣе стали уступать мѣсто воспоминаніямъ, не менѣе тяжелымъ, не менѣе неотступнымъ. Мысли мои были полны необычайными событіями послѣдняго времени; они какъ бы живыя возставали въ моей памяти. Многое, что̀ въ этихъ событіяхъ было неяснаго, загадочнаго, нѣсколько обозначилось, но многое по прежнему осталось для меня непонятнымъ.

Дознаніе велось со стороны Коммиссіи тщательно и отмѣнно ловко: ничто не было упущено. Два главные и едва ли не единственные въ ней дѣятеля во всѣхъ отношеніяхъ были на высотѣ своей задачи, чтобъ импонировать, съ одной стороны убѣжденіемъ, а съ другой угрозой. Бенкендорфъ, своимъ кроткимъ участіемъ, едва ли выпустилъ изъ своихъ рукъ кого-либо изъ допрошенныхъ имъ болѣе или менѣе успокоеннымъ и обнадеженнымъ, тогда какъ Чернышову, съ его рѣзкимъ, какъ ударъ молота, словомъ, съ его демонскимъ взглядомъ, запугиванье давалось легко. Говоря объ этихъ двухъ орудіяхъ Коммиссіи, я имѣю въ виду не тѣхъ изъ подвергавшихся допросамъ, кои по своимъ лѣтамъ пріобрѣли уже опытность и устойчивость характера, а молодыхъ людей, навербованныхъ Обществомъ, большею частію военныхъ, привыкшихъ къ дисциплинѣ и вытяжкѣ передъ генераломъ, тѣмъ болѣе передъ генералъ-адъютантомъ. Припоминаю болѣе чѣмъ странную роль, которую Зетъ разыгралъ во время Петергофской присяги, гдѣ онъ видимо потерялся; немудрено, что и онъ, Зетъ, былъ озадаченъ такою внушительною обстановкой. Сбитый съ толку, переходя отъ догадки къ догадкѣ, я набрелъ на мысль, несказанно меня поразившую: а что̀ ежели Чернышовъ меня обманулъ, ежели онъ мнѣ прочиталъ не то, что̀ было на листѣ, написанномъ рукою Зета? Но и это предположеніе представлялось невозможнымъ: Чернышовъ не могъ такъ рисковать, не могъ быть увѣреннымъ, что я не потребую той бумаги, дабы лично удостовѣриться, что̀ въ ней

написано. Обстоятельство это, хотя я не рѣдко къ нему возвращался, оставалось по прежнему для меня необъясненнымъ.

Болѣе и чаще всего мнѣ приходили на память вопросы, которые мнѣ были задаваемы самимъ Государемъ. Тутъ не могло встрѣтиться ничего подобнаго тому, чтò при неудачѣ могло бы случиться съ Чернышовымъ. Государь прямо не уличалъ меня въ преступленіи; всѣ его дознанія предлагаемы имъ были въ формѣ вопросовъ, а вопросъ не есть улика. Нельзя не изумиться неутомимости и терпѣнію Николая Павловича. Онъ не пренебрегалъ ничѣмъ: не разбирая чиновъ, снисходилъ до личнаго, можно сказать, бесѣдованія съ арестованными, старался уловить истину въ самомъ выраженіи глазъ, въ самой интонаціи словъ отвѣтчика. Успѣшности этихъ допытокъ много, конечно, помогала и самая наружность Государя, его величавая осанка, его античныя черты лица, особливо его взглядъ: когда Николай Павловичъ находился въ спокойномъ, милостивомъ расположеніи духа, его глаза выражали обаятельную доброту и ласковость; но когда онъ былъ въ гнѣвѣ, тѣже глаза метали молніи. Чтò касается мѣры наказаній, то кажется въ виду имѣлись двѣ главныя категоріи: къ одной изъ нихъ отнесены были тѣ изъ преступниковъ, которые дѣйствовали зная о настоящей цѣли и о средствахъ къ достиженію ея, т.-е. государственнаго перестроя и истребленія Царской Фамиліи, а къ другой тѣ, которые думали только защищать права Константина Павловича на престолъ. Первая изъ этихъ категорій понесла высшую кару; принадлежащіе же ко второй признаны были лишь вовлеченными въ дѣло обманомъ. Поэтому самоубійство Богдановича было совершенно напрасно: Богдановичъ всегда былъ далекъ отъ всякихъ политическихъ мнѣній, и ежели при присягѣ провозгласилъ имя Константина вмѣсто имени Николая, то сдѣлалъ это вовсе не думая о томъ, до чего добивались вожаки возмущенія.

Возвращаюсь къ мысли о Зетѣ. Для меня съ перваго взгляда казалось непонятнымъ, какъ могло случиться, что онъ былъ подвергнутъ наказанію, тогда какъ Государь даровалъ ему «прощеніе?» Но сообразивъ, что Зетъ объявилъ себя «Карбонаромъ», т.-е. принадлежащимъ къ самому корню преступныхъ тайныхъ обществъ и принадлежащимъ съ такого давняго времени, прихожу къ убѣжденію, что, не явись онъ съ повинною къ Государю, едвали бы онъ не былъ приговоренъ къ такой тяжкой карѣ, въ сравненіи съ которою настоящее его наказаніе нельзя не назвать прощеніемъ. Въ словахъ Государя для меня не было ново названіе меня «батюшкой». Николай Павловичъ не рѣдко называлъ меня такъ, когда я былъ камеръ-пажемъ при его супругѣ; но мнѣ странно было слышать изъ его устъ такія выраженія какъ:

«Вы играете въ крупную», «вы ставите ва-банкъ». Откуда онъ могъ узнать эти картежницкіе, игрецкіе термины? Но болѣе всего заинтригованъ я былъ ссылкой Государя на какой-то случай во время развода въ прошлогоднемъ лагерѣ—случай, со времени котораго будто-бы я состою у Николая Павловича на особо хорошемъ счету. Какъ ни ломалъ я голову, чтобъ вспомнить что бы это могло быть, ни до чего не добился; такъ это обстоятельство и осталось, по прежнему, загадочнымъ.

За станцію до сворота съ большой дороги въ Тамбовское имѣніе Раевскихъ, я поѣхалъ «на долгихъ». Въ это миніатюрное «совращеніе съ моего пути», я чуть не попался въ новую бѣду. По просьбѣ друзей Зета, Искрицкихъ, свѣдавшихъ, что Зетъ изъ Сибири скоро будетъ переведенъ на Кавказъ, я взялся доставить туда его крѣпостнаго слугу. Пока мы ѣхали почтовой дорогой, насъ никто не безпокоилъ; но когда своротили на просёлокъ, гдѣ нужно было останавливаться для покормки лошадей и ночлега, моимъ слугамъ не было отбою отъ любопытныхъ; только и слышалось: кто ѣдетъ, куда и зачѣмъ? На одномъ ночлегѣ Мишка (который всю дорогу пилъ и не разъ вводилъ въ соблазнъ и моего добраго Савелія) завелъ съ вопрошающими ссору, а затѣмъ и драку. Атлетъ Мишка остался побѣдителемъ; но на шумъ сбѣжался народъ, и не знаю, чѣмъ бы дѣло кончилось, если бъ я не согласился, чтобы буяна связали и не отплатился вознагражденіемъ за побои.

Раевскихъ я не засталъ дома: они повезли больную дочь (м-мъ Фаленбергъ) въ Воронежъ. На покормку лошадей я остановился «на деревнѣ», въ избѣ. Тамъ уже знали объ участи Фаленберга. Ко мнѣ явились прикащикъ и экономка и, какъ заѣзжаго гостя, просили «пожаловать «въ господскій домъ;» я отказался. Вскорѣ сбѣжались дворовые и нѣсколько крестьянъ; всѣ эти слуги забрасывали меня вопросами о ихъ «молодомъ баринѣ», а иные изъ нихъ со слезами выслушивали и то немногое, что я могъ имъ сообщить.

Было уже утро когда я пріѣхалъ въ Воронежъ и, какъ было мнѣ указано Фаленбергомъ, предупредивъ дядю его жены о моемъ пріѣздѣ, отправился къ Раевскимъ. Меня встрѣтилъ высокаго роста красавецъ-старикъ, отмѣнно почтенной наружности. Это и былъ тесть Фаленберга, Василій Андреевичъ. Я отдалъ ему письмо. Черезъ нѣсколько минутъ дверь растворилась, и къ намъ ввели, подъ обѣ руки, его супругу, всю въ слезахъ. Во время расспросовъ о зятѣ съ нею нѣсколько разъ дѣлалось дурно. Тутъ мнѣ сказали, что Авдотьѣ Васильевнѣ ничего еще не было извѣстно о мужѣ, кромѣ лишь того, что было придумано для ея успокоенія. Въ этомъ же смыслѣ было

написано и привезенное мною письмо; не знаю, было ли оно ей отдано. Раевскіе позвали меня обѣдать; въ назначенный часъ я къ нимъ пріѣхалъ. Мы сидѣли еще въ гостинной, когда ввели больную м-мъ Фаленбергъ. Это была очень еще молодая и чрезвычайно интересная особа; видно было, что она собралась съ послѣдними силами, чтобъ лично распросить о мужѣ. Я импровизировалъ цѣлую исторію, разсказалъ, что самъ я состоялъ въ одной коммиссіи съ Петромъ Ивановичемъ, что на Шведской границѣ мы терпѣли большія стѣсненія, особливо въ перепискѣ и, какъ доказательство, прибавилъ, что Петръ Ивановичъ до того боялся зоркаго наблюденія за нимъ со стороны начальства, что не имѣлъ возможности написать къ ней иначе какъ карандашомъ и не могъ даже запечатать письма̀. Это ее совершенно успокоило, и она удалилась, благодаря за добрыя о мужѣ вѣсти. Только я ее и видѣлъ: къ обѣду она не выходила. У Раевскихъ провелъ я и вечеръ, а ночью выѣхалъ въ дальнѣйшій путь. Долго, долго я не могъ забыть скорбной драмы, которой былъ свидѣтелемъ въ этомъ почтенномъ семействѣ.

Наконецъ, я добрался до Владикавказа. Въ тоже утро я явился къ моему полковому командиру (онъ же и комендантъ крѣпости), полковнику Николаю Петровичу Скворцову. Онъ принялъ меня ни тепло ни холодно, сказалъ только, что назначаетъ меня въ такой-то батальонъ и въ такую-то роту и спросилъ, гдѣ я остановился; за тѣмъ, наклоненіемъ головы, меня отпустилъ, сказавъ, чтобъ я каждый день приходилъ къ нему обѣдать. Въ этомъ приглашеніи слышалось приказаніе.

Когда чрезъ Владикавказъ проѣзжали важныя военныя лица, меня всегда назначали къ нимъ на ординарцы или въ конвой (оказія). Такъ мнѣ случилось, между прочими, конвоировать ѣхавшихъ въ Грузію, Дибича, Д. В. Давыдова и Сипягина. За чѣмъ Дибичъ ѣхалъ въ Грузію, о томъ можно было догадываться изъ слуховъ, повсемѣстно тогда ходившихъ о Ермоловѣ, а также и изъ того, что Дибичъ необыкновенно предупредительно, можно сказать дружески, обошелся съ мѣстнымъ начальникомъ края и комендантомъ Владикавказа (этого ключа Закавказья) Н. П. Скворцовымъ. Разсыпаясь въ любезностяхъ къ его семейству, онъ напередъ поздравилъ двухъ его сыновей пажами; помнится, около этого же времени Николай Петровичъ былъ произведенъ въ генералы. Давыдову, ѣхавшему изъ Россіи, кажется, изъ отпуска, пришлось имѣть ночлегъ въ укрѣпленіи Ардонѣ; тутъ Денисъ Васильевичъ позвалъ меня къ чаю и продержалъ у себя до полуночи въ распросахъ о моемъ арестѣ. При проѣздѣ Сипягина, когда я явился къ нему, какъ назначенный его конвоировать, онъ сдѣлалъ грима-

су и сказалъ: «Ну, молодой такой, и въ гарнизонѣ!....» Но когда Николай Петровичъ шепнулъ ему что-то на́ ухо, онъ вдругъ перемѣнилъ тонъ, спросилъ, не сынъ ли я того генерала, который былъ тяжело раненъ подъ Бауценомъ, а потомъ, когда мы двинулись въ путь, онъ велѣлъ мнѣ ѣхать возлѣ его дрожекъ и во весь переходъ со мною говорилъ.

Проѣздъ Ермолова, при возвращеніи его, окончательно, изъ Грузіи въ Россію, отличался такими особенностями, на которыхъ нельзя не остановиться. Началось съ того, что когда почетный караулъ и всѣ мѣстные служащіе были уже въ сборѣ у его квартиры, отъ него впередъ прискакалъ казачій офицеръ и, осадивъ лошадь предъ комендантомъ Скворцовымъ, произнесъ слѣдующее: «Алексѣй Петровичъ приказалъ вамъ доложить, чтобъ вы не дѣлали для него никакой парадной встрѣчи, потому что теперь ѣдетъ не прежній Ермоловъ, а Ермоловъ-инвалидъ». Вслѣдствіе этого, караулъ былъ снятъ, и субалтернъ-офицеры распущены; остались только штабъ-офицеры, плацъ-маіоръ Курилло, штабъ-докторъ, штабъ-офицеръ строительнаго отряда и полковой адъютантъ, должность котораго занималъ тогда я. «Здравствуйте, здравствуйте, мои добрые старые товарищи!» сказалъ Алексѣй Петровичъ, сходя съ дрожекъ. «Давно, давно не видался я съ вами». Вошли въ комнату. Ермоловъ обнялъ Скворцова, распрашивалъ его о семействѣ; потомъ сталъ обходить другихъ, отъ одного къ другому, называя каждаго, иныхъ даже по имени и отчеству; съ нѣкоторыми шутилъ. Подошедъ къ доктору Взорову, человѣку очень тучному: «А ты, Взоровъ, ты по прежнему все ѣшь, все спишь; ты меня, братецъ, знаешь: отъ добра я никогда не прочь; дарю тебѣ на память *добро* (д) въ твою фамилію». Такимъ образомъ изъ Взорова сдѣлался Вздоровъ. Ермоловъ зналъ съ кѣмъ какъ шутить. Онъ старался казаться спокойнымъ, но это ему не удавалось. Увидѣвъ плацъ-маіора Курилло: «Братецъ», сказалъ Алексѣй Петровичъ, «зачѣмъ ты мнѣ поставилъ двухъ часовыхъ? Сними одного; а то, пожалуй, скажутъ, что *Ермоловъ умничаетъ*». Тутъ, остановясь передо мной, спросилъ: «Если не ошибаюсь, вы—Гангебловъ?»—Точно такъ, в. в. пр.— «Я зналъ вашихъ стариковъ; знавъ, что вы здѣсь, я угадалъ по сходству» и, обратясь къ прочимъ присутствовавшимъ, прибавилъ: «Вотъ какого написали въ неспособные!» За тѣмъ поблагодаривъ собраніе нѣсколькими добрыми словами за сдѣланный ему пріемъ, онъ извинился усталостью и насъ отпустилъ. На другой день Ермоловъ обѣдалъ у Николая Петровича; опять отозвался ко мнѣ и упомянулъ, гдѣ и когда былъ знакóмъ съ моими отцемъ и матерью. Въ половинѣ обѣда, пришли доложить, что съ «оказіей» пріѣхалъ Д. В. Давыдовъ, то-

же возвращавшійся въ Россію, а вслѣдъ за тѣмъ вошелъ онъ самъ. Во Владикавказѣ Ермоловъ пробылъ дня три или четыре. Тутъ онъ навсегда распрощался съ матерью своихъ дѣтей; изъ нихъ мальчиковъ онъ взялъ съ собою въ Россію; а она съ дочерью возвратилась на свою родину, въ Грузію.

Когда изъ Грузіи возвращался торжествующій Дибичъ, съ нимъ былъ Чевкинъ. Рано на слѣдующее утро меня потребовали къ Дибичу. Онъ у меня спросилъ: чего я желаю, отпуска ли на 28 дней, или перевода въ дѣйствующую армію? Я избралъ послѣднее. Послѣ того, не менѣе какъ мѣсяца черезъ два, проѣзжалъ въ Грузію графъ Сухтеленъ, и съ нимъ опять Чевкинъ. Этотъ послѣдній, увидѣвъ меня, спросилъ: «Что̀ значитъ, что ты до сихъ поръ здѣсь? Мы, какъ только съ Иваномъ Ивановичемъ (Дибичемъ) пріѣхали въ Вязьму *), первый докладъ Государю былъ о тебѣ». Вскорѣ однакожъ послѣ того получено было о моемъ новомъ назначеніи: чрезъ Владикавказъ проходилъ въ Персію Кабардинскій пѣхотный полкъ, и мнѣ велѣно было примкнуть къ этому полку въ качествѣ прикомандированнаго.

Кромѣ меня во Владикавказѣ находился декабристъ Борисъ Бодиско, по суду разжалованный въ матросы. Это была личность чрезвычайно симпатичная. И онъ, и я сожалѣли, что могли видѣться лишь изрѣдка, и то урывками: осторожность того требовала.

Однимъ изъ развлеченій Владикавказской публики было сходиться къ заставѣ и ожидать прибытія новой оказіи. Я постоянно участвовалъ въ этихъ прогулкахъ. У меня имѣлась своя цѣль: встрѣтить декабристовъ той категоріи, которую, какъ мнѣ извѣстно было еще при выѣздѣ изъ Петербурга, предполагалось перевести изъ Сибири на Кавказъ. Однажды, когда мы, собравшіеся у заставы, съ любопытствомъ пропускали мимо себя новопріѣзжихъ, съ одной изъ повозокъ, вскрикнувъ, соскочилъ Зетъ и кинулся меня обнимать. Съ нимъ были и другіе декабристы. Всѣхъ ихъ я повелъ къ себѣ, и мы провели вечеръ до поздней ночи, не умолкая. Тутъ, натурально, пошло на объясненія. Зетъ говорилъ съ такимъ искреннимъ одушевленіемъ, съ такою прямотой, что не было возможности не дать полной вѣры его словамъ. Не было сомнѣнія, что Чернышовъ сломилъ меня обманомъ. Я не хотѣлъ, конечно, тѣмъ болѣе при свидѣтеляхъ, сослаться на обстоятельство, которое одно помогло Чернышову такъ легко со мной справиться, именно на его, Зета, малодушіе, просто сказать, на его явную трусость въ Петергофскомъ эпизодѣ, особливо при присягѣ.—Съ

*) Въ то время въ Вязьмѣ Государь производилъ маневры.

тѣхъ поръ я, въ самомъ дѣлѣ, потерялъ всякую вѣру въ самостоятельность его характера. Не смотря на все это, изъ того что̀ и какъ говорилъ Зетъ въ этотъ вечеръ нельзя было не убѣдиться, что не онъ меня компрометировалъ.

Чрезъ Владикавказъ проѣхало въ Грузію еще нѣсколько декабристовъ или «прикосновенныхъ» къ ихъ дѣлу, въ томъ числѣ Семичевъ. Узнавъ, кто я, онъ подошелъ ко мнѣ съ восклицаніемъ: «Eh, mon Dieu, j'étais votre antipode!» *) Объяснилось, что, одно время, онъ занималъ казематъ въ нижнемъ ярусѣ, какъ-разъ подъ моимъ казематомъ. Онъ задумалъ было тогда войдти со мною въ сношеніе чрезъ печную трубу, о возможности чего онъ заключилъ изъ распросовъ у своего казематнаго прислужника. Но прежде чѣмъ планъ этотъ могъ устроиться, Семичевъ былъ переведенъ въ другое помѣщеніе.

Не задолго до моего отправленія въ Персію, изъ Омскаго гарнизона во Владикавказскій былъ переведенъ Титовъ, бывшій адъютантъ фельдмаршала Сакена. Такъ какъ я долженъ былъ вскорѣ уѣхать, то предложилъ ему занять мою квартиру. Прежде Титова я не зналъ. Мы очень обрадовались другъ другу. Онъ перебрался ко мнѣ, и мы помѣстились въ одной комнатѣ, такъ какъ другой въ моей квартирѣ не было. При такой тѣсной обстановкѣ вскорѣ открылось, что мы оба немножко философы и непрочь мыслями заноситься въ высь и въ даль: изъ моей головы не совсѣмъ еще испарился Жанъ-Жакъ; а онъ, Титовъ, привезъ съ собой изъ Омска цѣлый коробъ Azais'a, съ его Compensations. Мы за нѣсколько дней, что̀ провели вмѣстѣ, нафилософствовались достыта. Послѣ того я съ Титовымъ встрѣтился черезъ 50 л. въ Одессѣ; онъ тогда былъ превосходительнымъ и святошей.

Закончу мою Владикавказскую повѣсть эпизодомъ объ Ингушскомъ князькѣ Шефукѣ, измѣнившемъ нашему правительству и тѣмъ надѣлавшемъ много шуму и хлопотъ самому Ермолову. Въ одной статьѣ Д. В. Давыдова, по поводу этого дѣла, о Ермоловѣ выражено такъ, или почти такъ: «Ермоловъ, однимъ мановеніемъ бровей, сломилъ непокорнаго и заставилъ его покориться». Въ сущности дѣло это завершилось иначе. Вотъ что̀ произошло. Въ началѣ войны съ Персіей, по горскимъ мирнымъ ауламъ стали появляться эмисары отъ наслѣдника Персидскаго престола, Аббаса-Мирзы съ цѣлію возбудить между ними возстаніе противъ Бѣлаго-Царя. Эмисары эти снабжены были деньгами, но не болѣе того что̀ было нужно для задатковъ; тѣмъ же изъ нихъ, которые дѣйствительно отпадутъ отъ Россіи, обѣщаны горы золота. Въ числѣ соблазнившихся такими щедрыми посулами былъ и Шефукъ, владѣлецъ аула, почти смежнаго съ Владикавказомъ.

*) Ахъ, Боже мой, я былъ вашимъ антиподомъ!

Въ одно прекрасное утро открылось, что Шефукъ, забравъ свое семейство, а съ семействомъ и все что̀ могъ съ собою захватить, бросилъ свой аулъ и ушелъ въ горы. Уйдти въ горы значило объявить себя врагомъ Россіи. Знали, гдѣ онъ находится; но силою возвратить его было невозможно, а по доброй волѣ онъ не сдавался. Шефукъ ждалъ награды изъ Персіи, но не только награды, но и слухи оттуда до него не доходили. Бѣглецъ, наконецъ, убѣдился, что онъ обманутъ. И вотъ Шефукъ придумалъ какъ бы по крайней мѣрѣ вернуть свой потерянный аулъ.

Однажды изъ Грузіи въ Россію шла *оказія*. Оказіи ходятъ медленно, такъ какъ ихъ конвой изъ пѣхоты. Уже было недалеко до крѣпости, съ версту что ли, какъ одинъ изъ пассажировъ оказіи, баронъ Фирксъ, желая скорѣе прибыть на мѣсто, далъ шпоры коню и поскакалъ впередъ одинъ (такъ нерѣдко позволяли себѣ наиболѣе нетерпѣливые). Едва Фирксъ заѣхалъ за половину оставшагося ему пути и поравнялся съ кустарникомъ невдалекѣ отъ дороги, какъ увидѣлъ, что изъ-за кустовъ на него несутся нѣсколько человѣкъ горцевъ. Фирксъ соскочилъ съ лошади, думая отъ нихъ отбиваться, пока подойдетъ конвой; не тутъ-то было: его приняли въ нагайки, усадили и увязали на лошадь и погнали въ горы. Героемъ этой такъ-называемой *шалости* былъ Шефукъ. Во Владикавказѣ поднялся страшный переполохъ. Въ Тифлисъ засновали курьеры. Съ тѣмъ вмѣстѣ къ Шефуку посылали то мирныхъ горцевъ, то переводчиковъ съ разными предложеніями; но онъ и слышать ничего не хотѣлъ, все еще не теряя надежды на Персидскіе подарки. Онъ укрылся съ плѣнникомъ въ аулѣ у одного изъ своихъ кунаковъ, намъ враждебныхъ, въ недоступной мѣстности. Впрочемъ, съ Фирксомъ онъ обращался хорошо и допускалъ, чтобы изъ крѣпости ему привозили все нужное. Шефукъ ждалъ, ждалъ; но изъ Персіи ни слуху ни духу. Начались переговоры, отъ угрозъ перешли къ предложеніямъ и убѣжденіямъ. Шефукъ соглашался освободить своего плѣнника съ тѣмъ, чтобъ измѣна его была предана забвенію, чтобъ ему было дозволено, по прежнему, владѣть ауломъ; отъ этихъ условій онъ не отступалъ ни на шагъ. «Дай мнѣ моя аулъ», говорилъ онъ, «будь моя кунакъ, и Фиркса твоя». Ермоловъ, можетъ быть, и супилъ брови, но дѣлать было нечего, согласился.

Съ Шефукомъ и другими мирными князьками Владикавказскаго округа, которые всѣ были мнѣ знакомы, свидѣлся я уже въ Арзрумѣ: тамъ они, равно какъ и Куртинцы, составляли личный конвой Паскевича.

Владикавказъ—крѣпостца, состоящая изъ землянаго бруствера и рва, слабой профили, способная защищаться противъ ружейнаго лишь огня. Внутри этой крѣпостцы небольшой деревянный домъ, единственное здѣсь строеніе, которое можно еще назвать домомъ; въ немъ живетъ комендантъ, онъ же и начальникъ области, а также и командиръ Владикавказскаго гарнизоннаго полка. Затѣмъ домики крѣпостныхъ, медицинскихъ и т. п. чиновъ, госпиталь нероскошной постройки и церковь, въ которой очень хорошаго письмà иконостасъ, приношеніе одной изъ царственныхъ особъ. Присутственныхъ мѣстъ нѣтъ, такъ какъ одна лишь власть коменданта чинитъ здѣсь судъ и расправу.

Внѣ крѣпости форштатъ, изъ 25—30 домиковъ, принадлежащихъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ женатой роты—вотъ и весь Владикавказъ, величаемый здѣсь городомъ. Жизненныя потребности населенія снабжаются одной только лавкой или духаномъ, гдѣ, со сбытомъ вина и водки, продаются товары самой первой потребности. За то здѣшній край въ отношеніи естественныхъ произведеній чрезвычайно богатъ; напримѣръ, дичи крупной и мелкой здѣсь несмѣтное множество; довольно сказать, что пара фазановъ стоитъ 15 коп. ассигн., и за ту же цѣну предлагаютъ цѣлый пудъ просоленныхъ перепеловъ. Мѣстная промышленность состоитъ исключительно въ томъ, что полковые офицеры держатъ лошадей для услугъ пассажирамъ, такъ какъ по здѣшнему тракту почтовыхъ станцій нѣтъ.

Частныхъ обывателей въ городѣ ни души. Здѣшній гарнизонный полкъ состоитъ большею частію (я говорю объ офицерахъ) изъ Поляковъ, но Поляковъ самой низкой пробы. Во всемъ городѣ не получается ни одного журнала, ни одной газеты. Книгъ тоже ни у кого нѣтъ. Послѣ каждой воскресной обѣдни, всѣ сходятся на завтракъ къ Николаю Петровичу, а затѣмъ къ нему являются нѣсколько князьковъ окрестныхъ мирныхъ ауловъ, какъ бы съ праздничнымъ поздравленіемъ.

Эти горцы, въ наружности которыхъ я ожидалъ встрѣтить неотёсанность и грубость въ обращеніи, напротивъ, удивляютъ отмѣннымъ приличіемъ и граціей своихъ тѣлодвиженій, и это тѣмъ болѣе, что въ нихъ не замѣтно никакой дѣланности: все непринужденно.

Желая сколько-нибудь «цивилизовать» здѣшнее общество и по возможности разнообразить здѣшнюю жизнь, Николай Петровичъ нерѣдко приглашаетъ къ себѣ на обѣды и въ большіе торжественные дни даетъ балы. Эти послѣдніе особенно своеобразны; въ кавалерахъ недостатка нѣтъ, но женскаго танцующаго персонала не насчитывалось болѣе десяти душъ. Не смотря на это, на этихъ балахъ соблюдается строгій декорумъ. Самъ хозяинъ открываетъ балъ полонезомъ съ почетнѣйшею изъ присутствующихъ дамъ; за полонезомъ слѣду-

ютъ экосезъ, Русскій кадриль, матадуръ, вальсъ и мазурка, въ которой офицеры изъ Поляковъ отличаются залихватскими манерами своей національности. Танцы исполняются здѣсь нѣсколько иначе; напримѣръ въ Русскомъ кадрилѣ, во время такъ называемаго «променада» къ музыкѣ присоединяются и пѣвчіе, которые поютъ какіе-то куплеты. Хоръ музыкантовъ, человѣкъ въ тридцать, почти весь изъ роговыхъ инструментовъ домашняго полковаго издѣлія. Хоръ пѣвчихъ тоже изъ такого числа голосовъ, и голосовъ весьма недурныхъ. Тѣмъ и другимъ хорами заправляетъ офицеръ, выслужившійся изъ армейскихъ полковыхъ музыкантовъ, человѣкъ по своему даровитый: всѣ бальные танцы сочинены имъ. Я подозрѣваю, что и куплеты кадрильнаго променада суть произведеніе его же музы. Эти же пѣвчіе поютъ и въ церкви.

Прежде чѣмъ продолжать мой разсказъ, упомяну объ одномъ случаѣ крайне меня удивившемъ. Самъ по себѣ этотъ случай не важенъ, но изъ него нельзя не вывести заключенія о настроеніи тогдашняго общества. Прежде надо замѣтить, что здѣшній комендантъ генералъ Скворцовъ—личность очень почтенная, съ умомъ здравымъ и твердымъ характеромъ; къ тому же, онъ человѣкъ уже очень пожилой, старый служака и свято преданный установленному порядку. Со мною онъ никогда не касался причинъ, по которымъ я попалъ подъ наказаніе. Онъ для того, вѣроятно, и вмѣнилъ мнѣ въ обязанность каждый день являться къ его обѣду, чтобъ ближе за мною наблюдать. Однажды, когда ему извѣстно уже было о моемъ скоромъ выбытіи изъ-подъ его начальства, какъ только встали изъ-за стола и начали расходиться, генералъ, подойдя ко мнѣ, шепнулъ мнѣ на ухо, чтобъ я на нѣсколько минутъ остался; а когда всѣ ушли, онъ повелъ меня къ себѣ въ кабинетъ, затворилъ за собою дверь и, послѣ нѣкотораго колебанія, боязно началъ: «Я васъ прошу сказать мнѣ всю правду... не стѣсняясь.... будьте покойны; вашъ отвѣтъ дальше меня не пойдетъ. Справедливо ли все то, что́ было обнародовано о Тайномъ Обществѣ; правда-ли, что оно имѣло въ виду достигнуть своей цѣли чрезъ цареубійство?» Послѣднее слово Николай Петровичъ насилу выговорилъ. Не успѣлъ я произнести двухъ-трехъ словъ въ положительномъ смыслѣ, какъ Николай Петровичъ въ сильномъ испугѣ замахалъ руками у самаго моего рта и опрометью выбѣжалъ изъ комнаты. Если человѣкъ такого закала, какъ генералъ Скворцовъ, осмѣлился допустить въ себѣ недовѣріе къ справедливости Слѣдственной Коммиссіи по декабрьскому дѣлу, то чего же ожидать отъ толпы, которая при бо́льшей узкости взглядовъ всегда и вездѣ склонна скорѣе къ порицанію, чѣмъ одобренію правительственныхъ рѣшеній подобнаго рода?

Нѣтъ сомнѣнія, что по крайней мѣрѣ въ немалой части *тогдашняго* Русскаго общества таилось подозрѣніе, что цареубійство придумано здѣсь для того только, чтобъ оправдать строгость приговора надъ виновными.

Съ Юга и съ Сѣвера къ Владикавказу прилегаютъ два мирные аула. Къ послѣднему изъ нихъ ведетъ мостъ черезъ Терекъ, который въ семи верстахъ отъ Владикавказа, съ пѣной и оглушительнымъ ревомъ, вырывается изъ темнаго, узкаго ущелья, по обѣимъ сторонамъ котораго высятся гигантскія скалы. По этому ущелью проложена въ Грузію дорога не вдалекѣ отъ одного изъ высочайшихъ пиковъ горнаго хребта Казбека, котораго одно лишь серебряное темя видно отсюда.

Такова сторона, среди которой мнѣ суждено, какъ я было думалъ, оставаться на долгіе-долгіе годы, но гдѣ я провелъ лишь восемь мѣсяцевъ. Если мнѣ и встрѣчались здѣсь кое-какія лишенія по отношенію собственно къ жизни, то этотъ недостатокъ щедро вознаграждался пріятнымъ и здоровымъ климатомъ, добрымъ ко мнѣ расположеніемъ людей и поразительно-величественными красотами природы.

Завтра здѣсь будетъ проходить, на пути въ Персію, Кабардинскій пѣхотный полкъ. Къ этому полку я прикомандированъ и долженъ къ нему примкнуть. Итакъ, прощай Владикавказъ! Спасибо за твое доброе гостепріимство.

III.

Въ кампаніяхъ Персидской и Турецкой 1826—1829.—За Кавказомъ.—Разсылка декабристовъ изъ Тифлиса.—Отставка.

Еще изъ памяти.

Въ походѣ мнѣ, фрунтовому офицеру, вести записки не представлялось возможности, и потому, для продолженія разсказа до моей отставки, мнѣ приходится снова обратиться лишь къ памяти, которая, впрочемъ, не смотря на мою глубокую старость, служитъ мнѣ еще недурно. Разсказъ мой будетъ безсвязный. Я буду избѣгать повторенія того, о чемъ было говорено уже другими.

Кабардинскій полкъ, переваливъ осадныя орудія черезъ Кавказскій хребетъ, прибылъ съ ними подъ Эривань. Наши войска держали крѣпость въ блокадѣ и уже открыли траншеи. Паскевичъ дѣлалъ смотръ нашему вновь прибывшему полку. Когда онъ шагомъ проѣзжалъ по фрунту, мой черный воротникъ между красными воротниками его остановилъ. «Что́ это?» спросилъ онъ. Ему объяснили. Паске-

вичъ, немного знавшій меня, когда я былъ въ Измайловскомъ полку. обратилъ ко мнѣ нѣсколько добрыхъ словъ и обнадежилъ милостью Государя. Въ послѣдствіи, когда на переходахъ онъ обгонялъ войска, то иногда подзывалъ меня къ себѣ и дарилъ двумя-тремя словами. Но вотъ, когда началась осада, и я услышалъ, что всѣ декабристы собраны въ траншеи, я обратился съ просьбой къ генер. Красовскому перевести и меня туда же. Красовскій велѣлъ своему адъютанту меня отвести къ начальнику траншей полк. Гуркѣ. Гурко меня зналъ, когда ѣхалъ со своимъ семействомъ въ Грузію и останавливался на нѣсколько дней во Владикавказѣ, гдѣ оставилъ жену и дѣтей. Гурко засадилъ меня вести журналъ осады, а другаго своего quasi-адъютанта, тоже какъ и я опальнаго и сверхъ того моего товарища по Пажескому Корпусу, Депрерадовича, опредѣлилъ по другимъ порученіямъ. Прочіе опальные были размѣщены по разнымъ пунктамъ траншей. Когда совсѣмъ стемнѣло, Гурко, отправляясь въ обходъ крѣпости, взялъ меня съ собою и, дополнилъ мое вооруженіе однимъ изъ пары своихъ кухенрейтеровъ. Ночь была темная; мы вдвоемъ шли въ такомъ отъ крѣпости разстояніи, что, при осторожности съ нашей стороны, оттуда насъ не могли ни слышать, ни видѣть; но намъ иногда слышанъ былъ говоръ внутри крѣпости. На полъ-пути, полковникъ остановился и, опустившись на камень, глухо произнесъ: «Pardon, monsieur, je n'en puis plus; ma pauvre femme me mande de Владикавказъ que notre fils est mort; vous l'avez vu, ce petit ange...» [1]). И тутъ онъ далъ волю слезамъ. Сдерживая рыданія, онъ проклиналъ и Владикавказъ, и службу. Наконецъ, онъ нѣсколько успокоился; мы пошли далѣе и не за долго до разсвѣта сошли въ свою траншею. Дня черезъ два послѣ почти безпрерывной канонады стало замѣтно, что въ крѣпости происходило что-то необычайное, и тревога все росла и росла, а вскорѣ на одной изъ башенъ показались поднятые вверхъ бѣлые флаги. Съ тѣмъ вмѣстѣ къ крѣпостной стѣнѣ съ этой стороны двинулся сводный гвардейскій полкъ [2]), а противъ другой ея стороны, изъ форштата, показался Красовскій въ головѣ своего отряда. «Спѣшите примкнуть къ Красовскому», сказалъ мнѣ Гурко, «и наблюдайте, что̀ произойдетъ въ томъ пунктѣ атаки для занесенія въ журналъ; а мы съ Депрерадовичемъ, для того же, пойдемъ къ гвардейцамъ». Я кинулся изъ траншеи и, видя, что опоздаю, ежели пойду въ обходъ, направился прямо по гласису крѣпости въ надеждѣ, что

[1]) Извините, м. г., я не могу болѣе; бѣдная жена моя увѣдомляетъ меня изъ Владикавказа, что сынъ нашъ умеръ; вы видѣли его, этого маленькаго ангела.

[2]) Сформированный изъ л.-гв. полковъ Московскаго и Гренадерскаго, участвовавшихъ въ бунтѣ 14-го Декабря.

при суматохѣ за стѣнами ея на меня не обратятъ вниманія. Такъ оно и случилось: добѣжавъ до своей цѣли благополучно, я увидѣлъ, что Красовскій со своимъ отрядомъ только что подошелъ къ сводчатому тоннелю, ведущему къ крѣпостнымъ воротамъ, за которыми слышалась страшная возня. Я присоединился къ свитѣ Красовскаго, въ то время какъ онъ давалъ приказанія аудитору Бѣлову, знавшему мѣстный языкъ, чтобъ онъ подошелъ къ самымъ воротамъ и сказалъ *имъ*, что ежели они заставятъ самихъ насъ разбить ворота, то имъ пощады не будетъ. Съ Бѣловымъ пошелъ я и еще какой-то офицеръ въ качествѣ асистентовъ. Полы воротъ не вплоть были притворены. Едва Бѣловъ приложилъ лобъ къ этой щели и произнесъ два-три слова, какъ оттуда раздался выстрѣлъ, и Бѣловъ повалился, брызнувъ мнѣ въ лицо своимъ мозгомъ. «Что́ тамъ такое?» тревожно спросилъ генералъ, когда мы, асистенты, къ нему выбѣжали. Когда я сказалъ, что Бѣловъ убитъ, поставлено было орудіе, чтобъ разбить ворота; но прежде чѣмъ выстрѣлъ послѣдовалъ, ворота растворились. Красовскій, окидывая насъ взглядомъ, у меня спросилъ: «Вы здѣсь зачѣмъ?» Я объяснилъ, что присланъ отъ начальника траншей. «Кстати», сказалъ онъ; «вотъ вамъ два тѣлохранителя, идите впередъ въ ворота и продолжайте идти, а за вами пойдемъ и мы». Съ двумя гренадерами, «ружья на перевѣсъ», мы очутились среди невообразимаго смятенія: оглушительный вопль, шальная бѣготня, драка между собою, визгъ женщинъ; онѣ подбѣгали къ намъ, рвали на себѣ одежды, иныя рвали себѣ груди до крови, бросали дѣтей намъ подъ ноги, кидались ницъ и хватали землю зубами. Среди этой страшной суматохи насъ однакожъ не трогали. Когда мы отошли отъ воротъ шаговъ на полтораста, изъ воротъ показался Красовскій съ отрядомъ. Такимъ образомъ Эривань была занята съ этой стороны.

По взятіи Эривани войско двинулось далѣе по направленію къ Тавризу и шло отдѣльными отрядами для занятія разныхъ стратегическихъ пунктовъ Адербиджана. Тутъ я потерялъ изъ виду опальныхъ. Кромѣ меня, ихъ въ нашемъ полку не было. Нашъ отрядъ, состоявшій изъ кабардинскаго пѣхотнаго полка, батареи Аристова и казаковъ, занялъ городъ Делиманъ.

Во время почти трехмѣсячной стоянки въ Делиманѣ, на южной оконечности соленаго Урмійскаго озера, нѣсколько разъ я былъ наряжаемъ на фуражировки по окружнымъ деревнямъ, большею частью съ смѣшаннымъ населеніемъ изъ Персидскихъ Татаръ, Халдеевъ-Несторіянъ и Армянъ. Не доходя съ моей командой за полъ-версты до одной изъ такихъ деревень, мы были встрѣчены толпой народа, съ духовенствомъ во главѣ, съ хоругвями и кадилами; они за день до

того провѣдали о нашемъ приходѣ. При вступленіи въ самую деревню, стали звонить въ единственный колоколъ, да и то очень небольшой, въ родѣ тѣхъ, какими на нашихъ господскихъ усадьбахъ сзываютъ дворню. Когда я размѣстилъ людей по квартирамъ, меня повели въ церковь (ничемъ не отличавшуюся отъ прочихъ сельскихъ строеній), узнали отъ меня и записали имена нашего Государя и нашей Государыни, отслужили нѣчто въ родѣ молебна, при чемъ провозгласили: Николая Павловича, Александру Θеодоровну и.... офсера (*офицера*, сирѣчь меня). Потомъ привели меня на отведенную мнѣ квартиру, наполненную любопытными. Квартира эта состояла изъ одной очень просторной, но низкой и очень темной комнаты, такъ какъ свѣтъ въ нее падалъ чрезъ небольшое отверстіе въ потолкѣ. Я оставилъ человѣкъ пять-шесть стариковъ; прочихъ просилъ удалиться. Не спрашиваясь и не слушаясь меня, мои хозяева сдвинули нѣсколько низенькихъ столиковъ и наставили на нихъ разныхъ разностей; тутъ было нѣсколько пловъ, простокваша, чуреки, творогъ, плохое самодѣльное вино и въ довершеніе всего жирный жареный баранъ. Когда установка угощеній кончилась, старѣйшій изъ присутствовавшихъ, указавъ на яства, а потомъ на меня, надуто произнесъ *пешкешъ* *). Для меня подкатили чурбанъ; прочіе усѣлись за столъ, какъ попало. Представилась интересная картина: этотъ полумракъ, эти чисто-библейскіе типы, съ ихъ голыми черепами, на которыхъ отражались блики падающаго сверху луча, эта убогая трапеза. Я не могъ оторвать глазъ отъ этого зрѣлища; оно было достойно кисти Рембранта.

Моя другая фуражировка была интересна въ другомъ родѣ. Къ цѣли моего назначенія мнѣ надо было проходить черезъ одну деревню, устроенную иначе чѣмъ прочія. Въ ней постройки большею частію напоминали Русскія избы. Деревня эта служила штабъ-квартирой такъ называемому *Русскому батальону*, составленному изъ Русскихъ бѣглыхъ солдатъ съ дополненіемъ изъ Армянъ. Мужчины, при нашемъ приближеніи, разумѣется всѣ ушли, но ихъ семейства остались. Жены бѣглыхъ—Армянки и Халдейки вовсе насъ не дичились; ихъ дѣти отчасти Русскаго типа; они привѣтствовали насъ порусски лучше, чѣмъ ихъ матери. Тутъ же стоялъ и домъ, въ два небольшихъ этажа, командира этого батальона Самсона Маканцева. Уходя изъ своей столицы, онъ забралъ съ собою и свое семейство; женатъ онъ уже во второй разъ; свою первую жену онъ закололь кинжаломъ. Маканцевъ, котораго тамъ называли *сардаремъ-Самсономъ*, бывшій вахмистръ Ни-

*) Т. е. приношеніе подарковъ.

жегородскаго драгунскаго полка, бѣжалъ въ Ермоловское время, а можетъ быть и прежде, и дослужился въ Персіи до высшихъ чиновъ. Онъ-то со своимъ батальономъ наиболѣе помогъ Аббасу-мирзѣ разбить Красовскаго близъ Эчміадзина. Красовскій достигъ однакожъ своей цѣли: доставилъ въ Эчміадзинъ провіантъ, пробившись съ слабымъ своимъ отрядомъ сквозь двадцать тысячъ, но самъ понесъ жестокую потерю. Разсказываютъ, что въ этомъ дѣлѣ бѣглый, прежде чѣмъ схватиться въ рукопашную съ нашимъ солдатомъ, начиналъ окликомъ: «Ты какой губерніи?» Мы слышали отъ полковника Рыдзевскаго, что когда по заключеніи мира наши войска выступили изъ Тавриза, а онъ, Рыдзевскій, оставался еще тамъ нѣсколько дней съ военнымъ госпиталемъ, то Ма́канцевъ, пользуясь отсутствіемъ нашихъ войскъ, пріѣзжалъ въ Тавризъ и сдѣлалъ Рыдзевскому визитъ. Онъ былъ въ своего изобрѣтенія мундирѣ, съ генеральскими эполетами, пожалованными ему Аббасомъ-мирзой за дѣло при Эчміадзинѣ. Ма́канцевъ излилъ передъ нашимъ штабъ-офицеромъ свое раскаяніе: «Я бы пожертвовалъ», сказалъ онъ, «всѣми выгодами, которыя пріобрѣлъ на службѣ въ Персіи, и возвратился бы съ повинною на мою родину, еслибъ зналъ, что меня не прогонятъ сквозь строй.»

По прерваніи мирныхъ переговоровъ нашъ отрядъ подвинутъ былъ къ Урміи, на западномъ берегу того же озера. За переходъ до этого города къ намъ явился Армянинъ, молодой еще человѣкъ, щеголевато одѣтый и, подъѣхавъ къ генералу, обратился къ нему по французски съ предложеніемъ себя въ переводчики, какъ знающаго Персидскій и Арабскій языки. Меня позвали къ генаралу быть посредникомъ въ разговорѣ его съ Армяниномъ. Этотъ послѣдній, назвавшій себя Качатуръ-беемъ, разсказалъ намъ, что онъ состоитъ при дворѣ наслѣдника престола, Аббаса-мирзы, въ должности соотвѣтствующей пажу; что онъ учился въ Парижѣ; что Урмія городъ большой и хорошо всѣмъ снабженный, что правитель Урмійскаго округа сынъ наслѣдника престола принцъ Малекъ-Касумъ-мирза, узнавъ о направленіи нашего отряда, ушелъ изъ Урміи со всѣмъ своимъ имуществомъ и гаремомъ, за исключеніемъ начальницы гарема (première dame du hareme) Француженки, madame Lamarnière, бывшей воспитательницы дѣтей Аббаса-мирзы, отъ котораго перешла она ко двору его сына Малека, своего воспитанника, и что, наконецъ, за отсутствіемъ этого послѣдняго, мѣсто правителя провинціи (беглербея) занимаетъ Неджефъ-Кули-ханъ. Неджефъ, человѣкъ очень важный, изъ фамиліи Афшаровъ, изъ которой былъ знаменитый Тахмасъ-Кули-ханъ, и которая свержена съ престола нынѣ царствующей фамиліею Каджаровъ. О настроеніи умовъ въ Урміи Качатуръ-бей отозвался въ благопріят-

номъ для насъ смыслѣ, за исключеніемъ небольшой партіи, которая упорствуетъ во враждѣ къ намъ. Съ послѣдняго ночлега, хотя намъ ничего еще не было извѣстно о ходѣ мирныхъ переговоровъ, генералъ далъ мнѣ двѣнадцать казаковъ и Качатуръ-бея и велѣлъ отправиться въ Урмію, требовать отъ беглербея, чтобъ онъ отвелъ для отряда квартиры и заготовилъ провіантъ и фуражъ. «Не забудьте», отправляя меня, добавилъ генералъ, «не забудьте повидаться съ м-мъ Ламарньеръ и скажите ей, что она въ безопасности».

Я выѣхалъ за долго до свѣту и пріѣхалъ въ городъ, когда только что поднялось солнце. Мое порученіе исполнилось какъ нельзя болѣе благополучно. Неджефъ-Кули-ханъ съ нѣсколькими другими, какъ видно, важными лицами, встрѣтилъ меня внизу лѣстницы, очень любезно привѣтствовалъ и повелъ наверхъ. Мы взошли въ большую, свѣтлую залу, одна стѣна которой состояла вся изъ сплошнаго окна, какъ въ оранжереяхъ, а полъ покрытъ цѣльнымъ великолѣпнымъ ковромъ, обрамленнымъ узорчатыми, толстыми войлоками *).

Выслушавъ меня, Неджефъ живо распорядился. За тѣмъ, пока я сидѣлъ у мадамъ Ламарньеръ, очень и очень мнѣ обрадовавшейся, помѣщеніе для отряда было тутъ же занято въ обширномъ дворцѣ принца Малека; мнѣ оставалось только осмотрѣть это помѣщеніе. Съ приближеніемъ отряда, я выѣхалъ встрѣтить генерала добрыми вѣстями о моемъ порученіи.

Во время двухмѣсячной стоянки въ Урміи я не оставался безъ дѣла по службѣ. Каждый день я долженъ былъ присутствовать въ утреннемъ засѣданіи беглеръ-бейскаго «дивана», когда разбирались дѣла, или однихъ христіанъ (Армянъ, Халдеевъ), или христіанъ съ мусульманами. Въ засѣданіяхъ дивана соблюдалось величайшее приличіе. Хановъ собиралось человѣкъ 40 чопорно одѣтыхъ въ богатыхъ халатахъ. Ни шума, ни стука. Ежели кто либо опаздывалъ явиться въ диванъ, то, по ковру въ шерстяныхъ чулкахъ, пробирался къ своему мѣсту неслышными шагами и уже не вставалъ до окончанія засѣданія. Возвышать голосъ могъ только тотъ, кому очередь выразить свое мнѣніе. Мое мѣсто было подлѣ беглеръ-бея у поднятой оконной рамы, а переводчикъ Качатуръ-бей стоялъ передъ нами. Такъ какъ дѣла обыкновенно велись на мѣстномъ Татарскомъ языкѣ, то Качатуръ мнѣ былъ полезенъ тѣмъ еще, что присутствующіе не могли ничего отъ меня скрывать, говоря между собою по-арабски, какъ это

*) Эта стѣна окнами выходила на небольшой дворикъ, вымощенный плитами, на одномъ уровнѣ съ поломъ залы.

раза два случалось, когда Качатуръ не могъ быть со мною по случаю болѣзни. Судъ производился, ежели, по ошибкѣ, не всегда справедливо, то уже, конечно, всегда скоро: для наказанія виновнаго, ежели онъ изъ мусульманъ, являлись четыре фарраша; двое изъ нихъ горизонтально за концы держали длинный шестъ, а двое другихъ туго привязывали по серединѣ этого шеста подошвенную сторону голыхъ ногъ своей жертвы, и длинными палками въ палецъ толщиной принимались бить по голымъ подошвамъ виновнаго, сколько душѣ беглеръ-бея было угодно. Въ администраціи еще болѣе было патріархальности, чѣмъ въ правосудіи. Однажды, при собраніи статистическихъ свѣдѣній, я спросилъ, сколько въ Урміи жителей? Вопросъ этотъ видимо озадачилъ присутствующихъ; они, съ усмѣшкой, вопросительно между собой переглянулись, потолковали, потолковали и дали такой отвѣтъ: «А кто его знаетъ, сколько! Народа много ходитъ, много ѣздитъ по улицамъ и туда, и сюда; а сколько его, сосчитать нельзя». Не менѣе замѣчательно въ здѣшней окраинѣ Персіи отсутствіе самыхъ элементарныхъ знаній. Наприм. о географіи, какъ о наукѣ, не имѣютъ понятія. Случилось, что въ присутствіи Махметъ-Вали-хана, брата беглеръ-бея, генералъ, разложивъ карту Адербейджана, указывалъ мнѣ нѣкоторыя мѣстности и между прочимъ назвалъ Урмію. Махметъ внимательно слушалъ и смотрѣлъ. Когда мы съ нимъ вышли отъ генерала, онъ мнѣ задалъ вопросъ въ такомъ смыслѣ: «Чтó это за большая бумага, надъ которой вы говорили, водя по ней пальцами, при чемъ называли имя нашего города, тогда какъ на ней, на этой бумагѣ, ничего не было видно?» Изъ моихъ отвѣтовъ, Махметъ ничего не понялъ; съ тѣмъ я его отъ себя и отпустилъ, такъ какъ долженъ былъ заняться другимъ дѣломъ. Вскорѣ послѣ того въ городѣ пошелъ слухъ, что генералъ «держитъ Урмію въ ящикѣ того стола, на которомъ пишетъ». Стали являться желающіе видѣть такое чудо. Приходили по нѣскольку человѣкъ хановъ и мирзъ *); разъ пришелъ и самъ чопорный беглеръ-бей Неджефъ. Генералъ всегда снисходительно развертывалъ передъ ними карту и указывалъ, гдѣ Урмія. При этомъ происходила всегда одна и таже сцена: гости вперяли глаза въ одну указанную точку, упорно, долго смотрѣли, какъ бы ожидая чего-то, и расходились молча въ недоумѣніи.

Между тѣмъ народъ здѣсь очень способный. Изъ многихъ этому примѣровъ привожу одинъ. Въ помощь мнѣ дали одного мирзу. Онъ

*) Мирза — ученый, грамотный. Ежели титулъ этотъ ставится *послѣ* имени, то значитъ принцъ крови.

заинтересовался нашими цыфрами и забрасывалъ меня вопросами о ихъ значеніи. Я изумлялся понятливости этого еще очень молодаго человѣка. Въ какія нибудь три-четыре недѣли, что̀ онъ былъ при мнѣ, и пользуясь лишь моими отвѣтами на его вопросы, онъ подвинулся въ ариѳметикѣ до тройнаго правила включительно, понимая все легко, кромѣ только извлеченія корней, которыя его нѣсколько затрудняли.

Здѣшнему народу, за исключеніемъ немногихъ закоренѣлыхъ фанатиковъ, все *наше* очень нравилось. Ежели что̀ и поражало ихъ своею необычностью, то это только на первый взглядъ. Такъ было въ первый торжественный какой-то день, когда весь нашъ отрядъ нарядился въ свои куцые мундиры. Первое впечатлѣніе этого наряда произвело всеобщій неудержимый смѣхъ; иные почитали его непристойнымъ, но поприглядѣвшись, находили, что такая одежда несравненно удобнѣе, чѣмъ ихъ длинные халаты. Наши колесныя средства передвиженія ихъ восхитили. Неджефъ былъ внѣ себя отъ радости, когда нашъ полковой командиръ подарилъ ему простую телѣгу, которую велѣлъ для него смастерить полковыми средствами. На коляски его и генеральскую они смотрѣли какъ на чудо.

На городской площади, за часъ до пробитія вечерней зори, каждый день играла наша полковая музыка. Народу сходилось много, но на слушателей наши мотивы не производили никакого дѣйствія, тогда какъ мотивъ ихъ общенародной пѣсни

Кала̀ нунъ ди банда̀ биръ агачъ гіласъ
Атъ ма бу дамъ ларі̂ менъ караліямъ [1]).

доводитъ ихъ до изступленія. Когда у нихъ спрашивали, какъ они находятъ нашу музыку, они отвѣчали, что нашимъ инструментамъ они отдаютъ преимущество предъ своими, но свои музыкальные мотивы и свою гармонію они ставили гораздо выше нашихъ [2]). Но эти восточные мотивы, эта восточная гармонія должны же они заключать въ себѣ что-нибудь дѣйствительно обаятельное, коль скоро едва ли не половина человѣческихъ существъ имъ покланяются съ такимъ энтузіазмомъ. М-мъ Ламарньеръ хотя и освоилась съ мѣстными вкусами и привычками, но не могла однакожъ слышать здѣшней музыки безъ отвращенія. Въ Урміи былъ свой хоръ музыкантовъ; въ испол-

---

[1]) Мотивъ этой пѣсни Глинка помѣстилъ въ своей оперѣ „Русланъ и Людмила".

[2]) Впослѣдствіи, уже въ Тифлисѣ, одинъ умный и бывалый Татаринъ, объѣздившій нѣсколько Европейскихъ столицъ, далъ мнѣ о музыкѣ тотъ же отзывъ.

неніяхъ этого хора мы находили одно лишь нелѣпое сочетаніе дикихъ звуковъ. Этотъ мусульманскій хоръ, съ крыши мечети, ежедневно привѣтствовалъ восхожденіе солнца, подобно тому какъ нашъ полковой хоръ отправлялъ вечернюю зорю.

Недѣли за двѣ или за три до выступленія изъ Урміи, нѣсколько изувѣровъ изъ простаго народа, вооруженные кинжалами, напали на небольшой нашъ отдѣльный отъ гауптвахты караулъ, убили унтеръ-офицера и стоявшаго на часахъ рядоваго. Прочіе караульные бросились на эту шайку въ штыки, ее разогнали, а двухъ изъ нея захватили, связали и представили генералу. Ударили тревогу; отрядъ быстро выстроился въ боевой порядокъ на площади, гдѣ стояла наша артилерія; пушки зарядили. Съ тѣмъ вмѣстѣ генералъ велѣлъ мнѣ взять съ собою четырехъ тѣлохранителей, идти къ беглербею и просить его тотчасъ явиться къ нему на площадь, «а ежели не послушается», добавилъ мнѣ въ догонку генералъ, «то приведите его силою».

Неджефъ въ это время находился на вечернемъ засѣданіи дивана [1]). Оставивъ за дверью мою охрану [2]), я вошелъ въ залу и удивился, найдя, что въ ней все спокойно (тамъ еще не знали о происшествіи); но едва я съ переводчикомъ успѣлъ подойти къ Неджефу и передать ему «приглашеніе генерала», изъ-за дверной занавѣси вбѣжалъ какой-то мирза и громко что-то произнесъ (онъ сказалъ, что за дверью поставлены солдаты), какъ всѣ присутствовавшіе вскочили съ своихъ мѣстъ, и поднялся раздраженный крикъ и споръ. Иные обнажили кинжалы, а одинъ изъ засѣдавшихъ въ диванѣ, толстый Тагиръ-бей, злѣйшій ненавистникъ Русскихъ, кинулся было ко мнѣ, но прочіе его удержали. Послѣ шумнаго, но недолгаго спора, перепуганный Неджефъ объявилъ, что онъ готовъ идти за мной. Когда мы пришли на площадь, то узнали, что схваченные негодяи были пьяны. Самъ Неджефъ съ видимымъ отвращеніемъ подсунулся носомъ къ ихъ ртамъ, и когда убѣдился въ истинѣ, то успокоился и охотно выдалъ головой преступниковъ въ руки Русскаго правосудія. Тѣмъ недоразумѣніе съ диваномъ и кончилось.

По донесеніи объ этомъ происшествіи начальству, ген. Лаптевъ получилъ отъ ген. Панкратьева предписаніе виновныхъ повѣсить всенародно на городской площади. Но осторожный ген. Лаптевъ медлилъ

---

[1]) Вечерній диванъ собирался около пяти часовъ послѣ обѣда. Въ этихъ засѣданіяхъ я никогда не участвовалъ, такъ какъ въ нихъ обсуждались дѣла, касающіяся однихъ мусульманъ. На утреннемъ же разбирались дѣла или христіанъ между собою (Армянъ, Халдеевъ) или между христіанами и мусульманами.

[2]) Въ теплую погоду двери только завѣшиваются, но не затворяются.

экзекуціей и исполнилъ казнь гораздо уже позднѣе, да и то не въ Урміи, родинѣ преступниковъ, а почти за сто верстъ оттуда, въ Делиманѣ, когда мы, возвращаясь съ похода, проходили черезъ этотъ городъ.

У мадамъ Ламарньеръ каждый день я проводилъ часа по два. Это была разбитная Француженка лѣтъ за сорокъ пять, живая, бойкая. По ея разсказамъ, она служила чѣмъ-то при дворѣ Элизы Баччіоки, сестры Наполеона, знакома была съ мадамъ Сталь и играла съ нею на любительскихъ сценахъ; она перебывала почти во всѣхъ Европейскихъ столицахъ, была замужемъ за докторомъ медицины. Судьба застала какъ-то эту чету въ Тифлисѣ, гдѣ ее знали Ермоловъ и Грибоѣдовъ. Въ Тифлисѣ мужъ ея умеръ. Ей предложили мѣсто при дѣтяхъ Аббаса-мирзы. Когда ея воспитанникъ Малекъ-Касумъ-мирза назначенъ былъ правителемъ Урмійской области, Ламарньеръ послѣдовала за нимъ и при дворѣ его состояла въ качествѣ première dame du harème, а съ тѣмъ вмѣстѣ завѣдывала собаками и соколами принца. Она вела свои записки на Итальянскомъ языкѣ и занималась натуральной исторіей. Она обратила мое вниманіе на птицъ, водящихся въ безчисленномъ количествѣ по берегамъ солонаго Урмійскаго озера. Птицы эти изъ рода голенастыхъ (échassiers), какъ снѣгъ бѣлыя, съ пунцовымъ подкрыліемъ, съ розовыми ногами, такого же цвѣта съ огромнымъ яйцеобразнымъ горбатымъ клювомъ, съ черной каймой на створѣ. По мѣрѣ устарѣнія птицы, сквозь ея бѣлыя перья пробиваются пунцовыя перья. Птица эта имѣетъ столько особенностей въ сравненіи съ фламингомъ (flamant) Бюффона, что представляетъ новый видъ голенастыхъ, съ чѣмъ согласился и заѣзжавшій тогда въ Урмію Венгерскій путешественникъ, имени котораго не упомню. Мы пытались приручить этихъ птицъ, но онѣ не могли прожить долѣе недѣли. Другой видѣнный мною въ Урміи любопытный предметъ—это зерно, по своей формѣ подобное нашей лѣсной малинѣ, на вкусъ деревянистое, но питательное. У м-мѣ Ламарньеръ хранился цѣлый мѣшокъ этой манны; въ одну изъ предшествовавшихъ зимъ, во время голода, частыми и сильными мятелями, зерна этого наносилось такое множество, что народъ собиралъ его, перемалывалъ въ муку и употреблялъ въ пищу, что̀ значительно способствовало къ ослабленію тѣхъ бѣдствій, которыхъ можно было ожидать отъ тогдашняго неурожая. Упомянутый естествоиспытатель призналъ это зерно за чужеядный продуктъ (parasite) какого нибудь растенія, но какого именно, осталось неизвѣстнымъ. Ген. Панкратьевъ, пріѣзжавшій въ Урмію по дѣламъ службы, отправилъ образчикъ этого зерна въ какое-то ученое общество въ Парижъ.

Замѣчательно, что появленіе этой манны, ни въ народной памяти не сохранилось, ни въ послѣдствіи не повторялось.

Во время стоянки въ Урміи возвращено было много Русскихъ солдатъ, прежде еще бѣжавшихъ. Иногда ихъ подбирали на улицахъ города, когда они, пьяные, валялись въ ночное время, произнося Русскія бранныя слова. По слухамъ, въ провинціи было нѣсколько и Русскихъ офицеровъ; они еще съ давняго времени водворились въ этомъ краѣ и обзавелись семействами. Одинъ изъ нихъ Воскобойниковъ, уже старикъ, явился добровольно къ нашему генералу (Лаптеву) и заявилъ, что при осадѣ Эривани гр. Гудовичемъ онъ попался Персіянамъ въ плѣнъ, былъ удержанъ ими и, по заключеніи мира, женился, завелся семействомъ и рѣшился остаться на чужбинѣ. Пока надъ нимъ производилось слѣдствіе, онъ умеръ; его похоронили, какъ Русскаго офицера, съ воинской почестью, а его вдова съ дѣтьми послѣдовала за нашимъ отрядомъ въ Россію.

Кромѣ Венгерца-натуралиста въ Урмію пріѣзжало еще два Европейца, инструкторы Персидскихъ войскъ—Англичанинъ Уиллокъ и Французъ Семино́. Съ Семино́, пріѣзжавшимъ для того будто бы, чтобы повидаться съ своей соотечественницей, мы, какъ говорится, сошлись и нѣсколько разъ ѣздили пировать на хуторъ м-ъ Ламарньеръ, въ деревню Чорбашъ, съ версту отъ города. Тамъ у нея были виноградники, и между прочимъ выдѣлывался превосходный люнель, который хранился въ восьми, врытыхъ въ землю, глиняныхъ кувшинахъ, вышиною больше роста человѣка. Въ слѣдующимъ году, я совершенно неожиданно встрѣтился съ Семино́ въ Тифлисѣ, на балу, данномъ Паскевичемъ, въ честь Персидскаго принца, возвратившагося изъ Петербурга. Семино́ состоялъ въ свитѣ этого принца и былъ уже не тѣмъ Семино́, какимъ я его зналъ въ Урміи: теперь онъ щеголялъ въ какомъ-то военномъ мундирѣ, въ штабъ-офицерскихъ эполетахъ и съ Владимиромъ въ петлицѣ. На другой день, очень рано, онъ меня навѣстилъ и разсказалъ любопытныя вещи о убіеніи Грибоѣдова. По его словамъ катастрофа эта была устроена Англичанами, которые Грибоѣдова не терпѣли за его гордое съ ними обращеніе. «Вашъ Государь», сказалъ Семино́, «удостоилъ меня особой аудіенціи; я разсказалъ ему подробно всѣ махинаціи Англичанъ. Государь былъ со мною очень милостивъ, пожаловалъ мнѣ чинъ капитана Русской службы, пожизненную пенсію и вотъ, какъ видите, орденъ». Прощаясь съ нимъ, я ему замѣтилъ, что отчего онъ, не болѣе какъ капитанъ, а носитъ жирные эполеты? «Я капитанъ Имперіи, стало-быть штабъ-офицеръ королевства, какова Персія», сказалъ онъ самодовольно.

По заключеніи мира съ Персіей въ нашъ отрядъ получено было предписаніе готовиться къ выступленію изъ Урміи въ обратный путь. Это было сигналомъ къ побѣгамъ изъ нашего Кабардинскаго полка, въ послѣдніе передъ выступленіемъ изъ Урміи дни. Побѣги эти до того усилились, что полковой командиръ, Швецовъ, приходилъ въ отчаяніе и прекратилъ ихъ только тѣмъ, что поимщикамъ платилъ по 10 червонцевъ за каждаго представленнаго ими бѣглаго. Пойманы были однакожъ не всѣ; между прочими молодой, красивый, грамотный и отлично расторопный по службѣ фельдфебель первой гренадерской роты такъ и остался не отысканнымъ. Да и какъ было тогдашнему солдату не соблазниться на подстрекательства Персіянъ? Тутъ тяжелая лямка на долгіе годы, а тамъ дорогая свобода и женъ въ волю!

По выступленіи отряда изъ Урміи, получено было отъ Паскевича предписаніе отправить меня въ Эривань. Меня это удивило: я не могъ понять, кому я обязанъ такимъ назначеніемъ и къ добру ли оно для меня или къ худу? Мнѣ дали одного только проводника изъ мѣстныхъ Татаръ. Проѣздомъ черезъ городъ Яой, въ штабъ-квартирѣ ген. Панкратьева, я нашелъ Искрицкаго, а также и Зета; съ ними я и провелъ два дня, благодаря разрѣшенію генерала (ген. Панкратьевъ вообще ко мнѣ очень благоволилъ). Зетъ долженъ былъ отправиться въ Тифлисъ, и мы вмѣстѣ проѣхали около двухъ сотъ верстъ до Эривани. Тутъ мы съ Зетомъ разстались, и съ тѣхъ поръ я уже его не видалъ. Лишь впослѣдствіи, въ 1830 или 1831 году, когда я находился въ Тифлисѣ, я получилъ отъ него нѣсколько писемъ изъ Шуши. Эти письма мнѣ открыли, что въ Зетѣ совершилась радикальная духовная перемѣна. Зетъ былъ католикъ; прежде онъ относился къ своему вѣрованію, да и вообще къ религіи, довольно холодно, даже болѣе чѣмъ холодно. Эти же его письма наполнялись идеями католицизма самаго горячаго, съ оттѣнкомъ мистицизма, чему Зетъ былъ обязанъ патеру Зарембѣ, котораго онъ «обрѣлъ», какъ онъ выражался, въ мѣстѣ своей ссылки, въ Шушѣ. Изъ угожденія Зету я не прочь былъ выслушивать его новыя идеи; но когда онъ сталъ мнѣ предлагать, чтобы я, «ради моего спасенія», духовно присоединился къ ихъ маленькой конгрегаціи, то я отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что мнѣ, православному, неудобно входить въ религіозное общеніе съ католиками. Вѣроятно, это было причиной прекращенія нашей переписки: на послѣднее письмо мое Зетъ уже не отвѣчалъ. Не сомнѣваюсь, что этотъ новый путь, на который Зетъ вступилъ, привелъ его къ печальному концу. Не помню, когда именно и отъ кого я слышалъ, что когда онъ былъ уволенъ отъ службы и пріѣхалъ на родину, то впалъ въ умопомѣшательство, и вскорѣ затѣмъ умеръ.

Въ Эривани для меня разрѣшилась загадка моего откомандированія въ эту крѣпость. Здѣсь я нашелъ Коновницына въ качествѣ состоящаго по инженерной части, при комендантѣ крѣпости полковникѣ Кошкаровѣ (пострадавшемъ по бунту Семеновскаго полка), который меня вовсе не зналъ. Коновницыну желалось дѣлить свои досуги съ кѣмъ либо изъ своихъ друзей, и онъ просилъ Кошкарова перетянуть на службу въ Эривань Искрицкаго. Искрицкій отказался, такъ какъ онъ былъ хорошо пристроенъ при ген. Панкратьевѣ, и вотъ выборъ Коновницына палъ на меня. По первому же представленію о томъ Кошкарова, Паскевичъ назначилъ меня въ Эривань плацъ-маіоромъ.

Послѣ долгой скитальческой жизни Эривань мнѣ казалась столицей. Я нашелъ здѣсь уже небольшое общество изъ пяти-шести человѣкъ. Обѣдали мы всегда у гостепріимнаго Кошкарова, а вечера проводили вмѣстѣ или у него, или у полковника А—ра Андр. Авенаріуса. Къ намъ часто примыкалъ и старый мой сокашникъ Алексѣй Иларіоновичъ Философовъ, оставшійся въ Эривани для исправленія разстрѣловъ въ осадныхъ орудіяхъ *). Не было недостатка въ эстетическихъ развлеченіяхъ: между прочимъ Кошкаровъ прекрасно пѣлъ и игралъ на употребительномъ, у военныхъ того времени, инструментѣ, гитарѣ. Я и Коновницынъ рисовали, сняли нѣсколько видовъ съ Арарата, который, верстахъ въ пятидесяти отъ насъ, возносилъ къ небесамъ двѣ свои бѣлыя головы. Заглядывали и въ литературу: такъ однажды вечеромъ, по общему желанію нашего кружка, мною и Философовымъ прочтено было «Горе отъ ума», по копіи, снятой мною еще въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ того какъ самъ Грибоѣдовъ читалъ (какъ говорили, въ первый разъ) это свое твореніе у Ѳед. Петр. Львова.

Не долго мы такъ мирно пировали: объявлена была война Турціи, и войска Паскевича начали сдвигаться къ Турецкой границѣ. Мы всполошились; послали просьбы о переводѣ въ дѣйствующую армію. Отвѣта долго не было, и мы могли отправиться къ мѣсту тогда только, когда военныя дѣйствія уже начались осадою Карса.

Я и Коновницынъ ѣхали вмѣстѣ съ Кошкаровымъ. На послѣднемъ ночлегѣ, на полъ-пути отъ Гумровъ къ Карсу, намъ стала слышна канонада. Когда утромъ подъѣхали на видъ къ осаждаемой крѣпости, на столько, что встрѣчались уже казачьи разъѣзды, мы принарядились въ мундиры. Кошкаровъ отъ насъ отдѣлился, а Коновницынъ и я поѣхали явиться къ графу Паскевичу. Паскевичъ, въ обширной своей палаткѣ, со своимъ штабомъ и нѣсколькими генералами, уже торжествовали побѣду Шампанскимъ. Являясь къ нему, мы тоже его поздравили. «Нѣтъ», сказалъ онъ, указывая на крѣпость,

*) Впослѣдствіи воспитатель великихъ князей. П. Б.

«еще не совсѣмъ: паша засѣлъ въ цитадели и не сдается. А вы знаете куда явиться?» спросилъ онъ у меня; «явитесь въ піонерный батальонъ: вы къ нему прикомандировываетесь». Въ это время входитъ полковникъ Лазаревъ *), только что пріѣхавшій изъ занятаго уже форштата. «Ну что́, какъ тамъ?» спросилъ Паскевичъ.—«Все благополучно», сказалъ Лазаревъ, «только я долженъ доложить вашему сіятельству, что *наши* сильно шалятъ и безчинствуютъ въ городѣ».—«Что̀ такое?!» вскричалъ графъ, направляясь къ Лазареву. «Что̀ такое? Небось, грабятъ! Какъ вы смѣете мнѣ объ этомъдокладывать? Вы ничего не знаете, вы ничего не читали; на это надо смотрѣть вотъ какъ!» При этомъ онъ поднесъ къ глазамъ свои раздвинутые пять пальцевъ. «Вы развѣ не знаете, какъ Суворовъ бралъ города?» Когда мы вышли отъ Паскевича, я земли подъ собою не слышалъ отъ радости, что долженъ примкнуть къ піонерамъ; мой товарищъ тоже поздравлялъ и обнималъ меня. Съ этихъ поръ я съ Коновницынымъ уже болѣе не разставался до самой его смерти. Не знаю, кому я былъ обязанъ моимъ новымъ назначеніемъ: рекомендаціи ли Гурки, моего траншейнаго начальника при осадѣ Эривани, или Н. Н. Муравьеву, который однажды въ частномъ разговорѣ какъ будто хотѣлъ испытать мою способность въ военно инженерномъ дѣлѣ.

О двухъ послѣдующихъ за тѣмъ кампаніяхъ 1828 и 1829 г. въ Азіатской Турціи я не стану повторять того, о чемъ уже писано было другими (Записки М. И. Пущина, исторія этой же кампаніи Ушакова); упомяну лишь о нѣкоторыхъ фактахъ, представляющихъ интересъ болѣе частный. При взятіи Ахалцыха, послѣ пятидневной канонады, пробившей брешь, штурмовую колонну составляли батальонъ пѣхоты и наша піонерная рота; остальныя три піонерныя роты съ прочимъ подкрѣпленіемъ пришли уже послѣ того, какъ мы ворвались чрезъ брешь въ крѣпость. Штурмъ дорого стоилъ піонерамъ: изъ 13 офицеровъ выбыло изъ фрунта 7, одинъ убитъ на-повалъ, двое черезъ три дня умерли отъ ранъ, а прочіе болѣе или менѣе тяжело ранены. Коновницына, истинно, Богъ спасъ. Его солдатская шинель оказалась прострѣленною пулями въ пятнадцати мѣстахъ. Піонеры подвинуты были впередъ до линіи упраздненной католической церкви, на плоской крышѣ которой поставили три горныхъ орудія; было предположено открыть за брешью траншею, но это оказалось невозможнымъ по причинѣ каменистаго грунта. Пришлось устраивать прикрытіе изъ заранѣе приготовленныхъ туровъ и землею наполненныхъ прежде мѣшковъ. Между тѣмъ пожаръ сильно разгорѣлся, и пламя приблизи-

*) Лазарь Акимовичъ, переселившій изъ Персіи въ Россію до 40 тысячъ Армянъ.

лось къ нашимъ работамъ на столько, что едва можно было устоять на мѣстѣ. Послѣ рукопашнаго боя, непріятеля вблизи нашихъ работъ уже не было; онъ былъ оттѣсненъ во внутрь города, куда на его плечахъ ворвалось множество солдатъ, и начались грабежи и безполезное убійство, при чемъ не разбирали ни пола, ни возраста: у насъ на виду одинъ казакъ, схвативъ ребенка за ноги, швырнулъ его въ огонь. Между тѣмъ рабочіе моего участка траншеи, куда пули рѣдко уже залетали, замѣтивъ, что нѣсколько Турокъ, одинъ за другимъ, ползкомъ пробирались къ католической церкви, тутъ же закалывали ихъ штыками; всѣ эти Турки были старики, безъ оружія, но у каждаго изъ нихъ нашли огниво, кремни [1]) и фитили. Въ это время, по моей дистанціи проходилъ начальникъ штаба ген. Сакенъ; когда я ему доложилъ объ этомъ, прибавивъ, что подозрѣваю, нѣтъ-ли въ томъ костелѣ склада пороха, и не думали-ли они взорвать костелъ, а съ нимъ вмѣстѣ и наши горныя орудія, Сакенъ очень встревожился и тотчасъ велѣлъ ударить общій по всей линіи «отбой», а мнѣ приказалъ послать въ паркъ за минными фонарями, проникнуть во внутрь костела, его осмотрѣть и ежели въ самомъ дѣлѣ въ немъ найденъ будетъ порохъ, то оттуда его вынести. Сдавъ Коновницыну мою дистанцію работъ, я съ тремя піонерами отправился на поискъ. Какъ только мы выломали дверь церкви, то у самаго ея порога нашли боченокъ съ порохомъ. Я немедлено послалъ сказать Коновницыну, чтобъ онъ, давъ знать о находкѣ Сакену, тотчасъ бы присоединился ко мнѣ, съ двадцатью человѣками. Тѣмъ временемъ мы обыскали всѣ углы костела и когда явился со своими людьми Коновницынъ, то въ четыре пріема намъ удалось перенести, вблизи самаго пожара, девятнадцать боченковъ съ порохомъ и три ящика съ скорострѣльными трубками.

Покореніемъ Ахалцыха закончилась кампанія 1828 года. На третій день послѣ штурма, ротный нашъ командиръ Венедиктовъ долженъ былъ выѣхать въ западную армію, и мнѣ было приказано принять отъ него роту [2]) съ однимъ только въ ней офицеромъ; въ тотъ же день я долженъ былъ, отдѣльно отъ батальона, выступить по направленію къ Кутаису и слѣдовать по ущелью, гдѣ протекаетъ р. Ханисъ-Цхале, для возобновленія давней вьючной дороги отъ Ахалциха до укрѣпленія Багдада. Въ этой командировкѣ мы съ Коновницынымъ много натерпѣлись, проходя работами то по дремучимъ лѣсамъ,

---

[1]) Спички тогда не были извѣстны.

[2]) Не смотря на то что въ батальонѣ были офицеры старше меня по чину, я что я не былъ еще піонеромъ, а лишь прикомандированный изъ армейскаго полка.

то по горнымъ болотамъ, среди почти безпрерывныхъ дождей, а въ послѣдніе дни и при голодовкѣ: кромѣ заплѣснєвѣлыхъ солдатскихъ сухарей и порціонной водки, всѣ продовольственные запасы были истощены. Снабжаться же ими было не откуда среди безлюднаго края: лишь изрѣдка встрѣчали небольшіе поселки въ нѣсколько саклей, а то и одинокія сакли, да и это малое населеніе, въ крайней нищетѣ. Свѣдѣній ни откуда не получалось; казалось, всѣ насъ забыли. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ханисъ-Цхале не давала намъ покоя шумомъ своего теченія. Во многихъ мѣстахъ ея паденія берега значительно круты, иногда скалисты, отвѣсны и загромождены павшими и перевалившимися черезъ всю ширину рѣчки вѣковыми деревьями, обвисшими зелеными фестонами мховъ. Черезъ такія-то препятствія рѣчка Ханисъ-Цхале, вытекая съ самихъ вершинъ отрога, отдѣляющаго Имеретію отъ Турціи, бѣшенно стремится по ущелью и своимъ грохотомъ оглушаетъ окрестность, оглушаетъ до того, что къ намъ какъ съ неба свалился неожиданный гость. Однажды утромъ, когда я и Коновницынъ не вставали еще съ нашихъ походныхъ кроватей, близъ самой палатки послышался топотъ нѣсколькихъ лошадей, и мое имя, произнесенное незнакомымъ голосомъ. За тѣмъ мой слуга вводитъ къ намъ пріѣзжаго;—это былъ господинъ, весь вооруженный, въ щегольскомъ мѣстномъ нарядѣ. Онъ мнѣ объявилъ, что онъ Турчаниновъ, инженерный капитанъ, что онъ съ отрядомъ Имеретинъ разрабатываетъ туже вьючную дорогу и идетъ на встрѣчу мнѣ; что онъ нѣсколько уже дней работаетъ не далѣе какъ за полверсты отъ меня. И мы ничего этого не знали и не ожидали, такъ-какъ въ моей инструкціи не было упомянуто, что ко мнѣ на встрѣчу отправляется изъ Багдада другая колонна рабочихъ. Турчаниновъ же по своей инструкціи ожидалъ уже встрѣчи съ піонерами. Въ это время мы разбивали камни ломами, и этотъ стукъ, не смотря на густоту лѣса и на шумъ Ханисъ-Цхале, былъ Турчаниновымъ заслышанъ. Узнавъ, что мы терпимъ недостатокъ въ припасахъ, онъ предложилъ подѣлиться съ нами своимъ богатствомъ и для почину пригласилъ съ нимъ ѣхать къ нему обѣдать. Обѣдъ оказался роскошнымъ. Прощаясь съ ними, Турчаниновъ распорядился, чтобъ вслѣдъ за нами отправлены были часть его запасовъ дичины, рису, вина и рому, а также муки и нѣсколько барановъ для моихъ піонеровъ. Турчаниновъ распустилъ своихъ Имеретинъ, а я продолжалъ путь къ Тифлису, куда и прибылъ 1-го Октября *).

*) Въ эту кампанію изъ арміи я былъ переведенъ въ піонеры подпоручикомъ, т.-е. съ пониженіемъ чина.

Въ кампанію слѣдующаго 1829 случилось обстоятельство выходящее изъ ряду обыкновенныхъ,—это арестъ ген. Раевскаго (прикосновеннаго къ декабризму). Поводъ къ тому былъ слѣдующій. Во время движенія войска, на одномъ изъ приваловъ, Раевскій съ офицерами своего полка расположился завтракать. Въ это время мимо ихъ проходила его же полка команда, съ которой слѣдовалъ одинъ изъ разжалованныхъ, декабристъ, помнится, Оржицкій. Раевскій, увидѣвъ Оржицкаго, пригласилъ и его присоединиться къ ихъ обществу. Въ это время при штабѣ Паскевича находился адъютантъ военнаго министра Чернышова, Бутурлинъ. Онъ-то донесъ въ Петербургъ министру «о генеральскомъ завтракѣ съ декабристомъ». Вслѣдствіе того на Раевскаго былъ наложенъ «домашній» двухнедѣльный арестъ. Въ продолженіи этого ареста у палатки Раевскаго ставленъ былъ часовой отъ штабнаго караула.

Другая интересная особенность кампаніи 1829 года, это участіе въ ней поэта Пушкина. Паскевичъ очень любезно принялъ Пушкина и предложилъ ему палатку въ своемъ штабѣ, но тотъ предпочелъ не разставаться со своимъ старымъ другомъ Раевскимъ: съ нимъ и занималъ онъ палатку въ лагерѣ его полка, отъ него не отставалъ и при битвахъ съ непріятелемъ. Такъ было между прочимъ въ большомъ Саганлугскомъ дѣлѣ. Мы, піонеры, оставались въ прикрытіи штаба и занимали высоту, съ которой, не сходя съ коня, Паскевичъ наблюдалъ за ходомъ сраженія. Когда главная масса Турокъ была опрокинута, и Раевскій съ кавалеріей сталъ ихъ преслѣдовать, мы завидѣли скачущаго къ намъ во весь опоръ всадника: это былъ Пушкинъ, въ кургузомъ пиджакѣ и маленькомъ цилиндрѣ на головѣ; осадивъ лошадь въ двухъ-трехъ шагахъ отъ Паскевича, онъ снялъ свою шляпу, передалъ ему нѣсколько словъ Раевскаго и, получивъ отвѣтъ, опять понесся къ нему же, Раевскому. Во время пребыванія въ отрядѣ, Пушкинъ держалъ себя серьёзно, избѣгалъ новыхъ встрѣчъ и сходился только съ прежними своими знакомыми, при постороннихъ же всегда былъ молчаливъ и казался задумчивымъ.

Многіе изъ декабристовъ, разсѣянные по разнымъ полкамъ, свидѣлись въ Арзрумѣ. Къ этому времени вновь прибыли изъ Сибири Зах. Григ. Чернышовъ, Александръ Бестужевъ и Валер. Голицынъ, съ которымъ въ Пажескомъ корпусѣ мы вмѣстѣ проходили всѣ классы и въ одинъ годъ были выпущены, онъ въ Преображенскій полкъ, а я въ Измайловскій. Въ первый день встрѣчи мы провели съ нимъ весь вечеръ, глазъ-на-глазъ. Голицынъ, какъ старый товарищъ, со мной не церемонился; онъ почти съ первыхъ же словъ сталъ меня укорять за поведеніе мое въ слѣдственномъ комитетѣ относительно Бестужева,

съ которымъ довольно долго онъ прожилъ гдѣ-то въ Сибири, кажется, въ Киренскѣ; но когда я подробно разсказалъ ему мою исторію въ этомъ дѣлѣ, онъ призадумался и сказалъ слѣдующее: «Да, ты былъ въ крѣпкихъ тискахъ! И ежели я все-таки не могу совсѣмъ тебя извинить, то это только потому, что не имѣю силъ себѣ представить, чтобъ я могъ сдѣлать то, чтò сдѣлалъ ты». Когда Голицынъ отъ меня уходилъ, я сказалъ ему, что завтра послѣ обѣда пойду къ Бестужеву съ той же цѣлью, съ какой хотѣлъ быть у Скалона наканунѣ моего отъѣзда изъ Петербурга. «Стало быть, увидимся», сказалъ Голицынъ; «постараюсь и я тамъ быть». Я его просилъ, чтобъ онъ первый завелъ разговоръ о «дѣлѣ», такъ какъ я съ Бестужевымъ былъ мало знакомъ. Голицынъ обѣщалъ.

Бестужевъ принялъ меня какъ нельзя лучше; но у него кромѣ Голицына были и другіе гости, и потому зачѣмъ я пришелъ, того нельзя было выполнить. Передалъ ли Голицынъ Бестужеву то, чтò отъ меня слышалъ наканунѣ, не знаю: въ тотъ же вечеръ мы выступили на усиленную рекогносцировку подъ начальствомъ самаго главнокомандующаго.

Прямо съ мѣста этой рекогносцировки моей ротѣ велѣно было примкнуть къ особому отряду подъ командой графа Симонича, для слѣдованія на-легкѣ, далѣе по направленію къ Трапезунту. Въ этой экспедиціи мы дошли только до гор. Гюмюшъ-Хане, верстахъ въ 150-ти отъ Арзрума; далѣе нельзя было слѣдовать съ артилеріей по причинѣ дурныхъ дорогъ. Затѣмъ были еще экспедиціи (объ одной изъ коихъ разскажу далѣе). Голицына я уже не встрѣчалъ. Въ 1831 году, когда я былъ въ Тифлисѣ, я получилъ отъ него письмо, черезъ купца-Татарина, изъ мѣста его ссылки, Астрахани. Онъ писалъ, что, за исключеніемъ довольно строгаго надзора, ему тамъ не дурно, и просилъ, чтобы я сообщилъ ему только о моемъ житьѣ-бытьѣ, не касаясь ничего другаго, и прислалъ бы мой отвѣтъ черезъ того же купца. Въ послѣдствіи, когда я былъ уже въ отставкѣ, я нерѣдко видался съ Ел. Андр. Ганъ, извѣстной нашей писательницей, мужъ которой стоялъ съ своей батареей невдалекѣ отъ моего имѣнія. Елена Андреевна пользовалась въ 1838 году на Кавказскихъ водахъ одновременно съ Голицынымъ, и отъ него слышала, что когда-то добрыя между нимъ и Бестужевымъ отношенія кончились ссорой: они разстались ожесточенными врагами.

Кампанія 1829 года закончилась напраснымъ (благодаря упрямству и своеволію Турецкаго военачальника) пролитіемъ крови. Этому военачальнику, офиціально извѣщенному уже (какъ послѣ оказалось), о прекращеніи военныхъ дѣйствій и о начатіи мирныхъ переговоровъ

въ Европейской Турціи, захотѣлось прославить себя побѣдой, и онъ собралъ значительныя силы у города Байбурта. Паскевичъ готовился противъ него выступить, а одновременно съ тѣмъ отрядилъ полк. кн. Аргутинскаго-Долгорукаго къ городу Олты, для истребленія засѣвшихъ тамъ, въ нашемъ тылу, непріятельскихъ скопищъ и для занятія самаго города съ его замкомъ. Отрядъ Аргутинскаго состоялъ изъ двухъ мусульманскихъ конныхъ полковъ (коими командовали Русскіе офицеры, однимъ подп. Кувшинниковъ, другимъ капитанъ Эссенъ), моей саперной роты и при ней двухъ кугорновыхъ мортиркахъ, навьюченныхъ на верблюдовъ. Отрядъ этотъ выступилъ на легкѣ, съ одними вьюками, такъ какъ ему предстояло слѣдовать почти по бездорожью. Не доходя верстъ десяти до Олты, свѣдано было черезъ лазутчиковъ, что искомое скопище оставило зàмокъ и засѣло за высотами, влѣво отъ нашего пути, въ мѣстности трудно доступной. Командиры мусульманскихъ полковъ подп. Кувшинниковъ и кап. Эссенъ предложили Аргутинскому не оставлять у себя въ тылу скопища и его разбить, прежде чѣмъ дойти до Олты. Аргутинскій не рѣшался, робѣлъ; тѣ настаивали; дошло до горячаго спора, и кончилось тѣмъ, что оба командира бросили своего начальника при саперахъ, поворотили влѣво свои полки и вскорѣ скрылись за холмомъ. Видя это, Аргутинскій до того оторопѣлъ, что, забывъ дать мнѣ распоряженіе, чтò дѣлать съ саперами и вьючнымъ обозомъ, пустился въ догонку за ослушниками.

Узнавъ отъ бывшаго при насъ проводника, что изъ Олты всѣ жители ушли кромѣ человѣкъ тридцати или сорока Лазовъ, которые заперлись въ зàмкѣ, мы стали продолжать нашъ прежній путь. Солнце уже склонялось къ закату, когда предъ нами открылся прелестный ландшафтъ. На темномъ фонѣ глубокаго, покрытаго лѣсомъ ущелья, возвышался конусообразный скалистый холмъ, увѣнчанный стѣнами и башнями зàмка, изъ-за коихъ виднѣлись фигуры въ чалмахъ; у подошвы холма рѣчка и дома тонущіе въ садахъ, изъ коихъ возвышались стройныя раины *), все это горѣло лучами солнца. По кривымъ, пустыннымъ улицамъ мы подошли ближе. Изъ зàмка не было ни одного выстрѣла. Коновницынъ распорядился размѣщеніемъ за строеніями нашего маленькаго отряда, а я тѣмъ временемъ установилъ кугорновы мортирки и началъ метать гранаты во внутрь зàмка. Было уже за полночь, когда прибыли наши торжествующіе мусульманскіе полки: они разбили скопище и захватили девяносто плѣнныхъ съ нѣсколькими значками. Какъ только начало свѣтать, плѣнные эти были выстроены въ виду зàмка. Но гарнизонъ не хотѣлъ сдаться. Между тѣмъ

*) Итальянскіе тополи.

отъ посланнаго мною въ обходъ патруля мы узнали, что въ сторонѣ ущелья есть выдающееся мѣсто, откуда видѣнъ на башнѣ Турецкій часовой въ такомъ разстояніи, что съ нимъ можно переговариваться. Жребій, кому изъ насъ двухъ идти на переговоры съ гарнизономъ, палъ на Коновницына, и онъ съ унтеръ-офицеромъ и двумя саперами, одинъ изъ коихъ былъ Татаринъ, отправился на указанное мѣсто. Вскорѣ напротивъ этого мѣста на башнѣ показалась небольшая толпа Турокъ. Не прошло и получаса, какъ унтеръ-офицеръ явился ко мнѣ отъ Коновницына съ тѣмъ, что ворота зàмка тотчасъ будутъ отворены, и чтобъ я поспѣшилъ туда. И въ самомъ дѣлѣ, когда я со взводомъ саперовъ, съ примкнувшимъ ко мнѣ Эссеномъ, добѣжалъ до воротъ, входъ въ нихъ былъ уже свободенъ. Мы безъ помѣхи вошли въ зàмокъ и стали обезоруживать гарнизонъ; тутъ же нашли пушку безъ лафета. Я послалъ дать знать Аргутинскому о происшедшемъ; съ тѣмъ вмѣстѣ увидѣлъ на одной изъ башенъ выкинутый бѣлый флагъ. Аргутинскій не замедлилъ явиться съ «своими войсками» и съ парадомъ вступилъ въ завоеванную «имъ» крѣпость.

Къ Паскевичу былъ посланъ гонецъ съ реляціей о «блистательной побѣдѣ». Но тутъ представился вопросъ: чѣмъ прокормить такое множество плѣнныхъ, число коихъ увеличилось еще гарнизономъ зàмка? Аргутинскій рѣшился отправить ихъ въ Гумры *) подъ конвоемъ моей роты. Я уже былъ на второмъ переходѣ, какъ мнѣ изъ Олты дано было знать, что миръ заключенъ, и приказано распустить плѣнныхъ. При этомъ мы узнали о важныхъ въ отрядѣ Паскевича событіяхъ, послѣ того какъ мы отъ него отдѣлились въ Олтинскую экспедицію. Паскевичъ, свѣдавъ, что Турецкій паша готовится на него напасть, двинулся впередъ, встрѣтилъ пашу и разбилъ его нà-голову. При этомъ, изъ взятаго Турецкаго лагеря къ Паскевичу явился Русскій офицеръ. Это былъ Адеркасъ, курьеръ посланный Дибичемъ къ Паскевичу съ извѣщеніемъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій и о заключеніи мира. Отъ Адеркаса, отъ перваго, нашъ главнокомандующій узналъ объ этомъ важномъ событіи. Съ извѣщеніемъ о мирѣ къ нему посланы были Дибичемъ одновременно два курьера: графъ Опперманъ сухимъ путемъ, и Адеркасъ моремъ. Адеркасу приказано было, чтобъ онъ, гдѣ ни встрѣтитъ на пути своемъ Турецкихъ военачальниковъ, являлся бы къ нимъ и оффиціально передавалъ извѣстіе о заключеніи мира. Такъ Адеркасъ и сдѣлалъ: на пути изъ Трапезунта, онъ явился въ становище войнолюбиваго паши, но былъ имъ задержанъ. Оппер-

---

*) Александрополь.

манъ прибылъ въ лагерь Паскевича, когда дѣло было уже разыграно.—Реляція Аргутинскаго надѣлала много шуму въ главномъ отрядѣ; гонецъ вручилъ ее Паскевичу въ то время, когда Паскевичъ былъ окруженъ своимъ войскомъ при благодарственномъ молебствіи за одержанную надъ пашею побѣду. Реляція тутъ же была прочтена. Паскевичъ былъ внѣ себя отъ радости *).

Всѣ декабристы, въ обѣ войны, какъ Персидскую, такъ и Турецкую, служили одинаково ревностно и были награждаемы, но, повидимому, награждаемы не столько по заслугамъ каждаго изъ нихъ, сколько по очереди наградъ, по мѣрѣ умилостивленія Государя. Напримѣръ за дѣло 9-го Августа, гдѣ я съ піонерами только устраивалъ платформы для батарейной артилеріи (хотя работа эта производилась и подъ огнемъ съ крѣпости) я получилъ орденъ, между тѣмъ какъ за штурмъ Ахалциха, гдѣ мы истинно поработали и гдѣ я открылъ складъ непріятельскаго пороха въ упраздненной католической церкви и его оттуда вынесъ вблизи самаго пожара, мнѣ было объявлено лишь высочайшее благоволеніе. Другіе тоже находили надъ собою туже неравномѣрность въ награжденіи. Особую, неочередную милость Государя получилъ только декабристъ Александръ Фокъ, бывшій Измаиловскій офицеръ, которому, хотя онъ былъ рядовой, въ дѣлѣ 9-го Августа дана была въ командованіе цѣпь застрѣлыциковъ; подъ конецъ сраженія Фокъ былъ раненъ. Государь самъ назначилъ ему серебрянный Георгіевскій крестъ.

Нѣкоторые изъ декабристовъ и прикосновенныхъ къ ихъ дѣлу занимали видныя должности, напр. Бурцовъ и Миклашевскій командовали полками, Вальховскій занималъ должность оберъ-квартирмейстера, и Искрицкій, прибывшій въ отрядъ наканунѣ взятія Карса. Когда онъ явился къ главнокомандующему, Паскевичъ ему сказалъ: «Кажется, это ты былъ при Жомини и у него работалъ; приходи ко мнѣ вечеромъ». Въ этотъ вечеръ Паскевичъ продержалъ у себя Искрицкаго болѣе часу, какъ бы на испытаніи, и приводилъ его въ удивленіе своимъ обширнымъ знакомствомъ съ военной литературой; отпуская Искрицкаго, онъ велѣлъ ему состоять при себѣ въ качествѣ офицера Генеральнаго Штаба. Искрицкій особенно отличился въ дѣлѣ 9-го Августа. Паскевичъ предположилъ съ главными силами обойдти во флангъ Турокъ, которые въ числѣ до 30.000 заняли своими завалами высоты, командующія крѣпостью. Приведеніе въ исполненіе этого плана Паскевичъ поручилъ Искрицкому. Съ конвоемъ изъ нѣсколькихъ казаковъ обозрѣвъ

*) За Олту Аргутинскій и Кувшинниковъ получили Георгія, Эссенъ Владимира съ бантомъ.

мѣстность, Искрицкій, въ темную, хоть глазъ выколи ночь съ 8-го на 9-е Августа, провелъ отрядъ по горамъ и крутымъ каменистымъ оврагамъ, чрезъ которые во многихъ мѣстахъ артилерія перетаскиваема была съ помощью людей, и съ восходомъ солнца поставилъ атакующій отрядъ лицомъ къ лицу съ непріятелемъ.

Болѣе же всѣхъ изъ декабристовъ былъ на виду Михаилъ Ивановичъ Пущинъ, бывшій командиръ лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона. Съ самаго поступленія въ отрядъ, еще въ Персіи, онъ оставленъ былъ при штабѣ. Паскевичъ далъ полный просторъ дѣятельности и энергіи Пущина. Въ своей солдатской шинели, Пущинъ распоряжался въ отрядѣ какъ у себя дома, переводилъ и офицеровъ, и генераловъ съ ихъ частями войскъ съ мѣста на мѣсто по своему усмотрѣнію; онъ руководилъ и мелкими, и крупными работами, отъ вязанія фашинъ и туровъ, отъ работъ киркой и лопатой, до устройства переправъ и мостовъ, до трасировки и возведенія укрѣпленій, до веденія апрошей, и кромѣ того исполнялъ множество важныхъ порученій. Онъ же, въ той же солдатской шинели, присутствовалъ на военныхъ совѣтахъ у главнокомандующаго, гдѣ его мнѣнія почти всегда одерживали верхъ (о чемъ мнѣ извѣстно было чрезъ Вальховскаго и Ушакова). Этотъ человѣкъ какъ бы имѣлъ даръ одновременно являться въ разныхъ мѣстахъ. Штурмъ Ахалциха положилъ конецъ его дѣятельности: тамъ (какъ и на другихъ штурмахъ, впереди штурмовой колоны) Пущинъ былъ раненъ пулею въ грудь на вылетъ.

Но вотъ война кончена, войска отчасти возвратились въ Грузію; возвратился и самъ Паскевичъ, уже фельдмаршаломъ. На другой же день у него назначенъ былъ парадный «выходъ». Въ прежнее время Паскевичъ являлъ собою личность чрезвычайно интересную. Генералъ, еще молодой, но пріобрѣтшій громкую извѣстность, какъ одинъ изъ богатырей отечественной войны, отмѣнно скромный, даже молчаливый, что̀ отражалось во всей его прекрасной наружности, всѣмъ этимъ Паскевичъ привлекалъ къ себѣ симпатіи войска и общества. Но послѣ своихъ успѣховъ въ Персіи онъ сталъ совсѣмъ иной: со своими штабными онъ сдѣлался суровъ, требователенъ, раздражителенъ, подозрѣвалъ противъ себя интриги, а въ комъ видѣлъ своего врага, того не щадилъ и пятналъ во всеуслышаніе. Напр. въ сраженіи подъ Карсомъ увидѣвъ, что одинъ офицеръ наклонилъ голову при пролетѣ непріятельскаго ядра, онъ послалъ спросить котораго полка? и когда ему донесли, что 39-го егерскаго, онъ вскричалъ. «Такъ я и зналъ! Этотъ полкъ бѣжалъ съ Красовскимъ!» И это тогда какъ Красовскій спасъ Эчміадзинъ, пробившись сквозь непріятеля, который слишкомъ въ десять разъ былъ его сильнѣе. Свои же побѣды Паскевичъ пре-

возносилъ похвалами. Ко времени возвращенія въ Тифлисъ, онъ отростилъ себѣ волосы и въ торжественныхъ случаяхъ тщательно завивалъ ихъ въ локоны на подобіе куафюры à la Louis XIV. Такимъ Паскевичъ явился на «выходъ», гдѣ кромѣ военныхъ находились иностранные дипломаты и все, что̀ въ Тифлисѣ было почетнаго. Зала была полна. Послѣ довольно долгаго ожиданія, распахнулись двери, и вошелъ фельдмаршалъ. Едва отвѣтивъ нѣсколькими словами на поздравленія привѣтствующихъ, обращаясь къ старѣйшинѣ изъ дипломатовъ, Французскому консулу Гамбѣ, онъ произнесъ рѣчь, или лучше сказать реляцію кампаніи 1829 года. Въ этой рѣчи перечислено было множество именъ великихъ полководцевъ, начиная Александромъ Македонскимъ и кончая Наполеономъ. При этомъ ораторъ долго останавливался на генералѣ Бонапартѣ, Египетская экспедиція котораго далеко не выдерживаетъ, по его словамъ, сравненія съ его послѣдней кампаніей, и это тѣмъ болѣе, что ему приходилось бороться съ величайшими затрудненіями по части продовольствія войскъ, тогда какъ г-лу Бонапарту операціи эти давались легко морскимъ путемъ; словомъ сказать, фельдмаршалъ только что не прямо провозгласилъ себя первымъ полководцемъ всѣхъ вѣковъ. Гамба, какъ и довлѣетъ дипломату, слушалъ съ почтительнымъ вниманіемъ, но не безъ тонкой ироніи въ чертахъ лица, чего ораторъ въ жару повѣствованія не замѣчалъ.

Въ зиму 1830 года случилось, что нѣсколько декабристовъ, не принадлежавшихъ къ Тифлисскому гарнизону, проживали въ Тифлисѣ подъ разными законными и незаконными предлогами. Въ ту пору А. А. Бестужевъ только что выздоровѣлъ отъ опасной и продолжительной болѣзни. Его пользовалъ докторъ Депнеръ, который одно время отчаявался въ его выздоровленіи. Съ Бестужевымъ жили и его братья Петръ и Павелъ *). Кромѣ нихъ проживали въ Тифлисѣ Пущинъ, Оржицкій (морякъ), Епафродитъ Степан. Мусинъ-Пушкинъ (морякъ), графъ Мусинъ-Пушкинъ, Нилъ Павл., Кожевниковъ (Измаиловскій офицеръ), Вишневскій (бывшій адъютантъ князя Сакена); этихъ двухъ послѣднихъ я принялъ къ себѣ на квартиру. Мы сходились по вечерамъ то у того, то у другого, всего чаще у меня, иногда по два и болѣе раза въ недѣлю; всегдашними посѣтителями этихъ незатѣйливыхъ вечеринокъ были трое Бестужевыхъ и человѣкъ шесть-семь гвардейскихъ офицеровъ, изъ тѣхъ, кои были прикомандированы сюда изъ Петербурга, кажется по два

*) Павелъ не былъ разжалованъ, онъ былъ только переведенъ въ гарнизонную артилерію въ Сухумъ-Кале, тѣмъ же чиномъ. Петръ Бестужевъ—бывшій морякъ.

человѣка отъ каждаго полка. Вистъ и шахматы среди всевозможной болтовни, анекдотовъ и разсказовъ (по части которыхъ А. Бестужевъ былъ большой мастеръ) не прерывались; шуму и хохоту было много. Вечера эти были подобіемъ «Вторниковъ» Искрицкаго въ Петербургѣ. Случалось нерѣдко, что и въ теченіе дня мы видались съ Бестужевымъ, такъ какъ онъ квартировалъ недалеко отъ насъ. Однажды, когда я одинъ былъ дома, зашелъ Бестужевъ и просидѣлъ у меня довольно долго. Онъ жаловался на скуку, на праздность ума и т. п., словомъ, ему хотѣлось «писать, но не было къ тому возможности; жаловался онъ и на то, что ему скоро надо отправляться изъ Тифлиса въ свой полкъ. Вдругъ мнѣ вздумалось воспользоваться минутой, чтобъ вспомнить тотъ обѣтъ, который я себѣ далъ: высказаться съ тѣми, кого я назвалъ въ моихъ показаніяхъ Коммиссіи, о чемъ я совершенно забылъ. Едва я коснулся этого предмета, какъ мой собесѣдникъ сдѣлалъ непріятную мину. «Пожалуйста», перебилъ онъ меня, «пожалуйста ни слова объ этомъ; чтò прошло, то прошло; прошу васъ забудемъ!» и съ этимъ, послышавъ на лѣстницѣ шаги, онъ взялъ фуражку и вышелъ. «А куда же вы, Александръ Александровичъ?» послышался голосъ Кожевникова. «Домой, сегодня мнѣ что-то нехорошо».— «А вечеромъ будете?»—«Посмотрю». Но Бестужевъ на этотъ вечеръ не явился.

А не далѣе какъ на той же недѣлѣ насъ постигла бѣда. Тутъ кстати замѣтить, что, вообще говоря, въ настроеніи духа декабристовъ нисколько не замѣчалось, чтобъ они пріуныли, чтобъ выражали сожалѣніе о томъ, что жизненныя надежды каждаго изъ нихъ имъ измѣнили. Гдѣ ни встрѣчались, гдѣ ни сходились они, начиная съ Арзрума, всегда они казались веселыми, привѣтливыми какъ между собою, такъ и съ другими. (Въ этомъ одинъ развѣ Петръ Бестужевъ можетъ служить исключеніемъ: онъ большею частью являлся молчаливымъ и задумчивымъ). Въ разговорахъ между собою, то, чтò хоть издали наводило мысль на декабрьскую катастрофу, считалось неумѣстнымъ, какъ бы неприличнымъ.

Черезъ два или три дня послѣ моей неудачной попытки объясниться съ Бестужевымъ, собрались почти всѣ завсегдатаи вечеринокъ. Бестужевъ пришелъ послѣдній. На вопросъ, чтò такъ поздно, онъ сказалъ, что обѣдалъ у Audié (ресторанъ), чтò впрочемъ было и нѣсколько замѣтно, съ Юматовымъ. Тутъ иные стали его предостерегать отъ этого господина. «Пустое, господа!» замѣтилъ Бестужевъ; «Юматовъ (бывшій офицеръ лейбъ-гвардіи Московскаго полка) очень добрый малый, и я не понимаю, чтò вы противъ него имѣете». Затѣмъ вечеринка приняла обычный свой train; но среди разгара

безпечной, веселой болтовни, какъ снѣгъ на голову, явился плацъ-адъютантъ, личность никому изъ насъ незнакомая. Всѣ притихли. Окинувъ собраніе взглядомъ, онъ подошелъ къ Бестужеву съ вопросомъ: «Вы Александръ Бестужевъ?» —«Я», былъ отвѣтъ.—«Пожалуйте, я имѣю нѣчто вамъ сообщить». Они вышли въ переднюю. Не прошло и минуты, какъ Бестужевъ, блѣдный, входитъ, ни слова не произнося беретъ свою фуражку и возвращается къ плацъ-адъютанту. Вслѣдъ затѣмъ, такъ какъ все еще никто не открывалъ рта, мы слышали, какъ оба они сошли съ лѣстницы. Слуга намъ сказалъ, что плацъ-адъютантъ былъ не одинъ, а съ двумя жандармами. Петръ вернулся и сказалъ, что его брата посадили въ метеху (арестантскій зàмокъ).

Когда гости наши разошлись, то мы, я и Кожевниковъ [1]) стали подумывать, что вѣдь шутка можетъ быть плохая.

На другой день утромъ Кожевниковъ пошелъ къ своему доктору, а я остался одинъ съ несовсѣмъ спокойными ожиданіями. Вдругъ входитъ Александръ Бестужевъ, очень разстроенный, а за нимъ жандармъ. Въ рукахъ у арестованнаго былъ небольшой чемоданъ, увязанный вмѣстѣ съ саблей. На первые мои вопросы онъ сказалъ: «Меня везутъ въ Дербентъ, вонъ и наша телѣга подъ окномъ. Мнѣ только на минутку позволили зайти на мою квартиру. Нельзя-ли эти вещи передать Павлу [2]), когда онъ пріѣдетъ?» Затѣмъ мы попрощались и онъ отправился. Въ тотъ же день всѣхъ жившихъ въ Тифлисѣ декабристовъ разогнали по разнымъ мѣстамъ съ жандармами, чтò произвело въ Тифлисѣ замѣтное впечатлѣніе. Пущина, меня и Коновницына не тронули, такъ какъ мы въ Тифлисѣ находились при своемъ саперномъ батальонѣ. Кожевниковъ спасенъ какимъ-то чудомъ: какъ видно, о немъ просто забыли. (Онъ отъ меня уѣхалъ къ своему полку, въ Шушу, гораздо уже послѣ описаннаго переполоха). Прошелъ день. Къ намъ никто ни гугу; но мы могли думать, что до насъ еще не добрались и ожидали, что вотъ, вотъ и къ намъ налетитъ гроза. Среди этихъ опасеній я въ тоже утро получилъ нарядъ къ Паскевичу на ординарцы

Но прежде чѣмъ продолжать разсказъ, считаю нелишнимъ объяснить, изъ чего возгорѣлась эта суматоха.

Въ Тифлисѣ караулы смѣнялись не ежедневно, а стояли по два дня сряду. Офицеръ караула наряжаемаго къ Паскевичу всегда обѣдалъ за его столомъ. Въ описанный день караулъ этотъ не былъ

---

[1]) Вишневскій уѣхалъ изъ Тифлиса не задолго до того.

[2]) Павелъ Бестужевъ часто уѣзжалъ въ Бомборы, гдѣ квартировала артилерійская рота, въ которой онъ служилъ.

смѣненъ и послѣ двухсуточной стоянки. Графъ тотчасъ это замѣтилъ, какъ только офицеръ вошелъ въ залу передъ тѣмъ, что̀ садиться за столъ. «Что̀ значитъ, что ты третій день стоишь въ караулѣ?» спросилъ графъ. Тотъ отозвался невѣдѣніемъ. Графъ вспылилъ и велѣлъ строжайше изслѣдовать причину такой неурядицы. Оказалось, что нѣсколько изъ назначенныхъ въ караулъ офицеровъ не явились къ разводу по болѣзни, а внезапно назначенные вмѣсто ихъ къ разводу опоздали. Къ этому слишкомъ усердный слѣдователь *) прибавилъ, что офицеры того баталіона, который въ тотъ день долженъ занять караулы, просто не захотѣли исполнить распоряженіе начальства, и что по всѣмъ вѣроятіямъ такое ослушаніе было слѣдствіемъ подстрекательствъ Бестужева, который, проживая неизвѣстно по какому праву въ Тифлисѣ, нерѣдко ходитъ въ казарму того баталіона. Довольно было произнести только фамилію Бестужева, чтобъ къ ней прилипло имя Александра, какъ болѣе замѣтнаго между своими братьями. На Александра и взвели вину въ подстрекательствѣ, Александра и поспѣшили арестовать; въ сущности же во взводимой на него винѣ онъ былъ не при чемъ. Правда, онъ слишкомъ долго оставался въ Тифлисѣ подъ видомъ возстановленія своихъ силъ послѣ болѣзни, но жилъ очень тихо и кромѣ какъ у ближайшихъ своихъ знакомцевъ нигдѣ не бывалъ, а тѣмъ паче въ казармѣ баталіона, съ которымъ онъ не имѣлъ ничего общаго. Братъ же его Петръ служилъ въ этомъ баталіонѣ, но ему было разрѣшено отлучаться изъ своей казармы на вольную квартиру въ уваженіе того, что онъ ухаживалъ за тяжело-больнымъ братомъ, но разрѣшено съ условіемъ, чтобъ онъ каждый день являлся къ своему баталіону, что̀ онъ, Петръ Бестужевъ, и дѣлалъ. Несмотря на уважительность этихъ причинъ, одновременно съ Александромъ, изъ Тифлиса выслали, какъ уже сказано, и прочихъ декабристовъ, проживавшихъ здѣсь «неизвѣстно по какому праву», а съ ними вмѣстѣ и Петра Бестужева.

Я прервалъ мою рѣчь на томъ, что, на утро послѣ неудавшейся вечеринки, мнѣ слѣдовало явиться къ графу на ординарцы. Въ 10 часовъ, собравшись, я съ весьма неспокойнымъ духомъ отправился къ мѣсту своего назначенія, смутно надѣясь, что авось-либо плацъ-адъютантъ не откроетъ, гдѣ именно онъ отыскалъ Бестужева и его арестовалъ. По дорогѣ я зашелъ къ генералу Краббе, моему родственнику, недавно пріѣхавшему въ Тифлисъ, и разсказалъ ему о слу-

---

*) Тогда говорили, что это былъ Абрамовичъ, котораго такъ честитъ Пущинъ въ своихъ Запискахъ.

чившемся. Краббе крѣпко меня пожурилъ за неумѣстность нашихъ сходокъ и еще болѣе меня напугалъ. Но, къ счастью, мои тревоги разрѣшились такъ благополучно, какъ мнѣ и во снѣ не могло присниться!

Началось съ того, что въ это утро графъ не «принималъ» ординарцевъ [1]): онъ не имѣлъ на то времени отчасти и потому, что день этотъ былъ днемъ дворянскихъ выборовъ, что̀ слѣдовало выполнить съ соблюденіемъ извѣстнаго церемоніала, при участіи главнокомандующаго: весь генералитетъ, резидующій въ Тифлисѣ, долженъ, въ полномъ парадѣ, съѣхаться къ главнокомандующему и ожидать прибытія депутата отъ дворянства съ приглашеніемъ на выборы.

Генералы съѣхались и сгрупировались въ концѣ залы. Входитъ графъ; онъ въ самомъ счастливомъ настроеніи духа. Онъ подходитъ къ генераламъ и отмѣнно любезно съ каждымъ по очереди изъ нихъ разговариваетъ. Вотъ ужъ скоро и конецъ генераламъ, а ожидаемаго депутата отъ дворянъ еще нѣтъ. Наконецъ сбытъ съ рукъ и послѣдній изъ генераловъ. Настаетъ затрудненіе; офиціальный запасъ любезности видимо истощенъ. Привѣтливый хозяинъ однакожъ не теряется, все въ томъ же тонѣ продолжаетъ, но изъ этикета переходитъ въ фамильярность, а за тѣмъ и въ шутки,—шутки неладныя, даже странныя; напримѣръ, остановится на другомъ концѣ залы, поворотится къ генераламъ, широко разведетъ руками и громко произнесетъ: Signore..... professore! За тѣмъ тоже, во второй и въ третій разъ, и все это при почтительномъ молчаніи аудиторіи. Наконецъ, онъ подошелъ къ зеркалу, у котораго я стоялъ и, поправляя свои длинные локоны, меня замѣтилъ и спросилъ: «Вы и въ эту кампанію рисовали? [2]) Я отвѣчалъ, что снялъ только видъ замка Олты. «А, да!» радостно воскликнулъ Паскевичъ, «вѣдь это ты тамъ былъ съ Аргутинскимъ! Вотъ, господа» продолжалъ онъ обращаясь къ генераламъ и на меня указывая, «какъ видите, не больше какъ оберъ-офицеръ, а взялъ крѣпость!» И за тѣмъ, къ великому моему удивленію, онъ повторилъ своимъ слушателямъ почти слово-въ-слово всю реляцію Аргутинскаго (по просьбѣ этого послѣдняго, реляція написана была мною, и потому я могъ судить, на сколько вѣрно реляція эта была передана Паскевичемъ).

Не успѣлъ графъ кончить свою наррацію, какъ явился давно ожидаемый депутатъ отъ дворянства, и вскорѣ цѣпь генеральскихъ каретъ, во главѣ кареты фельдмаршала, потянулась къ дворянскому дому.

---

[1]) Т. е. не дѣлалъ церемоніи такого пріема; но ординарцы, на самомъ дѣлѣ, оставались у него на цѣлый день.

[2]) Послѣ кампаніи 1828 года, узнавъ, что я снялъ видъ Карса, Паскевичъ велѣлъ мнѣ принести этотъ рисунокъ.

Кто наиболѣе остался въ восторгѣ отъ всего этого великолѣпнаго зрѣлища, то это, конечно я: въ душѣ я благословлялъ плацъ-адъютанта, который былъ такъ милъ, что умолчалъ о мѣстѣ арестованія Бестужева.

Вечеромъ, когда ординарцы были распущены, я зашелъ къ старику Краббе. «Растолкуй мнѣ, ради Бога», вскричалъ онъ, какъ только меня увидѣлъ, «что̀ это за сцену мы разыгривали у Паскевича, что̀ это за пріемъ онъ намъ сдѣлалъ? Такъ можно еще обходиться съ короткими пріятелями; а я, что̀ я ему за такой за signore, что̀ я ему за professore, когда я небольше какъ съ недѣлю въ первый разъ въ жизни его увидѣлъ, а на сколько между нимъ и мною можетъ быть пріязни, ты хорошо знаешь!»

И въ самомъ дѣлѣ, отношенія между начальникомъ Прикаспійскаго края и главнокомандующимъ были весьма натянуты. Паскевичъ, какъ только занялъ мѣсто Ермолова, такъ началъ преслѣдовать Краббе, за то что онъ повѣсилъ 11 человѣкъ изъ возмутившагося населенія, при первомъ вторженіи Персіянъ въ наши предѣлы. Двѣ комиссіи, одна генерала Заводовскаго, другая артил. полк. Бухарина, посланы для изслѣдованія этого дѣла на мѣстѣ происшествія, и обѣ эти комиссіи нашли Краббе виноватымъ, а между тѣмъ онъ исполнилъ казнь надъ захваченными бунтовщиками не по своей инціативѣ, а предварительно списавшись съ Ермоловымъ. Но письмо, полученное имъ въ отвѣтъ отъ Ермолова, Краббе отказывался представить слѣдователямъ, какъ единственное орудіе своего оправданія, а сообщилъ имъ лишь съ него копію, при чемъ отзывался тѣмъ, что подлинникъ этого письма онъ согласенъ представить Паскевичу, не иначе какъ лично изъ рукъ въ руки. Для этого-то Краббе и пріѣзжалъ въ Тифлисъ.

Я читалъ это письмо. Оно написано на Французскомъ языкѣ. Въ письмѣ этомъ (я еще помню и теперь) я замѣтилъ ту особенность, что вмѣсто *z* во второмъ лицѣ множественнаго числа вездѣ поставлено *és*. Приказаніе подвергнуть виновныхъ казни выражено такъ: «Ceux des insurgés qui ont été pris les armes à la main, doivent, sans retard, subir le dernier supplice» *). Когда Краббе, въ особой аудіенціи, передалъ Паскевичу это письмо, Паскевичъ, прочитавъ его, тутъ же сказалъ Краббе: «Это васъ совершенно оправдываетъ». Не смотря на это— а въ этомъ-то загадочность дѣла—Краббе и году не оставался на своемъ мѣстѣ: изъ Баку, онъ долженъ былъ съ своимъ большимъ семействомъ переѣхать въ Тифлисъ и проживалъ тамъ, не занимая ни-

---

*) Тѣ изъ возмутившихся, которые взяты съ оружіемъ въ рукахъ, должны быть безъ замедленія подвергнуты казни.

какой должности. Тамъ я и оставилъ его, когда, выйдя въ отставку, уѣзжалъ изъ Грузіи въ 1832 году.

Возвратясь изъ Турціи, нашъ саперный (бывшій піонерный) батальонъ квартировалъ въ самомъ Тифлисѣ, откуда отряжалъ по полугодно по одной ротѣ для построенія крѣпости Новые-Закаталы. Упоминаю объ этомъ потому только, что когда моей ротѣ пришла очередь на эту откомандировку, то въ Закаталахъ я опять встрѣтился съ графомъ З. Гр. Чернышевымъ. Онъ тогда служилъ рядовымъ въ какомъ-то егерскомъ полку, находившемся при тѣхъ же крѣпостныхъ работахъ. Наши лагери саперный и егерскій расположены были недалеко одинъ отъ другаго. Нельзя было надивиться суровости жизни, какую велъ Зах. Гр. Онъ занималъ солдатскую палатку и занималъ ее, кажется, не одинъ; всегда носилъ солдатскую шинель форменнаго толстаго сукна и, сколько можно было замѣтить, не имѣлъ своего особаго стола. Единственнымъ услажденіемъ его было изученіе поэмы «Divina Comedia», съ компактной книжкой которой, хотя и жаловался на трудность Дантевскаго языка, онъ не разставался. Не смотря на близкое сосѣдство, мы видались съ Чернышовымъ нечасто, изъ «осторожности», да и то не въ лагерѣ, а въ нѣкоторомъ разстояніи впереди лагеря, въ одномъ изъ садовъ, покинутыхъ бывшими ихъ хозяевами при покореніи нами обширнаго селенія Закаталъ. Бесѣды наши были недолги, такъ какъ мой собесѣдникъ не рѣшался отлучаться изъ своего лагеря иначе какъ на которое время; по всему замѣтно было, что ближайшее начальство Захара Григорьевича наблюдало за нимъ не спустя рукава. Разъ какъ-то разговоръ коснулся прошлыхъ нашихъ «ненастныхъ дней». Когда я разсказалъ ему, какимъ маневромъ добилъ меня Чернышовъ въ засѣданіи Коммиссіи, онъ замѣтилъ: «О! Александръ Ивановичъ, que Dieu confonde! *) большой мастеръ въ подобныхъ дѣлахъ; не забудьте, что ему удалось надуть даже величайшаго изъ надувалъ (....duper le plus grand des dupeurs)». Прежде еще того, въ разговорѣ о Свистуновѣ, Захаръ Григорьевичъ вдругъ сказалъ: «А знаете что? Вѣдь очень можетъ быть, что Свистуновъ не прямо васъ выдалъ; встрѣчались вы у него съ Фрезеромъ?» (Кавалергардскимъ офицеромъ). Меня это поразило: я тотчасъ вспомнилъ, что Анненковъ (тоже бывшій кавалергардъ) подъ конецъ нашего сидѣнья въ казематахъ, задалъ мнѣ точно такой же вопросъ.

— Видѣлъ его тамъ одинъ только разъ, передъ отъѣздомъ Свистунова изъ Петербурга, отвѣчалъ я.

«Ну, такъ и есть! Свистуновъ виноватъ только тѣмъ, что разболталъ, вѣроятно, Фрезеру, что принялъ васъ въ члены Общества:

*) Помути его Богъ!

по правиламъ этого послѣдняго онъ не долженъ былъ этого сдѣлать. Фрезеръ, какъ прошелъ слухъ уже впослѣдствіи, тотчасъ послѣ бунта, представилъ по начальству списокъ всѣхъ лицъ, о вступленіи которыхъ въ Общество было ему извѣстно.

Другой примѣръ подобной къ себѣ строгости являлъ служившій въ томъ же полку, потерпѣвшій по Семеновской исторіи князь Щербатовъ. Онъ уже былъ ротнымъ командиромъ. Но чтò сталось съ этимъ когда-то блестящимъ офицеромъ самаго блестящаго тогда изъ полковъ гвардіи! Это былъ уже въ полномъ смыслѣ армейщина, со всѣми ухватками, со всѣми ужимками, со всѣми даже страстями выслужившагося изъ даточныхъ. Я его встрѣчалъ у Кошкарова, сослуживца его по старому Семеновскому полку. Онъ приходилъ къ Кошкарову за совѣтами—чтò ему дѣлать и какъ бороться среди *интригъ* противъ него другихъ ротныхъ командировъ, по части, иной разъ, самыхъ мелочныхъ соревнованій. Объясняя свои жалобы, онъ страшно кипятился отъ досады. Разсказываютъ, что когда ему объявили о разжалованіи его въ рядовые, Щербатовъ далъ себѣ зарокъ ни въ чемъ не отличаться отъ своихъ одночинцевъ. И въ самомъ дѣлѣ, пока былъ солдатомъ, онъ жилъ и спалъ съ солдатами, ѣлъ изъ артельнаго котла и вмѣсто своего Р. А *), сталъ курить махорку; онъ даже отказывалъ себѣ въ карманномъ платкѣ. Съ производствомъ въ унтеръ-офицеры и дальше онъ во всемъ сообразовался съ беднѣйшими изъ своихъ сослуживцевъ. Въ такой школѣ немудрено загрубѣть не только физически, но и морально.

На работы при построеніи крѣпости Новые-Закаталы, мнѣ былъ данъ въ помощь изъ того же егерскаго полка офицеръ, родственникъ В. А. Жуковскаго. Еще прежде, два года до того, въ сраженіи 9 Августа подъ Ахалцыхомъ, когда егеря отправлялись въ цѣпь застрѣльщиковъ, мнѣ бросился въ глаза одинъ изъ нихъ по сходству съ поэтомъ; но тогда онъ былъ одѣтъ въ солдатскую форму и съ ружьемъ на плечѣ, чтò, какъ при знакомствѣ съ нимъ я узналъ, было имъ сдѣлано для того, чтобъ не служить мишенью для Турецкихъ стрѣлковъ. Онъ также учился въ Дерптскомъ университетѣ. Сходство съ поэтомъ въ самомъ дѣлѣ поразительное, но только со стороны внѣшности.

На работы слѣдующаго полугодія меня смѣнила другая саперная рота, я же со своею вернулся въ Тифлисъ и болѣе изъ него не отлучался, такъ какъ моей ротѣ не приходилось уже быть въ откомандировкѣ въ Новые-Закаталы. Около этого времени мое здоровье начало

*) Высшій сортъ Американскаго табаку.

разстраиваться. Къ тому же я тяготился службой: отъ службы мнѣ, конечно, нечего было ожидать въ будущемъ. Объ увольненіи отъ службы никто изъ насъ и помыслить тогда не смѣлъ. Я жилъ очень уединенно, на краю города, въ такъ называемой Артиллерійской Слободкѣ, гдѣ жилъ и Коновницынъ. Искрицкій находился въ продолжительной откомандировкѣ, во Владикавказѣ, но когда пріѣзжалъ въ Тифлисъ, что̀ бывало часто, останавливался у меня; съ нимъ, въ это время, я еще болѣе сблизился. Этому сближенію способствовало одно особенное обстоятельство. Проживая по-долгу во Владикавказѣ, онъ часто посѣщалъ то семейство, въ которомъ и я когда-то былъ принимаемъ съ отмѣннымъ радушіемъ; но съ тѣхъ поръ тамъ произошла большая перемѣна: дочь почтенныхъ хозяевъ этого дома, воспитывавшаяся, во время моей тамъ бытности, въ Смольномъ монастырѣ, находилась уже среди своихъ родныхъ. Въ этой дѣвушкѣ Искрицкій нашелъ всѣ тѣ качества, отъ которыхъ онъ могъ ожидать полнаго счастья въ жизни. Искрицкій объяснился, и его объясненіе было принято. Послѣ этого легко понять, какой богатый сюжетъ представлялся для нашихъ интимныхъ бесѣдъ, и на сколько такія бесѣды могли еще болѣе скрѣплять нашу дружбу. Кромѣ меня никто не зналъ о его планахъ и надеждахъ, осуществленіе которыхъ было отложено до возвращенія изъ экспедиціи, готовившейся противъ горцевъ подъ командой генерала Панкратьева. За нѣсколько дней до отъѣзда въ отрядъ, Искрицкій, всегда далекій отъ всякихъ суевѣрій, вдругъ впалъ въ уныніе; онъ сознался въ своемъ предчувствіи, что ему не вернуться уже изъ этого похода. Какъ ни старался я заглушить въ немъ эту мысль, она сильнѣе и сильнѣе имъ овладѣвала. При прощаніи, передавая мнѣ небольшой волюмъ: «De l'imitation de Jésus Christ *)» онъ сказалъ: «Это возьми на память обо мнѣ». Я разсмѣялся надъ его пустой фантазіей и рѣшительно отказался взять книжку. «Ну какъ хочешь», сказалъ онъ: «не берешь теперь, возьмешь послѣ; я заранѣе распоряжусь, чтобъ послѣ моей смерти этотъ знакъ памяти былъ переданъ тебѣ». Съ такимъ страннымъ предчувствіемъ онъ отправился въ отрядъ.

Не помню черезъ сколько времени, вечеромъ я пошелъ къ Краббе, въ семействѣ которыхъ Искрицкій былъ очень любимъ. Передъ тѣмъ, что̀ я хотѣлъ отъ нихъ уйти, къ нимъ вошелъ ген. Влад. Дм. Вальхов-

---

*) Книжка эта получена была имъ отъ одной великосвѣтской дамы, во время его заключенія въ казематѣ. На оборотахъ переплета онъ записывалъ свой крѣпостной календарь.

скій, въ тотъ же день пріѣхавшій изъ отряда; отъ него я узналъ, что Искрицкій умеръ *). Вскорѣ я услышалъ о похоронахъ и той, которой занято было его сердце.

Не помню, прежде или послѣ того, я лишился и другаго товарища, П. П. Коновницына. По просьбѣ графини, его матери, Государь разрѣшилъ Коновницыну домовой отпускъ на 28 дней, но съ тѣмъ, чтобъ для сопровожденія его назначенъ былъ надежный офицеръ, изъ его же товарищей по службѣ. На это предложилъ себя молодой саперный офицеръ Диклеръ. Съ нимъ Коновницынъ уѣхалъ, внѣ себя отъ радостнаго ожиданія свидѣться съ матерью послѣ столь долгой и столь тяжкой разлуки. Не прошло и мѣсяца, какъ я получилъ извѣстіе изъ Владикавказа, что на возвратномъ пути Коновницынъ и Диклеръ пріѣхали туда, оба больные тифомъ, и въ одинъ день умерли.

Незадолго до отъѣзда въ Польскую армію, Паскевичъ въ общемъ разговорѣ за обѣдомъ упомянулъ, какъ бы мимоходомъ, о декабристахъ, при чемъ выразился такъ: «И чего эти люди еще добиваются? Чего они служатъ и не выходятъ въ отставку?» Въ тотъ же день эти слова мнѣ передалъ адъютантъ Паскевича, мой пріятель Н. И. Ушаковъ. Я ожилъ: не откладывая написалъ прошеніе объ увольненіи меня отъ службы по болѣзни и представилъ прошеніе мое по командѣ ближайшему моему начальнику, командиру сапернаго батальона Данилѣ Даниловичу Трителевичу. Трителевичъ посовѣтывалъ мнѣ, для *большей вѣрности*, прежде чѣмъ подать прошеніе по болѣзни, полежать въ госпиталѣ съ тѣмъ, чтобъ получить свидѣтельство отъ самаго штабъ-доктора. Я послушался; поступилъ въ госпиталь, что̀ на «Натлугѣ» въ 4-хъ верстахъ отъ города; пролежавъ тамъ около двухъ мѣсяцевъ, я подалъ мое прошеніе со свидѣтельствомъ доктора.

Для возвращенія на родину мнѣ предлежало два пути, на Владикавказъ и черезъ море, на Крымъ. Я избралъ послѣдній изъ нихъ, хотя и менѣе безопасный, и гораздо болѣе продолжительный; мнѣ хотѣлось повидаться съ товарищемъ по Измайловскому полку дек. Фокомъ, который въ то время отбывалъ свою ссылку въ Бомборахъ, на Восточномъ берегу моря. Узнавъ, что у этого берега крейсируютъ военныя суда, я отправился въ Редутъ-Кале, въ надеждѣ добраться до Бомборъ, что̀ мнѣ и удалось. У Фока я провелъ три дня, гдѣ познакомился съ декабристомъ Сергѣемъ Ивановичемъ Кривцовымъ (изъ гвардейской конной артиллеріи). Это послѣдніе декабристы, которыхъ я видѣлъ....

Александръ Гангебловъ.

---

*) По окончаніи экспедиціи двое его крѣпостныхъ слугъ исполнили распоряженіе своего покойнаго господина: книжка хранится у меня до сихъ поръ.

ДЕКАБРИСТЪ Г. С. БАТЕНКОВЪ.

Въ «Русскомъ Архивѣ» (1881 г.) напечатаны Записки Г. С. Батенкова. Издатель «Русскаго Архива» прибавилъ отъ себя, что Записки эти отнюдь не обнимаютъ всей жизни ихъ автора, что «событія самой замѣчательной ея эпохи, именно времени до и по 14 Декабря 1825 г. Батенковъ сознательно желалъ пройти молчаніемъ», и что́ разсказы о Г. С. Батенковѣ, записанные близкими къ нему людьми, появятся въ «Русскомъ Архивѣ». И дѣйствительно въ томъ же году были напечатаны эти разсказы; но они во многомъ невѣрны.

Г. С. Батенковъ, по освобожденіи изъ Петропавловской крѣпости, гдѣ онъ, вмѣсто каторжной работы (къ которой приговоренъ былъ верховнымъ судомъ) пробылъ въ одиночномъ заключеніи, въ Алексѣевскомъ равелинѣ, 20 лѣтъ, по пріѣздѣ въ Томскъ, въ Мартѣ 1846 года, на другой день помѣстился въ нашемъ домѣ, и первые два мѣсяца жилъ въ однихъ комнатахъ со мной, а вообще прожилъ у насъ всѣ слишкомъ десять лѣтъ пребыванія своего въ Томскѣ. Это даетъ мнѣ право опровергнуть невѣрности въ упомянутыхъ разсказахъ.

Начну съ перваго слова: «Гавріилъ Степановичъ Батенковъ родился 25 Марта 1793 г. въ Томскѣ; воспитывался въ томъ же Томскѣ, сперва въ уѣздномъ училищѣ, а потомъ въ гимназіи». Это не такъ. Онъ родился въ Тобольскѣ, обучался тамъ въ полубаталіонѣ кантонистовъ, но кончилъ образованіе въ Петербургѣ, въ первомъ кадетскомъ корпусѣ; да и гимназія въ Томскѣ открыта только въ 1834 году. Прямо изъ корпуса онъ былъ посланъ въ войска въ 1813 году артилерійскимъ офицеромъ.

Далѣе читаемъ, что Г. С. «уѣхалъ служить въ Сибирь на свою «родину. Капцевичъ, бывшій тогда губернаторомъ въ Томскѣ, подалъ «высшему начальству смѣту о мостѣ, который долженъ былъ стро«иться. Батенковъ вызвался выстроить его за полцѣны, чѣмъ навлекъ

«на себя неудовольствіе Капцевича и былъ бы безъ сомнѣнія стертъ «имъ совершенно, еслибы въ это время не пріѣхалъ ревизовать тотъ «край Сперанскій».

Г. С. пріѣхалъ въ Сибирь не на родину, а въ Томскъ инженеромъ въ чинѣ поручика; Капцевича въ то время (до образованія Сибирскихъ учрежденій въ 1822 г.), не было: онъ былъ первый генералъ-губернаторъ Западной Сибири. Были ли у Г. С. какія непріятныя столкновенія съ мѣстными властями, я отъ него не слыхалъ, но знаю, что по его проекту и подъ его наблюденіемъ былъ выстроенъ въ Томскѣ мостъ чрезъ Ушайку. Сперанскій, ревизовавшій Сибирь въ 1819—21 гг., бывши въ Томскѣ, принялъ Батенкова въ свой штатъ и увезъ въ Иркутскъ, а по окончаніи ревизіи Сибири, въ Петербургъ. Г. С. участвовалъ въ составленіи Сибирскихъ учрежденій и, между прочимъ, проектировалъ уставы о ссыльныхъ, объ этапахъ и о сухопутныхъ сообщеніяхъ; служилъ постоянно по инженерному вѣдомству и во время ареста имѣлъ чинъ подполковника. У Аракчеева онъ занимался по дѣламъ военныхъ поселеній; при Сперанскомъ же былъ постоянно въ Сибирскомъ Комитетѣ.

„Бывши обвиненъ въ участіи въ заговорѣ 14 Декабря 1825 года, Ба„тенковъ былъ посаженъ въ крѣпость. Впослѣдствіи оказалось, что онъ „невиненъ. Тогда императоръ Николай Павловичъ приказалъ выпустить его, „произвести въ слѣдующій чинъ и дать денежное вознагражденіе. Батен„ковъ чрезвычайно испугался этого, думая, что заговорщики, узнавъ о цар„ской къ нему милости, обвинятъ его въ предательствѣ; вслѣдствіе чего „онъ написалъ письмо къ Государю, въ которомъ объявлялъ, что хотя онъ „и не участвовалъ въ заговорѣ 14 Декабря, но сочувствуетъ людямъ, ко„торые замѣшаны въ немъ, и что если его выпустятъ, то онъ, Батенковъ, „составитъ новый заговоръ. Государь послалъ къ нему своего доктора „Арендта освидѣтельствовать, нѣтъ ли у него горячки; тогда Батенковъ „сказалъ Арендту: если вы скажете, что я боленъ, то пусть вы и отвѣчаете „за послѣдствія моего освобожденія. Тогда Арендтъ доложилъ Государю, „что хотя пульсъ и возбужденъ, но умственной болѣзни онъ не нашелъ. „Батенкова приговорили къ двадцатилѣтнему заключенію въ Петропавлов„скую крѣпость. Съ 1826 г. по 1846 г. онъ былъ заживо похороненъ въ „трехъ-аршинномъ казематѣ“.

Все это совершенно опровергается Донесеніемъ Слѣдственной Коммиссіи по дѣлу Декабристовъ. Дѣлаю выписки изъ этого донесенія, что́ только относится къ Батенкову:

„а) Осенью въ семъ же 1825 г. другой человѣкъ (подполковникъ Ба„тенковъ) совсѣмъ иныхъ свойствъ, но также какъ Якубовичъ, не бывшій „членомъ Сѣвернаго Общества, знавшій тайныя намѣренія руководителей

„онаго, вошелъ случайно въ пріятельскія связи съ Рылѣевымъ и Александ-„ромъ Бестужевымъ. Рылѣевъ рѣшился сдѣлать Батенкова однимъ изъ „главныхъ пособниковъ. Бестужевъ утверждаетъ, что онъ, напротивъ того, „подозрѣвалъ его, почитая слова согласныя съ ихъ словами и образомъ „мыслей способомъ извѣдыванія; однакоже, говоря съ нимъ однажды о „томъ, что̀ бы могло быть въ Россіи при иномъ образѣ правленія, онъ „прибавилъ: есть 20 или 30 удалыхъ головъ, которыя для такой перемѣны „на все готовы. Батенковъ отвѣчалъ: я почелъ бы себя недостойнымъ имени „Русскаго, если бы отсталъ отъ нихъ. Вскорѣ послѣ того Рылѣевъ, при-„шедши къ Александру Бестужеву, вскричалъ: Какъ ты былъ несправед-„ливъ, сомнѣваясь въ Батенковѣ! Онъ нашъ. Съ сихъ поръ они обходи-„лись съ нимъ, какъ съ ближайшимъ сообщникомъ, не скрывая отъ него „своихъ надеждъ и умысловъ, по крайней мѣрѣ, главнаго: перемѣны прав-„ленія; но на счетъ силъ и средствъ Тайнаго Общества, кажется, умѣли „обмануть его. Батенковъ, какъ самъ показываетъ, сначала въ разговорахъ „съ Рылѣевымъ и Бестужевымъ искалъ одной забавы, хотѣлъ блистать „остроуміемъ и смѣлыми мечтами; но потомъ, лишась выгоднаго мѣста (въ „Совѣтѣ Военныхъ Поселеній) по нечаянному стеченію обстоятельствъ и „непріятнымъ образомъ, онъ, въ волненіи оскорбленнаго самолюбія, сталъ „раздѣлять съ ними ихъ преступныя желанія, а мало по малу и планы, „особливо познакомившись съ пріѣхавшимъ въ Октябрѣ изъ Кіева княземъ „Сергѣемъ Трубецкимъ. Впрочемъ, какъ видно изъ собственныхъ отвѣтовъ „Батенкова, его всегда влекли къ таинственности и замысламъ дерзостнаго „честолюбія и воображеніе, болѣе безпокойное, нежели живое, и высокая „мысль о себѣ, и самые успѣхи по службѣ. Не знавъ еще Рылѣева и Бе-„стужева, онъ когда-то въ дорогѣ, думая о способахъ, коими правительство „можетъ оградить себя отъ покушеній враждебныхъ ему Тайныхъ Обществъ, „и находя, что къ сему оно должно употребить другія, имъ заводимыя со-„общества, сочинилъ планъ Тайнаго Общества противъ правительства. Вѣ-„роятно въ томъ, къ коему онъ несовершенно присоединился, Батенковъ „полагалъ силы, которыя предназначалъ своему. Онъ самъ говоритъ, что „въ Рылѣевѣ видѣлъ ни что иное, какъ агента настоящихъ сокровенныхъ „правителей Общества и средоточіемъ онаго считалъ главную квартиру „2-й арміи; хотѣлъ однакоже, посредствомъ связей съ здѣшними членами, „преобразовать по своему плану или, буде не успѣетъ, разрушить его, „разгласивъ чрезъ своихъ знакомыхъ о существованіи заговора и наиме-„новать князя Трубецкова въ числѣ злоумышленниковъ. Я не подозрѣвалъ, „прибавляетъ онъ, что уже стою между ними. Происшествія скоро доказа-„ли, что всѣ его предположенія были столь неосновательны, сколь и про-„тивозаконны; онъ ежедневно болѣе и болѣе увлекался въ сообщничество „съ мятежниками: сначала содѣйствовалъ имъ только изъявленіемъ сходнаго „съ ихъ мнѣніями образа мыслей, а послѣ совѣтами, въ коихъ иногда ока-„зывалъ умѣренность, даже нѣкоторое благоразуміе. Такъ, когда при немъ „стали говорить о грабежѣ, кровопролитіи и кто-то (Александръ Бестужевъ,

„какъ думаетъ князь Трубецкой) сказалъ: Можно и во дворецъ забраться, „то Батенковъ возразилъ съ жаромъ: Сохрани Боже! Дворецъ во всякомъ „случаѣ долженъ быть неприкосновеннымъ, священнымъ залогомъ безопа- „сности общей. Но часто другими словами онъ и одобрялъ ихъ къ дѣй- „ствію, и они считали его важнымъ для себя пособникомъ; ибо, съ своей „стороны обманываясь, полагали, что Батенковъ имѣетъ на значительныхъ „въ государствѣ людей вліяніе, котораго онъ не имѣлъ никогда. Потому „льстили его чрезмѣрному самолюбію, и каждое слово его казалось имъ „замѣчательнымъ. Ему, какъ онъ самъ показываетъ, случилось сказать въ „шутку, что онъ желаетъ быть купцомъ, сдѣлаться градскимъ головою и „возвысить это званіе въ достоинство лорда-мейора; Якубовичъ тотъ-часъ „подхватилъ: Вы хотите быть головами, господа! Пусть будетъ такъ; но „оставьте намъ руки".—б) „Они въ одно время (27 Ноября) узнали о кон- „чинѣ въ Бозѣ почившаго Императора, о манифестѣ, коимъ его величество „назначалъ преемника державы и о присягѣ данной Государю Цесаревичу „всѣми жителями столицы. Въ своихъ совѣщаніяхъ они не скрывали тер- „завшей ихъ досады. Батенковъ говорилъ двумъ Бестужевымъ (Александ- „ру и Николаю): „Потерянъ случай, которому подобнаго не будетъ въ цѣ- „лыя 50 лѣтъ; если бы въ Государственномъ Совѣтѣ были головы, то ны- „нѣ Россія присягнула бы вмѣстѣ и новому Государю, и новымъ законамъ. „Теперь все для насъ пропало невозвратно". Тутъ же, разсуждая о при- „сягѣ 27 Ноября, Батенковъ примолвилъ: „Какъ легко въ Россіи произ- „весть перемѣну! Стоитъ разослать печатные указы изъ Сената. Только „въ ней не можетъ быть иного правленія, кромѣ монархическаго; однѣ „церковныя эктеніи не допустятъ насъ до республики. Хотя для переходу, „нужна монархія ограниченная". Когда же его сообщники замѣтили, что „монарху - завоевателю легко сдѣлаться изъ ограниченнаго самовласт- „нымъ, онъ отвѣчалъ: „Этому пособить можно; зачѣмъ имѣть мужчинъ на „тронѣ? У насъ двѣ Императрицы, много Великихъ Княгинь и Княженъ".— „в) При семъ Батенковъ сказалъ Трубецкому, что если всѣ войска отка- „жутся присягать и Его Высочество Цесаревичъ вслѣдствіе того пріѣдетъ въ „Петербургъ, то перемѣна въ образѣ правленія будетъ невозможна; что „лучше бы сообщникамъ ихъ раздѣлиться: однимъ объявлять императо- „ромъ Государя Цесаревича, а другимъ показывать себя преданными Ва- „шему Величеству. Въ случаѣ же перевѣса первой стороны, полагалъ онъ, „случится одно изъ двухъ: или 1-е, что Ваше Величество согласитесь на „измѣненіе государственныхъ установленій въ Россіи и на учрежденіе вре- „меннаго правительства, или 2-е, что отложите принятіе державы, и тогда „они (заговорщики), объявивъ, что чрезъ-то вы отрекаетесь отъ престола, „провозгласятъ императоромъ Наслѣдника Вашего Императорскаго Вели- „чества, Великаго Князя Александра Николаевича. На это князь Трубец- „кой отвѣчалъ, что войскъ за нихъ вѣроятно будетъ очень мало, а изъ „важныхъ людей между военными никто не захочетъ участвовать въ пред- „пріятіи. Такъ и думать не о чемъ, вскричалъ Батенковъ. Но и сочиняя

„вмѣстѣ сіи планы для испроверженія порядка, они, какъ видно во многомъ, „или не понимали, или обманывали другъ друга. Трубецкой и сообщники „его назначали Батенкова только правителемъ дѣлъ временнаго правленія, „а онъ воображалъ, что будетъ членомъ онаго и предавался мечтамъ не„ограниченнаго честолюбія, въ надеждѣ быть лицемъ историческимъ; хотѣлъ „членами сего правленія сдѣлать: одну духовную особу, себя и чрезъ нѣ„сколько времени,—третьимъ князя Сергія Трубецкаго. Тогда, имѣя боль„шинство голосовъ на своей сторонѣ (ибо онъ надѣялся владѣть Трубец„кимъ) я, говорилъ онъ, управлялъ бы государствомъ и обратилъ бы вре„менное правленіе въ регенство малолѣтняго Александра II-го. Затѣмъ, „продолжаетъ Батенковъ, мало по малу утвердивъ себя, получивъ силу „учрежденіемъ родовой аристократіи и пріобрѣтенными чрезъ то связями, „я дѣйствовалъ бы по обстоятельствамъ; но еслибъ Государь Императоръ „принялъ наши условія, то я перешелъ-бы на его сторону, не взявъ мѣста „во временномъ правительствѣ. Впрочемъ, я все худо вѣрилъ, чтобъ бы„ло что нибудь предпринято“.—г) Но, покрайней мѣрѣ сначала, они были „такъ ослѣплены, что совсѣмъ не ожидали неудачи. Батенковъ 13 Декабря „поутру говорилъ Александру Бестужеву: кажется, что успѣхъ несомни„теленъ“. — „д) Поступки Батенкова въ этотъ день (14 Декабря) были „почти такіе-же: онъ проснулся съ мыслію о своемъ будущемъ величіи, „какъ члена верховнаго правленія; конецъ мечтамъ положила повѣстка о „присягѣ. Еще нѣсколько времени онъ старался узнать, что̀ происходитъ, „искалъ Александра Бестужева, Рылѣева, который ему сказалъ, что офи„церы одной батареи гвардейской артилеріи, возмутясь, ѣздятъ съ орудіями „по городу. Сія ложная вѣсть его поразила, и онъ также спѣшилъ прися„гнуть, забывъ о планахъ для перемѣнъ въ государствѣ, о славѣ быть въ „числѣ правителей, и желая только, чтобы скорѣе переловили бунтовщи„ковъ. Однакожъ вечеромъ, когда уже тишина и порядокъ были повсюду „возстановлены, онъ заѣхалъ къ Рылѣеву и, не входя, а заглядывая въ „комнату, спрашивалъ: Ну! Что? Иванъ Пущинъ, бывшій тутъ съ нѣкото„рыми другими изъ бѣжавшихъ съ Сенатской площади мятежниковъ, обо„ротился къ нему до половины и сказалъ въ отвѣтъ: Да вы, подполковникъ, „вы-то что̀? Увидѣвъ его и барона Штейнгеля, Батенковъ скрылся и въ „теченіе двухъ недѣль, полагаясь на краткость своихъ сношеній съ члена„ми тайнаго общества, надѣялся избѣжать подозрѣній правительства; даже, „при началѣ допросовъ, онъ долго увѣрялъ, что намѣренія заговорщиковъ „были ему не совершенно извѣстны; что онъ, считая ихъ невозможными „въ исполненіи, почти не обращалъ на нихъ вниманія, что чувствуетъ се„бя виновнымъ въ однихъ нескромныхъ словахъ и дерзкихъ желаніяхъ. „Но множество уликъ и, быть можетъ, упреки совѣсти, наконецъ, превоз„могли притворство: онъ полнымъ, искреннимъ признаніемъ утвердилъ сви„дѣтельства другихъ. Одно изъ своихъ письменныхъ объявленій комиссіи „онъ начинаетъ сими словами: Дабы не умереть, нося въ душѣ преступ„ную тайну“.

По объявленіи приговора верховнаго уголовнаго суда, которымъ Батенковъ присужденъ въ каторжную работу на 20 лѣтъ, онъ не былъ сосланъ въ Сибирь, а отправленъ, съ шестью подобно приговоренными, на Аландскіе острова, но вскорѣ былъ возвращенъ въ Петербургъ; товарищи его сосланы въ Сибирь, а Батенковъ оставленъ въ Петропавловской крѣпости.

Въ разсказахъ, помѣщенныхъ въ Р. Архивѣ, говорится:

„Алексѣй Андреевичъ Елагинъ, узнавъ о заточеніи своего пріятеля, „прискакалъ въ Петербургъ; не смотря на всѣ его старанія, ему не удалось выпросить свиданія съ другомъ, но ему позволили послать Батенкову Библію, и Елагинъ послалъ ее на всѣхъ возможныхъ языкахъ, приложивъ также лексиконы. Это чтеніе и изученіе языковъ было единственнымъ занятіемъ Батенкова. За все время своего заключенія онъ не слыхалъ человѣческаго голоса, не видалъ человѣческаго лица, исключая дней „Свѣтлаго Праздника, когда комендантъ приходилъ христосоваться съ заключенными. Пища подавалась въ окошечко, изъ коридора, въ которомъ „стояли день и ночь часовые; казематъ былъ темный и освѣщался лампой. „Однажды Гавріилъ Степановичъ жестоко заболѣлъ и чрезъ часоваго попросилъ коменданта допустить къ нему священника, но въ этомъ ему было „отказано. Друзья Батенкова были всѣ увѣрены, что онъ умеръ или съ „ума сошелъ“.

Это опять невѣрно. Батенковъ о своей 20 лѣтней жизни въ крѣпости (откуда онъ не видѣлъ буквально ничего, а солнечный лучъ падалъ изрѣдка чрезъ наклонныя окна только сверху) говорить не любилъ, и поэтому никто и не распрашивалъ его подробно объ этомъ. Только сопоставляя отрывочныя его выраженія въ общихъ разговорахъ совершенно о другихъ предметахъ, могу возсоздать нѣсколько цѣльный отзывъ Батенкова объ этомъ заключеніи.

Одиночное заключеніе (въ камерѣ, аршинъ 10 въ длину и 6 въ ширину, при 4 аршинной высотѣ) въ началѣ было до того строго, что караульнымъ солдатамъ (вполнѣ вооруженнымъ) запрещено было съ нимъ говорить и на самые обыкновенные вопросы: «который часъ, какой день и т. п.», если и былъ отвѣтъ, то одинъ: «не велѣно говорить». За то ежедневно, утромъ и вечеромъ, въ опредѣленные часы, являлся офицеръ навѣдываться о здоровьи и спросить, не нужно-ли чего? Разговоръ ограничивался односложнымъ вопросомъ и короткимъ отвѣтомъ. Пищу подавали всегда хорошую; а какъ онъ не употреблялъ ни мяса, ни рыбы, то подавали преимущественно яичницу и разныя молочныя каши, бѣлый хлѣбъ, кофе или чай, а иногда, по желанію его, и легкія виноградныя вина: лафитъ, бургонское, рейнвейнъ и пр. Въ первый годъ заключенія онъ былъ боленъ горячкою мѣсяца четыре, но содержался въ той же камерѣ, безъ ослабленія караула; впрочемъ,

уходъ за нимъ и лѣченіе были особенно внимательны, и не только было дозволено тогда призвать священника, но, какъ Г. С. былъ вполнѣ христіанинъ, то ежегодно въ великій постъ исповѣдывался и пріобщался Св. Тайнъ (въ своей камерѣ). Строго одиночное заключеніе продолжалось годовъ пять-шесть; послѣ того, хотя караулъ не ослаблялся, но было ему дозволено прохаживаться по коридорамъ Алексѣевскаго равелина, но никого, кромѣ солдатъ, онъ не видалъ и ни съ кѣмъ не разговаривалъ. Читать ему давали только книги духовно-нравственнаго содержанія; газетъ никакихъ не только не читалъ, даже не видалъ во всѣ 20 лѣтъ. Позволялось и писать, но все, имъ написанное, онъ или рвалъ самъ, или отсылалъ къ коменданту. Чтò и о чемъ писалъ Г. С.,—онъ никогда не говорилъ, и изъ писаннаго въ крѣпости въ Томскъ ничего не привезъ. Что занятіемъ его было сличеніе переводовъ Библіи на древнихъ и новыхъ языкахъ—это вѣрно; потому что всѣ книги, какія бы только понадобились, доставлялись ему чрезъ коменданта, по всякому его заявленію, изъ Публичной Библіотеки. Другъ его Елагинъ никакихъ книгъ ему присылать въ крѣпость не могъ, да вѣроятно и не зналъ, что Г. С. содержится въ Петропавловской крѣпости, потому что когда, проѣзжая чрезъ Москву въ 1846 г., я сообщилъ пасынку Елагина, П. В. Кирѣевскому, что Г. С. живъ, здоровъ и проживаетъ въ Томскѣ—то это крайне изумило и обрадовало его; распросамъ не было конца: какъ, чтò, отчего и почему? и т п. Даже въ Петербургѣ никто изъ бывшихъ его друзей не зналъ о немъ ничего: сослуживцамъ его въ Сибирскомъ Комитетѣ (Жуковскому, бывшему въ 1845 г. Петербургскому губернатору, и К. Г. Рѣпинскому) я первый привезъ извѣстіе о немъ.

Въ разсказахъ говорится: «Пріѣхавъ въ Томскъ, жандармъ снялъ съ него казенный тулупъ и выпустилъ безъ гроша денегъ на улицу; Батенковъ, чтобы согрѣться, зашелъ въ трактиръ»... Неправда. Батенковъ былъ присланъ въ Томскъ при отношеніи къ губернатору С.-Петербургскаго коменданта *), въ которомъ было сказано, что по Высочайшему повелѣнію препровождается Гавріилъ Батенковъ (безъ обозначенія званія) на жительство въ г. Томскъ, и что на обзаведеніе назначено ему 500 рубл., которые онъ и получилъ здѣсь, вскорѣ по прибытіи. Изъ крѣпости отправленъ онъ былъ по распоряженію коменданта (героя отечественной войны, безрукаго генерала Скобелева), снабженный всѣмъ необходимымъ для зимней поѣздки, и крытая сукномъ волчья шуба осталась при немъ. Ѣхалъ онъ не чрезъ Москву—какъ

*) Я служилъ тогда въ Томскомъ Губ. Управ. и помню содержаніе этого отношенія.

сказано въ разсказахъ,—а чрезъ Ярославль и Нижній. Петербурга онъ не видалъ, выѣхавъ ночью прямо изъ крѣпости. На второй станціи, по бывшей тогда шоссейной дорогѣ, онъ увидѣлъ какую-то женщину; не видѣвши слишкомъ 20 лѣтъ живаго женскаго лица, Г. С. былъ радъ, какъ маленькій ребенокъ, обнялъ и расцѣловалъ ее. Разсказывая объ этомъ, Г. С. прибавлялъ, что эта женщина вѣроятно подумала, что «я или безсознательно пьянъ, или сумасшедшій». О сопровождавшемъ его жандармѣ онъ отзывался, какъ о человѣкѣ заботливомъ, услужливомъ и вѣжливомъ: ни на станціяхъ, ни въ дорогѣ жандармъ не показывалъ и вида конвоира, да и въ почтовой подорожной на имя его жандарма была только стеоретипная фраза—«съ будущимъ». Жандармъ помѣстилъ Г. С. въ единственной тогда въ Томскѣ гостинницѣ, и на другой день уѣхалъ въ Петербургъ, а Г. С. переѣхалъ въ нашъ домъ и помѣстился со мною въ двухъ небольшихъ комнаткахъ. Первые два-три дня обращеніе и разговоръ его казались мнѣ нѣсколько странными; немногіе другіе считали его, какъ послѣ говорили, помѣшаннымъ; я же этого не видѣлъ. Онъ любилъ говорить и говорилъ всегда книжнымъ языкомъ, съ учеными терминами и Латинскими фразами, почти исключительно о высокихъ нравственно-религіозныхъ и философскихъ предметахъ. О политическихъ и общественныхъ дѣлахъ и о правительственныхъ лицахъ онъ упоминалъ, развѣ такъ какъ-нибудь косвенно; да и въ послѣдствіи, привыкши къ новой свободной жизни, неохотно высказывалъ свои мнѣнія или сужденія объ этихъ предметахъ.

О жизни Г. С. въ Томскѣ скажу немного. Все время, съ начала Марта 1846 до послѣднихъ чиселъ Сентября 1856 г., онъ жилъ въ нашемъ семействѣ, такъ сказать, къ намъ пріѣхалъ и отъ насъ уѣхалъ. Въ періодъ этотъ, онъ, съ моимъ братомъ Николаемъ, выстроили три флигеля, перестроили всѣ службы; а старый домъ изъ города перевезли они на дачу, въ 4-хъ верстахъ отъ города, гдѣ сначала устроили небольшое помѣщеніе, названное «соломеннымъ», завели небольшое хозяйство, огородъ, садикъ, цвѣтничекъ и проч. Здѣсь-то большую часть лѣта и проводилъ Г. С., пріѣзжая въ Томскъ дня чрезъ два-три. Въ Томскѣ онъ былъ знакомъ со всѣми тогдашними тузами: Асташевыми, Гороховыми, Поповыми и друг. и съ губернаторами Аносовымъ и Бекманомъ, особенно съ послѣднимъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ; но посѣщеніями своими никому не учащалъ. Чаще другихъ онъ бывалъ у Асташевыхъ, отъ которыхъ получалъ Французскую газету. Читалъ онъ немного книгъ на Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ, а болѣе всего газеты, но о политическихъ дѣлахъ говорилъ мало. Въ церковь ходилъ, какъ бы обязательно, каждое Воскресенье и большіе праздники. Пищу его составляли: яичница, икра, зелень, плоды и ягоды

всякаго рода; никакихъ спиртныхъ напитковъ онъ не любилъ и только изрѣдка пилъ легкія виноградныя вина. Писалъ онъ немного, но о написанномъ ничего не говорилъ; увезъ ли онъ что̀ съ собою, не знаю. Вообще, въ Томскѣ онъ пользовался уваженіемъ и любовію всѣхъ знавшихъ его, отъ стараго до малаго, отъ первыхъ за умъ, высокую нравственность и 20-тилѣтнія страданія; а отъ послѣднихъ за простоту, доброту и ласки.—Скажу еще объ одной особенности его. Въ первый годъ по пріѣздѣ въ Томскъ, онъ началъ купаться въ Томи, и купался каждое раннее утро, не смотря ни на какую погоду, до самыхъ заморозокъ; помню разъ мы съ нимъ шли по льду шаговъ 20 до воды и, окунувшись разъ пять-шесть, воротились для одѣванія на берегъ. Это купанье, какъ говорилъ Г. С., укрѣпило его организмъ и доставляло бодрость тѣлу и духу. Въ то время, 54 лѣтъ отъ роду, онъ казался старикомъ, но послѣ, года чрезъ полтора, значительно поправился, ходилъ много и бодро, спалъ мало; однимъ словомъ, имѣлъ на видъ не болѣе 50 лѣтъ.

Г. С. Батенковъ окончательное образованіе получилъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, и только самообразованіе могло дать ему основательныя знанія точныхъ наукъ и древнихъ языковъ, что ясно доказываетъ его умъ, силу воли и твердую память. Древніе Еврейскій, Греческій, Латинскій языки онъ зналъ настолько, что свободно переводилъ съ нихъ на Русскій; на Французскомъ и Нѣмецкомъ говорилъ и писалъ; и всѣ эти знанія сохранились послѣ 20-лѣтняго одиночнаго заключенія въ крѣпости.—Въ концѣ разсказовъ говорится опять невѣрно:

„Жилъ онъ здѣсь (въ Калугѣ) безбѣдно, потому что не задолго до „14 Декабря, Батенковъ былъ представленъ къ наградѣ бриллiантовымъ „перстнемъ, и ему еще не успѣли выдать его. Перстень этотъ былъ оцѣ„ненъ въ 5 тысячъ рублей. Когда Батенкова выпустили изъ крѣпости, Госу„дарь Александръ II-й приказалъ выдать ему эти деньги съ процентами, „и Батенковъ получилъ пятнадцать тысячъ серебромъ. Сверхъ того, друзья „Батенкова, Сибирскіе золотопромышленники (Аргамаковъ и другіе, именъ „которыхъ не помню) сказали Гаврилу Степановичу, что они въ то время, „когда его посадили въ крѣпость, купили на его имя одинъ пай золотыхъ „промысловъ; они выдавали Батенкову съ этого пая ежегодно 1000 чер„вонцевъ“.

Г. С. освобожденъ изъ крѣпости при императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Ни о какомъ бриллiантовомъ перстнѣ я отъ него не слыхалъ; но знаю, что, при арестованіи его, засеквестрованное серебро и нѣкоторыя золотыя вещи отосланы въ ломбардъ, впослѣдствіи проданы, вырученный капиталъ отосланъ въ Государственный Банкъ, и съ накопившимися въ 30 лѣтъ процентами онъ составилъ съ небольшимъ 6000 р., которые Батенковъ и получилъ уже въ Калугѣ, въ 1867 г.

Между Сибирскими золотопромышленниками прежнихъ друзей у Г. С. не было и быть не могло (частная золотопромышленность въ Сибири началась только съ 1830 года), да и кто и какъ могъ бы на его имя купить пай золотыхъ пріисковъ и выдавать ему ежегодно 1000 червонцевъ, ему строго-секретно содержавшемуся въ крѣпости?

По прощеніи и дозволеніи возвратиться въ Россію, Г. С. предъ выѣздомъ изъ Томска писалъ мнѣ (въ Барнаулъ) 11-го Сентября 1856 года. «Вотъ, милый А. И., пишу и вамъ привѣтъ разлуки. Чрезъ двѣ недѣли здѣсь уже не буду, и сложившееся изъ душевныхъ симпатій семейство мое должно будетъ меня отпустить и со мной проститься. Я теперь какъ новорожденный младенецъ: чистъ отъ всего, отъ чего только можно быть чистымъ, съ правомъ на жизнь, даже привилегированную, и, что̀ важнѣе, свободенъ. Обѣ столицы мнѣ негостепріимны, но не совсѣмъ и заперты. Со службой не миритъ безчиніе, но и туда есть дверь. Словомъ, я теперь юноша, недоросль и старецъ, только что поднятый изъ подъ креста. Есть и выгода въ такомъ положеніи: я могу не стѣснять бывшихъ товарищей и не стѣсняться ими, какъ бы высоко они не забрались»...

Послѣ выѣзда Г. С. изъ Томска я получилъ отъ него нѣсколько писемъ изъ Калуги. Считаю небезъинтересными выписки изъ нихъ.

Въ Январѣ 1858 года, онъ писалъ: «По пріѣздѣ въ Бѣлевъ, я засталъ гробъ Петра Васильевича, готовый быть преданнымъ землѣ возлѣ свѣжей могилы его брата Ивана [1]), и такъ цѣлый годъ провелъ въ семьѣ печальной. Въ это время довелось сдѣлать нѣсколько путешествій на всемъ пространствѣ между Москвой, Тверью, Рязанью и Орломъ, захвативъ два раза на нѣсколько недѣль и самую Бѣлокаменную. Нужно такъ было, частію по надобности, а болѣе для свиданій и чтобъ порасправить немного крылышки на свободѣ; наконецъ, бросилъ якорь въ Калугѣ, обзавелся крошечнымъ, но чистенькимъ домикомъ въ самомъ концѣ города на дворянской улицѣ и когда пріѣхала Ольга Павловна (вдова моего брата Епенета Лучшева) съ ребятишками, прибрали наше жилье общими силами и начали продолжать ту самую жизнь, какая была въ Томскѣ... «Магометъ» [2]) печатается, но я книгъ еще не имѣю. По завѣщанію Петра (Кирѣевскаго) досталось и на мою долю перевести 28 книгъ Византійской исторіи; теперь корплю надъ шестою, и это мнѣ не скучно, но отнимаетъ много времени».

11 Ноября 1859 года: «Начиная съ Іюня до настоящихъ чиселъ, я непрестанно путешествовалъ и носился отъ истоковъ Оки до

---

[1]) Кирѣевскіе—извѣстные писатели, скончавшіеся въ 1856 году.

[2]) Сочиненіе В. Ирвинга, въ переводѣ П. В. Кирѣевскаго. Печаталъ его я. По завѣщанію Кирѣевскаго, мною тогда же переведены и изданы двѣ книги „Исторія Германіи“, соч. Кольрауша. Переводы Батенкова остались въ рукописи. П. Б.

устья Невы, хотя и передъ тѣмъ успѣлъ еще около мѣсяца прогостить въ Москвѣ; имѣю, если не великое, то огромное, ежели не ученое, то копотливое занятіе надъ Византійской исторіей и Русскимъ правомъ, поглощающее большую часть времени, для того собственно, чтобы не было оно праздно и не гибло, губя самаго меня разсѣяніемъ. Прожитыя 65 лѣтъ достаточно уже отяжелили и стали сжимать день въ тѣсные предѣлы; пропала способность отмѣчать чѣмъ нибудь дѣльно утро и вечеръ, хотя большею частію сижу неподвижно, уткнувъ носъ въ книгу или на бумагу, гдѣ бы ни случилось, а особливо дома. Старые мои пріятели вознеслись теперь выше облаковъ; мнѣ не оставалось другаго средства, для обращенія съ ними, какъ обвернувшись въ кожу дѣдушки, чтобы имѣть право немного поворчать и повольничать; Вариньки и Машеньки обратились въ дамъ сіятельныхъ и превосходительныхъ, частію съ надбавкою «высоко»; Вани, Петруши украсились лентами и звѣздами: каково же было очутиться въ такой средѣ? Но я примѣтилъ, что наивные мои привѣты, возбуждая воспоминаніе лучшихъ юныхъ дней жизни, были не такъ непріятны, какъ бы того требовалъ этикетъ. Здѣсь городъ занятъ Шамилемъ. Я близко разглядѣлъ его на вечерѣ у губернскаго предводителя, и вообще онъ ищетъ познакомиться съ цѣлымъ городомъ. Въ нашей цивилизованной жизни онъ чистый младенецъ: жаждетъ все видѣть и слышать и обладаетъ тактомъ, не выказывая въ себѣ дикаря и варвара; дѣти и молодыя дѣвицы безъ страха къ нему приближаются, рѣзвятся предъ нимъ и танцуютъ.... Живемъ мы теперь во время переходное: кругомъ реформы и кризисы, и наступающій годъ начнетъ обнаруживать. Въ полной неизвѣстности ничего предпринять нельзя; лишь бы привелъ Богъ какъ нибудь провести это мудреное время, которое особенно выказывается на все дороговизной: кто бы кого ни посѣтилъ, всегда будетъ дорогимъ гостемъ».

2-*го Апрѣля 1860 года*: «Тотъ путь, который вамъ издали кажется прямымъ, кратчайшимъ и вѣрнымъ, на самомъ дѣлѣ требуетъ большой силы или большаго счастія, чтобы не задержали въ каждомъ изъ $3\frac{1}{2}$ министерствъ, особенно если что нибудь вѣское идетъ противъ теченія. Не предполагая тутъ никого оскорбленнымъ, все же, какъ бы дѣло ни было прекрасно и благородно, порядокъ требуетъ обратиться въ готовые естественные каналы, откуда оно выйдетъ, какъ и все прочее, въ видѣ пота и крови, а цѣлый организмъ и не примѣтили. Много въ наше время науки, ума, наблюдательности; но за неимѣніемъ для нихъ новаго практическаго склада, необходимо остается въ употребленіи старая жизнь, пусть ветхая и узкая, но все же незамѣнимая и потому охраняемая. Мы чувствуемъ, что вообще произошелъ склонъ къ добру, но это еще не значитъ однако, что те-

перь же и созрѣли плоды, возсіялъ свѣтъ и разлилось счастіе; думаемъ, что крестъ еще слишкомъ длиненъ и много, ежели обойденъ одинъ его конецъ. Не удивляйтесь поэтому, ежели Алтай въ прежнемъ положеніи; глубоки его корни»....

6 Декабря 1861 года: «Ни на какое большое дѣло указать нѣтъ возможности, а время все занято на какой-то барщинѣ, и въ остаткѣ его нѣтъ ничего, ото дня на день; при томъ, по скверной людской привычкѣ, старость громоздится на плечи и давитъ все болѣе и болѣе.... Примѣтно, что Государь не любитъ розысковъ и взгляда на вещи со стороны темной. Ему угодно вести начатыя реформы съ терпѣніемъ, постепенно и послѣдовательно, идя отъ принятыхъ общихъ началъ, Ему одному извѣстныхъ. Каждая почта приноситъ нѣчто новое со всѣхъ сторонъ; между тѣмъ снизу вездѣ большая нетерпѣливость, и сами дѣятели, привыкнувъ къ старому ходу вещей, нерѣдко представляютъ препятствія, а одолѣвать ихъ могутъ новыя привычки, по новымъ понятіямъ. Проектовъ, описаній и требованій несчетное число; разсматривать ихъ некому и некогда. Разныя вѣдомства, идя долгое время, каждое по своему направленію, не пришли еще въ общую гармонію; между тѣмъ состояніе финансовъ не позволяетъ дѣйствовать во всемъ энергически. Обстоятельства такъ быстро измѣняются, что виды и свѣдѣнія чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ самую рѣчь о нихъ старѣютъ. Люди на мѣстахъ непрестанно перемѣняются, и выборъ ихъ зависитъ отъ степени образованія и возраста. Еслибы студенты университетовъ не переступали естественныхъ предѣловъ, по крайней мѣрѣ обновленіе шло бы яснѣе. Вопли на чиновниковъ, вопли чиновниковъ все представляетъ бывшее отжившимъ; а не являются доселѣ умы, которые бы главныя части устроили творчески.... Между тѣмъ міръ какъ-то свѣтлѣетъ и свѣтлѣетъ; въ тьмѣ скрываться уже нельзя; настоитъ страшный судъ, а за нимъ должна быть заря царствія Божія, которую люди ни ускорить, ни замедлить не могутъ, какія бы ни приносили жертвы и какимъ бы ни подвергались страданіямъ. Не вдругъ уступитъ матерія съ разумомъ, горячо къ ней прильнувшимъ. Вы молоды: чего нибудь дождетесь...»

Г. С. Батенковъ скончался въ Октябрѣ 1863 года на 71-мъ году, отъ воспаленія легкихъ, въ Калугѣ; свой домъ и свое состояніе онъ завѣщалъ вышеупомянутой О. П. Лучшевой и брату моему Николаю, приказавъ похоронить себя въ селѣ Петрищевѣ, рядомъ съ другомъ своимъ, Алексѣемъ Андреевичемъ Елагинымъ, что̀ и было исполнено.

Ал. Лучшевъ.

(*Изъ 25-го № «Сибирскаго Вѣстника» 1886*).

ПИСЬМА ВУКОЛА МИХАЙЛОВИЧА УНДОЛЬСКАГО КЪ А. Н. ПОПОВУ *).

Изъ Москвы въ Петербургъ.

Біографіи В. М. Ундольскаго, славнаго археолога и собирателя рукописей, до сихъ поръ не имѣется. Изъ его некрологовъ знаемъ только, что онъ скончался въ Москвѣ 1 Ноября 1864, въ одиночествѣ и почти въ убожествѣ, не свыше 50 лѣтъ отъ роду. П. Б.

1.

Милостивый государь Александръ Николаевичъ!

Посылаю вамъ «Сказаніе о иконѣ Спасовой», о которомъ говорилъ я въ прошлый разъ. Другое объясненіе подписи на вѣнцѣ Спасителя буду имѣть честь доставить въ непродолжительномъ времени.

Описаніе самое подробное двухъ рукописныхъ сборниковъ «Словъ и Главизнъ Максима Грека» нашелъ я въ своихъ библіографическихъ портфеляхъ. Одинъ изъ нихъ хранится въ Сергіевой Лаврѣ, другой въ библіотекѣ М. Д. Академіи. Если они нужны будутъ для какихъ либо соображеній, то можете получить отъ меня, когда угодно. Судя по заглавіямъ, мнѣ не пришлось встрѣтить слова о *Софіи* въ числѣ поименованныхъ въ описаніи.

Библіографическая наша неудача до того меня озадачила, что я не знаю, что̀ и предпринять. Но какъ лучше мало, чѣмъ ничего, то я покорнѣйше просилъ бы васъ взять у Еллинофила-библіомана**) хотя краткую опись рукописей на листахъ огромнаго формата, которую онъ предлагалъ вамъ, какъ чисто переписанную. Только къ этому не худо бы попросить и алфавитный указатель, составленный мною и дополненный Клевановымъ, или хоть въ томъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ моихъ рукъ.

---

*) Объ А. Н. Поповѣ см. въ Р. Архивѣ сего года, выпускъ 3-й.

**) Сказано въ насмѣшку: князь М. А. Оболенскій (начальникъ М. Гл. Архива Коллегіи Ин. Дѣлъ), о которомъ идетъ рѣчь и у котораго работалъ Ундольскій, вовсе не зналъ по-гречески. Поповъ тогда уже принадлежалъ отчасти къ числу сильныхъ міра сего, передъ которыми весьма услужливъ былъ князь Оболенскій, весьма суровый съ своими подчиненными. П. Б.

Къ этому еще просьба: послѣ моего отбытія, въ Архивъ пріобрѣтена изъ Новоспасскаго монастыря Минея мѣсяцъ *Ноябрь*. Нельзя ли и ее попросить, или хоть подробнаго ея описанія для составляемаго мною *Агiологiона*?

А я, въ свою очередь, не останусь у васъ въ книжномъ долгу: похлопочу объ описаніи Кіево-Софійскаго собора, о IV-й ч. Ист. Росс. Іерархіи, о Запискахъ Туманскаго и о другихъ книгахъ, какія вамъ понадобятся. Если подойдетъ статья, возьмите и *Малалу*; вѣрно противъ этого онъ не заупрямится. Но главное о *каталогѣ* съ указателемъ.

Вы по своимъ дѣламъ конечно не разъ заѣдете въ Коллегію; будьте милостивы и жалостливы, не оставьте втунѣ моей усерднѣйшей просьбы, за то и Богъ васъ не оставитъ.

Душевно преданный вамъ Антикварій.

Сентября 4-го дня
1851 года.

2.

Вашъ знакомый библіоманъ - антикварій препровождаетъ вамъ другой экз. Отвѣта Болтина, съ покорнѣйшею просьбою возвратить тотъ экземпляръ, который вы отъ него получили, если онъ вамъ не нуженъ. Второпяхъ онъ доставилъ вамъ тисненіе первое, а у себя оставилъ два экз. втораго. Есть ли у васъ Списокъ Русскимъ памятникамъ Кеппена? Извѣстите его равно и объ Исторіи Росс. Іерархіи. Буде 2-й ч. нѣтъ въ продажѣ, то погодите покупать остальныя; а впрочемъ какъ разсудите.

Не позабудьте написать И. Д. [1]) о томъ, какіе нумера Разрядныхъ Книгъ причисляетъ онъ къ первой и какіе относитъ ко второй семьѣ и по этому отзыву сдѣлать распоряженіе о передачѣ второй семьи мнѣ. Еслибъ мнѣ удалось покончить это дѣло скорѣе его, то я удобно могу продолжать на чемъ онъ остановился. Думаю, по одному вашему письму, безъ особаго предписанія графа Д. Ник. [2]), онъ сдѣлаетъ это, если только въ одно и тоже время напишете ему и мнѣ съ моимъ командиромъ. Впрочемъ вамъ сверху виднѣе.

Ради Бога, когда удосужитесь, достаньте мнѣ каталоги: 1) Дублетовъ, 2) Опытъ недавно разосланный, 3) каталоги Толстовскіе, 4) Муральтовскій Греческихъ рукописей. Вѣрно во всемъ этомъ не

---

[1]) Бѣляеву. П. Б.
[2]) Блудова. П. Б.

откажетъ и мнѣ г. Бычковъ, не только вамъ. Каталогъ 2-го отд. Е. И. В. Канцеляріи. Описаніе Новгородскаго монастыря, составленное діакономъ и напечатанное въ вашей типографіи. Алфавитъ къ Полному Собранію Законовъ новый [3]) и, если можно, два прежніе. Вѣрую, яко вамъ невозможно есть ничесоже; а вѣрующему вся возможна.

У г. Сахарова попросите каталоговъ: 1) Волоколамскаго, 2) Ново-Іерусалимскаго, 3) Саввинскаго и 4) Боровскаго монастырей, составл. г. Строевымъ. Въ Рум. Музеѣ уцѣлѣлъ только послѣдній. У него же есть 2-е изд. Розенкампфова Обозрѣнія Кормчей Книги. Не продастъ ли онъ на деньги? Въ такомъ случаѣ предложите до 30 р. сер. или на Румянцовскія изданія. Я знаю, что у него нѣтъ Собр. Госуд. Грамотъ; а ему хотѣлось имѣть ихъ. Съ нимъ безъ церемоніи можно торговаться: во времена Костюринскія онъ велъ обширную книжную торговлю; не оставляетъ ея и теперь.

Октября 9 дня
1851 Мартовскаго года.

3.

23 Октября 1851.

Новостей у насъ кромѣ грязи самой классической рѣшительно почти никакихъ нѣтъ, развѣ кромѣ еще пріобрѣтеній въ моемъ собраніи. Въ послѣднее время, можно сказать безъ гиперболы, что оно растетъ не по днямъ, а по часамъ. О печатномъ и поминать не стоитъ. Теперь хлопочу объ рукописяхъ. Одинъ Лѣтописчикъ, Стоглавецъ, три Сборничка и нѣсколько Житейничковъ распалили мою книжную страсть до-нельзя. Не знаю, придется ли владѣть этими рѣдкостями; а куда какъ хотѣлось бы. Но дѣло за небольшимъ, за деньгами. Нужно припасти больше сотни серебромъ. Въ руки попались Іудейскія: дешево не возьмешь.

Помози Боже вамъ въ вашихъ разнообразныхъ занятіяхъ. Въ прошлое Воскресенье былъ я у г. С—ва *); но какъ онъ самъ о своемъ указателѣ ничего не заговаривалъ, то и я не счелъ нужнымъ напоминать ему объ этомъ. Пожалуй еще подумаетъ, что за нимъ ухаживаютъ... Если увидѣтесь съ И. П. Сахаровымъ, нельзя ли ему напомнить о высылкѣ въ Общество своихъ изданій? Въ особенности нужны его *Сказанія II томъ* и 1-й выпускъ Библіографіи. Правда ли,

---

[3]) Для меня, П. Ив—ча и Архива; значитъ 3 экземпляра, если можно.

*) Строева. П. Б.

что Академія Наукъ печатаетъ свой каталогъ, и скоро ли выйдетъ онъ? Нельзя ли достать въ ней Index codd. M. SS. Graecorum Synodalium Маттея съ длиннымъ и весьма любопытнымъ предисловіемъ? Вѣрно, въ академическихъ кладовыхъ лежитъ его немалое количество. При случаѣ не забудете напомянуть г. Бычкову о каталогахъ дублетовъ Имп. Публичн. Б—ки и сочиненіяхъ по Русской Исторіи *). Много по Славянской отрасли можно ожидать отъ О. М. Бодянскаго: онъ давно уже трудится надъ пополненіемъ присланнаго къ нему реестра. Все это прошу не на срокъ, а при свободномъ времени, котораго теперь у васъ вѣроятно очень мало. Паки и паки молю и прошу о 2 изд. *Обозр. Кормчей.* За эти хлопоты и самъ не останусь въ долгу: постараюсь пріискать для васъ *второе* (Кіевское) *изд. 1-й ч. Ист. Росс. Іерархіи*; не правда ли, что эта книга стоитъ хлопотъ, и вамъ же теперь кстати? Списокъ епархіальныхъ архіереевъ значительно въ немъ переработанъ и доведенъ до 1827 г.; значитъ 20 лѣтъ лишку противъ 1-го изд. Какъ оно рѣдко, сами конечно знаете. Значитъ, теперь у васъ изо всѣхъ трудовъ покойнаго митр. Евгенія не будетъ доставать только Исторіи монастырей, изд. въ *Дерптѣ,* о чемъ уже я самъ буду просить васъ въ свою очередь. Вѣрно есть кто либо изъ вашихъ знакомыхъ въ Дерптѣ?

4.

14 Ноября 1851 г.

Пріятный подарокъ вашъ, Оглавленіе Полнаго Собранія Законовъ, давно получилъ и доселѣ еще не поблагодарилъ васъ, хотя имѣлъ порученіе и отъ своего командира *) объ этомъ. Дѣло въ томъ, что не хотѣлъ посылать благодарность на однихъ словахъ; теперь по возможности выполняю ее самымъ дѣломъ, препровождая къ вамъ «Очерки Россіи» Пассека. Не знаю, угожу ли этой посылкой, ибо всѣ извѣстные у любителей и въ продажѣ экземпляры, подобно вашему и моему, безъ рисунковъ. Буде же они вамъ очень нужны (чего не предполагаю, поелику они очень незначительны и по содержанію, и по выполненію), то извѣстите меня: буду искать ихъ отдѣльно. О книгахъ Снегиревскихъ доселѣ не получаю отвѣта: надо подождать; иначе придется дорого поплатиться, а этого мы не любимъ.

---

*) Опис. *Старопеч.* кн. *Толстовскихъ* очень нужно и мнѣ, и тому знакомому, который уступилъ вамъ Іерархію. Постарайтесь, пожалуйста.

*) Петра Ивановича Иванова, который завѣдывалъ архивомъ министерства юстиціи. В. М. Ундольскій служилъ въ этомъ архивѣ. П. Б.

Каково идутъ ваши работы? А я около мѣсяца, выписавъ изъ Лавры переплетчика, подбираю и расклеиваю по мѣстамъ разные клочки давно собранныхъ матеріаловъ для исторіи Русскаго просвѣщенія. Не знаю, придется ли что либо сдѣлать изъ нихъ органическое цѣлое; по крайней мѣрѣ теперь, подобравши и переплетши, больше имѣю надежды сохранить ихъ для кого либо изъ преемниковъ этого дѣла. Да и при посѣщеніи разныхъ книгохранилищъ удобнѣе ими пользоваться и размѣщать по принятому плану. Работа длинная, если хотите, мелочная, но необходимая и полезная даже въ настоящемъ видѣ. Вашего содѣйствія прошу покорнѣйше въ этомъ трудѣ, для коего нужны историческія свѣдѣнія о жизни и ученыхъ трудахъ сначала вашихъ, а потомъ вашихъ знакомыхъ, которыхъ, сколько мнѣ извѣстно, имѣете огромное количество. Къ тому же конечно не откажитесь мнѣ помочь и въ объясненіи новѣйшихъ анонимовъ и псевдонимовъ по своей части. Иностранцы давно имѣютъ у себя множество волюмовъ, у насъ это дѣло еще не начато. Кстати (если сами не знаете) вопросите вашихъ библіогностовъ, откуда перепечатанъ библіографическій каталогъ Русскихъ писательницъ Руссова, котораго я не имѣю? Кажется, изъ Славянина Воейкова. Вѣрно гг. Бычковъ и Сахаровъ имѣютъ его, а если можно, такъ и купить его не мѣшало бы. Доставленіе простыхъ послужныхъ списковъ писателей, по примѣру Евгенія и Греча, было крайне бы для меня полезно; если о другихъ откажитесь, то вѣрно въ своемъ и своихъ ближайшихъ знакомыхъ не откажете. Преждевременная огласка чрезъ журналы и газеты, думаю, не поведетъ ни къ чему; при томъ же я и не люблю заранѣе благовѣствовать о чемъ бы то ни было во всеуслышаніе...

Недавно Погодинъ пріобрѣлъ много печатныхъ книгъ отъ вашего Кіевскаго коммиссіонера Литова по самымъ сходнымъ цѣнамъ. Нѣкоторыя книги можно было бы купить по двойной цѣнѣ. Между ними Почаевская Библія 1798 г., считаемая величайшей рѣдкостію, пошла всего за 30 р. сер. У Костюрина она была, но въ Публичную Библіотеку, сколько извѣстно, не попала. До свиданія, отецъ и благодѣтель.

5.

7 Января 1852 г.

Моя библіотека ростетъ богатырски, не по днямъ, а по часамъ; а съ тѣмъ вмѣстѣ и кошелекъ мой пустѣетъ въ той же пропорціи. Стоглавъ, Судебникъ, Лѣтописецъ, сборничекъ, Палею, годъ Прологовъ и множество церковныхъ книгъ, о которыхъ писалъ я къ вамъ, наконецъ пріобрѣлъ. Это было передъ праздниками, и на праздникахъ не

безъ покупокъ: Реймское Евангеліе, нѣсколько сочиненій Мацѣе́вскаго, Р. Библія и т. д.

Нѣкоторыя изъ рукописей годятся для изданія, какъ напр. одно путешествіе неизв. покуда автора въ Іерусалимъ, путешествіе *Аѳанасія Тверитина* въ Индію экз. *полный,* тогда какъ оно издано по списку неполному; путевыя записки іеромонаха Новгородка Сѣверскаго Спаскаго монаст. *Макарія* и *Сильвестра* въ Іерусалимъ въ 1704 г., доселѣ неизвѣстное. Нѣсколько новыхъ данныхъ для исторіи нашей литературы, какъ напр. сочинитель *Сына Церковнаго,* творенія неоднократно напечатаннаго. Время жизни *Антонія Подольскаго* тоже опредѣляется однимъ изъ моихъ сборниковъ и т. д. Одинъ изъ лѣтописцевъ Никоновскій, другой Софійскій Временникъ, третій особаго состава, собиратель коего пользовался Московскимъ полнымъ лѣтописцемъ (доселѣ неизданный), четвертый краткій тоже неизданъ и еще порядочно мною не разсмотрѣнъ. Но всего этого едва ли не важнѣе официальное описаніе Казанскаго взятія, *чрезвычайно любопытное* и тоже *доселѣ неизвѣстное* (пользуюсь словами моего бывшаго патрона-архіолуха).

Думаю, нѣкоторыя изъ этихъ книгъ и статей могутъ пригодиться для изданія Записокъ Археологическаго Общества. Жду съ нетерпѣніемъ вашего извѣстія о положеніи этого дѣла, для котораго готовъ жертвовать всѣми моими матеріалами и изслѣдованіями. Только опять одно условіе: *Макарьевскія Минеи.* Теперь истребовать ихъ вамъ ничего не стоитъ, своею собственно силою и властію. Тогда и доведенными до половины изданіями, какъ напр. *Константиномъ еп. Болгарскимъ,* готовъ служить вамъ. Мало того: вся *палеографія* и даже *библіографія* къ вашимъ услугамъ. Всему, кажется, можно дать мѣсто и все устроить. Извлеченія изъ моего Синодальнага каталога можно помѣстить всѣ въ вашихъ Запискахъ, а ихъ много и есть любопытнѣйшія, покрайней мѣрѣ на мой вкусъ. Для этого желалъ бы я имѣть: 1) Записокъ Археологическаго Общества 1 т., 2) Сказаній С—ва 2-й т., 3) Дополненіе къ Словарю достоп. людей Бантыша-Каменскаго изд. у васъ въ С.-Петербургѣ въ трехъ томахъ in 8° (если только они стѣятъ у васъ не болѣе 2 р. сер.). Знаю, какъ много у васъ дѣлъ, поэтому и не смѣю безпокоить этими мелочами. Тутъ дѣло не къ спѣху. Вотъ еслибъ самому пришлось побывать у васъ на Щукиномъ, можно бы поживиться даже и не съ большими деньгами. Охота есть, да и привычка тоже; значитъ, можно было бы сдѣлать въ день столько, чего нельзя успѣть въ полгода. Но Богъ одинъ знаетъ, когда я буду въ состояніи двинуться съ своего пепелища. Мой командиръ тоже собирается къ вамъ, значитъ и это будетъ мнѣ помѣхою: въ одно время обоимъ отправиться будетъ невозможно. Такъ или иначе, но безъ ва-

шего содѣйствія мнѣ объ этомъ и думать нельзя. На всякое хотѣнье должно быть терпѣнье.

При содѣйствіи моего прежняго патрона и сотрудника Бодянскаго занимаюсь Грѣшнымъ Георгіемъ такъ себѣ. Не знаю, что изъ этого выдетъ; а должно же выдти что нибудь порядочное, судя по началу. До Малалы еще доселѣ не доѣхалъ. Госпожа invidia дѣйствуетъ всюду, а въ другѣ моемъ преобладаетъ всѣми силами. Вѣчное обѣщаніе, и никогда нѣтъ ни отказа, ни исполненія. Ужъ если я для него не я, такъ не знаю, кѣмъ и чѣмъ можетъ онъ замѣнить меня въ книжномъ отношеніи. Богъ Судья ему и всѣмъ тѣмъ, кто нездоровъ чужимъ здоровьемъ. Вѣрно скоро увидитесь вы съ самимъ открывателемъ Малалы; онъ ѣдетъ (если уже не уѣхалъ) въ Питеръ. Значитъ, по милости друзей, этому дѣлу не видно конца. Такъ идутъ наши изслѣдованія. А все-таки пускать пуфы нѣтъ охоты. Лучше посидимъ у моря, подождемъ погоды, только не съ Дѣвичьяго поля: съ этой стороны нечего ждать добраго.

P. S. О ходѣ работъ въ отношеніи Разрядовъ буду писать къ вамъ немедленно по полученіи отъ васъ первыхъ коректурныхъ листовъ. Встрѣтились нѣкоторыя разногласія; надо ихъ объяснить и требовать вашего разрѣшенія. Кстати, отецъ мой, нельзя ли получить мнѣ обратно отъ графа Д. Н. *Грамоту о избраніи* на престолъ Ц. *Михаила Ѳедоровича*? Черновой ли это проектъ, или современная копія, во всякомъ случаѣ въ моемъ собраніи она будетъ одною изъ первыхъ библіографическихъ рѣдкостей. А у нихъ она конечно ни къ чему не послужитъ. Это было бы лучшимъ награжденіемъ составителю проекта избраннаго Русскаго книгохранилища.

6.

15 Февраля 1852 г. Мартовскаго и Январскаго года.

Вчерашняго дня пріобрѣлъ Шестодневецъ, принадлежавшій *Аврамію Палицыну*, приложенный имъ въ Хотьковскій монастырь, на которомъ есть нѣсколько его собственноручныхъ замѣтокъ, въ мѣсяцесловѣ. И опять, подобно Лѣтописцу, пришлось предвосхитить эту рѣдкость у своего бывшаго патрона и благодѣтеля. Одна чиновная персона сторговала его для сего принца, и вели это дѣло черезъ чуръ тонко, отчего и сорвалось, да и перешло къ нашимъ рукамъ.

7.

22-го Февраля 1852.

Объ ошибкѣ хронологической, если она случилась, не спорю. Правило хронологическое не мое, а общее, вмѣстѣ и ваше: вычитать

девять съ Сентября по 1-е Января, а съ онаго по 1-е Сентября восемь. Оно неизмѣнно есть и должно быть, и притомъ всегда было употребляемо вами въ прочихъ изданіяхъ. Значитъ, отступать нѣтъ надобности. Въ томъ случаѣ, когда послѣ Генварскихъ въ книгѣ опять будутъ слѣдовать счеты съ Сентябрскими мѣсяцами, распорядитесь, какъ будетъ вамъ угодно. Дѣло идетъ скоро и, дай Богъ, мы не задерживали покуда, и если будемъ здоровы, медлить не станемъ. Теперь 25-ть формъ, значитъ до девяти листовъ набрано. Не могу снова не пожалѣть, что въ тетрованьи цифры остались прежнія.

8.

25-го Февраля 1852 г.

Хочу сказать нѣсколько словъ объ указателѣ къ Разрядамъ. Петръ Ивановичъ настаиваетъ, чтобъ географическій отдѣленъ былъ отъ указателя именъ, подобно Ключу Строевскому; а я съ своей стороны не вижу въ этомъ дробленіи никакой надобности. Разъ, не нужно это потому, что при справкахъ вамъ слѣдуетъ помнить одну букву, а раздробивши, необходимо представлять вмѣстѣ и то: имя ли это собственное, или географическое названіе. Въ справкахъ, особенно скорыхъ, это довольно неудобно, какъ вѣроятно и самимъ приходилось испытывать. При томъ же, не раздробляя, можно помѣстить нѣкоторые болѣе замѣчательные предметы; а раздѣливъ, этотъ послѣдній указатель будетъ очень непропорціоналенъ съ двумя предыдущими. Да и раздѣленіе указателя географическаго отъ указателя именъ собственныхъ для Дворцовыхъ Разрядовъ, на что̀ Петръ Ивановичъ указываетъ, едва ли не сдѣлано съ одною цѣлію раздѣленія труда, а не самаго изданія. Впрочемъ это, какъ сами знаете, не измѣнитъ хода дѣла; при окончательной перепискѣ и общій можно раздѣлить на трое и тройной соединить въ одно. Опять и это ваше дѣло: разсудите и извѣстите, а мы исполнимъ.

9.

12-го Марта 1852 г.

Не только пріятель мой съ милліонами, но и мы съ грошами мѣдными успѣваемъ пріобрѣтать кое-что замѣчательное. Вы имѣли Ѳ. Прокоповича Misselanea Sacra; а я на дняхъ добылъ его Epistolae, издано въ Москвѣ кѣмъ-то въ 1776 г. in 8°. Содержаніе ихъ очень занимательно. Жаль, что мало изъ его переписки сохранилось и издано.

10.

17-го Апрѣля 1852 г.

Дѣло о второмъ изданіи Дѣяній Петра Перваго, наконецъ, рѣшено. Всѣ полные экземпляры и дефекты у г-на Глазунова куплены однимъ здѣшнимъ букинистомъ по фамиліи Чихиринымъ. Я предлагалъ ему 4 и даже 4½ рубл. сер., но онъ покуда еще проситъ 6 рубл. сер. По собраннымъ свѣдѣніямъ большая часть изданій Кс. Полеваго у васъ въ С.-Петербургѣ; значитъ, и Голиковъ тамъ же. Теперь отъ васъ зависитъ рѣшить: взять ли мнѣ ихъ здѣсь, или вы поищете у себя въ С.-Петербургѣ; а экземпляры чистые, даже неразрѣзанные.

На дняхъ купилъ множество Славянскихъ печатныхъ книгъ. Въ особенности замѣчательно напрестольное Евангеліе Кіевское 1733 г., экземпляръ чистый, въ современномъ великолѣпномъ переплетѣ. За то и пришлось поплатиться 25 рубл. сер.!!! Славное будетъ дѣло: безъ денегъ остаться за штатомъ. Какъ идутъ дѣла ваши по Археологическому Обществу и по изданію Дворцовыхъ Разрядовъ? Съ мѣсяцъ тому назадъ другъ мой взялъ отъ меня первую книгу и копію неоф. Разр., теперь пристаетъ возвратить ему оригиналъ и копію 2-й серіи. Еще въ Ноябрѣ, сколько припомню, писалъ я къ вамъ: угодно ли раздѣлить нашъ трудъ подведенія варіантовъ и кому которую взять серію? Отвѣта не было. Я вовсе не противлюсь тому, чтобы другу моему предоставить обѣ серіи вполнѣ; для меня довольно и оффиціальныхъ Разрядовъ, только бы далъ Богъ хорошенько съ ними управиться. Но я не знаю, ваше ли это распоряженіе, или благородное желаніе друга моего подобрать все въ свои руки. Только, не кончивши 1-й, сами знаете, нельзя браться за 2-ю серію; значитъ, этимъ нисколько не ускорится дѣло. Притомъ по оффиціальному распредѣленію мнѣ поручено вмѣстѣ съ другомъ заниматься неоффиціальными, а Петру Ивановичу оффиціальными Разрядами. Имѣя въ виду это, я опасаюсь, чтобы возвращеніе обѣихъ серій не сочтено было за своевольное уклоненіе отъ этой работы. Зная меня и мое направленіе, надѣюсь, вы не предположите въ моемъ объясненіи никакой задней мысли. Мои обстоятельства вамъ извѣстны, слѣдовательно и мои опасенія не неумѣстны; по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется.

11.

Москва, 13-го Мая 1852 г.

Наконецъ, только теперь могу исполнить обѣщаніе: препроводить къ вамъ Дѣянія Петра Перваго Голикова. Насилу сладилъ съ этимъ, повидимому, самымъ пустымъ дѣломъ. Экземпляръ вашъ будетъ са-

мый рѣдкостный, поелику выбранъ изъ трехъ лучшій; въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго поврежденія. Привыкшему во всемъ къ аккуратности и имѣющему избраннѣйшую библіотеку непріятно было бы пользоваться запачканнымъ экземпляромъ сего многотомнаго изданія.

На дняхъ пріобрѣлъ я *Палею* въ сп. XV вѣка, рукопись замѣчательную сколько по своему составу и древности, столько же и по тому, что на нѣкоторыхъ страницахъ буквы алфавита Кирилловскаго перемѣшаны съ *Глаголическими*. То-то порадовался бы Григоровичъ, еслибъ на эту пору былъ въ Москвѣ.

12.

8-го Августа 1852 г.

Вчера, 7-го Августа, вашъ Ѳома невѣрный имѣлъ удовольствіе узнать, что еще 7-го Іюля наши архивные штаты утверждены Государемъ Императоромъ въ Петергофѣ и теперь уже препровождены къ оберъ-прокурору для приведенія въ исполненіе. За успокоеніе насъ и за своевременное обѣщаніе доставить намъ надлежащія свѣдѣнія, мы съ другомъ покорнѣйше просили бы васъ войти въ наше настоящее положеніе. Конечно наши штаты неблистательны, но все таки, не имѣя въ виду ничего лучшаго, не хотѣлось бы за реформою остаться безъ мѣста; да и низшее по рангу и жалованью принять не захочется. Два мѣста: 1) правителя канцеляріи директора и 2) архиваріуса, могутъ мнѣ пригодиться, о чемъ и челомъ бью, какъ вамъ, такъ и Ив. Дав. Делянову. Въ Воскресенье, 3-го Августа, переѣхалъ я на новую квартиру, за Чугунный мостъ, противъ Таможни, на *Пятницкой, въ д. Давыдова*. О горе отъ книгъ и реформаціи штатовъ! Не знаю, когда разберусь и успокоюсь душевно и тѣлесно.

13.

3-го Октября 1852 г.

Теперь занимаюсь предисловіемъ къ 1-му тому; по окончаніи доставимъ вамъ на исправленіе и аппробацію. Касательно же подробнаго описанія кодексовъ я готовъ взять слово свое назадъ, т.-е. какъ можно короче ихъ описывать. Дѣло вотъ въ чемъ: всѣ они писаны на одинаковой бумагѣ, съ пробѣлами, въ четвертку и даже по четырнадцати строкъ на страницѣ каждой книги. Поэтому описать ихъ такъ, какъ изобразилъ К. Ѳ. Калайдовичъ кодексы своего Эксарха, нѣтъ возможности, по однообразію и новости ихъ; да и не будетъ, кажется, въ этомъ никакого интереса, даже и библіографическаго.

Впрочемъ, если прикажете, готовъ стать на библіографическія ходули и пройти по всѣмъ рукописямъ; только заранѣе вижу, что этотъ маршъ будетъ очень, очень тавтологиченъ. Кромѣ счета листовъ и развѣ бóльшей и меньшей сохранности нечѣмъ его варіировать. Эту работу постараюсь окончить въ Октябрѣ, или никакъ не далѣе Ноября.

Много связываетъ руки и голову настоящее положеніе нашихъ дѣлъ; да и алфавитъ боярскимъ книгамъ идетъ бойко.

14.

29 Октября 1852 года.

П. И. Ивановъ вызванъ самъ, и я уже докладывалъ ему; значитъ, вамъ слѣдуетъ только немножко поддержать, чтобъ онъ не отказался отъ своего обѣщанія сдѣлать меня *архиваріусомъ* по Разрядному Архиву и дать мнѣ въ помощники г. Петрова *), эксперта этого дѣла. Это нужно сколько для меня, столько же и для васъ, если только мои усердные труды угодны вамъ, отъ чего и впредъ я не отказываюсь. Дѣло въ томъ, что мѣсто архиваріуса выше классомъ правителя дѣлъ, жалованьемъ больше 50 р. сер., а главное менѣе будетъ канцелярскихъ работъ, а значитъ болѣе будетъ времени для вашихъ и другихъ ученыхъ занятій. Сдѣлайте ласку, отецъ и благодѣтель. П. И—чъ не прочь отъ этого самъ, по крайней мѣрѣ какъ говорилъ мнѣ на прощаніи. А что все это такъ, то и другъ мой обѣщался самъ писать вамъ объ этомъ же, жалѣя меня. Вообразите, при новой дирекціи всѣ прошенія по всѣмъ архивамъ должны будутъ поступать въ канцелярію и всѣ справки выдаваться изъ канцеляріи же; кромѣ того вся сотня чиновъ должна вѣдаться въ той же канцеляріи. Значитъ, правителю дѣлъ однѣхъ срочныхъ вѣдомостей объ опредѣленіи и увольненіи чиновъ, выдачѣ жалованья и т. д. не передѣлать съ утра до вечера. Прошу васъ и молю во имя вашихъ Цетинскихъ книгъ и всей древней Славяно-Русской библіографіи не отказаться пособить моему горю; а я весь къ вашимъ услугамъ.

Мой командиръ, желая не съ пустыми руками представиться къ обязательнѣйшему графу Д. Н. Блудову, вынудилъ меня въ самое короткое время кое-что набросать для предисловія къ Разрядамъ; имѣйте въ виду это. А по времени надѣюсь не далѣе какъ къ Новому году представить на усмотрѣніе ваше что-нибудь пооснователънѣе. Въ послѣднія недѣли что-то плохо дѣйствовала ваша типографія: не худо бы ее припугнуть маленько, если можно, хотя торопиться и некуда.

*) Это непремѣнное условіе. Conditio sine qua non.

15.

23 Декабря 1852 года.

Невыносимо жаль, что доселѣ рѣшительно не имѣю возможности сдержать даннаго слова объ *Обличеніи съ ручкою* и Софіи. Первое не ушло изъ виду, а послѣднее почти рѣшительно отказываюсь доставить вамъ. Владѣлецъ ея сперва, какъ докладывалъ я вамъ, просилъ огромную сумму, а теперь говоритъ, что не продамъ ни за какія деньги. Не постигаю, чтò за цѣль въ этомъ. Въ замѣнъ этого имѣю удовольствіе представить вамъ начатый мною синодальный каталогъ въ корректурныхъ, впрочемъ довольно исправныхъ, листахъ. Изъ нумеровъ первые мои, въ натурѣ не существующіе, а поставленные въ скобкахъ -- синодальные, доселѣ въ дѣйствительномъ употребленіи находящіеся. Просмотрѣвъ начало этого труда, сами рѣшите: стоило ли ему являться въ публику въ такомъ видѣ, и скоро ли дождемся мы лучшаго? Послѣ Макарьевской ярмарки удалось мнѣ пріобрѣсти до 50 замѣчательныхъ рукописей, и между ними *Сводную Кормчую*, озаглавленную у Розенкампфа въ VII приложеніи; экз., какъ надобно думать, подлинный, судя по разнымъ почеркамъ и пробѣламъ, а главное по современной подписи: «Книга правила митрополичьи казенныя». Отличный списокъ Просвѣтителя съ 12-мъ словомъ, Сводный Проскинитарій и т. д.

16.

25 Декабря 1852 года.

Вчера получено росписаніе, въ которомъ, согласно моему желанію, назначенъ я архиваріусомъ, о чемъ кромѣ васъ никого и не просилъ я. Значитъ, никому и не обязанъ въ этомъ случаѣ кромѣ васъ, какъ извѣщалъ меня и самъ нашъ г. директоръ. Эту послугу тѣмъ больше долженъ я цѣнить, что за одного изъ столоначальниковъ нашихъ было сильное ходатайство Танѣева, по которому и назначенъ онъ былъ прямо въ архиваріусы. Постараюсь доказать вамъ свою признательность самымъ дѣломъ при первомъ же случаѣ.

17.

5-го Мая 1853 г.

Посылаю обѣщанную книжку Epistolae Theophani Procopowicz; по мнѣ, она гораздо любопытнѣе чѣмъ Misselanea Sacra. Тутъ найдете, по какому поводу предприняты многіе изъ ученыхъ трудовъ его, какъ началась и продолжалась его борьба съ запретниками старины и т. д. Она такъ не велика, что сразу можно прочесть ее.

Кстати: имѣете ли вы ко 2-му изд. Карамзина Ключъ Строева—книгу очень рѣдкую; поелику, по словамъ автора, все изданіе разослано по гимназіямъ, уѣзднымъ и даже приходскимъ училищамъ? Теперь есть возможность пріобрѣсти его; просятъ 3 р., а можетъ уступятъ за 2 р. сер. На дняхъ получите списокъ толкованія Софіи изъ моего Измарагда; но самый образокъ, рѣзанный на деревѣ, едва ли скоро подойдетъ къ рукамъ. Очень жалѣю, что не взялъ его на Страстной, когда говѣлъ и имѣлъ съ ними негоціацію. Надежды не теряю, можетъ быть и слажу какъ-нибудь.

Слышно, сюда скоро будетъ меньшой графъ Уваровъ. Не худо бы съ нимъ покороче познакомиться; теперь для насъ онъ человѣкъ интересный во всѣхъ отношеніяхъ. Это будетъ позамѣчательнѣе Толстыхъ и Румянцовыхъ, если только не оставитъ своего намѣренія и вмѣсто древности не прямется за новости. Какъ описаніе его библіотеки? На С—ва, кажется, плохая надежда. Напомните ему о каталогахъ Строева и Крымскихъ Древностяхъ.

Не хотѣлъ было прежде времени сказывать о *своемъ* новѣйшемъ открытіи. На дняхъ послалъ мнѣ Богъ найти у себя посланія (бывшаго въ 1550 годахъ Троицкимъ игуменомъ) *Артемія* къ послѣдователямъ Лютера Полякамъ и Русскимъ, между прочими къ царю Іоанну Грозному, Симеону Будному, Вишневецкому и т. д. По ходатайству сего Артемія Максимъ Грекъ вызванъ былъ изъ заточенія и мирно скончался въ обители преподобнаго Сергія. Съ открытіемъ переписки Артемія (къ сожалѣнію неполной) это дѣло должно получить совсѣмъ другое значеніе. Объясненіемъ этого обстоятельства обязанъ я Архангелогородскимъ, затѣмъ Поморскимъ и Дьяконовымъ отвѣтамъ. NB. Сдѣланная выписка о образѣ Софіи Прем. (безъ рисунка), письма Петра митрополита, взята изъ Дьяконовыхъ или Нижегородскихъ отвѣтовъ, въ чемъ убѣдился я положительно, слѣд. и справляться по рукописи графа Уварова изъ колекціи Царскаго вамъ нечего. Отмѣтьте на ней для памяти; быть можетъ, она еще не скоро пойдетъ въ дѣло. Вотъ мои занятія и мои задушевныя радости.

P. S. Другъ лавируетъ касательно доставленія Малалы; но безъ этого ни за что не дамъ Болгарскихъ книгъ.

18.

4-го Іюня 1853 г.

Благодарю за снимокъ и посылаю слово о Софіи. Жаль, что списокъ хотя и древній, но попался Малороссійскій; если оно для васъ любопытно и правописаніемъ останетесь недовольны, возвратите,

и я возстановлю его по другому списку; а если нужно, такъ и съ варіантами. Не позабудьте, что оно уже издано въ книгѣ нынѣ рѣдкой—Златоустѣ старообрядческомъ.

Прошу и молю употребить усиліе къ пріобрѣтенію литографической книги, которую обѣщали вы для г. Кошелева. По вашей благосклонности мы почти порѣшили съ нимъ дѣло; такъ извѣщу въ свое время. Теперь всею мыслію и существомъ занятъ переплетаніемъ рукописей, вызвавъ изъ Лавры къ себѣ на домъ переплетчика.

Видно, придется, взявшись за рукописи, побывать и у васъ въ С.-Петербургѣ. Не оставьте своимъ снисхожденіемъ. Историковъ принимали къ себѣ; не откажите въ этомъ и библіоманамъ. Нельзя ли прислать хоть заглавія той Палеографіи, изд. Французскою коммисіею, о которой вы мнѣ говорили? Я навелъ бы справки объ ней по здѣшнимъ книгохранилищамъ.

NB. Если вамъ *икона* очень нужна, то можете получить мой списокъ безъ переплета и прочитать въ тетрадяхъ; иначе я переплету его. Коли нужна, напишите поскорѣе; мнѣ хочется въ эту экспедицію закончить ее, переплести въ кожу съ застежками.

Мой другъ недавно чуть не сгорѣлъ. Все вывозилъ и спасъ при помощи родственниковъ и добрыхъ людей.

19.

(1853).

Вы пишите, что я на васъ осердился; есть немного, но не за ваше замѣчаніе, а за то, что доставлено было открыто, и пакетъ распечатанный изъ канцеляріи директора препровожденъ былъ ко мнѣ уже на другой или на третій день. Теперь я уже засѣдаю не съ командиромъ, а съ другимъ профессоромъ у Никольской башни; почему для соблюденія времени не мѣшало бы приказать вамъ отправлять коректуру прямо на мое имя по приложенному адресу, тѣмъ болѣе, что и помѣщеніе и прислуга теперь у насъ особая, да и инспекторъ уже директоръ. Такимъ образомъ, въ случаѣ бытности моей въ канцеляріи, она преспокойно лежитъ у дежурнаго. Впрочемъ какъ вамъ будетъ угодно: не подумайте, что я хочу разъединиться въ этой работѣ съ командиромъ; этого и въ помышленіи у меня не было. И въ послѣднее время, онъ по полученіи инструкціи обѣщалъ представить меня къ награжденію изъ остаточныхъ суммъ канцеляріи по примѣру прежнихъ лѣтъ, что̀ (между нами сказано) очень бы не мѣшало, поелику отъ чрезмѣрнаго пріобрѣтенія рукописей мои финансы въ самомъ жалкомъ положеніи. Если будете писать къ нему, замолвите

словечко. Представленіе будетъ за 1852 годъ, а я былъ правителемъ дѣлъ по 15-е число Генваря текущаго года, значитъ имѣю на это всѣ права. Вѣдь представляли же прежде къ наградѣ изъ суммъ канцеляріи ассессоровъ Архива Старыхъ Дѣлъ, и никому это не было въ обиду.

Теперь объ нашихъ Разрядахъ. На всѣ ваши исправленія я заранѣе согласенъ. Самолюбія моего, какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ подобнаго рода дѣлахъ, никогда не бываетъ. Умъ хорошо, а два лучше, говоритъ Русская пословица. Что̀ же сказать о такомъ свѣтломъ умѣ, какимъ безспорно обладаете вы! Увѣряю въ одномъ: если вышла какая-либо ошибка, то не отъ нерадѣнія, а отъ недоразумѣнія. Лучше вовсе не дѣлать, чѣмъ дѣлать кое-какъ. Вотъ мое правило. Теперь, при отсутствіи безотвязнаго понукателя и такого множества мелочныхъ дѣлъ и канцелярскихъ занятій, можно предполагать, что эта работа пойдетъ успѣшно. Жаль только, что съ первыхъ чиселъ Февраля я очень *страдаю глазами*.

P. S. Вашъ Питеръ рѣшительно обобралъ нашу старуху-Москву всѣми древностями. Только что начали было утѣшаться въ потерѣ древлехранилища, какъ вашъ вельможа-меценатъ, истинно Русскій баринъ, исхитилъ изъ рукъ старообрядства рукописи Царскаго. Честь ему и хвала, стыдъ и срамъ глаголемому старообрядству! Въ числѣ этихъ рукописей по печатному каталогу подъ № 197 значатся каталоги Волоколамскаго, Саввина-Сторожевскаго, Воскресенскаго и Пафнутьева Боровскаго монастыря, сост. П. Строевымъ. Они по договору съ авторомъ должны поступить къ хозяину библіотеки Царскому тогда, когда его книгохранилище будетъ въ казнѣ, иначе до смерти автора будутъ у него. Но какъ теперь рукописи Царскаго перешли въ руки частныя, то и каталоги остались у Строева. Нельзя ли убѣдить графа обратиться къ Строеву о снятіи копіи съ этихъ каталоговъ (не упоминая обо мнѣ)? Онъ и для него и въ особенности для его батюшки конечно не откажетъ въ этомъ; а мы сдѣлаемъ библіографическое пріобрѣтеніе. Отецъ родной, помогите мнѣ въ этомъ; я знаю, что можете. Или обратитесь къ Сахарову: у него есть они. Только послѣднее, кажется, будетъ труднѣе.

20.

11 Іюля 1853 г.

При обязательномъ вашемъ содѣйствіи дѣло объ изданіи моего Опыта Славяно-Русской Палеографіи значительно подвинулось впередъ. Видно, что вы г. Кошелеву внушили очень досконально; поэтому и взялся онъ ретиво, не смотря на всѣ представленныя ему невыгоды

и препятствія. За все и про все благодарность никому иному кромѣ васъ, Александръ Николаевичъ! На первый разъ постараюсь доставить вамъ два каталога, одинъ Калайдовичевъ, а другой моего издѣлія: книжки не вышедшія въ свѣтѣ и по обстоятельствамъ не могущія его видѣть. Нельзя ли въ свою очередь и вамъ снова напомнить графу Уварову о Строевскихъ каталогахъ: Саввинскомъ, Ново-Іерусалимскомъ и Волоколамскомъ? Кромѣ того, съ рукописями И. Н. Царскаго пріобрѣлъ графъ А. С. Уваровъ нѣсколько мѣдныхъ досокъ со снимками, которыя издатель каталога не разсудилъ принять, какъ не совсѣмъ искусно сдѣланныя. Нельзя ли попросить съ нихъ оттиснуть по 325 экз. съ каждаго для Пелеографіи? Вѣрно, графъ не соберется ихъ выпустить; а если и вздумаетъ, то это не помѣшало бы ему. Между тѣмъ всего этого недостаточно. Нужно самому побывать у васъ въ Питерѣ, поразсмотрѣть рукописи Публичной Библіотеки и снять нѣсколько снимковъ. Не худо бы устроить это дѣло какъ-нибудь оффиціально, и здѣсь кромѣ васъ помощника не имамъ въ своей скорби. Вѣмъ, яко можете склонить къ этому графа Д. Н., исходатайствовавъ мнѣ вызовъ и малую толику на прогоны, подъемъ и т. п. А теперь самое для сего удобное время, въ отлучку нашего министра. Еслибы понадобилось, то я сталъ бы просить г. Делянова; но я вѣрую, что тутъ для васъ ничего нѣтъ невозможнаго, и по своей добротѣ вы не откажетесь сдѣлать мнѣ новое одолженіе. Впрочемъ и сдѣланнаго такъ много, что я обязанъ навсегда считать васъ, м. г., однимъ изъ первыхъ своихъ благодѣтелей. Вы меня знаете, и всѣ подтвердятъ вамъ, что льстецомъ никогда ни передъ кѣмъ не былъ я и вѣрно не буду. P. S. «Слово» не выслалъ потому, что не совсѣмъ исправлено; на дняхъ окончу и перешлю. Теперь у меня рукоп. І. Дамаскина, перев. Курбскаго, вещь любопытная, и недорого просятъ: всего 1000 р. сер. Принцъ Куявскій давалъ 300 р. сер. Для меня довольно и того, что воспользуюсь.

21.

Москва, 10-го Апрѣля 1854 г.

Въ настоящій постъ сдѣлалъ я нѣсколько книжныхъ пріобрѣтеній; изъ нихъ всего важнѣе пергаментный Сербскій Номоканонъ 1305 г. и Библейскія книги XV вѣка, за кои принцъ Куявскій давалъ три сотни цѣлковыхъ. Вотъ какъ цѣнятъ у насъ въ Московіи старину! Не покупали ли вы чего на знаменитомъ аукціонѣ въ Публичной Библіотекѣ? Сколько шуму!! Кому достался Фабрицій и за сколько? При случаѣ не мѣшало бы достать каталогъ этой лицитаціи, какъ твореніе библіографическое.

Слышно, графъ Д. Н. Блудовъ пожалуетъ къ намъ на весну; хорошо, если такъ; а еще было бы лучше, когда бъ вмѣстѣ съ нимъ и вы посѣтили насъ, Александръ Николаевичъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ. Многое можно бы вамъ показать, еще о большемъ съ вами посовѣтоваться. Мы уповаемъ, что авторъ знаменитаго проекта, который у насъ надѣлалъ столько шуму, а у васъ конечно еще болѣе, не разстанется съ своимъ достойнымъ шефомъ и, бывъ въ Московіи, посѣтитъ наше убожество.

Видѣли вы статью изъ моего Проскинитарія, копію которой препроводилъ я предъ Новымъ Годомъ графу Д. Н—чу? Теперь не худо бы ее гдѣ-нибудь напечатать, хоть у васъ бы въ Питерѣ. Двѣсти лѣтъ хотѣли побѣдить Турокъ, и духовныя власти Востока предлагали объ этомъ нашимъ православнымъ государямъ.

22.

Москва, 4-го Декабря 1854 г.

Въ началѣ Генваря мнѣ необходимо нужно будетъ ѣхать въ *Сибирское* государство для свиданія съ родителями, которыхъ не видалъ я около восемнадцати лѣтъ! Дѣло лажено и улажено такъ: отселѣ ѣду я съ тамошнимъ знакомымъ купцомъ до Ирбита, куда ежегодно ѣздитъ онъ на ярмарку, а сюда пріѣзжаетъ за товаромъ; возвращаюсь съ Московскими купцами по окончаніи ярмарки числахъ въ 25-хъ Марта. Иначе ни по разстроенному здоровью, ни по истощеннымъ финансамъ одному отправляться мнѣ нельзя. Во время моей двухмѣсячной отлучки провѣрится и сформируется окончательно указатель; на Страстной и Святой я примусь за него исключительно, и къ 1-му Мая онъ будетъ готовъ. Повторяю, что если графу Д. Н. Блудову угодно поскорѣе поднести этотъ томъ, легко можно это сдѣлать, выпустивъ въ извѣстномъ количествѣ экземпляровъ эти 45-ть листовъ съ предисловіемъ и оглавленіемъ, которыя на дняхъ будутъ къ вамъ доставлены чрезъ г-на директора. Точно такъ 4-й томъ Собранія Госуд. Грамотъ поднесенъ былъ безъ указателя, который вышелъ болѣе чѣмъ черезъ годъ, отчего и годъ выхода на фронтисписѣ поскобленъ и выставленъ отъ руки.

23.

Москва, 16-го Декабря 1855 г.

Давнымъ давно собирался писать вамъ, но съ Сентемврія мѣсяца былъ связанъ по рукамъ и по ногамъ своей грѣшной работишкой объ *Амартолѣ*. Видно, и онъ свою фамилію не даромъ взялъ, а дѣйствительно нагрѣшилъ порядочно. Но еще больше натворили разныхъ

грѣхопаденій изслѣдователи объ его хроникѣ: Греки, Французы, Нѣмцы, Агличане и даже Русскіе. Вамъ извѣстно, что доселѣ было принято за аксіому, что на Греч. *двѣ редакціи* Амартоловой Хроники; на Слав.—два перевода оныхъ, Болгарскій и Сербскій. Такъ напечатано нѣсколько мѣстъ еще въ 1846 году въ 1-мъ т. Собр. Русск. Лѣт. en regard. Въ томъ же году мой патронъ открылъ въ *Синод.* Библ. *Греческій* подлинникъ и утвердилъ, что Сербскій переводъ до слова съ нимъ сходенъ, какъ будто переводчикъ пользовался именно симъ Греческимъ кодексомъ. Академія конфирмовала его открытіе, всѣ ученые единогласно его приняли, и глава Славянофиловъ Шафарикъ принадлежащій ему Сербскій Лѣтовникъ назвалъ Амартоломъ Serbicae familiae; въ послѣднее время въ Хронографіи Муральта выписки изъ Греч. Синод. код. названы Амартоловыми. И сего не довольно: Академія публиковала, что она поручила г-ну Муральту печатать *Греч.* Синод. код. *Амартолы*; а всепочтеннѣйшій И. И. Срезневскій, одаренный особымъ даромъ подмазываться къ чужимъ дѣламъ, хочетъ издать Слав. пер. Амартолы en regard съ Греч. подл. Теперь смотрите же, какая вышла изъ всего сего путаница, достойная лабиринта Критскаго.

На Греческомъ не было двухъ редакцій одной и той же Амартоловой Хроники, а *было два разныхъ лѣтописателя* инока Георгія, писавшихъ отъ С. М. и называвшихъ себя грѣшными, изъ коихъ первый (не Амартолъ) довелъ свою хронику до 839 года; ее продолжалъ Логоѳетъ по 948 годъ. Второй, нашъ Амартолъ, которымъ пользовался преп. Несторъ, писалъ тоже отъ С. М., но до умертвія Михаила сына Ѳеофилова, или по 867 годъ; его хронику продолжилъ неизвѣстный по тотъ же 948 годъ. Сія послѣдняя переведена на Болгарское нар. и по *оглавленію* извѣстна подъ именемъ *Криницы*; первая пер. на Сербское нар. На Греч. оба временника доселѣ не изданы. Въ доказательство, что это не одна хроника, у меня представлено болѣе двадцати мѣстъ изъ *Греческаго* подлинника Амартола, бывшаго въ рукахъ разныхъ Европейскихъ ученыхъ, а изъ Лѣтовника Георгіева по Синод. Греч. кодексу. Къ первымъ присоединенъ Болгарскій, къ послѣднимъ мѣстамъ Сербскій пер. Маттеи ошибся, но не вовсе, назвавъ по одному продолженію Лѣтовникъ Георгіевъ хроникою Симеона *Логоѳета*; говорю не вовсе, ибо продолженіе съ 839 года дѣйствительно принадлежитъ *Логоѳету*, и быть можетъ по имени Симеону; а князь М. А. Оболенскій, исправляя Маттеи, впалъ въ горшую ошибку, приписавъ Амартолу Лѣтовникъ Георгіевъ и съ продолженіемъ Логоѳетовымъ. Каково же будетъ отвѣчать нашей Академіи передъ судомъ цѣлой Европы, когда она окреститъ нашъ Синод. кодексъ Амартоломъ?? И это еще не все: въ Греч. Синод. кодексѣ нѣтъ начала; Академія получила его изъ

Вѣны; замѣтьте, что получила начало дѣйствительнаго Амартола, а издаетъ съ Лѣтовникомъ Георгіевымъ. Хорошо будетъ изданіе!? Теперь объ изданіи гг. Муральта и Срезневскаго. Я писалъ къ первому, что печатать en regard Греч. текстъ съ Слав. переводомъ невозможно; меня не послушали и въ отвѣтъ извѣстили, что первый полулистъ набранъ и доставленъ мнѣ (я не получилъ его), гдѣ Греческій текстъ помѣщенъ съ лѣвой, а Славянскій съ правой стороны. Такъ, говорятъ, издано много классиковъ въ Европѣ. Пусть будетъ такъ! Припомните, что начало Греческаго текста они получили отъ Тафеля—начало Амартоловское; съ нимъ совершенно сходенъ *Болгарскій* переводъ; слѣд. изданіе возможно. Но что будутъ дѣлать издатели, когда кончится рукопись Вѣнская, и они начнутъ печатаніе Московскаго кодекса? Съ нимъ и по изслѣдованію Оболенскаго вовсе несходенъ Болгарскій переводъ, слѣдовательно надо обратиться къ Сербскому; но его одинъ экземпляръ Моск. Синод. Библіотеки. Положимъ, они его выпишутъ; но увы! Принцъ М. А. Оболенскій ввелъ ихъ здѣсь въ заблужденіе: Сербскій переводъ весьма несходенъ съ Синод. Греческимъ кодексомъ, такъ что по нѣскольку царствованій совершенно различны; то въ Греческомъ подлинникѣ разсказъ полнѣе Сербскаго перевода, то наоборотъ въ Сербскомъ подробнѣе Греческаго подлинника. Въ этомъ убѣдился я, сличивъ вторую половину отъ слова до слова Греческаго Синод. кодекса съ Сербскимъ переводомъ, нарочно ѣздивъ въ Ноябрѣ въ Лавру недѣли на двѣ, поелику сія послѣдняя рукопись около трехъ лѣтъ была у Горскаго.

Мое изслѣдованіе о Временникѣ Георгія Амартола 27-го Октября представлено было на Демидовскій конкурсъ, въ десятыхъ числахъ Ноября возвращено для процензированія и, дополненное во многомъ и омытое цензурою 5-го Декабря, опять (13-го Декабря) возвращено въ Академію. Тутъ узналъ я съ удовольствіемъ о назначеніи графа Д. Н. Блудова президентомъ Академіи. Слѣдовательно теперь мое дѣло въ вашихъ рукахъ; разсмотрите его и судите судомъ праведнымъ. Я не хотѣлъ оригинальничать, говорилъ все доказательно; виноватъ ли я, что результаты моего изслѣдованія совершенно отличны отъ выводовъ моихъ предшественниковъ? Тутъ пришлось мнѣ вывести на свѣтлую воду и Беккера изд. Scriptorum post Theophanem: онъ слилъ въ одно трехъ разныхъ писателей, безъ нужды измѣнивъ къ худшему заглавіе и надписи при каждой страницѣ Бонскаго изданія. Возьмите на себя трудъ взойти въ это дѣло и разъяснить его графу Д. Н—чу; иного бо развѣ васъ помощника въ сей скорби не имамъ. Говоря безъ самохвальства и преувеличенія, кажется, это дѣло заслуживаетъ *полнаго* вниманія Академіи. Я не фантазеръ, и мои выводы *непреложны* и

неопровержимы. При всемъ моемъ стараніи я не досталъ многихъ сочиненій, гдѣ есть выписки изъ Греческаго подлинника Амартола. Нельзя ли доложить графу Д. Н., чтобъ онъ снесся съ графомъ Панинымъ и, подъ предлогомъ совѣщанія о Разрядахъ, вызвалъ меня *въ началѣ Генваря* въ С.-Петербургъ? Это время необходимо для меня и потому, что мой благодѣтель графъ С. Г. Строгоновъ бываетъ въ С.-Петербургѣ. Будьте такъ добры. Мнѣ не нужны деньги, а одинъ вызовъ.

24.

Москва, 11 Января 1856 г.

Отъ архивныхъ чиновъ слышу, что г. Муральтъ прислалъ имъ первый листъ Амартола на одномъ Греческомъ, тогда какъ прежде былъ набранъ вмѣстѣ съ Славянскимъ; значитъ, и мой голосъ, конечно при содѣйствіи вашемъ, наконецъ выслушанъ. Премудрые Тейчеры убѣдились въ невозможности печатать Греч. Синод. кодексъ съ Сербскимъ переводомъ. Десять лѣтъ исполнилось знаменитымъ открытіямъ принца Куявскаго. Пора смотрѣть на это дѣло своими глазами.

Какъ-то посудятъ о моемъ трудѣ? Я даже не знаю, полученъ ли онъ въ Академіи. Хотѣлось бы въ пріѣздъ воспользоваться Синод. рук. Греч. и Сербскою, равно и Румянцовскою. Теперь приходитъ и, можно сказать пришла, пора и вамъ дѣйствовать въ Академіи и превратить ее изъ Нѣмецкой слободы въ Православно-Россійскую. А что въ этомъ вы успѣете, никто изъ короткихъ вашихъ знакомыхъ не станетъ сомнѣваться. На дняхъ получилъ я IV т. Дворцовыхъ Разрядовъ и въ добавокъ на зеленевой бумагѣ, за что весьма вамъ благодаренъ. Почти вмѣстѣ съ симъ получилъ извѣстіе, что Публичная Библіотека продаетъ дублеты старопечатныхъ книгъ врозь. Очень жаль: то, что̀ продано, и я купилъ бы.

25.

Москва, Декабря 28 дня 1856.

Попытка перебраться на службу въ Питеръ, какъ видите, не удалась; значитъ, оставя несбыточное, надо снова приниматься за возможное. Что я не честолюбивъ и не искателенъ, это вамъ самимъ, думаю, извѣстно. Но мое собраніе, цѣну и пользу коего вы тоже ясно постигаете, съ перемѣщеніемъ моимъ изъ Москвы, нашло бы болѣе прочную опору, которой оно здѣсь вовсе не имѣетъ. Мысль, что двадцатилѣтніе поиски, усиленные труды и издержки (по моему состоянію) безпримѣрные могутъ уничтожиться въ нѣсколько часовъ, признаюсь,

не покидаетъ меня ни на минуту. Мои ежеминутныя лишенія имѣли цѣль и, какъ смѣю думать, не опрометчивую: собрать письменные памятники не сплошь безъ выбора, но только тѣ, которые объясняютъ литературу, исторію и правовѣдѣніе, словомъ памятники говорящіе. Недостатокъ такого собранія весьма ощутителенъ, особливо у насъ въ Москвѣ. Всѣ прежніе собиратели отъ Баузе до Царскаго были обильнѣе меня внѣшними средствами. Этому недостатку старался я помочь внутренними средствами: изученіемъ библіотекъ, знакомствомъ съ собирателями и производителями. Признаюсь не безъ услажденія: успѣхъ превзошелъ мои ожиданія!! Пусть о моемъ собраніи скажутъ знатоки наши: Строевъ, Погодинъ, Шевыревъ, Бѣляевъ, Соловьевъ и вы. Моя же обязанность попечись о его цѣлости. Мечта о Московской Публичной Библіотекѣ никого почти не занимаетъ. Исполненіе ея конечно труднѣе моего перемѣщенія въ Петроградъ на службу. Помогите, почтеннѣйшій, или по крайней мѣрѣ научите что̀ дѣлать. Довольно сидѣлъ я у моря и ждалъ погоды; но самъ-то я не Погодинъ, оттого и не дождусь ея.

Остается попросить вашего совѣта и помощи о моемъ грѣшномъ писаніи объ Амартолѣ. Съ 1-го Мая доселѣ не могу отпечатать полулиста въ нашей Университетской типографіи; она въ крайнемъ разстройствѣ; между тѣмъ въ другой типографіи за неимѣніемъ Греческаго и Славянскаго шрифтовъ рѣшительно печатать невозможно. Поэтому я обращаюсь къ президенту Академіи, чтобы онъ снесся съ г. министромъ Народн. Просв. Норовымъ и нашимъ попечителемъ Ковалевскимъ о доставленіи мнѣ пособія, т.-е. достаточнаго числа наборщиковъ и литеръ, и чтобъ начальству типографскому вмѣнено было въ обязанность наблюдать за этою работою.

26.

Москва, 23 Декабря 1858 г.

22-го Декабря пошло представленіе отъ попечителя Московскаго Учебнаго Округа на цензорскую вакансію фонъ-Крузе четверыхъ кандидатовъ, въ томъ числѣ и *меня*. Прочіе: Драшусовъ, Забѣлинъ и Наумовъ, молодой чиновникъ Архива Иностранныхъ Дѣлъ. Кромѣ этого мѣста къ Февралю должно открыться еще два, согласно обѣщанію г. министра, данному г. попечителю, который просилъ еще четыре вакансіи. Будьте по прежнему добры, Александръ Николаевичъ, походатайствуйте у графа Д. Н., чтобы они написали г. министру народнаго просвѣщенія, знающаго меня съ хорошей стороны. Вмѣстѣ съ тѣмъ пишу и графу.

Постарайтесь, любезнѣйшій благодѣтель, устроить меня и тѣмъ обезпечить мое собраніе, въ послѣднее время расхваленное наповалъ С. П. Шевыревымъ, отчего, конечно, мнѣ не легче. Самъ ѣздить въ С.-Петербургъ считаю безполезнымъ, подобно прошлой экспедиціи.

27.

Москва, 30 Марта 1860 г.

Предсказаніе ваше исполнилось. Увы! Общество Россійской Словесности получило цензуру. Остается чтеніе, бесѣда, и оно читаетъ и бесѣдуетъ неутомимо, можно сказать, взапуски, даже публичнымъ образомъ. Нельзя пожаловаться на равнодушіе публики: зала библіотечная всегда полна биткомъ. И всѣмъ этимъ обязаны мы не кому другому, какъ А. С. Хомякову, нашему безпримѣрному председателю.

Мой больше чѣмъ полугодовой трудъ: отзывъ патріарха Никона объ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича не пропущенъ Петербургскою цензурою по рѣзкимъ выраженіямъ святѣйшаго автора возраженія. Что дѣлать? Надо дать другой оборотъ: какъ при жизни эксъ-патріарха многое ему не удавалось, во многомъ ему грубо отказывали, такъ и чрезъ двѣсти почти лѣтъ по его кончинѣ не хотятъ выслушать его правдиваго и весьма замѣчательнаго голоса о первомъ законодательномъ нашемъ памятникѣ... Буди всегда и во всемъ воля Божія!

Недавно былъ изъ С.-Петербурга директоръ хозяйственнаго управленія при Св. Синодѣ Гаевскій и предлагалъ мнѣ у себя мѣсто въ 900 р. съ казенною квартирою, отъ котораго я, разумѣется, отказался, не смотря на всю стѣсненность своего положенія. Посидимъ у моря, подождемъ погоды. Вѣрно, при случаѣ не откажете и вы, достоуважаемый Александръ Николаевичъ, въ своемъ содѣйствіи, не ради меня, но ради моего собранія, которое растетъ и множится. На дняхъ купилъ хорошій списокъ Даніилова Паломника—вещь, какъ знаете, очень рѣдкая. Вѣнскій мѣсяцесловъ, напечатанный церковными буквами, нѣкоимъ Орфелиномъ (не псевдонимъ ли этотъ Сиротины?) весьма любопытный въ хронологическомъ отношеніи, достался мнѣ даромъ, послѣ хронологическаго диспута въ мои имянины, гдѣ ассистентами были Шевыревъ, Снегиревъ (да?!) и Гезенъ, любезнѣйшій докторъ-антикварій и собиратель, сотоварищъ вашъ по университету. Двѣ книги указовъ современныхъ на отдѣльныхъ листахъ, изъ нихъ одна преогромная, листовъ до пятисотъ, начиная съ Петровскаго времени до матушки-Екатерины; довольно есть не попавшаго въ П. С. Законовъ. Издосу-

жась пришлю къ вамъ. Главное: укупорка и отправка тюковъ у насъ довольно затруднительны.

Мысль о Московской Публичной Библіотекѣ не умираетъ. Лобковъ изъ купечества, Кошелевъ, попечитель Исаковъ и нѣкоторые другіе изъ дворянства дѣлаютъ по возможности. Въ настоящее время нашъ Университетъ хочетъ купить собраніе старопечатныхъ и Петровскихъ книгъ у Каратаева, моего хорошаго знакомаго. Мѣшаетъ этому дѣлу кто бы вы думали? Іосифъ, только не прекрасный, а Бодянскій. Западники: Буслаевъ, Тихонравовъ и прочая многочисленная компанія бьются изъ всѣхъ силъ, чтобы купить; а Іосифъ говоритъ: дорого; я знаю и накуплю дешевле; сужу я по цѣнамъ, какія я платилъ за эти книги (какъ будто дѣйствительно у него есть что либо изъ старопечатныхъ книгъ?!) Не знаю, чѣмъ кончится; а жаль, если не купятъ. Экземпляры чистые, большею частію самые полные.

Извините, что заговорился. Я такъ давно съ вами не бесѣдовалъ. Заверните къ Сухаревой въ д. Толченова, когда будете лѣтомъ въ Москвѣ. Вы еще не были у меня на этой квартирѣ.

28.

Съ первыхъ чиселъ Мая мой Амартолъ въ типогр. унив., и досѣлѣ еще не приступали къ набору. Теперь рѣшительно всѣ типографіи завалены дѣломъ, а унив. въ особенности: «Русскаго Вѣстника» нужно перепечатать 7 №, и не могутъ найти желающихъ за какую бы то ни было цѣну. Два новыхъ журнала, а типографій новыхъ ни одной. Да и книгъ стала голубушка-цензурушка пропускать побольше. Вся надежда на выздоровленіе одного наборщика; иначе не знаю, что и дѣлать.

Мысль о Публичной Библіотекѣ въ Москвѣ развивается болѣе и болѣе. Вашъ и мой знакомый А. И. Кошелевъ жертвуетъ свой домъ для ея помѣщенія; Соболевскій, Лобковъ, Бецкій и нѣкоторые другіе жертвуютъ своими собраніями. Осуществится ли эта благородная мысль? Помогите и вы съ своей стороны словомъ и дѣломъ. Расположите къ этому графа Д. Н. Блудова. На него почти единственная надежда у всѣхъ. И вѣрно, просвѣщенный Русскій вельможа не откажетъ воспитательницѣ Москвѣ въ своемъ содѣйствіи.

29.

Вчера въ Обществѣ Любителей Россійской словесности на мѣсто покойнаго А. С. Хомякова избранъ г. Погодинъ. Да здравствуетъ

Русская Словесность! Оставя новую, обращаюсь къ старой. Правда ли, что Румянцовскій музей переведутъ къ намъ въ Москву? Вѣрно ли, что библіотека Каратаева увезена въ Англію? Славное дѣло, если это правда.

Я съ Октября доселѣ нездоровъ. Правая рука сильно поражена ревматизмомъ. Вытерпѣвши воспаленіе въ легкихъ, три холеры, до пяти горячекъ и лихорадокъ, такого мученія я еще не испытывалъ. Самыя книги на умъ не шли. А что за вещи послалъ мнѣ Богъ за это время! Хроника Зонары (извлеченіе изъ нея напечаталъ Бодянскій въ Чтеніяхъ), списокъ превосходной Сербской редакціи; къ сожалѣнію выходнаго листа не имѣетъ. Евангеліе отъ Ѳомы пер. съ Греческаго; на Славянскомъ другаго списка неизвѣстно. Русская Правда въ спискѣ XV вѣка. Голландскаго Новаго Завѣта второй превосходный экз., и наконецъ Аннинская Библія 1739 года—вещь albis corvis rarior *). О другихъ не упоминаю.

Кстати о книгахъ. Теперь ваши работы по крестьянскому дѣлу, слышно, окончены. Нельзя ли, наконецъ, пустить въ ходъ Записныя книги, такъ давно лежащія и чающія движенія воды? Смилуйтесь надъ ними. Будьте жалостливы. Типографія успѣла отдохнуть по отпечатаніи Свода; оригиналъ изготовленъ хорошо, затрудненій не предвидится. Порадуйте насъ этимъ въ многообѣщающемъ 1861 году.

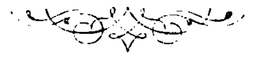
23 Декабря 1860 г.

30.

Декабря 27 дня 1861.

Мое предчувствіе о Записныхъ Книгахъ сбылось. Какъ ни старался я объ изданіи ихъ, едва ли онѣ, при настоящемъ порядкѣ вещей, могутъ быть напечатаны. А жаль, что эти полезнѣйшія по моему убѣжденію вещи не узрятъ свѣта. Конечно новый начальникъ предприметъ что нибудь новое. Во всякомъ случаѣ все дѣло зависѣть будетъ едва ли не отъ васъ, добрѣйшій Александръ Николаевичъ.

Въ замѣнъ этого, къ самому празднику послалъ мнѣ Богъ истинную рѣдкость: пергаментный Паремейникъ 1378 года, и въ добавокъ отличнаго письма. Будь это какая другая книга, и то по самой каллиграфіи она была бы рукописью замѣчательною. Извѣстно, что Паремейники всѣ, даже бумажные, весьма рѣдки. Много и другихъ менѣе крупныхъ замѣчательностей пріобщено къ моему собранію. Но за то финансы мои, увы!! Вѣдь за одинъ Паремейникъ отсчитано 175 р. с.

*) Рѣдкостнѣе бѣлыхъ воронъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1886 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ).

Русскій Архивъ, историческое изданіе, посвященное преимущественно всестороннему изученію Россіи въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, выходитъ въ 1886 году **двѣнадцать разъ** въ годъ книжками отъ 7 до 10 листовъ каждая.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1886 году съ пересылкою и доставкою на домъ — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ Русскаго Архива, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1884 и 1885 получаются въ Москвѣ, въ Главной Конторѣ, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 — 8 рублей. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи и пріобрѣтаются по возвышенной цѣнѣ.

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.

Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1886

7.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1886.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ
ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ КНИГА

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

(Письма И. И. Шувалова, графа С. Р. Воронцова, графа Д. П. Бутурлина и Н. А. Львова). Продается въ Петербургѣ, на Вас. острову, 2-я линія, въ книжномъ складѣ Стасюлевича.

ВЪ КОНТОРѢ РУССКАГО АРХИВА

(Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175-й)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Стихотворенія **А. С. Хомякова**. Цѣна 30 коп.
Стихотворенія **В. А. Жуковскаго**. Цѣна 50 коп.
Стихотворенія **Ѳ. И. Тютчева**. Новое изданіе. Цѣна 50 коп.

А. С. Пушкинъ. Два выпуска его новоизданныхъ сочиненій, его бумаги, переписка его и статьи о немъ. Цѣна каждому выпуску ОДИНЪ РУБЛЬ.

Полное собраніе сочиненій **А. С. Хомякова**. Томы первый, третій и четвертый. Цѣна каждому 3 рубля. Новое изданіе тома втораго (сочиненія богословскія) печатается.

Книги изданныя Русскимъ Архивомъ:

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ПАВЛА ХРИСТОФОРОВИЧА ГРАББЕ. (1812-й годъ). М. 1873. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

МЕЛОЧИ ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ. Литературныя Записки Михаила Александровича Дмитріева. М. 1869. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

JOURNAL TENU PAR LA PRINCESSE TOURKESTANOW ET LETTRES DE CHRISTIN A UNE DAME DE SA CONNAISSANCE. Ц. 1 р. 50 к.

FERDINAND CHRISTIN ET LA PRINCESSE TOURKESTANOW. Correspondance historique 1813—1819. (Императоръ Александръ Павловичъ въ частныхъ бесѣдахъ, императрица Марія Ѳеодоровна, придворное и высшее Петербургское и Московское общества, тогдашнее политическое и умственное движеніе, живыя и яркія картины быта и страстей). Три тома этой исторической переписки продаются по 5 рубл. съ перес.

РАЗСКАЗЫ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ГОЛИЦЫНА.

Изъ Записокъ Ю. Н. Бартенева [1].

18-го Октября (1837). Понедѣльникъ.

Переписка Екатерины съ барономъ Черкасовымъ насчетъ пріѣзда ландграфини Гессенъ-Дармштадской съ ея дочерями. Свойство переписки: въ Екатерининой проглядываютъ ловкость женщины управлять и направлять интригу, блестящій и юмористическій умъ, любезность. Баронъ уменъ, намахиваетъ на принца де-Линя, смѣтливъ, свободенъ не безъ дерзновенія, тоже юмористиченъ. Поссорился съ Екатериною за карточную игру; чтобъ не идти въ выборъ дворянства, отказался отъ умѣнья читать и писать. Мнѣ кажется, что напрасно даже самъ князь считаетъ его оригиналомъ.—Апологія Екатерины и вмѣстѣ историческій нотицъ, составленный ею самою за три недѣли до смерти, о неуспѣшномъ сватовствѣ Шведскаго короля съ великою княжною Александрой Павловной; при ономъ три приложенія: 1) собственно сдѣланное Шведскому королю Екатериною, гдѣ могущія доказательства собраны въ пользу того, что православіе не помѣшаетъ дѣлу супружества; 2) проектъ отдѣльнаго для короля пункта насчетъ православія; 3) проектъ составленный самимъ королемъ dans un contre sens, ou sens évasif [2]). Документы великой важности; они составлены и отданы Платону Зубову.—Въ перепискѣ съ барономъ Черкасовымъ благородство Екатерины и въ томъ между прочимъ замѣтно, что она уклоняется забавно, великодушно, юморично отъ тѣхъ тривіальностей и вызововъ на mesures inopportunes [3]), которыя ловко подставляетъ ей баронъ, желая затащить мудрую Государыню dans un dédal inextricable [4]) низ-

---

[1]) См. выше, стр. 52.

[2]) Въ противоположномъ или уклончивомъ смыслѣ.

[3]) Неблаговременныя мѣры.

[4]) Въ неизслѣдимый лабиринтъ.

кихъ и недостойныхъ мѣръ для самодержицы. Ловкое подставленіе со стороны барона Панину, дабы исподоволь ранить и жалить сего колоссальнаго и большой авторитетъ имѣющаго вельможи. Въ первый разъ я живо почувствовалъ, comment l'intrigue s'entame dans les cours [1]).—Наставленіе Екатерины оберъ-гофмаршалу князю Николаю Михайловичу Голицыну идти на проповѣдь къ Матюшкину, чтобы въ присутствіи жены его, любимой Государынею, сказать ему, чтобъ не скоблилъ между корою и деревомъ.—Нѣкоторыя собственноручныя записки Екатерины къ Валеріяну Зубову въ Польскую кампанію. Разсказалъ князь, какъ Зубовъ явился во дворецъ Таврическій съ отпиленною ногою; два раза пилена, боялись кровь бросать.—Письмо собственноручное Мамонову съ прибавленіемъ нѣжностей, облагороженныхъ, императорскихъ; здѣсь мнѣ пришли на память письма въ этомъ же родѣ первой супруги Петра Великаго; тривіальность ихъ невыносима: лапушка, разлапушка.—Инструкція кому-то изъ фаворитовъ, какія читать книги Русскія, Французскія. Изъ Русскихъ я замѣтилъ книгу: Славянскія древности; это нелѣпая волшебная сказка, составленная, помнится мнѣ, Чулковымъ. Изъ Французскихъ фигюрируетъ президентъ Гено, извѣстный своимъ сокращеніемъ Французской Исторіи. Его Императрица любила; Блакстона описаніе Англіи, Монтескьё Lettres Persannes, паденіе Римской имперіи. Сочиненія Волтера, не исключая малѣйшаго brinborion во всѣхъ родахъ, hormis l'ennuyeux [2]), какъ выразилась Императрица. Современные трактаты о полиціи, какія-то Annales de Bernardin de St-Pierre (врядъ ли и есть эта книга). Вотъ какъ школила Сѣверная Семирамида своихъ любимцовъ. Здѣсь не одна конская сила нужна, какъ-то въ Тюльерійскихъ, Мадритскихъ, Браганцскихъ дворахъ проявлялось.—Одиночество старости.—Ночь Родіона Александровича Кошелева, одного изъ друзей князя.—Нѣсколько скиццовъ изъ внутренней жизни Кошелева.—Смерть Екатерины.—Пророчество Плинскаго.—Ужинъ Павла.—Мундиры Гатчинскіе.

Проспектъ моихъ занятій.—Показаніе Сведенборки Умановой о состояніи по смерти Екатерины Второй.—Два сна князевы: театръ и поклоны; обширный деревянный домъ съ внѣшними хрустальными гардинами на ставняхъ; свѣтъ тингируетъ стекло въ родѣ лалла или радуги. Исхудала Екатерина. Радъ посѣтительцѣ. Очищеніе хладомъ. Отсутствіе духовнаго элемента.—Bêtise d'un valet en fait de l'habit [3]).—Приставила Государынѣ къ этому трехъ.

*

[1]) Какъ завязывается при дворахъ интрига.

[2]) Бездѣлушки во всѣхъ родахъ кромѣ скучнаго.

[3]) Глупость лакея по части платья.

19-го Октября (1837). Вторникъ.

Зубовъ Платонъ сиживалъ у князя не однажды въ кабинетѣ, и князь сожалѣетъ, что изъ нѣкоторой деликатности не рѣшился сдѣлать ему вопросовъ двухъ или трехъ. Князь сказалъ, что если писать автографическія записки, то уже называть ихъ бесѣдами или causeries подъ рубрикою, чтó удалось услышать о такихъ или такихъ-то знаменитыхъ людяхъ. Желательно, продолжалъ князь, чтобъ историческія времена дѣйствій и проявленій не смѣшивались и рѣзко отдѣлялись, а событія извѣстнаго времени, поколику это возможно, вполнѣ бы группились около данныхъ эпохъ; прежнее выставлялось бы отъ средняго, среднее отъ новаго, новое отъ новѣйшаго.—Тяжелый тонъ отношеній и по титулѣ князя Долгорукаго, посла въ Берлинѣ: это какъ бы песчаный оазисъ въ цвѣтущемъ вертоградѣ переписки Екатерининой.—Началось чтеніе. Сперва письмо Екатерины къ князю Юсупову, находившемуся тогда посломъ въ Туринѣ, письмо въ археолого-артистическомъ родѣ: говоря о камеяхъ, о сбираемомъ и купленномъ отъ Франціи своемъ кабинетѣ, о маніи охотниковъ вновь возродившейся собирать подобные кабинеты въ столицѣ по примѣру двора, говоря объ этомъ съ знаніемъ знатока, а не простаго токмо любителя, Екатерина предлагала Юсупову достать въ pendant другую картину Сальватора или Кауфманъ, мимоходомъ касается войны и пугаетъ возможными шансами оной, какъ жирная кошка мышью.—Довольно обширная переписка съ княземъ Долгоруковымъ-Таврическимъ. Здѣсь замѣтенъ тонъ мудрой монаршеской инстигаціи; щедрость даровъ Царицы проявляется въ обязательныхъ остротахъ, столь сладкихъ честолюбію героизма.—Потомъ письмо къ Прозоровскому съ тонкимъ указаніемъ на нелѣпую, такъ сказать, секту, которую въ послѣдствіи онъ давилъ, какъ могъ; примѣромъ тому Новиковъ, князь Николай Никитичъ Трубецкой. Послѣ и сама Екатерина отзывалась насчетъ этого по смыслу пословицы: заставь дурака молиться, дуракъ лобъ разобьетъ.—Тетрадь смѣси; здѣсь и письмо Бантыша-Каменскаго о бунтѣ во время чумы, интересное по подробностямъ, и рескрипты на разные случаи, числомъ почти до пятидесяти, князю Волконскому, тестю Прозоровскаго, бывшему военнымъ губернаторомъ въ Москвѣ. Рескрипты различны, въ нихъ много интереснаго: иногда увѣдомляла подданнаго, какъ она находитъ гостью свою принцессу Гессенъ-Дармштадскую; иногда какъ унимать пьянаго Сумарокова; какъ мирить мужа съ женою, какъ изсушить потокъ Московскихъ сплетней; какъ дѣлать инспекторскій смотръ филейнымъ частямъ человѣчества за вранье; какъ связывать и самыя челюсти зѣва аристократическаго

въ лицѣ графа Панина, Андреевскаго кавалера, взятчика Бендеръ. (Здѣсь князь разсказалъ анекдотъ объ этомъ господинѣ Панинѣ и о нѣкоемъ сенаторѣ).—Множество рескриптовъ о постройкахъ; множество заботливыхъ писемъ о перестающей, возникающей и вновь проявляющейся чумѣ. Письмо къ нему же и отъ той же Государыни о пожарахъ въ Москвѣ и о томъ мозговомъ пожарѣ Пугачова, который такъ много сожегъ и обжегъ людей. Монархиня и не думала трусить. Слово крѣпкое и самодержавное на этотъ счетъ ею сказано. Желательно вновь и не одинъ разъ прочитать эти рескрипты, привесть ихъ въ счетъ, схватить характеристику, обобрать нѣкоторые букеты благовонныхъ и сильныхъ одной лишь Екатеринѣ обычныхъ выраженій.—Анекдотъ о генералѣ Еропкинѣ, бойко и живописно разсказанный княземъ.—Забавная скицца самохвальства, состоящая въ томъ, какъ вельможные Московскіе старцы собирались на ассамблеяхъ стрѣлять другъ въ друга пошлыми эктеніями. Здѣсь между прочимъ упомянуто объ Остерманѣ и Матюшкинѣ. Этотъ истинный комизмъ не остановился ли уже на рубежѣ вѣковъ Елисаветина и Екатеринина?—Замѣчательные указы Екатерины къ генералъ-прокурору (но не Вяземскому); материнское великодушіе Монархини къ ожесточенію одного сына другой матери.—Христіанское чувство въ дѣлѣ отцеубійцы.—18-ти-лѣтняя проволочка дѣла въ Сенатѣ и милостивое еще наказаніе совѣтникамъ Губернскаго Правленія.—Снисходительное вниманіе князя къ данному мною слову на балъ. Я раскаеваюсь, что рано вышелъ изъ его комнаты.—Сожалѣніе князя, что не записалъ словъ Александра, когда сей блаженной памяти Государь разсказывалъ ему по три вечера въ присутствіи Р. А. Кошелева le système providentiel избавленія Россіи отъ Французовъ. Нельзя-ли всего этого со временемъ ресторировать?--Анекдотъ съ камеръ-пажемъ Богдановымъ.

*

21-го Октября (1837). Четвертокъ.

Анекдотъ о благоразумномъ дерзновеніи съ Императрицею сенатора графа Панина.—Неудачное подраженіе тому же генералъ-прокурора.—Приходитъ Загрядскій.—Продолженіе чтенія трактата о смерти.—Три письма отъ Государя; первыя два отъ 8-го и 9-го Октября изъ Тифлиса, третье дѣловое. Въ первомъ: выраженіе его, что встрѣтили его въ Тифлисѣ какъ въ Москвѣ; во второмъ, что поутру тамъ Іюль, а ввечеру Октябрь. Это письмо служитъ отвѣтомъ на князево, въ которомъ почти эти слова находятся; князь благодаритъ за извѣстный милостивый отзывъ Императора и говоритъ, что и его сердце

соединено съ Государемъ, готово не разставаться съ нимъ во вѣки; но бѣдное старческое тѣло по необходимости требуетъ тепла, кости его ищутъ согрѣванія; но не смотря на это, онъ будетъ неразлученъ съ Государемъ и, привыкшій видѣть волю Божію въ словѣ Монарха, коего сердце въ рукахъ Божіихъ, онъ съ терпѣніемъ будетъ ожидать его указанія, когда заблагоразсудится Государю позволить князю оттаять, какъ онъ выражается, старыя свои кости въ благословенномъ и тепломъ климатѣ Тавріи. Государь отрывисто и опредѣлительно отвѣчаетъ на эти слова князя и говоритъ, что старые друзья должны и старѣться и доживать вѣкъ свой вмѣстѣ.—Превосходный переводъ съ Еврейскаго книги Іова, которая прислана князю архимандритомъ Макаріемъ, миссіонаріемъ Барнаульской восточной миссіи. Въ письмѣ къ этому переводу Макарій извѣщаетъ князя, что переводъ составлялся по той Еврейской Библіи и съ тѣмъ словаремъ, которые князь же подарилъ архимандриту.—Князь бѣгло разсказывалъ о чудесахъ Московскихъ.—Забавенъ обѣдъ данный старцамъ въ селѣ Останкинѣ покойнымъ Шереметевымъ. Я забылъ костюмы полугаерскіе, въ которыхъ старцы по этому случаю наряжались. Чванство Остермана, его костюмъ, морганье, ослиный хохотъ, ляганье, обѣды, музыка, минаветы Московскіе.—Отольются волку коровьи слезки.—Бумаги Тургенева. Свѣдѣнія о Евдокіи, Екатеринѣ Первой, о доходахъ въ 1755 году. Автографическіе документы. Большіе пакеты отъ Тургенева, только что полученные княземъ. Манера его корреспонденціи. Государь самъ охотно и не торопясь читаетъ доставляемые Тургеневымъ документы.—Занимательное и нѣсколько самобытное воззрѣніе князя на животный магнетизмъ.—Тщета и недоразумѣніе возраженій Загрядскаго.—Интересныя былевыя вещи о Турчаниновой. Ея излѣченія. Сынокъ Кочубея. Разслабленный изъ Старой Русы. Свидѣтели иностранцы, свидѣтели самъ князь. Уѣзжаетъ она на дачу Мордвинова, а безъ нея бѣснуются.

*

Пятница, 22-го Октября (1837).

Завтракъ князевъ: взваръ изъ бульона, селедка, студень, или свѣжая рыба. Уединенная комната для завтрака — темноватая, украшенная миньатюрами и очерками портретовъ: братъ, Лѣнивцовъ, Вѣра Алексѣевна Муравьева, Плещеева, Потемкина, сестра, Сенъ-Мартенъ, принцъ Гогенъ - лое, крестьянинъ Миллеръ, другъ и наперстникъ принцевъ, княгиня Варвара Александровна Трубецкая, Пордечь, Шумлянская, баронесса Бергеймъ, Криднерша. Когда нибудь

сдѣлаю характеристику всѣмъ этимъ изображеніямъ, характеристику по точнымъ словамъ и даннымъ князя. Свобода и просторъ маленькихъ нашихъ агапій. Обыкновенное застольное общество у князя состоитъ вотъ изъ кого: Гавр. Степ. Поповъ, Ник. Андр. Загрядскій, Петръ Дмитр. Маркеловъ, я, Ковальковъ; прежде этаго: дѣйств. статск. Галаховъ, Вас. Мих. Поповъ; изрѣдка Ѳ. И. Прянишниковъ и одинъ разъ Всев. Никандр. Жадовскій.—Изъ чего обыкновенно составленъ столъ у князя? Лѣтомъ бываетъ очень много сладкаго, иногда блюда три; особенное блюдо для Маркелова; блюда для Загрядскаго. Обычная рюмка Венгерскаго для князя.—Необыкновенное вниманіе князя во время моей болѣзни. Поваръ дожидался до 10-ти часовъ.—Терентій Ѳедотычъ самъ подаетъ и разноситъ кушанья. Лѣтомъ обѣдаемъ въ саду, зимою и осенью въ портретной залѣ. Бортнянскаго мелодія. Увертюра изъ оперы: Нѣмая въ Портичи, или, какъ здѣсь называютъ, Фенелла. Заказанъ новый валъ для мотива извѣстнаго Польскаго: громъ, побѣды раздавайся. Это свѣжій отголосокъ, новая и скромная дань сердца хозяина царственной своей любимицѣ. Здѣсь невольно припоминается и гравированный портретъ Екатерины. Указанія даны были славному Уткину. Государыня изображена прогуливающеюся по уединенному парку Царскаго Села, уже старушка, уже сгорбившись. Собачка предшествуетъ или сопровождаетъ ея прогулку. Уткинъ оправдалъ ожиданіе. Сравненіе этаго эстампа съ Енеемъ несущимъ Анхиза, за что̀ артистъ получилъ медаль въ Парижѣ. Эстампъ былъ въ модѣ и продавался по 50 р. Одинъ изъ первыхъ самобытныхъ Русскихъ эстамповъ. Причина, идея, пособія, все проистекло изъ скромнаго уголка зыблющагося любовію сердца князева. Толпа такъ называемыхъ артистовъ не подозрѣваетъ настоящей причины появленія славнаго эстампа; но эти-то бурмицкія зерна, сокрытыя въ глубинахъ смиренія, безвѣстной и самоотвергательной любви, и составляютъ по моему мнѣнію квинтъ-эссенцію всякой авто-біографіи. Когда холодная плита могилы охолодила сердце отъ живаго воспоминанія, проявленіе таковой нѣжности, отдѣляемой отъ предмета цѣлымъ сороколѣтіемъ, когда уже онъ не существуетъ для насъ, болѣе нѣжности безгласной, безвозвратной, есть проявленіе рѣдкое въ нашемъ скользящемъ по всему мірѣ; это даже не есть уже и нѣжность, а нѣкое произвольное поклоненіе сердца и ума благу нравственному, благу, которое, обличась нѣкогда въ феноменальной жизни, изчезло на вѣки для пластическихъ дворскихъ чувствованій, но какъ изъ сего видно теплится, кроется еще, какъ уединенная лампада, въ памяти одинокаго сердца. Невольно вспоминаю здѣсь кончину князя Трубецкаго и подобное этому же чувствованіе.—Портретъ Екатерины

масляными красками, недавно украсившій парадную гостиную. Сороконожка приходила ввечеру; но мнѣ было недосужно, пусть приходитъ въ какое утро хочетъ. Здѣсь должна вставиться въ полнотѣ исторія сороконожки.—Не Бедуинка, а Бедуинъ изображенъ былъ великою княжною на картинѣ.—Замѣчаніе, что я перебиваю слова князя и не даю ему выговаривать вполнѣ.—Планъ Крымскаго имѣнія; имѣетъ видъ тропическаго сада; другой планъ, мастерски сдѣланный Штеромъ.—Книга Іова. Отзывъ князя о переводѣ.

*

Воскресенье, 24-го Октября (1837).

Снѣжная и дождливая погода.—Пріѣзжаю къ обѣднѣ.—Пріятный придѣлецъ въ церкви. Какъ согрѣваніе и отчужденіе сладко въ церкви!—Князь, сестра, генералъ-адъютантъ Ушаковъ, князь Мещерскій, Гавр. Ст. Поповъ, Никол. Андреев. Загрядскій, князь Леонидъ Голицынъ, сотоварищъ нашъ по службѣ Всеволодскій. Князь Леонидъ и Всеволодскій новыя вводныя лица. Я наблюдаю вокругъ себя—фютильность общаго разговора, что̀ на горло класть, просто-ли мыло, или какъ Сперанскій увѣряетъ, мыло съ солью и проч. Запахъ отъ дворскаго столоваго бѣлья. Армянскій патріархъ съ хвостомъ и безъ хвоста. Первое впечатлѣніе отъ двухъ новыхъ пришельцовъ. Всеволодскій, его умное, но болѣе къ западному типу принадлежащее лицо, его особа, проникнутая сильнымъ запахомъ духовъ и при томъ такихъ, которыхъ я не люблю, обратили общимъ образомъ мое вниманіе. Князь Леонидасъ съ большими концами своей манижки, съ Французскимъ покроемъ фрака, съ нѣкоторою манерностію въ движеніяхъ, показался мнѣ принадлежащимъ къ юной Франціи.—Воспоминаніе о Сестренцевичѣ.—Retraite на 24 дня въ каждомъ году. Письменныя объясненія съ папою.—Молочная пища безъ рыбы и мяса.—Травяные бульоны Польскаго короля.—Краснощокій octogénaire.—Привѣтствіе князя, что долго меня не видалъ, что соскучился, хотя одни только сутки я пропустилъ явиться къ нему, принимаю за проявленіе его милости и вниманія; par calcul des probabilités [1]) и мѣстностей имѣю причину предполагать, что изъ десяти лестныхъ фразъ, сказанныхъ княземъ, обыкновенно бываетъ семь съ сочувствіемъ, три для разносу масти. Ставлю себя въ предметъ первыхъ.—Все провалилось, остаемся мы съ Загрядскимъ. Раскрытое на этотъ разъ вникновеніе мое въ предметъ чтенія извѣстнаго трактата о смерти осталось неудовлетвореннымъ. Князь находитъ себя en verve de causer [2]). Нынѣ много нашлось матеріала.—

[1]) По разсчету вѣроятностей.
[2]) Въ сильной охотѣ разговаривать.

Взглядъ князевъ на старушку Голицыну; ежегодныя его посѣщенія. Припадки старости. Курьезное понятіе о монахахъ. Пріемъ царской фамиліи. Головомойка гвардіи офицеру. Отрывокъ изъ записокъ о Карусели. Скромность семи-десятыхъ лѣтъ, воспоминаніе о женихѣ и Екатеринѣ.—Забылъ, кто разговорился съ нею о каруселѣ. Rigorisme цѣломудрія. Филологическія знанія. Внучка Петра Великаго [1]). Найденный кѣмъ-то ящикъ въ придворной конторѣ съ письмами ея матери къ Петру Великому. Полновѣсные миллъонцы. Въ ея индивидумѣ видна родовая закалка.—Другая старушка Румянцова, по словамъ Австрійскаго императора, живая исторія. Людовикъ XIV запятнялъ ея кружевный фартукъ вишнями. Герцогъ Мальборугъ и принцъ Евгеній Савойскій ея знакомые. Анекдотъ съ Англичаниномъ. Танцуетъ съ семи-лѣтнимъ Александромъ. Умерла 99-ти лѣтъ. Кавалеръ Конъ, Помпадуръ и Людовикъ XV.—Воспоминаніе о Павлѣ: боялся Елисаветы. Записки Порошина, ихъ калейдоскопность и prolixité [2]). Государь ихъ далъ князю, князь далъ ихъ княгинѣ Голицыной. Здѣсь князь съ благосклонностію отозвался о моей памяти, сравнивъ ее съ дѣеписателемъ Порошинымъ.—Поправки объ эстампѣ Уткина.—Отзывъ князя о проповѣдяхъ, даетъ мнѣ книгу для просмотрѣнія.—Перекусихина надѣвала платье Екатерины, съ этой позы писалъ Боровиковскій, съ нея гравировалъ Уткинъ по предложенію князя.—Опытъ о шутихахъ. Шутиха Анна Даниловна, дочь графа Панина; ея наружность.—Прелестный анекдотъ о Рылѣевѣ и свиныхъ тушахъ. Матушка Государыня, свѣтъ мой сестрица. Пажи, громовы дѣти. Политическій взоръ шутихи; ея же взглядъ на Шведскую войну и короля Шведскаго. Не любитъ Пугачова и Платона Зубова; страшно, какъ тотъ разговариваетъ самъ съ собою. Фавориты любятъ шутиху. Графъ Мамоновъ. Князь Потемкинъ. Дорадоровое платье.—Князь мой иногда ласкался къ шутихѣ, та его побаивалась, опасаясь шалостей. Названіе придворныхъ чиновъ; за что̀ дана кавалерія садовнику. Замѣчаніе князя, что̀ бы значила шутиха при Елисаветѣ. Мой взглядъ на эту манію. Князь показывалъ мнѣ картину Боровиковскаго, показывалъ мраморную собачку, подаренную ему Императоромъ.—Новая échappée de vue: 4 раза на день цѣлуетъ руку мертвой Екатерины. Кольцо изъ волосъ съ черною эмалью; вензель Екатерины, обращенный къ пальцу—ощущеніе полустигмата. Какъ дорогъ перстень. Валаамъ. Потеря перстня. Находка его. Просвѣтленіе внутренняго взора. Пла-

---

[1]) Княгиня Наталья Петровна была дочь графа Петра Григорьевича Чернышова. П. Б.

[2]) Растянутость.

калъ бы и тосковалъ, еслибъ случилось прежде. Князь не хотѣлъ и пластическихъ чувствъ своихъ лишать воспоминанія о любимицѣ.—Симюлякръ бальзамирующей сущности.—Попытка составить изъ ингредіентовъ одеколона и уксуса тотъ же модъ соприкосновенія съ безцѣнными для него остатками. Платокъ есть проводникъ болѣзненнаго, но милаго воспоминанія. 10 процент. болѣе пріобрѣтаетъ любовь моя къ князю, выслушавъ отъ него таковый фактъ, обнаруживающій неподдѣльную нѣжность сердца, любовь хотя языческую, но кавалерственную, безкорыстную. C'est du sublime для сердца, ибо все это дѣлается не для толпы, не для наглядности.—Знакомство съ Всеволодскимъ по мудрому предвѣдѣнію Промысла. Государь и Государыня замѣчаютъ князю несовмѣстность онаго. Здѣсь Всеволодскій есть синонимъ злу нравственному. Молва въ городѣ; опасительныя суеты односторонняго взгляда приближенныхъ. Влеченіе князя.—Княгиня N.—посѣщеніе княгини первое, второе. Perspicacité князя въ раскрытіи интриги. Сравненіе Всеволодскаго съ головнею.—Чудеса милосердія Божія. Отъѣздъ въ Екатеринбургъ. Фактъ публичнаго смиренія. Предсмертная надежда, что мнѣ тамъ будетъ лучше.—Смерть Всеволодскаго. Мнѣніе мое о князевыхъ отношеніяхъ къ нему.—Новые пять процентовъ въ прилѣпленіи моемъ къ князю.—Мнѣ сдается, что князь нѣкоторымъ образомъ излишне формализируетъ въ прикосновеніи съ людьми, которыхъ міръ отъявилъ грѣшниками. Анналистъ считаетъ таковое знакомство князево съ Всеволодскимъ за лучшій подвигъ всей его жизни. Я распространюсь по этому предмету въ будущихъ запискахъ. Здѣсь замѣчу только долготерпѣніе Божіе къ Августину; какъ Господь надѣлилъ Деодата, какъ и самъ Деодатъ жилъ въ обществѣ вѣрныхъ. Безкорыстная любовь старика Всеволодскаго къ княгинѣ обнаруживаетъ только непонятую цѣль направленія. Lubricité, смѣшанная съ макіавелизмомъ въ отношеніи къ ближнему, вотъ это есть мерзость, отъ которой надлежитъ бѣжать безъ оглядки.—Вторичное появленіе племянника. Рекомендація князя: вотъ такой-то чиновникъ, котораго я очень и пр. Изъ ласковыхъ словъ князя, которыхъ ко мнѣ было очень много, я не помню, чтобы которому столько обрадовался сколько этому; или во мнѣ оставалась нѣкоторая прозрачность послѣ церкви или отъ того эта фасинація, что слово сказано отъ духа.—Идемъ за столъ.—Трескучій разговоръ стола. Князь Леонидъ говоритъ языкомъ Парижскихъ гостиныхъ, imbu de termes politiques; напр. у него вездѣ prolétaires, гдѣ бы по нашему можно было сказать pauvres diables и пр. Князь также разговаривалъ нѣсколько игривѣе и изысканнѣе.—Князь держитъ племянника въ какомъ-то решпектѣ и на приличной дистанціи. Послѣ обѣда разговоръ дѣлается спеціальнѣе. Князь дремлетъ. Пле-

мянникъ съ умомъ говоритъ о Итальянскихъ женщинахъ, съ умомъ о законодательствѣ Салическомъ. Свѣтлый взоръ его на Сенъ-Симонизмъ обличаетъ въ немъ доброе направленіе сердца извлекать одно лишь доброе. Двѣ новыхъ и прекрасныхъ его мысли о своевременномъ и мудромъ вмѣшиваніи провиденціализма въ жизнь народовъ. Вотъ онѣ: Бартольдъ Шварцъ и животный магнетизмъ. Еще отрадная мысль: всякому свое отъ воспитанія. Мѣткое замѣчаніе о Нѣмецкомъ прекрасномъ полѣ и стиркѣ бѣлья. Бѣглый взглядъ на «Принца», сочиненіе Макіавели, Божественная Комедія Данта. Миѳологія Индіянъ. Королевство Лагоръ и мужественные сейки. Разнообразіе разговора доказываетъ начитанность, живыя впечатлѣнія и мышленіе. Во время разглагольствія, гдѣ было у насъ обоюдное assaut d'esprit, князь покойно дремалъ и проснулся, чтобъ распустить насъ по дворамъ.—Характеристика барона Кампенгаузена.—Характеристика Госнера. Первыя проявленія покаянія. Ходъ внѣшнихъ событій не задолго до смерти, тонулъ; проявленія смертной болѣзни, свиданіе съ нимъ князя. Исповѣдь и причастіе Госнера. Новое требованіе Госнера для радостнаго извѣщенія. Христіанская кончина умиротвореннаго министра. Океанъ доброты и милосердія Христова блеснулъ глазамъ моимъ.

*

Среда, 27 Октября (1837).

Князь разсказываетъ событіе съ Государемъ, случившееся на Тифлисской горѣ.—Испанскія дѣла. Острое слово Фикельмонта.—Обращеніе Государя съ Французскими послами: маршаломъ Мортье, перомъ Барантомъ. Они въ отчаяніи. Анекдотъ о теперешнемъ зятѣ Филиппа, принцѣ Александрѣ Виртембергскомъ и его братѣ. Приступаемъ къ продолженію чтенія извѣстнаго трактата о смерти.

Чтеніе наше прервалось разсужденіями. Князь, наполненный предметомъ по сердцу, вставалъ, ходилъ по комнатѣ, часто подходилъ къ намъ, клалъ мнѣ свою руку на плечо, указывалъ на замѣчательныя мѣста рукописи, дѣлалъ вопросы, отмѣчалъ новыя и разительныя мысли. Во время чтенія возникали вопросы, завязывались разговоры, тема была смерть или мертвенное царство, варіяціи дробились въ болѣе утѣшительныхъ предметахъ. Это подало поводъ Загрядскому разсказать анекдотъ о сочувствіи сестрою къ смерти брата, т.-е. Шумлянской Булгакова. Князь разсказалъ два событія услышанной молитвы о ближнемъ, по возможности чистой, безкорыстной. Начиная узнавать князя, я совершенно увѣренъ, что разсказанное случилось съ нимъ самимъ.

Предметъ молитвы былъ Всеволодскій. Это служитъ новымъ доказательствомъ того, что дѣло, которое люди находили несовмѣстнымъ, Господь считаетъ его въ порядкѣ и можетъ быть дѣломъ Ему благоугоднымъ. Является Ѳ. И. Прянишниковъ.—Обѣденный столъ.—Лампа.—Громъ побѣды раздавайся инструментованный, а не вокальный.—Князь былъ въ пресловутомъ маскарадѣ. Обиліе брилліантовъ. Богатство въ убранствѣ кадрилей. Могущественность Потемкина. Идіотизмъ похвалы, т.-е. промахнувшагося придворнаго ensemble и детали. Племянницы Потемкина. Браницкая и другая (забылъ имя) на прокрустовомъ съ нимъ ложѣ и посѣщеніе митрополита. Капризы въ нарядахъ Потемкина. Молдавская Лукреція Долгорукова. Эскадронъ для записки. Петербургская беременность. Брильянтовая бульденежъ. Русскіе богачи. Характеристика корнета Яковлева. Мнѣніе цесаревича объ его заводахъ. Князево замѣчаніе объ обѣдѣ у гордаго Чернышова. Обѣдъ въ Лондонѣ у Воронцова. Разсказанный Ѳедоромъ Ивановичемъ Шведскій лабиринтецъ Сведенборга. Кошелевъ въ минуту галлюсинаціи предъ картиною Рафаэля Менгса посвящаетъ Господу дочь свою и потомъ раскаивается. Вѣщее письмо къ нему Швейцарца. Сужденіе о смерти дочери, о ней же Сенъ-Мартеня и Цюрихскаго мученика Лафатера. Неуловимая для другихъ, но мнѣ понятная сдержка князя при Ѳ. И. Прянишниковѣ. Тотъ же laissez-aller, таже благосклонность, таже любезность; но нѣтъ того особничества, нѣтъ того проницающаго добродушія, нѣтъ того упрощеннаго Гернгутерскаго чувства, которое иногда вижу въ князѣ, когда бываю съ нимъ наединѣ. Модусъ поведенія князя при сестрѣ, модусъ при Ѳед. Ивановичѣ, при Гавр. Степановичѣ, при Загрядскомъ различны, но неуловимы для того, кто некрѣпко наблюдаетъ. Нѣжное и обязательное поведеніе князя въ отношеніи моихъ невольныхъ беотизмовъ; какъ напр. сегодня въ отзывѣ за столомъ о женщинахъ, о лабиринтѣ и проч. Нѣтъ ли тутъ сходства съ Екатериною? Гасконскій допросъ мой о сигаркѣ, категорическій отвѣтъ князя съ примѣромъ; но, чтобъ въ трехъ свидѣтеляхъ не зародилась искра ридикюля, орудія столь страшнаго въ столичной жизни, любвеобильный тактъ князя поспѣшаетъ на выручку, и въ тотъ же разъ онъ разсказываетъ, какъ и Государь дѣлалъ ему подобный же вопросъ. Чарующая любезность князя поддерживаетъ меня въ необдуманныхъ моихъ экспромтахъ. Князь, чтобъ не сказать чего-либо болѣе, мудро согласуетъ близость къ домочадству съ близостію къ истинѣ. Мысли о моихъ отношеніяхъ къ князю. Въ молодыя лѣта мы отыскиваемъ женщину, чтобъ нравиться. Любить и быть любимому есть девизъ пылкаго юноши. Страстность, омрачая взоры, показываетъ безпредѣльность въ ограниченности пришлаго и отходящаго чувства; но въ зрѣлыхъ лѣтахъ, когда самовѣдѣніе ощущаетъ

шеолъ *), заливающій, такъ сказать, всѣ наши чувственныя наслажденія, ищущее наше сердце стремится къ мужу совѣта, и благо мнѣ по милости Господней, что я нашелъ его въ особѣ моего начальника. Онъ былъ мнѣ благодѣтелемъ, есть начальникомъ, пусть будетъ мастеромъ. Да поможетъ мнѣ премудрость Божія сдѣлать его историческимъ своимъ этюдомъ. Что бы меня не встрѣтило въ жизни, пусть хотя нѣсколько лѣтъ оной посвятятся для его изученія. На старости лѣтъ моихъ, какъ нѣкогда бездомный Камоенсъ съ своею Лузіядою, я преплыву море жизни, сохраня вѣрную хартію о человѣкѣ, которымъ интерессовались нѣкогда тысячи изъ его современниковъ и который долженъ бы былъ пересчитывать число ему знаемыхъ числомъ облагодѣтельствованныхъ крѣпкимъ во благѣ его духомъ и любящимъ ближняго сердцемъ. Доселѣ я зналъ аристократію рода, умѣлъ подмѣчать иногда аристократію ума и таланта; но вижу, что есть еще третья аристократія—сердца.—Получается при насъ письмо къ князю отъ Государя, отъ 21-го Октября изъ Ново-Черкасска: чрезъ мѣсяцъ пріѣду въ Петербургъ съ чады и домочадцы; ввелъ сына въ атаманы Донскаго войска. Но нѣтъ извѣстія отъ Е. В. о случившемся съ нимъ дорогою. Любовь Царя къ Царицѣ, примѣрныя ласки для супруговъ. Мнѣніе, которое выговорили купцы лично Государю. Недугъ на южномъ берегу Крыма. Слово доктора Маркуса.

*

Пятница, 29-го Октября (1837).

Школа сенсуалистовъ, мощныя обаянія Волтера и нѣга дворской жизни съ самыхъ различныхъ ея искушеній при костическомъ и насмѣшливомъ сгибѣ ума князева образовали въ немъ опаснаго, но любезнаго безбожника. Воздѣйствія его на покойнаго Александра были далеко не въ пользу религіи. Приведу одинъ анекдотъ, съ чувствомъ разсказанный мнѣ самимъ княземъ. «Въ одинъ лѣтній прекрасный день ѣхали мы одни въ коляскѣ съ императоромъ Александромъ на Каменный островъ. Тихое вѣяніе вѣтерка, навѣвавшее прохладу, безоблачное небо, которое такъ рѣдко въ Петербургѣ, зелень деревьевъ только что распустившихся (ибо это было въ началѣ весны) все наводило на насъ нѣкоторое упоеніе. Государь замолкъ и погрузился въ тихое размышленіе; привыкнувъ различать черты Государевы, я сейчасъ же замѣтилъ, что сладкая дума роилась въ его царственномъ сердцѣ, ибо черты лица показывали какое-то освѣженіе и успокоеніе.

---

*) Шеолъ—Еврейское слово, означающее адъ. Сколько намъ извѣстно, это есть мистическое выраженіе, подъ которымъ разумѣется нѣчто среднее между здѣшнею и загробною жизнію. П. Б.

Я молчалъ и не смѣлъ нарушать этотъ торжественный моментъ столь сладостный для его самозабвенія. Послушай, князь, сказалъ мнѣ наконецъ Александръ, отъ чего это дѣлается, что ясность небесная, тихое колебаніе водъ, освѣженіе доставляемое намъ зеленью деревъ располагаютъ насъ къ какимъ-то сладостнымъ чаяніямъ и влеченіямъ. Вопреки моего разума, продолжалъ Государь, я невольно ощущаю въ себѣ это влеченіе поддаться и водворить въ себѣ столь освѣжительныя истины религіи. — Напрасно, Государь, отвѣчалъ я ему, вы нѣкоторое спокойствіе сердца, нѣкоторую мирность духа принимаете за проявленіе необходимости поддаваться чему-то. Это просто пришлое чувствованіе, которое приходитъ къ намъ съ ясностію дня и отходитъ съ его перемѣною. Это болѣе нежели странно для вашего ума, продолжалъ я, воскормлять таковыя впечатлѣнія». Я поспѣшилъ, говорилъ мнѣ князь, разочаровать Государя и мнѣ казалось, въ невѣрствіи моего сердца, что я дѣлалъ это очень хорошо.

*

Воскресенье, 31 Октября (1837).

Странности послѣдняго потомка Разумовскихъ.—Истерическій смѣхъ.—Метода дѣйствованія покойнаго блаженной памяти Александра въ отношеніи дѣтей прижитыхъ незаконно и до брака.—Взглядъ на этотъ предметъ нынѣшняго Государя.—Триста просьбъ чрезъ ст. секр. Лонгинова.—Участіе въ этомъ дѣлѣ нашего князя.

*

Среда, 3-го Ноября (1837).

Князь показываетъ мнѣ письмо отъ 28-го Октября изъ Москвы отъ Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей. Письмо царственныхъ малютокъ собственноручное и начинается такъ: «Любезный нашъ принцъ Голицынъ» и проч. Обѣщаютъ малютки чрезъ четыре недѣли съ нимъ увидѣться. Это письмецо подало поводъ разсказать князю, какъ малютки изъ Царскаго Села писали первое свое письмо къ своимъ августѣйшимъ родителямъ и почему они не захотѣли болѣе уже писать таковыхъ писемъ. Князь имъ отвѣтствовалъ въ ихъ духѣ, напомня, что въ два часа пополудни онъ объ нихъ регулярно думаетъ.—Почеркъ письма Великихъ Князей.— Замѣчаніе о Михаилѣ.— Князь получилъ письмо и отъ Государя изъ Москвы отъ 30-го Октября, служащее отвѣтомъ на вопросъ князя, который ждалъ отъ Государя подробностей случившагося съ нимъ при выѣздѣ изъ Тифлиса происшествія. Государь находитъ себя въ совершенномъ здоровьѣ, а о событіи пусть князя извѣститъ графъ Орловъ, имѣющій скоро прибыть изъ Москвы въ Петербургъ.—Приходитъ Гаврило Степановичъ,

Князь отдаетъ ему письмо вдовы и напоминаетъ снова о дѣлѣ. Князь заставляетъ Попова прочитать рѣчь Филарета, проговоренную имъ при встрѣчѣ Государя. Эта рѣчь не звѣнитъ, какъ обыкновенныя, догматизмомъ, а сдѣлала бы честь всякому министру. Выраженіе Филарета: прешелъ горы и снялъ съ насъ горы заботъ. Здѣсь князь сказалъ отзывъ свой и о прочихъ рѣчахъ митрополита, припомнивъ сказанную имъ Наслѣднику престола и блестящее въ оной выраженіе: учебная храмина—цѣлая Россія. Здѣсь кстати изобразить о вкусѣ князевомъ въ белльлетризмѣ или вообще въ изящной литературѣ.— Князь получилъ письмо изъ Вѣны отъ княгини Анны Сергѣевны. Она увѣдомляетъ о милости къ ней Промысла Божія: 12 дней промедлили въ Галацѣ, чтобъ разъѣхались доктора. Чрезъ двадцать баронеса Бергеймъ будетъ здорова; только чтобъ струпъ отвалился. Ядро болѣзни въ груди, прочія части тѣла здоровы, полны, свѣжи; грудь впалая, иссохшая, болѣзненная. Князь интересуется о Катѣ *), переговариваетъ мнѣ подробности ея облеченія; шутитъ, что болѣзнь испугалась пилюль Маркеловскихъ. Князь даетъ себѣ трудъ припомнить все это, чтобъ обязать меня и, можетъ быть, по потребности своей разливать сферу любви.—Князь въ разговорѣ обращается къ самому себѣ. Онъ описываетъ образъ и методу своего вольнодумства. Воспитывается въ такомъ домѣ, гдѣ все было по указаніямъ религіи. Вышедши на свободу, развитыя страсти берутъ волю, разсѣяніе, сластолюбіе, чувственность все закружило и проникнуло князя. Религія, отметая все это, дѣлается ему ненавистною. Князь не вѣрилъ безсмертію, и ожидаемое имъ ничтожество обязывало его еще глубже предаваться усажденіямъ чувствъ. Къ этому князь присовокупляетъ даже и кощунство надъ святынею.—Молчалъ предъ парадоксами и софизмами Александра. Даетъ совѣтъ Государю призвать къ себѣ Лѣнивцова. Свиданіе Государя съ Лѣнивцовымъ.—Неудача.—Отзывъ Государя о фюртивномъ какомъ-то словѣ, которое князь съ робостью внесъ въ общій разговоръ. — Неудовольствіе Кошелева на князя.—Какихъ мыслей Кошелевъ былъ о Государѣ и какая метода его дѣйствованія. Даетъ ему масонскую книгу Ксанѳіо. Государь доволенъ книгою, передаетъ ее великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ.— Неудовольствіе князя на Кошелева.—Свойство книги, какъ она отдаляла Государя отъ настоящей вѣры.—Въ слѣдствіе таковыхъ опасеній князь пишетъ къ Государю и посылаетъ ему «Христосъ въ насъ» Пордеча. Государь вновь прилѣпляется къ Единому на потребу.

*) Супруга Ю. Н. Бартенева, Екатерина Степановна, ур. Милюкова, женщина высокой добродѣтели. П. Б.

Живое чувство удовольствія князя при воспоминаніи, какъ исполински пошелъ Императоръ по пути религіи. Князь оказалъ заботу, какъ-бы въ послѣдствіи повѣрнѣе и отчетливѣе передать мнѣ степени обращенія и хожденія царева по путямъ и указаніямъ Божіимъ. Съ благоговѣніемъ вписываю въ свой летучій листокъ ту инстигацію князеву, которая подставила болящимъ очамъ Императора извѣстную рукопись: «Христосъ въ насъ». Это подвигъ по превосходству совершенный княземъ. Подѣйствовать на сердце царево, заронить въ немъ искру небеснаго огня, обуреваться самому, чтобы она не пропала, раздувать ее въ пламя дѣйствованія и любленія, есть, говорю, по моему понятію, подвигъ великій и достопочтенный. Это все равно, ежелибы возможно было на знойную Африканскую степь, гдѣ истаевало доселѣ отъ жажды все прозябавшее и двигавшееся, возможно, говорю, было навести неизмѣримую тучу прохлады и дождя, дабы все отъ того оживилось и прозеленѣло. Такъ и сердце царево: это также туча прохлады и всякаго свѣженія для народа ему подвластнаго. Навести это благодатное облако, чтобы пролило и проливало благодатный дождь правосудія, любвеобилія, трезвенныхъ понятій, которыя цари обращаютъ въ навыки и потребность для своихъ народовъ—есть дѣло угодное Господу и вождѣленное христіянину. Если юная Россія (да избавитъ насъ Господь Богъ отъ этого поколѣнія, которое въ pendant юной Франціи грозитъ намъ бѣдою и смутою), если юная Россія по несчастію вмѣстится нѣкогда въ ряды потомковъ нашихъ, если, говорю, она и не оцѣнитъ этого подвига князева, подвига скромнаго, ни кѣмъ незнаемаго, если не оцѣнитъ того дивнаго и дѣвственнаго такта, который спѣшилъ такъ-сказать подставить предъ очи Государя свѣдѣнія о Христѣ Распятомъ: то все, можетъ быть, найдутся еще люди въ любезномъ нашемъ отечествѣ, въ которыхъ откликнется подвигъ моего любезнаго князя, и они поблагодарятъ Господа за духъ его совѣта, воспомянутъ съ любовію о душѣ его.—Еще читалъ мнѣ князь посланіе одного Американскаго квакера изъ провинціи Конектикута, что̀ въ Соединенныхъ Штатахъ, къ Александру въ 1821 году. Квакеръ пишетъ, что ему дано знать, что еслибы Государь сдѣлалъ нѣкоторое движеніе насчетъ Юго-востока Европы, то это было-бы сообразно съ волею Божіею и увѣнчалось бы вождѣленными и невѣроятными послѣдствіями; квакеръ, къ величайшему изумленію, рѣшительно настаивалъ, чтобъ въ короли Римскіе посадить нашего князя А. Н. Князь очень смѣялся, прочитывая эту старую бумагу, которую однакоже покойный Государь самъ читалъ и возвратилъ ему.—Князь объявилъ мнѣ, что, съ нѣкоторымъ трудомъ сбирая цѣлую жизнь матеріялы, онъ неохотно раздѣлилъ бы обладаніе ими съ кѣмъ-либо другимъ.

Ты одинъ только, къ которому я имѣю эту довѣренность, продолжалъ онъ.—Я приношу вамъ чувствительную благодарность. Но мнѣ ваши матеріалы нужны въ отношеніи только васъ, отвѣчалъ я князю: не имѣя дѣтей, не имѣя наслѣдниковъ, я не имѣю и мономаніи такъ дорого цѣнить ими. Князь прощаясь велѣлъ зайти мнѣ къ своей сестрицѣ, она нѣсколько больна [1]). Я видѣлъ тамъ Ковалькову; судя по лицу, она должна быть добрая женщина.—Начало чумы въ Одессѣ по словамъ князя произошло отъ того, что одинъ нижній служитель карантина тайкомъ снесъ женѣ своей какую-то шубку. Отъ этого все вышло: оба супруги умерли, и чума загуляла въ многолюдномъ портовомъ городѣ. Господь да избавитъ насъ отъ этой напасти!

*

4-го Ноября (1837). Четвертокъ.

Послѣ обѣда всѣ расходятся, князь дѣлаетъ мнѣ выговоръ. Онъ находитъ себя въ затрудненіи со мною и не знаетъ, какъ быть въ моемъ присутствіи, что̀ обыкновенно всякаго хозяина очень затрудняетъ и даже вводитъ въ скуку. Мнѣ нужно бы, по словамъ князя, твердить извѣстную молитву: Господи, Владыко живота моего, гдѣ просимъ Бога воздержать насъ отъ любоначалія и проч. Je ne savais quel diapason prendre envers vous; enfin il fallait me taire, et ma foi c'est une triste position que celle quand le maître de la maison ne sait que faire avec ses hôtes! [2]). Ты набрался у себя какого-то честолюбиваго духа, продолжалъ князь, и все это принесъ съ собою въ нашу бесѣду. Какая охота хозяину видѣть длинное лицо; видѣть, что гость не оказываетъ словамъ его никакого вниманія, не хочетъ ни слушать, ни говорить... Потомъ вскочилъ, началъ бѣгать по комнатѣ... le moyen de se faire ennuyer... Я молчалъ, мнѣ было грустно; но я прилежно наблюдалъ моего князя; это былъ новый фасъ его проявленія. Князь мирно говорилъ со мною, но ensemble разговора его отзывался родомъ выговора, который можетъ только дѣлать вельможа высоко-стоящій у двора; тонъ его словъ не допускалъ никакого противорѣчія, а смыслъ внушенія его состоялъ въ томъ: что посади дескать дурака за столъ, такъ онъ и ноги на столъ. Князь два или три раза намекнулъ мнѣ, что я рискую наскучить ему. Это наиболѣе меня поразило, я обратился съ молитвою къ Господу. Вотъ думалъ я, это еще лучшій изъ людей, а также se laisse influencer [3]).

*

[1]) Елисавета Михайловна, горбатая старушка. П. Б.

[2]) Я не зналъ какъ держать себя съ вами; наконецъ мнѣ пришлось молчать, и право печально положеніе хозяина дома, не знающаго, какъ ему быть съ гостями.

[3]) Допускаетъ на себя дѣйствовать.

7-го Ноября. Воскресенье.

Въ назначенное время прихожу, но князя не было дома. Настроиваютъ органъ; многосложность и приспособленіе механики къ музыкѣ. Мастеръ, его умное лицо, его бытъ, его семейство, чудеса ума и науки человѣческой. Желанія души погружаться въ тайны точныхъ знаній. Умъ человѣческій только, думалъ я, мало-по-малу низводится въ сцѣпленія математическія, приводящія на этотъ разъ къ мусикійскому согласію, къ гармоніи, къ наслажденію уха и сердца. Сладко входить, думалъ я, въ область науки; сладко вступать въ перистиль такого храма, который исполненъ сокровищъ и диковинокъ; какія тайны и въ падшемъ состояніи зазнала душа человѣческая! Какъ сладко сближаться съ такимъ вѣдѣніемъ, которое бы мало-по-малу всего насъ затягивало и облекало! И еслибъ это вѣдѣніе могло насъ и счастливить?

Мысль подставила мнѣ возможность найти таковое вѣдѣніе. У древнихъ отцовъ оное называлось мистическимъ богословіемъ; въ этой наукѣ заключаются всѣ тайны Бога, всѣ тайны натуры, всѣ тайны человѣка. Слово *всѣ* надобно принимать здѣсь приспособительно къ тварности человѣческой, поколику можно составить для тварнаго духа его возможную полноту и насыщеніе. Откровеніе и опытъ показываютъ намъ, что сія полнота относительна и безгранична. Отрадная мысль, что такое вѣдѣніе существуетъ въ мірѣ; еще отраднѣйшее чувство, что это вѣдѣніе заключается въ насъ самихъ, и мы его носимъ въ неуловимомъ, но тѣмъ не менѣе существующемъ достояніи духа и ума. Смотря на оргȧны, удивительно думать, какъ умъ человѣческій изъ безжизненныхъ началъ дерева и металла воспроизвелъ сладкую гармонію для духа, которая умягчаясь увлекаетъ даже и на поклоненіе самому Господу. Какое терпѣніе нужно, чтобы достигнуть такого дивнаго результата; душа не порывается ли взойти на подобный подвигъ? Чтȯ если докажется для души возможность развить въ ней еще высшій даръ нежели тотъ, каковый примѣчается въ этомъ сладкозвучномъ инструментѣ, изящномъ произведеніи искуснаго механизма; возможность, говорю, развить высшій этотъ даръ, потративъ для онаго еще менѣе прилежанія, терпѣнія, времени, даръ постигать Бога, натуру, самого себя, устроивать блаженную кончину, а до оной проводить безмятежную жизнь? Менѣе же потребуется прилежанія, терпѣнія, времени въ добываніи такихъ безцѣнныхъ преимуществъ, потому что Всемощный Двигатель жизни Самъ приходитъ, вселяется въ насъ, очищаетъ отъ всякія скверны и тропичнымъ, пасатнымъ вѣтромъ дружно катитъ ладью нашу на встрѣчу

блаженства неизрѣченнаго, неисповѣдимаго. Хартія этого знанія завернута въ переплетъ кожаный, и этотъ переплетъ, истасканный отъ времени, разбитый воздухомъ и вѣтромъ, ходитъ теперь по гостиной и ясно понимаетъ въ своемъ самосознаніи, что облекаетъ собою свитокъ неизглаголанной драгоцѣнности.

Вотъ очеркъ мыслей моихъ, которыя роились въ моемъ сердцѣ, когда я расхаживалъ по комнатѣ, гдѣ стоялъ органъ. Онъ игрою своею навѣвалъ на меня нѣкое нѣмое, сладкое предвкушеніе. Я обратился къ Господу, но молиться не могъ, ибо мѣдная стѣна спустилась въ сердцѣ моемъ и накрѣпко отдѣлила меня отъ живаго божества; я могъ только воспроизвождать въ себѣ одни акты надежды и нѣкотораго любленія слабаго, но сладкаго. Въ какомъ-то раздѣженіи духа я не только съ терпѣніемъ дожидался князя, но еще былъ и доволенъ, что оставался одинъ въ обширной, освѣженной комнатѣ, ходя взадъ и впередъ и задѣвая за окраины ковра, къ которому такъ пріятно нога моя прикасалась.

Послышалась на улицѣ карета, ударилъ три раза вѣстовой колокольчикъ; я пошелъ въ переднюю на встрѣчу князя. Душа моя была наполнена какою-то прозрачностію и чувствомъ близкимъ къ смиренію. Князь входитъ, я встрѣтилъ его съ новымъ любопытствомъ; низко и со сладостію поклонилась ему душа моя. Князь одѣтъ былъ въ мундирѣ, въ теплыхъ Англійскаго покроя сапогахъ, взошелъ нѣсколько сгорбившись и нагнувшись, но съ ясною, привѣтливою улыбкою, столь ему свойственною, когда онъ въ хорошемъ духѣ. Пордечь говоритъ, что есть двухъ родовъ тинктура: одна приспособленная блаженнымъ духамъ, другая злымъ; я смѣю здѣсь замѣтить, что есть еще и третья, принадлежащая добрымъ людямъ. Иначе какъ истолковать эту радость сердца, это освѣжительное и навѣвающее миръ движеніе? И все это отъ улыбки, отъ простой улыбки подобнаго намъ человѣка. Князь въ туже минуту позвалъ меня къ себѣ; вскорѣ пріѣхалъ и Загрядскій. Я этому былъ радъ, ибо мнѣ можно было молчать; но я опасался, чтобъ молчаніемъ моимъ не возбудить въ князѣ какого-нибудь подозрѣнія. Мнѣ не хотѣлось говорить, ибо какіе-то сладкіе остатки внутреннаго арома я ощущалъ въ себѣ. Пошли за столъ; я былъ голоденъ и охотно всего ѣлъ. Мало-по-малу прозрачность моя истнилась, плотское слово разбушевалось, и я сталъ выливаться въ обыкновенной полу-діогенской моей формѣ, не наблюдая за собою, грязнясь въ совѣсти, шутя миромъ ближняго моего и его спокойствіемъ. Вѣроломное сердце человѣка, пресытившись яствами, упившись вина, не къ

Господу уже обращалось; нѣтъ, оно отражать хотѣло только страсти, можетъ быть уснувшія; припоминало свои мелочныя претензіи, припоминало, какъ нѣкогда волновалось оно, это сердце, на своего ближняго за то, что ему не поднесли хорошаго вина и проч. и проч. Вотъ подлость человѣческая, вотъ гіогрифъ Навуходоносорскій; вотъ какъ понятно можетъ быть, когда клоакъ, если оставленъ будетъ самому себѣ, ничего воспроизвести не можетъ, кромѣ мерзости и смрада.

Князь отъ того поздно пріѣхалъ, что просидѣлъ у великой княгини. Полтора часа была аудіенція. Говорили о двухъ императрицахъ, Екатеринѣ и Елисаветѣ. Сужденіе князя о великой княгинѣ.— Оттуда князь заѣзжалъ къ Вѣрѣ Алексѣевнѣ Муравьевой, только что пріѣхавшей.

Князь получилъ отъ Императора письмо, отъ 4-го Ноября. Его Величество живетъ семейно и никуда не выѣзжаетъ. Новостей никакихъ не знаетъ, кромѣ слуха объ Одесской чумѣ, но и о той ожидаетъ подробнаго извѣщенія, особенно о причинахъ оной.— Донесеніе отъ инспектора Грузинскаго о подробностяхъ событія съ Государемъ. Гора съ зигзагами, направо насыпь или валъ, отдѣляющій отъ пропасти. Экипажъ не тормозили. Лошади разбѣжались, и пара уносныхъ, перескочивъ валъ, повисла надъ пропастью; дышломъ уперлась коляска въ насыпь, отрѣзали постромки у переднихъ лошадей, дрога у коляски лопнула. Государь успѣлъ выскочить изъ коляски.

Это дало поводъ разсказать князю о скорости и рѣшительности Государя на дальнія поѣздки. Поѣздка въ Берлинъ. Князь въ Аничковскомъ дворцѣ. Не радъ и табакеркѣ. Приказъ Кавелину и другому кому-то о платьѣ для Наслѣдника. 24-ре часа времени.—Государь только что пріѣхалъ изъ Москвы. Женѣ Воронцова сказалъ на лѣстницѣ о своей поѣздкѣ.—Пріѣхала въ Петербургъ жена Кочубея. Объ Крымѣ и о двухъ прочихъ предметахъ, видно важныхъ для князя, еще не успѣли переговорить. Три обѣда въ недѣлю у Кочубеевой. Эти обѣды суть великое благородство для князя: когда жилъ Кочубей, клевретовъ и искателей было много; съ его смертію голодная кліентель разсѣялась или обратила тылъ его супругѣ; князь, какъ и тогда, остался и теперь вѣренъ этому долгу, не смотря, что первое движеніе сближенія его съ Кочубеемъ была болѣе потребность разума, нежели сердца. Князь не подсмотрѣлъ ли у Господа тайну этихъ протяженныхъ привязанностей? Я пророчу князю, что вѣрность и постоянство его правилъ, толкнутыхъ даже по соображенію разума, пристойности и чести, рано или поздно вознаградятся для него сто-

ричною мздою живаго чувства, сладкаго возврата.—Собачка фарфоровая, рыльцо доброе, настоящій шарлотъ. Сѣно-лиственныя деревья, тропичныя растенія; ни въ южной Германіи, ни въ южной Италіи такой роскоши прозябенія великая княгиня не видывала; а море, море не чета нашей грязной и мелистой Балтикѣ. Сумма пріятныхъ ощущеній, полученныхъ великою княгинею отъ своего путешествія. Bonnes nouvelles на счетъ чумы; новыхъ казусовъ не оказалось.

Чернышовъ разсказывалъ князю, какъ Карлъ, король Испанскій, пріѣзжалъ въ Баіонну являться къ Наполеону. Карета на манеръ груши съ купидонами, съ рѣзнымъ и позолоченнымъ деревомъ; восемь муловъ упало. Король въ казакинѣ подбитомъ ватою, шесть звѣздъ, попугаевъ носъ. Роды мелѣютъ, что̀ наиболѣе видно въ конечныхъ мозаикахъ Испанскихъ Бурбоновъ. Старикъ, да проститъ меня Господь, былъ, говорятъ, очень глупъ. Сынка его послали въ Валансьенъ въ гости къ старой лисицѣ, pour dégorger un peu, говоритъ князь, des nippes qu'on lui a volées.—Старецъ Валансенскій въ pendant [1]) старцу Фернейскому, говорятъ, свѣжъ, по прежнему уменъ, пишетъ свои Записки [2]). Онъ для Бурбоновъ подготовилъ ресторацію, а теперь посылаетъ въ театръ смотрѣть на своего Созія, удачно скопированнаго въ драмѣ Мертонъ.—За столомъ было новое блюдо: сосиски кардинала де-Ришелье; въ продолженіи мѣсяца таковыхъ блюдъ являлось три.

За обѣдомъ была уха: это въ первый разъ въ продолженіе двухълѣтнихъ моихъ посѣщеній. Во время стола князь разговаривалъ отрывисто, разсыпчато. Говорено было о lever и coucher [3]) королей Французскихъ; какъ королева стояла безъ рубашки, для того только, чтобъ гремушка мѣстничества и декоръ феодализма были въ строгости соблюдены. Любопытнѣе сказано было княземъ послѣ обѣда, и это касалось свиданія Сенъ-Мартена съ Волтеромъ, Криднершею и съ какимъ-то знаменитымъ вольнодумцемъ.

Князь объявилъ мнѣ, что Зрительница изъ Превоста [4]) переведена на Французскій языкъ, и онъ даетъ коммиссію Тургеневу достать для него эту книгу. Замѣчательно также, что нѣсколько новыхъ и не-

---

[1]) Чтобы немного постирать рухлядь, у него украденную.

[2]) Подъ пару.—Говорится о Талейранѣ. П. Б.

[3]) Вставанье и отходъ ко сну.

[4]) Знаменитая у масоновъ книга: Die Seherin von Prevost. Ни князь Голицынъ, ни Ю. Н. Бартеневъ не читали по-нѣмецки. П. Б.

извѣстныхъ доселѣ мыслей Сенъ-Мартена удалось князю сегодня прочитать у графини Велегурской. Что̀ бы это были за книги на разныхъ языкахъ?—Въ прошедшее Воскресенье, 7-го Ноября, князь разсказывалъ намъ объ обѣдѣ у Дона-Паэза, о его четырехъ выписныхъ пирогахъ, объ его ollapodrida и двадцати сортахъ винъ, маслянистомъ и благовонномъ, tintilla di la rotha. Паэзъ теперь между небомъ и землею: отъ Христины отошелъ, а къ Донъ-Карлу не присталъ.

Князь также говорилъ намъ, какъ у него пропала одна книжка о молитвѣ и какъ нашлася находка въ ящикѣ, принадлежавшемъ императору Павлу.—За обѣдомъ поданъ былъ національный тыковникъ.—Князь разсказалъ послѣ обѣда анекдотъ о Екатеринѣ и фрейлинѣ Протасовой, какъ слѣдуетъ всякую человѣчину оставлять въ рабочемъ своемъ кабинетѣ, а выносить къ наружнымъ зрителямъ одно лишь смѣющееся лицо и подобіе радости. Это хорошо, но не для духовныхъ, думалъ я.—Князь съ обыкновенною кротостью и доброжелательствомъ со мною простился. Я пошелъ домой пѣшкомъ, заставя экипажъ слѣдовать за собою потихоньку; темнота и городское многолюдство еще болѣе вгоняли меня въ мои сердечные помыслы, которые были, признаюсь, грустны.

*

Середа, 1-го Декабря (1837).

По обыкновенію являемся къ князю въ исходѣ втораго часа. Начинается чтеніе. На этотъ разъ князь самъ начинаетъ и читаетъ съ особенною ловкостію и одушевленіемъ, котораго я прежде въ немъ не замѣчалъ. Это привело мнѣ на память способность Расинову для чтенія. Авторъ Enfant de Dieu продолжаетъ свою теорію. Полнота ея, помазаніе, теплота слога и какое-то простодушіе увлекаютъ сердце принимать ее. Въ Плеядахъ, говоритъ авторъ, царствуетъ святое человѣчество Господа нашего Іисуса Христа; но онѣ, какъ бы par procuration *), ввѣрены Іоанну Богослову, этому молодому, пылкому, любимому изъ учениковъ Спасителя, во время смертной жизни Его. Возлѣ Плеядъ (la Poussinière) въ близъ лежащихъ звѣздахъ или мірахъ господствуютъ Престолы Апостольскіе. Св. Павелъ Ѳивейскій, этотъ осерафимленный старецъ, сосчитавшій смертную жизнь свою единственно годами житія пустыннаго, въ которомъ пребылъ 98 лѣтъ,

*) По уполномочію, персдовѣрію.

господствуетъ надъ планетою Сатурномъ. По смерти душа человѣческая, если она положила въ себѣ начало покаянія еще во временной жизни, проходитъ мытарства свои въ Лунѣ; тамъ сильно иногда обуревается отъ общаго врага человѣческаго, который имѣетъ свободный доступъ до Луны и всѣхъ планетъ солнечной нашей системы; душа обуревается его внушеніями на этой Лунѣ, какъ и въ планетахъ; потрясается весь составъ ея; но однажды отданная Творцу воля спасаетъ ее заступленіемъ Могучаго Владыки отъ когтей духа злобы и хищенія. Но если мы съ слабымъ покаяніемъ переходимъ въ шеолъ и по этой причины Луны не достигаемъ, то въ этомъ проходящемъ состояніи весьма рискуемъ еще затмить въ себѣ начатки покаянія и быть увлечену подъ жестокую зависимость врага человѣческаго рода. Авторъ говоритъ, что тлетворная матерія растлила всю планетную систему нашу; несмотря, что земля наша болѣе уже не свѣтовая, но и самыя звѣзды, принадлежащія къ системѣ нашей, проникнуты этою проказою паденія. Отъ того звѣздное или, понятнѣе сказать, планетное вліяніе на человѣка если не вредно, то всегда бываетъ безполезно. Здѣсь я осмѣлюсь прибавить мое собственное мнѣніе. Мало, что всѣ планетные міры заражены проказою паденія, но мнѣ что-то сдается, что и нѣкоторыя ближайшія къ нашей созданной изъ хаоса вселенной, хотя и свѣтлыя, обиталища не изъяты же отъ тлетворной сущности того страшнаго небеснаго мятежа и бунта, хотя степень поврежденія нѣсколько, можетъ быть, и меньшая противу нашего.— Но я уклонился отъ своей матеріи. Загрядскій продолжалъ оспаривать мнѣніе князя, который изъ состоянія нѣсколько мирнаго, увлаженнаго пріятнымъ и занимательнымъ чтеніемъ, не торопился еще выходить къ опроверженіямъ. Но мало-по-малу Адамова огнистость возникнула и въ князѣ; опроверженія его стали ярчѣе и рѣзчаѣ, и онъ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ и какъ бы съ какою-то усталостью опровергалъ доводы Загрядскаго, который, съ минуты на минуту потухая, наконецъ замолчалъ; а князь принялся за свою книгу, которую уже готовъ былъ закрыть. Князь скоро справился и взошелъ въ тотъ мирный духъ, въ которомъ обыкновенно пребываетъ во время чтенія и дабы успокоить Загрядскаго началъ съ нимъ заговаривать, затрогивать и вызывать на слово и на раздѣленіе ощущеній, всѣми нами получаемыхъ отъ автора.

*

Четвертокъ, 30 Декабря 1837 года.

Сегодня князь очень милостивъ и обязателенъ. Разговоръ объ Альманахахъ. Замѣчаніе Булгакову.—Показываетъ намъ трости Це-

саревича, князя Кочубея и Датскаго посланника.—Отзывъ о писателѣ Легру. Насчетъ воспитанія, насчетъ дружбы съ женщинами. Кошелева слово: ѣшь въ мою голову.—Князь изнуряетъ себя голодомъ, двукратный случай.—Стихи Пушкина и отвѣтъ на нихъ Филарета. Отзывъ князя о Пушкинѣ. Начало Лицея Малиновскимъ; отзывъ князя объ Энгельгартѣ. Управленіе князя, Кочубея и Толстова во время отсутствія князя. Гаврильяда Пушкина. Отпирательство Пушкина. Признаніе. Обращеніе съ нимъ Государя.—Важный отзывъ князя, что ненадобно осуждать умершихъ.—Мнѣніе князя о плотской любви: la fange [1]) есть граница дружбы между женщинами. Рязановъ, больная дочь Плещеевой. Лѣченіе. Лѣнивцовъ рисуетъ на тарелкахъ. Корыстные виды Рязанова. Неудача взять его дочь въ чужіе края.—Перемѣщеніе мертвыхъ Орловыхъ въ Юрьевъ монастырь. Сумятица въ монастырѣ.—Мнѣніе князя объ основаніи сердца.—Семь сотъ писемъ царской фамиліи. Письмо князя къ Государю. Отвѣтъ его. Тайна. Cette lettre me vient au coeur [2]). Смѣлость изложенія. Дочь государева [3]). Очеркъ ея характера. Треугольная шляпа. Княгиня Радзивилъ. Нарышкинъ. Совѣтъ князя. Характеръ Нарышкина. Отыскиваніе мѣста для погребенія. Извѣщеніе Государя о смерти дочери. Анекдотъ тайнаго благодѣянія князева, гдѣ дочь играетъ главную ролю. Рескриптъ на брильянтовые знаки ордена. Медалька Французская, докладъ о Нѣмцѣ, докладъ о Бардовскомъ. — Сознаніе внутренняго возвращенія.—Отзывъ Екатерины Волтеру о прогулкѣ мертвыхъ.—Ѣдетъ обѣдать къ Государю.—Прочиталъ письмо, желая насъ потѣшить. Безпорядокъ въ бумагахъ. —Митрополитъ Серафимъ повторяется.—Сравненіе человѣка съ виноградной лозою.

*

Четвертокъ, 6-го Генваря 1838.

Читаемъ Санта-Круца.—Кончикъ обѣдни.—Князь въ моленной.—Упрекъ въ перемѣнчивости.—О невыгодахъ исторіографа.—Князь нѣсколько нездоровъ, но очень оживленъ.—Нѣсколько колосьевъ изъ жизни Безбородки: корыстылюбивъ и сладострастенъ. Оргія на дачѣ. Мистификація надъ Итальянцомъ. Пожалованіе въ мандарины. За-

---

[1]) Грязь, развратъ.

[2]) Это письмо дѣйствуетъ мнѣ на сердцѣ.

[3]) Скончавшаяся въ цвѣтущей молодости Софья Дмитріевна Нарышкина, невѣста графа А. П. Шувалова. П. Б.

водовскій. Обращеніе къ религіи. Factotum Екатерины въ письмѣ къ Волтеру. Страсть къ картинамъ: все перечиталъ, что̀ до того касалось. Мѣрка пожалованія крестьянъ. Даютъ нѣкоторымъ по 2000. Ему дано 16.000 душъ. Любилъ Кочубея. Домъ въ Царскомъ Селѣ. Добродушіе въ отношеніи слугъ. Ошибка Маркова и Зубова въ недостаткѣ довѣренности къ нему Екатерины. Отзывъ его, что боится Екатерины и Павла. Причина таковой боязни. Экзекуція надъ коммисаромъ. Подавайте карету, сегодня капитана, завтра канцлера.— Какъ познакомилась Екатерина съ Безбородкою. Требованія депутатовъ имъ были написаны. Записная книжка Екатерины. Опричники Безбородки. Колыткинъ купецъ, Обрѣзковъ, Козодавлевъ. — Собраніе въ Москвѣ.—Раздаватель карточекъ.—Здѣсь не Вышній Волочекъ.—Избраніе N въ статсъ-секретари.—N Чернышова сажаетъ въ кабинетъ съ тѣмъ, чтобъ молчалъ. — Воспоминаніе о Павлѣ. Павелъ желаетъ служить обѣдню. Шьютъ священническое платье; его отговариваетъ Безбородко. Мнѣніе съ Аѳонской горы. Отзывъ Растопчина. Послѣ Павелъ самъ смѣялся съ Безбородкомъ.—Исторія пастора. Мармонтелевы повѣсти. Оберъ-прокуроръ Обольяниновъ обязываетъ Сенатъ присудить. Бьютъ кнутомъ. Деликатное повелѣніе Александрово; возвращаютъ пастора, опредѣляютъ въ Павловское. Князь здѣсь посредникомъ, призываетъ къ себѣ пастора. Разговоръ его съ нимъ. Павелъ думаетъ изъ Гатчины сдѣлать себѣ Версаль.— Призываетъ Сенатъ, Синодъ.—Опера для монаховъ.—Общее собраніе Сената на счетъ провіянтскихъ магазиновъ.—Собраніе Синода по части избранія въ архіереи. Павелъ въ мантіи, поютъ Царю Небесный.— Неудобность помѣщенія.—Одѣтыя дамы изъ харчевень.—Отдаленное пребываніе Строгонова: 28 верстъ переѣзда съ грыжею.—Лѣстница во дворцѣ.—Помѣщеніе кровати, бѣлая повязка. Долгорукій по аудиторскимъ дѣламъ.—Усугубленіе наказанія, товарищъ его.—Одни сутки пробылъ одинъ, на другіе потребованъ къ докладу.—Павелъ надѣваетъ мантію гросъ-мейстера, спрашиваетъ Безбородку о коронѣ; тотъ не совѣтуетъ—скажите ему дурака. Корона Мальтійская-простая шапочка съ позументомъ. Отзывъ Безбородки, что надѣлъ корону въ 300 р. Сходство профиля Николая съ Екатериною. Князь замѣтилъ это Государю, когда онъ сидѣлъ. Великая княжна Марья Николаевна походитъ на Екатерину. Сожалѣніе князя, что не доживетъ, чтобъ увидѣть совершенное сходство. — Переписка Екатерины съ Гримомъ. Увлеченіе Монархини. Пишетъ о семейныхъ дѣлахъ. Мать родила намъ еще сына: чудный ребенокъ, долгія руки и ноги; не болѣе двухъ недѣль, а уже ѣстъ кашу и держитъ голову такъ же высоко, какъ я

сама; перещеголяетъ или обойдетъ обоихъ братьевъ [1]). Счастлива, когда дадутъ новое перо—ихъ только даютъ 4. Что̀ дѣлать съ перепискою послѣ смерти? Велѣно сжечь. Не рѣшаюсь: cela fait le bonheur de ma vie [2]). Послѣ смерти отправляютъ къ Александру. Сдаютъ въ архивъ иностранной коллегіи. Нессельродъ отыскиваетъ и представляетъ Государю одно изъ писемъ, о которомъ упоминаю. Князь выпрашиваетъ прочитать письма. Нигдѣ столько невидно любезности какъ въ этой перепискѣ. Гримъ служилъ проводникомъ къ философамъ. Послѣ Императрица къ нимъ охолодилась.—Александръ превосходный президентъ совѣта.—Дядя оберъ-прокурора Философовъ. Полчаса говоритъ въ Совѣтѣ.—Черты кротости Государя.—Перестаетъ приходить вмѣстѣ со Сперанскимъ.—Окормленъ вмѣстѣ съ Датскимъ королемъ.—Отзывъ о наружности Безбородки камеръ-лакею.—Поѣздка князева въ Кенигсбергъ. Пять дней. Дворецъ. Картины безъ рамъ. Сперва князь смотритъ въ щелочку—точно восковыя статуи. Изображеніе королевы. Представленіе царской фамиліи неумытою. Графъ Толстой освѣщалъ жирандолью. Бѣдность въ Пруссіи. Жандармы, характеристика ихъ. Отзывъ полковника жандармовъ и вмѣстѣ обывателя. Печатная афиша. Обѣды и десертъ. Пріемъ Веймарской княгини Наполеономъ. Madame, qui êtes-vous? [3])—Два часа съ половиною въ амбразурѣ окошка. Намѣреніе разграбить Веймаръ.—Разстанавливала Іенское сраженіе Прусская королева.—Partie de chasse [4]).—Палатка на этомъ мѣстѣ.—Наполеонъ кушалъ сосиски вмѣстѣ съ Александромъ. Братъ короля не поѣхалъ на охоту.

Крещенье. Какъ Государь бываетъ на морозѣ: подъ сертукомъ клеёночная фуфайка, но подъ мундиромъ ничего. Крещенье при Прусскомъ королѣ. Изысканный парадъ. Князь въ парикѣ и курткѣ. Спензеръ.—Вдругъ приводятъ его къ царской фамиліи.—Отзывъ священника въ Синодѣ.—Наслѣдникъ посѣщаетъ его по праздникамъ.—Государь Александръ три раза кушалъ въ кабинетѣ.—У князя много механической работы: по сту граммáтъ на пряжку; столько же граммáтъ сегодня на ордена.—Князь исполнилъ мою просьбу насчетъ племянника.—Мысли его насчетъ Бардовскаго въ слѣдствіе внушеній Хитрова. Князь соблазнился слабостію ближняго. Средство охлажденія

---

[1]) Говорится про младенца—Николая Павловича. П. Б.

[2]) Это составляетъ счастіе моей жизни.

[3]) Милостивая государыня, кто вы такая?

[4]) Поѣздка на охоту.

князева въ молодости.—Еще отзывъ насчетъ Румянцова *): думалъ, что будетъ въ послѣдствіи городъ; на мѣстѣ одной деревни выстроилъ фонтанъ. Колонна изъ генераловъ. Слово Александру о Румянцовѣ. Александръ грозитъ пальцемъ князю. Наставники уѣхали. Слово Безбородки.

*

Пятница, 7-го Генваря (1838).

Головинъ у князя. Князь даетъ мнѣ наставленіе, какъ проглатывать скуку и заботливость. Примѣръ тому Екатерина и фрейлина Протасова.—Конфиденціельная рѣчь о Всеволодскихъ.—Раскрытіе отношеній къ сестрѣ.—Система князя въ отношеніи опріязненнаго знакомства.

*

Понедѣльникъ, 11-го Генваря (1838).

Загрядскій, Поповъ, князь и я обѣдаемъ. Разговоръ въ комнатахъ сестрицы. Игра въ фанты. Больной Нащокинъ. Графъ Ельмптъ. Пажескіе штуки.—Испугъ каммергера со свинымъ рыломъ. — Екатерина воспрещаетъ игры на полтора мѣсяца. — Нѣчто о сборныхъ Воскресеньяхъ.—Поклоны князя Горчакова.—Моленье Нащокина.—Скупость графини Эльмптъ.—Ея дочь.—Совѣтъ быть Одесскимъ почтъ-инспекторомъ.

*

Пятница, 25 Августа (1838). Царское Село.

Происшествіе на морѣ съ великими княжнами. Письмо о томъ гр. Віельгорскаго. Великая княжна Марія Николаевна подвержена морской болѣзни. Четверо сутки ѣзды *на морѣ*. Письмо князя Меньшикова.—Португалецъ.—Рѣшеніе департаментовъ Сената.—Злоключеніе иностранца, котораго причина вспыльчивость и нѣкоторый фатализмъ. Жена его Португалька. Генералъ Боуръ, ревность и любомщеніе, опередившее времена регентства. Мученическая кончина Португальки со всѣми ея безотрадными обстоятельствами. Александръ препоручаетъ разсмотрѣть это дѣло. Придворная уклончивость. Это дѣло препоручается князю. Государь предупрежденъ противъ иностранца. Записка князева. Оппозиція министра финансовъ. 45 тысячъ одновременной выдачи и пансіонъ въ 4500. Экстазическая благодарность иностран-

*) Канцлера графа Николая Петровича. П. Б.

ца. Статуя князя. Юморъ князевъ въ описаніи статуи. Участь знаменитыхъ бронзъ. Взглядъ на придворную жизнь Екатерины. Оригиналы того времени. Каммергеръ N.—Женоподобность въ ухваткахъ. Метода куртизанить всѣмъ безъ исключенія. Умѣнье дразнить Государыню. Мастерская repartie [1]) на замѣчаніе о томъ Екатерины. Неудовольствіе на Государыню, что не дала Польскаго ордена.—Позвольте поподличать.—Эскулапіусъ падалъ до ногъ. Кончина Эскулапа. Мѣшки съ сухарями и остатками сальныхъ свѣчей. Вступленія на тронъ Павла. Каммергеровъ поклонъ.—Коронація Павла; Аннинская лента.—Да утѣшитъ тебя Господь, какъ ты меня утѣшилъ.—Деревенскій дворъ каммергера.—Провинціальный салонъ и его разговоры.—Отзывъ Павловъ, что и у него нѣтъ такихъ просторныхъ платьевъ. Женидьба каммергера; двѣ его невѣсты; послѣдняя была пугаломъ для дворскихъ страстей князевыхъ и обыкновенно парализовала въ немъ великое вражеское нашествіе. Каммергерскіе mignons [2]). Сцена на балѣ при глухонѣмомъ.—Для чего и кѣмъ построенъ дворецъ. Колоннада Гваренги.—Заботливость Екатерины.—Павелъ послѣдній годъ жизни жилъ въ Царскомъ Селѣ.—Море вѣроломно Царю. Отзывъ Государя о картинѣ. Болѣзнь императрицы Маріи. Пріѣздъ Государевъ. Слово императрицы, что она была здорова при отъѣздѣ, а больна при пріѣздѣ.

*

Воскресенье, 29 Августа. Царское Село (1838).

Мнѣ сдается, что князь на подобіе старца Трубецкаго съ намѣреніемъ отказываетъ себѣ въ яствахъ.—Глупая моя обмолвка за столомъ: я сравнилъ себя съ Жилблазомъ, а князя съ кардиналомъ. Князь спросилъ меня объ этомъ мѣстѣ романа, котораго онъ не помнитъ; я отдѣлался кое-какъ и боялся, чтобъ за эту аллюзію, какъ она ни глупа, не потерять въ его мнѣніи. Послѣ того вспомнилъ, что въ романѣ Лесажевомъ кардиналовъ нѣсколько, и всѣ они служатъ пародіею старыхъ холостяковъ, типомъ скупости, узкости ума, ерготизма [3]). Князева осторожность въ казенныхъ тратахъ, строгая умѣренность и не прихотливая взыскательность.—Прежній бытъ царскихъ столовъ.—Русскія блюда царей Московскихъ.—Анекдотъ о Екатеринѣ, разсказанный мнѣ нѣкогда княземъ, касающійся до расхищенія столовыхъ припасовъ.—Девять категорій настоящихъ столовъ царскихъ отъ 2 до

[1]) Быстрый отвѣтъ.
[2]) Женоподобные мальчики.
[3]) Желаніе издѣваться.

25 рублей. Заслуги князя Волконскаго по этому предмету.—Князь, находясь подъ вліяніемъ Фернейской философіи, былъ нѣкогда отъявленнымъ гастрономомъ. Его ультризмъ [1]) по этому предмету. Теперешніе его навыки. Князевъ собственный столъ. Князевъ поваръ. Его замѣчанія по предмету стола, дѣланныя имъ сестрѣ въ моемъ присутствіи, чтó раззоряетъ барина, роскошный ли столъ дѣлаемый случайно, или обыкновенныя булавочныя издержки? Его Цинцинатова простота. Князь не любитъ застольныхъ пріятелей. Особенная довѣренность, когда онъ приглашаетъ кого къ столу. L'homme de l'habitude [2]), князь съ трудомъ рѣшается вводить новыя лица къ своему столу. За столомъ онъ даетъ большой просторъ себѣ и другимъ. Непринужденная веселость, юморъ, занимательность разсказовъ суть господствующія стихіи скромныхъ обѣдовъ князевыхъ. Иногда показываетъ намъ блестящіе успѣхи князевъ Автомедонъ въ яствахъ. Князь заставляетъ читать себѣ Франкфуртскія газеты.—Прочитываю князю оглавленіе моихъ протоколовъ. Князь отозвался, что ничто не упущено.—Провожаю князя при выѣздѣ его въ Петербургъ.—Князь получаетъ собственноручное письмо отъ 9-го Августа отъ Государя и груститъ за него, видя, что Царь не знаетъ еще случившагося съ великими княжнами.

*

Пятница, 2-го Сентября (1838). Царское Село.

Осторожность въ трактаціяхъ о дѣлахъ.—Екатерина, Орловъ и Купидонъ.—Купидонъ укоряетъ Государыню въ недобросовѣстности.—Кто такой Купидонъ.—Трогательный анекдотъ о пріисканіи матери.—Старая Негритянка. L'héberge dans le palais [3]).—Завтраки Купидона съ матерью.—Пять пуговицъ Французскаго кафтана обнарýживаютъ дурака.—Кто онъ былъ?—Адмиралъ Аннибалъ и его кошелекъ. Чухончикъ. Куртизанство къ Чухончику: NN ѣздитъ изъ Царскаго Села, чтобъ покупать ему игрушки. Самъ Суворовъ ласкаетъ Чухончика. Дальнѣйшая судьба Чухончика. Горный офицеръ. Жена его. Ограниченность ума въ Чухончикѣ. Князь смутно оканчиваетъ его исторію и для того, кажется, чтобъ не выказать своихъ благодѣяній, сдѣланныхъ имъ въ послѣдствіи женѣ Чухончика. Чухончикъ какъ-то ему былъ врученъ послѣ смерти Екатерины.—Другой Арабченокъ.—По

---

[1]) Вниманіе къ другому лицу.
[2]) Человѣкъ привычки.
[3]) Помѣщеніе со столомъ во дворцѣ.

случаю рожденія Александра пріуготовляется покой въ Зимнемъ дворцѣ.—Турецкія ткани.—Шифры и вензеля изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ.—Plateau [1]) изъ разныхъ цвѣтныхъ каменьевъ.—Игра въ макао и богатые выигрыши. Билеты разсылалъ Арабченокъ отъ своего имени. Шумная радость Екатерины по случаю рожденія Александра. Воръ въ спальнѣ у Государыни. Каммердинеръ N. Какъ поймали вора.—Литаврщикъ между кирасирами.—Герцоги Бурбонскіе. — Эстергазій, отецъ, мать, сынъ. Недостатокъ въ бѣльѣ. Ненадобно выносить изъ избы сору, пересказывать родительскія рѣчи.—У матери въ Царскомъ Селѣ домъ и пенсія.—Калмычки.—Слово Черткова [2]). Охота къ чтенію. Какъ сердился каммергеръ Чертковъ, играя съ Государынею въ бостонъ. Отношенія Черткова къ Потемкину. Годовая ссора. Зовъ на обѣды. Костюмъ краснаго плаща, Китайскій мостикъ и деревенская баба. Игра въ фанты, вызовъ и отзывъ Черткова. Вольность вызова самой Екатерины.—Я прошу князя о другѣ моемъ подполковникѣ Геллерѣ. Князь обѣщалъ мнѣ свою милость и посредство.—Разводъ предъ окошками.—Мнѣніе князя о полковой музыкѣ.—Движенія войскъ предъ Александровскою колонною въ примѣръ однообразнаго вычерпыванья и очищенія площади. Какъ заболѣла нога у князя. Александрова колясочка; дѣти царевы возятъ князя. Забота лѣкарей. Уклончивость князя отъ методической галлопатіи. Недуги князевы. Въ князѣ какая-то Сенжерменевская таинственность въ изложеніи своей гигіены.

---

[1]) Подносъ.

[2]) Говорится о Евграфѣ Александровичѣ Чертковѣ, который участвовалъ нѣкогда въ возведеніи на престолъ и потомъ былъ свидѣтелемъ при бракосочетаніи Екатерины съ Потемкинымъ. П. Б.

КРАЖА ВЪ КАБИНЕТѢ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

На третьей недѣлѣ по воцареніи своемъ, 12 Декабря 1741 г., императрица Елисавета Петровна указала «кабинетъ» съ особымъ «кабинетъ-министромъ» закрыть и вмѣсто того «соизволяемъ имѣть при дворѣ нашемъ кабинетъ въ такой силѣ, какъ былъ при Государѣ Петрѣ Великомъ» [1]), т. е. единственно для комнатныхъ, письменныхъ дѣлъ». Поэтому кабинетъ долженъ былъ находиться именно тамъ, гдѣ пребывала Государыня. Съ 1732 г., т. е. съ переселенія двора изъ Москвы въ Петербургъ, Елисавета жила на Красной улицѣ при каналѣ, въ томъ домѣ, что̀ прежде принадлежалъ Александру Ѳедоровичу Нарышкину; а потомъ въ Зимнемъ дворцѣ. Когда былъ построенъ на берегу Фонтанки-рѣчки Лѣтній императорскій домъ съ довольно большимъ садомъ, и Нарышкинскій домъ былъ подаренъ графу Разумовскому [2]), въ 1745 году въ началѣ Мая, Государыня переѣхала изъ Зимняго дворца въ Лѣтній домъ и «тамо изволила со онаго времени начать жительство имѣть» [3]). Въ этомъ году, т. е. въ годъ свадьбы принцессы Цербстской съ герцогомъ Петромъ Голштинскимъ, бывали въ Лѣтнемъ дворцѣ большія собранія. 12 Іюня случилось тамъ происшествіе, поднявшее всѣхъ на ноги: «въ кабинетѣ Ея Императорскаго Величества» совершается кража «на часахъ, изъ сундука». Въ сундукѣ хранились «документы», «дѣла», «ящикъ съ казенными деньгами» и «ключъ отъ него». Кражу изъ сундука совершилъ «стоявшій на караулѣ часовой Лаврентій Кузнецовъ. Укралъ онъ 42 р., изъ которыхъ издержалъ 8 р. 20 к.»

Такъ видно изъ бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи среди «дѣлъ Сената по Военной Колле-

---

¹) Полн. Собр. Закон. № 8480.

²) Историческое, географическое и топографическое описаніе С.-Петербурга съ 1703 по 1751 г. Богданова, Спб. 1779 г. 57—60.

³) Церемоніальные, банкетные и походные журналы 1745 г.

гіи»*). Въ дѣлѣ этомъ нѣтъ полнаго и подробнаго разсказа о кражѣ, а сдѣлана лишь небольшая выписка, содержащая въ себѣ какъ бы протоколъ объ осмотрѣ мѣста совершеннаго преступленія, показанія свидѣтелей и подсудимаго и состоявшійся приговоръ суда. Эту выписку Военная Коллегія послала на разсмотрѣніе и утвержденіе Сенату. А въ Военной Коллегіи были получены эти свѣдѣнія отъ суда черезъ «презуса», т. е. предсѣдательствующаго въ судѣ, генералъ-лейтенанта графа А. И. Румянцова съ подписью шести ассессоровъ. Кража, совершенная въ кабинетѣ Ея Императорскаго Величества, была настолько важнымъ преступленіемъ, что вмѣсто судебнаго слѣдствія о Кузнецовѣ въ полковомъ или нижнемъ военномъ судѣ (гдѣ судились обыкновенно не только нижніе чины, но и штабъ и оберъ-офицеры) дѣло разсматривалось въ генеральномъ кригсъ-рехтѣ, т. е. въ высшемъ военномъ судѣ. Въ кригсъ-рехтъ же поступило это дѣло послѣ продолжительнаго «ферхерунга» (Verhörung), т. е. сыска о Кузнецовѣ. Оказалось, что «родомъ онъ происходитъ изъ крестьянскихъ дѣтей, 29 лѣтъ, присягу принялъ, зналъ военные артикулы и указы, за какія продерзости штрафы чинить велѣно, подъ судомъ не былъ и на службѣ состоялъ въ Ингерманландскомъ пѣхотномъ полку съ 1741 г.» Въ 2 часа дня подсудимый Кузнецовъ, будучи смѣненъ заступившимъ его другимъ часовымъ, былъ посланъ начальникомъ караула въ Ямскую канцелярію съ сообщеніемъ о дачѣ какой-то подорожной. Исполнивъ это порученіе и возвращаясь обратно на часы, Кузнецовъ «на дорогѣ на Васильевскомъ острову, близъ театра, увидѣлъ между бревенъ лежащаго пьянаго мужика, котораго два неизвѣстные солдата (а по видимому гарнизонные) грабятъ». Поваливъ его, одинъ изъ солдатъ держалъ за шиворотъ, а другой отвязывалъ «чересъ» съ деньгами. Солдаты, увидѣвъ Кузнецова, но не успѣвъ въ тоже время вытащить деньги у мужика, взмолились и обратились къ нему съ просьбой не забирать ихъ, а за то «чтобъ онъ имъ не препятствовалъ грабить и объ этомъ молчалъ, дали ему 1 р. 20 к.» Заполучивъ взятку, Кузнецовъ отправился въ кабакъ, а оттуда на часы, но на дорогѣ «по пьянству, данную ему подорожную потерялъ, которая нѣкоторою женкою найдена и принесена въ Ямскую канцелярію». Придя во дворецъ и «убоясь идти въ кабинетъ, Кузнецовъ легъ въ *ренжерепъ* за шпалерными деревьями спать, гдѣ найденъ и по приличности его въ покражѣ изъ кабинета денегъ по допросу извинился, за что и подвергнутъ былъ подъ военный судъ». Во время производства «ферхерунга» Кузнецовъ заболѣваетъ, и его отправляютъ въ полковой госпи-

*) Кн. 71 (442), дѣло № 26.

таль. Отсюда въ 1746 году 18 Мая онъ бѣжалъ «изъ подъ караула, убоясь тѣхъ наказаній, которыя грозили ему смертью. За «такое слабое смотрѣніе караульнымъ по суду учиненъ штрафъ». А Кузнецовъ, постранствовавши по городу цѣлую недѣлю, проѣвши и пропивши все что было у него и на немъ, наконецъ отправился къ стройкѣ Аничковскаго дворца, нанялся въ поденьщики и такъ, проживая въ бѣгахъ безъ паспорта цѣлый годъ и два мѣсяца, онъ ежечасно находился въ волненіи и ожиданіи, что его того и гляди схватятъ. Но вотъ, когда при стройкѣ началась повѣрка рабочихъ и стали спрашивать у нихъ паспорты, тогда Кузнецовъ вздумалъ скрыться и отправился по дорогѣ прямо на Васильевскій островъ «якобы въ томъ намѣреніи, чтобъ явиться въ полкъ», однако вмѣсто этого онъ попалъ въ кабакъ и тамъ солдатомъ одной съ нимъ роты Семеновымъ опознанъ, схваченъ, приведенъ въ роту и объявленъ. При новомъ ферхерунгѣ оказалось, что Кузнецовъ, кромѣ всего уже извѣстнаго намъ «при побѣгѣ изъ подъ караула взялъ съ собою и промоталъ мундиръ, кафтанъ, камзолъ, штаны и епанчу; все это онъ на Морскомъ рынкѣ незнаемымъ людямъ продалъ».

Этимъ заканчиваются свѣдѣнія о совершеніи кражи въ кабинетѣ Ея Императорскаго Величества, а дальше слѣдуетъ уже процессуальная сторона дѣла, гдѣ выставлены юридическія формулы «Воинскихъ Артикулъ» и ихъ «Толкованіе». Въ силу указа отъ 17 Мая 1744 года (гдѣ прямо говорится, что «о винахъ колодниковъ, приговоренныхъ къ смертной казни или къ политической смерти», всегда безусловно должно всѣмъ учрежденіямъ «для разсмотрѣнія» подавать въ Правительствующій Сенатъ «обстоятельныя и перечневыя выписки подобныхъ дѣлъ и при семъ до полученія на это особыхъ указовъ Сената экзекуцій не чинить») генеральный кригсъ-рехтъ черезъ Военную Коллегію посылаетъ 11 Марта 1748 года «дополненіе», которое раздѣляется на три части: вопервыхъ, на «экстрактъ» дѣла о кражѣ Кузнецовымъ, вовторыхъ, на изложеніе «особаго мнѣнія» кригсъ-рехта и, наконецъ, на собраніе и подтасовку статей «Воинскихъ Артикулъ», подъ которыя вообще можно подвести всѣ противозаконныя дѣянія Кузнецова. Въ своемъ же мнѣніи кригсъ-рехтъ говоритъ, что «помянутый солдатъ за объявленное воровство казенныхъ денегъ и за побѣгъ изъ подъ караула достоинъ быть преданнымъ смертной казни». Ярко выдѣляется тутъ подсудность по этому дѣлу лицъ при сравненіи ея съ подсудностью въ настоящее время. Въ дѣлѣ не упоминается о томъ, былъ ли преданъ суду и часовой, смѣнившій Кузнецова, а также разводящій или начальникъ караула, тогда какъ тутъ же говорится о наказаніи «штрафомъ *караульныхъ* за слабое смотрѣніе ихъ», благодаря которому послѣдовалъ побѣгъ Кузнецова.

Бросивъ взглядъ на тѣ градаціи, которыя проходятъ среди ряда преступленій, совершенныхъ Кузнецовымъ, вы увидите, что различіе въ наказаніяхъ за нихъ по Воинскимъ Артикуламъ, изданнымъ Петромъ I, немного строже чѣмъ теперь по XXII книгѣ Свода Военныхъ Постановленій изданіе 1869 года. Въ статьяхъ, приложенныхъ къ настоящему дѣлу читается: «Если кто свой мундиръ, ружье проиграетъ, продастъ или въ закладъ отдастъ, оный имѣетъ въ первый и другой разъ шпицъ-рутенами и заплатою утраченнаго наказанъ, а въ третій — разстрѣлянъ быть; такожде и тотъ, который у солдата покупаетъ или принимаетъ такія вещи, не токмо тоё чтò принялъ или купилъ безденежно, пока возвратитъ, но и втрое сколько оное стоитъ штрафу заплатить долженъ, или по изобрѣтенію особо шпицъ-рутенами наказанъ будетъ». «Ежели рекрутъ, прежде года служивъ въ полку, побѣжитъ, то оный долженъ быть битъ шпицъ-рутенами черезъ полкъ по три дни по разу; а когда въ другой разъ побѣжитъ или болѣе году кто въ службѣ, оныхъ вмѣсто смерти бить кнутомъ и, вырѣзавъ ноздри передъ полкомъ, сослать въ вѣчную работу на галеры».—«Никто, ниже офицеръ, рейтаръ или солдатъ да не дерзаетъ никакого человѣка, Его Императорскаго Величества подданнаго или нѣтъ, грабить, насилить или чтò у него силою отнимать, хотя на улицѣ, въ походѣ черезъ землю или въ обозѣ, въ городѣхъ, крѣпостяхъ, деревняхъ, подъ наказаніемъ на тѣлѣ смертью». Въ «Толкованіи» есть объясненіе всего здѣсь приведеннаго; тамъ говорится: «Ежели кто украдетъ на мѣстѣ, гдѣ онъ караулъ имѣлъ, тотъ хотя много или мало укралъ, имѣетъ быть повѣшенъ...»

По Воинскому же Уставу, изд. 1875 г., за побѣгъ со службы въ первый разъ полагается военная тюрьма отъ одного мѣсяца до четырехъ (за неимѣніемъ мѣста содержанія подъ арестомъ на хлѣбѣ и водѣ до четырехъ недѣль); во второй разъ въ дисциплинарные баталіоны отъ одного до трехъ лѣтъ, за третій—лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ Сибирь на поселеніе; за промотаніе же казенныхъ аммуничныхъ и мундирныхъ вещей въ первый, второй и третій разы подвергаются подсудимые заключенію въ военную тюрьму или дисциплинарные баталіоны на тѣже сроки; при чемъ они подлежатъ къ переводу въ разрядъ штрафованныхъ, наказуются по распоряженію начальства розгами въ теченіе положеннаго судомъ срока. Что же касается кражи, то при какихъ бы условіяхъ она ни была совершена, всегда часовому грозятъ каторжныя работы (160 ст.), а въ военное время смертная казнь (157 — 158 стт.).

Д. Сапожниковъ.

1812-й годъ.

Изъ семейныхъ воспоминаній А. Ѳ. Кологривовой

(урожденной Вельяминовой-Зерновой).

Нѣкоторые изъ друзей моихъ начали записывать разныя любопытныя вещи изъ прошедшей эпохи своей жизни и меня къ тому же взманили. Они моложе меня, и записки ихъ очень интересны; мнѣ же 84 года «а спустя лѣто въ лѣсъ по-малину не ходятъ», говоритъ пословица. Чувствую однакоже, что память сердца во мнѣ еще не угасла.

Попытаюсь кое-что записать изъ событій, въ которыхъ участвовали мои родители. Жизнь ихъ была частная, и со смертью моей и сестеръ моихъ слѣды ихъ исчезнутъ, почему я и запишу то, что̀ слѣдуетъ для домашняго нашего кружка.

Мы всегда жили въ Москвѣ и только на лѣтніе мѣсяцы съѣзжались въ подмосковное свое село Жéдочи, а оттуда мы ѣздили мѣсяца на два въ наши Орловскія деревни, изъ которыхъ прямо возвращались въ Москву.

Зиму 1812 года провели мы, какъ и всегда, на балахъ, концертахъ, благородныхъ спектакляхъ, изъ которыхъ лучшіе бывали у Степ. Степан. Апраксина и у князя Петра Ив. Одоевскаго; въ иныхъ и я участвовала. По большей части играли пьесы изъ такъ-называемой «Haute Comédie»; особенно помню я пьесу въ двухъ лицахъ «Влюбленный Шекспиръ», въ которой игралъ превосходно Петръ Васильевичъ Сушковъ, отецъ извѣстной писательницы графини Ростопчиной.

Весело промчалась зима, и помину тогда не было о политикѣ; развѣ играя въ бостонъ, партёнеры шопотомъ изъявляли негодованіе

на Тильзитскій миръ, да изумлялись исполинскимъ успѣхамъ Наполеона. Но никто не тревожился за сильную и непобѣдимую Россію, тѣмъ менѣе за ея столицы. Беззаботные, спокойные умы продолжали жить день за день. Прошла весна также весело на пикникахъ и гуляньяхъ. Начали уже собираться къ переѣзду по деревнямъ. Отецъ мой былъ (не помню въ точности) болѣе пяти трехлѣтій сряду предводителемъ дворянства Московской губерніи, Верейскаго уѣзда. Мы уже сдѣлали наши прощальные визиты и готовы были переѣхать въ Жéдочи, какъ вдругъ неожиданно прискакалъ Государь изъ Вильны въ ночь подъ 12-ое Іюля. Батюшка мой въ числѣ другихъ предводителей получилъ извѣщеніе отъ губернскаго предводителя Арсеньева ѣхать во дворецъ. Всѣ думали, что это обыкновенное представленіе; но по возвращеніи изъ дворца узнали отъ батюшки, что Императоръ объявилъ, что непріятель перешелъ Нѣманъ и находится съ огромнѣйшимъ войскомъ въ предѣлахъ нашего государства. Государь былъ чрезмѣрно разстроенъ, и все мгновенно воспламенилось любовью къ дорогому отечеству: всѣ наперерывъ заявляли любимому Государю свою готовность защищать родину своею грудью и своимъ посильнымъ достояніемъ. Усердіе дворянства было награждено въ лицѣ предводителей: батюшка мой получилъ бриліантовые знаки ордена Св. Анны. Вся Москва была взволнована, всѣ негодовали на дерзость высокомѣрнаго Бонапарта (такъ его тогда называли); никто однакоже не робѣлъ и не воображалъ, чтобы такое государство, какъ наше, сильное, могучее, могло быть побѣждено. Государь уѣхалъ въ Петербургъ, и дѣла закипѣли. Старики, люди средняго возраста и молодые стали въ ряды ополченія. На бульварахъ, гдѣ бывало гулянье каждый Понедѣльникъ, все мужское общество нарядилось въ мундиры; на шляпахъ стариковъ развѣвались перья изумруднаго цвѣта, а на молодыхъ были рыцарскія каски. Къ инымъ онѣ не совсѣмъ пристали, и намъ, дамамъ ихъ по танцамъ, казались смѣшными; другіе же напоминали воображенію средневѣковыхъ рыцарей. Словомъ сказать, у всѣхъ былъ на умѣ, а иные и напѣвали шопотомъ, романсъ «Partant pour la Syrie» или:

«И такъ любовь должна быть славѣ данью!
«Спѣши герой, прославься славной бранью,
«Лети къ честямъ....

Отцу моему надо было спѣшить ѣхать въ свой уѣздъ принимать ратниковъ, вооружать и одѣвать ихъ. Онъ уговорилъ одного помѣщика, богатаго и способнаго къ тому, заготовлять оружіе. Это былъ

нашъ родственникъ Дмитрій Петровичъ Смирновъ, братъ моей бабушки по матери и родной дядя сенатора Николая Михаил. Смирнова.

Повсюду возбудилась кипучая дѣятельность, подстрекаемая ненавистною мыслью, что непріятель на Русской землѣ. Никто однакоже не сомнѣвался въ томъ, что мы прогонимъ врага и не допустимъ идти далѣе въ глубь Россіи. Безстрашіе это продолжалось до тѣхъ поръ пока узнали, что непріятель подступаетъ къ Смоленску. Изъ ближайшихъ городовъ жители начали выбираться. Верею защищалъ г-лъ Винценгероде съ своимъ отрядомъ. Въ это время этотъ городъ уже не былъ безопаснымъ. Пріемъ Верейскихъ ратниковъ доканчивался въ селѣ Жѐдочахъ, куда правительство и прислало гарнизонъ съ офицеромъ для присутствованія при пріемѣ ратниковъ и для отвода ихъ въ назначенное мѣсто.

Батюшка мой по сношеніямъ своимъ съ Вереей передалъ туда, что бѣдные чиновники со своими семействами могутъ ѣхать въ Жѐдочи, гдѣ имъ дадутъ временный пріютъ. Къ намъ ихъ стеклось множество со всѣмъ ихъ бѣднымъ имуществомъ. Въ числѣ ихъ были бѣднѣйшіе дворяне изъ скудныхъ своихъ помѣстій. Опасность росла уже не по днямъ, а по часамъ.

Мой отецъ убѣдилъ матушку ѣхать съ дѣтьми немедленно въ Орловскія наши деревни. Нестерпимо тяжела была наша разлука съ нимъ; въ горькихъ слезахъ отправилась моя мать въ нѣсколькихъ каретахъ со всѣмъ своимъ семействомъ, съ гувернантками и учителями для моихъ меньшихъ сестеръ и для меньшаго брата; старшій же былъ въ Петербургѣ на службѣ въ собственной канцеляріи Государя Императора, а второй находился въ дѣйствующей арміи. Мнѣ шелъ тогда 24-й годъ. Мы съ сестрой (Екатериной Ѳеодоровной Офросимовой) старались всѣми силами успокоить матушку въ разлукѣ съ отцомъ нашимъ и разсѣять ея страхъ за сына, который былъ въ дѣйствующей арміи; но мы не успѣвали въ этомъ и сами едва могли воздержаться отъ слезъ.

Какъ только мы выѣхали на большую дорогу, стали съ нами встрѣчаться скачущіе отряды Башкирцевъ и Киргизовъ съ луками и копьями, мчались Донскіе казаки, припавъ грудью къ лошадиной шеѣ. Опасность сдѣлалась очевидной. Сердце сжималось отъ горя. Предстоящее будущее ужасало; всѣ недоумѣвали, отъ чего происходитъ постоянное отступленіе нашихъ войскъ, и никто не понималъ этой благоразумной и необходимой мѣры. Даже въ высшихъ слояхъ общества были люди, которые подозрѣвали въ этой бѣдѣ предательство Сперанскаго, а простой народъ толковалъ такъ: «Чтò тутъ и говорить! Да просто начальники измѣняютъ, вотъ и только»... И эта мысль такъ въ нихъ

укоренилась, что мы слышали, какъ ямщики, запрягая лошадей, кричали на нихъ: «Куда пятишься, Барклай проклятый!» а бабы щебетали: «Да это ничего, Бунапартъ идетъ черезъ насъ въ гости къ тестю своему папѣ Римскому». (Вѣроятно какой-нибудь проѣзжій весельчакъ имъ это сказалъ). Народу казалась всякая нелѣпость возможнѣе, чѣмъ вступленіе врага въ Москву. Между тѣмъ во всѣхъ сферахъ вѣрили листкамъ графа Ростопчина и увѣреніямъ его Силы Андреевича. Страшно было всѣмъ; но еще болѣе невѣроятнымъ казалось, чтобы отдали врагу матушку-Москву. Никто изъ нея еще не трогался, и мы вездѣ на станціяхъ находили почтовыхъ лошадей.

Такъ въѣхали мы въ Тулу и остановились въ гостинницѣ. На противуположной сторонѣ, въ такой же гостинницѣ, остановилась проѣздомъ Елена Васильевна Шереметева съ своимъ семействомъ. Увидя матушку въ окно, она тревожно закричала ей: «Куда вы ѣдете, Екатерина Николаевна» и получивъ въ отвѣтъ «въ Орловскую деревню», въ ужасѣ вскрикнула: «Помилуйте, какъ это можно! Я ѣду въ Москву по совѣту всѣхъ моихъ Петербургскихъ и Московскихъ друзей; въ одной только Москвѣ и можно быть безопаснымъ; ее ни за что̀ не отдадутъ. Ростопчинъ въ этомъ ручается». Эти слова встревожили матушку, и она послала просить къ себѣ губернатора, Ник. Иван. Богданова, который былъ сослуживцемъ моего отца по артиллеріи и короткій нашъ знакомый. Онъ немедленно пріѣхалъ къ ней и отвѣчалъ на ея вопросы: «Скорѣй, скорѣй уѣзжайте отсюда; здѣсь все и у всѣхъ уложено на воза для вывоза изъ города. Сейчасъ проѣдетъ мимо васъ восемьсотъ подводъ съ ранеными подъ Смоленскомъ, куда уже вошелъ непріятель!» Услышали мы раздирательные вопли этихъ несчастныхъ воиновъ. Сердце у насъ разрывалось на части; пугала мысль, что можетъ быть таже участь постигла и нашего милаго брата. Матушка была растерзана горемъ и страхомъ за сына и за батюшку нашего, оставшагося посреди ожидаемыхъ бѣдствій.

Мы пріѣхали, наконецъ, безъ приключеній въ село наше Корсунское, гдѣ проводили дни и безсонныя ночи, не отходя отъ матушки.

Возвращаюсь къ тому, что̀ сталось съ отцемъ моимъ послѣ нашего отъѣзда изъ Жéдочей. Распорядившись служебными дѣлами, онъ пошелъ къ обѣднѣ и такъ какъ церковь наша стоитъ на дорогѣ, пролегающей въ Москву, то вскорѣ увидѣлъ въ окно скачущаго во всю прыть одного изъ своихъ людей, который оставленъ былъ въ Московскомъ домѣ. Посланный сказалъ ему, что братъ мой, тяжело раненый, привезенъ вмѣстѣ съ шефомъ своимъ графомъ Ивеличемъ въ нашъ Московскій домъ. Во время этихъ распросовъ батюшка увидѣлъ непріятельскихъ мародеровъ, показавшихся изъ-за нашего лѣса. Время

было дорого. Надо было спѣшить, отецъ мой сдѣлалъ должныя распоряженія и сказалъ всѣмъ съѣхавшимся изъ Вереи чиновникамъ: «Кому изъ васъ некуда дѣться и негдѣ искать другаго убѣжища, тѣхъ прошу пріѣхать ко мнѣ въ Орловскую деревню, гдѣ и я буду». Онъ просилъ офицера вывести ихъ безопасно на большую дорогу, равно какъ и прислугу нашу приказалъ онъ вывести туда же. (Лошади и повозки для нихъ уже были прежде заготовлены). Слезы и рыданія не прерывались, но довѣренность къ словамъ моего отца была неограниченна.—«Онъ все устроитъ къ лучшему», повторяли они. Самъ же онъ поскакалъ въ Москву къ раненому сыну; но ни его, ни шефа его въ нашемъ домѣ уже не нашелъ. На вопросъ: «Гдѣ сынъ?» ему отвѣчали, что князь Оболенскій (племянникъ моего отца), положа раненаго къ себѣ въ карету, повезъ неизвѣстно въ какую больницу. Вслѣдъ за этими словами прискакалъ верхомъ короткій нашъ знакомый, полковникъ Сомовъ, находившійся въ штабѣ главнокомандующаго Кутузова.

Онъ сказалъ, что нашъ арьергардъ уже идетъ черезъ Москву, немедленно пройдетъ и авангардъ, а тутъ и непріятель вступитъ въ столицу. «Тревожась за васъ», говорилъ онъ, «я заѣхалъ сказать, чтобы вы спѣшили выѣхать изъ города». Къ счастію, наши каретныя лошади оставались въ Москвѣ, и батюшка, не мѣшкая ни минуты, поскакалъ отыскивать своего сына и по соображенію нашелъ его въ Петропавловской больницѣ съ тяжелой и опасной раной. Онъ былъ прострѣленъ пулей въ грудь на вылетъ въ Бородинскомъ сраженіи и долго истекалъ тамъ кровью. Больница была пуста; лѣкаря выѣхали изъ нея, и всѣ больные были вывезены. Даже и сторожей не было. Батюшка мой съ лакеемъ своимъ кое-какъ потащили брата. Во время этого мучительнаго для больнаго перехода, они услышали въ углу стонъ другаго страдальца, просившаго ихъ жалобно взять и его. Мой отецъ, уложа сына въ карету, воротился, чтобы подать помощь, если возможно, и этому безпомощному юношѣ, который разсказалъ, что онъ сынъ корпуснаго генерала Клингера. Положивъ молодаго человѣка рядомъ съ братомъ въ дормёзъ, онъ самъ сѣлъ на козлы и поспѣшилъ за Серпуховскую заставу, посматривая безпрестанно въ окно на своихъ раненыхъ. Верстъ десять за Москвою онъ замѣтилъ, что Клингеру очень дурно; съ помощью слуги онъ вынулъ его изъ кареты, положилъ на плащъ и ожидалъ благоговѣйно и съ молитвою послѣдней минуты бѣднаго юноши и когда тотъ отдалъ послѣдній вздохъ, то отецъ отнесъ его въ сторону отъ дороги, перекрестилъ и повезъ сына своего далѣе, ожидая и ему той-же участи. Пріѣхавъ въ Тулу, онъ повидался съ губернаторомъ, который нашелъ ему подлѣ-

каря для перевязки раны. Большая часть жителей и должностныхъ лицъ уже выѣхали изъ этого города.

Восьмаго Сентября, мы съ матушкой, собираясь къ обѣдни, сидѣли подъ окномъ въ горькихъ думахъ, какъ внезапно увидѣли выѣзжающій изъ-за флигеля дормёзъ шестерикомъ. Матушка почти обезпамятѣла; мы всѣ пустились на террасу встрѣчать подъѣзжающій экипажъ. Батюшка, показавшись въ дверцахъ его и заслоняя собой брата, увидалъ нашу мать и вскричалъ: «Благодари, моя милая, Бога; я привезъ тебѣ сына раненаго какъ героя, но живаго». Милаго брата нашего вынули изъ кареты полумертваго; красивое лицо его покрыто было смертельной блѣдностью; дыханье было прерывисто; рана была сквозная, такъ что, когда подносили при перевязкѣ горящую свѣчу, то ее задувало. Не трудно вообразить, что̀ мы ощущали, видя его страданія. Тотчасъ послали за докторомъ за 70 верстъ въ Мценскъ; онъ ему помогъ, и когда больной былъ уже въ силахъ, то разсказы его были очень занимательны. По мѣрѣ того какъ ему становилось легче, нетерпѣніе его возрастало: онъ умолялъ родителей моихъ отпустить его скорѣе въ армію. Онъ вспоминалъ, какъ плѣнные Французы отвѣчали на вопросъ: «Гдѣ ихъ войска?»—«Sur vos épaules»*). Это раздражало его, и онъ спѣшилъ вновь сражаться съ ними. Брату шелъ въ это время 21 годъ; родители его благословили и отпустили. Онъ прискакалъ въ армію утромъ въ день Лейпцигскаго сраженія, участвовалъ въ немъ и былъ награжденъ орденомъ. Рана его хотя и зажила, но изнуряла его здоровье: тридцати пяти лѣтъ въ полковничьемъ чинѣ, онъ долженъ былъ оставить службу.

Теперь напишу о томъ, что̀ происходило съ нашими выходцами изъ Вереи, Жѐдочей и Москвы. Въ свободныя минуты отъ ухаживанья за больнымъ братомъ мы ходили на встрѣчу къ этимъ горькимъ изгнанникамъ съ мѣста ихъ родины и обмѣнивались съ ними горькими слезами. Они съ своими стариками и малолѣтними дѣтьми прибывали кто пѣшкомъ, кто на подводахъ со всѣмъ своимъ скарбомъ; увидя насъ, бросались къ намъ съ рыданіемъ и разсказывали о бѣдствіяхъ Москвы, которая уже горѣла. Прекрасный не за долго отдѣланный домъ нашъ сгорѣлъ, и вмѣстѣ съ нимъ садъ, оранжерея и два другихъ меньшаго размѣра до̀ма; въ одномъ изъ нихъ прежде живалъ нашъ дѣдушка, а потомъ двоюродный мой дядя Петръ Ивановичъ Чарторижскій; другой домъ отдавался въ наймы. Подробности этого пожара съ преувеличенными страхами и разнаго рода баснями разсказывали наши люди, остававшіеся въ Московскомъ домѣ. Въ Жѐдоцкомъ-же домѣ помѣстился на два дня Мюратъ со своимъ штабомъ,

*) У васъ за плечами.

и когда онъ удалился, то солдаты его выпили всѣ вина, хранившіяся въ погребахъ, безчинствовали, все били и ломали, изрубили фортепьано и топили имъ каминъ и, можетъ быть, сожгли-бы и домъ, еслибы не спасъ его случай. За два года передъ этимъ Поляки по найму чистили нашъ прудъ. Одна изъ дворовыхъ женщинъ, старушка, варила имъ кушанье, и они любили ее. Она спряталась было за печку во флигелѣ; но страшась за домъ, внезапно появилась къ нимъ. Они узнали ее, бросились къ ней, по ея просьбѣ пощадили домъ и, проспавшись, смирно ушли изъ него.

Чиновниковъ, прибывшихъ къ намъ въ село Корсунское, помѣстили родители мои тѣхъ, которые покрупнѣе званіемъ и чиномъ съ нами въ большомъ домѣ, а другихъ во флигеляхъ, а иныхъ даже въ крестьянскія избы. Всѣхъ ихъ было съ прислугой до 70-ти человѣкъ; ихъ снабжали всѣми необходимыми жизненными припасами, а по Воскресеньямъ и по праздникамъ обѣдали за нашимъ столомъ чиновники съ ихъ женами, что̀ составляло общество изъ 40 человѣкъ включительно съ нашимъ семействомъ. Иные изъ нашихъ гостей бывали больны отъ горя, и мы, старшія дѣти, давали имъ лѣкарства и ухаживали за ними. Въ такой обстановкѣ прожили эти безпріютные выходцы четыре мѣсяца, послѣ чего, снабженные родителями моими чѣмъ можно, отправлены были въ нашихъ повозкахъ къ себѣ.

Кстати разскажу затѣйливый случай. Добрый, простодушный засѣдатель имѣлъ у себя садикъ съ нѣсколькими яблонками, которымъ давалъ даже особыя нѣжныя названія, «милка, душка». Собравъ съ нихъ яблоки въ Августѣ и уложа ихъ на соломѣ въ чуланѣ, онъ заперъ это сокровище замкомъ и надписалъ на двери: «Здѣсь хранится казенное». Его честному уму представлялось невозможнымъ, чтобы непріятель посягнулъ на подобное святотатство. Надежды его были обмануты, и онъ уже не нашелъ не только яблокъ, но даже и яблонь своихъ.

Разставшись съ своими печальными гостями, мы переѣхали въ другое село наше Суворово, чтобы быть поближе къ Мценску, гдѣ былъ въ случаѣ нужды знаменитый докторъ Филиповичъ. Тяжела была эта эпоха. Намъ Москвичамъ казалось, что мы лишились своей родины, дорогой нашей Москвы, къ которой любовь глубоко укоренилась въ нашихъ сердцахъ: мы гордились ея величіемъ, благоговѣли предъ ея святынями; каждый уголъ одушевленъ былъ пріятнымъ воспоминаніемъ. Я помню, какъ однажды въ это время мы были у одного изъ уважаемыхъ нашихъ сосѣдей Ѳедора Григорьевича Сухотина, тоже Москвича; одна изъ дамъ собравшагося общества запѣла романсъ, сочиненный Алексѣемъ Михайловичемъ Пушкинымъ, удалив-

шимся въ это время въ Нижній-Новгородъ. Мелодическимъ голосомъ своимъ передавала она слова:

«Примите насъ подъ свой покровъ,
«О Волжскихъ жителей бреговъ;
«Мы всѣ друзья здѣсь, всѣ родные,
«Всѣ дѣти матушки-Москвы».

Слезы покатились у всѣхъ бывшихъ тутъ; нѣкоторые съ трудомъ могли удерживать рыданія.

Разговорясь о прошедшемъ, хотя и на бумагѣ, не умѣю скоро замолчать. Родители мои имѣли умѣренное дворянское состояніе; но дѣлились имъ охотно со всѣми, кто имѣлъ менѣе. Батюшка мой былъ уроженецъ Тверской губерніи, Кашинскаго уѣзда, гдѣ оставалась жить моя бабушка до самой своей кончины. Она сохраняла умственныя способности почти до конца едва ли не столѣтней жизни. Сосѣди ея уважали ее и посѣщали усердно до послѣдняго дня. Мои родители со всѣмъ семействомъ съѣзжались къ ней ежегодно недѣль на шесть. У тамошнихъ родныхъ и знакомыхъ были дѣти, учившіяся въ Москвѣ въ пансіонахъ. Благодарный батюшка за любовь ихъ къ слѣпой старушкѣ, матери его, посылалъ экипажи каждую Субботу за этими дѣтьми, привозилъ ихъ къ себѣ, распрашивалъ какъ они учатся, лучше сказать экзаменовалъ ихъ, поощрялъ прилежныхъ и журилъ лѣнивыхъ.

Въ дополненіе къ характеристикѣ моего отца разскажу еще одинъ замѣчательный случай. Жили мы въ собственномъ домѣ на Арбатѣ у Спаса на Пескахъ; а дядя моего отца послѣ своей смерти оставилъ ему въ наслѣдство свой Замоскворѣцкій домъ; онъ былъ слѣдовательно лишній, и его батюшка продалъ. Черезъ два дня по совершеніи купчей сдѣлался сильный пожаръ на Балчугѣ, и почти все Замоскворѣчье выгорѣло. Господинъ, купившій домъ, пріѣхалъ къ батюшкѣ просить его согласиться на отсрочку платежа денегъ. Отецъ мой взялъ у него изъ рукъ купчую, изорвалъ ее въ куски и, возвративъ задатокъ, сказалъ ему: «Я слышалъ, что у васъ большое семейство, и такъ какъ я уже пользовался этимъ домомъ, а вы еще нѣтъ, то нахожу справедливымъ скорѣе мнѣ чѣмъ вамъ потерпѣть этотъ убытокъ». Землю же изъ-подъ сгорѣвшаго дома онъ промѣнялъ у книгопродавца Кольчугина на книги, чѣмъ и положилъ начало своей довольно хорошей библіотекѣ. Свѣтлый и дѣятельный умъ его жаждалъ просвѣщенія и, не бывъ ни въ какомъ воспитательномъ заведеніи, сближаясь съ людьми, которые передавали ему свои знанія, онъ усвоялъ ихъ себѣ такъ, что могъ выдержать экзаменъ и вступить на службу въ артилерію, откуда въ послѣдствіи онъ поступилъ въ число служащихъ

по особымъ порученіямъ при главнокомандующемъ Москвы графѣ Зах. Григ. Чернышовѣ.

Матушка моя потеряла свою родительницу еще въ дѣтствѣ. Дѣдушка мой всю жизнь оставался вдовцомъ. Анна Алексѣевна Волынская, родная тетка графа Чернышова, была съ дѣдомъ очень дружна; она полюбила матушку, вывозила ее въ свѣтъ, какъ близкую родственницу и, наконецъ, въ добрый часъ сосватала ее съ моимъ батюшкой. Семейная ихъ жизнь была самая счастливая; онѣ любили другъ друга горячо.

Любовь къ просвѣщенію передали они и дѣтямъ своимъ. Старшій мой братъ написалъ книгу «О частномъ гражданскомъ правѣ», о которомъ никто еще прежде не думалъ. Книга эта была расхвалена во всѣхъ тогдашнихъ журналахъ, а Государь сказалъ автору: «Твоя книга у меня настольная». О второмъ братѣ я уже говорила. Третій, меньшой братъ, служилъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ и во время Турецкой войны 1828 года отправился въ свитѣ Государя въ Варну, гдѣ былъ убитъ, ведя гвардейскіе полки на приступъ. Ему не было въ это время еще и 30-ти лѣтъ. Начальники и товарищи любили его и отдавали должную справедливость его недюжиннымъ достоинствамъ.

Январь 1873 года.

Анисья Ѳедоровна Кологривова, старшая дочь Ѳедора Михайловича Вельяминова-Зернова, отъ брака его съ Екатериной Николаевной, урожденной Рагозиной, родилась въ 1788 году 28 Декабря и большую часть долгой своей жизни провела въ Москвѣ, гдѣ и скончалась 25 Марта 1876 года, сохранивъ до глубокой старости свѣтлый умъ и дѣятельное сердце. Многіе Москвичи помнятъ эту достопочтенную женщину. Она принадлежала къ старинной дворянской семьѣ, находившейся въ родственныхъ связяхъ съ князьями Ромодановскими, Прозоровскими, Несвицкими, Волконскими, съ Бутурлиными и Стрѣшневыми. О братьяхъ своихъ говоритъ она въ своихъ воспоминаніяхъ. Старшій изъ нихъ Владиміръ Ѳедоровичъ, авторъ книги „О частномъ гражданскомъ правѣ“, есть отецъ академика и оріенталиста Владимира Владимировича. Оба другіе брата, Николай, участникъ великихъ войнъ 1812—1815 годовъ и Ѳедоръ, убитый подъ Варною, не были женаты. Одна изъ сестеръ ихъ, Анна Ѳедоровна, была замужемъ за извѣстнымъ писателемъ М. А. Дмитріевымъ; сынъ ихъ Ѳедоръ Михаиловичъ Дмитріевъ—бывшій профессоръ Московскаго Университета, попечитель Петербургскаго учебнаго округа, нынѣ сенаторъ. Обѣ эти семьи, Дмитріевыхъ и Вельяминовыхъ-Зерновыхъ, были издавна замѣчательными гнѣздами высокой образованности и живаго, здраваго просвѣщенія. Анисья Ѳедоровна Кологривова воспѣта (подъ именемъ Нисы) въ стихахъ славнаго Мерзлякова, который давалъ ей уроки словесности. Мерзляковъ былъ свой въ домѣ ея родителей, проводилъ у нихъ каждое лѣто въ Жѣдочахъ и, кажется, у нихъ же спасался отъ нашествія на Москву непріятелей. П. Б.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

I.

О Казанскомъ архіепископѣ Павлѣ Зерновѣ.

Въ „Разсказахъ изъ недавней старины“ („Русскій Архивъ“ 1885 г. III, 291 и 292) И. С. Листовскій со словъ своей бабушки передаетъ, между прочимъ, и о томъ, какъ, когда и по какому случаю, по вѣрованію жителей Казани, сокрылись мощи святителя Гурія. Долго ходилъ въ Казани разсказъ о томъ, что святыя мощи ушли. Всѣ вѣрили этому. Отъ себя скажу: въ Казани и доднесь этотъ разсказъ на устахъ, и она вѣритъ ему.

По поводу этого разсказа я имѣю сообщить слѣдующее. По сказанію Ермогена митрополита Казанскаго (что́ послѣ былъ патріархъ Всероссійскій) „первопрестольникъ новопросвѣщенному граду Казани преподобный Гурій архіепископъ отъиде ко Господу мѣсяца Декемврія въ 4 день въ 8 часовъ нощи въ лѣто 7072 (1564); святое же и трудолюбное тѣло его положено въ обители благолѣпнаго Спасова Преображенія за алтаремъ у большія церкви“ [1]).

Далѣе по сказанію Платона Любарскаго: „По обрѣтеніи же въ тридесять пятое лѣто Іюня въ 19 день преложены въ сребропозлащенную новую раку святыя мощи его (Гурія), и пренесены изъ обители Спасова Преображенія къ первопрестольную Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы церковь преосвященнымъ Матѳеемъ, третьимъ митрополитомъ Казанскимъ и Свіяжскимъ, въ лѣто 7138 (1630) того-жъ мѣсяца 20 числа, и поставлены на правой сторонѣ у стѣны. Въ лѣто 7200 (1692), при митрополитѣ Тихонѣ III, св. мощи Гурія перенесены отъ стѣны и поставлены на новоустроенное мѣсто среди церкви, гдѣ онѣ и почивали по день сокрытія ихъ“ [2]).

Въ разсказѣ г. Листовскаго время сокрытія пріурочивается къ 1819 г., въ который будто въ Казани былъ сильный пожаръ, истребившій половину города, начиная съ собора. Это не вѣрно. Пожаръ, въ который со-

---

[1]) См. „Сборникъ Древностей“. Платона Любарскаго. Казань 1868 г.; стр. 18 и 21.

[2]) Тамъ-же, стр. 62, 63, 76 и 83.

крылись мощи св. Гурія, постигъ Казань 3 Сентября 1815 г. и начался съ Ямской слободы, близъ Варлаамской церкви. Пожаръ этотъ считается однимъ изъ истребительнѣйшихъ пожаровъ, какимъ несчетно разъ подвергалась Казань въ XVII, XVIII и XIX столѣтіяхъ. Всѣ ужасы этого опустошительнаго пожара изложены со словъ очевидцевъ у Казанскихъ историковъ: Баженова въ „Казанской Исторіи“ ч. 2 стр. 114—117 (Казань 1847 г.) и Рыбушкина въ „Исторіи Казани“ ч. 2, стр. 10—13 (Казань 1849 г.) Въ 1819 же году испепеленная Казань, правда, представляла еще изъ себя печальные призраки недавняго разрушенія, но и только. Самый пожаръ 3 Сентября 1815 года случился въ небытность архіерея въ Казани: по смерти архіепископа Павла Зернова, скончавшагося 14 Января 1815 года и похороненнаго въ соборѣ, не было въ Казани архіерея болѣе года. Преосвященный Тульскій Амвросій Протасовъ былъ назначенъ въ Казань черезъ годъ и прибылъ въ нее только 25 Марта 1816 года.

Далѣе г. Листовскій запамятовалъ имя того Казанскаго архіерея, похороненнаго въ соборѣ, изъ-за котораго, ушли св. мощи Гурія. По смыслу разсказа г. Листовскаго выходитъ, что это долженъ быть архіерей изъ недавно похороненныхъ въ соборѣ. Такимъ и былъ Павелъ Зерновъ, похороненный въ соборѣ, гдѣ почивали мощи св. Гурія, за 7½ мѣсяцевъ до пожара 3 Сентября 1815 года. Въ теченіе этихъ мѣсяцевъ святитель Гурій и являлся неоднократно соборному духовенству, говоря оному съ упрекомъ, чтобы убрали отъ него „пса смердящаго“, что онъ не можетъ лежать съ нимъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, уйти, чтò онъ и исполнилъ, когда соборное духовенство не вняло его прещенію.

Что это такъ, вотъ тому историческія доказательства. Съ 1725 года, со времени погребенія въ Благовѣщенскомъ Казанскомъ соборѣ митрополита Тихона III и до 1815 года, до погребенія въ немъ же архіепископа Павла Зернова, въ теченіе 90 лѣтъ, ни одинъ изъ 9 Казанскихъ владыкъ, правившихъ церковію за этотъ періодъ времени, не умиралъ въ Казани: 1) Митрополитъ Сильвестръ, извѣстный своею злосчастною судьбою, скончался разстригой въ Выборгской въ крѣпости 2) архіепископъ Иларіонъ Рогалевскій изъ Казани былъ переведенъ въ Черниговъ; 3) Гавріилъ І-й въ Устюгъ; 4) Лука Конашевичъ—въ Бѣлгородъ; 5) Гавріилъ ІІ-й Кременецкій—въ С.-Петербургъ; 6) митрополитъ Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ скончался на покоѣ въ Казанской Седміезерной пустынѣ, гдѣ и погребенъ; 7) архіепископъ Антоній Зыбелинъ скончался на покоѣ въ Макарьевскомъ Желтоводскомъ монастырѣ, тамъ и погребенъ; 8) Амвросій Подобѣдовъ переведенъ въ С.-Петербургъ; 9) Серапіонъ Александровскій—въ Кіевъ.

Въ статьѣ своей „Амвросій Протасовъ“, помѣщенной въ Ноябрьской книжкѣ „Русской Старины“ за 1883 годъ, я, касаясь Павла Зернова, на основаніи живаго голоса народа (а гласъ народа—гласъ Божій) далъ о немъ такой отзывъ: у Павла Зернова вся жизнь протекла въ борьбѣ Бахуса съ Минервой; онъ на сколько былъ уменъ, на столько же и невоздерженъ.

Много неприличныхъ сказаній о немъ ходитъ по Казани и по сіе время. (Я ихъ здѣсь не сообщаю, какъ не сообщилъ въ „Русскую Старину", но ихъ цѣлыя книги у наслѣдниковъ Ф. Т.); а народная молва самое сокрытіе мощей св. Гурія въ пожаръ 1815 года приписала тому, что святитель не пожелалъ почивать долѣе тамъ, гдѣ похоронили разгуляя-архіерея. На попойкахъ у него въ архіерейскомъ загородномъ домѣ вино пили, вино лили, какъ на широкой Маланьиной свадьбѣ. Въ имѣющемся въ Казанской семинарской библіотекѣ печатномъ экземплярѣ пѣсни надгробной Павлу, сочиненной учителемъ академіи (старой Казанской) Мих. Полиновскимъ, противъ строфы:

Померкло кроткое свѣтило,
Одинадцать чтò слишкомъ лѣтъ
Страну Казанскую живило,
Лія евангельскій ей свѣтъ

рукою кого-то изъ современниковъ написано: ironia!

Аполлонъ Можаровскій.

II.

Къ воспоминаніямъ о Варшавскомъ мятежѣ 1861—1864 годовъ.

Въ 6-й книгѣ „Русскаго Архива" за 1885 годъ помѣщенъ разсказъ о томъ, какъ раненъ былъ старшій врачъ 3-й гвардейской и гренадерской артилерійской бригады д-ръ Мессершмидтъ въ Варшавѣ, во время возстанія Поляковъ. Причина покушенія автору разсказа неизвѣстна. Я подавалъ пособіе раненому и разскажу, какъ это случилось.

Въ Августѣ 1862 г. одинъ изъ служившихъ въ мѣстной артилеріи офицеровъ, Полякъ, человѣкъ женатый, былъ назначенъ къ перемѣщенію, кажется, въ Псковъ. Онъ сказался больнымъ. Для освидѣтельствованія былъ мною назначенъ д-ръ Мессершмидтъ. Онъ нашелъ у него ревматизмъ и опредѣлилъ, что для выздоровленія потребуется до шести недѣль. Я согласился. Около 7 часовъ вечера пришелъ ко мнѣ Мессершмидтъ по дѣламъ службы, но не засталъ меня дома. Узнавъ отъ человѣка, что я чрезъ полчаса буду, онъ пошелъ по Маршалковской улицѣ, отъ которой находилась въ нѣсколькихъ шагахъ моя квартира (на Ерусалимской Аллеѣ). Вдругъ онъ слышитъ, кто-то сзади бѣжитъ; но, не обративъ на это вниманія, онъ не оглянулся. Мимо пробѣжавшій обернулся со смѣхомъ и убѣжалъ въ ворота. Почувствовавъ ударъ, Мессершмидтъ хватился за спину, и замѣчаетъ, что перчатка у него въ крови. Онъ въ лавку. Женщина говоритъ ему. „У тебя, пане, кинжалъ въ спинѣ". Кинжалъ вонзился наискось въ правое ребро, не проникнувъ въ легкія. Въ 9 часовъ, когда я былъ уже дома, пріѣзжаетъ за мной д-ръ Дульскій. Я отправился съ нимъ и сдѣлалъ перевязку. На другой день Его Императорское Высоче-

ство Намѣстникъ прислалъ узнать о здоровьѣ раненаго Мессершмидта; онъ, сильно взволнованный опасеніемъ, что кинжалъ отравленъ, горячо благодарилъ, но ничего не просилъ. Вскорѣ могъ я утѣшить его, что кинжалъ безъ отравы. Рана зажила первымъ натяженіемъ; но впослѣдствіи появились сильныя междуреберныя боли, и Мессершмидтъ по его просьбѣ былъ откомандированъ въ Семеновскій (нынѣ Александровскій Семеновскій) госпиталь. По освидѣтельствованію назначена ему пенсія, а для излѣченія онъ отправленъ за границу. По возвращеніи къ мѣсту прежняго служенія былъ онъ потомъ назначенъ дивизіоннымъ врачемъ въ 4-ю пѣхотную дивизію, но покончилъ жизнь самоубійствомъ.

На другой день послѣ описаннаго покушенія, въ Польскихъ газетахъ напечатали, что это случилось по ошибкѣ и что ударъ былъ назначенъ врачу, принимавшему рекрутъ, за его строгость и несговорчивость; это же написали мѣломъ на воротахъ дома, гдѣ я жилъ. Панъ Гурскій, жившій со мною въ одномъ домѣ и благодарный мнѣ за излѣченіе его тещи, всполошился „Якъ то можно такого добраго человѣка". Сидитъ онъ въ Саксонскомъ саду и говоритъ сосѣду, какъ бы о томъ довести до свѣдѣнія ржонда. „Э, пане! чтò знаютъ двое, то знаетъ и ржондъ".

Уже при назначеніи гвардейскаго отряда въ Варшаву опасались мятежа, запретивъ офицерамъ брать съ собою семейства; но еще до его выступленія послѣдовало разрѣшеніе, по совѣту маркиза Велепольскаго, не обижать Поляковъ недовѣріемъ. И это послѣ покушенія, къ счастью неудавшагося, на жизнь Его Императорскаго Высочества Намѣстника!

Осенью 1862 г., при вступленіи въ Варшаву, полковъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, обмундированныхъ предъ тѣмъ по образцу бывшей Польской гвардіи (желтые приборы), улицы были пусты, а окна и балконы были заперты. Думая образумить Поляковъ довѣріемъ, Его Высочество съ Великой Княгиней, а за ними и многіе командиры, изучали Польскій языкъ. Вскорѣ однако стали приходить и повторяться свѣдѣнія, что мѣстами въ краѣ собираются шайки. Предполагалось поэтому стянуть роты на тѣсныя квартиры. Но по завѣренію маркиза Велепольскаго, что извѣстія ложны и что принятіе такихъ мѣръ, выражая негодованіе къ Полякамъ, взволнуетъ ихъ, это предположеніе не исполнено. Такимъ образомъ возстаніе 10-го Января 1863 года застало насъ въ расплохъ.

Послѣдовавшій приказъ разстрѣливать всѣхъ взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ не приводился въ исполненіе; предводители же шаекъ по суду вѣшались во рву Цитадели. 1-го Мая обнародованъ манифестъ объ амнистіи, но отвергнутъ мятежниками. На Сенаторской улицѣ былъ переданъ Польской администраціи обширный казенный домъ. Поляки увидѣли въ этомъ угожденіе правительства изъ страха. Они не умѣли оцѣнить великодушныя его намѣренія, и осенью того же года Его Императорское Высочество оставилъ край. Преемнику его графу Бергу пришлось принять болѣе рѣшительныя мѣры. Объявлено осадное положеніе; на площадяхъ поставлены орудія при караулахъ; жителямъ, кромѣ военныхъ, приказано

выходить послѣ сумерекъ съ фонарями; назначены конные патрули. Офицеровъ, жившихъ въ наемныхъ домахъ, помѣстили въ особыхъ домахъ съ полицейскими постами. Полиція, сначала туземная, пополнена офицерами и нижними чинами изъ гвардейской дивизіи, такъ что на каждомъ посту стояли Полякъ и Русскій. Хотя Поляки и увѣряли, что Русская полиція не годится; но немного прошло времени, какъ узнали, что ржондъ собирался въ Главной Школѣ, на Краковскомъ предмѣстьѣ и въ Кредитномъ Обществѣ на Мазовецкой улицѣ противъ Лютеранской кирки, а лошадей повстанцы ставили въ конюшняхъ дома графа Красинскаго, нами занимаемаго, на той же площади. Открыты и виновники перваго убійства, именно казначея въ домѣ на Ерусалимской Аллеѣ; но Варшава не была оцѣплена, что̀ по обширности ея было неисполнимо, а посты находились только у заставъ, почему повстанцы ускользали отъ надзора и находили возможность имѣть сообщеніе съ Варшавой.

Гвардія держала себя строго, а Поляки, слыша ея девизъ: „ѣду, ѣду не свищу, а наѣду не спущу“, опасливо. При ней уже не было такого безобразія, что у непокорнаго мятежника разбиваютъ лавку, а проходящая мимо команда этого не замѣчаетъ. Напротивъ того, когда въ слѣдовавшую команду стали бросать каменьями, офицеръ открылъ огонь, за что впрочемъ получилъ выговоръ. Когда же на главной улицѣ, такъ называемомъ Краковскомъ предмѣстьѣ, съ балконовъ дома графа Замойскаго послѣдовали выстрѣлы въ проѣзжавшаго намѣстника графа Берга, то приказано было немедленно домъ очистить. Мѣра терпѣнія исполнилась, и квартировавшіе въ этомъ домѣ чины 1-го батальона л.-гв. Литовскаго полка стали было выбрасывать изъ оконъ всякую мебель и картины, не разбирая. Усердіе ихъ, конечно остановили; но Поляки пустили слухъ, что выбрасывали и дѣтей.

Пока осужденныхъ предводителей шаекъ вѣшали во рву Цитадели, мятежъ не унимался. Рѣшено было разстрѣливать. Первый случай былъ на площади Александровскаго костела. Приговоръ исполненъ у каменнаго забора пивоварни. Это произвело панику между Поляками. Панъ Гурскій пришелъ въ отчаяніе. „Ахъ, какъ это ужасно!“ жаловался онъ мнѣ, „въ костелѣ головами бились объ стѣны“.—„Да развѣ вѣшать лучше?“—„Лучше, лучше“.—„Но вѣдь были разстрѣлены и герцогъ Энгіенскій и король Мюратъ. Повѣшеніе позорная смерть“.—„Змилуйся, пане! Зачѣмъ жъ подбѣгаетъ унтеръ-офицеръ и прямо въ лобъ *пу*!“—„Это по уставу, чтобы человѣкъ не мучился, если еще живъ“.—„Нѣтъ, нѣтъ, я видѣлъ, всѣ пули попали“. Понемногу панъ успокоился. Затѣмъ послѣдовало разстрѣляніе на площадяхъ Саксонской, Гржибовской и др. (кажется всего пять случаевъ), и мятежъ сталъ утихать.

Но болѣе всего боялись Поляки козаковъ, и не мудрено. Командиръ ихъ, отважный изъ отважныхъ, внушительно разъѣзжавшій по Варшавѣ на бѣломъ конѣ и въ бѣломъ плащѣ, изображалъ въ глазахъ ихъ цѣлый грозный отрядъ. „Ахъ, что̀ я буду дѣлать,“ говорилъ мнѣ панъ Гурскій,

какъ придутъ казаки.“—„Не бойтесь“, утѣшалъ я его, „при мнѣ не посмѣютъ.“ Онъ уже видѣлъ, какъ однажды въ мое отсутствіе офицеръ ближайшаго караула, услышавъ шумъ пьяныхъ, на дворѣ занимаемаго нами дома, тотчасъ прибылъ съ караульными. Разхрабрившійся панъ въ свою очередь замѣчалъ: „А если придутъ Поляки, то я стану въ брамѣ (въ воротахъ) и крикну: не пущу“. Въ тоже время онъ просилъ меня купить у него карету (лошадей уже не было), боясь, что и такъ ржондъ ее отберетъ.

Терроръ, державшій въ страхѣ Поляковъ, охватилъ, къ сожалѣнію и Русскихъ. Семейства многихъ военныхъ перебрались къ знакомымъ въ Цитадель. Русскія дамы облеклись въ трауръ. Панъ Гурскій убѣждалъ, чтобъ и моя жена надѣла трауръ (жалобу), увѣряя, что это мода. Встрѣчая моихъ дѣтей, одѣтыхъ по-русски и въ красныхъ рубашкахъ, Поляки плевали, приговаривая: „Москали, кацапы, капустняки, пса кревъ“. Ксендзы, встрѣчаясь, высовывали языки. Уличные мальчишки (лобусы) плевали на платье или обливали сѣрной кислотой и улепетывали.

А вотъ примѣръ устойчивости воспитанія Польскихъ дѣтей. Маіоръ Русской службы, Полякъ, имѣлъ счастіе спасти покойнаго Государя Николая Павловича при переправѣ чрезъ Нѣманъ, когда экипажъ Его Величества провалился чрезъ ледъ. Послѣ этого маіоръ заболѣлъ и недолго жилъ; назначенная ему при жизни пенсія передана дочери, племянницѣ п. Гурскаго, которая потомъ помѣщена въ Смольный. По окончаніи курса дядя привезъ ее въ Варшаву и оставилъ у себя. По просьбѣ его я писалъ ему прошеніе на Высочайшее имя, и сирота получила пособіе. Бывая у насъ, она говорила о завѣщаніи отца молиться за Государя и любить Русскихъ, выражала, что Поляки исказили Русскую исторію и что ксендзы на исповѣди запрещаютъ ей молиться за Государя и любить Русскихъ, какъ враговъ Польши. Вскорѣ она вышла за мужъ за Поляка, и рѣчи пошли другія, а потомъ она и совсѣмъ забыла про насъ.

Былъ и такой случай. Во время коронованія покойнаго Государя Александра Николаевича одинъ военный врачъ, Полякъ, подъѣхавъ верхомъ къ нашей группѣ, стоявшей предъ госпиталями на Ходынкѣ, безъ всякаго повода похвалился, что отецъ завѣщалъ ему ненавидѣть Русскихъ, но онъ этому не сочувствуетъ. Мы переглянулись другъ съ другомъ, а одинъ изъ насъ, родомъ Полякъ изъ Литвы, замѣтилъ, что мысли въ его волѣ, и память отца должна бы быть для него священна.

А—овъ.

29 Мая 1886 г.
Кіевъ.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ОСВОБОЖДЕНІЯ ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ РОССІИ.

„Я долго не могъ понять, какъ люди государственные приступаютъ къ такому великому и страшному дѣлу съ такою легкостью“. (Записка А. И. Левшина. Р. Архивъ, 1885, VIII, 528).

Для освобожденія крестьянъ въ Россіи наступаетъ уже исторія, въ томъ смыслѣ, что теперь можно писать объ этомъ событіи съ значительною свободой и касаться тѣхъ его сторонъ, о которыхъ прежде, по многимъ причинамъ, приходилось умалчивать. Въ прошедшемъ году въ „Русскомъ Архивѣ“ была напечатана автобіографическая записка члена Государственнаго Совѣта Левшина, касающаяся начальнаго періода крестьянскаго вопроса. Хотя записка эта составлена еще въ 1860 г., но опубликованіе ея было бы невозможно еще въ недавнее время. Левшинъ принималъ ближайшее и весьма полезное участіе въ самыхъ первыхъ дѣйствіяхъ правительства по крестьянскому дѣлу; тѣмъ не менѣе записка его выдѣляется изъ числа другихъ матеріаловъ по крестьянскому вопросу своимъ безпристрастіемъ и отсутствіемъ поддѣлокъ для выставленія авторской личности. Тѣми же достоинствами отличается и печатаемая здѣсь памятная записка о первыхъ шагахъ крестьянскаго вопроса. Она также принадлежитъ перу одного изъ первыхъ по времени тружениковъ въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, тайнаго совѣтника Ѳедора Павловича Еленева, который, по особому Высочайшему повелѣнію, состоялъ при ген.-адъютантѣ Ростовцовѣ для работъ по крестьянскому дѣлу и былъ безотлучнымъ и ближайшимъ его помощникомъ съ 1857 года, когда еще не возникало и мысли объ учрежденіи Редакціонныхъ Коммиссій. Изъ небольшаго числа лицъ, трудившихся въ крестьянскомъ дѣлѣ въ этотъ первый его періодъ, теперь осталось въ живыхъ едва нѣсколько единицъ. Тѣмъ драгоцѣннѣе для исторіи должны быть ихъ свидѣтельства, если только они имѣютъ въ виду историческую истину, а не удовлетвореніе личнаго самолюбія ихъ авторовъ. П. Б.

*

Люди, имѣвшіе возможность наблюдать вблизи первые шаги освобожденія крестьянъ въ Россіи, вынесли объ этомъ времени такое воспоминаніе, что ни одна изъ реформъ императора Александра Втораго не была начата такъ внезапно, съ такимъ малымъ запасомъ свѣдѣній, необходимыхъ для ея осуществленія, при столь неясномъ сознаніи главнѣйшихъ ея основаній и при такомъ коренномъ разномысліи бли-

жайшихъ исполнителей царской воли, какъ именно реформа 19-го Февраля 1861 года. И при всемъ томъ, Великій Русскій Богъ помогъ императору Александру Второму, для осуществленія этого обширнѣйшаго государственнаго преобразованія, провести законъ въ главныхъ своихъ чертахъ весьма удовлетворительный; а дворянство и крестьянство наши, одно своею непритязательностью и сговорчивостью, другое своимъ здравомысліемъ и вѣрою въ царское слово, много содѣйствовали тому, что новый законъ приведенъ былъ въ исполненіе спокойно и довольно правомѣрно. Если въ послѣдствіи обнаружились въ сельскомъ мірѣ большія неустройства, отразившіяся прежде всего на матеріальномъ бытѣ крестьянъ, то виною тому было не Положеніе о крестьянахъ въ его основныхъ чертахъ, и даже не крестьянское сословіе въ массѣ, а недѣятельность или ошибочное направленіе послѣдующаго законодательства. Оно упустило изъ виду, что ему необходимо было шагъ за шагомъ слѣдить за укладомъ жизни вновь созданнаго свободнаго крестьянскаго сословія и, при всякомъ уклоненіи ея въ сторону, немедленно направлять ее на надлежащій путь. Если при составленіи Положенія о крестьянахъ, вслѣдствіе спѣшности работы и понятнаго въ то время увлеченія составителей идеей широкаго крестьянскаго самоуправленія, были слабо очерчены административная и юридическая части Положенія, то потомъ явилось для правительства немало напоминаній о той истинѣ, что крестьяне на первыхъ порахъ своей свободной жизни ни въ чемъ такъ не нуждались, какъ въ сильной и сосредоточенной власти вблизи самыхъ мѣстъ ихъ жительства. Вмѣсто того у насъ было создано невиданное дотолѣ многовластіе, на дѣлѣ приведшее къ безвластію, которое отразилось вредными послѣдствіями какъ на помѣщикахъ, такъ еще болѣе на самихъ крестьянахъ. Самую слабую сторону Положенія—финансовую, то-есть постановленія о выкупѣ, также можно бы было исправить уже по объявленіи свободы; между тѣмъ не только не было этого сдѣлано, но дальнѣйшая наша финансовая политика, состоявшая въ разрушеніи прежнихъ кредитныхъ установленій и въ непрерывномъ выпускѣ новыхъ процентныхъ бумагъ, привела къ тому, что вся громадная операція выкупа послужила только для обогащенія Русскихъ и иноземныхъ биржевыхъ спекулянтовъ. Крестьяне оказались обремененными непосильнымъ для нихъ шестипроцентнымъ выкупнымъ платежемъ; помѣщики принуждены были продавать выкупныя бумаги за безцѣнокъ, въ явное для себя разоренье; а государственная казна понесла огромные убытки отъ недобора выкупныхъ платежей.

Въ нашей печати не одинъ разъ затрогивался вопросъ: откуда явилась у императора Александра Втораго мысль освободить

крестьянъ? Ходилъ между прочимъ разсказъ, что императоръ Николай на смертномъ одрѣ завѣщалъ это дѣло своему сыну и преемнику; а нѣкоторые прибавляли, что онъ взялъ даже съ Наслѣдника клятву въ томъ, что тотъ исполнитъ его волю. Стоитъ только вспомнить, при какихъ тревожныхъ обстоятельствахъ умиралъ императоръ Николай, чтобы понять, что въ эти минуты въ его умѣ не могло быть мѣста ни для какихъ другихъ заботъ государственнаго правленія, кромѣ помысловъ о тяжкой и неудачной для насъ борьбѣ, кипѣвшей на южныхъ предѣлахъ государства. Поэтому разсказъ этотъ должно причислить къ тѣмъ благочестивымъ легендамъ, которыми народное воображеніе любитъ окружать достопамятныя событія въ народной жизни. Являлись въ нашихъ журналахъ и такія статьи, въ которыхъ авторы не задумывались приписывать самимъ себѣ, либо своимъ патронамъ и полубогамъ возбужденіе въ императорѣ Александрѣ мысли освободить крестьянъ. Такъ одинъ довольно извѣстный писатель-чиновникъ повѣствовалъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, желая представить въ своемъ первомъ годовомъ отчетѣ Государю не сухой перечень распоряженій и донесеній по министерству, какъ это дѣлалось дотолѣ, а яркую картину положенія народа, воспользовался талантами этого чиновника и его знаніемъ Россіи и поручилъ ему составленіе упоминаемаго отчета: вотъ изъ этой-то бумаги императоръ Александръ и узналъ о плачевномъ положеніи Русскихъ крестьянъ и принялъ рѣшеніе освободить ихъ! Среди восторженныхъ похвалъ Тургеневу, вызванныхъ его кончиною и публичнымъ чествованіемъ его останковъ, хвалители не удовольствовались провозглашеніемъ его «великимъ учителемъ», «духовнымъ вождемъ Русскаго народа» и проч., но объявили, что мысль объ освобожденіи крестьянъ зародилась въ умѣ императора Александра ни болѣе, ни менѣе, какъ изъ чтенія «Записокъ Охотника». Поклонники Тургенева только повторяли въ этомъ случаѣ его собственныя слова: какъ извѣстно, въ разговорахъ съ своими близкими онъ постоянно приписывалъ себѣ славу внушителя идеи объ освобожденіи крестьянъ императору Александру Второму.

Конечно, люди, сколько-нибудь знакомые съ фактами, прочли всѣ подобныя повѣствованія съ горькой усмѣшкой. Но много ли у насъ людей знакомыхъ съ фактами? Эти и подобные имъ разсказы, идущіе отъ лицъ, которыя выдаютъ себя за свидѣтелей и даже участниковъ описываемыхъ событій, развѣ не могутъ сбить съ толку будущаго историка, которому придется описывать эту эпоху тогда, когда не останется уже въ живыхъ ни одного изъ ея очевидцевъ? Вообще, несмотря на массу печатаемыхъ у насъ разсказовъ о нашемъ времени, исторія Россіи немного получитъ о немъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ:

ибо въ нашемъ пишущемъ и ораторствующемъ классѣ мало уваженія къ истинѣ и очень много самолюбія. О чемъ бы теперь у насъ ни писали, наичаще имѣютъ въ виду не истину, цѣломудренную и невелерѣчивую, и не избранный кругъ читателей, способныхъ узнавать и цѣнить истину, а имѣютъ въ виду толпу, для которой нужны подмостки, лицедѣйство и театральное освѣщеніе. Вкусамъ же толпы угождаютъ потому, что она, чрезъ своихъ присяжныхъ глашатаевъ, раздаетъ теперь дипломы на извѣстность и вѣнки безсмертія. Но ни одна изъ реформъ императора Александра не дала повода къ стольким баснямъ, какъ крестьянское дѣло, не смотря на то, что оно въ послѣдствіи велось открыто и гласно. Кто только не приписывалъ себѣ или своимъ друзьямъ, и въ печати, и въ застольныхъ рѣчахъ, и въ частныхъ разговорахъ, болѣе или менѣе значительнаго вліянія и даже руководящей роли въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ! Менѣе всего отводилось въ нихъ мѣста почившему въ Бозѣ Императору, о которомъ если и упоминалось вскользь, то только для соблюденія требованій политическаго приличія. А между тѣмъ, безъ императора Александра, всѣ эти вольные и невольные освободители спокойно сидѣли бы по своимъ мѣстамъ; а многіе изъ нихъ, при дуновеніи вѣтра въ противную сторону, съ неменьшимъ усердіемъ готовы бы были, ради служебной карьеры и вещественныхъ выгодъ, приняться за составленіе проектовъ еще бо́льшаго закрѣпощенія Русскаго крестьянства. Въ такомъ именно смыслѣ дѣйствовали, почти наканунѣ возбужденія крестьянскаго вопроса, правительственные чиновники въ Вильнѣ, съ генералъ-губернаторомъ во главѣ (до назначенія Назимова), содѣйствуя Польскимъ помѣщикамъ Сѣверозападнаго края, посредствомъ инвентарей, не только не улучшать, но еще болѣе ухудшать положеніе Литовско-Бѣлорусскихъ крестьянъ.

Люди, допытывающіеся, откуда могла придти императору Александру мысль объ освобожденіи крестьянъ, забываютъ два обстоятельства: первое—что покойный Государь прежде всего былъ человѣкъ *просвѣщенный*, понимавшій всю чудовищность того факта, что въ XIX-мъ вѣкѣ, въ государствѣ Европейскомъ и христіанскомъ, большинство населенія состояло изъ рабовъ, неимѣвшихъ никакихъ гражданскихъ правъ. (Этотъ печальный фактъ подкрался въ нашу исторію почти помимо людей, сцѣпленіемъ роковыхъ обстоятельствъ: тѣмъ законнѣе и необходимѣе было его уничтоженіе). Во вторыхъ, люди, допытывающіеся, откуда у покойнаго Императора явилась мысль объ освобожденіи крестьянъ, забываютъ, что онъ, еще будучи Наслѣдникомъ престола, былъ посвящаемъ своимъ отцомъ во всѣ дѣла высшаго государственнаго управленія, и спеціально—въ дѣла, касавшіяся

крестьянъ. При императорѣ Николаѣ шесть разъ были учреждаемы комитеты изъ высшихъ правительственныхъ лицъ для изысканія мѣръ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, и въ двухъ послѣднихъ по времени комитетахъ предсѣдательствовалъ Наслѣдникъ престола. Не смотря на то, что улучшеніе положенія помѣщичьихъ крестьянъ было всегдашней заботой императора Николая съ самаго начала его царствованія, не смотря на его умъ и силу характера, собираемые имъ комитеты не приходили ни къ чему и не принесли никакихъ существенныхъ улучшеній въ положеніи крестьянъ. Цари могутъ указывать своимъ вельможамъ цѣли, которыхъ они желали бы достигнуть; но не въ ихъ возможности изыскивать пути для достиженія этихъ цѣлей. Тѣмъ не менѣе императоръ Александръ еще до вступленія своего на престолъ, достаточно уже ознакомился съ положеніемъ крестьянъ, какъ изъ матеріаловъ, имѣвшихся въ распоряженіи сказанныхъ комитетовъ, такъ и изъ текущихъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ донесеній, напр. въ запискѣ Витебскаго, Могилевскаго и Смоленскаго генералъ-губернатора Игнатьева, представленной императору Николаю въ 1853 году, положеніе помѣщичьихъ крестьянъ описывалось въ самомъ страшномъ видѣ. «Въ Витебской губерніи, сказано въ запискѣ Игнатьева, крестьяне почти не знаютъ хлѣба, питаются грибами и разными сырыми веществами, порождающими болѣзни; нищета страшная, а рядомъ роскошь помѣщиковъ. Жизненныя силы края совершенно истощились въ нравственномъ и въ физическомъ отношеніи; разслабленіе достигло крайнихъ предѣловъ». На этой запискѣ императоромъ Николаемъ написана была такая резолюція: «Въ Комитетъ Министровъ съ тѣмъ, чтобы всѣ гг. министры прочли и убѣдились, въ какомъ страшномъ положеніи сіи губерніи (Витебская и Могилевская) находятся, и что однѣми законными мѣрами край сей не только никогда не поднимется, но окончательно пропадетъ. Нужны экстренныя и крутыя мѣры, которыя министръ внутреннихъ дѣлъ обсудитъ и представитъ на разсмотрѣніе Комитета, не стѣсняясь законными формами».

Такимъ образомъ императоръ Александръ, еще до вступленія своего на престолъ, былъ вполнѣ посвященъ въ положеніе помѣщичьихъ крестьянъ и не могъ не сознавать необходимости ихъ освобожденія. Но отъ сознанія необходимости какой-нибудь мѣры до рѣшимости ее исполнить лежитъ весьма большое разстояніе, которое въ особенности трудно перешагнуть государямъ: государи должны принимать въ соображеніе много другихъ обстоятельствъ, нисколько необязательныхъ для подданныхъ; притомъ они не имѣютъ физической возможности совершать обширное государственное дѣло одной своей головой и сво-

ими руками. Отсюда происходятъ колебанія и противорѣчія въ ихъ дѣйствіяхъ, нерѣдко даже отступленія назадъ отъ прежде намѣченной цѣли. Для императора Александра колебанія эти начались еще въ бытность его Наслѣдникомъ. Извѣстно, что въ царствованіе Николая была принята и доведена до конца одна только мѣра относительно крестьянъ, дѣйствительно улучшившая ихъ положеніе, хотя только въ одной, сравнительно-незначительной мѣстности государства: мѣрою этой были начертаніе и введеніе въ 1848 году обязательныхъ для помѣщиковъ инвентарныхъ правилъ въ трехъ губерніяхъ Кіевскаго генералъ-губернаторства. Введеніе этихъ правилъ, опредѣлявшихъ величину крестьянскихъ надѣловъ и повинностей, имѣло для Юго-западнаго края огромное значеніе, не только экономическое, но и политическое. Въ короткое время матерьяльное положеніе тамошнихъ крестьянъ улучшилось до неузнаваемости; вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ возродилось довѣріе къ силѣ и заботливости о нихъ верховнаго правительства, потерянное ими въ слѣдствіе порядковъ, царствовавшихъ въ западныхъ губерніяхъ со смерти Екатерины II-й. Эти чувства громко сказались во время шляхетско-ксендзовскаго мятежа 1863 года: какъ извѣстно, онъ въ Югозападныхъ губерніяхъ былъ подавленъ самими крестьянами, прежде вмѣшательства мѣстныхъ властей. Упоминаемая мѣра, которою Югозападный край единственно былъ обязанъ уму и настойчивости своего тогдашняго генералъ-губернатора Дмитрія Бибикова, недостаточно оцѣнена у насъ, какъ и многое другое, что̀ оцѣнивать по достоинству не представляло выгоды ни со стороны служебной карьеры, ни ради угожденія вкусамъ толпы *). Между тѣмъ, по своимъ политическимъ послѣдствіямъ, инвентари 1848 года можно отчасти сравнить съ возсоединеніемъ уніатовъ въ 1839 году. Этою послѣднею мѣрой Сѣверозападный край также былъ обязанъ уму и энергіи одного человѣка, незабвеннаго митрополита Іосифа Сѣмашки. Императоръ Николай умѣлъ цѣнить такихъ дѣятелей, если ему удавалось находить ихъ между высшими лицами, и подкрѣплялъ ихъ дѣйствія всею силой своей власти и могущества. Сдѣлавшись министромъ внутреннихъ дѣлъ, Бибиковъ захотѣлъ тѣ же инвентарныя правила примѣнить и къ шести губерніямъ Сѣверозападнаго края. Но время было выбрано неблагопріятное: надъ Россіей собиралась буря Европейской коалиціи. Польскіе помѣщики Сѣверозападныхъ губерній прислали въ Петербургъ депутацію ходатайствовать объ избавленіи ихъ отъ инвентарей Би-

*) См. въ Р. Архивѣ 1884, кн. III-я, стр. 7 всеподданнѣйшій отчетъ о томъ Д. Г. Бибикова съ нашимъ послѣсловіемъ. П. Б.

бикова. Чтобъ не ссориться съ Польскимъ дворянствомъ въ такое неудобное время, депутація была принята Наслѣдникомъ подъ свое покровительство, конечно съ вѣдома и разрѣшенія императора Николая, который любилъ предоставлять своему Наслѣднику роль заступника. Бибиковскіе инвентари для Сѣверозападныхъ губерній были уничтожены и замѣнены другими, которые составлены самими Польскими помѣщиками, подъ мнимымъ надзоромъ мѣстныхъ властей. Эти инвентари, на половину недоконченные, не только ни на волосъ не улучшили положенія Литовско-бѣлорусскихъ крестьянъ, но, по донесеніямъ мѣстныхъ губернаторовъ, еще увеличили ихъ повинности. Такимъ образомъ будущему освободителю Русскихъ крестьянъ пришлось, такъ сказать наканунѣ восшествія своего на престолъ, уступая силѣ обстоятельствъ, оказать поддержку крѣпостному праву именно въ томъ краѣ имперіи, гдѣ оно являлось въ самомъ безпощадномъ видѣ.

Со вступленія императора Александра на престолъ, начинается для него рядъ колебаній и сомнѣній въ крестьянскомъ вопросѣ, которыя обнаруживались то неожиданными скачками впередъ, то столь же неожиданными отступленіями назадъ. Теперь, чрезъ тридцать лѣтъ послѣ той эпохи, всѣ эти колебанія и противорѣчія становятся понятны и объяснимы. Государь вступилъ на престолъ съ положительнымъ убѣжденіемъ въ необходимости уничтоженія крѣпостнаго права. Это убѣжденіе разума отвѣчало и человѣколюбивому сердцу Императора, и наклонности его къ нововведеніямъ. Но кромѣ убѣжденія въ необходимости реформы и желанія ее исполнять, столь же важно было знать— на какихъ основаніяхъ можно было ее исполнить. Вотъ этихъ-то основаній никто изъ окружавшихъ Государя лицъ не зналъ. Кромѣ того существовало тогда весьма распространенное опасеніе, раздѣлявшееся и многими изъ числа убѣжденныхъ въ необходимости реформы, что объявленіе свободы и даже одни слухи о ней поднимутъ крестьянъ противъ помѣщиковъ и произведутъ общій переполохъ въ государствѣ. Опасеніе это хорошо было извѣстно Императору. Наконецъ, высказывалось и другое предположеніе, столь же казавшееся вѣроятнымъ, именно, что дворянство, когда отъ него будетъ отнято право владѣнія крѣпостными, потребуетъ себѣ, въ видѣ вознагражденія, политическихъ правъ. Вотъ въ этихъ трехъ причинахъ (въ неизвѣстности основаній, на которыхъ можно бы было осуществить освобожденіе крестьянъ, въ опасеніи крестьянскихъ бунтовъ и въ предполагаемомъ требованіи дворянами политическихъ правъ) надобно, какъ кажется, искать объясненія всѣхъ колебаній и недоумѣній Императора. Нѣкоторая прирожденная ему нерѣшительность характера имѣла здѣсь только второстепенное значеніе: ибо въ послѣдствіи, при концѣ реформы, Госу-

дарь обнаружилъ большую твердость. Императоръ справедливо сознавалъ себя первымъ и главнымъ отвѣтчикомъ за все, что можетъ случиться, отвѣтчикомъ и предъ государствомъ, и предъ собственнымъ своимъ семействомъ. Онъ отлично зналъ, что, при нѣкоторой съ его стороны настойчивости, умолкнутъ всѣ противорѣчія его царедворцевъ, и они станутъ дѣйствовать по указанному имъ направленію. Но, изъ понятной осторожности, онъ самъ желалъ выслушивать въ этомъ дѣлѣ обѣ противныя стороны, то-есть какъ партизановъ, такъ и противниковъ освобожденія, и долго, цѣлые три года (до учрежденія Редакціонныхъ Коммиссій) плылъ между двухъ противоположныхъ теченій. Величайшій, рѣдкій въ исторіи трагизмъ представляло положеніе незабвеннаго Монарха въ крестьянскомъ вопросѣ, до самаго того времени, когда это дѣло, съ помощью Божіею, постепенно улеглось въ уставныхъ грамотахъ. Это былъ кормчій, рѣшившійся вывести свой корабль въ открытое море изъ опасной, наполненной подводными камнями стоянки, но кормчій, не имѣвшій путеводной карты, не знавшій фарватера и не могшій положиться на показанія людей своей команды, потому что показанія эти одно другому противорѣчили. А между тѣмъ кормчій зналъ, что, въ случаѣ крушенія, люди его команды спасутся на обломкахъ корабля, кто куда сможетъ; а онъ одинъ, по законамъ мореходства, долженъ будетъ остаться на своемъ мѣстѣ и раздѣлить участь корабля. Въ этой неизвѣстности одна лишь небесная звѣзда, мерцавшая среди набѣгавшихъ облаковъ, указывала кормчему настоящій путь. И устремивъ взоръ на путеводное свѣтило, со страхомъ и надеждою въ сердцѣ, онъ медленно пробирался со своимъ кораблемъ между мелей и подводныхъ камней, пока вывелъ его въ открытое море.

Большой интересъ для будущаго историка должны представлять эти первые, неувѣренные шаги Императора въ задуманномъ имъ великомъ дѣлѣ, эти минуты то колебаній, то поступаній впередъ, имѣвшія для нашего отечества такія огромныя послѣдствія. Постараемся отмѣтить здѣсь тѣ изъ этихъ моментовъ, которые сохранились въ памяти и повѣствованіяхъ людей, стоявшихъ близко къ тогдашнимъ событіямъ.

Въ Августѣ 1855 года, когда геройскій Севастопольскій гарнизонъ дѣлалъ послѣднія усилія, чтобъ отстоять нашъ оплотъ на Черномъ морѣ, уже обращенный въ развалины, вновь назначенный министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, въ циркулярѣ къ губернскимъ предводителямъ дворянства, между прочимъ помѣстилъ такое выраженіе: «Всемилостивѣйшій Государь нашъ повелѣлъ мнѣ ненарушимо охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству». Цир-

куляръ этотъ былъ предварительно одобренъ самимъ Государемъ, а приведенныя слова относились къ крѣпостному праву и именно въ такомъ смыслѣ были поняты помѣщиками. Послѣдовавшая вскорѣ за тѣмъ замѣна коронныхъ исправниковъ (учрежденныхъ Бибиковымъ) выборными отъ дворянства, какъ было изстари, еще болѣе укрѣпила въ дворянствѣ увѣренность въ ненарушимости его правъ.

Въ концѣ Марта или въ самыхъ первыхъ числахъ Апрѣля 1856 года, то-есть тотчасъ по заключенiи Парижскаго мира, Государь поѣхалъ въ Москву. Тамошнiй генералъ-губернаторъ графъ Закревскiй доложилъ Государю, будто въ народѣ и между дворянами ходятъ тревожные слухи о готовящемся освобожденiи крестьянъ, и просилъ его принять дворянскихъ предводителей и успокоить дворянство. Уступая просьбѣ Закревскаго, Государь принялъ предводителей Московской губернiи и сказалъ имъ слѣдующiя слова: «Слухи носятся, что я хочу объявить освобожденiе крѣпостнаго состоянiя. *Это несправедливо,* а отъ этого было нѣсколько случаевъ неповиновенiя крестьянъ помѣщикамъ. Вы можете сказать это всѣмъ направо и налѣво. Я говорилъ то же самое предводителямъ, бывшимъ у меня въ Петербургѣ *). *Я не скажу вамъ, чтобъ я былъ совершенно противъ этого.* Мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, что со временемъ это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнѣнiя со мною: *слѣдовательно гораздо лучше, чтобы это произошло сверху нежели снизу»* (текстъ рѣчи взятъ изъ Записки Левшина. «Р. Архивъ» 1885). Рѣчь эта была совершенною неожиданностью какъ для дворянства, такъ и для высшихъ правительственныхъ лицъ; притомъ она заключала въ себѣ противорѣчiя, повергшiя дворянство въ недоумѣнiе. Министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской прямо выразился своему товарищу Левшину, «что весьма сожалѣетъ, что рѣчь эта была сказана». Когда потомъ Ланской спросилъ Государя, точно ли онъ говорилъ то, что̀ записано и ходитъ по рукамъ, то Государь, съ нѣкоторымъ нетерпѣнiемъ, отвѣчалъ ему: «Да, говорилъ точно то, и не сожалѣю о томъ». Нетерпѣнiе или неудовольствiе въ отвѣтѣ могло происходить отъ того, что вопросъ Ланскаго былъ уже не первымъ, и Государю надоѣло отвѣчать. Вся эта исторiя съ Московскою рѣчью довольно правдоподобно можетъ быть объяснена слѣдующимъ предположенiемъ. Закревскому (находившемуся въ дружбѣ съ княземъ Орловымъ) дано знать изъ Петербурга отъ кого-нибудь близко знакомаго съ образомъ мыслей Государя объ его наклонности къ освобожденiю крестьянъ и о необходимости связать его волю, вынудивъ у него пу-

---

*) Кажется, Новгородскому и Орловскому.

бличное заявленіе въ противоположномъ смыслѣ. Отсюда докладъ Закревскаго о тревожныхъ слухахъ, будто бы ходящихъ въ народѣ и угрожающихъ спокойствію государства. (Поведеніе крестьянъ въ продолженіе всего крестьянскаго дѣла доказываетъ, что тревога эта была вымышленная). Государь, поставленный подъ дѣйствіе двухъ противоположныхъ силъ: собственнаго стремленія съ освобожденію и устрашенія противной стороны опасностью крестьянскихъ бунтовъ, принялъ въ эту минуту (какъ и большая часть людей въ подобныхъ обстоятельствахъ) двойственное направленіе, уклонявшееся и въ ту, и въ другую сторону и отразившееся въ его словахъ къ Московскому дворянству двумя противорѣчивыми заявленіями. Московское дворянство, конечно, не могло распутать этого противорѣчія и не поняло намѣка, сдѣланнаго ему Государемъ. Притомъ, вѣроятно, недоумѣніе Московскаго дворянства было представлено Государю въ болѣе рѣзкомъ видѣ, чѣмъ каково оно было на самомъ дѣлѣ: отсюда неудовольствіе его на Московское дворянство, какъ несочувствующее его видамъ. Это неудовольствіе, высказанное Государемъ нѣкоторымъ близкимъ къ нему лицамъ въ слѣдъ за описаннымъ случаемъ, сохранялось у него довольно долго и, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, было выражено имъ самому Московскому дворянству при первомъ представившемся случаѣ.

Изъ Москвы Государь поѣхалъ въ Варшаву и на пути останавливался на нѣсколько дней въ Брестъ-Литовскѣ, гдѣ постоянно видѣлся съ Виленскимъ генералъ-губернаторомъ Назимовымъ, принадлежавшимъ къ числу самыхъ близкихъ къ нему лицъ [1]). Есть одно свидѣтельство (хотя и чрезвычайно преувеличивающее роль Назимова въ этомъ дѣлѣ), что Государь поручилъ ему пропагандировать среди дворянъ трехъ Сѣверозападныхъ губерній мысль о неизбѣжности освобожденія крестьянъ [2]). Испытавъ неудачу въ Москвѣ, въ слѣдствіе непрямаго образа дѣйствія Закревскаго, Государь остановился мыслію на Польскомъ дворянствѣ Сѣверозападныхъ губерній, справедливо полагая, что для этого дворянства, по его сосѣдству съ Пруссіей и Отзейскимъ краемъ, освобожденіе крестьянъ не должно показаться такъ страшно, какъ для помѣщиковъ внутреннихъ губерній. Государь могъ также расчитывать на популярность своего имени между тамошнимъ дворянствомъ, въ слѣдствіе поддержки, которую онъ оказалъ

---

[1]) Съ 1835 по 1842 годъ Назимовъ состоялъ при Государѣ, тогда еще Наслѣдникѣ престола, инструкторомъ по военной части.

[2]) См. статью „Вл. Ив. Назимовъ", Русская Старина, Мартъ 1885 г., стр. 575.

ему въ инвентарномъ вопросѣ. Весьма возможно, что мысль попытать расположить Польское дворянство въ пользу крестьянскаго дѣла была подсказана Государю самимъ Назимовымъ. Во всякомъ случаѣ со стороны Назимова мысль эта должна была встрѣтить горячую поддержку, такъ какъ она представляла ему возможность угодить Государю; собственнаго же состоянія Назимовъ не имѣлъ. Однако на этотъ разъ результатъ стараній Назимова былъ незначителенъ: онъ успѣлъ только получить неопредѣленное увѣреніе отъ пяти лицъ изъ аристократическихъ Польскихъ фамилій, что они будутъ содѣйствовать подготовленію мѣстнаго дворянства къ мысли о неизбѣжности реформы.

Въ это время изъ верховныхъ правительственныхъ лицъ не было рѣшительно никого, кто, по своимъ познаніямъ и опытности, былъ бы подготовленъ къ руководительству крестьянскимъ дѣломъ или хотя бы могъ давать полезные совѣты Государю. Изъ лицъ второстепенныхъ болѣе другихъ владѣлъ опытностью и свѣдѣніями товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Левшинъ, перу котораго и принадлежали въ первое время всѣ доклады Ланскаго Государю по крестьянскому дѣлу и распоряженія его по губерніямъ. Левшинъ держался двухъ основныхъ мыслей: постепенности въ упраздненіи крѣпостнаго права, которое, по его убѣжденію, должно было отмѣняться въ теченіе многихъ лѣтъ, начиная съ Западныхъ губерній и понемногу подвигаясь на востокъ; вовторыхъ, онъ держался начала добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами относительно повинностей и выкупа, на манеръ Остзейскій.

Сначала все дѣло велось въ величайшемъ секретѣ, изъ опасенія возбудить въ крестьянахъ преждевременныя и преувеличенныя надежды. Въ Апрѣлѣ того же 1856 года Государемъ былъ утвержденъ докладъ Ланскаго о необходимости, прежде всякихъ другихъ дѣйствій, собрать относящіеся къ крестьянскому вопросу матеріалы и начертать планъ постепенныхъ дѣйствій правительства. Во время съѣзда губернаторовъ и дворянскихъ предводителей въ Москву по случаю коронаціи, въ Августѣ 1856 года, Ланской и Левшинъ предваряли ихъ, въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, о намѣреніяхъ правительства и старались вывѣдать ихъ взгляды на этотъ предметъ. Большая часть предводителей выражала удивленіе, а иногда и непритворный страхъ при этихъ намѣкахъ на реформу, къ которой наше дворянство вовсе не было подготовлено предшествующею дѣятельностью законодательства. Только предводители трехъ Сѣверозападныхъ губерній: Ковенской, Гродненской и Виленской, предупрежденные уже Назимовымъ о намѣреніяхъ правительства, безъ страха произносили слово «освобожденіе» и давали понять, что Польское дворянство этихъ

губерній не прочь будетъ приступить къ такой реформѣ. Изъ примѣра сосѣдняго Остзейскаго края они хорошо знали, что личное освобожденіе крестьянъ не только не страшно, но даже выгодно для помѣщиковъ; а установленіе поземельныхъ отношеній съ крестьянами они надѣялись взять въ свои руки и основать ихъ на началѣ добровольныхъ соглашеній. Притомъ они желали, цѣною личнаго освобожденія, навсегда отстранить отъ себя опасность введенія такихъ инвентарей, какіе были введены Бибиковымъ въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ и едва не упали на головы и Литовско-бѣлорусскимъ помѣщикамъ *). Ланской съ Левшинымъ ухватились за этотъ случай, дававшій возможность выдвинуть впередъ «собственное желаніе дворянъ» отказаться отъ крѣпостнаго права, и, съ разрѣшенія Государя, тогда же было условлено съ Виленскимъ генералъ-губернаторомъ Назимовымъ, что онъ долженъ, по возвращеніи въ Вильну, съ приличною обстановкой и прелюдіями, заполучить отъ мѣстныхъ предводителей заявленія, что, вмѣсто инвентарей, дворянство желало бы приступить къ полному освобожденію крестьянъ. Письменное изложеніе Высочайшей воли въ этомъ смыслѣ послано было Назимову уже изъ Петербурга, 3-го Ноября 1856 года. Послѣ Московской рѣчи Государя это былъ второй поступательный шагъ въ крестьянскомъ дѣлѣ.

Затѣмъ достойна упоминанія представленная Государю записка отъ великой княгини Елены Павловны, вызывавшейся дать свободу принадлежавшимъ ей въ Полтавской губерніи крестьянамъ, на началахъ, которыя будутъ ей указаны верховной властью. Въ отвѣтѣ великой княгинѣ, отъ 26-го Октября 1856 года (который редактированъ Левшинымъ) Государь, выражая, что теперь нельзя еще съ положительностью указать основаній для увольненія крестьянъ, заявлялъ свое ожиданіе, что благомыслящіе помѣщики сами выскажутъ, въ какой степени полагаютъ они возможнымъ улучшить участь своихъ крестьянъ. Въ этихъ видахъ Государь выражалъ не только согласіе, но и желаніе, чтобъ избранные великой княгиней помѣщики Полтавской губерніи собрались негласнымъ образомъ для обсужденія и составленія правилъ, на основаніи которыхъ они желали бы дать свободу своимъ крестьянамъ.

---

*) Въ послѣдствіи, когда Польскіе помѣщики увидѣли, что дѣло стало принимать неожиданный для нихъ оборотъ, они пошли на попятный дворъ и прислали въ Петербургъ депутатовъ съ заявленіемъ, что они вовсе не имѣли въ виду надѣленія крестьянъ землею. Однако Ланской отвѣчалъ депутатамъ, что дворянству предоставлена была свобода высказать чрезъ губернскіе и центральный комитеты свои предположенія, но затѣмъ окончательное рѣшеніе вопроса есть уже дѣло высшаго правительства.

Далѣе имѣютъ нѣкоторое значеніе всеподданнѣйшіе доклады Ланскаго отъ 20-го и 30-го Декабря 1856 года. Въ первомъ изъ нихъ, сопровождавшемся составленною Левшинымъ историческою запискою о крѣпостномъ правѣ въ Россіи, въ первый разъ высказана была мысль о необходимости учредить верховный комитетъ, подобный тѣмъ, какіе существовали при императорѣ Николаѣ; относительно же самаго направленія крестьянскаго дѣла выражена мысль, что освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ невозможно совершить одновременно и по однимъ правиламъ во всѣхъ губерніяхъ Россіи, по чрезвычайному разнообразію хозяйственныхъ, географическихъ и даже политическихъ условій. Эта мысль о географической постепенности упраздненія крѣпостнаго права, начиная съ Западныхъ губерній и подвигаясь на Востокъ, была слѣдствіемъ боязни, что, при одновременномъ объявленіи свободы всѣмъ крестьянамъ, волненія между ними могутъ принять опасные для государства размѣры. Въ докладной запискѣ отъ 30-го Декабря сказано, что крестьянамъ съ личною свободой должно предоставить усадьбы, за денежное вознагражденіе съ ихъ стороны въ пользу помѣщиковъ; пріобрѣтеніе же крестьянами пахатныхъ земель слѣдуетъ предоставить времени и взаимнымъ соглашеніямъ помѣщиковъ съ крестьянами, по примѣру Остзейскихъ губерній. Вотъ начало тѣхъ положеній, которыя потомъ, почти черезъ годъ, были выражены въ Высочайшихъ рескриптахъ генералъ-губернаторамъ Виленскому и Петербургскому. Въ послѣдствіи, въ Іюнѣ 1857 года, министръ внутреннихъ дѣлъ, въ представленіи Секретному Комитету по крестьянскому дѣлу, добавилъ, что со временемъ можно будетъ помышлять о томъ, чтобы доставить крестьянамъ возможность выкупить ту землю, которая при освобожденіи будетъ оставлена за ними только въ условномъ пользованіи.

3-го Января 1857 года учреждается Секретный Комитетъ по крестьянскому дѣлу, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя, а въ случаѣ его отсутствія, подъ предсѣдательствомъ князя Орлова, бывшаго въ то же время и предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Членами Комитета, кромѣ князя Орлова, были назначены: главноуправляющій II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи графъ Блудовъ, министръ двора графъ Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ, членъ Государственнаго Совѣта князь П. П. Гагаринъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, шефъ жандармовъ князь Долгоруковъ, министръ государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьевъ, министръ финансовъ Брокъ, замѣненный въ послѣдствіи новымъ министромъ финансовъ Княжевичемъ, главноуправляющій путями сообщеній Чевкинъ, начальникъ главнаго штаба Его Величества по во-

енно-учебнымъ заведеніямъ и членъ Государственнаго Совѣта Іаковъ Ивановичъ Ростовцовъ и, наконецъ, членъ Государственнаго Совѣта баронъ М. А. Корфъ. Дѣлопроизводство Комитета поручено завѣдыванію государственнаго секретаря Буткова.

Надобно обратить вниманіе на составъ этого верховнаго учрежденія, которому ввѣрялась судьба важнѣйшаго изъ всѣхъ когда-либо возбуждавшихся у насъ государственныхъ вопросовъ. Изъ числа одиннадцати членовъ, пять самыхъ вліятельныхъ по своему положенію или по своей правительственной опытности (князь Орловъ, графъ Адлербергъ, князь Гагаринъ, князь Долгоруковъ и Муравьевъ) были рѣшительными противниками освобожденія крестьянъ. Четыре члена добросовѣстно присоединились къ мысли Государя и готовы были по мѣрѣ силъ служить ея выполненію; но изъ нихъ графъ Блудовъ, по своимъ лѣтамъ, а быть можетъ и по своему характеру, не представлялъ значительной поддержки для дѣла; Ланской, несмотря на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, также далеко не былъ силою и зависѣлъ отъ своихъ ближайшихъ помощниковъ; Ростовцовъ и Чевкинъ были люди новые, не принимавшіе въ предыдущее царствованіе участія въ высшемъ государственномъ управленіи. Остальные два члена, Брокъ и баронъ Корфъ, относились къ крестьянскому вопросу совершенно безразлично. Государь очень хорошо зналъ направленіе мыслей назначенныхъ имъ членовъ, и тѣмъ не менѣе допустилъ рѣшительный перевѣсъ на сторонѣ противниковъ освобожденія, какъ-бы самъ не довѣряя своей мысли и ища противъ нея возраженій. Великій Князь Константинъ Николаевичъ, который былъ извѣстенъ за рѣшительнаго и горячаго сторонника освобожденія, назначенъ былъ членомъ Комитета спустя уже полгода послѣ его открытія. Кромѣ перевѣса стороны противной освобожденію, была въ Комитетѣ и другая невыгодная черта, уже не зависѣвшая отъ воли Государя: изъ одиннадцати (а въ послѣдствіи двѣнадцати) его членовъ, только двое (Муравьевъ и Ланской) служили короткое время въ провинціи и имѣли нѣкоторый опытъ въ мѣстномъ управленіи; всѣ же остальные всю свою службу прошли въ Петербургѣ (князь Гагаринъ въ молодости служилъ въ Москвѣ по судебной части), а если нѣкоторые изъ нихъ и живали иногда въ губерніяхъ, то исключительно въ качествѣ военнослужащихъ. Завѣдывавшій дѣлами Комитета Бутковъ еще менѣе членовъ былъ подготовленъ къ рѣшенію предстоявшихъ Комитету вопросовъ о надѣлахъ, повинностяхъ, сельскомъ управленіи и проч., а по направленію вполнѣ соотвѣтствовалъ видамъ своего начальника, князя Орлова. Два члена, Ростовцовъ и баронъ Корфъ, просили даже Государя уволить ихъ отъ участія въ Комитетѣ, по незнакомству ихъ съ крестьянскимъ во-

просомъ. Уступая желанію Государя, Ростовцовъ остался въ Комитетѣ; но баронъ Корфъ настоялъ на своемъ увольненіи и былъ замѣненъ министромъ юстиціи графомъ Панинымъ. Сей послѣдній не сочувствовалъ освобожденію и значительно усилилъ противную реформѣ сторону. При такомъ составѣ Комитета, какая судьба, по всѣмъ человѣческимъ вѣроятіямъ, ожидала то дѣло, которое ввѣрялось его рукамъ?

Какъ во время самаго хода крестьянскаго дѣла, такъ и въ послѣдствіи, сторонниками освобожденія крестьянъ принято было за правило изображать противниковъ его въ самомъ черномъ видѣ, чуть ли не злоумышленниками противъ своего государя и отечества. Зато самихъ себя многіе сторонники реформы выставляли какими-то избранными и самоотверженными личностями, стоявшими по талантамъ, познаніямъ и гражданскому мужеству выше всѣхъ ихъ соотечественниковъ. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было, и все это однѣ только фразы. Обѣ противныя стороны дѣйствовали по внушенію самыхъ обыкновенныхъ побужденій человѣческой природы. Противники реформы управлялись: матерьяльною выгодою, какъ владѣльцы крѣпостныхъ крестьянъ, опасеніемъ бунтовъ, естественнымъ нежеланіемъ разстаться съ повелительною ролью въ сельскомъ быту, недостаткомъ историческаго образованія и происходившимъ оттуда повѣрьемъ, будто крѣпостное право есть одинъ изъ оплотовъ нашей государственной силы и порядка, наконецъ, нежеланіемъ дѣйствовать противъ своихъ собратій-помѣщиковъ. Сторонники реформы въ свою очередь дѣйствовали въ силу самыхъ обыкновенныхъ побужденій: одни—изъ увлеченія новыми освободительными идеями, которымъ, какъ уже чувствовалось тогда, принадлежала будущность Россіи и сочувствіе населенія; другіе—изъ желанія угодить власти и сдѣлать себѣ карьеру, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пріобрѣсти популярность въ обществѣ. Разчетъ на карьеру въ особенности преобладалъ у чиновниковъ и у лицъ, мѣтившихъ занять хорошія правительственныя должности. Но именно чиновникамъ и принадлежали всѣ литературныя статьи и застольныя рѣчи, въ которыхъ неумѣренно чернилась одна сторона и выставлялась въ театральномъ освѣщеніи другая. Сторонники освобожденія изъ числа помѣщиковъ, участвовавшіе въ губернскихъ комитетахъ и въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ и неразчитывавшіе на служебную карьеру и похвальные атестаты отъ литературнаго ареопага, далеки были отъ того, чтобы дѣйствія противной стороны приписывать какой-то злокозненности, ибо хорошо понимали всю естественность побужденій, руководившихъ дѣйствіями этой стороны. Одна-

ко въ поступкахъ нѣкоторыхъ высшихъ лицъ, противившихся реформѣ, была и другая черта, которую нельзя уже объяснить общечеловѣческими побужденіями. Объ этой чертѣ предоставимъ говорить ближайшему участнику описываемыхъ событій Левшину, который самъ занималъ въ послѣдствіи одинъ изъ высшихъ государственныхъ постовъ и на безпристрастіе котораго вполнѣ можно положиться.

«Пестрота Главнаго Комитета, несогласіе членовъ его въ воззрѣніяхъ на порученное ему дѣло и происходившее изъ того противодѣйствіе ихъ другъ другу не должны удивлять насъ. Въ другомъ государствѣ, гдѣ люди дорожатъ своими мнѣніями и своею репутаціею, подобное собраніе лицъ не могло-бы осуществиться: бывъ назначены верховной властью къ разсмотрѣнію подобнаго дѣла, они бы прежде всего ощупали другъ друга, опросили, вывѣдали убѣжденія каждаго, и затѣмъ составили бы программу дѣйствій, которую поднесли бы Государю на утвержденіе. Если бы онъ ея не принялъ, они всѣ или частію отошли бы прочь, почитая безчестіемъ дѣйствовать вопреки совѣсти. Почему не сдѣлалъ того же князь Орловъ? Онъ стоялъ такъ высоко, что ничего бы не потерялъ, а напротивъ выигралъ бы въ глазахъ Государя и всей публики, если бы сказалъ: я не убѣжденъ въ своевременности освобожденія крестьянъ и потому не могу съ полнымъ усердіемъ и безпристрастіемъ двигать этого дѣла; я гожусь вамъ, Государь, на что-либо иное. Мы спрашиваемъ, почему не сдѣлалъ этого князь Орловъ или иной членъ Комитета, не раздѣлявшій мысли Государя? Потому что въ Россіи никто и ни отъ чего не отказывается, никто своимъ мнѣніемъ не дорожитъ и думаетъ только, какъ угодить Царю и получить за то какую-либо награду. Пока наши государственные люди будутъ такъ дѣйствовать, не быть добру: въ этомъ-то и заключается корень неустройства въ Россіи. Сравнивая разныя лица между собою, можно быть еще снисходительнымъ къ человѣку, который подавляетъ свою совѣсть, отказывается отъ своихъ мнѣній потому, что ему нужно мѣсто для физическаго существованія; но можно ли тѣмъ путемъ сколько-нибудь оправдать Орлова, Панина и подобныхъ имъ? Неужели они не знаютъ, что ихъ при жизни и по смерти ожидаетъ неумолимый судъ исторіи? Такое ослѣпленіе, такое униженіе и добровольная кабала могутъ быть объяснены только отсутствіемъ всякой самостоятельности» (Записка Левшина, стр. 543—544).

Но и этотъ упрекъ въ отсутствіи самостоятельныхъ убѣжденій, въ готовности, въ угоду власти и для полученія наградъ, отказаться отъ прежняго мнѣнія, въ одинаковой мѣрѣ относится и къ поклонникамъ старыхъ порядковъ, и къ сторонникамъ реформъ. Наичаще нельзя даже указать той границы, которая отдѣляетъ нашихъ консерваторовъ отъ либераловъ, ибо роли эти мѣняются у насъ попемѣнно, смотря по обстоятельствамъ времени. Вина здѣсь не столько въ людяхъ, сколько въ окружающихъ насъ условіяхъ и во всей прежней исторіи нашего служилаго сословія, начиная съ Петра Великаго.

Весной 1857 года Государь ѣздилъ за границу. Думаютъ, что тамъ онъ бесѣдовалъ о крестьянскомъ вопросѣ съ Прусскимъ королемъ и съ барономъ Гакстгаузеномъ, который представлялся ему въ Берлинѣ. Предположеніе это весьма вѣроятно. Государь и прежде того, въ разговорахъ съ близкими людьми, ставилъ Прусское дворянство въ примѣръ того, что уничтоженіе крѣпостнаго права не подрываетъ положенія дворянства ни въ матеріальномъ, ни въ нравственномъ отношеніи. По возвращеніи Государя изъ-за границы, Великій Князь Константинъ Николаевичъ назначенъ членомъ Секретнаго Комитета.

Секретный Комитетъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказался совершенно безсильнымъ разрѣшить заданную ему задачу и даже не зналъ, какъ взяться за нее. Чувствуя свое безсиліе, онъ занимался разговорами о разныхъ частныхъ и мелочныхъ предметахъ, либо ставилъ себѣ такіе безсодержательные или преждевременные вопросы: можно ли дозволить крѣпостнымъ людямъ вступать въ бракъ безъ согласія помѣщика? можно ли давать имъ право пріобрѣтать собственность безъ согласія помѣщика? можно ли ограничить право помѣщика относительно разбора споровъ и жалобъ между его крестьянами и относительно наказанія крестьянъ? не слѣдуетъ ли принять нынѣ же нѣкоторыя мѣры для облегченія крѣпостнаго состоянія и взаимныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами? Но даже и эти самодѣльные вопросы, хотя и возбуждали въ Комитетѣ горячія пренія, оставались большею частію неразрѣшенными. Нѣкоторые изъ членовъ представляли отдѣльныя записки, доказывавшія только, какъ мало были они знакомы съ дѣломъ. Въ Іюлѣ 1857 года Комитетъ думалъ свести все дѣло къ пересмотру и дополненію двухъ мертворожденныхъ узаконеній прежняго времени: закона 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ и постановленія 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ; но долженъ былъ оставить эту мысль вслѣдствіе возраженій министра внутреннихъ дѣлъ (которыя, какъ и все, шедшее въ то время въ Секретный Комитетъ отъ Ланскаго, были составлены Левшинымъ). Наконецъ, въ Августѣ 1857 года, послѣ бурныхъ засѣданій 14, 17 и 18 чиселъ этого мѣсяца, Комитетъ представилъ Государю планъ своихъ будущихъ дѣйствій. Планъ этотъ былъ въ высшей степени неудовлетворителенъ, теменъ и даже прямо доказывалъ намѣреніе его составителей затянуть дѣло на неопредѣленное время. Комитетъ выражалъ положительное убѣжденіе, что нынѣ невозможно приступить къ общему освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ, ибо они вовсе неприготовлены къ полученію свободы, а внезапное и общее объявленіе оя всѣмъ крестьянамъ разстроитъ вѣковыя отношенія ихъ къ помѣщикамъ и можетъ поколебать спокойствіе и порядокъ въ го-

сударствѣ. Выходя изъ такого убѣжденія, Комитетъ придумалъ три постепенныхъ періода освобожденія: пріуготовительный, переходный и окончательный. Пріуготовительный періодъ долженъ былъ состоять въ смягченіи крѣпостнаго состоянія, въ открытіи помѣщикамъ способовъ увольнять крестьянъ по взаимнымъ соглашеніямъ и въ собираніи тѣхъ свѣдѣній, которыя необходимы для постановленія мѣръ переходныхъ, то-есть для вступленія во второй періодъ. При этомъ Комитетъ находилъ, что первый періодъ не можетъ быть ограниченъ никакимъ срокомъ; ибо важнѣйшими данными, подлежащими собиранію въ этотъ періодъ, будутъ взаимныя условія между помѣщиками и крестьянами, а условіямъ этимъ, какъ добровольнымъ, невозможно назначить никакого срока. О самомъ главномъ—о существѣ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, въ этомъ планѣ не говорилось ничего.

Итакъ, по плану Комитета, развязка дѣла скрывалась въ неопредѣленной и далекой будущности, откладывалась быть можетъ на полстолѣтія. Несмотря на то, въ заключеніи своего плана Комитетъ, обращаясь къ Государю, торжественно восклицалъ: «Такимъ образомъ дѣло общаго освобожденія крѣпостнаго сословія не будетъ упущено изъ виду правительствомъ; оно будетъ готовиться къ этому дѣлу, будетъ собирать свѣдѣнія, будетъ обработывать матеріалы, однимъ словомъ—будетъ идти постепенно и осторожно, какъ указано Вашимъ Императорскимъ Величествомъ». Государь не только утвердилъ этотъ планъ (18-го Августа 1857 года), но написалъ на немъ слѣдующія слова: «Исполнить; относительно же разногласій раздѣляю мнѣніе большинства. Да поможетъ намъ Богъ вести это важное дѣло съ должною осторожностью къ желаемому результату! Искренно благодарю гг. членовъ за первый ихъ трудъ и надѣюсь и впредъ на ихъ помощь и дѣятельное участіе во всемъ, что̀ касается до сего жизненнаго вопроса».

Какой отчаянный моментъ въ ходѣ крестьянскаго вопроса! Государь вполнѣ понималъ, что онъ подписывалъ смертный приговоръ имъ же самимъ задуманному предначинанію. Его воля склонялась предъ безвыходностію положенія, ибо онъ видѣлъ себя одинокимъ и безпомощнымъ въ этомъ дѣлѣ. Но когда склонялась воля Императора, его не оставляла вѣра въ небесную звѣзду-путеводительницу: ибо, какъ мы увидимъ потомъ, мысль вывести государственный корабль изъ опасной стоянки не покидала его ни на минуту, и онъ хватался за каждый представлявшійся случай, чтобъ толкать крестьянское дѣло впередъ, на зло разнымъ постепеннымъ періодамъ, которыми думали связать его волю. Благодарность, которую онъ выражалъ составите-

лямъ этого безнадежнаго плана, отнюдь не означала, чтобы онъ заблуждался относительно его смысла или принялъ рѣшеніе слѣдовать его указаніямъ: то было дѣйствіемъ осторожности, происходило отъ опасенія Государя крутымъ изъявленіемъ своей воли создать въ Комитетѣ вынужденную покорность, столь опасную въ совѣтахъ царскихъ, особенно когда идетъ вопросъ о предметахъ еще неизвѣданныхъ и первостепенной государственной важности.

Послѣ утвержденія журнала 18-го Августа 1857 года, многіе изъ участниковъ въ его составленіи ласкали себя надеждой, что все дѣло уснетъ само собой.

Въ Октябрѣ (1857 г.) получено въ Петербургѣ донесеніе Виленскаго генералъ-губернатора Назимова о томъ, что инвентарные комитеты трехъ Сѣверозападныхъ губерній, хотя дали неопредѣленные и уклончивые отзывы о свойствѣ желаемыхъ ими поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, тѣмъ не менѣе высказали мысль, что пришло время замѣнить крѣпостныя отношенія добровольными соглашеніями помѣщиковъ съ крестьянами, по образцу Прибалтійскихъ губерній, и что до этой коренной перемѣны лучше не трогать существующихъ инвентарныхъ правилъ (на половину еще недоконченныхъ). Министръ внутреннихъ дѣлъ, въ докладѣ Государю отъ 18-го Октября 1857 года, предполагалъ воспользоваться этимъ заявленіемъ трехъ губернскихъ комитетовъ только въ томъ смыслѣ, чтобы и въ другихъ губерніяхъ открыть подобные же комитеты для собранія пріуготовительныхъ свѣдѣній, о которыхъ говорилось въ журналѣ Секретнаго Комитета отъ 18-го Августа 1857 года; но введеніе новаго устройства помѣщичьихъ крестьянъ начать только съ трехъ Сѣверозападныхъ губерній и потомъ постепенно подвигаться къ Востоку.

Въ то время, какъ Секретный Комитетъ не торопясь разсматривалъ это неторопливое путеначертаніе для крестьянскаго дѣла, пріѣхалъ въ Петербургъ самъ Назимовъ и настоятельно требовалъ опредѣлительныхъ указаній, безъ которыхъ считалъ неприличнымъ возвратиться въ свои губерніи. Секретный Комитетъ, истощившій всѣ свои ресурсы въ вышеупомянутомъ планѣ трехъ постепенныхъ періодовъ, не могъ, конечно, дать никакихъ опредѣленныхъ указаній. Государь, почти всякій день видаясь съ Назимовымъ и слыша повтореніе, что ему не дано еще никакого отвѣта, пришелъ въ нетерпѣніе и приказалъ, чтобъ черезъ восемь дней отвѣтъ былъ готовъ. Произошелъ переполохъ. «Комитетъ встрепенулся и въ просонкахъ поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ, вмѣстѣ съ министромъ государственныхъ имуществъ, составить въ теченіе *трехъ дней* проектъ ре-

скрипта, въ которомъ указать Назимову, на какихъ именно основаніяхъ онъ долженъ приступить къ дѣлу» (изъ статьи Левшина). Этотъ осьмидневный срокъ, данный Государемъ Комитету, былъ однимъ изъ тѣхъ рѣшительныхъ моментовъ, когда невидимая рука толкала крестьянское дѣло впередъ, наперекоръ всѣмъ стараніямъ затормозить его на долгіе годы. Предварительныя соображенія для рескрипта, заключавшія въ себѣ двадцать два пункта, были наскоро составлены Левшинымъ и исправлены по указаніямъ Муравьева и Ланскаго. Никто изъ нихъ однако не зналъ, чего слѣдовало достигать Чтобы какъ-нибудь выйти изъ затрудненія, взято было за образецъ поземельное устройство крестьянъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Изъ этихъ соображеній Секретный Комитетъ выкроилъ извѣстный рескриптъ Назимову отъ 20-го Ноября 1857 года, а подробности вошли въ наставленіе министра внутреннихъ дѣлъ (отъ 21-го Ноября 1857 г.) комитетамъ трехъ Сѣверозападныхъ губерній. Говорятъ, что въ этомъ дѣлѣ, исполненномъ впопыхахъ и на скорую руку, работало всего восемнадцать человѣкъ. Рескриптъ Назимову и наставленія губернскимъ комитетамъ посланы были *секретно*, какъ будто дѣло, касавшееся переустройства отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ въ трехъ губерніяхъ, можно было держать въ секретѣ. Но тотчасъ же по отсылкѣ рескрипта, въ Комитетѣ, какъ говорятъ, по мысли Великаго Князя Константина Николаевича, былъ составленъ, отъ имени министра внутреннихъ дѣлъ, циркуляръ ко всѣмъ губернаторамъ, имѣвшій цѣлію вызвать дворянство и другихъ губерній къ подобному же заявленію желанія улучшить бытъ крестьянъ. Циркуляръ этотъ (отъ 24-го Ноября 1857 г.) былъ уже назначенъ къ гласному объявленію дворянамъ (но еще не къ напечатанію въ газетахъ), что само собой относилось и къ упоминаемому въ немъ Высочайшему рескрипту 20-го Ноября. На другой день по составленіи циркуляра, члены Комитета спохватились, что слишкомъ поторопились оглашеніемъ дѣла, и присылали къ министру внутреннихъ дѣлъ узнать, нельзя ли остановить циркуляръ; но онъ былъ уже отправленъ на почту: ибо Ланской, вѣроятно предвидя колебаніе Комитета, велѣлъ отпечатать циркуляръ ночью и тотчасъ сдать въ почтамтъ. При циркулярѣ 24-го Ноября прилагалось и упомянутое выше наставленіе министра внутреннихъ дѣлъ губернскимъ комитетамъ трехъ Сѣверозападныхъ губерній. Для характеристики этого наставленія достаточно упомянуть, что въ немъ между прочимъ было сказано, что, въ случаѣ неисправности крестьянина въ оброкѣ, помѣщику предоставляется переводить его на барщину, а въ случаѣ неисправности барщинника—отъ него отнимается тягловой участокъ.

Послѣ отсылки рескрипта Назимову, Комитетъ, уступая нетерпѣливымъ понужденіямъ Государя, вспомнилъ, что дворянство двухъ уѣздовъ Петербургской губерніи, Петербургскаго и Ямбургскаго, давно уже представило проекты узаконеній, опредѣлявшихъ повинности крестьянъ въ пользу помѣщиковъ, а въ сущности имѣвшихъ цѣлію предупредить рѣшительныя мѣры правительства къ уничтоженію крѣпостнаго права. Отрыли это малое сѣмя, безплодно лежавшее дотолѣ въ пыли архива Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и, къ немалому удивленію дворянъ Петербургской губерніи, имъ объявленъ былъ Высочайшій рескриптъ отъ 5-го Декабря 1857 года, на имя С.-Петербургскаго генералъ-губернатора Игнатьева, по существу одинаковаго содержанія съ рескриптомъ Назимову.

Затѣмъ слѣдуетъ новый толчекъ незримой руки. Рескрипты обоимъ генералъ-губернаторамъ и вызывающій циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 24-го Ноября были получены въ Нижнемъ-Новгородѣ во время съѣзда всего дворянства для выборовъ. Губернаторомъ тамъ былъ старикъ А. Н. Муравьевъ, бывшій декабристъ, родной братъ тогдашняго министра государственныхъ имуществъ и старинный пріятель Ланскаго. Сочувствуя всею душой освобожденію крестьянъ, онъ уговорилъ весьма многихъ изъ собравшихся дворянъ послать немедленно адресъ Государю и просить дозволенія заняться освобожденіемъ крестьянъ. Адресъ былъ посланъ съ нарочнымъ и принятъ Государемъ съ восторгомъ. Тотчасъ былъ написанъ Муравьеву такой же рескриптъ (отъ 24-го Декабря), какъ Назимову и Игнатьеву, и посланъ въ Нижній съ тѣмъ же самымъ нарочнымъ.

Положимъ, что Нижегородское дворянство, посылая адресъ, не предвидѣло объема зачинавшагося преобразованія: его депутаты, прибывшіе благодарить Государя за рескриптъ, прямо говорили, что ихъ дворянство полагало отпустить крестьянъ своихъ безъ земли. Тѣмъ не менѣе добровольный откликъ дворянства Нижегородской, а потомъ и всѣхъ остальныхъ губерній на вызовъ Государя, хотя бы съ мыслію отказаться только отъ распоряженія личностью и трудомъ крестьянина, представляетъ рѣдкій въ исторіи примѣръ непритязательности и самоограниченія дворянскаго сословія. Ничего подобнаго не встрѣчается въ исторіи освобожденія крестьянъ въ Германскихъ государствахъ, гдѣ правительства долгими годами и шагъ за шагомъ ограничивали крѣпостное право помѣщиковъ. Безпощадная жестокость Англійскихъ ландъ-лордовъ къ Ирландскимъ поселянамъ, не уступающая никакимъ устрашеніямъ со стороны послѣднихъ, извѣстна всему міру. Надобно притомъ принять во вниманіе, что наше прежнее законодательство не сдѣлало ни одного шага, чтобъ подготовить дворянство къ упразд-

ненію крѣпостнаго права. Для Русскихъ помѣщиковъ не существовалъ даже инвентарный вопросъ, побудившій Польское дворянство трехъ Сѣверозападныхъ губерній предпочесть личное освобожденіе крестьянъ строгому законодательному опредѣленію ихъ надѣловъ и повинностей. Даже въ литературѣ строжайше было запрещено касаться крѣпостнаго права. Въ эпоху освобожденія многіе судили о дворянствѣ по частнымъ случаямъ, въ которыхъ проявлялись крѣпостныя привычки и весьма естественное въ то время раздраженіе со стороны многихъ помѣщиковъ; но теперь, отойдя отъ той эпохи на четверть столѣтія, мы можемъ обозрѣвать поведеніе дворянства въ его цѣломъ видѣ и въ общихъ очертаніяхъ, не упираясь взоромъ въ частныя и мелочныя подробности. Смотря на наше дворянство съ этой точки зрѣнія и нисколько не создавая себѣ преувеличеннаго мнѣнія о его достоинствахъ, нельзя однако не признать, что общая картина поведенія помѣщиковъ, какъ при первыхъ вызовахъ со стороны правительства, такъ и потомъ, при объявленіи свободы и введеніи Положенія, свидѣтельствовала о непритязательности и сговорчивости нашего дворянства, объ его уваженіи къ чужому праву, а во множествѣ случаевъ—и о горячей его готовности, цѣною собственнаго труда и пожертвованій, служить на пользу меньшихъ братій, столько вѣковъ соединенныхъ съ нимъ тѣсными узами совмѣстной жизни и труда. Вспомнимъ, что и большинство членовъ Редакціонныхъ Коммиссій, и всѣ члены губернскихъ комитетовъ, и мировые посредники, вводившіе Положеніе 19-го Февраля, все это были помѣстные дворяне, жившіе сельскимъ хозяйствомъ и владѣвшіе крѣпостными рабочими. Своимъ поведеніемъ дворянство наше доказало свою правоспособность, и послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, остаться во главѣ сельскаго населенія, быть блюстителемъ порядка въ деревенскомъ быту и охранителемъ разумнаго сельскаго хозяйства. А между тѣмъ, когда прославлялись и самохвальствовали люди, ничѣмъ въ крестьянскомъ вопросѣ не жертвовавшіе, а напротивъ того чрезъ него сдѣлавшіе или надѣявшіеся сдѣлать себѣ карьеру, дворянство наше обзывалось въ литературѣ крѣпостническимъ, служило и доселѣ еще служитъ тамъ предметомъ потѣхи и грубыхъ оскорбленій. Но это только указываетъ на то, каковы теперь вкусы и требованія большинства читателей: ибо присяжные литераторы суть не болѣе, какъ торговцы, старающіеся предлагать покупателямъ тотъ товаръ, который въ данную минуту всего болѣе въ спросѣ на литературной толкучкѣ. Гораздо важнѣе по послѣдствіямъ было то, что несправедливость къ дворянству и духъ демократическаго верстанія сословій подъ одинъ уровень обуяли многихъ изъ среды высшаго Петербургскаго чиновничества.

Эти-то люди и соорудили цѣлый рядъ постановленій, не только отстранившихъ дворянство отъ блюстительной и руководящей роли въ сельскомъ быту, но намѣренно унизившихъ его въ глазахъ простолюдиновъ. Слѣды предумышленной несправедливости къ дворянству проникли даже и въ Положеніе 19-го Февраля 1861 года, въ видѣ устраненія дворянства отъ всякаго вліянія на благоустройство и благочиніе сельскаго быта. Освобожденные крестьяне вскорѣ оказались не только безъ всякой внушительной власти юридической на мѣстахъ ихъ жительства, но и безъ власти нравственной, и потому, какъ всякая темная и самой себѣ предоставленная толпа, сдѣлались жертвой своего произвола и зловредныхъ личностей, умѣющихъ пользоваться неустройствомъ толпы.

Послѣ добровольнаго вызова, сдѣланнаго Нижегородскими дворянами, Государь сталъ уже съ нетерпѣніемъ ожидать вызова отъ Московскаго дворянства, и такъ какъ такого долго не получалось (какъ говорили, въ слѣдствіе внушеній того же Закревскаго, который пугалъ Государя опасностью крестьянскихъ бунтовъ), то подъ рукой дано было знать Закревскому о неприличіи такой медлительности для древней столицы. Наконецъ, въ Январѣ 1858 года, отозвались и Москвичи, вслѣдствіе чего графу Закревскому посланъ былъ такой же рескриптъ, отъ 16 Января 1858 года. Нетерпѣніе Государя было понятно: утомленный безплодностью совѣщаній Секретнаго Комитета, съ душевной горечью сознававшій, что задуманное имъ дѣло откладывалось въ долгій ящикъ, онъ вдругъ увидѣлъ случай толкнуть его впередъ, ухватясь за вызовы самого дворянства и, такъ сказать, наперекоръ своимъ совѣтникамъ съ ихъ тремя постепенными періодами. По волѣ Государя, рескриптамъ, предназначавшимся сперва только для сообщенія дворянству, придана была, наконецъ, полная гласность, чрезъ напечатаніе ихъ въ газетахъ и въ особенности въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Въ слѣдъ за тѣмъ дворянство, вѣрное своему исконному, тогда еще непоколебленному въ немъ правилу — гдѣ Царь, тамъ и дворянство, стало присылать адресы изъ всѣхъ губерній съ изъявленіемъ готовности приступить къ осуществленію мысли Государя. Въ отвѣтъ на адресы слѣдовали Высочайшіе рескрипты на имя начальниковъ губерній, съ разрѣшеніемъ открывать въ губерніяхъ дворянскіе комитеты для составленія проектовъ положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Губернскимъ комитетамъ назначался шестимѣсячный срокъ для окончанія возложеннаго на нихъ труда; но потомъ даваемы были отсрочки. Рескрипты сопровождались тѣмъ же циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ, который былъ приложенъ къ первымъ рескриптамъ и имѣлъ значеніе наставленія губерн-

скимъ комитетамъ. Къ 1-му Іюля 1858 года не осталось ни одной губерніи, гдѣ дворянствомъ не было бы заявлено желанія приступить къ освобожденію крестьянъ. Съ приданіемъ этому дѣлу полной гласности, Секретный Комитетъ переименованъ въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу, о чемъ данъ указъ Сенату 8-го Января 1858 года, распубликованный во всѣхъ газетахъ. Въ Іюлѣ того жъ 1858 года при Главномъ Комитетѣ, изъ четырехъ его членовъ: Ланскаго, графа Панина, Муравьева и Ростовцова, образована коммиссія для предварительнаго разсмотрѣнія проектовъ, имѣющихъ поступать отъ губернскихъ комитетовъ.

Опубликованіе рескриптовъ было важнѣйшимъ моментомъ во всемъ крестьянскомъ дѣлѣ, до окончательнаго объявленія Положенія. Важность рескриптовъ заключалась не въ ихъ содержаніи, а въ томъ, что они придавали рѣшенію Государя освободить крестьянъ всенародную гласность, а слѣдовательно и безповоротное дѣйствіе. Сами по себѣ рескрипты не рѣшали и не могли рѣшить ни одного изъ основаній будущей реформы. Составленные впопыхахъ, въ восьмидневный срокъ, они ограничились четырмя весьма неопредѣленными положеніями: 1) помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; 2) крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ собственность посредствомъ выкупа; 3) сверхъ того крестьянамъ предоставляется въ пользованіе надлежащее количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику; 4) помѣщикамъ предоставляется вотчинная полиція. На этой канвѣ можно было выткать какое угодно положеніе для крестьянъ. На самомъ же дѣлѣ первое и второе изъ приведенныхъ правилъ подверглись въ Положеніи 19-го Февраля весьма существеннымъ измѣненіямъ; четвертое правило вовсе устранено изъ Положенія; а третье, къ счастью выраженное наиболѣе эластично, вылилось въ форму опредѣленныхъ и неотъемлемыхъ надѣловъ за опредѣленныя же закономъ повинности. Понятно, что никакая человѣческая мудрость не могла рѣшить основныхъ положеній этой реформы въ короткое время, безъ собранія нужныхъ матеріаловъ и безъ совѣщанія хотя съ одной изъ заинтересованныхъ сторонъ. Поэтому надобно быть благодарну Главному Комитету и за то, что онъ не сказалъ ничего больше того, что̀ сказано въ рескриптахъ: иначе онъ связалъ бы руки будущимъ составителямъ Положенія, такъ какъ слишкомъ явныя отступленія отъ монаршаго слова не должны быть допускаемы въ Россіи. Все крестьянское дѣло шло вначалѣ неправильно, безъ всякаго опредѣленнаго плана, ощупью и скачками, посреди двухъ противоположныхъ теченій, изъ которыхъ те-

ченіе благопріятное дѣлу освобожденія сосредоточивалось почти исключительно въ особѣ Государя: ибо сочувствіе одной половины образованнаго общества и желанія милліоновъ крестьянъ не принимались въ разчетъ въ чертогахъ нашего законодательства. Поэтому можно ли упрекать почившаго Государя за то, что онъ торопилъ своихъ помощниковъ составленіемъ рѣшительнаго отвѣта Назимову, или за то, что онъ воспользовался первыми заявленіями дворянства и на ихъ основаніи косвеннымъ образомъ вызывалъ и заявленія отъ прочихъ губерній? Какъ вполнѣ Русскій человѣкъ, стоявшій притомъ въ самомъ средоточіи правительственнаго круга, онъ хорошо зналъ, что здѣсь надобно ковать желѣзо, пока горячо, и что самъ Самодержецъ Русскій долженъ пользоваться благопріятною минутой для осуществленія своей мысли: иначе завтрешній день можетъ унести то, что̀ принесъ сегоднешній, ибо дни Русскіе злы и измѣнчивы. Рескрипты, какъ-бы ни были неопредѣленны и неполны выраженныя въ нихъ положенія, сдѣлали свое дѣло: послѣ нихъ дальнѣйшее сохраненіе крѣпостнаго права въ Россіи стало невозможнымъ. Это былъ звукъ трубы Архангела, возвѣстившій милліонамъ мертвецовъ, что приближается день воскресенія, что восходитъ звѣзда утренняя, предваряющая солнце свободы. Отъ этой вѣсти не только дрогнули сердца двадцати милліоновъ живыхъ мертвецовъ, но, казалось, взыграли кости поколѣній, давно уже уснувшихъ въ могилахъ. То были незабвенныя, святыя минуты въ Русской исторіи, подобныя тѣмъ, когда, въ ночь предъ пасхальной заутреней, Русскій народъ въ благоговѣйномъ безмолвіи ждетъ удара колокола и первыхъ звуковъ священной пѣсни Воскресенія. Въ такомъ же сосредоточенномъ безмолвіи ожидали Русскіе поселяне и возвѣщенія имъ свободы во все время приготовительныхъ работъ по этому дѣлу, длившихся болѣе трехъ лѣтъ со времени объявленія первыхъ рескриптовъ. Помѣщики пожилые, весь вѣкъ свой проведшіе съ крестьянами, признавались потомъ, что они не ожидали отъ нихъ такого спокойствія и самообладанія. Какъ много въ этомъ народѣ задатковъ порядочности и жизненной крѣпости, и сколько хорошаго можно бы изъ него сдѣлать при нѣкоторомъ умѣньи направлять его на надлежащій путь!

Вскорѣ по учрежденіи Секретнаго Комитета, изъ числа его членовъ сталъ выдѣляться генералъ-адъютантъ Ростовцовъ, которому суждено въ послѣдствіи играть первую роль въ крестьянскомъ вопросѣ. Въ началѣ онъ не болѣе другихъ членовъ былъ подготовленъ къ рѣшенію этого вопроса и даже, какъ сказано выше, отказывался отъ участія въ немъ. Но онъ съ пламеннымъ увлеченіемъ присоединился къ мысли Государя, усердно сталъ искать всѣхъ способовъ просвѣтить себя въ

этомъ новомъ для него дѣлѣ и, пользуясь давнишнею близостью къ Государю, употребилъ все свое вліяніе для того, чтобъ поддерживать его въ принятомъ имъ рѣшеніи. Ростовцовъ былъ человѣкомъ новымъ въ высшемъ правительственномъ кругу, занимавъ до вступленія Императора на престолъ второстепенное мѣсто начальника штаба Государя Наслѣдника, какъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. Членомъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ онъ сдѣланъ былъ тотчасъ по вступленіи Государя на престолъ, и только тогда вошелъ въ сферу высшихъ государственныхъ вопросовъ и сталъ знакомиться съ разнообразными отдѣлами нашего законодательства. Онъ не имѣлъ ни родства, ни другихъ связей съ родовитымъ дворянствомъ и вовсе не владѣлъ крестьянами. Всею своею предшествующею служебной карьерой онъ былъ обязанъ своимъ способностямъ и чрезвычайному расположенію къ нему покойнаго великаго князя Михаила Павловича, бывшаго до самой своей кончины главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній. Близость къ Государю и въ тоже время неимѣніе никакихъ обязывающихъ связей въ высшемъ правительственномъ и аристократическомъ мірѣ были счастливымъ сочетаніемъ условій, дававшимъ Ростовцову возможность служить крестьянскому дѣлу съ безпристрастіемъ и независимостью мнѣній и съ могучей поддержкою самого Государя, съ которымъ онъ сносился безъ всякихъ посредствующихъ инстанцій. Съ другой стороны, его еще нестарые годы (въ 1857 году ему было 53 года) и способность его легко схватывать общій смыслъ новыхъ для него вопросовъ давали ему преимущество предъ многими лицами его званія. Наконецъ, у Ростовцова была черта довольно рѣдкая у насъ въ людяхъ, достигшихъ высшихъ государственныхъ степеней: онъ думалъ объ Исторіи, вѣрилъ въ ея верховный судъ, мечталъ о почетной для себя страницѣ на ея свиткахъ. Такимъ образомъ никакія побужденія не внушали Ростовцову идти противъ реформы, тогда какъ у него были очень сильные поводы дѣятельно пристать къ мысли Государя: чрезъ это само собой усиливалось личное вліяніе его на Государя и укрѣплялось Высочайшее къ нему благорасположеніе, заслуживалось въ будущемъ сочувствіе всей передовой части общества и пріобрѣталось почетное имя въ Исторіи. Къ послѣднему побужденію Ростовцовъ потому въ особенности былъ неравнодушенъ, что завистливые или лично къ нему враждебные языки старались клеветами очернить его имя въ глазахъ современниковъ и потомства. Въ началѣ крестьянскаго дѣла заслуга Ростовцова состояла въ личномъ вліяніи его на Государя. Убѣждать Государя въ необходимости освобожденія крестьянъ не было никакой надобности, ибо Государь былъ убѣжденъ въ этомъ не менѣе всякаго

другаго; но нужно было поддерживать въ немъ рѣшимость привести эту мѣру въ исполненіе; нужно было не дать овладѣть имъ чувствамъ усталости и унынія, столь естественнымъ въ каждомъ человѣкѣ, встрѣчающемъ на своемъ пути однѣ только проволочки и устрашенія. Да будетъ позволено занести въ эту памятную записку, для будущаго историка, слѣдующія знаменательныя слова Государя, сказанныя имъ Ростовцову: «Я даже отъ самыхъ близкихъ мнѣ людей постоянно слышу одни только упреки и сѣтованія за то, что началъ это дѣло». Нѣкоторые изъ числа безусловныхъ противниковъ освобожденія, несоглашавшіеся ни на какую его форму, кромѣ личнаго увольненія крестьянъ, съ правомъ помѣщика сгонять ихъ съ своей земли (напримѣръ членъ Главнаго Комитета князь Гагаринъ) имѣли вліяніе на образъ мыслей самаго высшаго придворнаго круга, постоянно находившагося въ соприкосновеніи съ Государемъ; тогда какъ изъ лицъ, сочувствовавшихъ реформѣ, близостью къ Государю пользовались только Великій Князь Константинъ Николаевичъ и Ростовцовъ. Не легко было Государю, при такой обстановкѣ, поддерживать въ себѣ бодрость духа и рѣшимость осуществить и довести до конца задуманное имъ дѣло. Тѣмъ важнѣе была для него нравственная поддержка человѣка, весьма къ нему близкаго и хорошо изучившаго особенности его характера. Въ послѣдствіи этотъ же самый человѣкъ оказалъ Государю и Россіи еще большую услугу—нашелъ выходъ для окончательнаго рѣшенія самаго вопроса, когда Главный Комитетъ не зналъ, какъ его распутать и тянулъ время въ безплодныхъ словопрѣніяхъ.

Дорòга, которою слѣдовалъ Ростовцовъ въ крестьянскомъ вопросѣ, далеко не была усыпана для него розами: онъ сильнѣйшимъ образомъ возстановилъ противъ себя почти весь ближайшій къ Государю придворный и правительственный кругъ. Здѣсь не столько имѣли въ виду то или другое рѣшеніе крестьянскаго вопроса, въ которомъ не всѣ даже высшія лица были заинтересованы, сколько личное вліяніе на Государя, пріобрѣтавшееся Ростовцовымъ при посредствѣ крестьянскаго вопроса. Извѣстно, что вліяніе на Монарха изстари было у насъ главнымъ предметомъ всѣхъ соперничествъ между верховными правительственными лицами. Можно сказать, что, съ 1857 года по самый день смерти Ростовцова, былъ выслѣживаемъ и истолковываемъ въ дурную сторону каждый шагъ его *). Въ тоже

---

*) Намъ извѣстно фактически, что непримиримая вражда къ Ростовцову нѣкоторыхъ высшихъ лицъ не угасла и послѣ его смерти и отразилась на близкихъ къ нему людяхъ: сперва на авторѣ этихъ воспоминаній, а потомъ и на родныхъ дѣтяхъ Ростовцова. П. Б.

время Герценъ и его Петербургскіе сотрудники по «Колоколу» поносили Ростовцова всевозможными клеветами на всю Россію и Европу. Тогда какъ, по словамъ однихъ, онъ толкалъ Государя на путь мужицкой революціи и истребленія дворянъ, по словамъ другихъ онъ забиралъ крестьянское дѣло въ свои руки только для того, чтобы, въ согласіи съ «крѣпостниками», обмануть Государя и свести дѣло на ничто. Въ 1858 году рѣдкій нумеръ «Колокола» не заключалъ въ себѣ какой-нибудь позорящей статьи на Ростовцова, гдѣ въ совершенно лживомъ видѣ изображались дѣйствія его то въ крестьянскомъ вопросѣ, то по управленію военно-учебными заведеніями, то въ исторіи 14-го Декабря 1825 года *). Удары, направляемые противъ Ростовцова съ той и другой стороны, производили свое дѣйствіе. За эти три года, расположеніе къ нему Государя не рѣдко круто мѣнялось на неудовольствіе, длившееся впрочемъ очень недолго, благодаря, быть можетъ, и тому, что изъ близкихъ лицъ не на кого больше было опереться въ крестьянскомъ дѣлѣ. Позорящія же статьи «Колокола» съ восторгомъ передавались изъ рукъ въ руки какъ «консерваторами», такъ и «либералами», и читались даже гимназистами и кадетами. При впечатлительной, нервной природѣ Ростовцова, удары съ той и другой стороны глубоко его возмущали и разстроивали. Они тѣмъ сильнѣе чувствовались, что приходилось скрывать свои чувства отъ всѣхъ. Весьма вѣроятно, что зародышъ болѣзни, сведшей его въ могилу, таился именно въ этихъ моральныхъ потрясеніяхъ его нервной натуры. Мы входимъ въ эти личныя подробности относительно Ростовцова потому, что онѣ служатъ нагляднымъ поясненіемъ тѣхъ стадій, которыя проходило крестьянское дѣло въ первый періодъ своего развитія.

Послѣ Высочайшихъ рескриптовъ и открытія губернскихъ комитетовъ для устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ, Главный Комитетъ не проявилъ своей дѣятельности ничѣмъ существеннымъ и не пришелъ даже къ соглашенію относительно главныхъ основаній, на которыхъ слѣдуетъ утвердить реформу, оповѣщенную уже во всеобщее свѣдѣніе. Ростовцовымъ внесено было въ Главный Комитетъ нѣсколько записокъ, разсуждавшихъ частію о предполагаемомъ ходѣ крестьянскаго дѣла, частію о предметахъ довольно преждевременныхъ,

*) Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 г., стр. 449 и 486, напечатаны сообщенные Ѳ. П. Еленевымъ, съ его предисловіемъ, документы, несомнѣнно доказывающіе, что въ Декабрѣ 1825 г. Ростовцовъ дѣйствовалъ открыто, честно и рискуя собственною жизнью, какъ подобаетъ вѣрноподданному. П. Б.

какъ напр. объ усиленіи административныхъ властей въ губерніяхъ и уѣздахъ, въ виду безпокойствъ, ожидавшихся при объявленіи свободы. Въ этотъ періодъ крестьянскаго вопроса, когда одинъ за другимъ открывались губернскіе комитеты, главная руководящая дѣятельность должна бы сосредоточиваться въ Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ; но какъ все въ этомъ дѣлѣ шло навыворотъ, то и дѣятельность Министерства Внутреннихъ Дѣлъ оказалась въ эту минуту весьма незначительной и невліятельной. Происходило это частію отъ того, что тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, по своимъ лѣтамъ и характеру, не могъ удовлетворять требованіямъ этого, важнѣйшаго въ ту минуту государственнаго поста; частію же отъ того, что и та доля полезной дѣятельности, какую могъ бы проявлять Ланской при содѣйствіи своего товарища Левшина, была парализуема ревнивымъ отношеніемъ къ нему другихъ членовъ Главнаго Комитета. Ему было воспрещено дѣлать какія бы то ни было распоряженія по крестьянскому дѣлу безъ утвержденія Главнаго Комитета, а нѣкоторые изъ министерскихъ циркуляровъ по губерніямъ были составляемы даже вовсе безъ участія Ланскаго и только препровождались къ нему для подписанія и разсылки. Такъ напр. циркуляръ отъ 17-го Февраля 1858 г. къ тремъ генералъ-губернаторамъ и Нижегородскому губернатору (повторенный потомъ и ко всѣмъ прочимъ губернаторамъ) былъ составленъ, въ одну ночь, въ квартирѣ Ростовцова, а въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ къ нему было только придѣлано вступленіе. Циркуляръ этотъ былъ вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторые губернскіе комитеты считали для себя необязательными соображенія министра внутреннихъ дѣлъ, разосланныя вмѣстѣ съ рескриптами, такъ какъ въ этихъ соображеніяхъ усматривалось нѣкоторое несогласіе съ рескриптами. Поэтому требовалось яснѣе поставить комитетамъ на видъ тѣ главныя основанія реформы, которыя въ комитетскихъ проектахъ должны оставаться неприкосновенными. Но Главный Комитетъ самъ еще отыскивалъ эти никому неизвѣстныя основанія. По необходимости пришлось въ циркулярѣ 17-го Февраля пріискивать такіе обороты рѣчи, которые какъ будто что-то уясняли, а въ сущности были только общими мѣстами или частностями, совершенно ненужными для начала дѣла.

Циркуляръ этотъ не прекратилъ однако толковъ, что соображенія министра внутреннихъ дѣлъ необязательны для губернскихъ комитетовъ. Главный Комитетъ сталъ опасаться, что проекты губернскихъ комитетовъ по своей разнохарактерности будутъ вполнѣ между собой несогласимы. Тогда явилась мысль преподать губернскимъ комитетамъ однообразную программу для ихъ проектовъ. Такая программа была

составлена, по порученію Ростовцова, М. П. Позеномъ *); затѣмъ она была обсужена ими вмѣстѣ съ министромъ государственныхъ имуществъ Муравьевымъ, много разъ была исправляема и дополняема по указаніямъ Ростовцова и, наконецъ, была разсмотрѣна и утверждена Главнымъ Комитетомъ, въ личномъ присутствіи Государя. Программа эта была разослана губернскимъ комитетамъ 21-го Апрѣля 1858 г., подъ именемъ Высочайше утвержденной программы для занятій губернскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Составители программы старались опредѣлить въ ней порядокъ занятій губернскихъ комитетовъ и предварительныхъ уѣздныхъ совѣщательныхъ собраній, а также самую форму проектовъ губернскихъ положеній, дабы однообразная форма могла облегчить разсмотрѣніе ихъ въ Главномъ Комитетѣ. Въ сущности была достигнута только послѣдняя цѣль; въ остальномъ программа осталась безъ практическихъ послѣдствій и даже подала потомъ поводъ къ затрудненіямъ. Въ программѣ предполагалось, что высшее правительство будетъ разсматривать, исправлять и утверждать одно за другимъ положенія, составляемыя губернскими комитетами, и затѣмъ будетъ обращать ихъ въ тѣ же самые комитеты для введенія въ дѣйствіе. Главный Комитетъ, не имѣя собственнаго плана для реформы, думалъ осуществить ее посредствомъ отдѣльныхъ проектовъ, составленныхъ по губерніямъ и только между собою соглашенныхъ относительно главныхъ началъ. Въ такомъ пестромъ видѣ представлялось тогда правительству это великое дѣло! Вмѣсто того, чтобъ ограничиться требованіемъ отъ губернскихъ комитетовъ свѣдѣній, необходимыхъ для начертанія Положенія самимъ правительствомъ, программа заставила ихъ написать подробныя и систематическія положенія. Труда было много, и на половину напраснаго, а многихъ необходимѣйшихъ свѣдѣній не доставало. Такъ надѣлы и оброки въ имѣніяхъ свыше ста душъ по всѣмъ губерніямъ были показаны только въ меньшинствѣ имѣній, и показанія эти остались безъ всякой повѣрки. Между тѣмъ, заставивъ губернскіе комитеты написать цѣльныя положенія, правительство ввело ихъ въ заблужденіе относительно настоящаго значенія ихъ работы и отчасти связало себѣ

*) Позенъ, игравшій нѣкогда большую роль при военномъ министрѣ князѣ Чернышовѣ и носившій тогда званіе статсъ-секретаря Его Императорскаго Величества, въ это время жилъ въ отставкѣ въ своемъ богатомъ Полтавскомъ имѣніи. І. И. Ростовцовъ, съ давнихъ поръ находившійся съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, вызвалъ его въ Петербургъ для совѣщаній, желая воспользоваться его опытностью въ законахъ и близкимъ знаніемъ помѣщичьяго быта, въ чемъ именно Ростовцовъ чувствовалъ въ себѣ недостатокъ.

руки. Отсюда возникло впослѣдствіи со стороны дворянскихъ депутатовъ, вызванныхъ въ Редакціонныя Комиссіи, невозможное требованіе, чтобъ губернскія положенія были оставлены безъ измѣненія и утверждались для каждой губерніи отдѣльно.

Въ Маѣ 1858 года Ростовцовъ, уступая настоятельнымъ требованіямъ медиковъ, долженъ былъ уѣхать на заграничныя воды. Немедленно послѣ его отъѣзда обнаружились слѣды скрытыхъ усилій противной партіи оттереть его отъ Государя. На обычномъ смотру военно-учебныхъ заведеній, Государь, всегда бывшій къ нимъ милостивымъ, обнаружилъ, для всѣхъ неожиданно, неудовольствіе и даже раздраженіе. Разумѣется, виною были не кадеты и ихъ командиры: наши юные солдатики и въ этотъ разъ, какъ всегда, исполняли свои построенія и движенія правильно и быстро. Тутъ сказалось дѣйствіе усиленныхъ наговоровъ на Ростовцова, котораго вліяніе на Государя для многихъ было нестерпимо *). Для поддержанія сношеній съ Государемъ и исполняя выраженное Его Величествомъ желаніе, Ростовцовъ писалъ ему изъ-за границы письма по крестьянскому вопросу. Письма эти не выходили изъ рамки общихъ мѣстъ, отрывочныхъ соображеній и благочестивыхъ пожеланій; но ихъ достоинство заключалось въ ихъ полезномъ вліяніи на Государя. Въ нихъ, во первыхъ, проводилась мысль о надѣлѣ крестьянъ пахотною землею *въ постоянное пользованіе*, въ чемъ лежалъ центръ тяжести всей будущей реформы; во вторыхъ, въ нихъ постоянно выражалась ободряющая увѣренность Ростовцова въ благополучномъ окончаніи реформы, ко славѣ Государя и ко благу народа. Посреди столькихъ несочувственныхъ и устрашающихъ голосовъ, ободрительная рѣчь Ростовцова производила на Государя большое впечатлѣніе, чему скоро мы увидимъ здѣсь доказательство.

Въ теченіе того же лѣта 1858 года Государь совершилъ поѣздку по многимъ губерніямъ. Эта поѣздка, по своему значенію, выходила изъ ряда обычныхъ Высочайшихъ путешествій по Россіи. Русскій Самодержецъ дѣйствительно являлся здѣсь исполнителемъ своего важнѣйшаго призванія: въ рѣшительныя минуты народной жизни быть направителемъ ея теченія и, силою своего непререкаемаго слова, устранять препятствія на пути къ общегосударственному благу. «Самодержавіемъ со-

---

*) Доселѣ еще здравствуютъ нѣкоторыя высшія лица тогдашняго управленія военно-учебныхъ заведеній, бывшія свидѣтелями упоминаемаго случая. Не лишне также прибавить, что Ростовцовъ, хотя назывался только начальникомъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества по военно-учебнымъ заведеніямъ, но на дѣлѣ былъ полномочнымъ ихъ начальникомъ, на правахъ министерскихъ, то-есть безъ всякаго подчиненія военному министру.

здано у насъ крѣпостное право, самодержавіе же обязано и уничтожить его», сказалъ Государь спустя 2½ года въ Государственномъ Совѣтѣ, при разсмотрѣніи проекта Редакціонныхъ Коммиссій. Послѣ избавленія Россіи отъ Татарскаго ига, это былъ благодѣтельнѣйшій подвигъ Русскаго самодержавія. Что въ другихъ странахъ совершалось путемъ медленныхъ уступокъ со стороны дворянства, въ теченіе полустолѣтій и долѣе, то у насъ осуществилось быстро и легко, силой личнаго вліянія Монарха и исконной духовной связи, существовавшей между Русскимъ Царемъ и Русскимъ дворянствомъ. Эти живые и могущественные двигатели нашей исторіи, хранившіеся не въ хартіяхъ, а въ сердцахъ и убѣжденіи людей, воочію проявили свое дѣйствіе во время сказанной поѣздки Государя по губерніямъ. Государь во всѣхъ посѣщенныхъ имъ губернскихъ городахъ обращался къ дворянству съ рѣчами, исполненными достоинства, такта и неподдѣльнаго чувства. Онъ выражалъ увѣренность, что дворянство будетъ споспѣшествовать выполненію его намѣреній; Московскому же дворянству высказалъ упрекъ за медленность, съ какою оно отозвалось на его вызовъ. Этотъ упрекъ произвелъ большое впечатлѣніе на дворянства другихъ губерній. Главная сила рѣчей Государя была въ томъ, что изъ нихъ дворянство увидѣло неизмѣнность воли Государя двинуть впередъ крестьянское дѣло, тогда какъ до той поры многіе, въ слѣдствіе ложныхъ слуховъ, еще сомнѣвались въ неизбѣжности реформы. Путешествіе Государя продолжалось съ Іюня по Октябрь.

Въ концѣ Сентября Ростовцовъ, возвращаясь изъ-за границы, встрѣтился съ Государемъ въ Варшавѣ и былъ принятъ имъ довольно холодно. Наговоры, обнаружившіеся на смотру военно-учебныхъ заведеній, еще продолжали свое дѣйствіе. Повидимому думали обойтись безъ него. Но вскорѣ по возвращеніи Государя въ Петербургъ, Ростовцовъ вошелъ съ нимъ почти въ ежедневныя сношенія по крестьянскому вопросу и вполнѣ вернулъ къ себѣ его расположеніе. По приказанію Ростовцова, его письма къ Государю изъ-за границы были приведены, насколько было возможно, въ болѣе систематическое изложеніе и напечатаны отдѣльной брошюрой, которая и была тотчасъ представлена Государю. Возвратившись однажды отъ Государя, Ростовцовъ выразился такъ: «Государь сегодня сказалъ мнѣ, что онъ съ Императрицей читаютъ и перечитываютъ мои письма, и чѣмъ больше въ нихъ вчитываются, тѣмъ больше находятъ въ нихъ крупныхъ достоинствъ». Эти слова Государя доказывали, какъ отрадно для него было услышать слово сочувствія и ободренія въ этомъ близкомъ его сердцу дѣлѣ, гдѣ гораздо чаще ему случалось встрѣчать равнодушіе и даже противодѣйствіе. Предметъ

былъ такъ еще теменъ для всѣхъ, что о постановкѣ главныхъ вопросовъ и систематическомъ ихъ развитіи нечего было и думать. При бездѣятельности Главнаго Комитета, важно было и то, что хотя одинъ изъ его членовъ предался этому дѣлу съ увлеченіемъ, работалъ мысленно и усиливался разъяснить себѣ этотъ темный вопросъ. На безплодной почвѣ Главнаго Комитета это было живое зерно, которое, подъ вліяніемъ свѣта и тепла, исходившихъ отъ престола, выросло потомъ въ дѣло, разрѣшившее вопросъ и, быть можетъ, спасшее Россію отъ повсемѣстныхъ народныхъ волненій. Волненія эти были бы весьма вѣроятны, если бы дѣло, всенародно объявленное отъ имени Царя, было замято или остановилось на какой-нибудь полумѣрѣ, въ родѣ выкупа крестьянами однѣхъ усадебъ, безъ предоставленія имъ земельнаго надѣла. Крестьяне непремѣнно приписали бы такой оборотъ дѣла противодѣйствію помѣщиковъ. Кромѣ горячаго сочувствія Ростовцова къ завѣтной мысли Государя, принятый имъ прямой образъ дѣйствій выгодно отличалъ его въ глазахъ Государя отъ нѣкоторыхъ противниковъ реформы изъ числа высшихъ государственныхъ лицъ, которыя и лично сами, и чрезъ своихъ посланныхъ, старались сбить дворянъ увѣреніями, что ничего не будетъ, стóитъ только не уступать. Это тайное противодѣйствіе было небезъизвѣстно Государю, какъ сейчасъ мы увидимъ. Свѣдѣніе о немъ онъ могъ получить, во время своей поѣздки, и помимо III-го Отдѣленія, которое само всею душой работало противъ реформы. Съ осени 1858 г. начинается рѣшительное преобладаніе Ростовцова въ крестьянскомъ дѣлѣ; съ этой же поры окончательно укрѣпилось довѣріе къ нему Государя, неизмѣнявшееся уже до самой кончины Ростовцова. Печатное извлеченіе изъ его писемъ было, по Высочайшему повелѣнію, разослано всѣмъ членамъ Комитета и внесено на его обсужденіе, въ присутствіи самого Государя (18-го Октября 1858 г.). Послѣ бывшихъ по этому предмету сужденій, Государь повелѣлъ принять къ руководству нѣкоторыя изъ выраженныхъ въ упомянутомъ извлеченіи предположеній, а остальныя—къ соображенію. Въ этомъ же засѣданіи Государь, въ строгихъ словахъ, выразилъ свое неудовольствіе за неблагопріятные для крестьянскаго дѣла слухи, распущенные между дворянствомъ однимъ изъ членовъ Комитета и завѣдывавшимъ его дѣлами, во время ихъ лѣтней поѣздки по губерніямъ. Кромѣ упомянутаго извлеченія изъ писемъ, Ростовцовымъ было составлено нѣсколько другихъ записокъ о предполагаемомъ ходѣ крестьянскаго дѣла и о разныхъ относившихся къ нему частныхъ вопросахъ. Записки эти, назначавшіяся, какъ говорилось обыкновенно въ ихъ заглавіи, для соображеній Главнаго Комитета, немедленно представлялись Государю и, послѣ его

одобренія, разсылались членамъ Комитета и служили главными темами для его сужденій. На многихъ изъ нихъ Государь дѣлалъ собственноручныя краткія замѣтки. Значеніе и достоинство этихъ записокъ были тѣ же, какъ и упомянутыхъ писемъ изъ-за границы. Въ нихъ Ростовцовъ предусматриваетъ уже необходимость выкупа крестьянскихъ надѣловъ, но не иначе, какъ по добровольному соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами и по условленной между ними цѣнѣ, однако съ денежнымъ содѣйствіемъ правительства. По незнакомству съ сельскимъ бытомъ, Ростовцовъ не могъ ясно себѣ представить, какія должны существовать отношенія между помѣщикомъ и крестьянами послѣ уничтоженія крѣпостнаго права. То онъ думалъ сдѣлать помѣщика начальникомъ сельскаго общества, съ правомъ даже удалять изъ него крестьянина, признаваемаго имъ вреднымъ, то возставалъ противъ мнѣнія тѣхъ членовъ Главнаго Комитета, которые хотѣли сохранить за помѣщикомъ вотчинную полицію, что, по словамъ Ростовцова, значило оставить крестьянъ подъ ферулой помѣщика. Вообще во всѣхъ его запискахъ, предшествовавшихъ разъясненію вопроса въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ, замѣчались спутанность понятій, противорѣчія, нерѣдко простодушное увлеченіе благими, но мало практичными пожеланіями; но коренную основу реформы, необходимость для крестьянъ неотъемлемаго полеваго надѣла, онъ усвоилъ себѣ твердо и повторялъ во всѣхъ своихъ запискахъ, хотя и не зналъ, какъ осуществить это начало въ финансовомъ отношеніи. Эти личныя мнѣнія Ростовцова по крестьянскому вопросу достойны упоминанія потому, что параллельно съ ними шло уясненіе вопроса и въ мысляхъ самого Государя.

Съ конца Октября 1858 года стали поступать въ Главный Комитетъ проекты положеній изъ губернскихъ комитетовъ. Первый проектъ былъ представленъ Нижегородскимъ комитетомъ. Они были ожидаемы Главнымъ Комитетомъ и самимъ Государемъ съ большимъ нетерпѣніемъ: ибо тогда уже чувствовалось, что это дѣло не можетъ быть рѣшено наличными силами одного правительственнаго синклита. По приказанію Ростовцова, были составляемы обозрѣнія важнѣйшихъ предположеній, заключавшихся въ первыхъ полученныхъ въ Петербургѣ проектахъ, и эти обозрѣнія тотчасъ же представлялись Государю. Потомъ, когда поступленіе проектовъ участилось и не было уже возможности по каждому изъ нихъ составлять письменныя обозрѣнія (такъ какъ работа эта, до учрежденія Редакціонныхъ Коммиссій, исполнялась однимъ лицомъ), то Ростовцову докладывалось словесно только о выдающихся особенностяхъ тѣхъ или другихъ проектовъ. Государь съ большимъ интересомъ слѣдилъ, по донесеніямъ Ростовцова, за постепеннымъ уясненіемъ крестьянскаго вопроса въ проек-

тахъ губернскихъ комитетовъ; радовался тѣмъ изъ нихъ, которые обнимали вопросъ широко и въ видахъ Государя, каковы напримѣръ были проекты меньшинства Нижегородскаго, Тульскаго и Самарскаго комитетовъ и проекты Тверской и Харьковскій; напротивъ того, огорчался тѣми проектами, которые понимали вопросъ узко, въ смыслѣ исключительно выгодъ одного сословія. Государь и въ это время, какъ прежде, лично присутствовалъ въ большей части засѣданій Главнаго Комитета, иногда по два раза на недѣлѣ. Послѣ Петровской реформы, исполненной умомъ и волею одного человѣка, конечно ни одна реформа въ Россіи не совершилась при такомъ близкомъ, сердечномъ участіи самого Государя, какъ упраздненіе крѣпостнаго права.

Во многихъ губернскихъ комитетахъ, при составленіи проектовъ, возникли разногласія, принимавшія иногда характеръ враждебныхъ столкновеній. Главнымъ предметомъ споровъ былъ вопросъ о надѣлѣ крестьянъ землей и о степени власти, оставляемой помѣщикамъ при новомъ положеніи. Почти во всѣхъ комитетахъ образовались большинство и меньшинство. Въ меньшинствѣ всегда были члены, желавшіе широкихъ уступокъ со стороны помѣщиковъ; большинство же держалось противоположнаго мнѣнія или допускало надѣленіе крестьянъ землей съ непремѣннымъ условіемъ немедленнаго и повсемѣстнаго выкупа, при посредствѣ и съ ручательствомъ правительства. Мысль о немедленномъ выкупѣ, какъ средствѣ окончательно раздѣлаться съ обязательнымъ трудомъ, все болѣе и болѣе распространялась въ дворянствѣ. Первое предположеніе о выкупѣ возникло въ Тверскомъ Комитетѣ. Сначала Главный Комитетъ рѣшительно противился мысли о немедленномъ и повсемѣстномъ выкупѣ, видя въ этой мѣрѣ противорѣчіе съ провозглашеннымъ въ рескриптахъ сохраненіемъ за помѣщиками права собственности на землю и пугаясь громадностью финансовой операціи, потребной для совершенія выкупа; но потомъ, послѣ нѣкотораго колебанія, Главный Комитетъ разрѣшилъ и прочимъ губернскимъ комитетамъ, независимо отъ предположеній, основанныхъ на рескриптахъ, представлять особо и предположенія о выкупѣ.

Кромѣ проектовъ губернскихъ комитетовъ, въ Главный Комитетъ и лично Ростовцову представляемо было множество проектовъ отъ частныхъ лицъ, какъ въ это время, такъ и потомъ, когда уже были учреждены Редакціонныя Коммиссіи. Всѣхъ частныхъ проектовъ насчитывалось что-то около 330. Читать ихъ всѣ не было никакой возможности; выбирались нѣкоторые, принадлежавшіе болѣе извѣстнымъ лицамъ. Но, какъ кажется не было ни одного, заслуживавшаго особаго вниманія. Авторы чувствовавшіе свои силы, печатали свои статьи въ журналахъ.

Въ концѣ 1858 года въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ все вліяніе въ крестьянскомъ дѣлѣ перешло изъ рукъ мнительнаго и осторожнаго Левшина въ руки Н. А. Милютина, который вскорѣ потомъ (въ Апрѣлѣ 1859 г.) занялъ и самый постъ Левшина, хотя только съ названіемъ временно исправляющаго должность товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Справочною и подготовительною, вообще канцелярскою частью завѣдывалъ при немъ Соловьевъ, членъ, а въ послѣдствіи управляющій вновь созданнаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Земскаго Отдѣла. Милютинъ былъ чиновникъ выдающихся, государственныхъ способностей, вполнѣ человѣкъ почина и борьбы. Къ сожалѣнію, онъ вовсе не зналъ сельскаго быта и имѣлъ невѣрное представленіе о нашемъ дворянствѣ, о которомъ, какъ кажется, судилъ на основаніи имѣвшихся въ министерствѣ свѣдѣній о частныхъ случаяхъ злоупотребленія помѣщичьей властью. Между тѣмъ, въ силу того общаго закона, что тѣла и умы высшаго порядка увлекаютъ въ сферу своего притяженія тѣла и умы средняго и низшаго порядка, вліянію Милютина безусловно подчинилась большая часть чиновниковъ, работавшихъ въ крестьянскомъ дѣлѣ до самаго окончанія занятій Редакціонныхъ Коммиссій. Это имѣло какъ свои выгоды, такъ и свои невыгоды, смотря по тому, на сколько личные взгляды Милютина были вѣрны и безпристрастны. Впрочемъ и при Милютинѣ всѣ важнѣйшіе циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ по крестьянскому вопросу составлялись въ Главномъ Комитетѣ.

Въ числѣ полезныхъ силъ, помогавшихъ рѣшенію крестьянскаго вопроса, слѣдуетъ упомянуть о нѣсколькихъ просвѣщенныхъ и дѣльныхъ статьяхъ, появившихся съ конца 1857 года въ Сельскомъ Благоустройствѣ и Русскомъ Вѣстникѣ, и объ одной статьѣ (Кавелина) въ Современникѣ. Правительство то пропускало безъ вниманія вмѣшательство литературы въ крестьянскій вопросъ, то придиралось къ нѣкоторымъ статьямъ. Умная и умѣренная статья Кавелина «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта» (въ Современникѣ 1858 г.) была представлена Государю, какъ неблагонамѣренная. Вскорѣ послѣ учрежденія Редакціонныхъ Коммиссій, въ слѣдствіе цензурныхъ стѣсненій, предписанныхъ сверху, Сельское Благоустройство должно было прекратиться, а съ Августа 1859 года не появлялось уже и въ Русскомъ Вѣстникѣ статей по крестьянскому вопросу. Между тѣмъ нѣкоторые изъ писателей, помѣщавшихъ статьи по этому вопросу въ сказанныхъ двухъ журналахъ, далеко опережали Главный Комитетъ въ пониманіи дѣла. Одни изъ нихъ обнаруживали подробное знакомство съ исторіей освобожденія крестьянъ въ западныхъ государствахъ; другіе высказывали весьма вѣрныя сужденія по главнымъ вопросамъ, подлежав-

шимъ разрѣшенію у насъ въ Россіи. Всѣ лучшія статьи признавали необходимымъ упрочить за крестьянами поземельную собственность посредствомъ выкупа, видя въ немъ единственную развязку натянутыхъ обязательныхъ отношеній между двумя сословіями, послѣ освобожденія одного изъ нихъ изъ-подъ власти другаго *).

Стѣсненія литературы по крестьянскому вопросу вызваны были двумя побужденіями. Во первыхъ, боялись отъ нея вреднаго вліянія на народъ и раздражительнаго дѣйствія на дворянство, въ виду появившихся уже статей въ демократическомъ духѣ и съ оскорбительными для дворянства выраженіями. А такъ какъ подъ сборное понятіе литературы безразлично подводятся и литературные поденщики, пишущіе только для наполненія страницъ срочнаго нумера своего журнала или газеты, и люди, основательно изучившіе тотъ предметъ, о которомъ пишутъ: то цензурныя стѣсненія, имѣвшія въ виду собственно журнальныхъ борзописцевъ, всею своею тяжестью пали именно на статьи, писанныя съ знаніемъ дѣла и содѣйствовавшія уясненію крестьянскаго вопроса. Другимъ побужденіемъ, вызвавшимъ сказанныя стѣсненія, была самолюбивая ревнивость лицъ, державшихъ въ своихъ рукахъ крестьянское дѣло: они не желали, чтобъ слава его рѣшенія была приписываема кому-нибудь другому, кромѣ нихъ. Эта ревнивая зависть къ другимъ есть общая черта нашего чиновнаго міра, какъ консерваторовъ, такъ и либераловъ. Тѣ самые люди, которые безпощадно бичевали въ печати (напр. въ изданныхъ въ Берлинѣ, въ 1860—1862 гг., «Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія въ Россіи») виновниковъ сказанныхъ стѣсненій литературы, сами не выносили ни малѣйшихъ замѣчаній на ихъ законодательныя работы и каждаго, дозволившаго себѣ даже негласное указаніе на ошибки и пропуски въ ихъ трудѣ, считали личнымъ своимъ врагомъ. Нѣкоторые изъ такъ называемыхъ либеральныхъ чиновниковъ, имѣвшіе власть при введеніи Положенія о крестьянахъ, съ умысломъ не дали хода нѣкоторымъ полезнымъ и даже необходимымъ предложеніямъ, потому только, что они шли не отъ ихъ присныхъ, а отъ людей, стоявшихъ въ сторонѣ отъ ристалища карьеристовъ.

1858-й годъ былъ на исходѣ. Изъ губернскихъ комитетовъ стали уже поступать проекты положеній, по которымъ требовалось заключительное слово правительства; а между тѣмъ въ Главномъ Комитетѣ

---

*) Замѣчательнѣйшая изъ всѣхъ напечатанныхъ статей принадлежала Юрію Самарину: „Объ упраздненіи крѣпостнаго права въ Пруссіи“; она была помѣщена въ Сельскомъ Благоустройствѣ.

ровно никакихъ основаній для реформы не было еще выработано. Собирались, спорили объ общихъ мѣстахъ или неважныхъ частностяхъ, говорили иногда другъ другу колкости и расходились, не придя ни къ какому положительному заключенію. До какой степени Главный Комитетъ, даже въ концѣ Ноября 1858 года, былъ еще далекъ отъ настоящаго дѣла, видно изъ весьма замѣчательной памятной записки І. И. Ростовцова отъ 24-го Ноября и изъ вопросовъ, обсуждавшихся въ этотъ день въ Главномъ Комитетѣ, въ личномъ присутствіи Государя. Тотъ и другой документъ помѣщены въ приложеніи къ настоящей статьѣ. Члены Главнаго Комитета препирались въ этотъ день о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ освобожденіемъ крестьянъ, а предложенные имъ вопросы состояли изъ общихъ мѣстъ и неважныхъ или преждевременныхъ частностей. Во всѣхъ журналахъ Главнаго Комитета ясно сквозило сознаваемое имъ собственное неумѣнье, какъ взяться за дѣло: потому-то такъ часто повторялась въ нихъ фраза, что губернскимъ комитетамъ предоставляется не стѣсняться циркулярами министра внутреннихъ дѣлъ, тогда какъ эти циркуляры, составляемые самимъ Главнымъ Комитетомъ, для того именно и издавались, чтобы предотвратить въ губернскихъ проектахъ несогласимыя между собой разнорѣчія.

Изъ первыхъ полученныхъ въ Петербургѣ проектовъ было уже ясно, что, по ихъ чрезвычайной разнохарактерности, нечего было и думать объ отдѣльномъ ихъ разсмотрѣніи и утвержденіи, какъ предполагалось прежде. Не только различные комитеты расходились между собой во взглядахъ, но часто отъ одного и того же комитета присылалось по два проекта, большинства и меньшинства, которые разногласили въ самыхъ существенныхъ вопросахъ. Очевидно было, что губернскіе проекты могутъ только послужить матеріаломъ, и матеріаломъ вполнѣ необходимымъ, для составленія общаго положенія, но самое это положеніе должно быть обдумано и составлено систематически, по одному плану и однѣми и тѣми же руками. Это хорошо понималъ и Главный Комитетъ, равно какъ и то, что ни самъ онъ, ни выкроенная изъ него четырехчленная коммиссія не въ состояніи взять на себя эту обязанность. На кого же долженъ былъ пасть трудъ составленія новаго закона, имѣвшаго въ виду измѣнить коренными образомъ отношенія двухъ главныхъ сословій въ государствѣ? По заведенному порядку, онъ долженъ бы быть возложенъ на обыкновенную коммиссію изъ чиновниковъ, подъ мнимымъ наблюденіемъ Главнаго Комитета и съ вызовомъ, пожалуй, помѣщиковъ, но только для разговоровъ, безъ прямаго участія въ составленіи закона. Въ перспективѣ представлялись долгіе годы лѣнивой казенной работы, въ продолженіе которыхъ много могло бы утечь воды и перемѣниться взгля-

довъ. А между тѣмъ Россія все ждала бы и ждала возвѣщеннаго преобразованія.

Силою самихъ обстоятельствъ, въ предпріимчивомъ умѣ Ростовцова родилась мысль, пользуясь чрезвычайнымъ къ нему расположеніемъ Государя, сосредоточить все дѣло въ своихъ рукахъ и двинуть его впередъ энергически и быстро, привлекши къ его рѣшенію самихъ помѣщиковъ, извѣстныхъ своимъ сочувствіемъ къ реформѣ. Планъ до того былъ смѣлый, что могъ быть проведенъ только окольнымъ путемъ: слѣдовало захватить Главный Комитетъ врасплохъ, не давъ ему времени поднять на ноги всѣхъ лицъ, которымъ могло быть нестерпимо такое небывалое сосредоточеніе власти въ однѣхъ рукахъ. Ростовцовъ показалъ въ эту рѣшительную минуту большой практическій тактъ. Въ четырехчленной коммиссіи Главнаго Комитета, душою которой былъ самъ Ростовцовъ, составленъ былъ планъ устройства Редакціонныхъ Коммиссій для разсмотрѣнія губернскихъ проектовъ и для начертанія общаго Положенія о крестьянахъ. Эти Редакціонныя Коммиссіи предполагалось составить изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, съ прибавленіемъ экспертовъ, избранныхъ предсѣдателемъ Коммиссій. Предсѣдателемъ же Коммиссій предполагалось назначить исправлявшаго должность статсъ-секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ, д. ст. с. Жуковскаго, который считался завѣдующимъ дѣлопроизводствомъ въ четырехчленной коммиссіи. Планъ былъ самый безобидный, низводившій проектируемыя Редакціонныя Коммиссіи въ рангъ обычныхъ Петербургскихъ законодательныхъ коммиссій, безъ всякой самостоятельности и почина, за что ручалась самая личность предположеннаго предсѣдателя коммиссій, скромнаго чиновника Государственной Канцеляріи, бывшаго подъ командой государственнаго секретаря Буткова. Самое названіе: «Редакціонныя Коммисіи», давало разумѣть, что ихъ дѣло будетъ состоять только въ простой кодификаціи Положенія, на преподанныхъ имъ отъ Главнаго Комитета основаніяхъ. Этотъ планъ учрежденія Редакціонныхъ Коммиссій былъ представленъ на утвержденіе Государя четырехчленною коммиссіей (помимо Главнаго Комитета), при журналѣ ея отъ 4 Февраля 1859 года. Государь Императоръ написалъ на этомъ журналѣ такую резолюцію: «*Исполнить, но съ тѣмъ, чтобы предсѣдательство въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ было поручено генералъ-адъютанту Ростовцову, если онъ согласится принять эту обязанность на себя*»; а затѣмъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта князь Орловъ, въ письмѣ къ Ростовцову отъ 17-го Февраля, увѣдомилъ его, что Государь Императоръ соизволилъ повелѣть: «*Предсѣдателю Редакціонныхъ Коммиссій предоставить право дать симъ Коммиссіямъ внутреннее устройство и*

образованіе по его ближайшему усмотрѣнію, соотвѣтственно пользѣ и важности порученнаго Коммиссіямъ дѣла, и указать всѣ способы, необходимые для успѣха дѣйствій Коммиссій».

Этими двумя фразами: о назначеніи предсѣдателемъ Коммиссій Ростовцова и объ объемѣ предоставляемой ему власти, весь дальнѣйшій ходъ крестьянскаго дѣла нежданно получалъ совершенно другой видъ, чѣмъ предполагалось въ журналѣ четырехчленной коммиссіи: съ обычной бюрократической дороги это дѣло вступало на путь, хотя еще неясный для правительственнаго синклита, но уже сложившійся въ мысляхъ того человѣка, которому ввѣрялась судьба этого дѣла. Это былъ путь непосредственнаго участія самихъ помѣщиковъ, чрезъ избранныхъ изъ ихъ среды лицъ, въ составленіи Положенія о крестьянахъ. Ростовцовъ мечталъ даже о призывѣ въ Редакціонныя Коммиссіи нѣсколькихъ разумныхъ крестьянъ для того, чтобъ они по всѣмъ статьямъ, непосредственно касающимся до крестьянства, давали отвѣты на два вопроса: понятно ли? удобоисполнимо ли? *)

Учрежденіе Редакціонныхъ Коммиссій, съ Ростовцовымъ во главѣ, было, послѣ Высочайшихъ рескриптовъ, вторымъ важнѣйшимъ моментомъ въ ходѣ крестьянскаго дѣла. Такимъ образомъ самое безсиліе Главнаго Комитета обратилось въ пользу этому дѣлу: ибо, при лучшемъ составѣ и болѣе плодотворной дѣятельности этого верховнаго правительственнаго учрежденія, оно никогда не выпустило бы крестьянскаго дѣла изъ своихъ рукъ. Точно также послужилъ на пользу этому дѣлу и вызовъ Польскихъ помѣщиковъ трехъ Сѣверо западныхъ губерній дать личную свободу своимъ крестьянамъ, хотя вызовъ этотъ далеко не имѣлъ цѣлію благо Русскихъ крестьянъ, а былъ вынужденъ опасеніемъ, чтобъ улучшеніе ихъ быта не совершилось руками Русскаго правительства и на началахъ гораздо болѣе невыгодныхъ для помѣщиковъ, чѣмъ одно личное увольненіе безъ земли. Польскіе помѣщики, мѣняя инвентари на личное освобожденіе безъ земли, хотѣли и выиграть въ матеріальномъ отношеніи, и не дать крестьянамъ перейти на сторону правительства. Поистинѣ, неисповѣдимые пути Божьяго Промысла! Онъ толкалъ крестьянское дѣло впередъ руками самихъ его противниковъ и помогалъ ему дѣлать рѣшительные прыжки именно тамъ, гдѣ были разставлены ему преграды и западни.

---

*) Нѣкоторымъ членамъ Редакціонныхъ Коммиссій изъ чиновниковъ, по привычкѣ ихъ къ канцелярской рутинѣ и чопорности, эта мысль Ростовцова казалась чѣмъ-то весьма наивнымъ.

Бесѣды Государя съ Ростовцовымъ, предшествовавшія достопамятной Высочайшей резолюціи на журналѣ 4-го Февраля 1859 года, остались никому неизвѣстны; но, по всему ходу этого дѣла, люди вблизи его стоявшіе могли догадываться, что неожиданный оборотъ его былъ предварительно условленъ между Государемъ и Ростовцовымъ. На это указываютъ и послѣднія слова резолюціи: «если онъ согласится принять эту обязанность на себя». Они, какъ можно догадываться, добавлены Государемъ для приданія вида, будто Ростовцовъ былъ непричастенъ такому неожиданному рѣшенію. По добротѣ своего сердца, Государь повидимому хотѣлъ этою оговоркой прикрыть своего вѣрнаго слугу отъ обвиненій его завистниковъ въ захватѣ власти. Въ согласіи же Ростовцова и даже въ его пламенномъ желаніи взять на себя это славное дѣло у Государя не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Съ учрежденія Редакціонныхъ Коммиссій, крестьянское дѣло изъ тѣсныхъ извилинъ выплыло на просторъ. Члены Коммиссій, подъ охраной своего предсѣдателя, могли совѣщаться и работать спокойно и съ легкимъ сердцемъ, ни откуда не встрѣчая помѣхи. Чрезвычайное довѣріе, какимъ въ это время пользовался у Государя Ростовцовъ, дало ему возможность поставить Коммиссіи въ полнѣйшую независимость отъ Главнаго Комитета и отъ всѣхъ другихъ инстанцій. Коммиссіи жили своею внутреннею жизнію, получая направленіе отъ своего лишь предсѣдателя; а онъ давалъ отчетъ въ дѣйствіяхъ Коммиссій одному только Государю. Главный Комитетъ существовалъ съ этихъ поръ только по имени, не проявляя ни малѣйшей дѣятельности. Дѣло, дотолѣ для всѣхъ неясное, стало мало-по-малу уясняться членамъ Редакціоннымъ Коммиссій изъ ихъ общихъ совѣщаній, изъ разбора проектовъ губернскихъ комитетовъ, а въ послѣдствіи—и изъ преній съ депутатами отъ губернскихъ комитетовъ. Работа совершенствовалась на ходу, общими силами. Канцелярскія формальности, мертвящія у насъ всякое дѣло, были устранены изъ Коммиссій. Имъ не было дано никакихъ инструкцій, никакого плана работъ и предрѣшенныхъ тезисовъ: все было предоставлено внутреннему, самостоятельному развитію дѣла. Среди самыхъ преній и работъ возникали новые вопросы, уяснялась система цѣлаго труда, и исправлялись сдѣланныя ошибки. Однимъ словомъ, Коммиссіи начали съ изученія вопроса и постепенно облекали его рѣшеніе въ правильныя законодательныя формы, указываемыя сущностью дѣла, а не пригоняли сущности къ предуставленной напередъ формѣ. Личный составъ Коммиссій и установившіеся въ ней порядки были чѣмъ-то новымъ, давно уже невиданнымъ въ Россіи: отставной прапорщикъ и коллежскій се-

кретарь сидѣли рядомъ съ чиновниками высшаго ранга, управлявшими важными частями администраціи. Ростовцовъ скоро усвоилъ себѣ многосложные и мало ему дотолѣ знакомые вопросы крестьянскаго быта и поземельныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и руководилъ преніями и работами Коммиссій съ большимъ умѣньемъ. Надобно впрочемъ замѣтить, что финансовое отдѣленіе коммиссій, разработывавшее подробности выкупной операціи, работало отдѣльно отъ другихъ отдѣловъ Коммиссій и внѣ всякаго вліянія Ростовцова, который сознавалъ себя совершенно непосвященнымъ въ финансовые вопросы. Все время Ростовцова было теперь исключительно посвящено занятіямъ по крестьянскому дѣлу. Завѣдываніе военно-учебными заведеніями было, съ Высочайшаго разрѣшенія, передано имъ своему помощнику, генералъ-адъютанту Путятѣ. Почти ежедневно диктовалъ онъ предложенія Редакціоннымъ Коммиссіямъ, либо замѣтки на ихъ работы, либо отчетныя записки о ходѣ ихъ занятій, представлявшіяся имъ Государю. Всѣ такія записки, по его обыкновенію, по многу разъ исправлялись и переписывались. Ростовцовъ, съ его живымъ, увлекающимся характеромъ, съ его энергическою и образною рѣчью, вносилъ въ работы Коммиссій одушевленіе, которое искренне раздѣляли съ нимъ и многіе члены; а извѣстно, что во всѣхъ великихъ реформахъ, двигавшихъ впередъ человѣчество, одушевленіе составляло главную, а иногда и единственную силу реформаторовъ, такъ какъ всѣ другія силы наичаще были на сторонѣ защитниковъ стараго порядка. Если одушевленіе новыми творческими идеями почти всегда сопровождается неизбѣжными увлеченіями и крайностями, то исправлять эти излишества реформаторовъ есть прямая обязанность послѣдующихъ дѣятелей, которые не участвовали ни въ одушевленіи, ни въ трудахъ первыхъ исполнителей реформъ. Таковъ общій порядокъ природы, какъ вещественной, такъ и духовной: вешнія воды никогда не проходятъ безъ того, чтобъ силой своего стремленія не надѣлать тамъ и сямъ какихъ-нибудь изъяновъ; но онѣ же приносятъ съ собой новую, зеленѣющую жизнь на омертвѣлую отъ зимняго хлада землю. Разумные и дѣятельные люди спѣшатъ исправить изъяны, причиненные весенними водами, но благословляютъ живительныя силы весны, обновившія землю новыми дарами. Ростовцовъ охранялъ Коммиссіи не только отъ постороннихъ вмѣшательствъ, но и отъ внутреннихъ распрей, которыя иногда возникали тамъ вслѣдствіе рѣзкаго различія мнѣній. Если онѣ не приняли размѣровъ опасныхъ для независимости Коммиссій и для успѣха порученнаго имъ дѣла, то этимъ Коммиссіи единственно были обязаны примирительному образу дѣйствій ихъ предсѣдателя и его авторитету, предъ которымъ должны были склониться всѣ члены. Впрочемъ онъ пользовался своимъ авто-

ритетомъ только для устраненія вредныхъ распрей изъ среды Коммиссій, но ни мало не стѣснялъ независимости мнѣній. Онъ даже сдѣлалъ надъ собой побѣду: съ терпѣніемъ выслушивалъ иногда рѣзкія возраженія своимъ мнѣніямъ отъ нѣкоторыхъ, весьма впрочемъ дѣльныхъ членовъ, къ чему онъ не былъ пріученъ своею предшествовавшею службой. Въ своихъ отношеніяхъ къ членамъ Ростовцовъ обнаруживалъ полное безпристрастіе. Нѣкоторые члены, противъ которыхъ онъ имѣлъ сначала предубѣжденіе, потомъ пользовались особымъ его уваженіемъ, потому что онъ видѣлъ въ нихъ выдающіяся способности или отличное знаніе условій сельскаго быта. Напротивъ того, онъ не задумался удалить изъ Коммиссій единственнаго члена, который не только былъ его давнишнимъ знакомымъ, но состоялъ съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Онъ удалилъ его потому, что членъ этотъ сдѣлался причиною внутренняго разлада въ Коммиссіяхъ и даже старался вредить имъ на сторонѣ. (Этотъ характеристическій эпизодъ въ исторіи Редакціонныхъ Коммиссій описанъ самимъ Ростовцовымъ въ памятной запискѣ, напечатанной въ приложеніи къ этой статьѣ). Автономія, которою пользовались Редакціонныя Коммиссіи въ слѣдствіе исключительнаго положенія ихъ предсѣдателя, имѣла огромное значеніе для всего порученнаго имъ дѣла: она была главною причиною того, что вся работа Коммиссій совершалась свободно и правильно, не подвергаясь никакому давленію со стороны. А такихъ давленій въ крестьянскомъ дѣлѣ было въ то время наготовѣ весьма много и весьма сильныхъ. Этой же автономіи обязаны Коммиссіи еще тѣмъ, что и по смерти Ростовцова, когда между новымъ предсѣдателемъ и членами не было уже прежняго согласія и взаимнаго довѣрія, работы Коммиссій не разстроились, но продолжали двигаться впередъ силой внутренняго развитія.

Члены Коммиссій изъ Петербургскихъ чиновниковъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, были опытнѣе прочихъ въ законодательной кодификаціи; члены же, призванные изъ губерній, или такъ-называвшіеся эксперты, лучше знали существо дѣла, то-есть условія крестьянскаго быта и поземельныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Нѣкоторые же изъ экспертовъ, по уму, образованности и сочувствію къ дѣлу освобожденія, вполнѣ стояли въ уровень съ задачею, въ рѣшеніи которой выпалъ имъ жребій участвовать. Конечно, дѣло направлялось меньшинствомъ, какъ бываетъ во всѣхъ коммиссіяхъ, даже не столь многочисленныхъ по составу; остальные члены были рядовыми работниками, составившими, болѣе или менѣе удачно, порученныя имъ части общей работы. Было нѣсколько и такихъ, которые не принесли дѣлу ровно никакой пользы, хотя имена ихъ до самаго закрытія

Коммиссій значились на ея журналахъ. Члены же Редакціонныхъ Коммиссій изъ Польскихъ помѣщиковъ Сѣверозападнаго края, пользуясь незнакомствомъ прочихъ членовъ съ особенностями поземельнаго устройства крестьянъ въ томъ краѣ, успѣли направить мѣстное Положеніе этихъ губерній исключительно къ выгодѣ помѣщиковъ. Они не только не исправили, но еще усилили фальшивыя данныя, заключавшіяся въ проектахъ губернскихъ комитетовъ Сѣверозападнаго края, такъ что, по донесеніямъ мѣстныхъ губернаторовъ, послѣ реформы положеніе тамошнихъ крестьянъ почти не улучшилось, а во многихъ имѣніяхъ даже ухудшилось сравнительно съ крѣпостнымъ состояніемъ. Ростовцовъ, къ сожалѣнію, имѣлъ невѣрное представленіе о Польскомъ дворянствѣ западныхъ губерній. Онъ воображалъ, что предупредительностью и уступками ихъ желаніямъ можно сдѣлать изъ нихъ вѣрныхъ подданныхъ Русскаго Царя. Небезъизвѣстно, что этому мнѣнію долго былъ причастенъ и самъ въ Бозѣ почившій Государь, пока вооруженное посягательство Польскихъ дворянъ на цѣлость Россіи, именно въ слѣдствіе далеко зашедшихъ уступокъ Польскимъ притязаніямъ, не открыло Государю истины. Вѣроятно Ростовцовъ, изъ предупредительности къ Польскимъ дворянамъ, не желалъ поискать между помѣщиками Сѣверозападнаго края людей Русскаго происхожденія и сочувствовавшихъ дѣлу освобожденія. Впрочемъ и самая цѣль вызова, сдѣланнаго Польскими помѣщиками, еще не была тогда никѣмъ проникнута, и многіе видѣли въ нихъ передовыхъ людей, представителей высшей культуры, опередившихъ Русское дворянство въ идеяхъ гражданской свободы и гуманности.

Труды Редакціонныхъ Коммиссій составляютъ уже второй періодъ въ исторіи крестьянскаго дѣла и не входятъ въ настоящее обозрѣніе, имѣющее предметомъ лишь первый періодъ этого дѣла. Здѣсь казалось только умѣстнымъ сохранить для будущаго историка нѣкоторыя черты внутреннихъ порядковъ въ Коммиссіяхъ и царствовавшаго въ нихъ духа. Работы ихъ были напечатаны во всей подробности еще до внесенія ихъ проекта на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, а затѣмъ и самое Положеніе 19-го Февраля 1861 г. есть исключительно трудъ Редакціонныхъ Коммиссій, съ весьма лишь незначительными измѣненіями и добавленіями, сдѣланными въ Государственномъ Совѣтѣ. Достоинства и недостатки этого огромнаго труда теперь уже достаточно обнаружены опытомъ, хотя и нигдѣ еще не оцѣнены подробно и въ систематическомъ изложеніи. Впрочемъ практическія послѣдствія Положенія 19-го Февраля во многомъ зависѣли отъ послѣдующей дѣятельности законодательства. Первый виновникъ и главный двигатель реформы, императоръ Александръ такъ отозвался о трудахъ Редакціонныхъ

Коммиссій въ достопамятномъ соединенномъ засѣданіи Совѣта Министровъ и членовъ Главнаго Комитета 26-го Января 1861 года, состоявшемся за два дня передъ общимъ собраніемъ Государственнаго Совѣта, на которомъ въ первый разъ былъ разсматриваемъ проектъ Редакціонныхъ Коммиссій: «На Редакціонныя Коммиссіи, сказалъ Государь, сильно нападали, но большею частію совершенно несправедливо и болѣе потому, что не знали дѣла; но трудъ ихъ исполненъ съ полною добросовѣстностью и большимъ знаніемъ дѣла» [1]). Эти слова Государя навсегда останутся самою безпристрастною и самою вѣрною оцѣнкой трудовъ Редакціонныхъ Коммиссій.

Такъ какъ настоящая памятная записка начата была описаніемъ колебаній и недоумѣній Государя при первыхъ шагахъ предпринятаго имъ великаго дѣла, то, для полноты очертанія образа незабвеннаго Монарха, слѣдуетъ привести здѣсь свидѣтельство о томъ, съ какой рѣшительной твердостью дѣйствовалъ онъ при концѣ этого дѣла. Въ томъ же соединенномъ засѣданіи 26-го Января 1861 года Государь весьма рѣшительнымъ тономъ объявилъ, что хотя при предстоящемъ разсмотрѣніи проекта Редакціонныхъ Коммиссій въ Государственномъ Совѣтѣ онъ допускаетъ для всѣхъ и каждаго полную свободу выражать свое мнѣніе, но затѣмъ онъ не дозволитъ уже никакихъ отмѣнъ, отлагательствъ и проволочекъ, и требуетъ, чтобъ дѣло было кончено непремѣнно къ пятнадцатому Февраля. Государь заключилъ словами: «Этого я желаю, требую, повелѣваю», словами, сказанными почти съ угрозою. Потомъ, обращаясь преимущественно къ министрамъ, Государь сказалъ, «что доселѣ они между собою враждовали по крестьянскому вопросу, и нѣкоторые изъ нихъ даже противились его видамъ, что онъ давалъ имъ въ этомъ отношеніи полную свободу, но что теперь, когда его воля будетъ окончательно выражена, онъ требуетъ отъ нихъ полнаго между собою согласія, совершеннаго забвенія личныхъ мнѣній и безусловнаго, добросовѣстнаго исполненія его повелѣній и утвержденнаго имъ Положенія: «ибо, прибавилъ Государь, вы должны помнить, что въ Россіи законы издаетъ самодержавная власть». Министры говорили потомъ, что они никогда не видали Государя съ такимъ рѣшительнымъ выраженіемъ въ лицѣ и тонѣ рѣчи [2]).

Ѳ. Еленевъ.

Мартъ 1886 г. Царское Село.

---

[1]) Эти слова Государя приведены въ „Матеріалахъ“, изданныхъ въ Берлинѣ (часть III, стр. 156), въ составленіи которыхъ участвовали между прочимъ лица, могшія быть очевидными свидѣтелями упоминаемаго засѣданія.

[2]) „Матеріалы“, изданные въ Берлинѣ, часть III, стр. 156—157 и 158.

Приложенія.

Тотчасъ послѣ смерти I. И. Ростовцова кабинетъ его былъ запечатанъ, по повелѣнію Государя Императора, присутствовавшаго при послѣднихъ его минутахъ. Всѣ находившіяся въ кабинетѣ бумаги были потомъ, по Высочайшей волѣ, переданы частію въ архивы Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, частію въ штабъ военно-учебныхъ заведеній, по принадлежности. Только всеподданнѣйшія письма Ростовцова по крестьянскому дѣлу, обыкновенно возвращавшіяся ему Государемъ съ собственноручными отвѣтами Его Величества на поляхъ, были съ Высочайшаго разрѣшенія переданы семейству Іакова Ивановича, согласно съ его предсмертнымъ желаніемъ, доведеннымъ до свѣдѣнія Государя уже по кончинѣ Ростовцова. Одно изъ этихъ писемъ, съ отвѣтомъ Его Величества, было напечатано въ интереснѣйшей статьѣ сенатора П. Семенова: „Болѣзнь и кончина генерала Ростовцова“, въ № 2-мъ „Русскаго Вѣстника“ 1866 года. Кромѣ того случайно сохранились у близкихъ къ Ростовцову людей нѣкоторыя, весьма впрочемъ немногія, черновыя его записки и письма по крестьянскому дѣлу, въ томъ числѣ и тѣ, которыя здѣсь печатаются, какъ имѣющія прямое соотношеніе съ предметомъ предыдущей статьи. Документы эти печатаются съ дозволенія супруги покойнаго Іакова Ивановича, графини Вѣры Николаевны Ростовцовой. Въ поясненіе двухъ печатаемыхъ здѣсь памятныхъ записокъ, слѣдуетъ сказать, что въ эпоху крестьянскаго вопроса, по приказанію Іакова Ивановича, для него было составлено нѣсколько краткихъ памятныхъ записокъ, частію подъ его диктовку, частію по его разсказамъ, которые онъ имѣлъ обыкновеніе передавать за обѣдомъ, когда не было постороннихъ лицъ и въ самый день описываемаго случая. Обѣ печатаемыя здѣсь записки составлены подъ диктовку Іакова Ивановича. Бѣловые ихъ экземпляры должны находиться въ числѣ его бумагъ, переданныхъ въ архивъ Государственнаго Совѣта. **Ѳ. Е.**

I.

Памятная записка I. И. Ростовцова 24 Ноября 1858 г.

Засѣданіе Крестьянскаго Комитета 24-го Ноября 1858 года, въ Высочайшемъ присутствіи, продолжалось съ $7\frac{1}{2}$ до $11\frac{1}{4}$ часовъ вечера. Успѣли пройти послѣдующіе пять вопросовъ, до 10-го включительно.

Засѣданіе было также чрезвычайно бурное. Графъ Панинъ по преимуществу, а за нимъ князь Гагаринъ опровергали все, и опровергали софизмами. Однако удалось не дать поколебать ни одного принципа, и всѣ рѣшенія были такъ сказать палліативныя, то-есть разрѣшающія возобновить обо всѣхъ этихъ предметахъ сужденіе.

Всѣ вопросы безъ исключенія поддерживали графъ Блудовъ рѣчами и Сергѣй Степановичъ Ланской звуками и жестами. Князь

Орловъ и Княжевичъ молчали. Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ то опровергалъ, то соглашался.

Это засѣданіе было до чрезвычайности странно.

Два члена, графъ Адлербергъ и князь Долгоруковъ, опять возставали на рѣшеніе Государя даровать помѣщичьимъ крестьянамъ права сельскихъ свободныхъ сословій.

Два члена, графъ Панинъ и князь Гагаринъ, изъявляли сомнѣніе, можно ли крестьянина освободить отъ личныхъ распоряженій помѣщика.

Одинъ членъ, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, настаивалъ, чтобъ міръ не имѣлъ власти самостоятельной и чтобъ внутренняя расправа его была подчинена вліянію правительственной полиціи.

Одинъ членъ, Константинъ Владимировичъ Чевкинъ, убѣждалъ, что правительство, въ избѣжаніе финансовой революціи, не должно вмѣшиваться своими пособіями въ выкупъ крестьянами поземельной собственности *).

Если бы всѣ означенныя мнѣнія принять и соединить въ одно положеніе, то-есть: не даровать крестьянамъ правъ сельскихъ свободныхъ обывателей, оставить ихъ подъ ферулой помѣщика, мірскую внутреннюю расправу предоставить чиновникамъ, отнять у крестьянъ надежду на выкупъ земли, и сверхъ того заставить крестьянина платить ежегодные проценты за усадьбу, въ которой и онъ, и его дѣды жили даромъ, въ чемъ же, при всѣхъ этихъ условіяхъ, было бы, не говорю уже освобожденіе крестьянъ, а улучшеніе ихъ быта? При этихъ условіяхъ можно ли было зачинать это громадное дѣло? Слава Богу и счастье Россіи, что Государь несравненно глубже и разностороннѣе постигаетъ этотъ вопросъ, чѣмъ его совѣтники. Безъ этого Россія пропала бы.

II.

Вопросы по крестьянскому дѣлу.

(Составлены I. И. Ростовцовымъ и разсматривались въ засѣданіи Главнаго Комитета, 24-го Ноября 1858 г.)

1) При обнародованіи губернскихъ положеній предоставить помѣщичьимъ крестьянамъ права свободныхъ сельскихъ сословій, личныя, по имуществу и по праву жалобы.

2) Крестьяне составляютъ (послѣ обнародованія положеній) самостоятельное сословіе въ государствѣ.

3) Никакое сословіе въ государствѣ другому сословію подчинено быть не можетъ.

4) Какъ устроить бытъ крестьянъ, міромъ или отдѣльными семействами?

---

*) Въ этой запискѣ не упоминается имени Великаго Князя Константина Николаевича потому, что въ это время Его Императорское Высочество находился въ заграничномъ путешествіи.

5) Вся домашняя власть надъ личностью крестьянина и надъ его хозяйственнымъ бытомъ сосредоточивается въ мірѣ и въ его избранныхъ.

6) Міръ дѣйствуетъ посредствомъ властей: совѣщательной, судебной и исполнительной.

7) Міръ отвѣчаетъ круговою порукой за каждаго изъ своихъ членовъ по отправленіи повинностей казенныхъ и помѣщичьихъ.

8) Помѣщикъ имѣетъ дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей.

9) Дать возможные способы крестьянамъ, посредствомъ займовъ съ гарантіей правительства, для выкупа земель.

10) Полная свобода для крестьянъ, по мѣрѣ какъ они будутъ дѣлаться постепенно поземельными собственниками.

11) Постановленіе (при обнародованіи положеній), чтобы лица, не имѣющія права владѣть населенными имѣніями, при покупкѣ ими таковыхъ имѣній, отдѣляли немедленно усадьбы, пахатныя земли и прочія угодья крестьянамъ, за выкупъ, по полюбовному съ ними соглашенію.

12) Тоже самое предоставить дѣлать, буде пожелаютъ, и самимъ помѣщикамъ.

13) Не слѣдуетъ ли правительству оказать нѣкоторое пособіе однодворцамъ и мелкопомѣстнымъ бѣднымъ дворянамъ, а равно и для устройства людей дворовыхъ, въ томъ соображеніи, что дворяне-помѣщики теряютъ при освобожденіи крестьянъ обязательныя рабочія силы?

14) По тѣмъ же соображеніямъ, оказать помѣщикамъ возможныя льготы отъ Опекунскихъ Совѣтовъ касательно имѣній ихъ, состоящихъ въ залогѣ.

III.

Всеподданнѣйшее письмо І. И. Ростовцова, сопровождавшее представленіе Государю Императору вышеизложенныхъ вопросовъ.

По Высочайшему повелѣнію, вчера мнѣ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ объявленному, имѣю счастіе представить при семъ рядъ вопросовъ объ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ.

Я избралъ только вопросы необходимѣйшіе и потому простѣйшіе. Многіе вопросы, заключающіеся въ «Извлеченіи» *), я не помѣстилъ здѣсь съ умысломъ: всѣ они истекаютъ изъ вопросовъ основныхъ и будутъ рѣшены легко, на основаніи этихъ главнѣйшихъ вопросовъ.

Еслибы ихъ предложить къ обсужденію теперь, то чрезвычайно усложнилось бы разрѣшеніе вопросовъ главныхъ и работа наша весьма бы отъ этого замедлилась.

---

*) Т.-е. въ „Извлеченіи“ изъ писемъ, писанныхъ Государю Ростовцовымъ изъ-за границы.

Какимъ средствомъ осуществить главные вопросы, Вашимъ Величествомъ утвержденные и постановленные, я полагаю полезнѣйшимъ сдѣлать предметомъ особыхъ, послѣдующихъ обсужденій.

Если Ваше Величество соизволите признать нужнымъ, то или кто-нибудь, или коммиссія *) будетъ приготовлять второстепенные вопросы въ послѣдствіи, въ развитіе каждаго основнаго вопроса, и такимъ образомъ дѣло наше получитъ постепенный систематическій ходъ и будетъ двигаться не впопыхахъ.

Въ этихъ видахъ я осмѣлился признать полезнымъ не упоминать теперь ни слова о преобразованіи мѣстныхъ властей. Это составитъ отдѣльную часть основныхъ вопросовъ, тѣмъ болѣе, что членамъ надобно еще дать время обсудить всѣ свѣдѣнія, составленныя министромъ внутреннихъ дѣлъ изъ отзывовъ губернскихъ. Я полагаю, что къ этому можно будетъ приступить недѣли черезъ двѣ.

Въ засѣданіи, которое Вашему Величеству угодно будетъ назначить для постановленія вышеизложенныхъ основныхъ вопросовъ, намъ не будетъ надобности обсуждать, какъ вопросы эти развивать, но только нужно будетъ рѣшить ихъ необходимость.

Имѣю счастіе ожидать дальнѣйшихъ повелѣній Вашихъ, чтобы окончательно изложить представленное при семъ въ проектѣ оглавленіе означенныхъ вопросовъ и повергнуть оное Вашему Величеству уже окончательно обработанное, что́ я надѣюсь исполнить черезъ день или черезъ два.

(Письмо это писано во второй половинѣ Ноября 1858 г.).

IV.

Памятная записка I. И. Ростовцова о размолвкѣ съ М. П. Позеномъ.

М. П. Позенъ, въ письмѣ ко мнѣ отъ 21-го Сентября (1859 г.), объясняетъ обстоятельства второстепенныя, и письмо его служитъ только обвиненіемъ мнѣ въ моихъ дѣйствіяхъ. Обвиненія эти несправедливы, и я разберу ихъ потомъ.

Но главныхъ причинъ охлажденія моего къ нему онъ не излагаетъ, хотя и знаетъ ихъ подробно.

Для меня убѣжденія всѣ святы, если они суть дѣйствительно убѣжденія, и никакія убѣжденія разнорѣчивыя не измѣнили бы моихъ отношеній къ Михаилу Павловичу. Причины же охлажденія моего къ нему слѣдующія.

*) То-есть четырехчленная коммиссія, выдѣленная изъ Главнаго Комитета.

Я просилъ Государя вызвать его въ Петербургъ и назначить членомъ Редакціонныхъ Коммиссій. Я ожидалъ пріѣзда его съ нетерпѣніемъ, зная его умъ, опытность и находясь двадцать лѣтъ въ самыхъ пріятельскихъ съ нимъ отношеніяхъ. Я пріѣзда его ожидалъ съ нетерпѣніемъ и надѣялся въ его дѣйствіяхъ и совѣтахъ найти себѣ иногда успокоеніе въ ежеминутныхъ треволненіяхъ, производимыхъ во мнѣ ходомъ святаго вопроса. Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ. Дѣйствія его были слѣдующія.

Съ самаго начала онъ началъ мнѣ представлять многихъ членовъ редакціонныхъ коммиссій въ черномъ видѣ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ называлъ онъ красными, желавшими гибели Россіи; а нѣкоторыхъ членовъ собственно-финансовой коммиссіи кабинетными книжниками, не понимающими практически финансовъ и неспособными для ихъ призванія. Потомъ началъ опровергать всю систему предпринятыхъ работъ, доказывая между прочимъ, что слѣдуетъ отмѣнить печатаніе журналовъ и докладовъ, равно какъ и разборъ положеній губернскихъ комитетовъ, что всю работу слѣдуетъ Коммиссіямъ произвести à priori и просто, безъ всякихъ доводовъ, представить правительству готовый проектъ Положенія.

Не стану подробно говорить, что̀ бы произошло, если бы я подобные совѣты принялъ.

Когда Михаилъ Павловичъ увидалъ, что я безусловно, такъ сказать, рабски, не принимаю его совѣтовъ, дѣйствія его относительно меня измѣнились. Дотолѣ онъ меня вездѣ хвалилъ, даже и работы мои и направленіе восхвалялъ Государю и шефу жандармовъ; но съ этой минуты, кажется, послѣ третьяго засѣданія Редакціонныхъ Коммиссій, въ которомъ онъ присутствовалъ, Государь началъ мнѣ говорить о разныхъ доводимыхъ до него офиціальнымъ путемъ обо мнѣ слухахъ: что я въ Коммиссіяхъ дѣйствую деспотически, не дозволяю никому говорить; потомъ, что я подчинился демагогамъ; потомъ, что всѣ труды Коммиссій приняли чисто-анархическое направленіе. На всѣ мои отвѣты Государю, что это вѣроятно одни только слухи и сплетни, Его Величество мнѣ всегда отвѣчалъ: «Все это доведено до моего свѣдѣнія офиціально, и все это говоритъ объ васъ другъ вашъ Позенъ».

Въ промежуткѣ этихъ, дѣлавшихся мнѣ извѣстными упрековъ, М. П. Позенъ подалъ какую-то записку, безъ моего вѣдома, шефу жандармовъ, по разнорѣчію графа Шувалова и князя Паскевича съ Редакціонными Коммиссіями *). Между тѣмъ въ сужденіяхъ по этому дѣлу онъ отказался участвовать и не подписалъ относившагося къ нему журнала, отозвавшись, что онъ не имѣетъ права его подписывать, не зная дѣла. Онъ меня увѣрялъ, что записка его подана только

*) Члены Редакціонныхъ Коммиссій графъ П. П. Шуваловъ и князь Ѳ. И. Паскевичъ, не раздѣляя взглядовъ Коммиссій по самымъ существеннымъ вопросамъ, вышли изъ Коммиссій по собственному желанію.

конфиденціально, по дружбѣ, князю Долгорукову, и что она не будетъ и доведена до Высочайшаго свѣдѣнія; а записка эта на другой уже день была въ рукахъ Государя, о чемъ онъ зналъ, говоря со мною, и о чемъ узналъ я отъ самого Государя. Онъ доказывалъ въ этой запискѣ, какъ говорилъ онъ мнѣ самъ, что разнорѣчіе это легко можно бы было уладить. Изъ этого Государь возымѣлъ сомнѣніе, что я или не умѣлъ, или не хотѣлъ этого уладить, и въ первый разъ съ начала дѣла я Государемъ былъ огорченъ.

Михаилъ Павловичъ, по его уму и опыту, не могъ не знать, что всѣ подобные его обо мнѣ отзывы, говоренные не знаю именно кому, но людямъ стоящимъ возлѣ Государя, не могли не сдѣлаться извѣстными Государю, ибо люди эти были бы недостойны Высочайшаго довѣрія, еслибъ обо всемъ подобномъ не доводили до свѣдѣнія Его Величества.

Слѣдовательно, чтобы настоять на своихъ убѣжденіяхъ, Михаилъ Павловичъ началъ дѣйствовать путями окольными, внѣ прямыхъ его дѣйствій въ засѣданіяхъ Коммиссій, какъ членъ оныхъ, и старался вредить мнѣ (желаю думать, что неумышленно); такъ что, если бы Государь не имѣлъ ко мнѣ огромнаго запаса милости, то я конечно давно уже оставилъ бы званіе предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій, или по неудовольствію Государя, или въ слѣдствіе собственнаго рѣшенія: ибо, при потрясенномъ ко мнѣ довѣріи Государя, я на мѣстѣ этомъ оставаться бы не могъ.

Въ самыхъ засѣданіяхъ Коммиссій Михаилъ Павловичъ явился, какъ старшій и лѣтами, и опытомъ, не какъ примиритель, и началъ съ перваго раза дѣйствовать не въ духѣ кротости и убѣжденія, но въ духѣ диктаторскомъ, такъ что немедленно успѣлъ вооружить противъ себя почти всѣхъ членовъ Коммиссій и своимъ диктаторскимъ тономъ, и выраженіемъ къ сужденіямъ Коммиссій улыбокъ сожалѣнія или презрѣнія, о чемъ я его дружески предупреждалъ, въ слѣдствіе чего на нѣсколько засѣданій онъ измѣнилъ свое поведеніе, но потомъ опять началъ дѣйствовать попрежнему.

Въ самой Коммиссіи онъ часто мѣнялъ свои убѣжденія. Такъ напр. онъ первый заявилъ Коммиссіи, что ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ измѣнять существующаго надѣла, и подписалъ о томъ журналъ; а потомъ въ той же самой Коммиссіи сказалъ во всеуслышаніе Виктору Владимировичу Апраксину, что онъ съ нимъ, какъ депутатомъ, будетъ опровергать это начало, и много тому подобнаго.

Когда начали съѣзжаться сюда депутаты перваго призыва, онъ, въ присутствіи П. А. Булгакова, сказалъ мнѣ: «Ради Бога, не позволяйте депутатамъ совѣщаться и имѣйте съ нимъ дѣло отдѣльно». Мнѣніе его (хотя вопросъ этотъ былъ уже рѣшенъ прежде, по докладу министра внутреннихъ дѣлъ) я въ разговорѣ доложилъ Государю Императору; а черезъ нѣсколько дней послѣ этого тотъ же М. П. Позенъ подписалъ извѣстный адресъ ко мнѣ депутатовъ, въ которомъ

они, охуждая труды Коммиссій, имъ далеко еще вполнѣ неизвѣстные, ходатайствовали о разрѣшеніи имъ общихъ совѣщаній.

При собраніи депутатовъ, онъ старался стать во главѣ ихъ, какъ оппозиція Редакціоннымъ Коммиссіямъ, и немало способствовалъ къ раздраженію ихъ и противу членовъ, и противу трудовъ Коммиссій. Безъ него, можетъ быть, отношенія Коммиссій и депутатовъ были бы дружелюбнѣе; а съ этимъ условіемъ, конечно, и дѣла наши пошли бы лучше.

25 Сентября 1859 года.

*

Эта памятная записка I. И. Ростовцова потому въ особенности заслуживаетъ быть сохраненною для исторіи, что самъ Позенъ, въ изданныхъ имъ въ Дрезденѣ, въ 1864 году, „Бумагахъ по крестьянскому дѣлу", представляетъ свою размолвку съ Ростовцовымъ и удаленіе изъ Коммиссій совершенно въ другомъ видѣ. Остающіеся въ живыхъ члены Редакціонныхъ Коммиссій могутъ засвидѣтельствовать, что эпизодъ этотъ изображенъ въ запискѣ Ростовцова не только въ его истинномъ свѣтѣ, но даже съ крайнею снисходительностью къ его виновнику. Изъ этой же записки, не смотря на осторожность употребленныхъ въ ней выраженій, довольно ясно видно, что, и во время работъ Редакціонныхъ Коммиссій, предъ самою уже болѣзнью Ростовцова, сведшею его въ могилу, партія противная освобожденію не теряла еще надежды подорвать довѣріе къ нему Государя и оттереть его отъ крестьянскаго дѣла. Ѳ. Е.

КЪ ИСТОРІИ НАШЕЙ ДУХОВНОЙ МИССІИ ВЪ КИТАѢ.

Наша миссія въ Китаѣ считаетъ свои годы со дня заключенія между Россійской и Китайской имперіями Нерчинскаго мирнаго трактата 27-го Августа 1689 года, по которому плѣненные въ 1685 году Албазинцы со священникомъ своимъ Дмитріемъ остались въ Пекинѣ, подъ именемъ Русской сотни, и для нихъ богдыханъ велѣлъ построить церковь; правильно же организованная наша духовная миссія начала свои дѣйствія въ Пекинѣ только съ 20-го Апрѣля 1715 года *).

Въ виду наступающаго 200-лѣтія существованія Пекинской духовной миссіи, настоящій начальникъ ея о. архимандритъ Амфилохій поручилъ члену миссіи іеромонаху Николаю Адоратскому (изъ воспитанниковъ Казанской Академіи 1870—1874) озаботиться составленіемъ Исторической Записки о Пекинской духовной миссіи. Но такъ какъ въ рукахъ Пекинской духовной миссіи находится архивъ ея только съ 1863 года, а въ рукахъ свѣтской съ 1830 года, всѣ же дѣла прежде дѣйствовавшихъ тамъ миссій лежатъ въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: то іеромонахъ Николай рѣшилъ просить отъ лица миссіи принять участіе въ извлеченіи матеріаловъ о Пекинской миссіи изъ архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, находящихся въ настоящее время въ Петербургѣ, служившихъ прежде въ Пекинской миссіи, о. Флавіана и доктора Бретшнейдера, а отъ себя учинить поѣздку въ Иркутскъ, въ надеждѣ найти въ немъ кое-что для своего труда. Припомнивъ же, что въ библіотекѣ рукописей Казанской Академіи имѣется спеціальное изслѣдованіе по исторіи занимающей его миссіи, іеромонахъ Николай писалъ и туда, прося Академію или напечатать то сочиненіе, или сообщить оное ему въ копіи. И хотя на

*) Исторія Россійской іерархіи Амвросія, ч. II, стр. 446, 447 и 449. Москва, 1810 г.

этотъ разъ память и измѣнила о. Николаю [1]), тѣмъ не менѣе Академія отыскала для него между рукописями курсовое сочиненіе студента Академіи Панова на эту тему и распорядилась въ копіи отослать оное по адресу [2]).

Желая съ своей стороны посильно пособить благому дѣлу, предпринимаемому о. Николаемъ Адоратскимъ, когда-то (1868—1870) и моимъ воспитанникомъ по Казанской Семинаріи, я рѣшился обнародовать имѣющіеся у меня подъ рукой рукописные документы, относящіеся до Пекинской миссіи, съ 1819 по 1831 годъ.

Составъ Пекинской духовной миссіи, отправленной въ 1819 году, былъ слѣдующій: начальникъ миссіи «старшій священникъ» или [3]) архимандритъ Петръ Каменскій (съ 1793 и по 1808 годъ уже служившій въ Китайской миссіи въ качествѣ студента, а съ 1808 по 1819 годъ въ званіи переводчика Китайскаго и Манджурскаго языковъ во второмъ департаментѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ [4]), іеромонахи Веніаминъ Морачевичъ и Даніилъ, лѣкарь Войцеховскій, студенты Крымскій и Леонтьевскій и два причетника Вознесенскій и Сосницкій.

---

[1]) Именно о. Николай писалъ: „Мнѣ помнится, что среди курсовыхъ сочиненій студентовъ Казанской Академіи было одно насчетъ Пекинской миссіи, составленное, кажется, преосвящ. Мартиніаномъ, настоящимъ епископомъ Таврическимъ". Но преосвящ. Мартиніанъ не воспитывался ни въ одной изъ нашихъ духовныхъ академій, а кончилъ образованіе въ Казанской Семинаріи въ 1842 году, и тогда же поступилъ учителемъ въ Свіяжское духовное училище, гдѣ, потомъ, съ постриженіемъ въ монашество, былъ инспекторомъ и наконецъ смотрителемъ до 1854 года, когда самое училище изъ Свіяжска было переведено въ Казань. Въ „Спискахъ архіереевъ и архіерейскихъ каѳедръ" Ю. Толстаго № 411, стр. 51 (С.-Петерб. 1872 г.) преосвящ. Мартиніанъ неправильно отмѣченъ кончившимъ курсъ въ Нижегородской Духовной Семинаріи. Эта неправильность была приведена и въ тѣхъ газетахъ, которыя писали о преосвящ. Мартиніанѣ по поводу перемѣщенія его изъ Камчатской въ Таврическую епархію.

[2]) См. Протоколы Совѣта Казанской Академіи при „Православномъ Собесѣдникѣ" за 1885 г. Октябрь.

[3]) По Высочайше утвержденному докладу Св. Синода 1805 г. повелѣно архимандриту миссіи во время пребыванія въ Пекинѣ именоваться *старшимъ священникомъ*. Исторія Рос. іерархіи, ч. II, стр. 484.

[4]) См. послужной списокъ архимандрита Петра Каменскаго, изложенный въ указѣ Нижегородской духовной консисторіи Городецкаго Ѳеодоровскаго монастыря строителю Варлааму отъ 11-го Апрѣля 1833 г. за № 2226, обязательно доставленномъ мнѣ тепереннимъ настоятелемъ Ѳеодоровскаго монастыря о. архимандритомъ Ѳеодосіемъ. Указъ этотъ касается водворенія архимандрита Петра, согласно его желанію и просьбѣ, на покой въ Ѳеодоровскую обитель, въ которой онъ и скончался 17-го Мая 1845 г.

Я не буду говорить о томъ, что̀ и какъ сдѣлала эта миссія въ десятилѣтній «терминъ» (любимое выраженіе архимандрита Петра) пребыванія въ Пекинѣ; скажу только, что когда въ 1819 году предъ отправленіемъ этой миссіи въ Китай архимандритъ Петръ былъ на прощальной аудіенціи у Государя Александра Павловича и сказалъ, что будетъ просить на предлежащій ему подвигъ у Господа помощи, Государь возвелъ очи и произнесъ псаломски: «Гласомъ моимъ ко Господу воззвахъ, и услыша мя отъ горы святыя Своея» и добавилъ: «часто такъ взывалъ я ко Господу, и Той всегда выслушивалъ меня».

По десятилѣтнемъ пребываніи этой миссіи въ Китаѣ изъ Петербурга прилетѣла, по выраженію архим. Петра, первая ласточка, обѣщающая весну—возвратъ на родину. Такъ назвалъ архим. Петръ бумагу изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 6-го Февраля 1830 года о смѣнѣ. Вотъ текстъ этой бумаги:

«Начальнику Россійско-Императорской духовной миссіи въ Пекинѣ высокопреподобному отцу архимандриту Петру.

По сближеніи срока десятилѣтнему пребыванію вашего высокопреподобія въ Пекинѣ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія отправляются туда новые члены нашей миссіи на смѣну прежнихъ [1]). Министерство, увѣдомляя васъ о томъ, приглашаетъ васъ возвратиться въ отечество съ подчиненными вашими, заключивъ такимъ образомъ поприще долговременнаго и многотруднаго вашего жительства въ столицѣ Китайскаго государства. Изъ переписки по сему предмету Министерства съ Пекинскою Палатою внѣшнихъ сношеній должно быть вамъ извѣстно, что по соизволенію Е. И. В. начальникомъ новыхъ членовъ Пекинской духовной миссіи назначенъ, съ званіемъ старшаго священника, состоявшій въ прежней миссіи іеромонахомъ Веніаминъ Морачевичъ, во вниманіи къ усерднымъ его трудамъ на пользу отечества и вашимъ одобрительнымъ о немъ отзывамъ» [2]).

---

[1]) Въ составѣ отправляемой новой миссіи были между другими: іеромонахи—Аввакумъ Честный (письмо котораго изъ Пекина отъ 12-го Іюня 1831 г. было напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1884 г. вып. 5-й, стр. 152—160), Ѳеофилактъ Киселевскій, іеродіаконъ Поликарпъ Тугариновъ (всѣ трое изъ С.-Петерб. Дух. Академіи), лѣкарь Порфирій Кирилловъ и студентъ Курляндцевъ. Эту миссію сопровождалъ за границу до города Урги профессоръ Казанскаго Университета по каѳедрѣ Монгольскаго языка А. В. Поповъ, путешествуя по назначенію правительства по Восточной Сибири и по кочевьямъ Монголо-Бурятъ въ Забайкальскомъ краѣ. (Истор. Записки о Первой Казанской Гимназіи, Владимирова, ч. I, стр. 41. Казань 1867 г.).

[2]) Относительно одобрительныхъ отзывовъ о Веніаминѣ со стороны архимандрита Петра у меня подъ руками имѣется слѣдующая копія съ доношенія въ Святѣйшій Си-

«Для легчайшаго распорядка въ передачѣ казеннаго имущества нашей миссіи въ Пекинѣ признано здѣсь удобнѣйшимъ отнынѣ впредъ возлагать на обязанности приставовъ разсматривать на мѣстѣ счеты, учебныя и хозяйственныя принадлежности миссіи и, по пріемѣ оныхъ отъ начальника прежней миссіи, сдать все то новому начальнику. Такъ надлежитъ поступить и на сей разъ; относящееся же до церкви вы передадите непосредственно вашему преемнику».

«Министерство весьма заботилось объ избраніи и на сей разъ въ должность пристава миссіи человѣка съ испытанными достоинствами, и поручаетъ его вашему благорасположенію. Имѣя основательныя практическія свѣдѣнія о Китаѣ и о бывшихъ тамъ Россійскихъ миссіяхъ, вы не оставите руководствовать его вашими совѣтами къ точнѣйшему исполненію возложенныхъ на него порученій, касающихся отчасти до собранія, такъ сказать, свѣжихъ извѣстій о положеніи государства, главнѣйше же до препровожденія членовъ миссіи отъ Кяхты до Пекина и обратно, до разсмотрѣнія на мѣстѣ и надлежащаго устройства хозяйственной части миссіи, по совѣщанію съ обоими начальниками оной о всѣхъ обстоятельствахъ, могущихъ споспѣшествовать существенному ея благу. Согласно съ вашимъ представленіемъ, къ начальнику новой миссіи препровождаются нынѣ десять пудовъ

подъ архим. Петра. „Промысломъ Божіимъ духовная миссія въ Пекинѣ пребывающая подъ благосклоннымъ Тайцинскаго правительства покровительствомъ находится въ очень хорошемъ положеніи: всѣ и каждый порознь занимаемся своими обязанностями съ желаннымъ успѣхомъ. Албазинцы, оставивъ идолослуженіе, почти всѣ съ женами и дѣтьми обращены къ святой предковъ своихъ вѣрѣ. Успенская церковь при ихъ жилищахъ существующая, по причинѣ умноженія христіанъ, оказалась очень тѣсною; почему совѣтъ нашъ и прежде имѣлъ счастіе Святѣйшему Синоду о перестройкѣ оной докладывать, и въ надеждѣ на сіе благословенія, уловляя удобное время, заготовлялъ уже и матеріалы, чтобы въ наступающемъ лѣтѣ сіе совершить, чего самая необходимость требуетъ. Въ Срѣтенскомъ же храмѣ внутренность въ прошломъ годѣ благолѣпно отдѣлана, а сверхъ того и крыша вновь перекрыта, маковица сдѣлана мѣдная, позолоченая. Римское миссіонерство въ Пекинѣ во всемъ Китаѣ уничтожено: великолѣпныя церкви ихъ и всѣ зданія уничтожаются и разрушаются до основанія; христіане, по выѣздѣ ихъ, опасаются, чтобы не открылось гоненіе. Къ нашей же миссіи время отъ времени здѣшняго правительства усугубляется благоволеніе: всѣ наши нужды и просьбы удовлетворяются благосклонно. Теперь къ прочному укорененію сего много послужитъ, если начальническій помощникъ, въ благоповеденіи дознанный, ученый іеромонахъ Веніаминъ оставленъ будетъ начальникомъ будущей миссіи, на что совѣтъ всесмиренно испрашивая Святѣйшаго Синода благословенія, пребываетъ въ глубочайшемъ благоговѣніи. 28-го Февраля 1827 года. Пекинъ. Предсѣдатель архимандритъ Петръ“ и проч.

серебра на окончательную уплату за недвижимое имѣніе, купленное въ Пекинѣ у Португальскихъ монаховъ, а равно на новыя постройки въ Срѣтенскомъ монастырѣ и на расплату по прежнимъ работамъ. Отъ пристава миссіи получите вы серебро на удовлетвореніе жалованьемъ и экипажными деньгами васъ и подчиненныхъ вашихъ съ 1-го Сентября 1830 года по 1-е же Сентября 1831 года сообразно прежнему штату, а столовою суммою по новому положенію Высочайше утвержденному и составляющему въ годъ 3000 рублей серебромъ, каковая сумма, сообразно съ вашимъ мнѣніемъ, признана достаточною на столъ, отопленіе и освѣщеніе Россійскаго посольскаго двора и на прислугу для всей миссіи. Ему же ввѣрите вы книги и другія казенныя вещи для доставленія сюда по принадлежности. Вашей попечительности предоставляется, чтобы во время пребыванія въ Пекинѣ прежнихъ членовъ съ новыми, первые сообщили симъ опыты своихъ занятій въ Китайскомъ и Манджурскомъ языкахъ, преподавъ имъ словесныя и письменныя наставленія къ успѣшнѣйшему оныхъ изученію и вообще къ прохожденію ихъ обязанностей съ желаемою пользою. Наконецъ, по надлежащемъ водвореніи вашихъ преемниковъ въ Пекинѣ и по наступленіи весны благополучно отправитесь оттуда въ Россію съ находящимися въ вашемъ вѣдѣніи духовными и свѣтскими лицами, въ сопровожденіи пристава до Кяхты, гдѣ выданы будутъ вамъ и подчиненнымъ вашимъ прогонныя деньги для переѣзда въ С.-Петербургъ. Вице-канцлеръ графъ Нессельроде. Директоръ Родофиникинъ. Февраля 6-го дня 1830 года, № 467. С.-Петербургъ».

Хотя архим. Петръ и назвалъ эту бумагу ласточкой, обѣщающей весну; но какъ появленіе одной ласточки, по пословицѣ, еще не дѣлаетъ весны, такъ и для нашей миссіи эта весна открылась спустя двадцать одинъ мѣсяцъ со времени прилета первой вѣсти о смѣнѣ.

Миссіи, прежде ея отъѣзда въ отечество, предстояло еще много хлопотъ относительно встрѣчи ея преемницы, ея ознакомленія съ обязанностями, возложенными на нее правительствомъ и проч. и проч.

Оказалось, что новую миссію старой и принять было некуда. Тѣ помѣщенія, въ которыхъ жили члены миссіи были и малы, и ветхи; требовалось ветхія поправить и построить новыя, но мѣста для новыхъ зданій въ распоряженіи миссіи не было. Тогда архимандритъ Петръ вошелъ въ Пекинскую Палату, управляющую иностранными дѣлами, съ покорнѣйшимъ прошеніемъ, въ которомъ писалъ: «Жилища въ нашемъ (Срѣтенскомъ) монастырѣ для духовныхъ лицъ очень обвѣтшали, а при томъ по причинѣ близости къ нашему собору солнечная теплота никогда въ оныя жилища не досязаетъ; почему монашествующіе не только часто подвергаются болѣзнямъ, но и смерти.

Безъ всякаго сомнѣнія очевидная бы была польза, еслибы зданіе сіе на нѣсколько саженъ отъ храма отнести на Сѣверъ, но мѣсто оказывается узковато. И потому всепокорнѣйше прошу на сей предметъ западо-сѣверный уголъ пожаловать къ нашей обители».

Это прошеніе «Русскаго Даламы» поднесено было на разсмотрѣніе первенствующему министру Алихадѣ, который благоволилъ сказать, что если просимое мѣсто свободно, то экспедиція онымъ мѣстомъ завѣдующая съ смотрителемъ Русскаго монастыря, назначивъ день, туда съѣздить и по надлежащему обмѣрить и утвердить. Вслѣдствіе сего экспедиторъ, завѣдующій тѣми мѣстами, Сундзей и смотритель Россійскаго двора Вэнь-канъ, вмѣстѣ прибывъ на оное мѣсто, измѣрили и оказалось: отъ Юга къ Сѣверу въ длину десять саженъ и пять аршинъ, а отъ Востока къ Западу въ ширину четыре сажени и пять аршинъ. «Сей уголъ земли положено по прошенію Россійскаго Даламы къ монастырю присоединить, но болѣе ни въ которую сторону нисколько не захватывать, чтò возлагается Палатою на смотрителя Русскаго двора Вэнь-кана, дабы онъ и о исполненіи по прошенію Русскаго Даламу извѣстилъ».

Царствованія Даогуана 10-го лѣта 3-ей луны 1-го числа Россійскій старшій священникъ Петръ писалъ въ иностранный Пекинскій трибуналъ: «Высокій трибуналъ единожды извѣщенъ уже, что изъ Россіи, нашего отечества, сего года прибудетъ новая свита на смѣну старой; сіе обстоятельство потребовало нѣкоторыя строенія починить, а нѣкоторыя и вновь сдѣлать, а потому о начатіи сей стройки высокій трибуналъ почтеннѣйше извѣщаю».

Чтò и какъ было починено и построено вновь—со всею рельефностію изображено Аввакумомъ Честнымъ въ его письмѣ изъ Пекина отъ 12-го Іюня 1834 г. («Р. Архивъ» 1884, II, 158). Но такъ, или иначе къ пріѣзду новой миссіи старая приготовила помѣщенія.

Наконецъ, прибыла и ожидаемая миссія. Архим. Петръ просилъ быть собранію членовъ стараго и новаго совѣтовъ, въ которомъ присутствовать прошенъ былъ и г-нъ приставъ подполковникъ М. В. Ладыженскій». Собраніе открылось рѣчью архим. Петра. Онъ говорилъ: «Россійскія миссіи прежде посылались на семь лѣтъ, а нынѣ на десять лѣтъ. Переписка съ Китаемъ производится на Манджурскомъ языкѣ, который къ изученію удобенъ; о познаніи же Китайскаго языка, до сего времени почитавшагося почти ненужнымъ, мало заботились. Но положеніе миссіи и предметы теперь измѣнились, и Китайскій языкъ сдѣлался не менѣе нужнымъ, какъ и Манджурскій. Это измѣненіе заставляетъ меня сказать, что для изученія двухъ языковъ, и особенно многотруднѣйшаго Китайскаго, недовольно и 20-лѣтняго

термина, чтобы быть въ состоянiи отвѣчать по всѣмъ предметамъ. Я говорю самую истину на основанiи собственнаго сорокалѣтняго опыта. Въ Китайскомъ языкѣ чрезъ всю жизнь до старости одно заучивается, а другое прежнее, чрезъ неповторенiе, забывается; абсолютно сказать, что въ десять лѣтъ и въ одномъ Китайскомъ языкѣ вполнѣ успѣть нельзя; примѣръ тому мои подчиненные, которые при всѣхъ неутомимыхъ трудахъ въ десятилѣтнiй терминъ желаемаго не получили въ познанiи Китайскаго языка, и изъ способнѣйшихъ дѣлаются мало полезными правительству. Во избѣжанiе сего вреда за первый способъ намъ принять должно обдуманный методъ изученiя Китайскаго языка, безъ котораго мы навсегда въ изученiи его останемся безуспѣшными» *). Затѣмъ «предложено было о утвержденiи» метода; вопрошено было: кто бы принялъ на себя трудъ начертать оный, и потомъ общими силами поправить и дополнить. «Я», пишетъ архим. Петръ, «какъ изъ членовъ совѣта старшiй, подалъ мнѣнiе, чтобы кто-либо изъ опытствовавшихъ потрудился, дая причину, что таковый надежнѣе совершитъ. Кажется, чтò можетъ быть сего справедливѣе? Однакожъ при всемъ томъ мое мнѣнiе не только не принято, но вновь прибывшимъ, моложе меня въ три краты лѣтами, чиновнымъ студентомъ отвергнуто, *что дарованiя, говоритъ, и знанiя лѣтами нельзя измѣрять*. Я, слыша толь острое рѣшенiе, на диспутъ вызывающее, послѣ не сказалъ ни слова; но я могъ бы имъ показать легчайшiй методъ къ изученiю толь многотруднѣйшаго языка. Чтò дѣлать? Чины воспрепятствовали послѣдовать моему толь нужному руководству».

Архим. Петромъ былъ приготовленъ къ собранiю и самый методъ изученiя Китайскаго языка, составленный имъ примѣнительно къ курсу ученiя, проходимому въ Китайскихъ училищахъ, и въ основныхъ чертахъ вполнѣ согласный съ воззрѣнiями на этотъ предметъ новаго начальника миссiи Венiамина Морачевича. Но когда даже и невинное мнѣнiе его о начертанiи метода было отвергнуто чиновнымъ студентомъ, то мéтоду его нечего было и показываться предъ собранiемъ.

---

*) Интересны для насъ въ данномъ случаѣ два нѣсколько разнорѣчивыхъ сказанiя архим. Петра о себѣ. Въ письмѣ къ князю А. Н. Голицыну онъ говоритъ: „Китайскiй языкъ есть сильный губитель человѣческихъ и дарованiй и даже прiобрѣтенныхъ знанiй. Я, болѣе сорока лѣтъ имъ занимавшись, убилъ, такъ сказать, и дарованiя мои, и посильныя знанiя, а отнюдь ни въ какой части не усовершился", а въ памятной запискѣ пишетъ: „Сорокъ лѣтъ безпрерывно по возможности моей занимался я предметами до Китайской имперiи относящимися, и важныя политики ихъ мѣста, и сила священныхъ ихъ книгъ учинились мнѣ довольно ясными".

Огорченный такимъ исходомъ собранія, архим. Петръ отмѣтилъ для себя: «Пока само правительство не утвердитъ метода, навсегда начальство миссіи, и особенно при посылкѣ чиновныхъ студентовъ, останется безуспѣшнымъ». А послѣ, когда архимандритъ Петръ былъ уже въ Петербургѣ, ему 8 Января 1833 года пришлось встрѣтиться съ кѣмъ-то «изъ великихъ людей». Этотъ «изъ великихъ», услышавъ, что изъ новой миссіи одинъ уже безпричинно выѣхалъ, спросилъ архимандрита Петра: «нельзя ли миссію опять навести на прежній ладъ?» Онъ отвѣчалъ: «Разлаженнаго возвратить уже нельзя; но на предбудущее время поправить не только можно, но не въ миссіи сей, покуда она будетъ существовать подъ кроткимъ, монашествующихъ начальствомъ. Чиновные студенты неумѣстны, или они должны отдѣлены быть подъ свое свѣтское начальство, какъ чиновники.... Къ чему туда магистровъ? Довольно въ семинаріи учившагося, но кроткаго *). Конфуцій говоритъ: порядокъ тамъ сохранится, гдѣ начальникъ—начальникъ, подчиненный—подчиненный».

Аввакумъ Честный въ вышеприведенномъ письмѣ изъ Пекина такъ описываетъ это собраніе: «Когда нужно было утвердить для насъ методъ изученія Китайскаго языка, онъ (новый начальникъ миссіи Веніаминъ) провозгласилъ, что надобно проходить съ учителемъ Четырехкнижіе по крайней мѣрѣ восемь лѣтъ, послѣ чего мы будемъ въ состояніи понимать нѣсколько и другія книги. Ужели это называется методомъ, и ужели мы такъ глупы, чтобы восемь лѣтъ заниматься однимъ Четырехкнижіемъ? Мы осмѣлились увѣрить его, что эту чепу-

---

*) Іеромонахъ Гурій Карповъ, членъ, а съ 1856 г. начальникъ миссіи, въ письмѣ изъ Пекина отъ 14 Августа 1844 года къ епископу Саратовскому Іакову говоритъ: „Миссія не приносила ожидаемой пользы до временъ Александра Благословеннаго; можетъ быть потому, что штатъ былъ недостаточенъ, а можетъ быть и потому, что члены миссіи набирались въ Иркутскѣ, не обращая вниманія на то, кандидатъ въ члены миссіи имѣетъ ли расположеніе, способность къ языкоизученію, даже способенъ ли на что нибудь: его избирали и посылали въ Китай потому, что никакія исправительныя мѣры попечительнаго начальства не дѣйствовали! Александръ Благословенный, по представленію о. архим. Петра, увеличилъ штатъ, указавъ студентовъ и духовныхъ избирать непремѣнно въ Петербургѣ и изъ высшихъ учебныхъ заведеній съ свидѣтельствомъ объ отличной нравственности и способностяхъ“. („Русская Старина“ 1884 г. т. XIII, Сент. кн. стр. 657 и 8). Это свидѣтельство компетентнаго лица какъ-то расходится съ только что приведеннымъ отвѣтомъ архим. Петра кому-то „изъ великихъ“. У самого архим. Петра относительно этого вопроса отмѣчено только слѣдующее: „Начало помѣщенія медиковъ въ число миссіонеровъ относится къ моей нижайшей чести, который, правду сказать, и многое въ пользу порядка старался было постановить, sed homo proponit, at Deus disponit“.

ху, если нужно, мы легко можемъ пройти менѣе нежели въ три года *); онъ стиснулъ только зубы и ничего не отвѣчалъ намъ. Касательно распредѣленія занятій, по крайней мѣрѣ между монахами, онъ не захотѣлъ и слушать насъ, сказавъ, что это сдѣлано будетъ тогда, когда вы пройдете Четырехкнижіе, т. е. черезъ восемь лѣтъ...» «Но», продолжаетъ далѣе Аввакумъ Честный, «совершенно понимая безполезность занятій такими пустяками, мы сами распорядились слѣдующимъ образомъ: я взялъ на себя изслѣдованіе религіи такъ называемой *ученой*, Ѳеофилактъ—изслѣдованіе религіи Даосовъ, Поликарпъ—изслѣдованіе религіи Буддистской; занятія предметами посторонними предоставили произволу каждаго. Свѣтскіе члены миссіи по инструкціи имѣютъ свои назначенія. Но вотъ одинъ говоритъ начальнику, что здѣсь по горной части дѣлать вовсе нечего, и что вмѣсто сего гораздо лучше заняться другимъ какимъ-нибудь предметомъ. Начальникъ хлопнулъ ушами, какъ покойный Кабудъ, а заботу о назначеніи ему предмета возложилъ на Аллаха и на догадливость самого миссіонера. Вотъ другой, не учась ни философіи, ни юриспруденціи, по назначенію инструкціи заботится узнать по симъ предметамъ хотя что-нибудь: роется въ библіотекѣ между Русскими книгами, чтобы доискаться о чемъ толкуетъ философія и чѣмъ пахнетъ юриспруденція; покупаетъ юриди-

---

*) Согласно съ Аввакумомъ Честнымъ смотритъ на это дѣло и другой (поздній) миссіонеръ Гурій Карповъ. Онъ говоритъ (въ вышеприведенномъ письмѣ: „Въ Китаѣ мудрости такъ мало, Русскому достаточно двухъ-трехъ лѣтъ, чтобы постигнуть ее въ совершенствѣ“ (стр. 661). Но старцы Петръ и Веніаминъ держались другаго взгляда. Для характеристики взгляда старцевъ на изученіе Китайской мудрости привожу здѣсь выдержки изъ общихъ положеній къ методу изученія Китайскаго языка, составленному архимандритомъ Петромъ. „Изученіе Китайскаго языка есть дѣло непреоборимой трудности. Въ однѣхъ 13-ти священныхъ книгахъ Дзиновъ, составляющихъ классическія книги, считается словъ или литеръ особенныхъ начертаній и значеній свыше 500,000, да въ словесности (исторіи и ученыхъ актахъ) до 250,000. Ежели не раздѣляя учить все сплошь, и не подраздѣлять, которыя книги только учить, которыя твердо, кои тверже, которыя только съ учителемъ просто читая проходить, кои часто прочитывать, и кои пропущать безъ вниманія и если не соблюсти порядка кои прежде, кои послѣ и проч.: то учась цѣлую жизнь, останешься безуспѣшнымъ. Природные Китайцы начинаютъ обученіе съ Дзиновъ въ 8—9 лѣтъ возраста наизустъ въ точныхъ текстахъ авторовъ, не измѣняя ни одной чертой, гдѣ и малѣйшая неистовость непозволительна. Послѣ изученія наизустъ, проходятъ эти Дзины съ изъясненіемъ, а также и всю Конфуціеву систему Четырехкнижія. Наконецъ, принимаются учить исторію и всѣ древніе ученые акты. На все это у нихъ тратится лѣтъ 40—50: 10 лѣтъ они денноношно учатъ наизустъ въ точныхъ текстахъ авторовъ Дзины и систему Четверокнижія, 10 лѣтъ тоже самое съ изъясненіемъ, и 20—30

ческія книги и думаетъ, что всю эту громаду надобно, по крайней мѣрѣ, перевести на языкъ Русскій; а начальникъ не догадается ни настроить, ни поправить, ни поощрить готоваго разрушить себя философскою или юридическою пылью, поелику самъ не знаетъ, чтò хорошо, чтò худо, чтò нужно и чтò безполезно. Это послѣднее предложеніе доказывается тѣмъ, что онъ самъ (въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ немогшій прочитать съ учителемъ Четырехкнижія на Китайскомъ языкѣ) снова началъ читать Четырехкнижіе при руководствѣ глупаго и вѣчно пьянаго своего учителя, думая, что мало-по-малу хотя отсюда начерпается премудрости и со временемъ самъ сдѣлается Конфуціемъ». Чѣмъ дальше описываетъ Аввакумъ Честный своего начальника, тѣмъ больнѣе и больнѣе становится за миссію, ввѣренную его опекѣ и руководству по рекомендаціи архимандрита Петра, который самъ же, непрошенно, «за первымъ обѣдомъ съ новыми миссіонерами въ Пекинѣ предъ цѣлымъ свѣтомъ провозгласилъ его (съ улыбкою) *Фениксомъ*,

---

лѣтъ исторію и древніе ученые акты. И только по 40—50-лѣтнемъ обученіи они пріобрѣтаютъ зрѣлую ученость. Ученые Китайцы, слыша о скоромъ созрѣваніи въ ученіи Европейцевъ, и удивляются, а болѣе сумнѣваются, что вступающіе и допущаемые въ классъ ученыхъ, едва ли въ самой вещи заслуживаютъ толь высокое званіе. У нихъ въ 40 лѣтъ немногіе получаютъ имя ученыхъ, а болѣе успѣваютъ около 50 года. И тогда-то ихъ ученый-подлинно круглый ученый. Они говорятъ: научить лепетать какъ сороку не мудрено, но укоренить добродѣтели, для ученаго необходимо-нужныя, трудно; безъ сего же ученый выходитъ пустая машина—попугай. Въ Китаѣ, чтобы иностранцу сдѣлаться ученымъ въ ихъ совершенствѣ, требуется не одинъ десятокъ лѣтъ и не два, но болѣе и гораздо болѣе—до 50 лѣтъ. Итакъ какъ свойство Китайскаго языка таково, что въ немъ чрезъ всю жизнь до старости одно заучивается, а другое прежнее чрезъ неповтореніе забывается, то при изученіи его непремѣнно должно принять обдуманный методъ и безпрерывное ученіе наизусть, а безъ сего при всѣхъ неусыпныхъ трудахъ мало будетъ успѣха: нѣтъ ничего безполезнѣе безпрестанно простираться впередъ, не оглядываясь назадъ—въ такомъ, какъ въ рѣшетѣ, ничего не останется. Я собственнымъ опытомъ увѣряю, что не повторяя нетвердо заученнаго, въ теченіе года многое изъ знаній забывается, и особенно наизусть по-китайски писать, многія нетвердо укорененныя письмена изъ памяти выдутъ, а черезъ три года безъ повторенія и самый ученѣйшій сдѣлается полученымъ, а черезъ пять лѣтъ и совсѣмъ неученымъ—все забудетъ. Китайцы про Корейскихъ студентовъ, обучающихся у нихъ въ Пекинскомъ университетѣ, сказываютъ, что они успѣваютъ отмѣнно хорошо, и получаютъ аттестаты, одобряющіе ихъ труды, но, будто, переѣзжая чрезъ морской заливъ, все забываютъ. Особенно ученыхъ мужей акты вытверживаемы должны быть нами въ совершенной твердости, дотолѣ, чтобы оные преварились въ нашу собственность, и даже, чтобъ мы не чувствовали, что они суть творенія другихъ, чрезъ чтò спищется такой навыкъ въ языкѣ, что онъ будетъ намъ казаться нашимъ языкомъ“.

какихъ въ Россіи не бывало и не будетъ. Изъ четырехлѣтнихъ опытовъ короткаго знакомства новой миссіи съ ея начальникомъ она совершенно удостовѣрилась, что дѣйствительно это такая птица, которую вмѣстѣ съ Жидами по справедливости можно назвать *необыкновеннымъ явленіемъ природы*». «Избави Богъ и враговъ нашихъ», взываетъ Аввакумъ Честный, «отъ подобнаго начальника!» подъ карающую десницу котораго новая миссія всецѣло поступила, какъ скоро насталъ отъѣздъ изъ Пекина миссіи старой.

Ровно черезъ семь мѣсяцевъ по прибытіи въ Пекинъ новой миссіи старая снарядилась къ отъѣзду въ отечество. Начались Китайскіе проводы.

Прослышавъ о скоромъ отъѣздѣ старой миссіи въ отечество, Албазинцы собрались на «Россійскій дворъ» и «просили новаго начальника миссіи о. Веніамина, дабы онъ, для увѣковѣченія памяти, съ стараго начальника миссіи архимандрита Петра Каменскаго снявъ портретъ, оставилъ Успенской обители въ гостиномъ залѣ, въ который они нерѣдко собираются. Что̀ самое въ удовольствіе ихъ и сдѣлано искусною рукою знатнаго художника Антона Михайловича Легашова».

Предъ самымъ же отъѣздомъ миссіи Албазинцы излили благодарность свою къ ней въ слѣдующей запискѣ, поданной ими приставу М. В. Ладыженскому: «Повергаясь предъ Творцомъ всяческихъ, покровительствующимъ Его Величество Государя Императора Всероссійскаго, а чрезъ него и насъ, мы себя находимъ издавна отъ отечества своего отторгнутыми въ Китай, гдѣ хотя отъ предковъ нашихъ и сохранились у насъ святыя иконы и священныя книги, но мы доселѣ ничего уже понимать не могли, а считаемъ себя отъ природнаго стада заблудившими овцами, потерявшими матерей своихъ. Нынѣ же къ счастію нашему царствованія Дао-гуана 1-го лѣта прибыли сюда священнослужители архимандритъ Петръ съ прочими, врачъ и студенты, всѣ люди отмѣнныхъ дарованій, учености и добродѣтелей, словомъ, въ полной мѣрѣ мужи мудрые. Они, обративъ на насъ человѣколюбивое состраданіе, паки подняли насъ отпавшихъ отъ святыя вѣры и всемѣрно образовали. Они для юношества нашего открыли училище, снабдили хорошими учителями и человѣколюбиво воспитывая, дѣлаютъ хорошими людьми». «Къ описанію всѣхъ ихъ добродѣтелей и благодѣяній какъ бы мы благодарность нашу ни выражали, но вполнѣ описать не можемъ. И потому, написавъ слабыя строки стиховъ, всесмиренно подносимъ. (Далѣе слѣдуетъ переводъ съ Монгольскаго благодарственныхъ стиховъ).

Лично архимандриту Петру при прощаніи были вручены глубоко-благодарныя письма: 1) отъ новокрещеннаго Манджура дворянина Те-

рентія Турунчая и 2) отъ Албазинца Степана, сына поручика Андрея Григорьевича Савинова.

Когда миссія была уже въ пути и слѣдовала по Монголіи, ей на имя лѣкаря І. П. Войцеховскаго было вручено благожелательное напутственное письмо отъ великаго жреца Фоевой вѣры Кутухты. (Кутухта, по вѣрованію Фоевцевъ, живой Богъ). «Сей великій жрецъ Фоевой вѣры, Манджуръ Кутухта, говоритъ архимандритъ Петръ, крайне съ нами въ Пекинѣ подружился, многократно насъ посѣщалъ, неоднократно слушалъ божественную литургію, обѣдалъ у насъ, и мы у него; подружился, кажется, до того, что не хотѣлъ бы съ Русскими разстаться. Почтенный нашъ врачъ І. П. Войцеховскій особенно былъ съ нимъ близокъ: училъ его читать по-русски, толковалъ ему географію и показывалъ на картахъ и глобусахъ; а какъ онъ могъ порусски читать, то тѣмъ наипаче восхищался, что толкуемое могъ повѣрять по глобусу. Нашъ почтеннѣйшій господинъ приставъ миссіи подполковникъ генеральнаго штаба М. В. Ладыженскій въ семимѣсячное въ Пекинѣ пребываніе такую съ нимъ свелъ дружбу, что онъ Кутухта особенно приглашалъ его на разныя ихъ торжества и священнослуженія. Онъ къ намъ Русскимъ былъ въ полной мѣрѣ откровененъ; прилежно читалъ на Китайскомъ языкѣ христіанскія книги, Новый Завѣтъ съ краткимъ толкованіемъ и другія книги, коими я его снабжалъ охотно, и онъ чрезъ г. Войцеховскаго просилъ меня, чтобы я позволилъ ему списать, въ чемъ я охотно удовлетворилъ его просьбѣ. Изъ писемъ его къ намъ писанныхъ видно, что онъ въ христіанскомъ ученіи много находитъ сходнаго съ ихъ ученіемъ, къ имени Божію христіанскому имѣетъ уваженіе, пространнымъ толкованіемъ на Десятословіе и Молитву Господню восхищался. Когда сей великій жрецъ имѣлъ съ нами дружбу, то прочіе разныхъ классовъ многочисленные даламы и кубилкини и того болѣе уже уважали. Все ихъ духовенство, видя сію дружбу, насъ чрезмѣрно уважало».

Состоя въ такихъ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ къ членамъ старой миссіи, Кутухта, по дѣламъ своей службы, не могъ при всемъ желаніи присутствовать при проводахъ ея изъ Пекина: онъ по духовной обязанности задолго до отъѣзда миссіи выѣхалъ за великую стѣну, отдѣляющую Китай отъ Мунгаліи. Разсчитавъ же по времени, какъ миссія должна прослѣдовать по Мунгаліи, онъ удачно «пустилъ», по выраженію архимандрита Петра, вслѣдъ ея на имя г. Войцеховскаго письмо, въ которомъ между прочимъ писалъ: «Пожалованныя вами чудныя лекарства и нюхательные порошки табакъ суть достаточныя напоминанія и доказательства отмѣнной вашей любви ко мнѣ. Я же, всѣмъ сердцемъ почитающій васъ, предан-

нѣйшій слуга 4-й луны прибылъ въ мѣстечко Чаханъ-Балгасу и, увидя почтеннаго вашего государства экипажи, чрезмѣрно любовался [1]), и, полюбивъ, нашелъ для моихъ въ Мунгалію выѣздовъ весьма удобнымъ и способнымъ; но къ сожалѣнію у насъ въ Пекинѣ никакъ не могутъ сдѣлать. Прошу васъ, милостивый государь, по прибытіи въ Кяхту, купить одну коляску цѣною около трехъ фунтовъ серебра, которое можете получить въ куренѣ Ургѣ отъ Дзандзабы-Джасанъ-Ламы, правителя дѣлъ Ургинскаго Гелена Кутукты, къ которому для препровожденія ко мнѣ и отошлите въ нынѣшнемъ же году».

Не переставали благожелать и благодарить отъѣхавшую миссію какъ Китайцы, такъ и Албазинцы даже и тогда, когда эта миссія была уже въ отечествѣ. Такъ, воспользовавшись отъѣздомъ въ Россію члена новой миссіи г. Курляндцева [2]), съ нимъ были посланы письма къ архимандриту Петру, іеромонаху Даніилу и лѣкарю Войцеховскому отъ Албазинцевъ, крещеннаго изъ Китайцевъ семейства Павла и прозелита Голоя изъ трибунальскихъ чиновниковъ [3]).

[1]) „Тамъ находились Русской команды казаки съ обознымъ скотомъ и экипажами. Кутукта, при всей важности высокаго своего сана, ѣздилъ въ Русскій станъ, просилъ казацкаго старшину заложить экипажъ и, сѣвъ въ оный, съ удовольствіемъ прогуливался“.

[2]) Въ 5 пунктѣ 13 прибавныхъ статей трактата между Россіею и Китаемъ сказано: „Россіяне просили, чтобы живущіе въ Пекинѣ ихъ люди чрезъ каждые три мѣсяца посылали письма съ платою доставляющимъ денежныхъ издержекъ и проч. Переписка письмами не есть нужное дѣло. Къ чему таковая черезъ три мѣсяца, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ? И то трудно. Сего въ трактатъ не вводить, но дозволить имъ письмами пересылаться при попутьяхъ чрезъ попутчиковъ“. По поводу этого пункта архимандритъ Петръ разсказываетъ слѣдующій случай съ нимъ въ Пекинѣ: „На сей статьѣ основываясь, я послалъ въ Кяхту бумаги и нѣкоторыя вещицы съ Мунгальскимъ княземъ Карцагаемъ. Князь, не успѣвъ въ Кяхту доставить, умеръ. Сынъ его, видя иностранный пакетъ и посылку, не рѣшился послать въ Кяхту, но продержавъ долгое время наконецъ объявилъ Ургинскому князю Вану. Ванъ, не знавъ сихъ постановленій, прямо при докладѣ препроводилъ къ государю. Государь; также не знавъ сего пункта трактата, наслалъ о мнѣ въ трибуналъ указъ, чтобы я впередъ спрашивался о такихъ нуждахъ у трибунала. Я, вычитавъ указъ и не сказавъ на сіе ни слова, пошелъ во внутренній мой покой, вынесъ прибавные пункты трактата и указалъ на пятый, чѣмъ и пристыдилъ и нѣкоторымъ образомъ затруднилъ Пекинскій трибуналъ. Подлинно крайне извинялись, а главный министръ Тодзинъ къ Вану послалъ выговоръ, для чего онъ, не справившись съ дѣлами и мимо трибунала, самъ дерзнулъ доложить его величеству“.

[3]) Съ г. Курляндцевымъ же было прислано письмо отъ лѣкаря новой миссіи Порфирія Евдокимовича Кириллова на имя О. П. Войцеховскаго, которое, какъ не имѣющее непосредственнаго отношенія къ темѣ, но въ тоже время не безъинтересное въ цѣлой исторіи нашей миссіи въ Китаѣ, я помѣщаю здѣсь. „Теперь бы въ волю на-

Албазинцы писали: «Высокопреподобнѣйшіе отцы Петръ и Даніилъ! Мы всѣ нижайшіе Албазинцы, всегда собираясь въ церковь Божію, молимся о здравіи вашемъ. По истинѣ съ крайнею любовію взирая на вашу страну, сердечно опять сюда ожидаемъ. Всѣ ученики училища вами заведеннаго оплакиваютъ въ васъ великую потерю. Еще всенижайше кланяемся его высокоблагородію подполковнику Ладыженскому. Даміанъ. 1832 года 7 луны 27 числа».

Письмо Китайца Павла къ тѣмъ же лицамъ: «Повергаясь предъ особами вашего высокопреподобія, я всенижайшій послушникъ Павелъ съ моимъ родителемъ Дометіемъ и со всѣмъ семействомъ свидѣтельствуемъ искреннѣйшую благодарность за великія милости, и сердечно всѣ желаемъ вамъ всякаго счастія. Все мое семейство: добрая моя теща Татіана, нижайшая жена моя Саломія, сестра моя и три сына Антоній, Θеодосій и Петръ при семъ воспоминаніи плача до земли

говориться съ вами, дражайшій Осипъ Павловичъ! Но я затѣялъ это 30 Іюля, а въ это время вы вѣрно выметали изъ горницы вашей въ Пекинѣ всякаго собесѣдника, и вѣрно повѣрите, что и я лучше бы согласился, чтобы меня выгнали хоть въ болото, чѣмъ писать теперь. (Намекъ на чрезмѣрные Іюльскіе жары въ Пекинѣ, когда тамъ запершись сидятъ нагіе). Прежде я не могъ приготовиться къ этому, поелику до сего мѣсяца жилъ въ горахъ около двухъ мѣсяцевъ, гдѣ занимался собираніемъ растеній. Мимоходомъ скажу, что главная квартира или ботаническій сѣнникъ мой былъ въ кумирнѣ деревни Шичанъ у подошвы Дзе-тайя, гдѣ я жилъ одинъ, изрѣдка навѣщаемый Даміаномъ, оттуда простирался во всѣ страны. Два раза былъ въ Танъ-джа, и имѣю тамъ паціента, который адресовался было къ вамъ. При ботаническихъ занятіяхъ занимался и практикою, которою обратилъ къ себѣ народъ изъ отдаленныхъ деревень палестины сей, вылѣчивъ страдавшую одиннадцать лѣтъ удушьемъ дѣвицу и многихъ другихъ. Не въ похвалу свою скажу вамъ, что не только въ Китаѣ, но нигдѣ не думалъ я найти той признательности и уваженія, какую видѣлъ здѣсь. Народъ, кажется, совершенно забылъ, что я иностранецъ. (Въ Китаѣ всякъ въ классѣ уже преступниковъ, кто съ иностранцами сведетъ дружбу). И довѣренность эта очаровала меня такъ, что я неохотно возвращался въ Русское подворье. Къ этому побудили меня отъѣздъ товарища Курляндцева и засуха, отъ которой уже падаютъ предъ солнцемъ жертвы голодной смерти. Появились грабежи. Люди продаютъ себя на гины (т.-е. на вѣсъ). Ожидаютъ осенью неминуемаго бунта. Престарѣлому пастырю церкви Пекинскія и сотруднику его, высокопреподобнѣйшему отцу Даніилу, любезнѣйшему Кондрату Григорьевичу, Захару Θедоровичу, Алексѣю Исаковичу и Николаю Ивановичу свидѣтельствую истинное почтеніе и признательнѣйшую память о нихъ". На копіи съ сего письма рукою архимандрита Петра отмѣчено: „Это письмо отъ члена новой миссіи; а успѣхи и привязанность къ Русскимъ снисканы предшествующей миссіей. Когда бывало, чтобы Китайцы и Манджуры часто съ Русскими друзьями переписывались? А нынѣ даже Кутухта, даже Корейскіе большіе чиновники и христіане и проч."

кланяются, и всѣ мы себя на вѣки посвятили къ услугамъ вашимъ. Просимъ всепокорнѣйше засвидѣтельствовать наше нижайшее почтеніе Осипу Павловичу лекарю (Войцеховскому), коллежскому ассессору Захару Ѳеодоровичу (Леонтьевскому), титулярному совѣтнику Кондрату Григорьевичу (Крымскому), титулярному совѣтнику Николаю Ивановичу и Алексѣю Исаковичу, причетникамъ (Вознесенскому и Сосницкому). 1832-го до 7 луны 29 числа».

Голое—почтенный человѣкъ, природный Китайскій дворянинъ изъ фамиліи Голмингъ, служившій въ высокомъ трибуналѣ чиновникъ, родственникъ трибунальскаго предсѣдателя, славнаго вельможи и чрезвычайно по своимъ добродѣтелямъ и вѣрности къ государю извѣстнаго, престарѣлаго амбаня, вскорѣ крестился.

Отвѣтомъ на письма Пекинцевъ со стороны бывшаго пастыря церкви Пекинской, архим. Петра было «Посланіе къ Пекинскому христіанству». «Возлюбленніи братія о Господѣ! Со времени моей съ вами разлуки не было (боюсь солгать), кажется, ни одного дня, въ который бы я многогрѣшнѣйшій не воспоминалъ всѣхъ васъ, и особенно во храмѣ Господни, съ приношеніемъ многогрѣшныхъ, но усердныхъ моихъ ко Господу молитвъ о здравіи и спасеніи всѣхъ васъ съ любезными и благословенными вашими семействами. Истину скажу, что я столько васъ всѣхъ люблю, что желалъ бы летѣть къ вамъ на 3-й терминъ десятилѣтія, ежелибъ только не препятствовала 70-лѣтняя моя старость. Молю васъ любезнѣйшихъ святыя вѣры благочестивыхъ предковъ вашихъ ни подъ какимъ видомъ не оставлять, но хранить оную до послѣдней капли крови. Вѣрующимъ въ Бога вся споспѣшествуется во благое».

Г. Курляндцевъ вмѣстѣ съ письмами изъ Пекина привезъ и не совсѣмъ утѣшительныя вѣсти о взаимоотношеніяхъ членовъ новой миссіи къ ея начальнику; но престарѣлый пастырь былъ уже о нихъ предваренъ отцомъ Веніаминомъ, который писалъ между прочимъ отъ 15 Марта: «Ради Бога, ради блага юной здѣшней церкви, вашимъ попеченіемъ пріемшей начало, молю васъ, забывъ и простивъ все, продлить любовь вашу ко мнѣ недостойному и не забывать меня въ святыхъ своихъ молитвахъ. Новостей съ отъѣзда вашего изъ Пекина никакихъ важныхъ не было. Церковь наша хотя не пріумножилась еще новыми членами, но, благодареніе Господу, не смотря на случившіяся ей искушенія, больше даже нежели холодностію и равнодушіемъ новыхъ уготовленныя, все остается цѣлою и въ скорбяхъ моихъ надѣляетъ меня большимъ утѣшеніемъ. На прошедшей первой недѣли великаго поста всѣ почти мужчины и женщины говѣли, исповѣдывались и пріобщались святыхъ таинъ. Всю недѣлю сію

я жилъ при Успенскомъ храмѣ. При всякомъ воспоминаніи объ васъ признательность и любовь всѣхъ здѣшнихъ христіанъ изражаются чувствительнѣйшими знаками. Порученіе нѣкоторыхъ изъ нихъ: Павла старшины, Николая, Симеона, Козьмы, Филиппа, Даміана, Варнавы, Меланіи, Софіи, Евгеніи, Терентія, Іоанна Монгола, кроткаго и паче прочихъ близкаго ко мнѣ Григорія и проч. при случаѣ свидѣтельствовать вашему высокопреподобію ихъ высокопочитаніе—симъ исполняю. Стараніемъ послѣдняго Баоллъ съ матерью и сестрою къ Пасхѣ будутъ, кажется, приняты чрезъ св. крещеніе къ числу вѣрныхъ. Семейство Терентія Манджура—тоже. Терентій самъ теперь живетъ при Успенскомъ храмѣ въ званіи писца и катихизатора весьма не безполезнаго. Крестникъ вашъ Павелъ также до земли вамъ кланяется. Хотя послѣ отъѣзда вашего желательно мнѣ было оставить его при себѣ, но господинъ лекарь упросилъ его у меня. Теперь, кажется, они оба другъ другомъ довольны; но оказался тотъ недостатокъ, что Павлу не всегда бываетъ досужно въ церкви пономарить. Кутухта всегда вспоминаетъ объ васъ съ большою любовію и проситъ меня открыть вамъ, что онъ по смерть свою будетъ считать васъ въ числѣ благодѣтельныхъ друзей своихъ. По поводу гоненія, возникшаго на секту Болянъ-дзіоу, князь Дзинъ-дженъ (второй сынъ великаго князя Сущинъвана намъ знакомаго) опять началъ было пугать и его настоятельнымъ понужденіемъ отправы; но онъ, кажется, избавился отъ сего подачею новой бумаги съ объясненіемъ своей болѣзни и старости. Вэньсанъ (смотритель Русскихъ и попечитель по дѣламъ ихъ) по случаю его обыкновеннаго посѣщенія предъ новымъ здѣшнимъ годомъ и объявленнаго ему чрезъ меня отъ васъ поклона, также поручилъ мнѣ непремѣнно свидѣтельствовать отъ себя и вамъ таковый же. Въ расположеніи его къ намъ не примѣтно перемѣны. Онъ даже, кажется, усугубилъ оное, имѣя желаніе получить отъ насъ себѣ и отцу своему (сей сынъ фельдмаршала) портреты; но не могу вамъ не изъявить моего опасенія потерять сіе слишкомъ неученическимъ поведеніемъ гг. студентовъ и псаломщиковъ: ласковость и скромность все еще у нихъ почитаются униженіемъ, а напоминанія и совѣты объ оныхъ—угнетеніемъ и.... Ежели бы не даровалъ мнѣ Господь благомыслящаго и терпѣливаго Епифана Ивановича Сычевскаго (студ. 14 класса), не могу ручаться, жилъ ли бы я доселѣ и могъ ли бы продолжать должность мою. Увидѣлъ я, наконецъ, что не одно предубѣжденіе послужило къ разстройству нынѣшней миссіи; въ ней самой находились расположенные къ тому члены. Но могъ же я примѣтить прежде и послѣ, что безъ онаго все бы она не дошла до такихъ безпорядковъ, какіе въ ней начали появляться въ самомъ началѣ и послѣ обнаружились.

Не честолюбіе мое тутъ оскорблялось или злопамятство безпокоило; но честь и польза отечественныя терпѣли и должны были потерпѣть. Вотъ что̀ при одиночествѣ моемъ заставило меня не молчать предъ правительствомъ, которое, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, напоминаніемъ своимъ уже облегчило судьбу мою, да и впредъ облегчать можетъ *). Впрочемъ, въ смиреніи сердца испрашивая прощенія грѣховъ моихъ предъ всѣми оскорбленными мною людьми и Богомъ, по дѣломъ моимъ наказующимъ мя, и повторяя моленіе мое предъ вами о вспомоществованіи мнѣ вашими святыми молитвами, честь имѣю, по гробъ моей жизни пребыть вашего высокопреподобія смиреннѣйшимъ послушникомъ и преданнѣйшимъ слугою убогій старшій священникъ Веніаминъ. 3 Марта 1832 года».

«P. S. Домашнія дѣла наши, кажется, пообъяснились къ лучшему. Члены совѣта болѣе начали имѣть ко мнѣ довѣренности, а о. іеродіаконъ Поликарпъ явилъ нѣсколько опытовъ трогательнаго послушанія и даже доброты и простоты. Да помилуетъ насъ Господь Своею благодатію молитвами вашими!»

«О новостяхъ Китайскихъ я посылаю выписку изъ здѣшнихъ газетъ въ Азіатскій Департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Мнѣ бы пріятно было, ежели бы ваше высокопреподобіе прочитали оную; да и для васъ, я думаю, не не любопытно знать о случившихся по вашемъ отбытіи изъ Китая дѣлахъ и перемѣнахъ. Голое—трибунальскій чиновникъ, Шулое—инспекторъ Русскаго училища, Лисаньлое—служащій по кабинету свидѣтельствуютъ почтеніе. Веніаминъ. 15 Марта».

Архимандритъ Петръ по прочтеніи сего письма начертилъ на немъ слѣдующія строки: «Подлинное письмо 3 Марта; слѣдовательно по написаніи письма послѣдовали уже перемѣны. Правду сказать, письмо сіе весьма многозначительно. Исправи Господи путь ихъ! Я, кончивъ его, смотрю на мотыльковъ около свѣчи. Потомъ представился

---

*) Сл. слѣд. мѣсто изъ письма Аввакума Честнаго: „Четверо миссіонеровъ вмѣстѣ съ нимъ (Веніаминомъ) засѣдаютъ въ совѣтѣ и часто разрушаютъ ни съ чѣмъ несообразныя его затѣи..., а это такъ сильно дѣйствуетъ на его печень и желчь, что онъ, при каждой отпискѣ въ отечество, самыми черными красками мараетъ насъ предъ правительствомъ, выставляя впрочемъ совершенно другіе предлоги къ нашему обвиненію и такимъ образомъ за недостаткомъ веревокъ опутываетъ насъ по крайней мѣрѣ паутиною. Безъ особеннаго призыва или высылки ни одинъ изъ миссіонеровъ не ходитъ къ нему и даже за наказаніе считаютъ встрѣтиться съ нимъ въ монастырѣ или въ саду; для честолюбія его это такой ударъ, который онъ едва переноситъ. Но виноваты ли миссіонеры, когда онъ самъ отвратилъ отъ себя всѣхъ своимъ невѣжествомъ и характеромъ?“

мнѣ мой юношескій возрастъ. Юность слишкомъ неосновательна... Три человѣка изъ сей миссіи безъ правильной причины выѣхали».

По прибытіи старой миссіи въ Петербургъ, ее въ лицѣ ея представителя-начальника письменно привѣтствовалъ 3 Ноября 1831 года директоръ Азіатскаго Департамента, т. с. и сенаторъ, К. К. Родофиникинъ въ слѣдующихъ словахъ: «Ваше в. м. г.! Поздравляю отъ всего сердца съ благополучнымъ пренесеніемъ бремени, которое на васъ было возложено. Слава Богу! Вы въ отчизнѣ, посреди своихъ. Всевышній, подкрѣпившій силы ваши на многотрудномъ поприщѣ, продлитъ оныя, дабы подать вамъ возможность воспользоваться и плодами, на которые пріобрѣли полное право отъ признательнаго правительства».

О себѣ архим. Петръ въ письмѣ къ епископу Пермскому Аркадію говоритъ: «По прибытіи моемъ въ С.-Петербургъ удостоился я лично Высочайшаго благоволенія». Мая 3 дня 1832 года ему всемилостивѣйше пожалованъ былъ орденъ св. Анны 1-й степени при рескриптѣ: «...Неусыпные труды ваши по управленію монастырями и миссіею нашею въ Пекинѣ и примѣрное поведеніе, коимъ успѣли вы пріобрѣсти довѣренность мѣстныхъ тамъ властей, споспѣшествовавшую къ удовлетворительному выполненію данныхъ вамъ порученій, обратили на васъ монаршее наше благоволеніе».

Его предназначали на Астраханскую епархію; но онъ, «чувствуя свои недостоинства, просилъ отъ должностей и по болѣзни и по старости лѣтъ увольненія». Іеромонахъ Даніилъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита, помѣщенъ на жительство въ Московскій Златоустовскій монастырь, но съ 1837 года перешелъ въ Казанскій Предтеченскій и занялъ съ званіемъ профессора каѳедру Китайскаго языка при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, а съ 1838 и по 1841 годъ безмездно преподавалъ Китайскій языкъ и въ 1-й Казанской (Императорской) Гимназіи [1]. Приставъ миссіи М. В. Ладыженскій произведенъ въ полковники; лекарь О. П. Войцеховскій сдѣланъ штабъ-лекаремъ (послѣ профессоръ Казанскаго Университета) Крымскій и Леонтьевскій оставлены въ вѣдомствѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Леонтьевскаго архимандритъ Петръ рекомендовалъ начальству въ особое вниманіе, какъ трудолюбивѣйшаго чиновника, полную о себѣ надежду подающаго [2]), а причетниковъ миссіи Возне-

[1]) Истор. записка о 1-й Казанской гимназіи Владимирова, ч. 1, стр. 60 и 61. Архимандритъ Даніилъ по предмету своихъ чтеній издалъ Китайскую христоматію. См. „Казанская Исторія“ Бажонова, ч. 2, стр. 105. Казань 1847 г.

[2]) Отъ 21 Іюля 1832 г. архимандритъ Петръ писалъ въ Азіатскій Департаментъ М. И. Дѣлъ. „Вѣдомства моего студентъ титулярный совѣтникъ Леонтьевскій, между про-

сенскаго и Сосницкаго представилъ особому благоволенію высокопреосвященнѣйшаго митрополита.

Отъ 10 Іюля 1832 года за № 1180 вице-канцлеръ графъ Нессельроде увѣдомилъ архим. Петра о новыхъ знакахъ высокомонаршаго благоволенія къ старой миссіи. Онъ писалъ: «М. г.! По всеподданнѣйшему докладу моему насчетъ жалованья, причитающагося возвратившейся Пекинской миссіи, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ удовольствовать таковымъ ваше высокопреподобіе и о. архим. Даніила по день начатія производства пенсіоновъ, о назначеніи коихъ я уже относился къ г. министру финансовъ отъ 23 минувшаго Апрѣля; прочія же свѣтскія лица по 1-е истекшаго Маія, а съ того числа опредѣлить имъ жалованье по внутреннему положенію, именно: лекарю г. коллежскому ассесору Войцеховскому по 2000 рублей, а гг. титулярнымъ совѣтникамъ Крымскому и Леонтьевскому по 1500 рублей каждому въ годъ изъ Государственнаго Казначейства, съ оставленіемъ ихъ въ вѣдомствѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. За тѣмъ Его Императорское Величество, принявъ въ уваженіе, что всѣ члены возвратившейся миссіи должны были обзавестись здѣсь Европейскимъ платьемъ, ибо въ Пекинѣ одѣты были въ Китайское, по моему предстательству всемилостивѣйше указать соизволилъ выдать изъ Государственнаго казначейства единовременно: вамъ 1500 рублей и архимандриту Даніилу 1000 рублей. Изъ прочихъ же лицъ гг. коллежскому ассесору Войцеховскому, яко старшему, 1000 рубл., титулярнымъ совѣтникамъ Крымскому и Леонтьевскому по 600 рубл., и двумъ причетникамъ гг. Вознесенскому и Сосницкому по 400 рубл., каждому». *)

чими, по своей должности, занятіями, учинилъ посильный опытъ въ переводѣ исторіи г. Карамзина, который, подая надежду къ продолженію сего труда, сей первый томъ оной чрезъ меня подноситъ для помѣщенія въ библіотеку Азіатскаго Департамента.“ Крымскій извѣстенъ „Обозрѣніемъ Китайской философіи“.

*) Архим. Петръ за службу свою удостоился трехъ пенсій: первая въ 600 рублей пожалована ему во время служенія его по Иностранному Министерству переводчикомъ Китайскаго и Манджурскаго языковъ 11-го Апрѣля 1814 г. вмѣстѣ съ чиномъ коллежскаго ассессора; эту пенсію съ 1819 года онъ довѣрялъ получать въ Петербургѣ изъ Государственнаго Казначейства того же министерства и тѣхъ же языковъ переводчику С. В. Липовцову для содержанія четырехъ круглыхъ сиротъ дѣвочекъ Краснощековыхъ. Вторая въ 1.000 рублей пожалована въ 1819 году при переходѣ его изъ статской службы въ духовную въ званіе начальника миссіи; эта пенсія съ того же года по его просьбѣ выдаваема была по половинѣ: 500 рублей изъ Макарьевскаго (Нижегородской губ.) казначейства двумъ его сестрамъ Маврѣ и Агаѳьѣ Ивановымъ и 500 рублей изъ Пен-

Отказавшись отъ чести занять епископскую каѳедру, архим. Петръ просилъ по болѣзни и старости и отъ должностей увольненія и, получивъ оное, озаботился избраніемъ мѣста для покоя, гдѣ бы ему провести остатокъ дней своихъ. Выборъ его остановился на Городецкой Ѳеодоровской обители Нижегородской епархіи, гдѣ въ то время настоятельствовалъ престарѣлый іеромонахъ Амвросій, бывшій когда-то въ мірскомъ званіи Алексѣй Степановичъ Дьячковъ, учителемъ архим. Петра, тогда еще мальчика Павла Каменскаго. Но отъ выбора до исполненія желанія протекло около года, когда успѣлъ скончаться и престарѣлый Амвросій, подъ «правила» котораго рвалась душа архимандрита Петра.

За это время архим. Петръ жилъ въ Александро-Невской лаврѣ и занимался, между прочимъ, разборомъ и раздачей по разнымъ ученымъ учрежденіямъ вывезенныхъ имъ изъ Китая шпаргановъ, а также и окончаніемъ дѣловой переписки.

Отъ 12-го Іюля 1832 г. архим. Петръ писалъ министру просвѣщенія князю Ливену: «По благоволительному вашей свѣтлости препорученію, я всемѣрно въ Пекинѣ старался снискать покупкою книгу на Мунгальскомъ языкѣ Гонь-джуръ, на какой конецъ и присланы были ко мнѣ два пуда съ фунтами серебра; но не могши отыскать въ частной продажѣ оной, ибо оная выпечатана на казенный счетъ и единственно раздается въ даръ по волѣ императора, рѣшился по общему совѣту купить только нѣкоторыя ея части, Юмъ и прочее, за пять фунтовъ съ половиною, подъ симъ разумѣется и укупорка съ ящиками. Прочее же серебро два пуда и десять фунтовъ оставлены мною подъ росписку новаго начальника о. Веніамина Морачевича съ тѣмъ, чтобы онъ въ продолженіе своего термина въ Пекинѣ пребыванія выждалъ время: не будетъ-ли оная продаваться по какимъ-либо обстоятельствамъ изъ тѣхъ домовъ, въ кои отъ государя ихъ жалуется, и до дальнѣйшаго со стороны вашей свѣтлости распоряженія. На Тибетскомъ же языкѣ можно ее, чрезъ пріобрѣтенную нами дружбу великаго жреца Хосроя, то-есть живаго Бога, Манджу Кутухтуя, выписать изъ Тибета за таковую сумму удобно; ибо цѣна сей книги по изданіямъ ея весьма различна, отъ одного пуда серебра до ста пудовъ и болѣе. Купленныя же мною части Юмъ съ другими приложеніями и моими для ученой части нѣкоторыми прилагаемыми пожертвованіями, астрономиче-

---

зенскаго казначейства его снохѣ протоколистшѣ Екатеринѣ Каменской. Третья пенсія въ 2.000 рублей серебромъ пожалована ему въ 1832 году по возвращеніи изъ Китайской миссіи и расходовалась главнымъ образомъ на благотворенія имъ самимъ.

скими чертежами, географическими картами и мелкими книгами, при семъ къ вашей свѣтлости препровождая, всепокорнѣйше прошу великодушно простить, что толико лестное для меня вашей свѣтлости препорученіе, при переправахъ-ли въ бродъ черезъ рѣки, или отъ проливныхъ дождей, нѣсколько повреждено».

Въ тотъ же день 12-го Іюля архим. Петръ препроводилъ въ Азіатскій Департаментъ книги и газеты, купленныя имъ въ Китаѣ на казенный счетъ. «Въ исполненіе Высочайше утвержденной инструкціи я долгомъ считалъ снискивать лучшія и полезнѣйшія книги въ Китаѣ, изъ коихъ мною куплены на казенный счетъ: 1) Дай-цинъ и Тунъджа въ двѣнадцати томахъ, пространнѣйшая всея Китайской имперіи и всѣхъ Китаю извѣстныхъ народовъ географія со всеобщей и частными картами; 2) пространнѣйшая всѣхъ по всѣмъ отношеніямъ государственнаго правленія книга законоположеній Дай-цинъ-хой-дянь въ 41-мъ томѣ; 3) за многіе годы печатныя газеты, которыя при семъ въ трехъ ящикахъ въ Азіатскій Департаментъ и препровождаются».

Спустя нѣкоторое время архим. Петръ писалъ въ Азіатскій Департаментъ: «Большая часть службы моей протекла подъ благодѣтельнымъ начальствомъ министерства сего. Благодѣяній его ко мнѣ я исчислить не могу, кольми паче возблагодарить. Сорокалѣтняя моя по оному служба, при всей средственности моихъ способностей, при всѣхъ со стороны хода ся препинаніяхъ, всегда однакожъ была ревностна, и ревность сія къ пользамъ любезнаго отечества по гробъ мой не ослабнетъ: настоящее предполагаемое мною уединеніе, отъ всякаго разсѣянія удаленное, подкрѣпитъ только мои намѣренія и силы. Во время пребыванія моего въ Пекинѣ я большое употребилъ стараніе, не щадя иждивенія, собрать, сколько возможность позволяла, священныхъ христіанскихъ книгъ частію съ Европейскихъ на Китайскій, Манджурскій и Мунгальскій языки переложенныхъ, а частію на Китайскомъ языкѣ христіанами сочиненныхъ. Я симъ дѣломъ съ великою поспѣшностію занимался въ особенности потому, что ясно предвидѣлъ скорое паденіе Римскаго миссіонерства, послѣ коего и одной книги получить уже неоткуда. Изъ собранныхъ сихъ книгъ, большею частію рукописныхъ, одну большую половину посвятилъ въ Россійско-Императорскую Пекинскую библіотеку *), а другую половину вы-

---

*) Основаніе библіотеки при Пекинской миссіи всецѣло принадлежитъ архим. Петру. Объ этомъ онъ подъ 11-е Октября 1833 года пишетъ: „Я во всю жизнь по истинѣ любилъ читать книгу „Подражаніе Христу“, но въ изданіяхъ ея на разныхъ языкахъ находится разность. Сперва она попалась мнѣ въ Пекинѣ на Латинскомъ и Китайскомъ языкахъ; тогда я съ сердечною любовію ее читалъ многократно. Возвратившись въ оте-

везъ въ любезное отечество, предполагая, что если въ Пекинѣ по какому-либо случаю сіи необходимо-нужныя книги истребятся, то можно будетъ поддержать здѣсь находящимися. Въ основаніи сей коллекціи, въ Пекинѣ оставленной и сюда вывезенной, положена Святая Библія на обоихъ языкахъ, всего въ четырехъ экземплярахъ, два на Китайскомъ и два на Манджурскомъ, изъ коихъ теперь вывезена мною одна часть, а прочія прежде препровождены были въ два раза. Теперь же имѣю честь посвятить слѣдующаго каталога книги, кои всепокорнѣйше прошу удостоить милостиваго принятія».

1) Латинскаго алфавита Китайскій синонимическій Лексиконъ, мною списанный, въ 5 томахъ.

2) Лексиконъ Сань-хэ-бень-лань, по Мунгальскому алфавиту переводчикомъ Новоселовымъ подобранный, и мнѣ г. Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ М. М. Сперанскимъ въ 1820 году для подведенія Китайскаго и Маджурскаго переводовъ, и потомъ для переведенія его на Россійскій, препорученный, въ 2-хъ томахъ.

3) Дзинь-чу-ди-лишу—Китайская Географія въ 2-хъ томахъ.

4) Лексиконъ четыре-язычный: на Манджурскомъ, Китайскомъ, Мунгальскомъ и Тибетскомъ языкахъ въ 2-хъ томахъ.

5) Правила и постановленія Трибунала Иностранныхъ дѣлъ, на Китайскомъ языкѣ въ 2-хъ томахъ.

6) Сань-хэ-ю-лу—Разговоры на 3-хъ языкахъ: Манджурскомъ, Китайскомъ и Мунгальскомъ въ 4 книгахъ, одинъ томъ.

7) Кундзы-дзя-ю, Конфуція домашнія сужденія и разговоры въ 5 кн., одинъ томъ.

8) Сюнъ-ли-джень-цювнь—Разсматриваніе природы большею частію метафизически, 6 кн. въ 1-мъ томѣ.

чество, я имѣлъ ее на Латинскомъ языкѣ, но средственнаго изданія. Когда же я въ 1820 году, будучи уже архимандритомъ, паки ѣхалъ чрезъ Иркутскъ въ Пекинъ, тогда его в—ство г. г.-губ. М. М. Сперанскій пожаловалъ мнѣ и свой переводъ, и Латинскій подлинникъ самаго лучшаго изданія. Но я, любя Пекинскую библіотеку, мною заведенную и нѣжно возращенную до возможнаго совершенства, и сей безцѣнный подарокъ подарилъ въ оную. Въ 1795 году я въ Пекинѣ, не нашедши ни одной книги, изъ своихъ весьма немногихъ книгъ положилъ казенной основаніе, и лелѣялъ ее какъ нѣжное дитя. Нынѣ же оная библіотека можетъ равняться съ знатными библіотеками. Во второй терминъ моего пребыванія въ Пекинѣ мною пожертвована въ тамошнюю Россійско-Императорскую библіотеку прекрасная и рѣдкая коллекція христіанскихъ книгъ на Китайскомъ, Манджурскомъ и Мунгальскомъ языкахъ, въ основаніи коихъ на Китайскомъ и Манджурскомъ языкахъ Свящ. Библія и мною составленные лексиконы—одинъ по Русскому алфавиту, а другой по Мунгальскому. Могу сказать святую истину, что коллекція сія безцѣнна, а поелику Римское миссіонерство рушилось, прекращено, то болѣе достать негдѣ. Трепещу, чтобы не растеряли; но нужно-бъ до ветхости чрезъ переписку не допущать".

9) Шельсы-джинань—Христіанская нравственность (для проповѣдника въ Китаѣ нужная) 4 кн. въ 1 томѣ.

10) Цике-о, о страстяхъ человѣческихъ въ 4 книгахъ (рукопись).

11) Гу-дзюнь-дзинъ-тянь-дзянь—Зерцало хода поклоненія небу въ древнія и новѣйшія времена (рукопись).

12) Монументъ древности христіанства въ Китаѣ (на Китайскомъ языкѣ рукопись).

13) Да-кэ-вань—Разговоръ христіанина съ язычникомъ, ведущій къ христіанству, рукопись.

14) Цю-ю-нянь—Объ истинномъ дружествѣ (рукопись).

15) Шань-шень-фу-джунъ—Прямой путь хорошо жить и счастливо умереть, одна книга.

16) Шенъ-дзинъ-гуанъ—Избранныя Евангелія съ объясненіями и выведенными нравоученіями 2 книги въ 1 томѣ.

17) Глубокія о христіанствѣ разсужденія (на Кит. яз., 4 кн. въ 1 томѣ).

18) Св. Евангеліе отъ Матѳея, сперва переведено съ Росс. языка на Манджурскій г. ст. совѣт. и разныхъ орденовъ кавалеромъ С. В. Липовцевымъ, а 1820 г. съ Манджурскаго переведено на Китайскій (рукопись).

19) Дженъ-сіо-луши—Оселокъ истиннаго ученія (рукопись).

20) Ли-сянь-шенъ-синъ-дзи—Жизнь основателя Римскаго миссіонерства въ Китаѣ Матѳея Рикція (рукопись).

21) Дзіоу-іоу-сюй-лунь, прекрасное руководство къ христіанству.

22) Пренія о духовныхъ правахъ и степеняхъ. На Кит. яз. рукопись.

23) Разговоры на Мунгальскомъ и Китайскомъ языкахъ, двѣ тетради.

24) Духовныя назиданія на Кит. яз. 1 кн.

25) Христіанскія стихотворенія на Китайскомъ яз. 1 книга.

26) Шенъ-дзіоу-цань-ше, богословскій трактатъ, двѣ книги.

27) Ди-дзуй-дженъ-чуй—Объ омовеніи грѣховъ.

28) Цинъ-ши-дзинь-шу—О подражаніи Христу самаго высокаго и неудобопонятнаго штиля 1 кн.

29) Толкованіе на книгу „Подражаніе Христу" 5 кн. въ 1 томѣ (рукопись).

30) Христіанская нравственная рукопись на Китайскомъ яз.

31) Истинное всѣхъ вещей начало на Манджурскомъ и Мунгальскомъ яз., двѣ книги.

32) Ци-жань-ши-пянъ—соч. Матѳея Рикція „о Суетѣ міра" въ 2 кн.

33) Дженъ-дао-дзы-дженъ—Истинное ученіе само собою ясно, 2 книги,

34) Календари Китайскіе, 2 книги.

35) Прожектъ Европейца Танъ-Жевана о устроеніи народнаго духа при началѣ Манджурскаго надъ Китаемъ владычества (на Кит. яз.).

36) Книга на Китайскомъ яз., ведущая къ познанію Бога Творца всяческихъ. Твореніе преизящное обширнаго ума, 1 кн.

37) Шенъ-дзинъ-джи-дзе—Избранныя Евангелія, съ толкованіями, 8 кн. въ 2 томахъ.

38) 39) 40) Три книги (на Кит. яз.) астрономическія, показывающія ходъ службы Римскихъ миссіонеровъ при Пекинскомъ дворѣ.

41) Книги ши-и на Мунгальскомъ языкѣ – Непреложная истина, или состязаніе христіанина съ язычниками. Эта книга для обращенія Даурскихъ язычниковъ и Калмыковъ по истинѣ безцѣнна. Она съ Китайскаго языка мною переведена для Пекинской библіотеки на Русскій языкъ, 2 кн.

42) Опроверженія на Фоевскую вѣру, 2 кн. на Манджурскомъ языкѣ.

Не изъ уваженія только, но изъ благоговѣнія къ такому отечественному учрежденію какъ Императорская Публичная Библіотека, архим. Петръ, какъ евангельская вдовица, повергъ и въ ея корвану свои лепты, не менѣе цѣнныя, чѣмъ тѣ, кои онъ принесъ въ даръ библіотекѣ Азіатскаго Департамента. «Чрезъ всю жизнь мою къ сему толико важному отечественному учрежденію имѣлъ я великое не уваженіе только, но и благоговѣніе. Желалъ бы я безпрестанно прогуливаться по чуднымъ аллеямъ вертограда безчисленныхъ умовъ древнихъ и новѣйшихъ; желалъ бы (но не смѣю сказать) тѣсное имѣть знакомство съ великими друзьями человѣчества, желалъ бы всегда встрѣчаться съ ними, и еслибъ наконецъ сея чести не удостоился, по крайней мѣрѣ довольствовался бы съ умиленіемъ видѣть ихъ. Что же препятствуетъ? Святилище сіе благостію всеобщаго Отца для всѣхъ сыновъ открыто... Черезъ сорокъ лѣтъ моей жизни многотруднѣйшій Китайскій языкъ лишилъ меня сего удовольствія. Сія, способности человѣческія убивающая, машинальная страшная пучина, лишь только приближишься къ ней, то и увлечетъ на всю жизнь отъ всего на свѣтѣ для человѣка изящнѣйшаго. Много говорить о сей скучной матеріи некогда; а скажу только, что внучата съ дѣдами, сидя за одной картой, твердятъ свои уроки, и если кто послѣ десятилѣтнихъ школьныхъ занятій къ чему-либо другому уклонится, то чрезъ годъ, а много черезъ три, учинится совершенно безграмотнымъ. По сей-то причинѣ съ именемъ ученый Китаецъ почитается фениксомъ, рѣдко являющимся. Я въ два термина моего въ Пекинѣ пребыванія, собравъ нѣкоторое число книгъ на разныхъ тоя страны языкахъ, во изъявленіе къ ученымъ мѣстамъ моего уваженія, какъ евангельская вдовица, повергаю убогія мои лепты. При семъ приносимыхъ мною книгъ прилагая реестръ, всепокорнѣйше прошу удостоить благоволительнаго принятія».

1) Военный для осми дивизій уставъ (на Кит. яз.) въ 2-хъ томахъ.

2) Военный уставъ собственно для войска изъ природныхъ Китайцевъ состоящаго, Лу-инъ—въ 2-хъ же томахъ.

3) Книга церемоніаловъ—Цинъ-динъ-ли-бу-дзе-ли, въ 4 томахъ.

4) Уставъ для иностраннаго министерства на Манджур. яз. въ 2-хъ т.

5) Тянь-сіо-дзи-дзе—Библіографія всѣхъ Римскими вѣропроповѣдниками изданныхъ въ Китаѣ книгъ, въ 1 томѣ 9 книгъ (рукопись).

6) На Китайскомъ языкѣ Натуральная исторія въ фигурахъ съ толкованіемъ, 3 кн. въ 1 томѣ.

7) Ли-бу-синь-дзенъ-дзе-ли—Законы для герольдіи, въ 4 томахъ 24 книги.

8) Ши-во-джеу-синъ—Маршрутъ Китая—въ 1 томѣ двѣ книги.

9) Си-гао-синь-ю—Историческія записки, относящіяся къ дѣяніямъ нынѣ царствующей надъ Китаемъ Манджурской династіи, въ 1 томѣ 6 книгъ.

10) Мэнгу-чу-инь-хэби-гу-сіо-дзи-нань—Сто разговоровъ на Мунгальскомъ и Китайскомъ языкахъ, вновь предсѣдателемъ иностраннаго трибунала Фудзюнемъ на Мунгальскій языкъ переложенные.

11) Нунъ-шу—книга о земледѣліи съ фигурами, 16 книгъ въ 2-хъ томахъ.

12) Вань-шеу-шенъ-дянъ-чу-дзи—Виды иллюминаціи, выставленной императоромъ Кянь-луномъ, 80 д.

13) Кунь-юй-ту-шо—Краткое обозрѣніе міра и его удивительныхъ произведеній съ фигурами.

14) Шидзу-джанъ-хуанды-шанъ-юй—указы Манджурскихъ государей до астрономической академіи относящіеся, въ коихъ означается ходъ службы вѣропроповѣдниковъ по оной академіи и проч. Рукопись въ 3-хъ книгахъ.

15) Шенъ-дзинъ-джи-дзе—Избранныя съ изъясненіемъ Евангелія, въ 2 томахъ 8 книгъ.

16) Гуанъ-юй-дзи—Китайская Географія въ 2 томахъ.

17) Описаніе Малой Бухаріи, Джунгаріи и проч. въ 2 книгахъ.

18) Краткій путь къ пріобрѣтенію познаній во всѣхъ отношеніяхъ учености.

19) Сы-шу—Четырекнижіе, полная система Конфуціонской философіи на Манджурскомъ и Китайскомъ языкахъ, 6 книгъ.

20) Цинъ-ши-дзинь-шу—Подражаніе Христу, въ 2 книжкахъ.

21) Истинное всѣхъ вещей начало на Манджурскомъ языкѣ.

22) Синъ-ши-ми-пянь—Способъ пробуждать міръ отъ заблужденій.

23) Ай-дзинъ-синъ-цюань—Истинная любовь (рукопись).

24) Дзинъ-дзіоу—Памятникъ древняго въ Китаѣ христіанства, а равно въ Тибетѣ, Хухунорѣ и прочихъ княжествахъ.

25) Нравственная книжка на Тибетскомъ, Манджурскомъ и Мунгальскомъ языкахъ.

26) Ши-и—Непреложная истина.

27) Шенъ-нянь-гуанъ-и—Житія святыхъ, въ 4 томахъ 24 книги.

28) Хуанъ-цинъ-джи-гунъ-ту—Краткое описаніе извѣстныхъ Китаю народовъ, съ костюмами въ фигурахъ обоего пола.

29) Основанія христіанства на Тибетскомъ языкѣ, въ 2 книгахъ.

30) Шенъ-сы-ю-лу—Христіанская назидательная книга, принцемъ крови архимандриту Петру подаренная.

31) Си-чоу-тэ-дянь —Разговоры императора Кансія съ Іезуитами въ продолженіи путешествія.

32) Лексиконъ по выговорамъ.

33) Мунгальскія молитвы.

Въ библіотеку С.-Петербургской Духовной Академіи архим. Петръ пожертвовалъ:

1) Ми-со-дзинъ-дянь—Обряды священнослуженія христіанской религіи, 8 кн. въ 1 томѣ.

2) Янь-синъ-дзи-лео—Жизнь и дѣянія Спасителя, двѣ книги въ 1 томѣ.

3) Основанія христіанскаго ученія, богословіе на Манджур. языкѣ двѣ книги.

4) Тянь-шень-хой-но—Пространный катихизисъ 1 кн.

5) Шенъ-ши-ли-дянь—Служебникъ при исправленіи таинствъ 1 кн.

6) Тянь-джушенъ-дзіоу-жикэ—Христіанскій молитвенникъ 2 кн.

7) Щю-шо—О молитвословіи.

8) Истинное всѣхъ вещей начало на Манджурскомъ языкѣ 1 кн.

9) Опроверженіе Фоевскихъ заблужденій на Манджурскомъ яз. 1 кн.

10) Утреннія молитвы—переводъ съ Россійскаго на Китайскій о. іером. Даніила Сиволлова, что̀ нынѣ архимандритъ Московскаго Златоустовскаго монастыря, и молитвы за литургіей читаемыя, его же переводу.

11) Сань-дзы-дзинъ. Съ сей книги Китайцы начинаютъ учиться грамотѣ, 1 книжка.

12) Цянь-дзы-вэнь. Сія книжка слѣдуетъ за первою.

13) Бо-дзя-синъ. Сія за второю преподается. (По выученіи сихъ трехъ книжекъ, прямо пускаются въ необозримое море Конфуціевой философической системы, а послѣ ея въ священные Дзины).

14) Шенъ-дзинъ-гуанъ-и—Избранныя Евангелія, два тома въ кожанномъ переплетѣ".

Въ Московскій Университетъ архим. Петръ (когда-то въ 1791 году студентъ сего университета) доставилъ чрезъ М. В. Ладыженскаго «Пространнѣйшій и полнѣйшій въ 6 томахъ Китайскій лексиконъ Канси-дзы-дянь».

Кромѣ пожертвованій въ указанныя ученыя учрежденія архим. Петръ надѣлилъ книжными богатствами изъ своего собранія (но только какими — неизвѣстно) еще слѣдующія учрежденія: 1) Иркутскую семинарію, 2) Иркутскую гимназію, 3) Нерчинское Мунгальское училище и 4) С.-Петербургскую Императорскую Академію Наукъ. Объ этомъ въ его записной книжкѣ отмѣчено такъ: «Въ Иркутскую семинарію жертвуемыя мною книги отосланы, а равно и въ Нерчинское Мунгальское училище. Жертвуемыя мною книги въ Иркутскую гимназію вручены г. директору Щукину. Жертвуемыя мною книги въ С.-Пе-

тербургскую Академію Наукъ для доставленія вручены Егору Николаевичу Фусу еще въ Пекинѣ» *).

На пути слѣдованія изъ Пекина въ отечество въ 1831 году по Дауріи архим. Петръ раздалъ въ пользу кочующихъ Бурятъ на Мунгальскомъ языкѣ великой важности книгу «Непреложная истина, или состязаніе христіанина съ язычниками», также «Истинное всѣхъ вещей начало» на томъ же языкѣ, и другія полезныя книги.

Во время разбора и раздачи вывезенныхъ изъ Китая шпаргаловъ до архим. Петра стали доноситься хотя и не основательныя, но, тѣмъ не менѣе, непріятныя извѣстія. Съ одной стороны въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ по Азіятскому Департаменту остались недовольны знаніями свѣтскихъ членовъ миссіи, а съ другой—не удовлетворились экономическими отчетами по миссіи. Относительно недовольства знаніями свѣтскихъ членовъ миссіи у архимандрита Петра отмѣчено: «Никто, говорятъ клеветники, не споритъ, что миссіонеры суть люди весьма благонравные, и что даже поведеніемъ своимъ сдѣлали честь отечеству; что всѣ, сохранивъ нравственность и тѣлесное здоровье (а живя въ Китаѣ, не уловиться Китайцами есть дѣло не совсѣмъ изъ обыкновенныхъ; мои же сочлены не уловились, и не только не погибли какъ въ Вавилонѣ, но еще пріобрѣли опытность спасать другихъ), пріобрѣли важныя въ Китаѣ знакомства, полезныя для отечества и проч., но при всемъ томъ безграмотны. Какая клевета! Наши миссіонеры и за средственные въ 10 лѣтъ успѣхи предостойны не порицанія, а наградъ, ибо и средственные успѣхи достигаются чрезмѣрными трудами: отъ нихъ нельзя требовать совершенства».

Воспользовавшись приглашеніемъ на обѣдъ къ оберъ-прокурору Св. Синода, архим. Петръ захватилъ съ собою планы Пекинскихъ монастырей и письма къ нему Албазинцевъ и Голоя и заготовилъ отъ себя записку, или «Сѣтованія въ разсужденіи оклеветанія его миссіи свѣтскихъ миссіонеровъ, только по истинѣ благородныхъ». «Планы Пекинскихъ монастырей были всѣми присутствующими (на обѣдѣ) разсматриваемы, а г. оберъ-прокуроръ изъявилъ желаніе ихъ выгравировать». Пользуясь такою благосклонностію оберъ-прокурора, архим. Петръ подалъ ему тутъ же свои «Сѣтованія».

Клевета на свѣтскихъ миссіонеровъ такъ глубоко поразила архим. Петра, что онъ впалъ въ уныніе, и, чтобы разсѣяться отъ такого удручающаго состоянія, рѣшился подѣлиться своею печалію «съ благороднѣйшими и благопріятнѣйшими» своими сослуживцами М. В. Ла-

---

*) Не забыта была архим. Петромъ и Академія Художествъ: въ нее онъ пожертвовалъ нѣсколько сортовъ Китайскихъ красокъ и туши.

дыженскимъ и С. В. Липовцевымъ. «Но и у нихъ, пишетъ архим. Петръ, не нашелъ, чѣмъ бы могъ утѣшить изнывающее мое сердце. Мнѣ хочется отрѣшиться, но отовсюду встрѣчаются препоны. Хочу мира, но встрѣчаю завязку въ пренія; обстоятельства вопреки моей склонности и свойствъ ввязываютъ въ дѣла непріятностей. Упрекаютъ меня трусостію; но я бы хотѣлъ попираемъ быть ногами, нежели вооружаться преніями, и особенно идти противъ тѣхъ, кои меня осыпали благоволеніями. Я лучше упаду къ ногамъ, чтобы взяли отъ меня, что̀ мнѣ дали, и отдали тѣмъ, за коихъ я долженъ ссориться. Этого и въ моей природѣ нѣтъ, и противно правиламъ инока. Господи, разрѣши прю мою!»

Одна бѣда другую родитъ. Объ этой другой своей печали архим. Петръ пишетъ: «Услышалъ я, что отчеты, сдѣланные въ Пекинѣ, неудовлетворительны; что по какимъ-то чохамъ подпадаютъ сомнѣнія. Я истинно, какъ многогрѣшный священникъ, скажу, что если есть какая неправда, даже желаю не только на заплату всѣмъ пенсіономъ жертвовать, но и понести сверхъ того, въ примѣръ другимъ, всякое наказаніе. О. Іоакинѳъ (Бичуринъ-предмѣстникъ архим. Петра по начальствованію въ Пекинской миссіи, знаменитый синологъ и безславный судьбою) кажется хорошо отплатитъ мнѣ. Буди воля Божія! Я Его судьбою обѣщаюсь быть довольнымъ, но молю и прошу подкрѣпленія Божія. Mea unica voluptas est Domini voluntas. Какихъ я въ мірѣ почестей не сподобился? Теперь остается только умереть. In mari viximus, in portu moriamur—о семъ прошу и молю преблагаго Господа».

Среди такихъ обстояній архим. Петра посѣтилъ Балахонецъ Филаретъ Закурдаевъ, которому архим. Петръ повѣдалъ о своемъ намѣреніи удалиться на покой въ Городецкую Ѳеодоровскую обитель. Закурдаевъ отписалъ о слышанномъ къ отцу своему Ивану Яковлевичу, извѣстному возобновителю Спасской въ Балахнѣ церкви. Иванъ Яковлевичъ, состоявшій въ духовномъ родствѣ съ архимандритомъ Петромъ, сообщилъ о семъ строителю Ѳеодоровскаго монастыря Амвросію. Обрадованный такому желанному благовременно гостю, Амвросій немедленно адресовалъ къ архимандриту Петру слѣдующее письмо: «Ваше в—іе, достопочтеннѣйшій отецъ архим. Петръ! Въ письмѣ Балахонскаго обывателя, въ С.-Петербургѣ проживающаго Филарета Закурдаева, писанномъ къ родителю его Ивану Яковлевичу, къ счастію моему я увидѣлъ, что ваше в—іе имѣете намѣреніе осчастливить смиренную Городецкую Ѳеодоровскую обитель своимъ мѣстопребываніемъ. Радуюсь, радуюсь душевно и сердечно радуюсь, и молю всеблагаго Господа, да приведетъ онъ намѣреніе в—го в—ія въ

исполненіе самымъ дѣломъ. Обитель наша не богата, однако не богата и случаями, чрезъ которые бы могла повредиться нравственность христіанская. Обитель наша не богата, однако Промыслъ Божій ея не лишаетъ самонужныхъ вещей въ содержаніи. Обитель наша не богата и малозначительна въ сравненіи съ другими; однако, можно сказать, важна по древности, ибо существуетъ болѣе шести сотъ лѣтъ, и важнѣйшая по событіямъ: ибо основана великимъ княземъ Георгіемъ Всеволодовичемъ. Благовѣрный и великій князь святый Александръ Невскій, возвращаясь изъ Орды, въ оной обители воспріялъ ангельскій образъ, воспріялъ и кончину святаго житія своего временнаго. Обитель наша не только важна, но и по всему нужна существовать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ развратъ и расколъ коренное свое имѣютъ гнѣздо, раскольническую часовню и старообрядческую церковь, и стадо овецъ Христовыхъ развлекается на оба сіи предмета. Но при всемъ томъ обитель сія по недостатку своему не можетъ поддержать своего существованія: ограда, кельи и прочее строеніе монастырское пришли въ крайнюю ветхость. Обязанность моя требовала, чтобъ я взошелъ въ положеніе обители, почему и просилъ епархіальное начальство, чтобъ оно представило о недостаткахъ нашей обители куда слѣдуетъ, съ испрашиваніемъ потребной суммы на поправленіе оной, которое, принявъ во уваженіе прописанныя причины, доказывающія древность и важность монастыря и необходимость существованія его для поддержанія въ томъ мѣстѣ религіи, представляетъ Святѣйшему Синоду сдѣлать свидѣтельство монастырю и смѣту на поправку онаго, каковое представленіе скоро послано быть имѣетъ въ Свят. Синодъ. Сія причина побуждаетъ меня безпокоить ваше высокопреподобіе всепокорнѣйшею просьбою: благоволите надѣяться вашего содѣйствія предъ тѣми особами, которыя могутъ имѣть вліяніе на дѣло наше. Ваше ходатайство вознаградится ходатайствомъ Небесныя Царицы; о нашихъ же грѣшныхъ молитвахъ, которыя мы въ священную обязанность поставляемъ возносить за ваше высокопреподобіе, и упоминать не смѣю, потому что они меньше значатъ, нежели ничто въ сравненіи съ молитвами Небесныя о насъ Царицы. Сверхъ сего позвольте ваше высокопреподобіе вспомянуть и то: обители нашей существовать въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ отступленіе дѣйствуется, весьма нужно для поддержанія церкви православной, какъ и прежде мною писано было. Ваше высокопреподобіе! Прошу васъ, молю васъ! Удостойте благосклоннаго вниманія смиренную просьбу всепокорнѣйшаго вашего слуги и почитателя, недостойнаго іеромонаха и грѣшнаго строителя Амвросія. Декабря 14 дня 1832 г. Городецкая Ѳеодоровская обитель».

Подъ 6 Января 1833 года у архим. Петра отмѣчено: «Къ великому удовольствію, сего числа получилъ письмо отъ возлюбленнаго моего учителя Алексѣя Степановича Дьячкова, кой потомъ въ Нижнемъ былъ священникомъ, и наконецъ овдовѣвъ постригся съ именемъ Амвросія и управляетъ Ѳеодоровскою Городецкою обителью, куда и я намѣренъ водвориться».

Радость архим. Петра по поводу полученія любезнаго ему письма была такъ велика, что онъ едва далъ пройти праздникамъ, какъ уже вошелъ въ Свят. Синодъ всенижайшимъ прошеніемъ: «...Приблизившаяся старость моя, а съ оной и слабость здоровья, требуютъ отъ дѣлъ успокоенія. Я всенижайшій послушникъ, совершенно волю мою предая святѣйшей волѣ Святѣйшаго Синода, всенижайше прошу назначить мнѣ мѣсто, гдѣ бы я, оплакивая мои согрѣшенія, провелъ остатки дней моихъ. Нижегородской епархіи Городецкой Ѳеодоровской обители строитель, прежній мой учитель, іеромонахъ Амвросій приглашаетъ меня въ оную, и я любви исполненное его приглашеніе пріемлю за особенное счастіе. И когда воспослѣдуетъ на сіе святѣйшее соизволеніе, то всенижайше прошу для отправы туда и водворенія снабдить меня нижайшаго паспортомъ. Генваря 9 дня 1833 года».

Разсудивъ же о томъ, какъ бы Свят. Синодъ не отказалъ ему въ его просьбѣ изъ-за бѣдности Ѳеодоровской обители, архим. Петръ на другой день вошелъ въ Синодъ вторымъ (дополнительнымъ) прошеніемъ, въ которомъ писалъ: «...На сихъ дняхъ изъ предполагаемой мною для моего пребыванія Городецкой Ѳеодоровской обители, въ 45 верстахъ отъ Нижняго Новгорода отстоящей, строитель, мой бывшій учитель, престарѣлый іеромонахъ Амвросій, между прочимъ, съ радостію изъявляетъ желаніе принять меня для успокоенія моей старости въ оную. За симъ пишетъ, что обитель сія находится въ крайней ветхости, а потому епархіальное начальство, сдѣлавъ смѣту, вскорѣ не преминетъ представить въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ съ испрошеніемъ суммы на поддержаніе и поновленіе—по событіямъ своимъ, по шести-сотъ-лѣтней древности своей и по окрестнымъ обстоятельствамъ—весьма нужной обители. Я о ветхости оной, и прежде ясное уже имѣвъ понятіе, внутренно по сему предмету предполагалъ быть ей полезнымъ. Теперь неизвѣстно мнѣ, какъ велика поступитъ смѣта; а я, дабы толико убогой обители, пребываніемъ своимъ въ оной, и болѣе не причинить стѣсненія, въ теченіе 1833 и 1834 годовъ всеусердно жертвую 5000 рублей. Что же сверхъ сего по смѣтѣ окажется нужнымъ, то всенижайше прошу Святѣйшій Правительствующій Синодъ не лишить милостиваго воззрѣнія, а меня нижайшаго для отправы туда и водворе-

нія въ оную обитель снабдить Свят. Синода указомъ. А поелику подлинное письмо онаго строителя содержитъ историческія свѣдѣнія, то я всенижайшій послушникъ при семъ прилагаю. Генв. 10 дня 1833 г.»

Исполняя просьбу своего возлюбленнаго учителя, архимандритъ Петръ нарочито былъ у митроп. Московскаго Филарета и «просилъ его милостиво воззрѣть на совершенную обветшалость Городецкой Ѳеодоровской обители чрезъ показаніе письма тоя обители строителя Амвросія».

Подъ 11 Марта 1833 года у архим. Петра отмѣчено: «Членъ Свят. Синода преосвященнѣйшій митрополитъ Іона, всегда являющій мнѣ недостойному грѣшнику архипастырское благоволеніе, послѣ всенощной, во изъявленіе особеннаго благоволенія при взятіи отъ него благословенія, удержавъ мою руку, пожелалъ благополучной отправы въ преднамѣреваемую мною Городецкую Ѳеодоровскую обитель. Я успѣлъ на сіе сказать, что я прошеніемъ просилъ Свят. Синодъ о семъ. Изъ сего его высокопреосвященства привѣтствія видно, что о семъ нынѣ было трактовано. Потомъ подошелъ я принять благословеніе преосвященнѣйшаго Смарагда, который благоволилъ сказать: «Не спѣшите, съ нами отпразднуемъ Пасху», чрезъ что также подтвердилось, что мое увольненіе въ Свят. Синодѣ утверждено».

Подъ 21 Марта записано слѣдующее: «Вчера по вечеру изъ канцеляріи Свят. Синода полученъ паспортъ до предназначеннаго мнѣ на житье Нижегородской епархіи Городецкаго Ѳеодоровскаго монастыря». И далѣе: «Послѣдняя разстаня съ Петербургскими разныхъ сословій и степеней бывшими начальниками, сослуживцами, благотворителями, сотрудниками и добрыми друзьями причинитъ мнѣ немало хлопотъ. Долгъ требуетъ со всѣми видѣться и, какъ говорится, проститься. Съ преподобнымъ преподобенъ будеши, и съ мужемъ неповиннымъ неповиненъ будеши. Но всякъ, иже оставитъ домъ, или братію, или сестры, или отца, или матерь имени Моего ради, сторицею пріиметъ, глаголетъ Господь».

Несмотря на полученіе паспорта, архим. Петръ оставался въ Петербургѣ еще около двухъ мѣсяцевъ, и двинулся изъ него только 18 Мая. Видимо, архимандритъ Петръ за это время старался, хотя и безуспѣшно, уладить тѣ непріятности, какія были навлечены на его подчиненныхъ «клеветниками», а на него самого—«домашними врагами». Подъ 30 Апрѣля у него записано: «Не взирая на непріятныя обстоятельства, постараюсь съ помощію Божіею отъ сюда изъ С.-Петербурга выѣхать въ Москву. Помоги Господи! Непріятно смотрѣть на слезы моихъ подчиненныхъ—вотъ моя печаль!» А предъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга онъ отмѣтилъ въ своей тетради: «Я отъѣзжаю

изъ сего мѣста пораженный сокрушеніемъ, по причинѣ оклеветанія добрыхъ моихъ подчиненныхъ и по истинѣ рѣдкихъ сыновъ отечества. Богъ по благости Своей да разсудитъ прю сію и помилуетъ насъ. Одни мудрые въ свое время поймутъ сіи приключенія».

Разстанія и прощанія архимандрита Петра начались съ 7 Мая и продолжались по самый день отъѣзда. Посѣщали и его въ Лаврской кельѣ, гдѣ онъ «постарчески» угощалъ посѣтителей, перебывалъ и самъ «у всѣхъ», угощаясь «у избранныхъ» зваными обѣдами. Съ особенною любовію онъ отмѣчаетъ прощаніе съ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири Петромъ Михайловичемъ Капцевичемъ, который 13 Мая устроилъ для него нарочитый обѣдъ и подарилъ двумя полотенцами, и особенно «съ достопочтеннѣйшимъ домомъ кабинетскаго правителя канцеляріи Е. Н. Лебедева и друзьями его дома: незабвеннымъ Ф. Ф. Измайловымъ и прочими. «Это ангели, а не простые, кажется, люди», замѣчаетъ аримандритъ Петръ.

Угостивши лаврскую братію и простившись съ лаврскими чинами, архим. Петръ въ купленной за 450 рублей коляскѣ, по молитвѣ къ Богу, отправился 18 Мая въ путь по Московской дорогѣ. Въ Москвѣ пробылъ онъ болѣе мѣсяца. Московскій митрополитъ Филаретъ оказалъ ему, «недостойнѣйшему послушнику, многія милости и крайнее благоволеніе».

Къ Августу онъ прибылъ на мѣсто своего покоя и водворися ту. Ту и приложися ко отцемъ.

Живя на покоѣ, архим. Петръ удостоился еще одной высочайшей милости: ему 29 Іюня 1834 года пожалованъ былъ бриліантовый перстень въ 3000 рублей, который онъ употребилъ на украшеніе призрѣвшей его обители.

Аполлонъ Можаровскій.

Приложенія.

Ко времени пребыванія архимандрита Петра въ Петербургѣ по возвращеніи изъ Пекина относятся слѣдующее письмо его къ князю А. Н. Голицину, а также и письмо къ архимандриту Петру статсъ-секретаря Н. М. Лонгинова.

1) Сіятельнѣйшій князь, м. г.!

Китайскій языкъ есть сильный губитель человѣческихъ и дарованій и даже пріобрѣтенныхъ знаній. Я, болѣе сорока лѣтъ имъ занимавшись, убилъ, такъ сказать, и дарованія мои, и посильныя знанія, а отнюдь ни въ какой части не усовершился. При таковой тупости моей, я, сидя въ глубокомъ уединеніи, ни къ кому изъ важныхъ особъ, подобныхъ вамъ, писать не дерзаю; но писать къ вашему сіятельству, къ моему дѣйствительному чрезъ всю почти жизнь и начальнику, и

покровителю, по истинѣ исключительная нѣкая обязанность благодарности заставляетъ. Письмоподатель жалуется на обстоятельства. Ваше сіятельство любите отирать слезы. Продлите къ нему милости, кои хвалятся на судѣ. А я, въ засвидѣтельствованіе моей благодарности, осмѣливаюсь послать къ вашему сіятельству на Китайскомъ языкѣ Псалтирь съ краткимъ толкованіемъ.

2) По пріемлемому в. в. участію во всеподданнѣйшемъ прошеніи окончившихъ курсъ наукъ въ Пензенской Духовной Семинаріи Ивана Лентовскаго и Ивана Дроздова о доставленіи имъ возможности вступить въ Институтъ Корпуса Путей Сообщенія, имѣю честь увѣдомить ваше высокопреподобіе, что я имѣлъ счастіе представлять оное на высочайшее воззрѣніе. Государь Императоръ на докладной по сему запискѣ собственноручно написать изволилъ: «Должно обратить куда слѣдуетъ по начальству, которое должно знать, могутъ ли быть приняты». Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч. Лонгиновъ. № 4627, Ноября 29 дня 1832 года.

*

Напутствуемый предъ отъѣздомъ въ Китай въ 1819 году отъ Благословеннаго Александра упованіемъ на Господа, архим. Петръ по возвращеніи изъ Пекина въ 1831 году узрѣлъ уже предъ императорскимъ дворцомъ во всемъ благочестивомъ величіи Монферанову колонну. «Я убогій инокъ, пишетъ онъ, съ сердечнымъ умиленіемъ взирая на воздвигнутый въ память безпримѣрныхъ, безсмертныхъ добродѣтелей возлюбленнаго не своимъ только народомъ, но народами всея вселенныя благочестивѣйшаго царя нашего Александра Павловича памятникъ, и прослезился, и умилился. Прослезился, ибо его величества лишился; умилился, видя увѣковѣченіе въ памятникѣ».

ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНІЙ А. С. ГАНГЕБЛОВА.

Въ интересной біографической статьѣ А. С. Гангеблова, въ шестой книжкѣ Русскаго Архива, нынѣшняго года, на страницѣ 188, помѣщенъ разсказъ о томъ, какъ встрѣчалъ, въ *Бѣжаницахъ*, Измайловскій полкъ императора Александра Перваго.

Не есть ли тутъ ошибка почтеннаго автора, которому память могла измѣнить, и не слѣдуетъ ли читать въ *Бѣшенковичахъ*, вмѣсто *Бѣжаницахъ*, о каковомъ мѣстѣ никогда не приходилось намъ слышать?

Предположеніе это подкрѣпляется тѣмъ, что далѣе, на стр. 189, говорится о поѣздкѣ автора въ *Сѣнно*, гдѣ былъ штабъ полка. Городъ *Сѣнно* (уѣздный, Могилевской губерніи) дѣйствительно находится въ 30-ти верстномъ разстояніи отъ *Бѣшенковичей.*

Далѣе, на стр. 191, говорится о маневрахъ въ Бѣлоруссіи и описывается обѣдъ, который былъ данъ гвардіей государю Александру Павловичу. Такой обѣдъ дѣйствительно состоялся въ Сентябрѣ 1821 года въ Бѣшенковичахъ, гдѣ Государь съ великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Павловичами прожилъ нѣсколько дней въ гостяхъ у графа Иренея Ефимовича Хрептовича.

Маневры гвардіи также происходили въ Бѣшенковичахъ и ближайшихъ окрестностяхъ. Память о нихъ еще очень жива, и воспоминаніемъ о нихъ могутъ служить земляныя укрѣпленія, тогда возведенныя въ безлѣсной мѣстности, а нынѣ покрытыя полувѣковымъ сосновымъ лѣсомъ.

Мѣсто же, гдѣ происходилъ обѣдъ гвардіи, данный Государю, хорошо извѣстно жителямъ. Графъ И. Е. Хрептовичъ посадилъ березовую рощу тамъ, гдѣ стояли столы офицеровъ (эта роща имѣетъ до сихъ поръ правильную овальную форму), а тамъ, гдѣ сидѣлъ Государь, былъ поставленъ каменный памятникъ въ видѣ столба съ военными трофеями и надписью на Латинскомъ языкѣ, посвященною Государю. Вотъ эта надпись:

Alexandro I, Pio, Augusto, cum suis legionibus in hoc loco commoranti. Septembri dies XXIII A. D. 1821, H. M. Ireneus comes Chreptowitch posuit.

Памятникъ этотъ съ теченіемъ времени и при небытности здѣсь владѣльца имѣнія пострадалъ (говорятъ, особенно во время Польскаго послѣдняго „повстанія"), такъ что оставалась одна развалина и безъ надписи. Въ настоящее время онъ исправленъ и вѣроятно будетъ возобновленъ въ первоначальномъ видѣ и съ переводомъ Латинской надписи на Русскій языкъ.

К. Б.

КЪ БІОГРАФІИ В. М. УНДОЛЬСКАГО.

Записка его матери.

Въ 6-й книжкѣ Р. Архива нынѣшняго года помѣщены письма В. М. Ундольскаго къ А. Н. Попову, обновившія память объ этомъ достопочтенномъ человѣкѣ, который въ бѣдной долѣ, со средствами самыми скудными, умѣлъ оказать великія услуги дѣлу Русскаго историческаго самосознанія. Это былъ не только трудолюбивѣйшій собиратель древнихъ рукописей, но и опытный изслѣдователь ихъ, вносившій живой смыслъ и здравую толковитость въ самыя, повидимому, мелочныя архивныя разысканія. Мы виноваты передъ читателями, не обративъ ихъ вниманія на нѣкоторыя данныя къ біографіи Ундольскаго, находящіяся въ статьѣ Н. П. Барсукова: „Русскіе Палеологи", въ „Древней и Новой Россіи" 1880 года. Имя Ундольскаго — отъ извѣстнаго Суворовскаго села (нынѣ желѣзнодорожной станціи) Ундолъ Владимирской губерніи. Отецъ Ундольскаго былъ тамъ причетникомъ. Старушка-мать пережила своего сына и по кончинѣ его написала слѣдующія строки, любезно выписанныя для насъ изъ рукописей Московскаго Румянцовскаго Музея. П. Б.

Благослови Господи записать послѣдствіе моего милаго сына, Вукола Михайловича. Родился онъ тридцатое Января 1816 года. Какъ онъ сталъ рости съ особенными понятіями, какъ у прочихъ моихъ дѣтей (девяти мѣсяцевъ говорить сталъ хорошо): вижу я, что въ немъ будутъ понятія. Какъ будучи ему мать, стала внушать страхъ Божій ему и толковать о законѣ Господнемъ, чтò я по своимъ мѣрамъ знаю. Я только учила Часовникъ и Псалтырь, тому же и его учила; разказовъ и басенъ никогда ему не внушала. Учить стала его грамотѣ, не было ему трехъ лѣтъ, съ 22-го Октября; а ему три-тѣ года 30 Января. Молебенъ отслужила Казанской Божіей Матери, священникъ на голову младенца эпитрахиль положилъ и прочиталъ молитву къ начатію ученія и меня благословилъ къ начатію дѣла. Благословясь, начала учить его церковную азбуку, Часовникъ и Псалтырь; въ зиму-ту выучилъ Часовникъ-отъ и Псалтырь-ту; Великій постъ сталъ отца просить, чтобъ ему позволили на крылосѣ часы читать. Отецъ сказалъ попу; священникъ позволилъ: «пусть читаетъ, ежели можетъ». Мой ребенокъ обрадѣлъ этому, что ему позволили въ церкви читать, чтó голубокъ маленькій; все въ церковь бѣжитъ. У насъ въ Ундолѣ всякой день обѣдня; не услышишь, когда онъ уйдетъ къ заутренѣ и обѣдню отстоитъ. Придетъ отъ обѣдни, спрошу его: «Вуколушко, чтó же ты отъ заутрени-то домой-ту не пришелъ?» — Я тамъ книги перебиралъ. Отъ обѣдни все какую-нибудь книжку несетъ читать; я и спрошу: «Вуколушко, спросясь ли ты книги берешь?» Скажетъ: «мнѣ кресной даетъ». Кресной діаконъ ему былъ. Все бы онъ перебиралъ книги и толковалъ бы; игрушками никакими не занимался. Сталъ рости годъ за годъ: все старается больше узнать

отъ Священнаго Писанія, все читаетъ книги. Тутъ охота сдѣлалась ноту учиться пѣть; отецъ купилъ нотную азбуку, пропѣлъ и растолковалъ ему. Мой ребенокъ въ кою пору понялъ; голосъ у него былъ способный. «Вотъ какъ, мамонька, я и ноту-ту понимаю, пѣть-то».— «Ну, слава Богу, милый сынъ». Библію читаетъ, уставъ церковный толкуетъ; это все онъ зналъ до восьми лѣтъ; и Латинскую азбуку выучилъ. Восемь лѣтъ ему минуло 6-го Февраля *). Сентября 2-го принятъ въ Семинарію на девятомъ году. Учился съ 1-го класса и нигдѣ не былъ оставленъ и во всякомъ классѣ награжденъ былъ до богословскаго класса. Въ пищѣ воздержаніе имѣлъ съ-издѣтства. Вотъ и богословской курсъ; въ богословскомъ-то классѣ учился, купили мы ему сюртучокъ, шибко небогатой, по своей бѣдности, на толкучкѣ. Вздумалъ нашъ милый сынъ идти въ Академію, а одѣться не во что. Къ 6-му Августа изготовился ко святому причастію и рѣчь говорилъ съ текста Евангелія на Преображеніе Господне; послѣ обѣдни пообѣдали, и сталъ нашъ милый сынъ говорить: «Благословите меня, тятенька и мамонька: я пойду въ Лавру къ Сергію Чудотворцу; авось, онъ меня не приметъ-ли подъ свой кровъ». Положила я ему сухариковъ на дорогу въ сумочку и пятнадцать гривенниковъ мѣди денегъ: больше взять негдѣ. Вотъ нашъ милый сынъ сталъ одѣваться и свой халатъ самотканный надѣвать; все плачетъ неутѣшно. Помолился Богу, поклонился въ ноги отцу и мнѣ. «Прощайте, сказалъ, тятенька и мамонька; молитесь за меня Богу и Сергію Чудотворцу; авось, онъ меня не оставитъ». Вотъ и пошелъ пѣшечкомъ нашъ голубокъ. Въ чемъ пошелъ? и что́ понесъ? и куда придетъ? нѣтъ ни друга, ни пріятеля. Вотъ недѣля проходитъ, и мѣсяцъ дошелъ; отъ него нѣтъ вѣсти, что̀ съ нимъ дѣлается. Богъ только знаетъ. Дождались вѣсти отъ милаго сына, письмо получили 30-го Сентября. Вотъ пишетъ намъ милый сынъ: «Тятенька и мамонька! Слава Богу, меня приняли въ Академію; только мнѣ въ классъ ходить не въ чемъ. Нельзя ли мнѣ на сюртукъ помочь какъ-нибудь?» Вотъ нечего дѣлать, негдѣ взять; послѣднюю коровушку продали и ему послали. А дома осталось имѣнія только одни дѣти: двое въ Семинаріи, а трое дома. Изъ Академіи-то пріѣзжалъ къ намъ на Рождество, на Христовъ день и на вакацію. Двухъ-то лѣтъ онъ не прожилъ въ Лаврѣ-то, а мы и уѣхали въ Сибирь-ту. Да шестнадцать лѣтъ на семнадцатомъ году къ намъ пріѣхалъ побывать-то, до смерти-то его еще десять лѣтъ было: все не видались. Ну, такъ Богу угодно-то! Богъ вѣку-то не продлилъ.

Писано 20-го Декабря 1866 года.

---

*) 6-е Февраля были его имянины. П. Б.

ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1886 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ).

Русскій Архивъ, историческое изданіе, посвященное преимущественно всестороннему изученію Россіи въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, выходитъ въ 1886 году **двѣнадцать разъ** въ годъ книжками отъ 7 до 10 листовъ каждая.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1886 году съ пересылкою и доставкою на домъ — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ Русскаго Архива, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" 1884 и 1885 получаются въ Москвѣ, въ Главной Конторѣ, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 (съ двумя книжками „Сѣверныхъ Цвѣтовъ)" по 8 рублей. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива" вышли изъ обыкновенной продажи и пріобрѣтаются по возвышенной цѣнѣ.

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.